

**ХРУЩЕВСКАЯ
«ОТТЕПЕЛЬ»**

**Александр
Пыжиков**

АРХИВ

АРХИВ

**Александр
Пыжиков**

**ХРУЩЕВСКАЯ
«ОТТЕПЕЛЬ»**

1953—1964

СЕРИЯ «АРХИВ»

Александр Пыжиков

ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2002

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63
П 94

Исключительное право публикации книги А. Пыжикова «Хрущевская „оттепель“» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения или его части без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Разработка оформления серии
Петра Волкова

Пыжиков А. В.

П 94 Хрущевская «оттепель». — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 511 с.: ил. — (Архив)
ISBN 5-224-03356-X

«Оттепель»... Именно так характеризуется этап развития нашей страны, связанный с именем Н. С. Хрущева. Это время всегда привлекало особое внимание специалистов-историков. Оценка данного периода отечественной истории сегодня во многом базируется на трудах исследователей и публицистов конца 80-х, начала 90-х годов XX века. Насколько соответствуют взгляды этих лет объективным процессам, происходившим в первое после-сталинское десятилетие? Правильно ли мы понимаем значение и место хрущевских реформ в нашей стране?

В данной книге представлена попытка ответить на эти вопросы.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63

ВВЕДЕНИЕ

Период 50-х—первой половины 60-х годов является исключительно важным в отечественной истории, существенно повлиявшим на дальнейшее развитие государства и общества. Смерть И. В. Сталина, критика «культ личности и его последствий» оказали огромное влияние на советскую политическую систему и общественную жизнь. Однако начатый тогда процесс либерализации режима не получил должной поддержки ни общества, ни элиты. Открытое, на грани войны противостояние с Западом хоть и смягчилось в известной степени, но международная разрядка не стала определяющей, оравлялась рецидивами дипломатической и даже военной напряженности.

Все более и более давали о себе знать сложности в отношениях с союзниками внутри социалистического лагеря. Экономика продолжала развиваться неравномерно и экстенсивно, попытки ее реформировать носили сугубо административный характер и мало способствовали повышению эффективности. Положительные изменения в социальной сфере ограничивались только городской частью населения страны и не очень-то существенно затронули его сельскую половину. Прекращение массовых репрессий способствовало известной стабилизации в обществе, но самим общественным мнением по-прежнему пренебрегали, не покончено было с попранием многих прав человека. Власть оставалась в руках партийного аппарата и силовых структур. Проявились и новые негативные явления, такие как «субъективизм» и «волюнтаризм».

Многосложный процесс развития советского общества на данном этапе отечественной истории получил неоднозначное, подчас противоречивое отображение в научных трудах, публицистике, литературе и искусстве. В отечественной историографии взятый для исследования период рассматривается и оценивается различно. Наряду с новыми оценками и подходами в освещении фактического массива нередко стереотипы, догматиче-

ские, конъюнктурные подходы. Историческая наука рассматриваемого периода была подвержена апологетике и комментаторству. Вплоть до октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС период, связанный с деятельностью Н. С. Хрущева на посту первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, показывался исключительно в позитивных тонах; более того, период 1953—1964 годов в исторических работах именовался «великим десятилетием». Различные аспекты преобразований, иницилируемых Хрущевым, подавались как блестящие разработки, правота которых подтверждена жизнью¹.

После удаления Н. С. Хрущева с политической арены в историко-партийных исследованиях были предприняты попытки избавиться от этих конъюнктурных наслоений. Но уже тогда начали действовать факторы, которые особенно негативно сказались на развитии исторической науки в 70-е и в первой половине 80-х годов. После восторженных работ 50-х и начала 60-х годов период 1953—1964 годов практически выпал из сферы внимания отечественных исследователей, что было обусловлено политикой замалчивания личности Н. С. Хрущева, проводившейся вплоть до середины 80-х годов. В результате ряд сложных проблем, и, в первую очередь, характеристика периода в целом, оказались по существу вне поля зрения историков. Это относится к исследованию таких вопросов, как функционирование политической системы, внутрипартийная борьба, механизмы принятия решений. Одной из причин отсутствия анализа многих проблем, связанных с периодом деятельности Хрущева, явилось утвердившееся с середины 60-х годов мнение, что все необходимые оценки уже даны октябрьским (1964 г.) пленумом ЦК КПСС. От ученых требовалось не заострять внимание на допущавшихся в разное время ошибках и недостатках.

В отличие от советской историографии конца 60-х и первой половины 80-х годов, практически устранившейся от активной разработки хрущевского периода, на Западе осуществлялось полнокровное исследование этого важнейшего исторического этапа в жизни СССР. Был создан большой массив литературы, где анализировались самые различные стороны функционирования советской системы². Труды зарубежных исследователей характеризовались тогда как историческое фальсификаторство. Их подходы и теории следовало «разоблачать». Отношение к работам западных советологов зависело от степени приближенности их выводов к утвердившимся в советской историографии оценкам явлений и событий. Однако нам представляется, что вклад зарубежных исследователей в изучение хрущевского периода весьма ценен. Многие наработки, сделанные советологами, явились серьезным подспорьем для отечественных ученых в конце 80-х годов, когда началось переосмысление пройденного историче-

ского пути, освобождение от жесткой идеологической зашоренности.

Фактическое замалчивание деятельности Н. С. Хрущева сменилось безудержной апологетикой, на фоне которой попытки взглянуть на годы его правления и оценить их как-то иначе мало кто услышал. Лишь в последнее время стали проявляться попытки более взвешенно и сбалансировано взглянуть на советскую историю 50-х и 60-х годов, хотя и теперь в научной литературе, а особенно в средствах массовой информации, можно встретить массу самых разнообразных политических спекуляций на нашем недавнем прошлом.

Вот почему так необходимы исследования, которые, учитывая различное отношение к историческим фактам, событиям, явлениям, в то же время опирались бы на более широкую источниковую базу, а главное — позволяли бы сделать более объективные, непредвзятые, неполитизированные выводы.

Современный этап развития исторической науки характеризуется отказом от многих стереотипов. Надо отдать должное ученым, которые обратились к методологическим проблемам, оценили значение исторической науки для современности, подчеркнули ответственность за достоверное «внепартийное» освещение истории.

Ученый-историк призван судить о прошлом и с высоты нынешних знаний, и с учетом конкретно-исторических условий, обстоятельств, возможностей тех времен. Однако некоторые разработки рубежа 80—90-х годов характеризовались увлечением крайностями. Особенно распространено было фронтальное очернительство всего и вся, что было в официальной советской исторической науке, и чрезмерная идеализация и возвеличивание мнений тех, кто не был с нею связан. Нельзя не заметить и другого: отечественной публицистике стало свойственно воспринимать все, что выходило из-под пера западных советологов, как более верное по сравнению с оценками отечественной историографии.

В современной исторической науке наибольшее внимание уделяется анализу XX съезда КПСС, его решениям, значению доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на закрытом заседании. Некоторые авторы выявляют влияние идей съезда на развитие общественно-политической жизни в Советском Союзе в первые послесталинские годы и в последующий период. Их работы содержат богатый материал о том, как готовился съезд, кому принадлежала инициатива в постановке вопроса о культе личности Сталина, о подходе к этой проблеме бывшего сталинского окружения³.

Ученые исследуют разноплановую деятельность Н. С. Хрущева на протяжении тех десяти лет, в течение которых он определял

направление развития партии, государства и общества. Но помимо этого Хрущев интересен для исследования в силу специфических особенностей своего характера, сказывавшихся на его деятельности. Ученые (причем не только историки) рассуждают как о причинах его взлета в достаточно сложных условиях борьбы за власть, так и падения после казалось бы существенных изменений в развитии общества. При этом они стремятся проанализировать и оценить проводившиеся тогда реформы в экономике, государственном управлении, во внутрипартийной жизни, в общественно-политической системе, оценить их позитивные и негативные последствия⁴. Почему «великое десятилетие» не стало великим в жизни советского народа — этот вопрос также исследуется учеными-историками. Сегодня об этом периоде известно многое⁵. Но вместе с тем осталось немало вопросов, имеющих общеполитическое значение и требующих извлечения исторических уроков.

В литературе, изучающей политический режим, сложившийся в 50—60-х годах XX столетия в Советском Союзе, констатируется, что, оставаясь в своей основе неизменной, советская политическая система все же претерпела существенные изменения. После смерти Сталина и последовавшей вскоре официальной критики культа личности, признания недопустимости нарушения социалистической законности реально возникла возможность модернизации, реорганизации, реформирования общественно-политической системы, расширения подлинной демократии.

В самостоятельную группу следует отнести научные и общественно-политические работы, где исследуется хрущевская «оттепель» в сфере литературы и искусства, личная позиция Н. С. Хрущева по отношению к художественной интеллигенции и ее восприятие в обществе. Ведь наиболее предметно негативные явления в жизни советского общества в конце 50-х — начале 60-х годов раскрывались в произведениях писателей и поэтов. В определенной мере можно сказать, что многие литературные произведения несли существенную общественно-историческую нагрузку⁶.

Важное значение имеет и мемуарная литература. Мемуары по своему смыслу в той или иной степени субъективны. Но воспоминания участников исторического периода позволяют проникнуть «за кулисы», «во внутрь» исторических событий, узнать много нового и ценного. В числе мемуаристов политические, партийные, государственные, хозяйственные деятели советского государства, представители творческой интеллигенции. Для понимания исторических событий особенно ценен взгляд непосредственных их участников, записи дневникового характера, в которых отражается сиюминутная оценка исторического факта, события, явления. По указанной нами теме много воспоминаний представлено в форме статей, интервью в периодике⁷.

Давно уже стали объектом пристального внимания историков, в том числе и российских, такие социально-психологические аспекты нашего политического прошлого, как отношения между народом и властью, обществом и государством, реагирование «низов» на те или иные шаги «верхов». Но серьезно изучать и обсуждать проблемы взаимоотношений между народом и его элитой, между массами и лидерами для российских ученых в силу ряда причин стало возможным только недавно. И тем не менее уже появились исследования человеческого фактора в социально-экономическом и общественно-политическом развитии СССР. Объектом внимания историков стали разрушение, восстановление и новое крушение имперского менталитета, социально-психологические предпосылки культа личности Сталина, раздвоение массового сознания и поведения советских граждан, коллективное оглушение и индивидуальное неприятие режима, внутреннее сопротивление ему.

Анализ историографической литературы позволяет изложить ряд принципиальных соображений. Наиболее активное внимание историков привлекло разоблачение культа личности Сталина. Однако исследовательский интерес сосредоточивался, как правило, на отдельных узловых моментах этой политики: XX съезде партии, июльском (1953 г.) и июньском (1957 г.) пленумах ЦК КПСС, событиях начала марта 1953 года. Целостной картины, позволяющей со всей полнотой выявить и проследить зигзаги демонтажа сталинского культа, составлено не было. Очевидно, что комплексная разработка этого вопроса даст более точное представление о характере преодоления последствий культа личности.

Важное значение имеет вовлечение в сферу научного анализа крупных вопросов реформирования, инициированных КПСС, и их влияния на состояние общественного организма. Не обходят вниманием современные историки и проблемы внутрипартийной борьбы в 1953—1964 годах. На серьезной источниковой базе подробно проанализирована борьба Хрущева со своими политическими противниками за единоличное лидерство. Однако этот процесс зачастую рассматривается как бы сам по себе, вне исследований остаются проблемы столкновения разных подходов к организации властных структур, предлагавшихся Берией, Маленковым, Хрущевым. В этой связи эффективным представляется взгляд на уже известные события и факты внутрипартийной борьбы с позиций определенных конструкций власти. Это позволит по-новому взглянуть на известные тенденции общественной жизни тех лет.

Историки только приступили к серьезному изучению такой важной темы, как восприятие широкими слоями советского общества курса на разоблачение культа личности Сталина. В пос-

ледние годы сделаны первые шаги в данном направлении. Эта работа связана с привлечением нового архивного материала, сведением его воедино для создания целостной картины и анализа общественных настроений в период хрущевской «оттепели».

Большой научно-практический интерес представляет анализ различных аспектов темы перестройки правоохранительной системы в постсталинском обществе, придания ей более цивилизованного «лица». Это тем более необходимо на фоне огромного количества работ, рассматривающих тему сталинских преступлений, процессы реабилитации жертв массовых репрессий. Пока что этим вопросам уделяется гораздо меньше внимания.

Важное значение имеет взгляд на огромный научно-историографический материал с точки зрения источниковой базы. Именно ее развитость, развернутость в значительной мере определяет качественный уровень того или иного исследования. По источниковедческому критерию всю обозначенную в обзоре историографию можно разделить на два периода. Первый хронологически относится к концу 80-х — началу 90-х годов. Большое количество созданной тогда литературы опиралось в основном на источники мемуарного характера (в том числе и диссидентские), которые стали обильно появляться именно в этот период, а также мнения ученых западных исторических школ, начавших все чаще публиковаться в отечественных средствах массовой информации. В то же время научные труды тех лет характеризуются очень ограниченной архивной базой, что объяснимо закрытостью архивных учреждений, крайне ограниченным доступом в них.

Коренные изменения общественной обстановки в стране после 1991 года открыли новый этап в изучении политической истории СССР в целом, и 50—60-х годов в частности. Введение в активный научный оборот огромной массы архивных документов, ставших доступными, объективно повышало уровень проводимых исторических исследований. Привлечение большого архивного материала характеризует работы ведущих российских ученых, занимавшихся проблематикой того периода, таких как Р. Пихоя, А. Данилов, Ю. Аксютин, Е. Зубкова.

Появление новых исследовательских трудов по политической истории связано с дальнейшим расширением и осмыслением источниковой базы, что определяется особой актуальностью ее использования. Данная работа, как и всякое конкретно-историческое исследование, могла появиться, прежде всего, благодаря доступности достаточного для рассмотрения проблемы комплекса источников. В первую очередь следует сказать об опубликованных и достаточно известных в кругах специалистов материалах, которые можно квалифицировать как опорные в изучении политической истории 50-60-х годов. Это изданные стенографиче-

ские отчеты XIX, XX, XXI, XXII, XXIII съездов КПСС, заседания сессий Верховного Совета СССР, а также различные решения партии, правительства, общественных организаций (профсоюзов, комсомола), включенные в многочисленные сборники: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» (тома 8—10), «Справочник партийного работника» (выпуски 1—6).

В 90-е годы было опубликовано большое количество новых архивных документов, так или иначе касающихся общественно-политической истории 50—60-х годов. Среди них необходимо выделить публикации стенограмм июльского (1953 г.) и июньского (1957 г.) пленумов ЦК КПСС, имевших судьбоносное значение для развития советской политической системы⁸. Огромную практическую ценность имели материалы, опубликованные в таких изданиях, как «Известия ЦК КПСС», выходивших с 1989 по 1991 годы. На их страницах размещались интересные документальные свидетельства той эпохи: доклад Н. С. Хрущева о культе личности и его последствиях на XX съезде КПСС, что стало крупным и долгожданным событием в исторической науке⁹, стенограммы различных заседаний ЦК КПСС (идеологической комиссии Центрального Комитета, действовавшей в 60-х годах), материалы по «ленинградскому делу», письма общественных деятелей в ЦК партии и др. Эстафету «Известий ЦК КПСС» в полной мере продолжил журнал «Источник», публиковавший, например, Протокол совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1953 года. Этот документ позволил историкам внести значительную ясность в ход передела власти в момент сталинской кончины и первоначальную расстановку сил в борьбе за его политическое наследство¹⁰.

Несмотря на важность таких изданий, они, конечно, не могут заменить исследования архивных фондов высших органов партийно-государственной власти, значительная часть которых также стала доступной с начала 90-х годов. Первостепенное значение среди этих документов имеют стенографические отчеты заседаний пленумов ЦК КПСС, состоявшихся в 1953—1964 годах. Они находятся в РГНИ — Российском государственном архиве новейшей истории (Фонд 2. Опись 1). За это время состоялось в общей сложности 29 пленумов Центрального Комитета¹¹. Их изучение имеет неоценимое значение для определения всей канвы политической жизни тех лет, позволяя осмыслить позиции основных сил и группировок на вершине властной иерархии СССР. Особенно это относится к периоду 1953—1957 годов, когда на заседаниях пленумов развертывалась жесткая внутрипартийная борьба, первенство в которой одержал Н. С. Хрущев. На наш взгляд, эти материалы как источник все

еще недостаточно проработаны, а главное освоены исследователями, тогда как они существенно дополняют картину ключевых политических битв первого секретаря ЦК КПСС против Берии (июль 1953 г.), антипартийной группы (июнь 1957 г.), и министра обороны Г. К. Жукова (октябрь 1957 г.).

Не меньший интерес представляют материалы заседаний Президиума, Секретариата Центрального Комитета КПСС. Потенциальная ценность этих документов сегодня ощущается особенно остро. Они составляют значительную часть Президентского архива (Фонд 3 Политбюро ЦК) и РГАНИ (Фонд 4 Секретариата ЦК). В архиве Президента Российской Федерации (АПРФ) находится фонд Н. С. Хрущева, в котором сосредоточены материалы, отражающие деятельность первого секретаря Центрального Комитета КПСС (Фонд 52. Опись 1). Особую ценность представляют выступления Н. С. Хрущева на заседаниях Президиума ЦК КПСС, его записки по различным вопросам политической и экономической жизни.

Огромный архивный раздел составляют стенограммы пленумов, конференций местных партийных организаций, ЦК союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС. Эти документы за 50—60-е годы сконцентрированы в бывшем Центральном партийном архиве — ныне Российском государственном архиве социально-политической истории — РГАСПИ (Фонд 17. Описи 53, 89, 90, 93, 94). Они представляют интерес, прежде всего, с позиций выявления отношения местных властей к тем или иным решениям центра, реакции на различные крупные события в партийно-государственной жизни страны. Надо сказать, что данные материалы дополняют и проясняют многие детали, ту атмосферу, в которой проходили заседания пленумов ЦК КПСС. Руководители местных партийных комитетов после визитов в Москву, выступая в своих регионах, воспроизводили немало интересных неформальных обстоятельств, нюансов, прошедших вне общей стенограммы и не предназначенных для нее. Кроме того, привлечение документов ряда республиканских и областных парторганизаций преследует цель ознакомиться с обстановкой на местах, соотнести ее с выдвигаемыми центром проектами и программами.

В плане осознания и комплексного представления о состоянии функционирования в СССР партийно-государственной системы неоценимое значение имеют протоколы заседаний Бюро ЦК КПСС по РСФСР (РГАНИ. Фонд 556. Описи 13, 14). Этот орган, созданный по решению XX съезда КПСС, являлся фактически мини-Президиумом ЦК. В него входили ряд секретарей ЦК и глав крупнейших областных партийных комитетов России — Горьковский, Свердловский, Ленинградский и др. Протоколы Бюро представляют собой машинописные брошюры боль-

шого формата, каждая из которых содержит протокол одного заседания, присоединенные к нему решения и другие сведения (кто присутствовал, фамилии участников обсуждения того или иного вопроса). Не менее важно и другое преимущество фонда: к каждому заседанию Бюро ЦК по РСФСР прилагаются подготовительные материалы, содержащие огромную фактурную массу по самым различным направлениям деятельности этого партийного органа. Их изучение позволяет лучше понять внутренний организм власти, механизмы принятия решений, выявить предпочтения тех или иных вопросов с точки зрения их важности для партийно-государственной системы.

Большое место в освещении общественно-политического реформирования советского общества в 50—60-е годы занимает использование материалов соответствующих отделов ЦК КПСС и Бюро ЦК по РСФСР, занимавшихся политико-идеологической проблематикой. Много документов сосредоточено в такой важнейшей структуре партаппарата, как Общий отдел (РГАНИ. Фонд 5. Опись 30); они не только чисто партийного происхождения, т.е. подготовлены в недрах отдела, но и получены из других государственных и правительственных ведомств. К примеру, здесь оказались стенограммы выступления секретарей ЦК КПСС на совещаниях в Комитете государственной безопасности, записки, справки, составленные руководящими работниками по самому широкому кругу вопросов. Интересны и обзоры писем граждан, направленных непосредственно в ЦК КПСС и газету «Правда», где люди откровенно высказывали свое зачастую критическое отношение к различным событиям партийно-государственной жизни. Эти документальные свидетельства позволяют составить достаточно объемную картину общественного мнения тех лет, вникнуть в настроения простых людей, понять, как отражались на них зигзаги большой политики. Необходимо отметить и еще одно обстоятельство: фонд Общего отдела ЦК КПСС содержит большое количество материалов Конституционной комиссии, работавшей в 1962—64 годах над созданием текста нового Основного закона страны (стенограммы заседаний комиссии, подготовительные материалы подкомиссий, отклики и предложения граждан на подготовку проекта Конституции СССР и ее окончательный текст, законсервированный после отставки Хрущева до 1977 года).

В работе также широко задействована документальная база фондов других отделов центральных партийных органов, таких как отдел партийных органов (РГАНИ. Фонд 556. Опись 14), отдел административных органов (РГАНИ. Фонд 556. Опись 23), Бюро ЦК КПСС по РСФСР, отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС (РГАНИ. Фонд 5. Опись 33), отдел ЦК КПСС по союзным республикам (РГАНИ. Фонд 5. Опись 31). В отделе

парторганов обнаружены отчеты местных партийных комитетов по итогам обсуждения материалов XX съезда КПСС, июньского (1957 г.) пленума ЦК. С помощью этих документов воссоздана богатая палитра мнений, суждений, вызванная этими эпохальными событиями. Все это долгое время тщательно укрывалось и замалчивалось официальной пропагандой и стало предметом анализа со стороны исследователей лишь в 90-е годы после коренного изменения общественной обстановки в стране. Дополнили проведенное исследование и некоторые материалы, почерпнутые в фонде редакции журнала «Коммунист» (РГАСПИ. Фонд 599. Описание 1) и в фонде по подготовке проекта новой Программы КПСС (РГАСПИ. Фонд 586. Описание 1).

Изучение административно-правоохранительной политики в постсталинском обществе обусловило необходимость привлечения документов правоохранительных ведомств, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Это фонды Верховного суда СССР (ГАРФ. Фонд 9474. Описание 10), Верховного суда РСФСР (Фонд 428. Описание 3), Прокуратуры СССР (Фонд 8131. Описание 28), Прокуратуры РСФСР (Фонд 461. Описи 8, 11, 12), Министерства юстиции РСФСР (Фонд 353. Описи 13, 14), Юридической комиссии при Совете Министров СССР (Фонд 9415. Описание 1). Со многих материалов указанных фондов гриф «секретно» был снят только в последние годы и они стали доступны для специалистов. Их анализ дал возможность показать процесс демонтажа сталинской репрессивной системы — одного из основных политических инструментов функционирования диктатуры «вождя всех времен и народов». Богатая документальная база помогла раскрыть противоречивость административно-правоохранительной политики тех лет, столкновения различных точек зрения, происходивших на заседаниях коллегий министерства юстиции, прокуратуры, проанализировать состояние общественной атмосферы, на фоне которой протекали эти процессы, а также взаимоотношения партийных и силовых органов. Следует подчеркнуть, что насыщенность фондов правоохранительных ведомств велика и составляет значительный исследовательский ресурс.

Важным документальным подспорьем проводимой работы стали материалы бывшего архива ЦК ВЛКСМ, ныне Центра хранения документации молодежных организаций (ЦХДМО). К исследованию были привлечены фонды Центрального Комитета ВЛКСМ (Фонд 1. Описи 2, 3, 4) и подразделений его аппарата — отдела пропаганды и агитации (Фонд 1. Описание 32) и отдела студенческих организаций (Фонд 1. Описание 46). Формирование политического самосознания молодого поколения, вступающего в жизнь после смерти Сталина, имело особенно важное значение для будущего состояния всего общественного организ-

ма СССР. Документы ЦК ВЛКСМ интересны еще и потому, что из этой организации вышел ряд руководителей партии и государства, в частности А. Шелепин и В. Семичастный, принимавшие активное участие во внутрипартийной борьбе. Свидетельства архива позволяют лучше понять и определить эволюцию их общественных взглядов.

Значительный объем источников по изучению общественно-политического реформирования советского общества в 50—60-е годы составила периодическая печать тех лет, в частности центральный печатный орган ЦК КПСС — газета «Правда». На ее страницах помещалось огромное количество разнообразных материалов, относящихся в различных аспектам политических преобразований. В этой связи большой интерес вызывали передовые статьи «Правды», отражающие официальную точку зрения руководства ЦК КПСС, а также выступления отдельных партийных, государственных и хозяйственных работников. Особенную ценность имели периодически публикуемые этим печатным органом интервью и ответы лидера страны Н. С. Хрущева иностранным журналистам и агентствам. Эти поистине уникальные тексты, наиболее полно характеризующие личность первого секретаря ЦК, специфику его подходов в проведении многоплановых политических реформ. Они содержат сведения, оценки, не входящие в документы, и позволяют выделить субъективный фактор, который в рассматриваемые годы нередко играл определяющее значение. По нашему мнению, эти документы все еще недостаточно активно привлекаются исследователями, что следует рассматривать как недостаток.

Кроме центрального печатного органа ЦК КПСС в работе использованы другие центральные издания: газета «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Учительская газета». Помимо газет большая часть материала почерпнута из различных журналов того периода. Это прежде всего центральный научно-теоретический орган ЦК КПСС журнал «Коммунист», а также «Партийная жизнь», «Политическое самообразование», «Социалистическая законность», «Советская юстиция», «Советские профсоюзы», «Молодой коммунист». Знакомство с научным осмыслением реформ, господствовавшим в рассматриваемые годы, сделало необходимым использование материалов, публиковавшихся в сугубо академических изданиях — «Вопросы истории», «Вопросы экономики», «Вопросы философии», «Советское государство и право», являвшихся органами соответствующих исследовательских институтов Академии наук СССР. Анализ этого пласта материала дает представление об уровне понимания официальной наукой состояния советского общества, перспектив его развития, преодоления деформированности всей общественной системы.

Самостоятельную группу источников образует мемуарная литература. Применительно к советской политической истории 50—60-х годов мы располагаем целым рядом воспоминаний, принадлежащих бывшим лидерам партии и государства, ответственным работникам аппарата. В работе широко использованы мемуары Н. С. Хрущева. Крайне интересно сравнение его выводов и оценок после отставки с его же взглядами до 1964 года, что является свидетельством психологии и образа мыслей бывших советских лидеров. Немало фактического материала, различных «неформальных обстоятельств» содержится в воспоминаниях О. Трояновского, Ф. Бурлацкого, Д. Шепилова и других. Определенную роль в проведении исследования имели статистические сборники «Народное хозяйство СССР» за 1957—1970 годы. Из них взят богатый цифровой материал, характеризующий социально-экономическое развитие советского общества.

Данная работа не претендует на то, чтобы охватить все возможные источники, ответить на все вопросы, касающиеся общественно-политической жизни страны в 1953—1964 годах. Каждая из тем, в ней затронутых, может быть предметом специального исследования.

Автор выражает огромную признательность и искреннюю благодарность А. О. Чубарьяну, Н. Б. Биккенину, А. А. Данилову, В. С. Лельчуку за помощь, оказанную в процессе подготовки книги, ценные советы и поддержку.

СОВЕТСКОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРЕДПОСЫЛКИ ХРУЩЕВСКИХ РЕФОРМ

Реформирование советского общества второй половины 50-х — первой половины 60-х годов, вошедшее в историю как «оттепель», стало определяющим в развитии политической жизни страны практически вплоть до конца существования Коммунистической партии и Советского Союза. Однако программа хрущевских преобразований возникла не спонтанно, не на пустом месте. Ее корни и истоки лежат в последних послевоенных годах сталинского правления. Выйдя победителем из самой кровопролитной войны в истории человечества, советский народ ощущал необходимость перемен к более достойной жизни. Подобными настроениями были проникнуты все слои общества. Именно в послевоенный период прослеживаются попытки формулировать определенные идеологические новации. Многие политические повороты тех лет с новой силой проявились уже после смерти Сталина. В этом смысле взгляд на хрущевские реформы с позиций послевоенных лет позволяет прояснить и улучшить понимание целого ряда узловых вопросов развития постсталинского общества.

Важнейшим качественным изменением СССР в послевоенные годы стало обретение страной статуса сверхдержавы. К 1 января 1946 года СССР установил дипломатические отношения с 46 государствами мира, тогда как до войны такие отношения поддерживались лишь с 25 странами¹². После Второй мировой войны Советский Союз — победитель фашизма — обладал большим авторитетом, выступая вершителем судеб в мировой политике. Обретение нового качества не могло не сказаться на внешнеполитическом функционировании советского государства. В первые послевоенные годы происходит формирование курса внешней политики СССР, затем получившего развитие и воплощение в хрущевский период.

Это относится, в первую очередь, к выработке политики мирного сосуществования с капиталистической системой. Данный курс сегодня прочно связывается с XX съездом партии и лично

Хрушевым. Однако практика первых послевоенных лет свидетельствует о том, что поворот к принципам мирного сосуществования начинался еще при Сталине. В этом была своя логика. Став сверхдержавой и влияя на международный политический процесс, СССР уже не мог оставаться на сугубо изоляционистских позициях. Хотя бы внешне было необходимо проявление терпимости, уважения к другим силам на мировой арене, с которыми приходилось взаимодействовать. Поэтому переход к политике мирного сосуществования представлялся объективным и прагматическим. К тому же планы по развязыванию мирового военного конфликта, в первую очередь с США, на фоне корейской войны становились все более проблематичными.

Это осознала правящая верхушка во главе со Сталиным. Конкретные шаги в направлении диалога с Западом были сделаны в начале 50-х годов. 11 февраля 1952 года Политбюро ЦК КПСС одобрило проведение в Москве международного экономического совещания. Цель этого мероприятия формулировалась как прорыв в торговых связях и налаживание экономических отношений с широким кругом стран и прежде всего капиталистическими¹³. Подготовка к совещанию велась с размахом. В Копенгагене был образован международный инициативный комитет по его проведению. Он рассматривал все поступающие предложения, формировал повестку дня совещания. СССР участвовал в работе комитета через Торгово-промышленную палату, Центросоюз, Институт экономики Академии наук.

В начале 50-х годов постановка вопроса о торгово-экономическом сотрудничестве с государствами капиталистического мира представлялась крайне актуальной. В этот период мировая торговля велась как бы по двум обособленным каналам, внутри двух искусственно оторванных друг от друга групп стран. Так, за пять лет, начиная с 1947 года, обороты советско-американской торговли сократились более чем в 6 раз. Доля СССР, европейских стран народной демократии и Китая в экспорте США упали с 11,6% в 1946 году практически до нуля в 1951-м. Удельный вес названных стран в экспорте Великобритании снизился с 6% в 1929 до 0,7% в 1951 году, в экспорте Франции за тот же период с 6,2% до 0,8%. Также снижались объемы импорта из западного мира в Советский Союз и Восточную Европу¹⁴.

Международное экономическое совещание состоялось 3—12 апреля 1952 года. В нем приняли участие около полутысячи делегатов из 49 стран. Его итоговыми документами стали: Коммюнике о совещании, Обращение к Генеральной Ассамблее ООН о создании Комитета содействия развитию международной торговли¹⁵. Предваряя открытие столь представительного международного совещания, Сталин ответил на вопросы группы главных редакторов ведущих американских изданий. В тексте, опубликован-

ном «Правдой», читаем слова вождя: «Мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равенства и невмешательства во внутренние дела других государств»¹⁶. Следует заметить: все это было повторено и с большей энергичностью, свойственной Хрущеву, растиражировано XX съездом КПСС, который и вошел в историю как высший партийный форум, где впервые провозглашен курс на мирное сосуществование с капиталистической системой. При этом не обращается внимания, что уже на XIX съезде КПСС в полный голос говорилось об утверждении данного подхода во внешней политике Советского Союза¹⁷.

То же самое можно сказать и о восприятии многих других внешнеполитических инициатив, выдвинутых еще при Сталине, но относимых сегодня общественным мнением к постсталинскому периоду. Например, вопрос об объединении Германии. Слегкой руки некоторых современных публицистов, авторство этой инициативы прочно приписано Берии, который якобы шокировал своим неожиданным предложением коллег по Политбюро весной—летом 1953 года. Знакомство с материалами последних сталинских лет позволяет опровергнуть подобные утверждения и признать их несостоятельными. Тема объединения Германии введена в активный политический оборот весной 1952 года. 11 марта «Правда» поместила на своих страницах Ноту Советского Правительства правительствам США, Великобритании и Франции «О мирном договоре с Германией» и «Основы мирного договора с Германией». В них предлагалось восстановить Германию как единое государство, вернуть гражданские и политические права всем бывшим нацистам, за исключением тех, кто отбывает наказание по суду, снять все ограничения в развитии мирной немецкой экономики. Конечно, данная инициатива являлась одной из «карт» внешнеполитической игры Сталина. После его смерти наработки вождя не были преданы забвению. Их и взял на вооружение Берия, горевший желанием продемонстрировать свой реформаторский пыл.

Одной из центральных тем, имеющих ключевое значение во внутренней политике в период «оттепели», являлся вопрос о соотношениях групп отраслей промышленности: группы «А» (производство средств производства) и группы «Б» (производство предметов потребления). От формирования этих пропорций напрямую зависело экономическое состояние общества, его хозяйственные характеристики. Как известно, в довоенный период именно группа «А» составляла основу советской экономики. Данная тенденция обосновывалась традициями марксистско-ленинского учения, идеологической необходимостью и потому имела незыблемый характер. Акцент на тяжелую индустрию делался за счет сознательного ущем-

ления легкой промышленности, сельского хозяйства, причем последнее вообще выступало в качестве экономического донора, постоянно подвергаясь фактическому разграблению со стороны государства. Существование такого положения было одной из главных причин низкого уровня благосостояния населения, хронического отставания жизненных стандартов от западных образцов¹⁸. Не случайно, что после смерти Сталина новые руководители страны Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев процессы реформы начали с изменения подходов к развитию легкой промышленности, сельского хозяйства. Речь Г. Маленкова на августовской (1953 г.) сессии Верховного Совета СССР о необходимости приоритетного производства товаров народного потребления и выступление Н. Хрущева на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС с программой сельскохозяйственных преобразований считаются сегодня своего рода «визитной карточкой» «оттепели».

Однако обращение к источникам показывает, что обсуждение вопроса о пропорциях хозяйственного строительства предпринималось гораздо раньше. Уже в конце 30-х годов эта тема возникла на самом высоком уровне. Война по объективным причинам отодвинула подобные дискуссии на задний план. Наиболее развернуто идеи смещения акцентов промышленного развития страны были озвучены в первые послевоенные годы. В их формировании главную роль играл заместитель Председателя Правительства СССР, председатель Госплана Н. А. Вознесенский. После войны курс на развитие производства товаров народного потребления, на повышение материального благосостояния людей имел особую актуальность. Советские люди, устав от постоянного перенапряжения и тягот военного времени, заслужили право на лучшую жизнь. Многие из них стали участниками европейского освободительного похода против фашистской Германии. Впервые огромное количество советских граждан побывало в Европе, своими глазами они увидели жизнь зарубежных стран и получили возможность самостоятельно без пропагандистской помощи сравнить жизненные реалии двух систем. К тому же задачи восстановления гигантских разрушений, нанесенных войной на народное хозяйство, предполагали и допускали использование иных рычагов воздействия на экономику, несколько выходящих за рамки сугубо административно-хозяйственных методов. Вне всякого сомнения, такой крупный ученый-экономист, каким был Н. Вознесенский, не мог игнорировать практику новой экономической политики 20-х годов, которая помогла преодолеть хозяйственную разруху после гражданской войны. Стремление применить некоторый опыт нэпа в схожих восстановительных условиях представлялось не лишенным смысла. В комплексе все это проясняет возникновение на самом высоком уровне вопроса об изменениях пропорций промышленного развития.

Как известно, в общественной обстановке тех лет любой политический поворот требовал «освящения» Сталиным. Такое благословение касательно названной темы прозвучало в его предвыборном выступлении 9 февраля 1946 года. Советский лидер признал очень важным повышение материального уровня жизни народа и указал путь достижения этой цели через широкое развертывание производства товаров народного потребления, развитие всех отраслей, имеющих к этому отношение. Данная установка оформлялась несколькими постановлениями Правительства СССР за 1946—1948 годы: «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» (9 ноября 1946 г.), «О мероприятиях по ускорению подъема государственной легкой промышленности, производящей предметы широкого потребления» (23 декабря 1946 г.), «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих поселках» (21 июля 1948 г.), «О мероприятиях по улучшению торговли» (20 ноября 1948 г.)¹⁹. Смысл этих документов сводился к следующим положениям: государство требовало значительного увеличения товарооборота, расширения объемов торговли между городом и деревней, пересмотра роли потребительской кооперации, которая не располагала устойчивыми связями с потребителем, ограничивала свои функции распределением товаров, получаемых от государства. Разрешалась торговля в городах и рабочих поселках продовольствием и товарами широкого потребления, ставилась задача повсеместного расширения сети магазинов и лавок.

В концептуальном плане эти идеи нес журнал «Плановое хозяйство» (орган Госплана СССР). На его страницах прослеживается стремление пропагандировать в хозяйственной практике категории экономической целесообразности. Характерен пример одной из статей, где подчеркивалось: «...переход к мирной экономике... требует перестройки планирования и укрепления экономических рычагов организации производства и распределения — денег, цены, кредита, прибыли, премии»²⁰. В другой публикации обосновывалась необходимость конкурентных отношений в торговой системе, приветствовалось устранение монопольного положения государственной торговли, развитие здоровой конкуренции между ней и кооперацией²¹. Обращает на себя внимание частое использование термина «конкуренция», что не совсем традиционно для советских идеологических стандартов тех лет. Такие же мотивы преобладали и в главном пропагандистском рупоре — газете «Правда». В передовой центрального партийного органа от 6 января 1947 года говорилось: «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом... а промышленность и

сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Чем шире будет развернут товарооборот, тем быстрее поднимется благосостояние советских людей, тем лучше будут удовлетворены их насущные нужды». Заметим, что эти мысли излагались в 1947 году в период наибольшего расцвета культа личности Сталина. Еще более примечательно и само название редакционной статьи: «Советская торговля — наше родное большевистское дело».

Страницы центральной, республиканской печати заполнились публикациями о ходе развертывания торговли в разных регионах страны. К примеру, «Правда Украины» рапортовала, что с середины 1946 и в 1947 годы в республике открыто около 7 тыс. новых магазинов, ларьков, число пайщиков возросло на 1,5 млн человек. Планировалось открытие еще 15 тыс. торговых точек²². Масштабы кооперативной торговли в СССР заметно возрастали: ее розничный оборот в марте 1947 года увеличился по сравнению с декабрем 1946 года почти в три раза, а до конца 1947 года поднялся еще в два раза²³. За 1947 год в целом по стране кооперативными организациями было закуплено более 180 тыс. тонн мяса, свыше 9 тыс. тонн жиров, 83 млн литров молока, около 200 тыс. тонн картофеля, 195 тыс. тонн овощей, 126 тыс. ящиков яиц и т. д.²⁴. Сопровождая многочисленные информационные сообщения о важности развития торговли для населения, «Правда» указывала: «Все мелочи торгового дела должны быть предусмотрены, ибо речь идет не о какой-то временной кампании, не о проведении эпизодической ярмарки, а о торговле всерьез и надолго»²⁵.

Меры по расширению товарооборота и оживлению торговли объективно требовали и укрепления денежной системы, отмены карточек на приобретение товаров. В ходе военных действий инфляционные процессы значительно усилились: цены по сравнению с довоенными выросли в 10—15 раз. Денежная реформа декабря 1947 года была призвана ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, восстановить полноценный рубль и облегчить переход к торговле по единым ценам без карточек. В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), посвященном этим вопросам, давалась прямая ссылка на опыт аналогичной реформы 1922 года, когда фактически были созданы новые деньги, оживившие экономику начала 20-х годов²⁶. Проведение реформы сказалось на некотором улучшении общей ситуации в товарно-денежной системе. Такие тенденции зафиксированы во многих отчетах местных властей для ЦК ВКП(б)²⁷.

Отмене карточной системы и денежной реформе сопутствовала мощная пропагандистская кампания об успехах советской экономики и колхозного строя, обеспечивавших быстрое предодо-

ление последствий войны. Однако за фасадом этой кампании остался конфискационный характер реформ. Государство фактически сняло с себя всякие обязательства по гарантированному, карточному снабжению городского населения и рабочих, а новые цены, установленные государством, в большинстве своем были выше коммерческих, утвержденных после войны. Негативные издержки денежной реформы нашли косвенное упоминание и в постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). В нем признавалось: «Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняла на себя население, тем более, что это будет последняя жертва»²⁸. Широко тиражировалась мысль, что государство в связи с реформой потеряло 57 млрд руб., но эти потери будут возмещены в течение непродолжительного времени за счет роста производительности труда, расширения товарооборота²⁹.

Таким образом первые послевоенные годы характеризовались формированием политического курса, связанного с коррекцией приоритетов хозяйственного развития в сторону производства товаров народного потребления и попытками укрепления денежной системы. В этой связи мы полностью разделяем вывод известного российского ученого Р. Пихоя о первых годах послевоенного периода: «Нельзя не отметить, что команда Жданова—Вознесенского смогла добиться и определенных положительных результатов в экономической области, среди которых считаем необходимым отметить прежде всего отмену карточной системы, проведение денежной реформы и вызванное этим некоторое усиление товарно-денежных отношений в стране»³⁰. Следует сказать, что только в последнее время исследователи, обращаясь к послевоенному периоду, стали различать и выделять его политические зигзаги, отходя от идеологических (как положительных, так и отрицательных) штампов в отношении многогранного исторического процесса. Недостаточное внимание историков к этим новациям ленинградской группы связаны во многом с тем, что они не утвердились в общественной практике как преобладающие.

Для нашего исследования важно не то, что данный политический курс не стал определяющим при жизни Сталина, а то, что попытки его утверждения в жизнь явились основой более масштабной реализации этого подхода в новых исторических условиях 1953—1954 годов после смерти вождя. В этом проявился один из парадоксов истории. Ведь свертывание политики «ленинградской команды» по развитию отраслей группы «Б» было подавлено соперничающим с ней кланом Г. Маленкова, выступившего затем в качестве автора той же идеи. В августе 1953 года с именем Маленкова — нового председателя Совета Министров СССР — ассоциировалась политика, отвергавшаяся им же че-

тырьмя годами ранее. Интересно и другое: именно за стремление изменить приоритеты хозяйственного строительства в пользу группы «Б» пострадал сам Маленков, когда в 1955 году был смещен с высшего правительственного поста. Инициатор этого — первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев использовал аргументацию, с помощью которой Маленков когда-то громил группу Жданова—Вознесенского.

Затем вся эта история повторилась в конце 50-х годов с той лишь разницей, что в роли Маленкова образца 1953—1954 годов выступал Хрущев, уже активно ратовавший за социальную направленность экономики и позабывший свои обвинения в адрес Маленкова, пытавшегося в свое время делать то же самое. Чем объяснить подобные повороты политической жизни? На наш взгляд, определяющим здесь было желание того или иного лидера использовать популярный политический курс для закрепления своей главенствующей роли в руководстве партии и правительства, подкрепить свои позиции народными симпатиями. Этим же объясняется и активное противодействие тем, кто выдвигал данный курс со стороны конкурирующих группировок. Переориентация советской экономики с ее ярко выраженным военизированным характером, придание динамике ее развития социальной направленности не могла не быть привлекательной в условиях хронического товарного дефицита. Очевидно, что объективно советская экономика должна была развиваться именно таким образом. Это хорошо осознавало высшее руководство страны, о чем и свидетельствует неизменное возвращение новых лидеров к попыткам утвердить социальную направленность в хозяйственной практике, происходившее во второй половине 40-х — 60-х годах. Между тем в этот период на Западе полным ходом шло формирование т. н. общества массового потребления, где удовлетворение потребностей людей являлось не пропагандистской целью, а главным смыслом экономического функционирования.

Сферой постоянных и всевозможных экспериментов в Советском Союзе являлась и другая отрасль экономики — сельское хозяйство. Как известно, оно постоянно находилось в плачевном состоянии, а потому и попытки его реформирования предпринимались практически непрерывно. Война еще более усугубила и без того тяжелое положение села, валовая продукция которого в 1945 году не превышала 60% довоенного уровня. К тому же сильная засуха летом 1946 года послужила причиной сильного голода. Недостаток продовольствия вынудил власти урезать снабжение населения хлебной продукцией³¹. В результате численность снабжаемого населения, проживающего на селе, сократилась с 27 млн до 4 млн человек, в городах и рабочих поселках с пайкового снабжения были сняты 3,5 млн взрослых, 500 тыс. карточек ликвидировались за счет упорядочивания карточной

системы. Всего же расход хлеба по пайковому снабжению был сокращен на 30%³².

Положение в сельском хозяйстве требовало серьезной программы его преобразования, реформирования многих производственных отношений, существовавших на селе. Однако государство не стремилось к серьезным изменениям, по-прежнему рассматривая сельскохозяйственную отрасль как источник для выкачивания средств, поступающих в промышленность. Не дал ответа на многие вопросы функционирования сельской экономики специальный пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в феврале 1947 года. Более того, серьезнейшие проблемы села, в том числе голод, замалчивались и официально не признавались. Снижение эксплуатации сельской экономики, предлагаемое частью высшего руководства страны, не находило поддержки, оставаясь на бумаге. Так, на несостоявшейся в 1948 году XIX Всесоюзной партийной конференции в качестве основной темы планировалось рассмотреть вопрос «О мерах подъема животноводства». Проект резолюции конференции с аналогичным названием находится на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории. В нем продолжался разговор, начатый на февральском (1947 г.) пленуме ЦК, о проблемах сельского хозяйства применительно к другой его отрасли — животноводству. Проект резолюции начинался откровенным признанием отсталости и кризиса этой отрасли. Затем формулировались конкретные меры для решения данной острой проблемы. Среди их привычного набора содержались и некоторые нетрадиционные моменты. В частности, в целях развития кормовой базы для животноводческих ферм, допускалось их полное освобождение от государственных заготовок зерна, сена и другой продукции полеводства. Обещалась государственная поддержка кредитом, кормами, пастбищами для поголовья, содержащегося в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих. При этом оговаривались специальные условия для районов страны (Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Западная Украина), где много скота находилось в хозяйствах единоличников³³, и т. д.

Многие наработки резолюции несостоявшейся конференции затем были использованы в «Трехлетнем плане развития общественного и совхозного продуктивного животноводства (1949—1951 гг.)»³⁴. Эта программа, оформленная постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), во многом повторяя проект резолюции, тем не менее имела некоторые отличия. Здесь уже не говорилось о послаблениях в поставках государству зерна и кормов, не предусматривались особые условия для районов, вошедших в СССР после войны, делался больший акцент на моральное стимулирование сельского труда (подробно прописывались правила награждения орденами, медалями, званиями заслу-

женных работников). Иными словами, «Трехлетний план» в вопросах осознания проблем села не продвигался вперед, оставаясь на уровне представлений февральского (1947 г.) пленума ЦК. Предлагаемые механизмы функционирования сельского хозяйства не давали эффективности. В результате сталинский план развития животноводства 1949—1951 годов, оказавшись фактически проваленным, был отвергнут и предан забвению в ходе следующей массовой кампании начала 50-х по укрупнению колхозов.

Парадоксально, но в руководстве партии и правительства в 1946—1952 годах наиболее жесткую позицию в отношении деревни занимал Н. С. Хрущев. Выявленные материалы свидетельствуют о его политическом лице во многом не совпадающим с имиджем будущего архитектора «оттепели». Именно так можно охарактеризовать его инициативу о выселении крестьян из Украинской ССР. В письме к Сталину в январе 1948 года будущий реформатор излагал наболевшее: «Отдельные паразитические и преступные элементы присосались к колхозам, пользуются льготами, предоставленными колхозникам, но никакого участия в работе колхозов не принимают. Подобные элементы, используя колхозы как ширму, занимаются спекуляцией, воровством, самогонварением и совершают другие преступления»³⁵. К письму прилагался проект постановления (вскоре принятого), где предлагалось предоставить собраниям колхозников право высылки «нежелательных элементов» на срок до 8 лет. Что из этого вышло на практике, хорошо видно из сообщения Генерального прокурора СССР Г. Сафонова секретарю ЦК Кузнецову. В письме приводились факты многочисленных нарушений в применении постановления: выселение лиц пенсионного возраста, семей, в которых были неработающие³⁶. Но эти «мелочи» нисколько не смущали автора инициативы. На пленуме ЦК КП(б) Украины (25 мая 1948 г.) Хрущев с энтузиазмом заявлял: «Борьба за укрепление трудовой дисциплины в колхозах, за образцовую организацию труда должна все время находиться в центре внимания парторганизаций. Борясь с лодырями, со злостными нарушителями дисциплины, с паразитическими элементами, сельские коммунисты... расчищают путь для еще более успешного продвижения вперед по пути к коммунизму»³⁷. Начинание Хрущева по выселению крестьянства приобрело всесоюзный размах. Украинский опыт решено было использовать для укрепления трудовой дисциплины повсеместно: 2 июня 1948 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ, предусматривающий аналогичные действия в масштабах всей страны³⁸. Следует сказать, что во многих случаях эти меры по активности превзошли их непосредственного инициатора. К примеру, в одной только Курской области было насильственно выселено столько же человек, сколько со всей Украины³⁹.

Вообще, в поступках Хрущева в эти годы просматриваются те черты, которые станут неотъемлемыми характеристиками его политической натуры в послесталинскую эпоху. Прежде всего, речь идет о таких качествах, как поспешность в выдвижении всевозможных инициатив, скоропалительность в решении крупных хозяйственных дел, требующих тщательной проработки. Например, еще находясь на Украине, он организовал почин трудящихся Шполянского района Киевской области по выполнению «Трехлетнего плана развития животноводства 1949—1951 гг.» за один год под девизом: «Шполянцы подчиняют себе время»⁴⁰. Комментарии здесь излишни.

Будучи на работе в Москве, Хрушев выдвинул глобальную идею укрупнения колхозов и создания «агрогородов». Ее корни уходили еще в период его работы на Украине, где в Киевской области была предпринята одна из первых попыток создания колхозного города⁴¹. Через три года Хрушев, уже работая в Москве, сформулировал еще одну инициативу по реформированию сельского хозяйства. Свои идеи он изложил в статье, опубликованной на страницах «Правды» 4 марта 1951 года. Предложения сводились к мысли о нецелесообразности существования мелких колхозов, необходимости их резкого укрупнения с перспективой создания новых структур — «агрогородов». На практике такие действия означали бы насильственное переселение огромного количества людей в новые искусственно созданные образования, разрушение всей ткани деревенской жизни и, в конечном счете, фактическое уничтожение крестьянства как класса. Непродуманность последствий и очевидная авантюристичность этих мер была осознана сразу. Уже 2 апреля 1951 года появилось закрытое письмо ЦК ВКП(б), осуждающее хрущевское новаторство, а сам автор направил покаянное письмо Сталину, где полностью признавал ошибочность своих взглядов⁴².

Приведенные материалы со всей определенностью показывают, что реформирование сельского хозяйства страны было давно назревшей и неотложной задачей. Понимание этого при всей ортодоксальности аграрной политики Кремля существовало еще при жизни Сталина. Осенью 1952 года журнал «Новый мир» приступил к публикации серии очерков журналиста В. В. Овечкина «Районные будни». В их обсуждении приняла участие «Правда», что было возможно лишь с санкции кого-то из высшего партийно-государственного руководства. Сам факт открытых публицистических выступлений указывал на готовность партийной верхушки к внесению определенных коррективов в гибельную политику предыдущих лет. Именно эта готовность стала тем фундаментом, на базе которого началось развертывание аграрных реформ после смерти Сталина.

Вообще, говоря об экономике того периода, следует подчеркнуть, что ее главным стержнем являлась ориентация на оборонные нужды. Советское правительство постоянно готовилось к войне за выживание и ожидало империалистическую агрессию, что в 30-е годы было оправдано приходом к власти фашистского режима в Германии. Однако после Великой Отечественной войны атмосфера напряженности в отношении возможного вооруженного конфликта со странами Запада не только не уменьшилась, а наоборот приобрела еще более устойчивый характер. Об этом свидетельствуют материалы выборов Верховного Совета СССР 1946 года. В своих избирательных выступлениях практически все высшие руководители партии и правительства неизменно подчеркивали угрозу полномасштабной войны. Преобладание среди высшей элиты подобного мироощущения неизбежно сказывалось на формировании подходов развития экономики, делая неизбежным ее ярко выраженную милитаристскую направленность. Наиболее четко и ясно формат экономического развития советского государства сформулировал И. Сталин в своей программной речи на встрече с избирателями Сталинского округа Москвы 9 февраля 1946 года. Он выделил четыре основополагающие позиции, такие как металл — для производства вооружений и оборудования для предприятий, топливо — для поддержания работы заводов, фабрик и транспорта, хлопок — для производства обмундирования, хлеб — для снабжения армии⁴³. Нетрудно заметить, что перед нами модель экономики, нацеленная, прежде всего, на обеспечение функционирования вооруженных сил и военно-промышленного комплекса. Для руководства страны одним из уроков победы стали меры по дальнейшему укреплению оборонной мощи за счет других отраслей народного хозяйства, которые, в первую очередь, влияли на рост благосостояния и уровень жизни населения. Очевидно, что все это программировало определенный ход экономического развития советского общества в 50—60-е годы.

Война оказала воздействие не только на приоритеты экономического развития, но и внесла коррективы в проводимый властью идеологический курс. Послевоенный период характеризуется усилением диктата над различными областями научной и культурной жизни. Хорошо известна целая серия идеологических постановлений ЦК ВКП(б) второй половины 40-х годов: «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению», «О кинофильме „Большая жизнь“», «Об опере Мурадели „Великая дружба“» и других. Они дали сигнал к публичной травле многих выдающихся деятелей культуры: А. А. Ахматовой, М. М. Зощенко, Э. Г. Казакевича, Ю. П. Германа, С. С. Прокофьева, А. И. Хачатуряна, Д. Д. Шостаковича, С. М. Эйзенштейна, В. И. Пудовкина и других.

Усиление идеологического контроля коснулось не только интеллигенции, но и всего советского общества в целом. Одной из его причин стало участие большого количества простых граждан в освободительном походе против фашизма по многим странам Европы. Впервые, оказавшись в другом мире, советские люди получили возможность сопоставить жизненные реалии двух систем. Сравнение, как правило, оказывалось не в пользу Советского Союза. Данное обстоятельство хорошо понимали власти, рассматривая их как основу, где могли формироваться протестные процессы. На торжественном заседании по случаю 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции один из лидеров партии В. М. Молотов говорил: «Наемные буржуазные писаки за рубежом предсказывали во время войны, что советские люди, познакомившись в своих боевых походах с порядками и культурой на Западе и побывав во многих городах и столицах Европы, вернутся домой с желанием установить такие же порядки на Родине. А что вышло? Демобилизованные солдаты и офицеры, вернувшись на Родину, взялись с еще большим жаром укреплять, развивать социалистическое соревнование на фабриках и заводах, встав в передовых рядах советских патриотов»⁴⁴.

Однако на деле все обстояло не совсем так. Недовольство существующей жизнью накапливалось. В ЦК ВКП(б) постоянно поступали сигналы с мест о негативных высказываниях и настроениях. К примеру, в г. Струнино (Владимирская обл.) на одном из партсобраний прозвучала следующая мысль: «Мы видим собственными глазами, что в нашей стране построено много заводов и фабрик. Все это верно, но мы, старики, что от этого получили? Что нам дала Конституция? 250 граммов хлеба и больше ничего». В Молдавской ССР агитаторов спрашивали: «Когда у нас будет много хлеба, жиров, сахара и других продуктов», «Когда народ будете кормить досыта?»⁴⁵ и т. д. Развивать эти темы, отвечая на заданные вопросы, советской пропаганде было неудобно и трудно. Поэтому полемика большей частью ограничивалась штампами типа: «Жить еще нелегко. Но советские люди знают, что наши трудности носят временный характер, что они, безусловно, преодолимы, и что высокие большевистские темпы хозяйственного строительства являются залогом быстрого преодоления трудностей»⁴⁶.

Вместо дискуссий и реального анализа пропагандистская машина изобретала все новые методы идейного контроля, значительно обновляя идеологический инструментарий власти. Новой существенной чертой в идеологической жизни послевоенных лет стал акцент на борьбу с проявлениями преклонения и низкопоклонства перед Западом. Подобные тенденции начали проследиваться еще в конце 30-х годов. После войны патриотические мо-

тивы приобрели ярко выраженный характер, став официальной идеологией системы. «У нас еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом..., — заключал В. Молотов, — не освободившись от этих позорных пережитков, нельзя быть настоящим советским гражданином»⁴⁷.

Идеологические новации послевоенного периода с их борьбой против пережитков капитализма стали основой для аналогичных действий в другую эпоху (конца 50-х — начала 60-х). В этот период новым лидером страны, Н. С. Хрущевым был произведен весь набор средств идеологической борьбы послевоенных лет. Подтверждая эту мысль, приведем конкретный пример: «Что касается борьбы против пережитков капитализма внутри страны, то она направлена на преодоление традиций и привычек прошлого, связанных с отставанием сознания людей от общественного бытия. Это есть борьба против «родимых пятен капитализма» и их носителей, мешающих делу социалистического строительства. В то же время борьба против пережитков капитализма связана в значительной степени с борьбой против враждебного капиталистического мира, ибо империалисты из всех сил стараются разжечь эти пережитки капитализма, особенно такие, как низкопоклонство перед буржуазной культурой, а также частнособственнические и рваческие тенденции, националистические предрассудки, религиозные суеверия, аполитичность, обывательщина»⁴⁸. Это выдержка из статьи одного из активных борцов идеологического фронта П. Федосеева в журнале «Большевик» за 1948 год. Но нельзя не согласиться, что данные мысли можно уверенно отнести, например, и к 1958 году, т. е. уже времени «оттепели». Это сравнение наглядно демонстрирует общность базовых идеологических принципов как при господстве сталинского культа, так и без него. Архитектура идеологии оставалась практически неизменной.

В пользу данного вывода свидетельствует изучение генезиса такого политического вопроса, как провозглашение курса на строительство коммунизма. Оформление курса на строительство высшей фазы общественного развития сегодня часто связывают с именем Н. Хрущева. Его личность олицетворяется с началом коммунистического строительства в СССР. Однако знакомство с политической практикой послевоенного периода не дает оснований относить авторство этой идеи Хрущеву. Данный курс практически во всей своей полноте и завершенности был сформулирован и провозглашен еще при жизни Сталина. Фактически уже сразу после окончания Великой Отечественной войны тема коммунистического строительства возникла во многих официальных выступлениях и публикациях. Еще в 1945 году в редакционной статье журнала «Большевик» утверждалось, что «после победоносного окончания Великой Отечественной вой-

ны советский народ продолжает осуществлять величественную задачу завершения строительства бесклассового общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»⁴⁹. В марте 1946 года на сессии Верховного Совета СССР в докладе председателя Госплана Н. А. Вознесенского о четырехлетнем плане это положение объявлено руководящей партийной установкой⁵⁰.

В последующие годы тема строительства коммунизма прочно вошла в повседневную идеологическую практику. О ней все более стали говорить как о повседневном, обыденном деле в многочисленных официальных выступлениях и документах⁵¹. Центральной звучала следующая мысль — Советский Союз еще в период принятия сталинской Конституции СССР, накануне XVIII съезда партии, вступил в новую полосу развития, связанную с завершением строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Именно в этом контексте формулировалась и основная экономическая задача развития страны — догнать и перегнать главные капиталистические державы в размерах промышленного производства на душу населения. Заметим, что эти пропагандистские новеллы последних сталинских лет через десятилетие обретут «второе дыхание» и зазвучат со свежими силами и в новом исполнении.

Завершение формирования курса на коммунистическое строительство можно отнести к периоду подготовки и проведения XIX съезда КПСС. В редакционной статье журнала «Большевик» в преддверии этого партийного форума прямо подчеркивалось: «Обеспечить построение коммунизма в нашей стране — такова главная задача партии по пятому пятилетнему плану развития СССР»⁵². Выдвижение и реализация этой грандиозной задачи объективно требовали серьезной научно-теоретической разработки путей строительства коммунизма. Как известно, данная проблема слабо освещена в трудах классиков марксизма-ленинизма, что диктовало необходимость уточнения инструментария коммунистического строительства. Разъяснение этих сложных вопросов не заставило долго ждать. В октябре 1952 года была опубликована работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней «великий вождь и учитель» доказал возможность построения коммунизма в СССР даже в случае сохранения капиталистического окружения. Сталин сформулировал три основных предварительных условия выполнения этой масштабной задачи: 1) речь шла о необходимости обеспечить не только рациональную организацию производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным развитием производства средств производства, что дает возможность осуществить расширенное воспроизводство; 2) необходимо путем постепенных переходов поднять колхозную собственность до уровня общенародной, а товарное

обращение тоже постепенно заменить системой продуктообмена с целью охвата им всей продукции общественного производства; 3) необходимо добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей⁵³.

Теоретические выкладки Сталина о путях строительства коммунизма незамедлительно были объявлены руководством к практическим действиям, программой великого общественного преобразования. В концентрированном виде это произошло на XIX съезде КПСС, прошедшего под знаком развертывания коммунистического строительства. В отчетном докладе ЦК, сделанном Г. Маленковым, делался вывод: «Планы партии на будущее, определяющие перспективы и пути нашего движения вперед, опираются на знание экономических законов, опираются на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную товарищем Сталиным»⁵⁴. Эта мысль воспроизведена практически каждым выступавшим на съезде.

Необходимо заметить, что после смерти Сталина картина несколько изменилась, трансформировались и некоторые оценки. Так, видный член высшего руководства страны А. И. Микоян на XXII съезде КПСС, говоря о планах коммунистического строительства начала 50-х годов, отмечал: «Партия должна была преодолеть ряд неверных представлений о переходе к коммунизму. Достаточно вспомнить, что накануне XIX съезда в ходу были взгляды, будто стоит только обеспечить непрерывный рост производства, превратить колхозную собственность в общенародную, заменить товарное обращение системой продуктообмена между городом и деревней, добиться удвоения зарплаты, повысить культурный уровень рабочих и крестьян, и тогда можно будет перейти к коммунизму»⁵⁵.

Однако неизменным оставалось главное: новое руководство партии во главе с Хрущевым практически полностью сохранило стратегию коммунистического строительства, сформулированную в послевоенный период. На XXI съезде КПСС Хрущев повторил вывод о полной и окончательной победе социализма и уже второй раз (после XIX съезда) объявил о наступлении периода развернутого строительства коммунистического общества, а в Программе КПСС, принятой на XXII съезде, даже воспроизведены временные рамки этого строительства, названные еще при Сталине — 20 лет. Таким образом, сохранив в неприкосновенности доктрину строительства коммунизма, Хрущев поменял главное действующее лицо, архитектора этого строительства. Место Сталина с его учением и наследием занял сам Хрущев, ставший к концу 50-х годов полновластным хозяином страны.

В послевоенный период получили оформление многие идеи, затем активно внедрявшиеся в жизнь уже самим Хрущевым. Об

этом дает представление проект Программы ВКП(б), подготовленный в 1947 году. Этот документ содержит много положений, впоследствии составивших политическое лицо хрущевской «оттепели». Особый акцент в проекте сделан на социальные аспекты. Они поданы привлекательно, с размахом. Так, выдвигалась задача до конца ликвидировать жилищную нужду, развернуть в больших масштабах жилищное строительство с целью обеспечить каждому трудящемуся благоустроенную отдельную комнату, а каждой семье — отдельную квартиру, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам. Любопытна и еще одна деталь: предлагалось уделить особенное внимание массовому производству автомобилей для населения, имея в виду предоставить каждому гражданину в пользование легкой автомобильный транспорт⁵⁶. В этом же контексте звучали идеи бесплатного снабжения населения продуктами питания (хлебом, мясом и др.), а также подготовка к бесплатному обслуживанию граждан «первоклассно поставленными по всем правилам техники и культуры столовыми, прачечными и другими культурно-бытовыми учреждениями»⁵⁷.

Одним из самых примечательных, содержательных моментов проекта Программы партии образца 1947 года являлись идеи о путях развития советского государства. Вот выдержка из этого документа: «Развитие социалистической демократии на основе завершения построения бесклассового социалистического общества будет все больше превращать пролетарскую диктатуру в диктатуру советского народа. По мере вовлечения в повседневное управление делами государства поголовно всего населения, роста его коммунистической сознательности и культурности, развитие социалистической демократии будет вести к все большему отмиранию принудительных форм диктатуры советского народа, все большей замене мер принуждения воздействием общественного мнения, к все большему сужению политических функций государства, к превращению его по преимуществу в орган управления хозяйственной жизнью общества»⁵⁸.

Нетрудно заметить, что здесь фактически сформулирована доктрина перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство. Впоследствии данная тема, наряду с вопросом о «культе личности», составит идеологическую основу хрущевской «оттепели». В исторической науке преобладает устойчивое мнение, относящее авторство модели «общенародного государства» Н. Хрущеву. Но, как показывают источники, первый секретарь ЦК КПСС был лишь исполнителем этой идеологической доктрины, сформулированной еще в послевоенные годы. Все это со всей определенностью свидетельствует о важном значении данного периода в формировании программы политических преобразований, выдвинутой Н. Хрущевым. Однако в конце 40-х го-

дов это положение еще находилось в плотной оболочке традиционных сталинских постулатов — о дальнейшем усилении мощи государства пролетарской диктатуры, неустанном укреплении органов НКВД в деле разоблачения, раскрытия и пресечения подрывной работы классового врага и т. д.⁵⁹

В проекте Программы партии 1947 года формулировался и ряд других моментов принципиального характера, предлагаемых «ленинградской группой». В частности, речь шла о развертывании демократизации советского строя. В этом плане признавалось необходимым поголовное вовлечение трудящихся в управление государством, в повседневную, активную государственную и общественную деятельность на основе неуклонного развития культурного уровня масс и максимального упрощения функций государственного управления. Предлагалось на практике приступить к соединению производственной работы с участием в управлении государственными делами, с переходом на поочередное выполнение всеми трудящимися функций управления. Высказывалась также идея о введении прямого народного законодательства, для чего считалось обязательным:

а) проводить всенародное голосование и принятие решений по большинству важнейших вопросов государственной жизни как общеполитического, хозяйственного порядка, так и по вопросам быта и культурного строительства;

б) широко развернуть законодательную инициативу снизу путем предоставления общественным организациям права вносить в Верховный Совет СССР предложения о новых законопроектах;

в) утвердить право граждан, общественных организаций непосредственно вносить запросы в Верховный Совет по важнейшим вопросам международной и внутренней политики.

Не был обойден вниманием и принцип выборности руководителей. В проекте Программы ВКП(б) ставилась задача по мере продвижения к коммунизму осуществлять принцип выборности всех должностных лиц государственного аппарата, изменения в функционировании ряда госорганов в сторону все большего превращения их в учреждения, занимающиеся учетом и контролем общенародного хозяйства. Представлялось важным максимальное развитие самостоятельных добровольных организаций. Обращалось внимание на усиление значимости общественного мнения в коммунистическом изменении сознания людей, воспитания на основе социалистической демократии в широких народных массах начала социалистической гражданственности, трудового героизма, красноармейской доблести, возвышение всего народа до уровня знатных людей советской страны⁶⁰.

Все эти мысли не стали тогда предметом достояния широкой общественности, оставшись известными лишь узкому кругу пра-

вающей элиты. Поэтому многие идеологические аспекты, разработанные при жизни Сталина, но получившие практическое воплощение после его смерти, стали ассоциироваться общественным сознанием с именем Хрущева. Надо признать, что новый лидер очень трепетно относился к проблеме собственного авторства по самым разнообразным вопросам, стремясь выступать в роли главного архитектора коммунистического строительства.

Немало почерпнул и использовал Хрушев из сталинской практики 1945—1953 годов в плане ведения внутрипартийной борьбы. В партийно-государственной политике в последний период жизни Сталина утверждались и выходили на первый план новые акценты. Они связаны с формированием и повсеместным использованием цельной концепции развертывания критики и самокритики, борьбы с бюрократизмом. Данная тема всегда присутствовала в официальном лексиконе советской пропаганды, давно став во многом ритуальной, но в преддверии XIX съезда она приобрела необычайную остроту.

Для начала этой широкомасштабной кампании Сталиным была выбрана компартия Грузии, что уже само по себе не могло не вызвать значительной доли удивления. В ноябре 1951 года в Грузии прошло разоблачение антипартийной группы Барамия. Как сообщалось, она намеревалась захватить власть в республике и подготовить ликвидацию советского строя, рассчитывая при этом на помощь зарубежных империалистов. Политбюро ЦК посчитало нужным рассмотреть вопрос «О положении дел в компартии Грузии»⁶¹. В специальном постановлении, принятом по итогам обсуждения, был сформулирован формат кампании по развертыванию критики и самокритики, внутрипартийной демократии, борьбы с бюрократизмом, которая в 1952 году станет доминантой в жизни всей партии и общества в целом.

Здесь концентрированно определены и названы конкретные направления предстоящей широкомасштабной кампании — борьба с зажимом критики, с обстановкой успокоенности, укрепление связей с массами, проверка исполнения. Все эти взаимозависимые вещи подводились к главной задаче — подбору кадров. Иными словами, речь шла о формировании механизма осуществления кадровой политики, основанной на постоянном и тотальном давлении на партийно-государственный аппарат, когда ответственный работник любого уровня не мог быть защищен от обвинений и нападков.

Апробированная на грузинской почве, кампания по развитию внутрипартийной демократии стартовала по всей стране и затронула все без исключения регионы Советского Союза, трансформируя звучавшие ранее ритуальные заклинания о пользе критики и самокритики в реальную политическую силу. Об этом со

всей определенностью свидетельствуют материалы, публикуемые газетой «Правда». Главный пропагандистский рупор из номера в номер ратовал за борьбу с бюрократизмом, необходимость критического отношения к работе. Требовал со всей строгостью наказывать лиц, виновных в зажиме критики и преследующих коммунистов, сигнализирующих о недостатках. И это были не просто слова: многие руководящие работники лишились своих постов в ходе развернувшейся кампании. В той же Грузии, откуда она брала свое начало, в течение 1952 года было заменено 427 секретарей горкомов, райкомов, заведующих отделами⁶². Под шквалом критики оказались не только партийные структуры, но и государственные органы, о чем свидетельствуют материалы заседаний Секретариата ЦК⁶³.

Со смертью инициатора кампании по критике и самокритике, борьбы с бюрократизмом — Сталина, ее запал не иссяк бесследно. Более того, данный инструмент нашел не менее действенное применение в новых условиях. Его эффективность должным образом была оценена и использована именно Хрущевым, который, будучи при Сталине секретарем ЦК, являлся одним из основных организаторов выполнения этой идеи вождя и смог в полной мере осознать преимущества данного партийного оружия в борьбе со своими политическими конкурентами.

После смерти Сталина в условиях соперничества за его властное наследство Хрущев реанимировал практически забытую аппаратом кампанию по развитию критики и самокритики. Теперь ее острие было направлено на его главного политического противника — Маленкова и его сторонников, сконцентрированных в правительстве и министерствах. Став в сентябре 1953 года первым секретарем ЦК КПСС, Хрущев спустя всего три месяца провозглашает курс на борьбу с бюрократизмом, на развитие критики и самокритики в работе государственных и советских органов. Эта политика оформлялась постановлениями ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе государственного аппарата» (январь 1954 г.) и «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств и мерах по улучшению работы государственного аппарата» (октябрь 1954 г.)⁶⁴.

Очевидно, что данная тематика имела весьма актуальный характер. Практика работы государственных и советских учреждений различного уровня отличалась большой забюрократизированностью, непомерным разбуханием штатов управленческого персонала. Об этом красноречиво говорят такие данные: общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве достигла к началу 1954 года 44,8 млн человек, из них административный персонал составил 6 млн 516 тыс. человек, или в среднем из семи работающих один являлся управленцем⁶⁵. Практически любое ведомство было настоящим рассадником бумаготворче-

ства. К примеру, Госплан РСФСР рассылал на места паспорт, который состоял из 13 форм, имеющих 4900 показателей. Только одна форма №13 включала 1512 показателей, в ней должно быть расписано распределение зерна, мяса, молока, яиц, шерсти за каждый год с 1955 по 1960 по всем категориям хозяйств⁶⁶.

ЦК КПСС, вдохновляемый Хрущевым, выступил в качестве организатора похода против бюрократизма в государственном, советском аппарате. «Правда» постоянно помещала передовые, посвященные этим вопросам: «Покончить с канцелярско-бюрократическим стилем руководства», «Всемерно улучшать работу государственного аппарата», «За честную работу, за экономичность государственного аппарата». Все союзные и республиканские министерства в обязательном порядке направляли в ЦК КПСС свои предложения по оптимизации структуры и сокращению штатов. В результате только по 46 министерствам и ведомствам упразднялось 200 управлений, 147 трестов, 898 снабженческих организаций, 4,5 тыс. различных контор, более 4 тыс. местных структурных подразделений⁶⁷. За этим стояла огромная работа партийных органов. Ее главное значение расшифровывалось ЦК КПСС следующим образом: «Их обязанность — быть блюстителями действительно советского порядка в наших учреждениях, активно бороться с проявлениями бюрократизма, расхлябанности, безответственности, кропотливо воспитывать работников аппарата в духе высокого сознания своего долга перед партией и государством»⁶⁸. Как можно заметить, здесь четко просматриваются претензии на более высокую функциональную значимость партии по отношению к государственному аппарату. Роль КПСС подана здесь как руководящая, скрепляющая основные конструкции власти. Не случайно, что широкая кампания против бюрократизма меньше затронула непосредственно партийные комитеты. Они оказались выведены из зоны критики, сосредоточенной в основном на правительственных структурах, что вызвало недоумение у рядовых коммунистов⁶⁹.

Конечная цель широко проводимой антибюрократической кампании становится понятной исходя из итогов январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС. На нем Хрущеву удалось добиться смещения Маленкова с поста Председателя Совета Министров СССР⁷⁰. Его деятельность была представлена как олицетворение бюрократического стиля работы, осужденного партией и объявлена источником многих бед и недостатков. Пленум ЦК предъявил Маленкову обвинение в отрыве от живой работы с людьми, затягивании решений по важнейшим вопросам, обильном бумаготворчестве. Например, Каганович говорил: «Если мы возьмем и подсчитаем сумму бумаг, которые выпускаются за подписью тов. Маленкова, то вы увидите, что несколько Маленковых не прочтут то, что подписано в один день. Для того, чтобы прочесть

одни заголовки, нужно посадить двух человек. Значит, бумаги сплошь и рядом подписываются не читая, по перечню»⁷¹.

Таким образом Хрушев продолжил применение сталинских инструментов внутрипартийной борьбы, методов давления на политических противников. Несмотря на развенчание «культ личности», механизмы политического соперничества оставались практически неизменными и десталинизация принципиально ничего в них не меняла.

На XIX съезде КПСС было принято решение о значительном увеличении состава Политбюро, преобразованного теперь в Президиум ЦК. В его состав, избранный съездом, вошли 25 членов и 11 кандидатов. Такого большого числа членов Политбюро не насчитывало еще никогда. Вскоре Сталин образовал неуставной орган — Бюро Президиума ЦК (во многом, по аналогии с Бюро Президиума Совмина), в который не включил Молотова и Микояна. Вспоминая об этих переменах, Хрушев отмечал, что «Президиум фактически не собирался, все вопросы решало Бюро»⁷².

Немало вопросов вызывает согласование кандидатур для включения в состав Президиума и Бюро. Среди них было немало новых людей, что, вне всякого сомнения, отражало серьезные намерения Сталина по кардинальному обновлению правящей верхушки. Как отмечал в своих мемуарах Хрушев: «Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и с кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю»⁷³. Утверждение Хрущева о том, что Сталин не знал этих людей, верно лишь отчасти. Сопоставление списочного состава нового Президиума с данными журналов посетителей кремлевского кабинета вождя позволяет установить: Сталин действительно плохо знал только 12 человек (т. е. ровно 1/3 Президиума), которых принимал всего 2—3 раза в жизни или до XIX съезда не видел вообще (А. Аристов, Л. Мельников, Д. Чесноков, Л. Брежнев, Н. Игнатов, А. Пузанов). Все остальные, судя по журналам приема, должны быть ему хорошо известны или, по крайней мере, знакомы⁷⁴.

В фонде Маленкова имеется черновой набросок состава высших органов партии, которые предполагалось создать в ходе работы съезда. В списке намеченных кандидатур в состав ЦК знак вопроса был поставлен (безусловно, по инициативе Сталина) напротив фамилий А. Н. Косыгина, П. К. Пономаренко, М. А. Сулова, а также В. М. Андрианова, А. Б. Аристова, Л. И. Брежнева, А. Я. Вышинского, С. Д. Игнатьева, В. В. Кузнецова, Н. А. Михайлова, Н. С. Патолочева. Вычеркнуты были две фамилии — Микоян и Молотов⁷⁵.

В другом документе из этого фонда приводятся наметки персонального состава Президиума ЦК. Знаком «+» здесь были от-

мечены фамилии, которые либо не вызывали никаких дополнительных вопросов у Сталина, либо должны были составить в будущем «руководящую группу» членов Президиума: Сталин, Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Хрушев и Сабуров⁷⁶. Все секретари ЦК должны были являться членами или кандидатами в члены Президиума ЦК.

Весьма интересно и распределение обязанностей между членами Президиума ЦК, утвержденное на его заседании 18 октября 1952 г. Были созданы три постоянные комиссии при Президиуме.

Комиссию по внешним делам возглавил Маленков, а в ее состав были включены Брежнев, Вышинский, Игнатьев С. Д., Каганович, Кузнецов В. В., Кумыкин, Куусинен, Михайлов Н. А., Молотов, Павлов В. Н. (ему отводилась роль секретаря комиссии), Первухин, Пономарев, Поскребышев и Суслов.

Во главе комиссии по вопросам обороны был поставлен Булганин, а в ее состав вошли Берия, Василевский, Ворошилов, Громов Г. П. (предполагавшийся секретарем комиссии), Захаров С. Е., Каганович, Кузнецов Н. Г., Малышев В. А., Первухин М. Г., Сабуров М. З.

Комиссию по идеологическим вопросам возглавил Д. Т. Шепилов. В ее состав были включены Румянцев А. М., Суслов М. А., Чесноков Д. И., Юдин П. Ф. (которому Маленковым было дано специальное поручение по осуществлению контроля за работой идеологических журналов)⁷⁷.

На этом же заседании были еще более ослаблены позиции Молотова, Микояна и Булганина. Молотов был освобожден «от наблюдения за работой МИД СССР», а это наблюдение было передано теперь постоянной комиссии по внешним делам (которую, напомним, теперь возглавлял Маленков). Микоян был лишен обязанностей куратора Министерства внешней торговли и Министерства торговли СССР (этот участок также переходил теперь к Маленкову как председателю комиссии по внешним делам). Булганин же был лишен контроля над работой военного и военно-морского министерств, так как контроль над этим участком переходил к комиссии, где он хоть и был председателем, но вряд ли мог решить что-либо без одобрения Берии⁷⁸.

Одновременно, по инициативе Маленкова, был создан «единый орган по изучению и распределению партийных и советских кадров» при Секретариате ЦК, где главную роль играл он сам. Это давало ему в руки контроль над кадрами не только партии, но и государства.

Между секретарями ЦК обязанности оказались теперь распределены следующим образом: Н. М. Пегов отвечал за работу с кадрами; А. Б. Аристов осуществлял контроль за работой ЦК КП союзных республик, обкомов и крайкомов партии; Н. А. Михайлову было поручено руководство работой в области пропаганды

и агитации; Л. И. Брежневу — наблюдение за деятельностью главных политуправлений военного и военно-морского министерств; М. А. Суслов, Н. Г. Игнатов, П. К. Пономаренко оставались «разъездными» секретарями ЦК, выезжавшими по поручению руководства в регионы (а по сути не имевшие никаких непосредственных обязанностей)⁷⁹.

Кроме того, был создан Секретариат Президиума ЦК КПСС во главе с А. Н. Поскребышевым, который непосредственно уже тогда замыкался на Маленкова. Пункт четвертый соответствующего постановления обязывал Секретариат ежедневно докладывать Сталину или Маленкову о важнейших вопросах, поднятых в письмах, направленных в ЦК. В составе Секретариата предполагалось иметь шесть секторов: 1-й — общий; 2-й — архив Сталина и Президиума ЦК; 3-й — бывший архив Коминтерна; 4-й — шифровальный; 5-й — письма на имя Сталина; 6-й — хозяйственный. Фактически это было «государство в государстве», имевшее возможность реально управлять всем аппаратом ЦК⁸⁰.

Завершив организационные вопросы, Сталин вновь через два дня (20 октября) собрал членов нового Президиума. На этот раз он выступил перед ними с содержательной речью, где озвучил немало интересных моментов. Их смысл представляется возможным воспроизвести в самых общих чертах по записям Шепилова. Сталин выразил неудовлетворение уровнем и качеством партийно-государственной работы, узким кругозором и недостаточной квалификацией имеющихся кадров. Он потребовал серьезного изучения международных проблем, истории развития мировой экономики и сельского хозяйства в частности, для чего необходимо было иметь образованных людей со знанием основных мировых языков. Смелее обращаться к вопросам внешней политики, помня, что СССР является мировой державой, не ждать указаний сверху. Сталин потребовал серьезно поднять идеологическую работу, усилить состав редколлегии журнала «Большевик», оказать помощь журналам «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Вопросы экономики», покончив с практикой перепечатки в них постановлений партии и правительства и их пустым комментаторством. Все эти мысли произвели сильное впечатление на участников встречи⁸¹.

Ситуация стала еще более стремительно развиваться после 1 декабря 1952 года, когда состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС (иногда его называют пленумом ЦК). В настоящее время в архивах (включая и АПРФ) не обнаружены документы с материалами этого заседания. О них лишь упоминает в своих дневниках В. А. Малышев, который пишет о том, что речь Сталина на заседании носила программный характер. Он не просто обрушился с резкой критикой на «американский империализм» и его «сионистских пособников», но и потребо-

вал очередной перестройки органов государственной безопасности, на которые возложил ответственность за негативные стороны жизни общества. Были вновь заклеены Молотов и Микоян.

О характере принятых на заседании решений известно также из составленной по итогам его работы записки (от 4 декабря 1952 г.)⁸². В документе отмечалось, что партия «слишком доверяла и плохо контролировала работу Министерства госбезопасности и его органов». Особый акцент делался на то, что «обкомы, крайкомы партии и ЦК компартий союзных республик неправильно считают себя свободными от контроля за работой органов государственной безопасности и не вникают глубоко в существо работы этих органов»⁸³. Весьма знаменательным фактом было и то, что авторы документа критиковали партийные организации системы МГБ как в центре, так и на местах за то, что они «не вскрывают недостатков в работе органов МГБ, зачастую поют дифирамбы руководству»⁸⁴. Такая постановка вопроса прямо вела к усилению доносительства и новой волне репрессий в самих органах МГБ, так как в постановлении требовалось «обеспечить развертывание критики и самокритики в организациях, своевременно сообщать руководящим партийным органам вплоть до ЦК КПСС о недостатках в работе министерств, управлений и отдельных работников»⁸⁵. Для этого предлагалось установить впредь такой порядок, чтобы секретари парторганизаций республиканских министерств, областных и краевых управлений МГБ утверждались обкомами, крайкомами, ЦК компартий союзных республик, а секретари партийных комитетов центрального аппарата МГБ СССР — ЦК КПСС.

Метаморфозы этого документа поразительны. Сталин пытался использовать его для усиления и без того, казалось, полного личного контроля над органами госбезопасности. Берия, спустя три месяца, использовал основные положения этого документа при создании объединенного МВД, во главе которого он стал. Маленков в июле 1953 г. включил его основные положения в свой доклад на пленуме ЦК, развенчавшем Берию. Наконец, уже в 1954 году Хрущев использовал это постановление как отправное при создании КГБ и объяснении необходимости контроля партийного аппарата (который он тогда возглавлял) над деятельностью органов госбезопасности.

После заседания Президиума ЦК 1 декабря 1952 г. был ускорен ряд мер органов госбезопасности по так называемому мингрельскому делу, за которым вырисовывалась фигура «главного мингрела» — Берии. В «подвешенном состоянии» оказались и другие члены высшего руководства. Начались аресты по «делу врачей». Их справедливо полагали одним из звеньев в готовящейся Сталиным акции по смещению Берии. Более того, по

сложившейся практике, при оперативной разработке членов высшего партийного руководства фамилии разрабатываемых не печатались, а вписывались самим министром (или, в зависимости от характера документа, другим ответственным лицом) от руки в готовый текст. Печатать фамилии этих руководителей в документах МГБ начинали лишь тогда, когда вопрос о его предстоящем аресте был уже решен наверху.

Значение заседания Президиума ЦК, состоявшегося в годовщину убийства Кирова (1 декабря), имеет определяющее значение для последних трех месяцев жизни вождя. Именно здесь было объявлено о «деле врачей». В выступлениях руководства МГБ оглашались материалы, касающиеся этого вопроса. Как известно, сообщение по данному делу публиковалось в «Правде» 13 января 1953 года под заголовком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Среди жертв врачей назывались видные деятели партии и государства: А. Жданов, А. Щербаков, М. Горький, В. Куйбышев, В. Менжинский. «Красной нитью» этого сообщения был вывод о повышении бдительности и борьбе с ротозейством. С этого момента данная тема вводится в активный политический оборот⁸⁶. «Правда» помещает письма трудящихся, адресованные Л. Тимашук, проявившей ту самую бдительность и разоблачившую врагов в медицине. Вот выдержка одного из них: «Все — стар и млад, если бы было возможно иметь Ваш портрет, поставили бы его на самое дорогое место в рамке, в семейном альбоме»⁸⁷.

История шпиономании, замешанная на изрядной порции антисемитизма, захлестнула советское общество первой половины 1953 года. В информации ЦК КПСС об откликах на сообщение об аресте врачей-вредителей говорилось о повсеместных требованиях увольнять евреев, в школах создавалась нетерпимая атмосфера вокруг учащихся еврейской национальности, люди отказывались посещать врачей-евреев⁸⁸. Эта волна, поднятая властями, была настолько сильна, что продолжилась и после смерти Сталина. В этом смысле не случайно, что арестованный в июне 1953 года Берия был объявлен не кем-нибудь, а иностранным шпионом, агентом западных спецслужб. В существовавшей обстановке массовой истерии и поиска врагов, возникшей после «дела врачей», по-другому быть не могло. По всей видимости, это можно квалифицировать как начало конкретных действий Сталина по физическому устранению его многолетних соратников по власти — Молотова, Микояна, Ворошилова, Берии и не только. Их смена, вошедшая в состав Президиума ЦК, могла занять место ветеранов в любой момент.

КАК СМЕЩАЛИ СТАЛИНА

Десятилетие пребывания Н. С. Хрущева у власти постоянно находится в поле зрения исследователей истории советского общества. Интерес к нему во многом обуславливается многообразием процессов того периода, приведших к качественным изменениям повседневной жизни. Анализу подвергаются преобразования, начавшиеся тогда в различных сферах — промышленности, сельском хозяйстве, духовной жизни. Но не будет ошибкой сказать, что центральной темой происходивших перемен стало развенчание «культ личности» И. В. Сталина. Именно демонтаж и осуждение созданной «великим кормчим» системы является «красной нитью», отличительным знаком хрущевской эпохи.

Существование системы, где главной скрепляющей силой являлся сам Сталин, не могло оставаться неизменным без него. Поэтому тема «культ личности» возникла сразу же после смерти «вождя всех времен и народов». Уже на другой день после его похорон, вечером 10 марта, Г. Маленков на заседании Президиума ЦК КПСС отметил, что «у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности», и подчеркнул: «...считаем обязательным прекратить политику культа личности»⁸⁹. В этой связи известный американский ученый Р. Таккер остроумно заметил, что после смерти вождя процесс борьбы с «культом личности» не только стал возможным, но и фактически был начат самой смертью Сталина⁹⁰.

Однако очевидно: личность Сталина, господствовавшая над обществом, не могла сразу же исчезнуть из общественного сознания и отойти в прошлое. И после 5 марта 1953 года страна по-прежнему жила в преклонении перед великим «вождем» и его мудростью. Именно такая атмосфера запечатлена на страницах периодической печати тех лет. В ней, как и раньше, неизменно подчеркивалась неопределимая роль Сталина во всех вопросах деятельности партии и государства. К примеру, в редакционной статье «Правды» от 14 января 1954 года «Под знаменем неруши-

мой дружбы» о национальной политике КПСС указывалось: «Ленинские программные указания по национальному вопросу нашли свое дальнейшее творческое развитие в произведениях великого продолжателя бессмертного дела Ленина — И. В. Сталина». Передовицы, редакционные статьи «Правды» за 1953—1955 годы редко обходились без упоминания о Сталине, его роли в достигнутых успехах и свершениях⁹¹. Как и прежде, эйфория в отношении «отца народов» многократно возрастала в преддверии дня его рождения. В декабре 1954 года было широко отмечено 75-летие со дня рождения Сталина. К этой дате в «Правде» открыли специальную рубрику, где публиковались статьи, посвященные недавно скончавшемуся вождю, такие как «И. В. Сталин — выдающийся теоретик марксизма», «Вдохновляющая сила ленинских идей», «Сталин — великий продолжатель дела Ленина» и др. Сообщалось об открытии в Ленинской библиотеке выставки о бывшем вожде с демонстрацией его произведений, о митингах, прошедших по местам революционной деятельности Сталина. Ко дню его рождения по-прежнему было приурочено присуждение международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами»⁹². 5 марта 1953 года прибавило еще одну дату, когда неизменно обращались к персоне бывшего лидера. В годовщину его смерти «Правда» поместила передовую, которая по сути представляла собой в концентрированном виде «Биографию И. В. Сталина», созданную еще при его жизни⁹³.

В 1953—55 годах имя и образ Сталина постоянно присутствовали в выступлениях руководства партии и государства, членов Президиума ЦК КПСС. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы избирательной кампании 1954 года по выборам в Верховный Совет СССР. В ходе выборов в своих округах выступили члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС. И практически у всех в речах вровень с классиками марксизма-ленинизма присутствовал Сталин, приводились цитаты из его трудов. Сталинские идеи ставились во главу угла и официальной пропагандой. К примеру, на совещании заведующих отделами пропаганды и агитации и отделами науки и культуры ЦК союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС подчеркивалось значение постановления Центрального Комитета партии в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»⁹⁴. Авторитет Сталина оставался непоколебимым и в международном коммунистическом движении. На верность ему присягали в ходе различных визитов и приемов между братскими партиями социалистических стран.

Однако сразу же после смерти «вождя» стали набирать силы новые жизненные процессы, еще недавно не вписывающиеся в догматические каноны, проповедуемые не одно десятилетие. Прежде всего это относится к попыткам ослабления так называемого железного занавеса, отгородившего советское общество

от остального цивилизованного мира с его успехами и достижениями. Первые шаги в этом направлении в 1953—55 годах осуществлялись посредством новой внешнеполитической стратегии СССР. В ее основу были положены принципы значительного расширения и углубления связей и контактов не только со странами социалистического лагеря, но и с государствами Запада, третьего мира. По сравнению с послевоенным периодом эти годы отличались интенсивными поездками советского руководства по целому ряду стран, расширением обмена официальными делегациями. Так, в июле 1955 года состоялась поездка делегации Министерства сельского хозяйства СССР в Северную Америку. В советскую делегацию, возглавляемую министром, входили ответственные работники министерства, председатели передовых колхозов России. Пробыв в Америке и Канаде около 60 дней, члены делегации побывали в 12 штатах, посетили около полусотни ферм, при этом широко интересуясь производственной стороной дела, признавая необходимость того опыта, которым располагали фермеры Америки⁹⁵.

С другой стороны, жизнь советского общества, становившегося более открытым, вызвала за рубежом естественный интерес. Получив возможность приезда в Советский Союз, значительное число делегаций различного уровня посещали Москву и союзные республики. Только Узбекскую ССР в 1954—1955 годы посетили 122 делегации из 59 стран мира⁹⁶. Ширились и торговые связи Советского Союза. За один 1953 год были заключены торговые договоры с 13 странами, среди них Иран, Швеция, Норвегия, Дания, Франция, Индия, многие из соглашений заключались впервые⁹⁷.

Серьезные сдвиги начали происходить во внутривнутриполитической жизни СССР. Их конкретным проявлением стал поиск новых подходов в определении основополагающих тенденций развития народного хозяйства страны. В этом русле следует рассматривать сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству, а также попытки повернуть экономику к решению проблемы ускоренного развития легкой промышленности и производства товаров народного потребления. В конечном счете для нашего исследования важен тот факт, что такие настроения, такая дискуссия вообще могли возникнуть на самом высоком уровне политического руководства. Вполне понятно, что до 1953 года открытая постановка альтернативных вопросов, касающихся определения экономической стратегии партии, вообще не представлялась возможной. По существу, это было первое серьезное обсуждение с конца 20-х годов, после долгих лет господства теоретических воззрений Сталина.

Своеобразие политической обстановки в стране в преддверии XX съезда КПСС заключалось в том, что перемены, происходив-

шие в общественной жизни, все еще находились в оболочке «культа личности» Сталина, который по-прежнему олицетворялся официальной пропагандой и обществоведами с классиками марксизма-ленинизма. В такой обстановке и был поставлен вопрос о «культе личности». Впервые эта проблема серьезно была поднята на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС. Значение этого пленума состоит в том, что на нем были заданы определенные параметры темы «культа личности». Вся ее критическая направленность концентрировалась на фигуре Берии. Это выглядело вполне естественно, так как он теснейшим образом был связан с «вождем», наделен практически всеми его качествами. Беспрецедентные преступления сталинского режима участники пленума и, прежде всего, руководители страны записали на счет Берии, выставив его главным виновником существовавших беззаконий, обманувшим партию и государство. Все это объяснялось перерождением Берии, его негативными качествами, властным характером, органической неспособностью делить власть с кем-либо⁹⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что процесс осуждения Берии проходил в полном соответствии с традициями 30-х — 40-х годов. Руководители партии и правительства пристально и лично следили за ходом суда. Его трансляция шла непосредственно в их кабинеты⁹⁹. На ходе судебного разбирательства безусловно сказывалось решение пленума ЦК КПСС, который дал определенные оценочные формулировки. Стенограмма пленума не публиковалась, в информационном заявлении говорилось: «Заслушав и обсудив доклад президиума ЦК, — т. Маленкова о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л. П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л. П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа»¹⁰⁰.

Как и в недавнем прошлом, сообщения подобного рода вызвали бурное негодование трудящихся, словно соревновавшихся в изощренности сильнее заклеить очередного обнаруженного врага. К примеру, гражданина Алексеева (Днепропетровская обл.) разоблачение Берии настроило на поэтическую волну:

Я не прошу, я требую по праву
Стереть с лица земли тебя змею.
Ты меч поднял на честь мою и славу,
Пусть он обрушится на голову твою¹⁰¹.

Гражданин Нудько (г. Кустанай, Казахская ССР) предлагал другой вариант наказания: «Берия не должен быть физически уничтожен. Для него смерть лучшая награда, которой он не достоин. Он не человек, а зверь. А поэтому его следует посадить в клетку... и возить по городам, великим стройкам коммунизма, по заводам, шахтам, колхозам, показывая труженикам его озверелую физиономию»¹⁰². Сходство проведения дела Берии с политическими процессами 30—50-х годов подмечает и очевидец событий О. Трояновский. В своих воспоминаниях он пишет: «И хотя вряд ли нашлась бы хоть горсточка людей, которая симпатизировала бывшему главному кагебисту, все же пленум оставил известное чувство неудовлетворенности. Ибо выступал как своего рода Верховный Суд, постановление которого предвосхищало и предreshало выводы приговора настоящего суда, который состоялся шестью месяцами позже. К тому же дело Берия рассматривалось на пленуме без участия самого подсудимого. Скептицизм, чтобы не сказать больше, вызывался и ничем не обоснованными обвинениями в адрес Берия, будто он агент иностранных разведок. И наконец, пожалуй, самое главное — как мог Берия и иже с ним творить свои злодеяния без ведома Сталина? Какова была роль нашего кормчего во всех этих делах?»¹⁰³.

На этот вопрос июльский (1953 г.) пленум ЦК КПСС ответа не давал. Разговор о «культе личности» и его проявлениях не связывался с фигурой Сталина, а концентрировался в русле обвинений, сделанных в адрес Берии. Такое положение являлось отличительной чертой внутривнутриполитической жизни 1953—1955 годов, когда официально понятие «культа личности» и имя Сталина не имели как бы ничего общего между собой. Это создавало порой странную ситуацию, когда на партийных собраниях коммунисты задавались вопросом, о каких именно личностях идет речь и в чем конкретно проявилась пропаганда «культа личности»¹⁰⁴. Имя Сталина не упоминалось даже в связи с известными нарушениями в области социалистической законности, где последствия «культа личности» приобрели наиболее уродливые формы. В статье министра юстиции СССР К. Горшенкина «Советский суд и его роль в укреплении социалистической законности» значительное место уделялось рассмотрению незаконных следственных органов, вмешательству в действия судов, давлению на судей, но все это связывалось с деятельностью «врагов народа» — Берия и его сообщников, «пытавшихся подорвать основы советского строя». Какая-либо связь вопиющих незаконных с личностью Сталина не прослеживалась¹⁰⁵. Эта позиция содержалась и в статье «Правды» «За дальнейшее укрепление социалистической законности», которая также связывала существовавший произвол с деятельностью группы Берия. Между тем в статье ставился вопрос о полном прекращении необоснован-

ных арестов, а также осуждалась линия на жесткие меры за незначительные проступки, что, как известно, широко практиковалось и поощрялось именно Сталиным¹⁰⁶.

Аналогичный подход к вопросу о «культе личности», сформулированный при обсуждении дела Берии, прослеживался и в решениях январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС, сместившего Маленкова с поста Председателя Совета Министров СССР. Как показывает изучение материалов пленума, в ходе его работы личность Сталина всячески уберегалась от критики, отводилась от наиболее острых моментов, а весь негатив фокусировался вновь на Берии, к которому теперь добавился Маленков. Он разделил участь бывшего главного чекиста как организатора репрессий, виновника уничтожения видных руководителей партии и правительства. Инициатором этого выступил Хрущев, откровенно избавлявшийся от своего главного политического конкурента. В частности, комментируя «ленинградское дело» и фактически оправдывая Сталина, первый секретарь ЦК заявлял: «Вот и довели Сталина до такого состояния... Ведь Сталин подписал, чтобы уничтожить Вознесенского, Кузнецова и др., потому что он глубоко верил, что они враги партии, враги Советского государства. Постоянно получая такие материалы, он не мог иметь других соображений. Ведь он не знал, что все эти материалы добыты нечестным и недостойным путем. И каждый из нас, располагая такими материалами и не имея оснований не верить им, поступил бы, вероятно, так же»¹⁰⁷. Или еще одно высказывание Хрущева: «При Сталине было трудно действительно, и стало трудно после того, как вы (Маленков. — А. П.) с Берия стали влиятельны. До этого было легко»¹⁰⁸. Таким образом складывалась уникальная ситуация: Берия и Маленков обвинялись не только в уничтожении руководящих кадров партии, но еще и в том, что обманывали «великого вождя», втершись к нему в доверие. Хотя, конечно же, Хрущев шел на это сознательно. Позже в своих воспоминаниях он прямо скажет: «И все же не Берия выдумал Сталина, а Сталин выдумал Берию. До Берии в НКВД был Ягода. Из него Сталин сделал преступника, руками его людей убив Кирова. После Ягоды был Ежов, Сталин сделал и из него убийцу»¹⁰⁹.

Очевидно, что уже до XX съезда КПСС тема «культа личности» выступает в качестве своеобразного орудия, которое использовалось в главных внутрипартийных битвах. Это орудие оказалось в руках первого секретаря ЦК, сумевшего с большой пользой для себя обращаться с ним. Фигура Сталина, как главного ответственного за беззаконие, еще не была вовлечена в политический оборот, но его преступные дела уже стали той силой, которая сокрушала замешанных в них его соратников, сцепившихся в схватке за наследство «великого кормчего». Од-

нако процессы десталинизации в обществе набирали силу и не оставляли возможности сохранения такой двойственной ситуации. Впоследствии А. Микоян, комментируя обстановку периода, предшествовавшего XX съезду партии, скажет: «Мы не сразу правильную оценку Сталину дали. Сталин умер, мы его два года не критиковали... Мы психологически не дошли тогда до такой критики»¹¹⁰.

Присутствие Сталина на политическом пьедестале «вождя и учителя» сохранялось практически до самого XX съезда КПСС. Незадолго до его открытия директор Музея В. И. Ленина сообщал в ЦК о завершении ремонтных работ в «Мемориальном доме-музее И. В. Сталина» (ближняя дача) и предлагал показать его делегатам предстоящего партийного форума, а открытие музея для всех желающих приурочить к 5 марта 1956 года¹¹¹. Исключение имени Сталина из официального политического лексикона можно отнести к 3 февраля 1956 года, когда Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ о присвоении звания Героя Социалистического Труда К. Е. Ворошилову в честь его 75-летия. В традиционном приветствии от ЦК КПСС и Совета Министров СССР Ворошилов характеризовался как «верный ученик великого Ленина, один из выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства»¹¹². Упоминание о Сталине, ранее обязательное для такого рода документов, впервые отсутствовало.

Можно говорить о внезапности такого решения, принятого в узком кругу, так как в приветственных телеграммах К. Е. Ворошилову от руководителей братских коммунистических и рабочих партий, он по-прежнему именовался учеником Ленина и ближайшим соратником Сталина. Этот факт с полным правом можно квалифицировать как первый реальный симптом приближающегося большого разговора о «культе личности» и его главном носителе — И. В. Сталине. Через 10 дней, 13 февраля 1956 года, пленум Центрального Комитета КПСС по предложению Президиума ЦК принял решение о проведении на XX съезде КПСС закрытого заседания с докладом Н. С. Хрущева¹¹³.

XX съезд КПСС явился переломным моментом в переосмыслении деятельности Сталина после его более чем тридцатилетнего пребывания на высших постах в партии и государстве. Н. С. Хрущев следующим образом определял значение этого высшего партийного форума: «На этом съезде мы должны взять на себя обязательство по руководству партией и страной. Для этого надо точно знать, что делалось прежде и чем были вызваны решения Сталина по тем или иным вопросам. Особенно это касается людей, которые были арестованы. Вставал вопрос: за что они сидели? И что с ними делать дальше? Тогда в лагерях находилось несколько миллионов человек... Получалась двой-

ственная ситуация: Сталин умер, его мы похоронили, а безвинные люди находились в ссылке»¹¹⁴. Доклад Хрущева на закрытом заседании содержал конкретные примеры грубейших извращений законности, порожденных «культом личности» Сталина в различных сферах общественной жизни. Советский писатель И. Г. Эренбург так вспоминал о впечатлении от доклада на XX съезде КПСС: «На закрытом заседании 25 февраля во время доклада Хрущева несколько делегатов упали в обморок... Не скрою: читая доклад, я был потрясен, ведь это говорил не реабилитированный в кругу друзей, а первый секретарь ЦК на съезде партии. 25 февраля 1956 года стало для меня, как для всех моих соотечественников, крупной датой»¹¹⁵.

Необходимо обратить внимание на то, что пленум ЦК КПСС накануне съезда принял решение о докладе Н. С. Хрущева, а не о докладе ЦК КПСС, с которым бы уже по поручению пленума мог выступать первый секретарь. На самом съезде этот доклад был преподнесен и воспринимался так же, как доклад Н. С. Хрущева, а не ЦК или его Президиума. Вследствие этого доклад на XX съезде КПСС о «культе личности» официально именовался и вошел в историю как доклад Н. С. Хрущева. Нам представляется, что здесь была, во-первых, позиция Н. С. Хрущева не дать Президиуму вмешаться в текст доклада, в его направленность, во-вторых, перестраховка членов Президиума ЦК КПСС, бывших соратников И. В. Сталина, непосредственно связанных с определением курса развития страны и ответственных вместе с ним за массовые политические репрессии. Форма закрытого заседания, на котором впервые и в полный рост был поднят вопрос о «культе личности» Сталина, представляется естественной. Она явилась отражением противоречивой позиции по отношению к бывшему «вождю», сложившейся в руководстве партии. Большой решимости пойти на открытое осуждение сталинских деяний не было проявлено как до съезда, так и в ходе него. Первое свидетельство тому — отчетный доклад ЦК КПСС, сделанный Н. С. Хрущевым. Хотя здесь имя И. В. Сталина уже не упоминалось в связи с достигнутыми страной успехами, но оно не упоминалось и в ходе разговора о «культе личности». Этот вопрос в отчетном докладе носил отпечаток общих рассуждений теоретического порядка. «Культ личности» был охарактеризован как чуждый духу марксизма-ленинизма, превращающий того или иного деятеля в героя-чудотворца и одновременно умаляющий роль партии и народных масс, ведущий к снижению их творческой активности, принижающий роль коллективного руководства¹¹⁶.

Это было характерно практически для всех выступлений делегатов. В прениях по докладу Н. С. Хрущева выступил 51 человек, по докладу Н.А.Булганина — 34. Почти каждый говорил о коллективном руководстве вообще, его важном значении в

целом, но вопрос о «культе личности», как таковом, прозвучал всего в нескольких выступлениях: А. Б. Аристова, М. А. Суслова, А. И. Микояна, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, А. Д. Даниялова, А. М. Панкратовой. И. Д. Мустафаев затронул «культ личности» бывшего секретаря ЦК компартии Азербайджана Багирова. Из этих восьми выступлений «культу личности» уделили внимание лишь М. А. Суслов и в особенности А. И. Микоян, который поставил под сомнение теоретические взгляды Сталина в его трудах — «Экономические проблемы социализма в СССР» и «Краткий курс истории ВКП(б)».

Речь А. И. Микояна на съезде можно считать отличающейся наибольшей антисталинской направленностью. Остальными выступавшими о «культе личности» было лишь упомянуто, причем, как и в отчетном докладе ЦК, Сталин вообще не упоминался. Нельзя не заметить: из восьми говоривших о «культе личности», шестеро являлись членами Президиума ЦК КПСС, из других ораторов А. Д. Даниялов — первый секретарь Дагестанского обкома КПСС и А. М. Панкратова — ученый-историк. Это было еще одним подтверждением того, что инициатива в развенчании «культа личности» исходила исключительно свыше и для многих, особенно для руководителей коммунистических и рабочих партий других стран, была полной неожиданностью. Руководитель Французской коммунистической партии Морис Торез в своем выступлении говорил о нерушимой «верности идеям Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина»¹¹⁷.

Противоречивость, отличающая постановку вопроса о «культе личности» на XX съезде, естественно, не перечеркивает значения этого события, но и не может быть оставлена вне поля зрения исследователя. Видимо, не случайно на съезде значительно больше говорилось о разоблачении Л. П. Берия, расценивая это как крупную победу партии. Этой темы касались многие, но примечателен здесь такой момент. Некоторые выступающие, в первую очередь Г. М. Маленков и Л. М. Каганович, называли Л. П. Берию и его помощников не иначе, как «агентами международного империализма», «фашистско-провокааторской бандой», «матерыми агентами империализма»¹¹⁸. Тем самым причины, породившие эту одиозную фигуру, выносились за пределы существовавшей общественно-политической системы и акцент делался на внешний фактор в лице международного империализма, фашизма и т. д. На наш взгляд, не является случайным, что именно те лица, которые вместе с Берией долгое время составляли окружение И. В. Сталина, теперь активно проводили эту мысль. Такой же линии придерживался и сам Н. С. Хрущев, заявляя в отчетном докладе ЦК, что «особые надежды империалисты возлагали на своего матерого агента Берию, вероломно пролезшего на руководящие посты в партии и государстве»¹¹⁹.

Несмотря на всю неожиданность последовавшего на XX съезде КПСС разоблачения (хотя и не в открытой форме) культа личности, все-таки есть основания говорить о предсказуемости этого события. Причины, побудившие Н. С. Хрущева сделать такой шаг, становятся понятными, если в должное мере учитывать конкретно-политическую обстановку того периода.

Прежде всего надо иметь в виду новые жизненные процессы, начавшие набирать силу сразу после смерти Сталина. Речь идет о претворении целого комплекса идей: от мирного сосуществования различных общественных систем до реорганизации МТС и передачи техники колхозам. Как можно заметить, все эти идеи, задуманные новым руководителем, никоим образом не вписывались в сталинские теоретические каноны. В силу этого, при прежнем официальном признании И. В. Сталина в качестве классика марксизма-ленинизма, для Хрущева создавалась реальная угроза того, что с помощью господствующих теоретических воззрений сталинское окружение, все еще пребывающее в Президиуме ЦК КПСС и Президиуме Совета Министров СССР, могло без особых затруднений доказать несостоятельность любого выдвигаемого им новшества.

Учитывая данное обстоятельство, Н. С. Хрущев больше внимания уделял критике сталинского теоретического наследия. Не случайно, что на XX съезде КПСС в наиболее сильном выступлении А. И. Микояна, ближайшего соратника первого секретаря ЦК КПСС, был сделан акцент именно на несостоятельность Сталина как теоретика марксизма. И впоследствии, на XXII съезде КПСС, А. И. Микоян отмечал, что «идейное значение XX съезда... вырабатывалось... в процессе пересмотра определенных идеологических установок»¹²⁰.

XX съезд КПСС принял постановление, где говорилось о решении ознакомить партийные организации с докладом Н. С. Хрущева на закрытом заседании съезда. Содержание доклада, несмотря на то, что он опубликован не был, в той или иной степени становилось предметом гласности, а следовательно, и объектом дискуссий в различных слоях советского общества. В такой ситуации обсуждение проблемы культа личности без указания его главного носителя было бы лишено всякого смысла. Поэтому в редакционной статье «Правды» от 28 марта 1956 года «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?» впервые официально прозвучали слова не о культе личности вообще, а о культе личности Сталина. Как яркие проявления последнего были названы «Краткий курс истории ВКП(б)», «Краткая биография И. В. Сталина», свидетельствовавшие о непомерном возвеличивании «вождя», о приписывании ему всех достижений и завоеваний партии.

Разговор, начатый XX съездом, во многом послужил основой для переосмысления обществом своего отношения не только к

Сталину, но и ко всему пройденному страной этапу, когда Сталин встал во главе партии и государства. Материалы постсъездовского периода свидетельствуют о бурных дискуссиях по этим вопросам, развернувшихся на собраниях в партийных организациях. О стремлении осмыслить пройденный обществом путь свидетельствовало и заметное повышение интереса к истории КПСС среди широких слоев населения. В целом ряде областей РСФСР в 1956—1957 годах произошло трех-четыреждыкратное увеличение количества кружков, специализировавшихся на изучении историко-партийной тематики¹²¹.

Однако атмосфера раскрепощения, возникшая в обществе вследствие снятия идеологических шор сталинского режима, не нашла благоприятной почвы для своего развития и углубления. Развернувшиеся в стране дискуссии сразу стали получать негативную оценку. В редакционной статье «Правды» отмечалось, что «отдельные гнилые элементы под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильную политику партии, ...использовать критику и самокритику для всякого рода клеветнических измышлений и антипартийных утверждений»¹²².

Непосредственный инициатор критики Сталина Хрущев, характеризуя дискуссии на эту тему, подчеркивал: «Кто же оказался в выгодном положении после разоблачения культа личности? Тот, кто выступал против партии, кто не видел или не хотел видеть успехи нашего социалистического строительства, кто шипел и не говорил ничего хорошего о деяниях нашей партии, нашего народа»¹²³. Ему вторил один из будущих лидеров партии А. Шелепин, заявивший на пленуме ЦК ВЛКСМ в апреле 1956 года: «Буржуазная пропаганда в своих черных целях стремится использовать все, она изобрела слово «сталинист» и пытается сделать его ругательным... В нашем понимании «сталинист», как и сам тов. Сталин, неотделимы от великого звания коммуниста»¹²⁴. Все эти идеи получили развитие в принятом ЦК КПСС постановлении «О преодолении культа личности и его последствий» (30 мая 1956 г.), где в концептуальном плане освещались вопросы возникновения и развития культа личности, проводилась мысль об отсутствии взаимосвязи между культом личности и сложившейся в обществе политической системой¹²⁵.

Такой поворот, последовавший за XX съездом КПСС, нельзя признать случайным. Многие исследователи справедливо ищут его причины в сопротивлении, оказываемом антисталинскому курсу внутри страны и извне, в непосредственном отношении к Сталину, его культу. Но в значительной мере истоки этого процесса могут быть объяснены пониманием новым руководством, и прежде всего Н. С. Хрущевым, состояния советского общества середины 50-х годов, а следовательно, и путей его преобразования.

Показательным в характеристике взглядов Н. С. Хрущева на социалистическое общество в СССР является его спор с В. М. Молотовым, возникший по поводу уровня социалистического строительства, достигнутого страной. На февральской 1955 года сессии Верховного Совета СССР В. М. Молотов в докладе о внешнеполитической деятельности советского государства сказал следующее: «Наряду с Советским Союзом, где уже построены основы социалистического общества, имеются и такие народно-демократические страны, которые сделали только первые, но весьма важные шаги в направлении к социализму»¹²⁶.

Камнем преткновения стали слова о построении в СССР лишь «основ» социалистического общества, так как они противоречили выводу XVIII съезда ВКП(б) о вступлении СССР в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму, а также положению Устава КПСС, принятого XIX съездом, где указывалось, что партия обеспечила построение социалистического общества. В этих условиях особое мнение Молотова об уровне общественного развития, достигнутом в ходе построения социализма в СССР, не могло не вызвать протеста со стороны Н. С. Хрущева и его сторонников. В результате В. М. Молотов был вынужден направить письмо в научно-теоретический журнал ЦК КПСС «Коммунист», где отказывался от своей формулировки как «теоретически ошибочной и политически вредной» и полностью признавал выводы XVIII и XIX съездов партии¹²⁷. К этому вопросу Н. С. Хрущев считал нужным вернуться еще раз в своем отчетном докладе на XX съезде КПСС: «В выступлениях отдельных работников допускались ошибочные формулировки вроде того, что у нас пока созданы лишь основы социализма, то есть фундамент социализма. Известно, что еще к моменту принятия новой Конституции СССР (1936 г.) социалистическая система победила и упрочилась во всех отраслях народного хозяйства. А это означает, что уже тогда социалистическое общество в нашей стране было в основном построено и с тех пор оно развивается на прочной базе социалистических производственных отношений. Поэтому утверждать, что у нас построены лишь основы социализма — значило бы дезориентировать коммунистов и всех советских людей в важнейшем вопросе о перспективах развития нашей страны»¹²⁸. Здесь нельзя не заметить, что простые люди куда более трезво и реально воспринимали все эти споры. В отличие от руководства страны, пустившегося в теоретические дискуссии по поводу создания основ, фундамента, наличия перспектив и т. д., рядовые граждане осознавали этот вопрос исходя из самой жизни, а не идеологии. Например, пенсионер Пашков (г. Харьков) писал в ЦК КПСС: «Вот когда наш труженик города будет жить лучше среднеквалифицированного рабочего любой капиталисти-

ческой страны, а труженик деревни, вернее земли, лучше среднего американского или, к примеру, голландского фермера, тогда мы будем вправе утверждать, что социализм у нас построен, а после начнется этап постепенного перехода к коммунизму»¹²⁹.

Однако, как видно из сказанного, Хрушев руководствовался другими критериями. Приступая к реформам в промышленности, сельском хозяйстве, делая доклад на закрытом заседании XX съезда, он имел твердое убеждение относительно построенного социализма и необходимости развертывания в стране коммунистического строительства. Окончательное оформление эта идея получила в тезисах ЦК КПСС к 50-летию Октябрьской революции, где подчеркивалось: «...построение коммунистического общества в настоящее время уже не далекая, а непосредственная, практическая цель всей совместной деятельности советских людей и их руководящей силы — КПСС»¹³⁰. Спустя полтора года после окончания XX съезда Н. С. Хрушев говорил 48-летнему корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Дж. Рестону, что тот доживет до того времени, когда в СССР будет построено коммунистическое общество¹³¹. Выдвижение на первый план задачи построения коммунизма, нацеливание на пропаганду этой заманчивой идеи всего идеологического аппарата во многом предопределяло непоследовательность и противоречивость в отношении культа личности, выяснения причин его возникновения. Ведь постановка такой цели делала естественным и неизбежным признание уже построенного социализма, а следовательно, и признания огромного вклада в этом сталинского периода и, конечно, самого Сталина. Данное обстоятельство является, на наш взгляд, определяющим в понимании того, что происходило в начале разоблачения культа личности.

Именно этим фактором объясняется и то, что июньский (1957 г.) пленум ЦК КПСС, осудивший антипартийную группу ближайших сталинских сподвижников, вопреки логике, не стал новым этапом в углублении критики репрессивного режима. Более того, пленум можно охарактеризовать как существенный шаг назад в оценке «культа личности» Сталина по отношению к XX съезду партии. В ходе его работы предприняты последовательные попытки отделить фигуру Сталина от массовых репрессий 30 — начала 50-х годов. Показательно в этом плане выступление Г. К. Жукова — одно из первых на пленуме, задавшее тон всему последующему обсуждению. Приведя основательный фактический материал по репрессивным делам, Жуков заявил, что главными виновниками арестов и расстрелов партийных, советских и военных кадров были Маленков, Молотов, Каганович. В отношении же причастности самого Сталина к вопиющим преступлениям он давал следующие пояснения: «Тут Сталин ни при чем», «Это уже было без влияния Сталина», «Тут, товари-

щи, нельзя сослаться на Сталина или на какую-то тройку»¹³². Подобная тональность прослеживалась у многих выступавших на пленуме. Так, например, Малин (зав. отделом ЦК КПСС) говорил: «...все сейчас сваливается на Сталина. Нет, Каганович, Молотов — они повинны за это!» Ответственный сотрудник ЦК Киселев заявлял: «Вы (антипартийная группа. — *А.П.*) сваливали всю вину за расстрелы на Сталина»¹³³. Более того, Маленков и Молотов были прямо обвинены в убийствах Кирова, Вознесенского, Кузнецова, Попкова¹³⁴.

Несомненно, такая позиция инициировалась самим Хрущевым, избавлявшимся от своих давних соперников. Ему же принадлежала выгодная для него идея олицетворения антипартийной группы с уже ранее осужденным Берией, апробированная еще на январском (1955 г.) пленуме ЦК. «Берия и Маленков. Вот преступники» — авторитетно заключал Хрущев¹³⁵. Эта мысль присутствовала во многих выступлениях (Брежнева, Шверника, Косыгина и др.). Наиболее образно ее выразил посол СССР в Китае Юдин: «Берия и Маленков — это сиамские близнецы. Сиамские близнецы, сросшиеся вместе, прожили 71 год (они жили в Пекине). Несколько недель тому назад один из близнецов умер. Умиравшего близнеца хирургически отделили от своего живого собрата, и этот живой продолжал жить. Так и Берия с Маленковым. Собрат Маленкова умер, а этот живет и продолжает дело своего брательника»¹³⁶. Тем самым круг замыкался. Все «нужные организаторы» массовых преступлений были названы и разоблачены. О Сталине участники пленума вспоминали все реже и реже. Это вызывало недоумение в обществе, на партийных собраниях многие задавались вопросом: «Кто больше виноват в репрессиях — Сталин или эта разоблаченная группа»¹³⁷.

Полностью отсутствовала тема «культа личности» на XXI съезде КПСС, сделавшем вывод о полной и окончательной победе социализма в СССР и непосредственном начале строительства коммунизма. Как показывают материалы съезда, ни в отчетном докладе Центрального Комитета, ни в выступлениях делегатов вопросы, связанные с культом личности, практически не присутствовали. Эта тема обойдена даже при негативных оценках деятельности антипартийной группы, даваемых почти каждым выступавшим. Более того, само упоминание термина «культ личности» встречается в стенограмме всего однажды — в выступлении первого секретаря Коммунистической партии Литвы А. Ю. Снечука.

В то же время в послесъездовский период формируется тенденция прямого восхваления первого секретаря ЦК КПСС. В результате, с одной стороны, уже давно утверждалось о полном преодолении «культа личности» и его последствий, а с другой — возрождались и воспроизводились многие из осужденных при-

емов и методов сталинского режима, такие, как кампания непомерного восхваления заслуг и вкладов нового руководителя.

Данная тенденция начинает формироваться с июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. Уже там в выступлениях прослеживаются попытки подчеркнуть возрастающую роль и значение Хрущева в руководстве партии и страны. Интересен тот факт, что особенно это становится заметно в произнесенных текстах участников пленума, сданных по окончании его работы, когда борьба была завершена победой первого секретаря ЦК. Подобострастных слов о Хрущеве там гораздо больше, чем в прозвучавших в ходе дискуссий выступлениях¹³⁸.

На XXI и особенно на XXII съездах КПСС буквально все выступающие выдерживали ритуал, в соответствии с которым имя первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета Министров СССР упоминалось в связи с различного рода заслугами, инициативами, цитировались его высказывания. «Близкий друг народов всей страны», «космический отец», «проводник правды, прогресса, жизни и счастья», «надежда человечества — Москва, Ленин, Хрущев» — вот лишь некоторые эпитеты, использовавшиеся выступавшими делегатами съездов. Конкретное представление о нарастающем уровне славословий в адрес Хрущева дают такие количественные характеристики: если на XXI съезде КПСС его имя в выступлениях делегатов упоминалось около 500 раз, то на XXII — почти 800¹³⁹. Резкое увеличение масштабов восхваления, естественно, не могло оставаться незамеченным и наводило на прямые аналогии с недавно разоблаченным «культом личности» И. В. Сталина. В одном из писем, адресованном в редакцию журнала «Коммунист», говорилось: «После XX съезда партии, осудившего «культ личности» Сталина и поставившего вопрос о том, чтобы в дальнейшем ни в какой форме он не возрождался, то сейчас мы видим, что ни в какой другой форме, а совершенно в тех же формах не в меньших размерах возрожден культ личности Хрущева Н. С. Не без его лично помощи, не без помощи ЦК и его президиума и не без помощи печати, радио, телевидения и кино, кстаи находящихся целиком и полностью в руках его, Никиты Сергеевича, и ЦК»¹⁴⁰.

Именно в силу этого возникала настоятельная необходимость выделить нового руководителя, подчеркнуть его заслуженный «авторитет», приверженность новому курсу. Поэтому на фоне других вопросов тема «культа личности» остро прозвучала на XXII съезде КПСС. В отчетном докладе Центрального Комитета был выделен специальный раздел «Преодоление последствий культа личности. Развитие ленинских норм партийной жизни и принципов руководства. Повышение дееспособности партии». Изучение положений этого раздела показывает, что всего пятая часть его содержания непосредственно связана с

культом личности Сталина, а основное внимание уделено антипартийной группе, состав которой к съезду заметно расширился. Среди ее участников назывались В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Д. Т. Шепилов и Г. К. Жуков. То же самое можно сказать и о резолюции съезда, где об антипартийной группе говорилось почти в четыре раза больше, чем о самом культе личности¹⁴¹. Направленность критики на съезде прежде всего на антипартийную группу подтверждает количество и характер фактического материала, приведенного в докладах Хрущева, в выступлениях делегатов. Так, в адрес В. М. Молотова было высказано 20 конкретных фактов, раскрывающих его «антипартийную, антиленинскую, предательскую деятельность», Л. М. Кагановича — 10, Г. М. Маленкова — 9, в адрес И. В. Сталина — только 8, причем все они уже приводились в докладе Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда, а следовательно, ничего нового в плане критики культа личности не прибавляли¹⁴². В последние годы пребывания Н. С. Хрущева у власти тема культа личности по сути превратилась в орудие, с помощью которого первый секретарь ЦК КПСС добивался принятия нужных ему решений, обосновывая самые невероятные зигзаги своей политической линии. Наиболее показателен в этом отношении ноябрьский (1962 г.) пленум ЦК КПСС. Как известно, на пленуме была утверждена новая структура партийных органов, основанная на производственном принципе. Решение о разделении партийных организаций на промышленные и сельские преподносилось как один из шагов в общем контексте преодоления в партии культа личности, ликвидации его негативных последствий. Эти же аргументы преобладали и при обосновании организации новых органов партийно-государственного контроля, созданных по постановлению пленума.

Изменилось отношение к проблеме культа личности, основным в нем стал акцент на решенность этого вопроса, что, по существу, означало снятие его с повестки дня. Вот одно из высказываний Хрущева о Сталине: «Говорят, что вот и Хрущев Сталина осуждал за то, что он чинил расправы. А я хвалю Сталина за то, что он был несгибаем, за то, что не страшился пустить меч на врагов. Беда Сталина, что он не всегда разбирался, кто прав, кто виноват»¹⁴³.

После XXII съезда Хрущев вспоминал о Сталине главным образом в связи с характеристиками его личных качеств. Например, «не знал, не разбирался в сельском хозяйстве, не любил людей»¹⁴⁴. При этом никоим образом не ставилась под сомнение порочность самой общественной системы. Демонстрируя неподдельную веру в дело коммунизма, первый секретарь ЦК однажды заметил: «Откровенно говоря, какие мы только глупости не

делаем, но в результате нашей могучей политики, в результате устоев, на которых построено наше государство, наша ленинская политика все глупости выносит, и мы имеем успехи»¹⁴⁵. И после отставки в своих воспоминаниях Хрущев также акцентировал внимание на негативных чертах сталинского характера, объясняя этим причины существовавших извращений и преступлений. В этой связи Хрущев вспоминал известное ленинское завещание о Сталине и добавлял, что Сталин, «если исключить его болезненную подозрительность, жестокость и вероломство, оценивал ситуацию правильно и трезво»¹⁴⁶.

Приведенные материалы свидетельствуют о постановке и генезисе вопроса о культе личности, инициируемом «сверху». Однако без преувеличения можно сказать, что эта тема всколыхнула все советское общество, отозвавшись в умах десятков миллионов людей, в течение более чем тридцати лет живших под руководством «великого кормчего». Местные органы с тревогой констатировали, что дискуссии и слухи, связанные с докладом о культе личности, практически заслонили другие решения XX съезда КПСС¹⁴⁷. Начатый на нем разговор послужил отправной точкой для переосмысления обществом не только отношения к Сталину, но и ко всему развитию советского государства. Очевидно, что эти вопросы должны были вызвать острые, бурные дискуссии и не могли иметь быстрых однозначных ответов. В этой связи нельзя не сказать об единогласно-молчаливом одобрении доклада Хрущева XX съездом, что, учитывая сложность и значимость вопроса, выглядело крайне неправдоподобно. Первыми на это обратили внимание западные средства массовой информации. Через день после окончания работы съезда газета «Нью-Йорк таймс» (27 февраля 1956 г.) поместила статью «Изменилась ли политика Москвы?». В заметке давался отрицательный ответ, мотивированный следующим образом: «Мы можем немедленно отменить утверждения Хрущева, что исправление сталинских извращений... знаменует собою возвращение к ленинизму. Сам факт единодушия, которое было характерно для съезда, разоблачает это утверждение, так как для ленинской эпохи была характерна свобода дебатов, проводившихся публично среди вождей и фракций»¹⁴⁸.

Отсутствие открытых дискуссий в руководстве страны по вопросу о «культе личности» в полной мере компенсировалось обществом. Итоги XX съезда породили палитру различных мнений, суждений, мыслей. Наиболее простой и четкой была позиция почитателей Сталина, ни под каким предлогом не признававших обвинений в адрес своего кумира. Вполне понятно, что многие люди относились к новому курсу с недоверием, с озлобленностью, не понимая и не принимая такого политического поворота, подводившего их к крушению собственных жизненных идеа-

лов. Подобные настроения сжато выражены в письме гражданина Победоносцева (г. Ереван): «Читая постановление ЦК КПСС «О культе личности» я неоднократно возмущался. Это постановление написано Хрущевым, чтобы принизить Сталина, но Сталин вечно будет жить в истории, в сердцах прогрессивного человечества»¹⁴⁹.

Отстаивая свои позиции, сторонники бывшего «вождя» высказывали некоторые здравые мысли. Так, например, они напрямую связывали свержение Сталина с политическим пьедесталом с желанием новых лидеров, и прежде всего Хрущева, добыть необходимый политический капитал. Простые люди откровенно говорили: «Хрущеву нужно было опорочить Сталина для того, чтобы создать себе авторитет», «Не хотят ли наши деятели затмить славу Сталина и подготовить почву для своей?»¹⁵⁰. Как нам представляется, в этих рассуждениях присутствует значительная доля истины. Интересно и еще одно замечание, сделанное в анонимном письме, направленном в «Правду». Его автор, 36-летний рабочий, размышлял: если партия осудила практику «культа личности» вообще и Сталина в частности, то почему продолжают культивировать и поощрять преклонение перед Лениным¹⁵¹. Данный момент обходился стороной официальной пропагандой, так как очевидно, что из руководства страны никто бы не осмелился высказываться по подобным вопросам.

Наиболее негативная реакция на решения XX съезда последовала в Грузинской ССР. Окончание партийного форума от даты смерти Сталина отделяла всего неделя. Поэтому траурные мероприятия очередной годовщины смерти «вождя», широко проводимые в республике, превратились в яростную атаку против только что провозглашенного курса на десталинизацию. С 5 по 10 марта в крупных городах Грузии — Тбилиси, Кутаиси, Сухуми — прошли стихийные митинги населения, спровоцировавшие массовые беспорядки. Люди выражали возмущение решениями ЦК КПСС, которые, по их мнению, нарушали дружбу народов, сеяли раздор, поворачивали историю назад. В Тбилиси один из выступавших ораторов заявлял: «Тому, кто решит запятнать светлую память Сталина, грузинский народ не простит. Не допустим критики Сталина — нашего вождя. Ревизия Сталина есть ревизия марксизма, они поплатятся кровью за Сталина». Другие заверяли: «Нас поддерживают в Москве. Сейчас митинги проходят не только в Грузии, но и в Сталинграде, Ленинграде и других городах. Будем бороться за дело Сталина, клянемся!» 9 марта обстановка предельно накалилась: остановился ряд промышленных предприятий, прекратились занятия в высших учебных заведениях и школах, движение транспорта в центральной части города. Толпа ворвалась в редакции республиканских изданий «Коммунист», «Заря Востока» с требовани-

ем сделать траурные выпуски газет о Сталине. Поздно вечером того же дня была предпринята попытка захвата Дома связи, расположенного рядом со зданием ЦК КП Грузии. В результате столкновений появились жертвы. Толпу удалось рассеять с помощью войск с применением танков, которые очистили проспект Руставели. Часть людей, укрывшихся ночью в центральном парке, разгонялась войсками уже утром. С 23 часов 9 марта в Тбилиси вводилось военное патрулирование¹⁵². Эти события имели большой общественный резонанс и стали предметом самого пристального внимания со стороны руководства¹⁵³.

Однако развенчание культа личности Сталина вызвало в обществе и волну совсем иных суждений и действий, связанных с критическим отношением к бывшему «вождю». В дискуссиях, развернувшихся на партийных собраниях страны, рядовые коммунисты поднимали различные вопросы, задумывались над судьбами общества, степенью его деформированности. Критика культа личности, прозвучавшая в ходе знакомства с докладом Хрущева, шагнула далеко за официально обозначенные рамки. Участники партийных собраний были более решительны в оценке личности Сталина и его роли в социалистическом строительстве. В этом отношении характерен пример партийного актива Василеостровского района Ленинграда, где научный сотрудник Института русской литературы Академии наук А. А. Алексеев в своем выступлении отметил: «...исторические факты единовластия в течение длительного времени — это подлинная трагедия для нас... Мало сказать, что трагедией Сталина является внутренняя убежденность в том, что он действовал на благо народа. Возьмите любого тирана в русской и мировой истории. Разве он действовал против убеждения? Нет, он один убежден, что действует или как помазанник божий или как священный инквизитор. У нас принято считать, что величайшим позором истории народов явилась инквизиция, но испанская инквизиция меркнет перед тем, что было у нас. Какие же у нас были масштабы? У нас масштабы гораздо больше. И как же мы можем спокойно сказать, что этот человек заслуживает снисхождения за то, что он был идейным коммунистом»¹⁵⁴. На собрании парторганизации МВД СССР коммунист Снегов подчеркивал: «О какой нормальной партийной жизни могла идти речь! Ведь вопиющим, неслыханным в истории фактом является такое событие, как физическое уничтожение делегатов самого съезда партии! Слишком беден язык, чтобы полностью охарактеризовать происходившие события... Разве гражданская или даже Отечественная война нанесли такой количественный урон в составе руководящих партийных кадров? Ведь никакой Гитлер и мечтать не мог, чтобы суметь реально добиться нанесения нам такого физического урона...»¹⁵⁵ Как можно увидеть, в этих словах, уже четко просле-

живаются различия с официальной оценкой личности Сталина, данной XX съездом КПСС. Они связаны прежде всего с тем, что репрессивная сторона культа в отличие от доклада Хрущева рассматривалась здесь не в отрыве, а в прямой зависимости от самой сущности сталинской диктатуры. В конечном счете это имело важное значение, так как подводило к пониманию деформированности всей системы, создавшей условия для возникновения подобных явлений.

Большие нарекания у людей вызвала избранная форма разоблачения культа личности Сталина — закрытое заседание, и главное — решение не публиковать доклад Хрущева, а ознакомить с его содержанием только членов КПСС, то есть лишь часть общества. Такая ситуация воспринималась как нежелание партии говорить правду собственному народу, а следовательно, и как выражение недоверия к нему. Положение усугублялось еще тем, что содержание доклада стало известно за рубежом, где эпохальный поворот советской политики широко и беспрепятственно обсуждался всеми желающими. Все это не укрепляло в обществе авторитета КПСС, о чем усиленно говорила послесъездовская пропаганда. Так, в письме в «Правду» гражданин Крылов (г. Москва) писал: «Да, что это такая за партия? Да еще называет себя «коммунистической»? Это не партия коммунистов, а скопище ханжей и трусов! О какой там еще «кровной связи» с народом приходится толковать такой партии?! О какой «связи», если она боится остаться непонятой народом и из-за этого страха сказать правду, лицемерит, лицемерит и еще раз лицемерит»¹⁵⁶.

На партийных собраниях в контексте критики культа личности активно поднимались вопросы об ответственности ближайших сталинских сподвижников. В докладе на XX съезде КПСС помимо самого вождя виновными в массовых репрессиях назывались лишь Берия, Ягода, Ежов, тогда как рядовыми коммунистами в ходе обсуждения были предъявлены серьезные обвинения в адрес практически всех членов Президиума ЦК, избранного на XX съезде¹⁵⁷. На партсобрании Института востоковедения несколько выступавших сопоставили тексты речей Микояна и Маленкова на XIX и XX съездах КПСС, после чего обвинили их в неискренности и выразили сомнение в возможности оказывать им доверие, заявив, что ради своего благополучия они были готовы на все¹⁵⁸. Полковник в отставке Чурсин подчеркивал: «Где же был сам Хрущев, почему он тогда молчал, а сейчас, когда умер Сталин, начал на него лить всю грязь»¹⁵⁹. Многие люди задавались вопросом: «Почему члены Политбюро бездействовали раньше? В царское время они же боролись, не боялись смерти, каторги, не боялись трудностей, а сейчас они испугались одного человека»¹⁶⁰. Такие выступления вызвали негативную реакцию в ЦК КПСС и расценивались как злобные преступные

нападки на партийное руководство, за подобные высказывания накладывались партийные взыскания, вплоть до исключения из рядов КПСС. Намного честнее и самокритичнее на этом фоне выглядели слова рядовых коммунистов, как, например, мысль начальника штаба авиаполка Севостьянова: «Мы все коммунисты повинны в создании этого культа, сами же всюду провозглашали «Великий Сталин», а теперь, когда его нет, считаем, что виноват во всем только он. Это неправильно»¹⁶¹.

Тема сталинских преступлений объективно подводила к вопросу о причинах и условиях формирования «культа личности», о способствовавших этому процессу факторах и не только на высших этажах политической власти. По этому поводу высказывалось немало различных по своей глубине и реалистичности мнений. Так, гражданин Соловьев (г. Москва) ошибки Сталина объяснял весьма оригинальным способом, объявляя его троцкистом, пленником троцкистской идеологии. Он писал: «Изучение политики Сталина, которую он навязал партии путем государственного нажима и путем обмана полуграмотных членов ЦК и Политбюро убеждает в том, что эта политика Сталина, начиная с 1929 года, является троцкистской... На базе антимарксистской троцкистской теории Сталин построил теорию построения социализма в одной стране». Присвоение идей Троцкого, по мнению автора, выразилось прежде всего в раскулачивании крестьянства, проведении сверхиндустриализации¹⁶². Другую версию относительно причин сталинских преступлений выдвигал профессор А. Жебрак. По его убеждению, она была связана с сугубо медицинской стороной дела: «Причина несчастий нашей партии и народа в том, что Сталин был типичным параноиком. Паранойя — это форма психического расстройства, при которой больной впадает в состояние бреда. Бредообразование параноика идет в двух направлениях: величие и бред преследования. Поведение параноика, согласно описанию специалистов, часто естественное, он может исполнять свои обычные обязанности. Параноик не может терпеть людей, которые выше его по уму и развитию, их ждет преследование. Что и делалось у нас»¹⁶³.

Однако следует подчеркнуть, что наряду с такими неординарными мнениями существовало и реальное осознание причин возникновения и развития культа личности. Многие люди указывали на наличие в обществе тех сил, которые были кровно заинтересованы в политической структуре, созданной Сталиным. Такой силой являлся партийно-государственный аппарат. Как отмечалось в справке отдела парторганов ЦК КПСС, на собраниях коммунисты остро критикуют многих партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных работников за нарушения ленинских норм поведения, зазнайство, высокомерие, отрыв от трудящихся масс и неправильное отношение к критике¹⁶⁴. Именно

они, по мнению людей, способствовали формированию «культа личности». К примеру, гражданин Князев (г. Казань) замечал: «Что касается великих заслуг Сталина перед народом и его громадного авторитета перед ним, так это ему создали не рядовые рабочие или крестьяне, а партийные работники, за что он щедро их жаловал»¹⁶⁵. Эту мысль хорошо изложил литературовед А. Бялик, выступая на партсобрании Института мировой литературы им. Горького: «Мне кажется, что вследствие исторических причин имелась в партийном и государственном аппарате прослойка людей, которым был выгоден культ личности, которые ехали на этом. Теперь они произносят высокие слова и думают о том, как бы в этой ситуации удержаться...». Интересна мысль ученого и о перспективах преодоления последствий культа в условиях, когда борьбу с ним повели те, кто создавал его: «Если все эти люди останутся на своих местах, если ничего с ними не произойдет, если им будет доверено проведение решений XX съезда, то это будет самообман с нашей стороны. Я не призываю к тому, чтобы применять репрессии в отношении к этим людям, которые сами применяли репрессии, хотя может быть в отдельных случаях в отношении к отдельным преступникам это необходимо»¹⁶⁶. На партсобрании школы № 36 г. Ташкента директор этого учебного заведения Водолазова заявила: «Если говорить о культе личности, то кто же его создавал вокруг Сталина, как не те, кто работали с ним... Вот и сейчас заметна новая тенденция в этом. Часть членов КПСС в настоящее время начинает создавать культ личности т. Хрущеву, мнение которого очень высоко ценится». В связи с этим она поставила вопрос об ограничении сроков работы партийных и государственных деятелей на руководящих должностях: «Почему бы для Председателя Президиума Верховного Совета СССР и секретаря ЦК КПСС не установить пятилетний срок пребывания на своих постах, а также изменить систему выборов в органы советской власти. Необходимо как можно больше развивать демократию. Наши советские люди за время советской власти уже достаточно научились разбираться в этих вопросах сами, без рекомендации райкома...»¹⁶⁷.

Анализ этих высказываний позволяет утверждать о наличии уже в середине 50-х годов понимания, что именно бюрократизм как выражение тоталитарности административно-командной системы явился основой развития культа личности Сталина и воспроизведения этого явления в новых условиях. Характерно и то, что в выступлениях проводится четкий водораздел между партийными массами и партийным аппаратом, и, что особенно важно, четко определялась роль последнего в возникновении различных деформаций. Все это — наглядное свидетельство более глубокого подхода к анализу проблемы культа личности по

сравнению с официальной точкой зрения, сводящей причины возникновения культа к личным качествам Сталина и пагубной роли Берии, Ежова и др.

Обсуждение закрытого доклада Хрущева на съезде партии проходило в целом в сложной, неоднозначной обстановке, зачастую характеризующейся крайне резкими выпадами, направленными не только против сталинского наследия, но и против КПСС, марксистско-ленинского учения в целом. К примеру, Тувинский обком партии информировал ЦК КПСС, что в период изучения решений XX съезда начали поднимать голову антисоветские элементы, активизировались враждебные вылазки. В начале апреля в почтовых ящиках домов были найдены анонимные листовки с клеветническими высказываниями в адрес членов Президиума Центрального Комитета и областных партийных работников. Одна из листовок заканчивалась такими словами: «Все труды ученых-классиков, начиная с Маркса, будут сожжены. Народ жаждет власти Советов». В ночь на 26 марта на областной доске почета неизвестными были изрезаны портреты Ленина и Сталина¹⁶⁸. Аналогичные сообщения поступили из Плессецкого района Архангельской области, где член ВЛКСМ Генерозов изготовил на пишущей машинке и распространил среди рабочих листовки, содержащие критику советского правительства и призывы к упразднению КПСС и преданию суду членов Центрального Комитета. Органами государственной безопасности Генерозов был арестован, у него были обнаружены, изъяты еще нераспространенные листовки, а также письмо следующего содержания: «Никита Сергеевич! Мы, рабочие Верховского медпункта, благодарны Вам за то, что Вы нашли в себе смелость сказать всему народу правду и сообщить факты, которые дают основание не доверять Вам и правительству... Если Ваши заявления и доброжелательство к Ленину не лицемерны, то Вы пришлите нам свои правительственные гарантии, что наших делегатов и агитаторов не тронут работники милиции и госбезопасности. В противном случае могут возникнуть инциденты, а может даже и ненужные противоречия, за что ответственность будете нести Вы. Мы считаем, что ответ нам дадите без лишней волокиты»¹⁶⁹.

Сообщения о подобных фактах поступали в ЦК КПСС из многих регионов. На наш взгляд, их следует рассматривать как естественные по той причине, что разговор относительно культа Сталина, его последствий, неизбежно подводил к общим проблемам оценки социализма, его принципов и сущностных черт. Именно эти проблемы занимали важное место в послесъездовских дискуссиях. Люди затрагивали серьезные вопросы состояния социалистического общества 50-х годов, высказывая весьма глубокие мысли и суждения. В одной записке, переданной в

ЦК КПСС ученым, главным редактором журнала «Вопросы истории» А. Панкратовой, говорилось: «В чем материальная основа культа личности? Может быть в монопольном положении промышленности и сельского хозяйства, не испытывающих никакой конкуренции и поэтому не имеющих внешних стимулов для совершенствования? Отсюда — любое состояние может быть признано наилучшим»¹⁷⁰. Несомненно, что перед нами понимание проблем советского общества неизмеримо более глубокое и реальное в отличие от официальной идеологии. Такие высказывания не являлись единичными. Об этом красноречиво свидетельствуют письма трудящихся в редакции центральных партийных журналов. Так, в одном из писем, направленного в научно-теоретический орган ЦК КПСС журнал «Коммунист», Я. Соколов и И. Билык задавались вопросом: можно ли утверждать, что наша социалистическая действительность, ведущая к коммунизму, уже избавилась от принудительного характера труда? И сами давали отрицательный ответ. Аргументируя свою позицию, авторы писали: «...трудно поверить, что крестьянам предоставлена свобода трудиться, отдыхать. Если посмотреть на их бытовые условия жизни, которые, к нашему стыду, отвратительны, то становится сразу ясным, что в колхозах для крестьян-тружеников нет свободного дыхания жизни»¹⁷¹. Заметим, что эти слова написаны спустя всего несколько лет после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, который был широко рекламирован как исторический в деле возрождения сельского хозяйства страны.

Далее авторы письма останавливались на вопросах руководства колхозами со стороны партийных работников, которые посещают исключительно лишь передовые хозяйства, а как живет основная масса людей, совершенно не интересуются, разводят демагогию, а вместе с тем «...из толкований районных уполномоченных, которые бывают в селах, представляется такая картина: это не советские люди, а какие-то заключенные по всей форме, рабочий скот и только, которому на деле отказано во всем — в свободе труда, отдыха и культурного быта. С утра до позднего вечера одно слышно. «Работа! План! Кампания!»¹⁷². Эти строки письма обычных советских граждан можно квалифицировать как приговор той системе, которая взрастила культ личности Сталина и посредством его подавила человека безжалостным прессом культовой идеологии.

Осознание этого хорошо прослеживается в другом письме в журнал «Коммунист», автор которого Алексин адресовал его непосредственно работникам идеологического аппарата. Он писал: «Ваш конек — в Советском Союзе нет эксплуатации. А что это такое, если трудящийся годами не получает то, что заработал. Это и есть эксплуатация. Какие бы теории Вы не приводили.

Что стоит расчеркнуться пером и сказать, что мы дошли до коммунизма, как сейчас расчеркнулись в социализме. А Вас, писак, заставят испачкать тонны бумаги и доказывать массам, что это подлинный коммунизм, извольте в это верить и перестроить свою идеологию. Все это миф! Прежде чем писать, присмотритесь к массам и посмотрите, что конкретно делается и называйте вещи своими именами...»¹⁷³ Нетрудно увидеть, насколько современны эти слова и теперь. Изменилось лишь то, что сегодня подобные мысли уже не сходят со страниц многих периодических изданий, тогда как в то время письма подобного содержания вместо публикации направлялись в органы госбезопасности для проведения соответствующей работы с их авторами.

Ее результаты не заставили себя ждать. Многие участники дискуссий пострадали за свою откровенность и свободомыслие. Так, Грозненский областной суд приговорил к 8 годам лишения свободы гражданина В. В. Ельцова за то, что он в мае 1956 г. направил «антисоветские письма» в газету «Правда» и «Грозненский рабочий». В двух первых письмах он «клеветал на материальные условия жизни людей, высказывал неодобрительные намерения в адрес руководителей партии», а в третьем письме под названием «Нота рабочих г. Грозного» выражал протест против политики ЦК КПСС в целом¹⁷⁴. На 10 лет лишения свободы был осужден старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Томского педагогического института Е. Г. Юдин. На партийном собрании института он выступил с резкой речью, где критиковал ЦК КПСС. Являясь преподавателем, он пропагандировал подобные настроения среди студентов. В письмах к брату Юдин указывал на преимущества капиталистической системы хозяйства перед социалистической и высказывал пожелания развития событий, подобных тем, которые имели место в Венгрии и Польше¹⁷⁵.

Обобщая дела подобного рода, отдел административных органов Бюро ЦК КПСС по РСФСР подчеркивал, что по своему характеру они свидетельствовали об исключительно злобной антисоветской агитации, выражающейся в «клеветнических измышлениях» о советской действительности, которые сопровождались выпадами и угрозами по отношению к отдельным руководителям КПСС и правительства. Примечателен тот факт, что административный отдел партийного органа указывал на серьезные недостатки работы судов и прокуратуры по этой категории дел, связанные с излишней мягкостью к преступникам, в результате чего они отделялись нестрогими наказаниями¹⁷⁶. Ответом этому могут служить слова из письма анонимного автора: «Но возврата к прошлому быть не может. Знайте это. Царство лжи, которое было воздвигнуто... трещит по всем швам и рушится. И оно рухнет... Так думают сейчас многие — и мыс-

лить вы теперь не можете нам запретить. Раз процесс пробуждения начался, он не остановится. Это закон истории»¹⁷⁷.

Важным этапом дискуссий, начавшихся в обществе после решений XX съезда партии, стало обсуждение итогов июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопрос «об антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича». По его итогам проводились закрытые партийные собрания, на которых только по РСФСР присутствовало 3 млн 711,5 тыс. человек, или 84,6% к общему числу членов и кандидатов в члены КПСС республики. На собраниях выступило 713,5 тыс. человек, или практически каждый пятый от числа присутствующих¹⁷⁸. Формальная цель этих мероприятий была достигнута, участники антипартийной группы осуждены. «Их имена навсегда будут забыты народом. Колхозы, предприятия и стройки не пожелают носить их грязных имен» — такие пассажи произносились на партактивах повсеместно. Многие требовали исключения Молотова, Маленкова, Кагановича из партии: 32,4% первичных организаций решили просить об этом ЦК КПСС, а 7% настаивали на более глубоком разбирательстве их участия в уничтожении руководящих кадров¹⁷⁹. В ответ на раскольническую деятельность антипартийной группы коллективы многих предприятий, колхозов брали на себя более повышенные обязательства в социалистическом соревновании за достойную встречу 40-й годовщины Октябрьской революции¹⁸⁰.

Однако необходимо подчеркнуть, что полного единодушного осуждения антипартийной группы, как это следовало из материалов периодической печати, не получилось. В партийных организациях страны итоги пленума были восприняты как результат борьбы за власть на высшем уровне. Подтверждением могут служить вопросы, заданные коммунистами в ходе закрытых партийных собраний (перечень наиболее часто встречаемых направлялся в ЦК КПСС). Вот тексты некоторых записок: «Молотов, Каганович, Маленков несут ответственность за репрессии. Но ведь Хрущев тоже был членом Политбюро, близким к Сталину, занимал большие посты, на Украине тоже были факты массовых репрессий. Не есть ли это попытка снять с себя ответственность и взвалить ее на Маленкова, Молотова, Кагановича», «Кто же поверит, чтобы Молотов, Каганович, Маленков, Булганин, Шепилов, Сабуров, Первухин, Ворошилов — все были неправы, а Хрущев прав во всем, да еще Фурцева. Дело, видимо, не в этом. Они очевидно мешали Хрущеву творить вольности и он решил их убрать», «Создается впечатление, что все делает Хрущев, а остальные ничего, причем никогда не ошибается. Насколько это верно», «Как понимать, что Молотов выступал против ленинизма, если он сам вместе с Лениным создавал партию»¹⁸¹.

Возмущение коммунистов вызвали испытанные временем методы закулисных интриг, с помощью которых велась борьба на

Президиуме и пленуме ЦК КПСС. Ведь это никак не согласовывалось с демократическими принципами, провозглашенными XX съездом КПСС. К примеру, на собрании объединенной партийной организации Знаменской МТС и колхоза им. Хрущева Тамбовской области ряд коммунистов не согласились с решениями пленума; один из них, механик Тимофеев, в своем выступлении сказал: «У нас нет демократии. Я говорю об этом прямо. Пусть меня посадят, пленум ЦК нарушил демократию. Я не доверяю пленуму ЦК. Пусть Молотов, Маленков, Каганович выступят по радио и признают свои ошибки». После чего Тимофеев обратился с просьбой об исключении его из партии. Райком КПСС удовлетворил его просьбу¹⁸².

Крупный инцидент произошел на заводе судостроительной промышленности № 182 г. Каспияска Дагестанской АССР. На собрании цехов часть выступивших выразила сомнения в правильности решений июньского пленума ЦК, мотивируя это тем, что им неизвестна точка зрения участников антипартийной группы по вопросам внутренней и внешней политики. Выдвигались требования о предоставлении Молотову, Маленкову, Кагановичу возможности выступить по радио или в печати. Учитывая подобные настроения, было решено провести общезаводское собрание с участием первого секретаря обкома Даниялова. К моменту открытия собрания в клубе завода, рассчитанном на 1 тыс. человек, собралось более 2 тысяч. Некоторые рабочие требовали перенести собрание из клуба на стадион, вокруг чего начались споры. Бурные обсуждения вызвали также предложения о численном составе президиума собрания. С информацией об июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС выступил Даниялов. С самого начала его выступления в зале поднялся шум, никакие усилия оратора, директора завода и присутствовавшего председателя Центральной Ревизионной комиссии ЦК КПСС Москатова не давали положительных результатов. К президиуму стали подходить люди, атмосфера настолько накалилась, что продолжать собрание было невозможно. Однако собравшиеся долго не расходились, пытались спровоцировать скандал при выходе из клуба. Даниялов, Москатов были окружены плотным кольцом агрессивно настроенных людей, поведение которых говорило, что они способны на крайние меры. По итогам этих событий обкомом партии было предложено комитету госбезопасности провести розыск зачинщиков, пытавшихся дезорганизовать мероприятие¹⁸³.

На партийных собраниях по обсуждению письма ЦК КПСС «Об антипартийной группе» коммунисты говорили о многом. Высказывались многочисленные просьбы ознакомиться с биографиями избранного Президиума ЦК, предлагалось сделать постоянными поездки с докладами членов руководства на заводы,

фабрики, в колхозы. Большие нарекания вызывала работа Советов, порядок выборов в них. Отмечалось, что выборы — это фарс, и Советы никакой роли в жизни страны не играют и не являются народной организацией, многие депутаты в них вообще не работают, а Верховный Совет СССР ничем существенным не занимается, там нет никаких запросов. Коммунисты в своих пожеланиях говорили о необходимости выдвижения нескольких кандидатур, причем в обязательном порядке предлагалось выдвигать кандидатами в депутаты беспартийных¹⁸⁴. На судостроительном заводе № 169 г. Саратова в ходе обсуждения письма ЦК старший инспектор лаборатории Мазалов в своем выступлении отрицательно отзывался об органах госбезопасности, заявив, что они не нужны, что с их помощью в нашей стране проводится политика кнута и пряника, а жизненный уровень трудящихся ниже, чем в Африке. Мастер одного из цехов, Гертель, после собрания предпринял попытку создать в цехе «независимый профсоюз» и подготовил список нового состава цехового комитета без участия коммунистов¹⁸⁵. Люди высказывали интересные предложения по развитию демократических начал в управлении. Так, гражданин Гончар (г. Ярославль) предлагал предоставить право рабочим и служащим на общем собрании избирать директора из среды наиболее способных людей и смещать его в случае потери доверия. Обязать директоров отчитываться перед собранием рабочих и служащих о своей работе хотя бы ежеквартально. Создать на предприятиях Советы рабочих и служащих, избираемых на общих собраниях, наделить их контрольными функциями за администрацией, правом «вето» и правом созыва общих собраний¹⁸⁶.

Бурные дискуссии происходили и в высших учебных заведениях страны. Во многих вузах коммунисты высказывались за отмену обязательных экзаменов по марксизму-ленинизму. На собрании историко-филологического факультета Курского педагогического института студент И. Рыков дал оценку состоянию дел в комсомольской организации: «Комсомол — это скучная организация, и если бы мне пришлось вступать сейчас, я бы отказался от этого. В комсомоле скучно потому, что над всем довлеет Устав. От нас только требуют работы, учебы и никакой радости. Невнимание к молодежи может привести к таким событиям, какие были в Венгрии. Я требую свободы для молодежи»¹⁸⁷. На собрании физико-математического факультета Ленинградского университета студенты заявили: «Комсомол — это тело, разъедаемое язвами, надо снять лошенок пиджак и показать эти язвы, комсомол — это организация обывателей»¹⁸⁸. Распространение подобных настроений объяснялось малым процентом среди студентов рабочих, колхозников и их детей, преобладанием детей служащих, абсолютное большинство которых нигде

не работало и не знало жизни. Среди причин, объясняющих такой настрой, называлось ведение многими студентами переписки с гражданами зарубежных стран, от которых поступали письма антисоветского содержания.

Приведенные материалы говорят об остроте обсуждений решений XX съезда КПСС. Развенчание культа личности, начавшееся «сверху», продолжилось и широко развернулось в различных слоях советского общества, коснулось осмысления многих существенных проблем социализма и дальнейшего развития страны. Обсуждение этих вопросов шагнуло далеко за рамки, обозначенные в официальных докладах руководителей партии и государства. На фоне четко определенной позиции в обществе проявлялось понимание всей глубины и сложности проблемы. Вот что писал в журнал «Коммунист» адвокат из Минска М. Горячун: «Борьба против культа личности и преодоление его тяжелейших последствий — это не кратковременная кампания, а длительный и трудный процесс воспитания и самовоспитания людей для распознавания ими с идеологической стороны правды от неправды, хорошего от плохого, разумного от дурного и обязательной, но жесткой борьбы с бюрократизмом. Ясно, что борьба эта будет продолжаться многие годы, ибо сила привычки прошлого, сила культа личности, сила бюрократизма и формализма, карьеризма и подхалимства, угодничества и т. д. еще у нас являются великой и опасной силой»¹⁸⁹. Актуальность этой мысли неоспорима не только для того периода советской истории, когда существовали СССР и КПСС, но и для сегодняшних дней России, впереди у которой долгий путь реформирования и обретения самосознания.

Противоречивость критики культа личности в 1956—1964 годы, на наш взгляд, во многом определилась недостаточным научным осмыслением этой сложной проблемы. Общественные науки, включившись в эту работу, не смогли дать подлинно научное исследование фундаментальных процессов, проходивших в жизни советского общества. В рассматриваемый период было принижено значение обществоведческой мысли, что не могло не сказаться на оценке состояния общества, его политической системы, раскрытии механизма общественного развития. После XX съезда КПСС, создавшего непосредственные предпосылки духовного возрождения страны, начался сдвиг к позитивному изменению статуса обществоведческой науки, раскрепощению исследовательского труда. Специфическая обстановка, возникшая после смерти Сталина, обусловила развитие этого процесса под углом переоценки ценностей. В исторической, а также в экономической сферах науки эта переоценка осуществлялась преимущественно двумя путями: через попытку найти новые подходы к познанию общества, человека и через опыт самопознания.

Жизнь требовала освободить теоретическую мысль от груза фальсификаций, вульгаризаторства, иллюзорности, догматизма. Нарастая уже к середине 30-х годов, эти пороки неизбежно лишали обществоведение органических свойств живой науки — динамики поисков и энергии открытий, быстрого социального реагирования и предвосхищения перемен, способности самообновляться и стимулировать обновление общества. В то же время в различных областях знания обнаружилось множество разрывов преемственных цепочек, образовались своего рода духовные ниши, которые надо было заполнить таким образом, чтобы восстановить разорванную волевыми решениями и указаниями связь времен.

Интенсивность начавшегося процесса могла быть обеспечена при условии последовательной и полной десталинизации всех отраслей науки, от чего, в свою очередь, зависел демонтаж идеологии и психологии сталинизма в общественном сознании. Важно было принципиально дистанцироваться от тотально навязчивой пропаганды, безмерного возвеличения и поголовно-принудительного штудирования событий и фактов из жизни и деятельности «вождя». Размеры пропаганды впечатляют: по сведениям Всесоюзной книжной палаты за 1917—1954 годы в СССР было издано книг Сталина в 5 раз больше, чем работ Маркса и Энгельса, и в полтора раза больше, чем произведений Ленина. Только с 1946 по 1952 годы выпущено около 600 книг и брошюр, написанных по поводу отдельных статей и речей Сталина общим тиражом свыше 20 млн экземпляров¹⁹⁰.

Потребность в принципиальном отмежевании политического и нравственного характера испытывали прежде всего сами граждане страны Советов. «Не могу не удержаться от вопроса: когда же, наконец, воздадут должный почет великому Ильичу и не будут ставить его на одну ступень с преступником, который не только уничтожил тех, кто делал революцию, но и убивал в людях честность, бескорыстие и веру в дело социализма», — писала Н. С. Хрущеву учительница М. Николаева¹⁹¹. Ее письмо, полученное 14 ноября 1956 года, по поручению первого секретаря ЦК КПСС было разослано членам и кандидатам в члены Президиума ЦК партии «для ознакомления». Деталь весьма характерная: Н. С. Хрущев, испытывавший мощный нажим просталинистских сил, не упустил случая показать своему окружению, каковы же в действительности настроения и чаяния людей, олицетворяющих новое время.

И хотя исследователи не располагают достаточными сведениями относительно объема и тематического содержания почты, поступавшей в ЦК КПСС, распределения ее по возрасту и социально-профессиональному статусу корреспондентов, можно утверждать, что линия XX съезда была горячо поддержана ин-

теллигенцией. Ее настойчивые призывы «вернуть народу истинный образ Ленина», рассказать о действительных заслугах основателя большевистской партии, приписанных лженаукой Сталину, убедительно говорили о настроениях масс.

Здесь, разумеется, трудно преуменьшить значение первого (на официальном уровне) побудительного толчка к фронтальной переоценке ценностей, который «генетически» связан с докладом Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. Хотя доклад и не обнажил социально-экономических, идейно-политических и психологических корней формирования культа личности, не предложил механизма противодействия возможности его реставрации, он все же подточил гранитное здание монопольного владычества сталинских взглядов в науке, разрушил миф о великом ученом-энциклопедисте, историке, философе, экономисте, лингвисте.

На XX съезде КПСС практически только А. И. Микоян высказал критические замечания по работам Сталина. Он отметил, что в «Экономических проблемах социализма в СССР» дается неверная трактовка того, что после распада мирового рынка будет сокращаться объем производства, что надо пересмотреть и некоторые другие понятия с позиций марксизма-ленинизма¹⁹². А. И. Микоян бросил упрек и в адрес «Краткого курса истории ВКП (б)»: «Если бы наши историки по-настоящему глубоко стали изучать факты и события нашей партии за советский период, да и те, которые освещены в «Кратком курсе», если бы они порылись хорошенько в архивах, исторических документах, а не только в комплексах газет, то они смогли бы теперь лучше, с позиций ленинизма, осветить многие факты и события, изложенные в «Кратком курсе». А. И. Микоян поставил вопрос — нормально ли, что мы не имеем «ни краткого, ни полного марксистско-ленинского учебника по истории Октябрьской революции и Советского государства, где бы без лакировки была показана не только фасадная сторона, но вся многогранная история советской Отчизны»¹⁹³.

Было естественным ожидать, что за эмоционально ошеломляющей акцией десталинизации — докладом Н. С. Хрущева — последует вторая, в концептуальном и политическом плане более глубокая и решительная. Но принятое 30 июня 1956 года постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» представляло собой некую модель неуверенного движения по принципу вперед и вспять, одновременно выступая и стимулятором, и тормозом в развитии теории.

Стимулятором, ибо оно продолжало линию съезда на идейно-нравственное развенчание культа личности, ликвидацию его метастаз в общественной жизни и призывало «последовательно соблюдать во всей нашей работе важнейшие положения учения

марксизма-ленинизма о народе как творце истории, создателе всех материальных и духовных богатств человечества»¹⁹⁴.

Тормозом — поскольку масштаб социального урона, нанесенного существовавшим режимом, не был осознан в верхнем эшелоне власти как глобальный. Вскрытые XX съездом отступления от демократической модели развития общества в то время не квалифицировались как существенные деформации строительства социализма. Категорично утверждая, что «отдельная личность, даже такая крупная, как Сталин», не в состоянии изменить «наш общественно-политический строй», постановление напрочь исключало варианты суждений: думать иначе означало войти «в глубокое противоречие с фактами, с марксизмом, с историей, впасть в идеализм»¹⁹⁵. Стало быть, избежать обвинений в отрыве от жизни, прожектерстве, измене марксизму наука могла лишь под сенью руководящих доктрин и установок. Это вынуждало осторожничать, с опаской сходить с наезженной колеи, обрекало в конечном итоге на ненаучность.

В то же время нельзя не отметить, что постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий» являлось в известной степени гласным эквивалентом спрятанного от широких народных масс доклада Хрущева, проясняло для них смысл принятого на XX съезде предельно лаконичного — в десять строк — эпохального решения. К тому же, если поручалось обеспечение «антикультовых» мер сугубо Центральному Комитету КПСС, то постановление от 30 июня 1956 года делало главным субъектом очистительного процесса непосредственно партийные организации. И все-таки его половинчатость, а значит, ограниченная эффективность, очевидны. Партийная директива оставляла вне сферы важнейшей гуманистической деятельности главное действующее лицо истории — народ, чье исконное право творить было снова продекларировано и проигнорировано.

Но и тогда, и десятилетия спустя — вплоть до «горбачевской» перестройки — как доклад Н. С. Хрущева на съезде, так и решение ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» считались несомненно радикальными и путеводными. Прогрессивная научная общественность страны встретила их с воодушевлением. Появились небеспочвенные надежды, что эпоха обезличенного коллективного труда, который был низведен до подобострастного комментаторства, откровенной апологетики и обреченности плестись в арьергарде «выдающихся теоретических открытий» одного сверхчеловека, останется в прошлом. Возродилась деятельность научных школ, восстанавливался творческий облик исследовательских центров, начали выходить из печати труды, отмеченные авторской индивидуальностью. После XX съезда партии развернулась работа над изданиями, призванны-

ми привлечь внимание общественности к проблемам философского, экономического, исторического знания.

В связи с постановлением ЦК КПСС «О подготовке популярного пособия «Основы марксизма-ленинизма» (август 1956 г.) был сформирован и приступил к работе авторский коллектив во главе с О. В. Куусиненом, заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР, с 1957 г. секретаря ЦК КПСС. В 1957 г. вышли в свет первый и второй тома многотомной «Истории философии». Качественный сдвиг обозначился в исследованиях, посвященных генезису марксизма, что ознаменовалось созданием работ, в которых прослеживался процесс формирования философских и идейных позиций основоположников научного социализма. Были опубликованы труды, отразившие духовные искания К. Маркса и Ф. Энгельса, раскрывшие историю их борьбы за революционную партию пролетариата. Активизации исследований, связанных с ленинским теоретическим наследием, с анализом вклада В. И. Ленина в развитие марксизма, способствовало издание в 1958—1965 годах полного собрания сочинений В. И. Ленина.

В течение 1957—1959 годов вышел в свет пятитомник избранных философских произведений Г. В. Плеханова. Однако общественведческая наука не сумела в полную силу воспользоваться трудами первого русского марксиста в качестве одного из теоретических и методологических источников обновления общественной науки, что неизбежно обеднило ее.

В феврале 1957 года в докладе Главного ученого секретаря президиума АН СССР академика А. В. Топчиева на годичном собрании Академии наук был остро поставлен вопрос о необходимости союза философов и естествоиспытателей. В нем содержалось предложение о созыве научного собрания по философским проблемам естествознания. Эта идея нашла поддержку в широких кругах научной общественности. В октябре 1959 года в Москве состоялось первое Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания, сыгравшее важную роль в определении перспектив работы по совершенствованию научно-технического поиска в условиях НТР. Около 100 ученых — участников совещания — открыто отвергли авторитарные оценки, касавшиеся современных направлений и проблем биологии, физики, кибернетики, выработали основные позиции, по которым должна развиваться борьба идей в области естествознания¹⁹⁶.

Первые шаги, направленные на углубление содержания, приближение научных задач к требованиям жизни, делала экономическая отрасль общественнознания. Появились работы по методологии планирования, проблемам расширенного воспроизводства, ценообразования, оценкам эффективности капиталовложений, организации и оплате труда в сельском хозяйстве, методике рас-

чета себестоимости колхозной продукции. В мае 1958 года ЦК КПСС принял решение о создании популярного учебника политической экономии.

Немаловажным подспорьем для научного анализа служили статистические материалы, помещаемые в ежегодных общих и отраслевых сборниках. С 1956 года возобновились издания: «Народное хозяйство СССР», «Промышленность СССР», «Советская торговля», «Культурное строительство СССР» и др.

Сложным и противоречивым было высвобождение исторической науки из тисков застоя и догматизма. Едва вступив на путь ликвидации искажений, избавления от «белых пятен» и «фигур умолчания», еще не реализовав первоочередных задач этапа эмпирического описания, историческая наука усиленно занялась наращиванием объемов печатной продукции и популярного, и фундаментального характера. Наряду с подготовкой учебного пособия для вузов «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.)», учебника по истории КПСС (руководитель авторского коллектива секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев), развернулась публикация многотомных трудов: «Всемирная история», «История СССР», «Очерки исторической науки в СССР», «Очерки истории Ленинграда», «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», «Советская историческая энциклопедия». Продолжилось издание «Истории гражданской войны в СССР», «Истории Москвы», работ по истории заводов и фабрик. О внимании историков к ранее неразработанным проблемам и активизации исследовательского поиска свидетельствуют такие данные: за период 1956—1960 годов преподавателями общественных наук вузов было выпущено около 900 сборников научных трудов, защищено 722 кандидатские диссертации, из них 583 по проблематике советского периода. По вопросам индустриализации с 1956 года опубликовано свыше трех десятков крупных работ, что в пять раз больше, чем за все предшествующие 25 лет¹⁹⁷.

Столь громадные объемы научной продукции, подготовленной к изданию в короткий отрезок времени, были несовместимы с углубленной исследовательской работой. Между тем потребность в ней ощущалась все настоятельнее и острее по мере того, как историческая наука выходила из кризиса, одной из качественных характеристик которого было перманентное состояние источникового «голода». Исторический факт действительно становился «воздухом» ученого благодаря недолгой, типичной именно для второй половины 50-х годов открытости архивных учреждений. Если в 1947 году в читальных залах системы Государственного архивного управления получили доступ к документам немногим более 4 тысяч человек, то в 1957 — свыше 23 тысяч¹⁹⁸.

Существенно расширяла источниковую базу исторической науки публикаторская деятельность Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, которая особенно активизировалась к 40-летию Октября. Было предпринято новое издание «Протоколов Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918»; впервые увидели свет протоколы Русского бюро ЦК РСДРП(б), материалы Мартовского совещания большевиков в 1917 г.; начался выпуск многотомной переписки Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Исследователи получили в свое распоряжение подготовленные ИМЛ труды Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлова, С. Г. Шаумяна, сборники воспоминаний активных участников революции.

Безусловно значимой акцией для историко-партийной науки стало создание в мае 1957 года журнала «Вопросы истории КПСС». Хотя он и не был в ту пору полигоном новаторской мысли, не отличался быстрой реакцией на события научной жизни, тем не менее значителен его вклад в освещение проблем истории партии, международного коммунистического и рабочего движения. Журнал помог вернуть в летопись Отечества имена многих партийных, государственных деятелей, ученых, военачальников, мастеров литературы и искусства.

Показательно в этом смысле осознание многими обществоведами приоритета темы человека. Она фактически заново освещала творческое пространство на философском поле исследований. Человек уже не воспринимался безликой «статистической единицей» в составе народа, «винтиком» как это было для Сталина¹⁹⁹.

В новом ракурсе научной разработки вырисовывалась прежде всего проблема диалектического соотношения понятий и реалий «коллектив и личность», «микросреда и человек». В отличие от прежних (долго казавшихся бесспорными) подходов в ряде работ, обязанных своим замыслом и рождением XX съезду партии, упор делался на интересы личности. Все увереннее пробивало себе дорогу представление о том, что «чем больше коллектив проявляет заботу о различных сторонах жизни человека, чем больше коллектив держит в поле своего внимания материальные и духовные запросы каждого своего члена, тем в большей степени вырабатывается дух коллективизма, тем меньше почва для рецидивов индивидуализма»²⁰⁰.

Постепенно преодолевался взгляд на человека как на одушевленное орудие производства, обладавшее суммой необходимых профессионально-технологических навыков для выполнения тех или иных операций. В таком контексте не мог не подвергнуться сомнению тезис о творческом характере всякого труда в процессе коммунистического строительства. Подлинная возмож-

ность творить виделась теперь в сочетании, по меньшей мере, двух стимулирующих предпосылок: роста культурно-технического уровня людей и главное — улучшения условий их труда, быта и отдыха²⁰¹.

Поворот к проблемам человека наметился, в свою очередь, в политической экономии, о чем свидетельствовала попытка критически оценить понятийный аппарат данной отрасли знания, обновить его ключевые категории. В частности, основной экономический закон социализма был сформулирован следующим образом: «непрерывное расширение и совершенствование производства на базе передовой техники в целях наиболее полного удовлетворения растущих потребностей общества, систематического повышения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества»²⁰². По сравнению со сталинским постулированием известного закона (см. «Экономические проблемы социализма в СССР»²⁰³) в данной редакции был сделан акцент на интересах и нуждах человека, а сам человек выступал уже не средством, а смыслом и предназначением общественного прогресса. Во всем этом проявлялась тенденция гуманизации экономической сферы общественнознания.

Закономерное движение возрождающейся науки к смене приоритетов исследовательской работы, критериев оценки результатов общественного производства непосредственно выводило экономическую мысль и хозяйственную деятельность на вопросы материального стимулирования²⁰⁴. Многие авторы, исходя из проявлявшейся линии на удовлетворение потребностей граждан связывали реализацию преимуществ социализма с последовательным применением принципа материальной заинтересованности. Стало признаваться, что экономические методы регулирования производственной жизни долгие годы вытеснялись голым администрированием, которое не оставляло места творческой инициативе, самостоятельности личности. Особое внимание стало обращаться на значение понятия «прибыль», обсуждалась возможность «в общей сумме прибылей серьезно повысить ту ее долю, которая остается в распоряжении предприятия и используется им на расширение и совершенствование своего производства, премирование, социально-культурные нужды коллектива»²⁰⁵. Иначе говоря, речь шла о расширении самостоятельности предприятий, что в последующем получило отражение в «косыгинской» реформе 1965 года.

С идеями и выводами ученых были созвучны предложения хозяйственных руководителей. Несомненный интерес представляло письмо директора Нижне-Тагильского металлургического комбината А. Захарова в «Правду», где высказывалась здравая мысль: предоставить трудовым коллективам право по собственному усмотрению реализовывать сверхплановую продукцию на договор-

ных началах²⁰⁶. По сути, это были зачатки нового хозяйственного мышления, не давшие обильных всходов в 50—60-е годы, но подготовившие почву для дальнейших экономических реформ.

Подобные нетрадиционные взгляды, привлекая внимание специалистов — и теоретиков, и практиков, — пробивали себе дорогу на дискуссионную трибуну. В достаточно острой постановке развернулось на страницах журнала «Коммунист» обсуждение спектра проблем товарно-денежных отношений. Оно столкнуло между собой две полярные точки зрения. Первая (устоявшаяся, официально принятая со сталинских времен) отрицала значение товарно-денежных отношений при социализме. Вторая (отражавшая поиск новых подходов), напротив, доказывала их необходимость и неизбежность. Сторонники первой настаивали на реальной возможности обходиться без товарно-денежных отношений. Дескать, социалистические предприятия, избавленные от анархии, свойственной капиталистическому производству, работающие при отсутствии разобщенности производителей и конкуренции между ними, выпускают продукцию, которая рассчитана на заранее известного потребителя. Цены же устанавливаются, в свою очередь, в плановом порядке, а не диктуются стихией рыночной экономики. Данная мотивировка, отмеченная фетишизацией «социалистического планового начала», строилась на застывшем, идеологизированном представлении о товарно-денежных отношениях как имманентно присущих капитализму и противопоставленных социализму²⁰⁷.

Не соглашаясь с этим мнением, оппоненты подчеркивали: низкий уровень использования товарно-денежных отношений в настоящих условиях и в перспективе чреват серьезными трудностями для развития экономики. Преждевременный переход к прямому безденежному распределению фактически означал бы не просто шаг вспять — он поставил бы под угрозу все хозяйственное строительство. В экономике объективно прокладывала путь в завтра не натурализация хозяйственных процессов, а тенденция к росту товарно-денежных отношений²⁰⁸.

Полемика в конечном итоге зашла в тупик, поскольку уровень экономической культуры большинства ее участников (впрочем, и общества в целом) ограничивал перспективу решения проблемы позицией «или — или»: либо ликвидировать товарно-денежные отношения как несовместимые с социализмом, либо признать их правомерность, необходимость, что в восприятии многих было равносильно отрицанию социалистического характера экономики СССР. Опять-таки налицо была сильная доза идеологии в научном обмене мнениями. В результате актуальнейший и назревший вопрос остался нерешенным.

Заметного прироста научных знаний не дали и философские дискуссии, сфокусировавшиеся главным образом на проблеме

противоречий и их роли в развитии социалистического общества. Poleмика в целом не вышла за рамки схоластического теоретизирования. Одна группа ученых видела специфическое противоречие, присущее социализму, в «координатах» между безгранично растущими потребностями народа и достигнутым уровнем развития производства. Сторонники другой точки зрения утверждали, что социалистическому способу производства вообще не присуще основное экономическое противоречие. Они ставили под сомнение роль противоречий как движущей силы общественного прогресса, переводя разговор в плоскость рассмотрения источника развития, под которым подразумевали единство интересов, единство и сплоченность КПСС, единство и сплоченность всех сил социализма. Даже представительная научная конференция в Институте философии АН СССР не помогла найти истину. В выступлениях ее участников преобладала точка зрения о том, что противоречия при социализме носят неантагонистический и преходящий характер. Иллюзорность мышления некоторых представителей ученого мира проявилась и в стремлении смягчить формулировку одного из ключевых философских законов: вместо «единства и борьбы противоположностей» предложив «единство и борьбу существенных различий»²⁰⁹.

Не набрала должной высоты и разработка методологических аспектов философии, связанных с особенностями действия законов диалектики, характером качественных скачков в развитии общества, соотношением свободы и необходимости. Все эти вопросы искусственно привязывались к периоду «развернутого строительства коммунизма».

Не были по-настоящему продуктивными по своим итогам, потенциалу идей и дискуссии исторического профиля: по проблемам периодизации истории советского общества, первой русской революции и Великой Отечественной войны, истории КПСС, источниковедению историко-партийной науки.

Обществоведению никак не удавалось выйти на научные рубежи познания. Командно-административный стиль руководства наукой традиционно находил выражение в волюнтаристских попытках аппарата декретировать научные истины, навязывать ученым «классово актуальную» проблематику, вмешиваться в организацию исследовательского труда.

Остаточная возможность «дерзать» в очерченных «сверху» границах дозволенного закреплялась примитивизированными идеологическими сентенциями типа той, которую декларировал заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Ф. В. Константинов: «Есть на свете лишь одна подлинно научная общественно-политическая теория — это марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе, о государстве и революции, о диктатуре пролетариата, о законах строитель-

ства социализма и коммунизма»²¹⁰. Собственно, он повторял Л. М. Кагановича, который в речи, посвященной десятилетию Института красной профессуры, говорил: «История нашей партии есть история непримиримой борьбы с уклонами от последовательных, революционных, марксистско-ленинских позиций»²¹¹.

Против такой конъюнктурно-чиновничьей регулировки со стороны идеологических ведомств принципиально выступил академик П. Л. Капица. Его особенно беспокоило отсутствие в советских исследовательских коллективах ключевого условия плодотворности научного процесса — свободного обсуждения, нелицеприятного диалога, борьбы идей и мнений. «Сейчас мы в значительной мере превратили полные жизни достижения классиков марксизма в ряд догм, и поэтому философия перестала у нас развиваться (говорил он Н. С. Хрущеву 15 декабря 1955 года. — *А.П.*). Сейчас заседания Академии наук мало чем отличаются от собрания колхозников в пьесе Корнейчука «Крылья». Академики Нудники читают оторванные от жизни доклады, обычно по вопросам исторического характера, славя память великих ученых или великие события... Сейчас собрание академиков — это не ведущее научное общество, занятое решением передовых вопросов науки, тесно связанное с запросами и ростом нашей культуры, оно скорее напоминает церковные богослужения, которые ведутся по заранее намеченному ритуалу. Это не только позорно для передового социалистического государства и для его науки, но это угрожающий симптом замирания здорового общественного мнения и, следовательно, здоровой передовой науки»²¹².

Насколько нелегко давалось обществоведению восхождение по пути освобождения исторического сознания от груза вульгарно-социологических схем и догматов 30-х — начала 50-х годов свидетельствует трудная судьба журнала «Вопросы истории». Бескомпромиссно и точно поставив диагноз состоянию гуманитарной мысли в пагубных условиях сталинщины («атмосфера культа личности вела к консерватизму и застою в науке»), редакция четко обозначила собственное видение ближайших задач исторической науки: «...необходимо шире развернуть критику ошибочных, упрощенческих, антиисторических взглядов, преодолеть последствия культа личности при освещении тех или иных исторических событий»²¹³.

Суть этого преодоления — «не в исключении цитат и вычеркивании имен», а «в правдивом, марксистском освещении исторического процесса и роли отдельных лиц»²¹⁴.

Журнал старался во многом инициировать очистительный процесс. В эпицентре его целенаправленных усилий по десталинизации науки была редакционная статья «XX съезд КПСС и задачи исследования истории партии». В ней объективно просле-

жена эволюция нисхождения (по существу—падения) молодой отрасли обществоведения, заслуженный стартовый авторитет которой создавался в первой половине 20-х годов трудами А. С. Бубнова, В. Г. Кнорина, В. И. Невского, Н. Н. Попова, Е. М. Ярославского. Ускорителем падения стала брошюра Л. П. Берия «К истории закавказских коммунистических организаций», которая подменила действительную историю зарождения и становления большевизма в Грузии и Закавказье просталинистской фальсификацией. С тех пор в сознание масс все настойчивее внедрялись «порочные представления, будто двигать вперед теорию может только Сталин»²¹⁵. В партийные летописцы выдвигались по большей части равнодушные и безынициативные люди, не умеющие и не желающие самостоятельно мыслить, действующие лишь в пределах «установок» и стремящиеся прикрыть свое научное бесплодие научным авторитетом. Иначе говоря, наука отрицала самое себя: историки партии перестали заниматься накоплением и обобщением новых фактов, анализ явлений и событий был вытеснен начетничеством и апологетикой.

Осуждая и объясняя случившееся, журнал формировал собственную, независимую, поисковую позицию, стремился привлечь исследователей к спорным, недостаточно разработанным или фальсифицированным сюжетам. По-новому подошел он к теме первой русской революции, подчеркнув, что большевики были, хотя и внушительной, но не единственной силой революционно-демократического лагеря, что в интересах дела они использовали блоковую тактику, при необходимости идя на сближение и даже вступая во временный союз с мелкобуржуазными партиями.

Через устные и печатные диалоги, дискуссии, выездные конференции «Вопросы истории» утверждали свободный, раскованный стиль общения с читателем, активизировали прямую и обратную связи. В подборе авторов предпочтение отдавалось тем, кто не просто вводил в научный оборот неизвестные ранее факты, а поднимался до концептуального уровня осмысления проблем.

Благодаря не слишком привычной в ту пору линии на открытость и остроту выступлений с журнальной трибуны редакция быстро приобрела не только последователей, но и преследователей. Предметом нараставшего недовольства и даже возмущения оказались неординарные публикации Э. Н. Бурджалова, особенно статья «О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года»²¹⁶. Серьезной попыткой правдиво разобраться с положением в партии после свержения царизма, нетривиальностью трактовок и смелостью выводов она расшатывала оплот «передовой научной мысли» в ипостасях «Краткого курса», книги

«Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» и «творений» калибром помельче. С позиций объективности воссоздав действительный ход Апрельской конференции, публикация нетрадиционно высветила ее значение, а «вернув» на историческую арену, спустя долгие годы безмолвия, политические фигуры Г. Е. Зиновьева и Ф. Ф. Раскольников, она раздвинула тесный круг деятелей революции, разрешенных к упоминанию.

На публикации журнала обрушились ретивые сторонники догматизированной науки. Первой с разносом трех статей и двух рецензий, увидевших свет в первых пяти номерах «Вопросов истории» за 1956 год, выступила «Партийная жизнь», предоставившая свои страницы историку Е. И. Бугаеву. Он инкриминировал авторам упомянутых статей и коллективу редакции в целом утрату научного подхода, крайность и однобокость точек зрения, стремление в очернительском плане пересмотреть отечественную историю²¹⁷.

Для того чтобы понять позиции противников журнала «Вопросы истории», критику его новаторского подхода в исследовании отечественной истории, обратимся к выступлению главного редактора журнала академика АН СССР, члена ЦК КПСС с 1952 года А. М. Панкратовой на XX съезде КПСС. Заметим, что она не была делегатом съезда; заметим также, что слово для выступления на съезде предоставлялось по согласованию с президиумом съезда, с руководителями ЦК КПСС. При поддержке делегатов съезда и руководства ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущевым съезд одобрительно воспринял слова Панкратовой о совершенствовании исторической науки, очищении ее от догм.

На съезде КПСС А. М. Панкратова говорила: «Некоторые историки приукрашивают исторические события, упрощают их, освещают однобоко, а следовательно, неверно. Они изображают путь, пройденный партией, как сплошное триумфальное шествие, в котором не было никаких трудностей... Партия решительно выступает против попытки приукрасить нынешнее положение дел, а некоторые наши историки не решаются отметить трудности и недостатки в прошлой деятельности партии... Мы не ведем последовательной и решительной борьбы с отступлением от ленинской оценки исторических событий, с элементами антиисторизма и упрощенчества, с субъективистским подходом к истории, с модернизацией истории и конъюнктурщиной... Отсутствие социальных основ тех или иных исторических явлений и субъективистское объяснение всех наших неудач только вредительскими действиями врагов или людей, объявленных врагами, а наших успехов — талантами отдельных руководителей, — в этом можно видеть довольно распространенный пережиток культа личности и с этим надо покончить... Необходимо... усиливать борьбу с элементами перестраховки и научной рабо-

сти. Научные вопросы не могут решаться приказами или голосованием. Партия учит нас, что наука развивается путем свободного обмена мнениями, путем дискуссий...»²¹⁸.

Собственно эти идеи нес журнал «Вопросы истории», за что он и подвергся критике вначале другими партийными журналами, а затем и ЦК КПСС. Кампания критики велась под флагом защиты марксистско-ленинской методологии и неприятия «объективистского подхода». В ответе журналу рельефно сквозило желание консервативных кругов все оставить по-старому. Именно так восприняли суть «критических замечаний» Е. И. Бугаева в редакции «Вопросов истории» и, не сочтя для себя возможным смолчать, «ввязались в драку». Полемика с явными и скрытыми оппонентами развернулась в седьмом номере журнала за 1956 год: «Е. Бугаев пишет только о том, что не надо делать... Но из его статьи не ясно, есть ли вообще вопросы, требующие пересмотра, должен ли журнал выдвигать какие-либо новые проблемы, что ему следует делать в свете решений XX съезда партии»²¹⁹. Подробный разбор работы журнала «Вопросы истории» состоялся в октябре 1956 года на заседании кафедры истории Академии общественных наук при ЦК КПСС. Здесь была дана негативная оценка руководству журнала, и прежде всего персонально Бурджалову. Его обвиняли в том, что он «своими статьями отвлекает историков партии от коренных вопросов изучения и разработки тактики партии большевиков в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции»²²⁰. Полемизируя с этой позицией, А. М. Панкратова в своем письме на кафедру подчеркивала: «Спорные, нерешенные, недостаточно разработанные вопросы истории могут быть решены путем научных дискуссий. Партия призывает нас развивать научную полемику, борьбу мнений в науке. Поэтому непонятно, почему обрушились на наш журнал за его полемику со статьей Бугаева... даже заявили, что, поместив эту статью, мы подняли руку на центральные органы партии. Но разве статья Бугаева выражает мнение ЦК партии?»²²¹.

Ответом на этот вопрос главного редактора стало постановление ЦК КПСС «О журнале «Вопросы истории»» (9 марта 1957 г.), которое определило изданию меры не только идейно-политического давления, но и прямого административного диктата и наказания. ЦК КПСС констатировал, что, напечатав ряд содержательных материалов по отдельным проблемам истории, журнал вместе с тем допустил «теоретические и методологические ошибки, имеющие тенденции к отходу от ленинских принципов партийности в науке»²²². В русле схоластического теоретизирования «Краткого курса» постановление обвинило редакцию в затушевывании принципиальных разногласий между большевиками и меньшевиками (в вопросе о гегемонии пролетариата),

усилении руководящей роли первых и отсутствии ленинской критики раскольнических действий вторых на этапе революции 1905—1907 годов и т. д.

Редакции журнала ставилось в вину ослабление борьбы и критики ревизионистских и националистических выступлений югославской печати. ЦК КПСС осудил выступления Э. Н. Бурджалова за «объективистский дух», «старания» автора «под видом критики культа личности выпятить роль Зиновьева в 1917 году», настойчивые попытки «путем недобросовестного обращения с историческими документами» доказать, что в партии до возвращения Ленина в Россию были сильные «объединительные тенденции в отношении меньшевиков»²²³. Главному редактору А. М. Панкратовой (напомним, она выступала на XX съезде КПСС по вопросам развития исторической науки) было указано на серьезные недостатки в руководстве журналом (эта относительно мягкая мера объяснялась, наверное, учетом ее преклонного возраста), заместитель главного редактора Э. Н. Бурджалов был снят с работы.

Разгром «Вопросов истории» на деле перечеркнул творческую направленность не только данного, но и других изданий специального научного профиля, существенно затормозил восходящее движение исторической мысли и — самое печальное для обществознания — не позволил ему подняться на новый качественный рубеж десталинизации.

Ожидаемый передовыми слоями общества и объективно необходимый процесс очищения был заметно подорван на разных участках «идеологического фронта» — и в агитационно-пропагандистской деятельности на уровне трудовых коллективов, и в учебно-воспитательной работе среди студентов. Решение ЦК КПСС по журналу «Вопросы истории» стало использоваться как инструмент пресечения любых проблесков инакомыслия. Через призму оценочных формул этого документа рекомендовалось рассматривать характер преподавания общественных наук в высшей школе. В частности, Бюро Центрального Комитета КПСС по РСФСР в постановлении от 6 мая 1957 года резко критиковало Саратовский обком партии за неудовлетворительную постановку изучения марксистско-ленинской теории в вузах области. Подчеркивалось, что обком КПСС слабо контролирует деятельность кафедр общественных наук, в результате чего преподавание истории партии, философии, политэкономии «не оказывает действенного влияния на коммунистическое воспитание студентов»²²⁴. Любые усилия ученых (во второй половине 50—начале 60-х годов) отказаться от практики обслуживания официальных доктрин, обратиться к сопоставлению точек зрения, теоретических позиций и опыта других политических партий, организаций и течений различных лет сурово пресека-

лись. Резкой критике был подвергнут в 1957 году сборник документов «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении», подготовленный Институтом истории партии при Центральном Комитете Компартии республики. В книгу были включены прежде не публиковавшиеся источники небольшевистского происхождения. Это послужило предлогом к тому, чтобы считать их исходящими из враждебного лагеря и, стало быть, клеветническими, а сам прецедент обнародования квалифицировать серьезной политической ошибкой. Именно так реагировала на выход сборника научная и массово-политическая печать²²⁵.

Притчей во языцех по-прежнему оставались Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский, которых в духе процессов 30-х годов продолжали «склонять» в прессе и монографических изданиях²²⁶. Все это выглядело примитивно и особенно проигрышно для отечественной науки на фоне прогрессивного контекста идей IV Международного социологического конгресса, где западные исследователи без всякой предубежденности призывали изучать теорию и историю революции, обращаясь с этой целью, помимо трудов В. И. Ленина, к работам других деятелей партии большевиков²²⁷.

Анализ характера и степени перемен в общественном сознании показывает, что они не были ни глубокими, ни сколько-нибудь устойчивыми. Поиски новых подходов (редко доводимые до весомого научного результата) обычно не имели перспектив, поскольку всегда затруднялись консервативным грузом минувшего, неослабевающим прессингом идеологических доктрин и политических установок. Благие намерения, отдельные удавшиеся попытки преодолеть догматизм, иллюзорность и схематизм, выработать реалистическое видение настоящего и перспектив развития нашего общества оборачивались в условиях инерционной закрепленности и стандартизации мышления лишь репродукцией новых схем и стереотипных моделей.

Существенной демократизации исследовательских процессов в различных областях исторического, философского, экономического знания не происходило, поскольку для них не было основы в самой действительности — торжества подлинной демократии. Общественнонаучная наука, ограниченная в своих возможностях, становилась почти приравненной к идеологии и, постоянно попираемая ею, была не в состоянии выдвигать концепции и теории стратегической значимости.

Отрицательно сказывалась и непоследовательность политики десталинизации, ее рывки из стороны в сторону, мешавшие целенаправленной исследовательской работе, адекватным оценкам научного потенциала. Ограниченность возможностей, противоречивость и иллюзорность идейно-теоретических исканий тор-

мозили творческое начало в обществоведении. Делая шаг вперед, а затем отступая, оно не могло набрать достаточного ускорения, чтобы совершить прорыв к новому качеству знаний.

Поэтому науке приходилось растрачивать свои усилия на псевдотеоретические импровизации вокруг таких «актуальных проблем», как важнейшие закономерности перехода от социализма к коммунизму; пути превращения социалистического труда в коммунистический; условия преодоления существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом; создание предпосылок коммунистического распределения и т. д. Доминирование теории, родившейся не из реалий, а из доктринальных схем подновленного, облагороженного сталинизма, определяло облик всех отраслей обществоведения в 50—60-е годы.

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КПСС И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ

Сразу после смерти И. В. Сталина на вершине партийно-государственной иерархии началась борьба за его властное наследство. Ее незамедлительное начало объясняется существованием уже сформированных основных сил, имеющих свои четко выраженные политические интересы. Образование этих группировок происходило в последние годы жизни Сталина и во многом поощрялось «вождем», широко практиковавшем систему сраживания и прямого столкновения различных аппаратных сил. К марту 1953 года в высших эшелонах власти сложилось три главных центра, возглавляемые ближайшими сталинскими сподвижниками — Маленковым, Берией, Хрущевым. Соперничество между ними, инициируемое зачастую «сверху», развернулось уже в начале 50-х годов. В этой борьбе каждый опирался и эксплуатировал свои собственные номенклатурные возможности, связанные с особенностями положения в партийно-государственной системе.

Силы распределялись следующим образом: базой Маленкова являлось правительство страны, опорой Берии — силовые ведомства, Хрущева — партийный аппарат. Необходимо отметить, что о позициях Маленкова и Берии во властных структурах можно говорить как о достаточно прочных: оба уже более десяти лет работали в Москве и создали себе основательную кадровую базу в центральных органах власти. Хрущев же, переведенный в столицу в конце 1949 года, объективно не мог располагать серьезным потенциалом. Именно в силу этой причины он сразу же приступил к укреплению своих собственных позиций в Москве, мобилизуя ресурсы вверенного ему партийного аппарата. О возрастании влияния Хрущева свидетельствуют его все более частые аудиенции у Сталина. В журналах, фиксирующих принятых Сталиным за 1950 год, Хрущев был только шестым по посещаемости «вождя», а в 1951, 1952, 1953 годах он становится уже третьим, уступая лишь Маленкову и Берии²²⁸. Несомненно, это расширяло реальные возможности Хрущева с выгодой для

себя решать многие вопросы работы аппарата Центрального Комитета партии. Наиболее значимыми достижениями Хрущева перед мартом 1953 года стало упразднение Оргбюро ЦК, где до XIX съезда председательствовал Маленков, значительное усиление активности Секретариата ЦК, в котором появились новые люди, ориентирующиеся на него, укрепление своими людьми руководства ключевых органов ЦК²²⁹.

Однако смерть Сталина и последовавшая за ней новая расстановка сил не привели к выдвижению Хрущева на первые роли. В опубликованном составе Президиума ЦК КПСС он назывался лишь пятым после Маленкова, Берии, Молотова, Ворошилова²³⁰. Порядок расположения членов Президиума определял сложившуюся на тот момент значимость в руководстве партии и государства. Рейтинг Хрущева, говоря современным языком, объективно обуславливался тем положением, которое в тот период имел ЦК партии в руководстве страной. Политический вес Центрального Комитета был тогда значительно ниже веса Совета Министров СССР, а также МВД СССР. Эти силы определяли и вырабатывали основную политическую стратегию развития советского общества, и, соответственно, руководители именно этих структур занимали ведущие позиции в высшем эшелоне власти. Необходимо заметить, что такое положение сложилось еще в предвоенный период, когда реальные рычаги управления стали постепенно перемещаться в СНК СССР²³¹. Не случайно, что и в Президиум ЦК, образованном после смерти Сталина, входили все руководители Совета Министров, а непосредственно партию представлял лишь один Хрушев.

Первый секретарь ЦК с возмущением воспринимал второстепенную роль партии во властной иерархии, когда практически вся роль партийных комитетов сводилась к поддержке и проведению в жизнь распоряжений Совмина и министерств. Хрушев подчеркивал: «...13 лет съезд партии не собирали, 8 лет пленум не собирали и как могли 20 лет Политбюро не собирать? Мы-то члены Политбюро знали, как оно работало, нам-то известно. В два часа ночи поднимали и говорили, что вот такие-то вопросы надо решать. Приезжали, нас спрашивали: «Покушать хотите?» А какая еда в два часа ночи. Ну поели, теперь расходитесь. Это было заседание Политбюро. Вот как было»²³².

Декоративным органом, лишенным реальной политической власти, оставался Верховный Совет СССР. Председателем Президиума Верховного Совета стал Ворошилов — старейший член руководства, утрачивающий былую активность. Это назначение — скорее дань его бывшим заслугам. О пренебрежительном отношении к Верховному Совету как органу власти свидетельствует и тот факт, что секретарем Президиума ВС СССР был назначен секретарь ЦК Пегов, который на тот момент даже еще

не являлся депутатом, а только собирався избираться по одному из округов Урала или Ленинграда²³³.

В условиях отсутствия единоличного лидера соперничество между основными политическими фигурами вспыхнуло с новой силой, каждый стремился возвысить свои позиции. На январском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС Хрущев подчеркивал: «Сталин — это одно, а после смерти товарища Сталина оставшиеся руководители — это уже другое»²³⁴. В изменившейся обстановке сразу же проявились властные амбиции и претензии на лидерство со стороны Берии. Известный политический деятель О. Трояновский в своих воспоминаниях дает ему такую характеристику: «Хотя непосредственно после смерти Сталина фигурой номер один считался Маленков как председатель Совета Министров, фактически ведущую роль играл Берия. Я с ним непосредственно никогда не соприкасался, но знал по рассказам очевидцев, что это был человек безнравственный, не брезговавший никакими средствами для достижения своих целей, но обладавший незаурядным умом и большими организаторскими способностями. Опираясь на Маленкова, а иногда и на некоторых других членов Президиума ЦК, он последовательно вел дело к закреплению своего лидерства»²³⁵. Как известно, Берией был предложен целый ряд инициатив, касающихся самых разнообразных вопросов: национальной политики, правоохранительной системы, международных отношений, сельского хозяйства²³⁶. По свидетельству его сына — С. Л. Гегечкори, Берия считал необходимым вынести на открытый съезд КПСС все документы, связанные с репрессиями, а роль ЦК свести к вопросам идеологии и пропаганды. «У отца (Берия. — *А.Л.*) была четкая программа, которую он не скрывал ни до смерти Сталина, ни после»²³⁷.

Сердцевиной программы Берии явилось его видение устройства власти в постсталинском обществе. Во многом оно основывалось на воспроизведении уже существовавших конструкций, очищенных от культа самого Сталина. По замыслу Берии, главным звеном должны были оставаться силовые ведомства. Уже 19 марта он внес предложение в Секретариат ЦК КПСС заманить руководителей МВД во всех 15 союзных республиках, 12 автономных образованиях, 6 краях и 49 областях России²³⁸. Ставленники Берии в свою очередь проводили замену и подбор кадров в среднем руководящем звене МВД. К примеру, Мешик и Мельштейн, назначенные министром и первым заместителем министра МВД Украинской ССР, сразу же заняли позицию грубого игнорирования решений партийных органов о направлении того или иного работника в систему МВД, проводя на ответственные посты исключительно своих людей. Мешик только за один день по собственному усмотрению сменил 18 начальников управлений МВД областей Украины²³⁹.

Акцент Берии на создание собственной вертикали силовых ведомств отражал особую роль органов госбезопасности в обществе. Они имели решающее слово при любых выдвижениях или перемещениях партийных, государственных или хозяйственных кадров, с ними в обязательном порядке согласовывались все кандидатуры. В своих воспоминаниях Хрущев характеризует такое положение вещей, как позорнейшее явление, утрату руководящей роли партии: «Честно говоря, мы тогда считали, что это помогает партийным органам лучше изучать кадры и разоблачать врагов, которые проникали даже в состав руководства. Так нас тогда воспитали»²⁴⁰. Следует отметить, что заработная плата уполномоченных госбезопасности на районном уровне была в 4 раза больше, чем у секретарей райкомов партии²⁴¹.

Однако такая конструкция власти, доставшаяся в наследство от Сталина и эксплуатировавшаяся Берией, не устраивала других членов Президиума ЦК. Они не без оснований видели в этом реальную опасность для себя, своего существования. Итогом стал арест Берии и проведение июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, осудившего бериевскую модель властного устройства. Фактически пленум положил конец всемогуществу органов МВД. На пленуме подчеркивалось: «Разве не факт, что в течение многих лет Министерство внутренних дел приобрело слишком большое влияние и на деле вышло из-под контроля партии. Фактически на протяжении уже ряда лет был утрачен действенный контроль партии над органами МВД» и далее: «...не правом, а важнейшей обязанностью руководящих партийных органов является осуществление строжайшего контроля за работой органов Министерства внутренних дел»²⁴².

Устранение влияния органов госбезопасности и их главного покровителя Берии еще не изменило соотношения сил в пользу ЦК партии, возглавляемого Хрущевым. У других членов руководства страны имелись свои взгляды на построение властной иерархии. Они основывались на развитии главенствующей роли Совета Министров во всех сферах жизни советского общества. Линию на усиление роли правительства олицетворял его председатель Маленков и его заместители. Урезание амбиций силовых органов лишь скорректировало модель власти, придав ей более цивилизованные формы. Арест Берии отвечал интересам как Хрущева, так и Маленкова. После расправы с главным конкурентом лидеры двух основных политических сил — партийного и государственного аппаратов — сразу развернули борьбу за первенство.

Практически одновременно (в августе—сентябре 1953 г.) Маленков и Хрущев выступили с собственными программами, серьезным образом корректировавшими привычный общеполитический курс. В речи Маленкова на августовской (1953 г.) сессии

Верховного Совета СССР был поставлен нетрадиционный для советской практики вопрос о том, чтобы одновременно с высокими темпами роста тяжелой промышленности быстрее двинуть вперед производство товаров народного потребления, значительно увеличить вложения средств на нужды пищевой и легкой промышленности²⁴³. В сентябре 1953 года Хрушев созвал пленум ЦК КПСС, посвященный вопросам сельского хозяйства, вызвавший огромный резонанс. Вот какой вывод сделал из доклада Хрушева корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве: «Самая исчерпывающая, самая откровенная, самая обоснованная критика состояния советского сельского хозяйства, которая когда-либо была предана гласности кем-либо из советских руководителей»²⁴⁴.

Соперничество двух лидеров отражало борьбу государственно-го и партийного аппаратов за инициативу проведения своей собственной политики. Надо заметить, что в этих условиях Хрушев сумел найти удачную и острую форму тотальной атаки на государственный аппарат, являвшийся вотчиной Маленкова. Им был провозглашен курс на борьбу со всевозможными проявлениями бюрократизма в работе правительственных и советских органов. Эта политика оформлялась постановлениями ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе государственного аппарата» (январь 1954 г.) и «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств и мерах по улучшению работы государственного аппарата» (октябрь 1954 г.)²⁴⁵.

Конечная цель широко проводимой антибюрократической кампании становится понятной исходя из итогов январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС. На нем Хрущеву удалось добиться смещения Маленкова с поста Председателя Совета Министров СССР²⁴⁶. Его деятельность была представлена в качестве олицетворения бюрократического стиля работы, осужденного партией и объявленного источником многих бед и недостатков. Пленум ЦК предъявил Маленкову обвинение в отрыве от живой работы с людьми, затягивании решений по важнейшим вопросам, обильном бумаготворчестве.

Смещение основного конкурента готовилось Хрущевым тщательно, обвинения Маленкова коснулись не только стиля его работы, но и различных содержательных вопросов. Особые нарекания вызвала его речь на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 года о развитии легкой промышленности и производства товаров народного потребления. Она была охарактеризована как экономически необоснованная, рассчитанная на снискание дешевой политической популярности. Говоря об этом, Хрушев заявлял: «Это — дешевка. Маленков потом говорил нам: вы же ее предварительно читали. Да, читали. И я читал. Несу ли ответственность за эту речь? Да, несу ответственность. Но с автора полага-

ется спросить больше»²⁴⁷. По мнению пленума, серьезные ошибки допустил Маленков и в сфере международной политики. В речи на собрании избирателей 12 марта 1954 года им был выдвинут тезис о возможности гибели мировой цивилизации в случае развязывания третьей мировой войны. Это признавалось неправильным, так как подобные утверждения способны породить настроения безысходности и ненужности усилий народов, протестующих против планов империалистических агрессоров²⁴⁸. Самые резкие обвинения были предъявлены Маленкову в связи с его многолетними отношениями с Берией. Выступавшие на пленуме говорили о политической близорукости Председателя Совмина, который, попав под влияние Берии, превратился в безвольное орудие в руках злейшего врага партии²⁴⁹.

Следует сказать несколько слов и о самой личности Г. М. Маленкова, о всем его жизненном пути. Важно особо отметить, что он никогда не работал первым лицом, отвечающим за район, область, республику, вся его многолетняя деятельность была связана с аппаратом, подготовкой всевозможных документов. Это позволяет утверждать, что качества лидера, способного повести за собой, столь необходимые в политической борьбе, не проявились у него в должной мере. В этом он, несомненно, уступал Хрущеву, в котором партийный аппарат почуял выразителя своих жизненных интересов и амбиций. Безвольность Маленкова бросается в глаза в ходе работы январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС. Он сдался, смирившись со своей отставкой, еще до своего выступления, которое начал словами: «Теперь я хочу здесь, на пленуме, сказать, что решение ЦК я воспринимаю и восприму как правильное, принципиальное и справедливое решение, как решение такое, которое должен принимать по такого рода вопросу наш ленинско-сталинский руководящий коллектив»²⁵⁰.

С середины 50-х годов конфликт основных политических сил — государственного и партийного аппаратов за право доминировать в обществе — неуклонно решался в пользу последнего. Выборы ЦК на XX съезде КПСС закрепили эту тенденцию. В состав Центрального Комитета партии было избрано более ста новых членов, многие из которых являлись партийными работниками и были заинтересованы в укреплении руководящей роли КПСС во всех сферах жизни советского общества. На первом послесъездовском пленуме ЦК в декабре 1956 г. Хрущев удовлетворенно замечал: «Лишь за последние годы восстановлена практика регулярного проведения пленумов ЦК, введенная еще Владимиром Ильичем Лениным. И это является ценным и необходимым качеством, неперемennым условием для работы...»²⁵¹.

Переломным этапом борьбы партаппарата за полное влияние в стране стал июньский (1957 г.) пленум ЦК КПСС. Он явился главным узловым моментом внутрипартийной борьбы хрущев-

ского десятилетия, определившим политическое развитие не только на 1957—1964 годы, но и последующий период. На этом пленуме впервые заявили о себе как о новой силе молодые кадры партии, возвышенные еще сталинским XIX съездом КПСС. Именно их роль в аппаратно-номенклатурной победе Хрущева можно квалифицировать как решающую. Положение первого секретаря на заседании Президиума ЦК 18—21 июня 1957 года было крайне сложным. Инициировав заседание Президиума без его согласия, Молотов, Маленков, Каганович и присоединившиеся к ним Шепилов, Сабуров, Первухин и Булганин выступили с критикой и обвинениями в адрес Хрущева и, пытаясь добиться его смещения, получили арифметическое большинство. Расхождения существовали по принципиальным вопросам: о культе личности, по проведению внешней политики, внутривнутриполитическим инициативам Хрущева. Острая дискуссия, развернувшаяся на Президиуме, по требованию части членов ЦК КПСС была перенесена на пленум Центрального Комитета, открывшийся 22 июня 1957 года. Его полная стенограмма, опубликованная спустя 40 лет, дает подробное представление о всех перипетиях внутривнутрипартийной борьбы.

Неоднозначность ситуации для Хрущева ощущалась в начале работы пленума. Об этом свидетельствует самое первое выступление для справки, сделанное Сусловым. Он рассказал о событиях, происшедших на Президиуме ЦК, но сделал это очень осмотрительно и осторожно, сопровождая информацию постоянными рассуждениями о важности момента. Обобщенно-негативно охарактеризовав Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова, Суслов позволил себе некоторые критические замечания и в адрес Первого секретаря: «Конечно, у тов. Хрущева имеются недостатки, например известная резкость и горячность. Отдельные выступления его были без должной согласованности с Президиумом»²⁵². Осторожность Суслова особенно заметна в завершении его выступления, где он говорил, что никакого решения не принято и выразил уверенность, что оно «будет способствовать дальнейшему укреплению нашей славной партии, ее боевого штаба — Центрального Комитета». На просьбы членов ЦК («боевого штаба») прокомментировать подробнее, Суслов отвечал: «...я не могу и одной десятой сказать», «я все не могу охватить» и предлагал это сделать другим информированным товарищам²⁵³. В результате Хрущеву пришлось брать в руки ведение пленума и самому предоставлять слово Жукову для заранее заготовленной основательной атаки на своих противников.

Кульминацией пленума, естественно, стали выступления самих участников «антипартийной группы», в ходе которых атмосфера была крайне накалена. Это подтверждают такие количественные характеристики: речь Маленкова прерывалась фразами

ми, замечаниями, отдельными репликами с мест 115 раз, Кагановича — 117, Булганина — 129, а объемное выступление Молотова («идейного вдохновителя») — 313 раз²⁵⁴. Из бурных дискуссий складывалась картина тех противоречий между Хрущевым и антипартийной группой. Речь шла, прежде всего, об опасности извращений в работе занимающего пост первого секретаря ЦК, независимо от того, кто находится на этом посту, о сосредоточении в его руках большой власти, злоупотребление которой опасно. Противники Хрущева в интересах укрепления коллективности руководства предлагали улучшить организацию работы Президиума, ликвидировать пост первого секретаря ЦК. Создать ряд постоянных комиссий, установить порядок очередности председательствования на заседаниях. Другим камнем преткновения стала инициатива Хрущева догнать и перегнать США по производству мяса, молока к 1960 году, которая, по мнению группы, была непросчитана и авантюристична. Много нареканий вызывал и стиль работы Хрущева с преобладанием необдуманных поступков и нежелательных экспромтов, особенно на международной арене.

Важность поднятых проблем и настоятельная необходимость их детального анализа очевидны. Однако изучение стенограммы выступлений, прозвучавших на пленуме, показывает, что основной интерес его участников концентрировался в иной плоскости, связанной с организационным оформлением группы, то есть с сугубо аппаратной стороной дела. Показательно в этом плане выступление Брежнева, начавшееся словами: «Перед нами все глубже и полнее раскрывается картина чудовищного заговора против партии»²⁵⁵. Большую часть времени он посвятил детальному освещению хода событий, увлеченно, почти в детективном ключе рассказывая о том, кто к кому ходил, кто с кем ехал, о чем говорил, куда звонил и т. д. Вопросы содержательного характера, анализ идейных разногласий присутствовали контурно, на втором плане²⁵⁶. То же самое характерно и для других сообщений о событиях на Президиуме, сделанных Аристовым, Кириленко, Мухитдиновым, Ворошиловым. Особняком здесь стоит лишь выступление Микояна, который сделал серьезный анализ внешней и внутренней политики в первые послесталинские годы, особенно стратегии мирного сосуществования, снятия «железного занавеса», использования противоречий в международных отношениях и др. Речь Микояна можно определить как заключительную в разразившемся конфликте, после которой все вопросы относительно победы Хрущева были сняты.

Серьезное обсуждение поднятых «антипартийной группой» проблем, подавляющее число участников пленума свело к простому одобрению шагов и действий Хрущева. Так, вместо экономической проработки лозунга догнать и перегнать США, ре-

ализация которого затрагивала все сферы народного хозяйства, выступавшие рапортовали об уже начавшемся осуществлении этой неожиданной инициативы первого секретаря ЦК. Руководитель Компартии Литвы Снечкус говорил: «Теперь вся работа в литовской деревне проходит под лозунгом догнать Америку по производству молока, масла и мяса на душу населения»²⁵⁷. Министр культуры Михайлов утверждал, что «интеллигенция... считает своей святой обязанностью разрабатывать и создавать книги и фильмы по этой теме»²⁵⁸. Хотя в реальности мало кто верил в жизненность этой скоропалительной идеи. Почти через 30 лет руководитель Белоруссии Мазуров, будучи пенсионером, делился совсем иными впечатлениями: «Когда Хрущев сказал, что нужно догнать Америку, у меня потемнело в глазах. Я все-таки читал, что такое Америка, и знал как обстоят дела у нас. Но успокоил себя тем, что это лозунг»²⁵⁹. Можно полностью согласиться и с упреками в адрес Хрущева относительно стиля его работы, постепенно возрождающейся практике восхваления. Именно это будет одним из обвинений первому секретарю ЦК на судьбоносном для него октябрьском (1964 г.) пленуме Центрального Комитета. Однако в 1957 году этого не замечали или не хотели замечать, обрушивая критику на Маленкова и Молотова, прямо указавших на серьезный недостаток Хрущева.

Вообще можно говорить об определенном парадоксе советской партийно-государственной системы. Как только кого-либо из высшего руководства начинают вытеснять с вершин власти, то, защищаясь, он начинает приводить здравые аргументы, которые внутренне все понимают и осознают. Так было в довоенный период, когда из Политбюро постепенно выдавливались сталинские политические соперники. То же самое, как мы видим, произошло и с антипартийной группой, первой обратившей внимание на авантюризм и неуправляемость Хрущева, что таило опасность бесконечных потрясений и необдуманных преобразований (так было и с Хрущевым, который после отставки в своих воспоминаниях продемонстрировал трезвую оценку многих событий). Но если высокий руководитель находился во властной обойме, то он не позволял себе какой-либо критики, не совпадающей с официально провозглашенной линией, и тем самым принимал установленные правила игры. По нашему мнению, эта черта советской партийно-государственной системы продолжает существовать и до настоящего времени уже без КПСС и Советского государства.

Следует особо обратить внимание и на еще один не менее важный, чем изгнание антипартийной группы, итог июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. Он связан с укреплением новых молодых сил в партийном аппарате. В тот период они сгруппировались вокруг Хрущева, обеспечив ему необходимый перевес.

Именно с этого пленума ЦК начинается формироваться «молодое ядро», возглавляемое Сусловым, Брежневым, Кириленко, Патоличевым, Косыгиным, Устиновым. В этой связи представляет интерес заявление Кириленко, адресованное Ворошилову: «...тов. Ворошилов упрекал, что мы еще молоды. Но поймите же, наши старые товарищи, что мы не так уж молоды, что жизнь идет вперед, люди растут и мы выросли»²⁶⁰. Эти слова можно рассматривать как заявку на серьезные права в партии, предъявляемые новой силой. Ее опорой являлся партийный аппарат. Не случайно на пленуме признавалось ненормальным, когда из 11 членов Президиума ЦК 7 человек были из Совета Министров СССР²⁶¹. Перераспределение власти произошло именно в пользу Центрального Комитета и его Секретариата. Примечательно, что «молодые кадры», стремившиеся к вершинам власти всерьез и надолго, никак не отреагировали на предложение 64-летнего Хрущева об установлении возрастного предела для руководящих деятелей²⁶². Как показало будущее, данная мера для них оказалась ненужной и излишней.

В конце 50-х годов интересы Хрущева и «новых кадров» совпадали. Они заключались в реальном установлении Президиумом и Секретариатом ЦК КПСС контроля за всеми сферами советского общества. Руководство народным хозяйством, правоохранительной системой уже стало исключительно партийной привилегией. На очереди стояли Вооруженные Силы страны, возглавляемые министром обороны Г. К. Жуковым. Необходимо заметить — его роль была одной из ключевых в сохранении Хрущевым поста первого секретаря ЦК в июне 1957 г. В стенограмме июньского пленума воспроизведены угрозы применения армии в решении вопроса о власти, высказанные Жуковым. В связи с этим известный российский ученый В. Наумов замечает: «Никогда армия не стояла так близко к политике, никогда до сих пор в ее руках не было решения вопроса о власти, партии и государстве. О том, что Президиум ЦК не имел желания сообщать об этих фактах, свидетельствует та правка, которая была осуществлена помощником Хрущева Г. Шуйским. Из этой правки видно, как из стенограммы снимались высказывания Хрущева и Брежнева о высокой оценке позиции Жукова»²⁶³.

Укрепление позиций Н. С. Хрущева делало все более невозможным пребывание в высшем эшелоне власти людей, имеющих собственный авторитет, приобретенный без помощи первого секретаря. Эта набирающая после XX съезда КПСС силу тенденция не могла не столкнуться с независимой и самостоятельной позицией, проводимой в 1956—1957 годах в Вооруженных Силах министром обороны СССР Г. К. Жуковым. Помимо должности, он имел высокий авторитет в обществе, он был маршалом Советского Союза, четырежды Героем Советского Союза, под-

виг которого в годы Великой Отечественной войны был признан всем советским народом.

Вскоре после XX съезда КПСС министр обороны выступил с рядом предложений, направленных на перестройку взаимоотношений между КПСС и армией. В частности, Г. К. Жуков предложил ЦК КПСС ликвидировать Высший военный совет при Совете обороны страны, куда наряду с командующими войсками военных округов и флотов входили все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. Естественно, эта идея была отклонена, вызвав сильное раздражение в Президиуме ЦК, так как, по мнению его членов, это ограничивало бы возможность общения с военным руководством и, по существу, означало отрицание руководства армией со стороны Центрального Комитета²⁶⁴. Аналогичную реакцию вызвало и другое предложение Жукова о пересмотре функций Военных советов в округах и армиях. Военные советы, занимавшиеся решением вопросов жизни армии и флота, несли ответственность не только перед руководством Министерства обороны, но и перед Президиумом ЦК КПСС. Кроме того, их полноправными членами являлись секретари крайкомов, обкомов партии. Жуков предложил ликвидировать или преобразовать Военные советы в совещательные органы²⁶⁵.

Стремление Г. К. Жукова ослабить влияние руководящих органов КПСС на Вооруженные Силы выразилось в изданном им приказе № 0090 «О состоянии воинской дисциплины в армии». В нем говорилось о пресечении всяких попыток критики командиров на партийных конференциях, привлечении виновных в этом к строгой ответственности, вплоть до увольнения из армии. Особые нарекания вызвало то, что, издавая приказ, затрагивающий деятельность партийных и политических органов, Жуков не счел нужным внести его на утверждение ЦК и даже не поставил его об этом в известность. С недоумением было воспринято отсутствие в приказе упоминания о необходимости воспитания воинов в духе преданности Коммунистической партии. Центральный Комитет признал приказ политически неправильным и противоречащим Уставу КПСС. Выказывалось несогласие с попытками Жукова дать оценку работе политорганов и коммунистов армии и флота. По мнению ЦК, в этом приказе по существу возлагалось руководство политорганами и партийными организациями на командиров-единоначальников²⁶⁶.

Политика руководителя Министерства обороны выразилась в ликвидации во многих воинских частях политорганов. К примеру, в Уральском военном округе было упразднено 10 политорганов в различных родах войск, уволена в запас половина политсовета²⁶⁷. По Сибирскому военному округу число политработников сократилось в три раза. В частях было отменено проведение политинформаций, упразднены часы политической работы в ве-

чернее время, в три раза сокращено время на марксистско-ленинскую подготовку офицерского состава, полностью ликвидировался пропагандистский аппарат в танковых и артиллерийских полках, упразднились должности заместителя начальника по политической части в госпиталях, на базах и т. д.²⁶⁸. Министерство обороны гораздо меньше внимания стало уделять служебному, материальному, правовому положению политических работников. Пренебрежение к ним проявлял, в первую очередь, сам Жуков, неоднократно повторяя, что они «сорок лет болтают и потеряли всякий нюх и вкус к делу»²⁶⁹.

Резкую критику вызвало стремление Жукова ограничить контакт между ЦК КПСС и командным составом Вооруженных Сил, запрещение руководству военных округов напрямую обращаться в Центральный Комитет, участвовать во встречах партийно-правительственных делегаций как в СССР, так и за рубежом. Так, после обсуждения итогов июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича» из всех военных округов отчет поступил только из Группы советских войск в Германии, за что командующий А. А. Гречко был подвергнут критике лично министром обороны²⁷⁰.

Все это стало предметом разговора на октябрьском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС, который рассмотрел вопрос «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». Пленум проводился в расширенном составе, в его работе приняли участие кроме членов и кандидатов в члены ЦК, членов Центральной ревизионной комиссии КПСС, командующие Военных округов, флотов, члены военных советов, а также ответственные работники Министерства обороны СССР. С докладом на пленуме выступил секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, в прениях приняло участие 27 человек. Осудив курс Минобороны на ослабление влияния КПСС на Вооруженные Силы СССР, участники пленума сделали вывод: Г. К. Жуков вел линию на отрыв Вооруженных Сил от партии, на ослабление партийных организаций и фактическую ликвидацию политорганов Советской Армии, на уход ее из-под контроля ЦК КПСС, на превращение Советских Вооруженных Сил в вотчину Г. К. Жукова.

На пленуме осуждение политики Г. К. Жукова происходило в контексте резкой критики и прямых нападок на министра обороны. Выступающие один за другим говорили о создании культа Г. К. Жукова, который насаждался при содействии подхалимов и угодников, приводя в подтверждение различные примеры. Говорилось, что на одной из страниц учебника-пособия для воинов Советской Армии, где рассказывалось о героизме воинов, членов партийных организаций Ленинграда в защите города, отмечалась роль К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова, Жуков на полях написал: «Чепуха! Никакой роли Ворошилов в защите не

играл, Жданов также. Оборону Ленинграда организовывал и обеспечил маршал Жуков». Говорилось о потере Жуковым элементарного чувства скромности; в доказательство приводилось свидетельство того, что Жуков поручил купить и в целях личной рекламы поставить в музей Советской Армии картину, представляющую такой вид: общий фон — горящий Берлин, Бранденбургские ворота. На этом фоне вздыбленный конь топчет знамена побежденных, а на коне величественно восседает Г. К. Жуков. Подчеркивалось сходство этой картины с известной иконой «Георгий Победоносец»²⁷¹.

Много говорилось и о произволе, преследовании офицерских и генеральских кадров со стороны министра обороны. Так, на одном из учений Жуков после десятиминутного пребывания в штабе армии снял с должности трех генералов, одного вообще уволил из армии. Генерал Ковройский, впервые представ перед Жуковым, был снят за то, что при докладе употребил предлог «до», сказав, что потери составляют «до 13%», на что министр тут же возмутился неточностью данных²⁷².

Член Президиума ЦК КПСС Н. Г. Игнатов в своем выступлении отметил, что произвол иногда перерастал в преступление, и рассказал такой эпизод: « В Таллине в один из домов в соседнюю квартиру с контрадмиралом пришел матрос, служивший в военном флоте. Контрадмирал в категоричной форме потребовал матроса покинуть помещение. Матрос исполнил приказание, но заметил, что контрадмирал поступает неправильно, после чего тот догнал матроса и выстрелом из пистолета ранил его. Дело дошло до Жукова, который рассмотрел данное преступление и принял решение уволить контрадмирала с флота и установить ему пенсию в сумме 1500 руб. в месяц»²⁷³. Или другой пример: Инструктор политотдела артиллерийской бригады Московского военного округа подполковник Барабанов допустил незначительный проступок. В этом не разобрались достаточно глубоко и применили к нему строгие меры взыскания. Будучи морально подавленным, Барабанов покончил жизнь самоубийством, оставив записку: «В моей смерти прошу никого не винить. Я стал жертвой режима Николая Палкина, дурака Жукова». Когда о самоубийстве Барабанова доложили Жукову, он написал резолюцию на донесении: «Проверить морально-политические качества всех политработников соединения»²⁷⁴.

Обвинения в адрес Г. К. Жукова коснулись и его роли в Великой Отечественной войне. В частности, ему были предъявлены претензии за ошибки в начальный период войны, когда он, являясь начальником Генерального штаба, допустил, как отмечалось, серьезные промахи, повлекшие за собой крупные потери летом и осенью 1941 года. Прямым виновником Жуков был назван в провале разгрома Демьянской группировки противни-

ка, а успех войск под командованием Жукова в Берлинской операции был расценен как нежелание уступать «пальму первенства»²⁷⁵. Особенно категоричен в этом плане был И. Х. Баграмян, который сказал: «Я знаю Жукова давно, он всегда стремился к личной славе и власти. Он человек особого покроя в вопросах тщеславия. Он просто больной человек. Властолюбие сидит у него в крови. У Жукова было много заслуг, но и не меньше наград. Пожалуй, больше, чем он их заслуживает». После чего заключил, что Жуков виноват в ошибках 1941—1945 годов не менее Сталина, на которого нельзя перекладывать всю вину²⁷⁶.

В выступлениях ораторов на пленуме настойчиво делался акцент на стремлениях Г. К. Жукова к неограниченной власти. В подтверждение ссылались на предложение Жукова заменить председателя КГБ и министра внутренних дел военными работниками, которых он лично рекомендовал бы из состава Министерства обороны. Подчеркивалось, что перед пленумом Президиуму ЦК КПСС стало известно об издании Жуковым приказа об организации под Москвой особой военной школы, где должны были обучаться около 2 тысяч слушателей, в которую предлагалось зачислять людей со средним образованием, завершивших военную службу, срок обучения устанавливался в 6—7 лет, тогда как в военных академиях — 3—4 года. Школа ставилась в особые условия: кроме полного государственного содержания слушателям — рядовым солдатам должны были платить стипендию до 700 рублей, а сержантам — до 1 тысячи рублей. Как утверждали выступавшие, Жуков не считал нужным проинформировать ЦК КПСС о создании этой школы, о ее существовании знали только три человека — Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба генерал армии С. М. Штеменко и начальник школы генерал Мансуров. Ораторы задавались вопросом о назначении этой школы, намекая на далеко идущие планы министра обороны.

Г. К. Жуков на пленуме выступал дважды. И если первый раз пытался противостоять шквалу обвинений, обрушившихся на него, то в конце концов вынужден был сдать свои позиции. Вот текст его последних слов в качестве министра обороны СССР: «Настоящий пленум для меня был большой партийной школой. К моему глубокому сожалению, я только здесь ощутило осознал значение тех ошибок, которые были допущены мною в руководстве Вооруженными Силами, особенно за последнее время, тех политических ошибок, которые были мною допущены как членом Президиума, как членом ЦК.

Критику по моему адресу, сделанную на пленуме, я признаю правильной и рассматриваю ее как товарищескую, партийную помощь лично мне и другим военным работникам правильно понять линию партии в вопросе руководства армией и флотом,

в вопросе правильного воспитания личного состава Вооруженных Сил. Я искренне благодарю за эту, хотя и горькую, но объективную критику, проникнутую тревогой нашего Центрального Комитета за наши Вооруженные Силы.

Я считаю неосновательным и ненужным останавливаться на ряде выступлений и давать по ним справки. Если Центральный Комитет будет интересоваться тот или иной вопрос, он может потребовать ответ в любое время.

Предлагаемые меры взыскания. Некоторые товарищи говорили, что я уже был один раз выведен из ЦК при жизни Сталина в 1946 году и что я не понял необходимости исправить те ошибки, за которые был наказан тогда.

Товарищи! Я не мог признать и не признал правильным вывод меня из ЦК, не признал правильными те обвинения, которые были мне предъявлены.

Сейчас другое дело, я понимаю ошибки, я их в процессе пленума глубоко осознал и даю слово Центральному Комитету полностью устранить имеющиеся у меня недостатки»²⁷⁷.

Сегодня можно лишь догадываться о причинах, побудивших маршала Г. К. Жукова выступить на пленуме с покаянной речью. Одно бесспорно: в нашей истории Г. К. Жуков не первый и не последний из руководителей высокого ранга, которые ценой собственного унижения пытались или сохранить себе жизнь, как это было при Сталине, или с наименьшими потерями выбраться из-под мощного пресса аппаратных интриг.

29 октября 1957 года пленум ЦК КПСС принял постановление «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте», в котором подчеркнул, что «главный источник могущества нашей армии и флота состоит в том, что их организатором, руководителем и воспитателем является Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила советского общества». В постановлении приводилась ленинская цитата о том, что политика военного ведомства «ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем»²⁷⁸.

Пленум ЦК КПСС отметил, что Г. К. Жуков нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над Советской Армией и ВМФ со стороны партии, ее ЦК и правительства, потерял партийную скромность. Г. К. Жуков был выведен из состава Президиума ЦК КПСС.

В принятом постановлении пленум ЦК обязал Военные советы, командиров-единоначальников и политорганы армии и флота поддерживать более тесную связь с местными партийны-

ми комитетами, обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик. Предложил в соответствии с Уставом КПСС проводить заслушивание в партийных комитетах докладов начальников политорганов о политической работе в воинских частях. ЦК КПСС признал целесообразным в состав Совета обороны СССР ввести начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В целях усиления партийного контроля за подбором и расстановкой руководящих военных кадров было решено расширить перечень должностей командующих и политработников, утверждаемых ЦК КПСС, то есть ввести их в партийную номенклатуру²⁷⁹.

Смещение Жукова положило начало серьезным сокращениям в Вооруженных Силах страны. Это соответствовало провозглашенной КПСС политике мирного сосуществования с западными странами. Такое отношение к армии вызывало резко негативную реакцию со стороны военнослужащих, офицерского корпуса — участников Великой Отечественной войны, — считавших себя незаслуженно обиженными. Увольнение в запас вызывало потоки жалоб. Только в 1958 году Министерством обороны было получено около 10 тыс. писем. Офицеры писали об отсутствии у них уверенности в завтрашнем дне, выражали недовольство отменой многих льгот для военнослужащих, прекращением награждений орденами за выслугу лет, снижением размера пенсий и пособий, введением подоходного налога. Настроения, преобладающие в офицерской среде, хорошо выражены в письме подполковника Харандина (Прибалтийский военный округ), направленном в ЦК КПСС: «Трудно себе представить более неопределенное положение, чем нынешнее положение офицеров Советской Армии. Когда мы после школьной скамьи выбирали себе профессию, то мы думали, что посвятим ей всю жизнь. Прослужив в армии по 18—19 лет, мы оказались у разбитого корыта. О какой пожизненной профессии может идти речь... когда офицером играют, как оловянным солдатиком, а потом вообще выбрасывают за борт. И все прикрывают громкой фразой «этого требует Родина»²⁸⁰.

После октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС не прекращалось преследование и самого Жукова. Центральная пресса, обращаясь к военной тематике, не упускала случая высказать недоброжелательное отношение к бывшему министру обороны. Так, «Известия» 17 октября 1961 года опубликовали репортаж своего спецкора «Атомная подводная лодка в плавании», где говорилось: «...Г. Жуков отрицал значение технического прогресса, развития техники для вооружения армии и флота. Он утверждал, что ракета дура, а штык — молодец, считал флот архаическим пережитком, нужным лишь для праздничных парадов». В «Красной звезде» в статье «Канны на Днепре» маршал М. Захаров

вспоминал: «Создавалась довольно напряженная обстановка. В этих условиях, координировавший действия 1-го и 2-го Украинских фронтов Маршал Советского Союза Г. К. Жуков не сумел организовать достаточно четкого взаимодействия войск, отражавших натиск врага и был отозван Ставкой в Москву»²⁸¹.

Эти и другие многочисленные нападки вынудили Жукова обратиться с письмом к Хрущеву и Микояну. В нем он писал: «Какие только ярлыки не приклеивали мне, начиная с конца 1957 года и по сей день... Мне даже не дают возможности посещать собрания, посвященные юбилеям Советской Армии, а также парадов на Красной площади. На мои обращения по этому вопросу в ЦК партии и в ГлавПУР мне отвечают: «Вас нет в списках». Никита Сергеевич и Анастас Иванович, поймите в какое положение я поставлен»²⁸². В этих строках — боль героя-полководца Великой Отечественной войны, внесшего ощутимый вклад в победу над фашистской Германией. Все его несомненные боевые заслуги были мгновенно перечеркнуты, когда авторитетная фигура Жукова стала помехой в установлении тотального партийного контроля над армией, в укреплении единоличного лидерства Хрущева.

Таким образом, за короткий срок из состава Президиума ЦК КПСС были выведены, освобождены от высших должностей Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, В. М. Молотов, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, Д. Т. Шепилов, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин. Их места заняли выходцы из партаппарата, Секретариата ЦК, руководители крупных партийных комитетов. Корреспондент «Франс-пресс», анализируя обстановку в высших эшелонах власти в начале 1958 года, утверждал, что у Хрущева нет какой-либо оппозиции²⁸³. Тем не менее возникал вопрос — а не могло ли так же поступить с самим Хрущевым обновленное руководство партии. Принц Филипп Эдинбургский, супруг королевы Елизаветы II, спросил у Н. С. Хрущева во время его посещения Великобритании в 1956 году: «Господин Хрущев, вы много путешествуете. Не опасаетесь ли, что в один прекрасный день, когда вы будете далеко, соберется Центральный Комитет партии и сместит Вас с Вашего поста?» На что Н. С. Хрущев ответил, что таких опасений не испытывает²⁸⁴. Но в жизни так и получилось.

Система власти после 1957 года, получив четко выраженную партийную направленность, приобрела новые штрихи. Заметно усилилось значение общественных организаций, и прежде всего профсоюзов и комсомола. Им отводилась важная роль в коммунистическом строительстве, именно в этот период они оказались вмонтированными в общую партийно-государственную иерархию. Достаточно сказать, что Председатель ВЦСПС В. Гришин являлся кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, а первые

секретари ЦК ВЛКСМ А. Шелепин и В. Семичастный поочередно в 1958 и 1961 годах возглавили одно из самых могущественных ведомств СССР — Комитет государственной безопасности.

Для целостного представления функционирования партийных органов в качестве единственной системообразующей властной силы имеет смысл обратиться к деятельности Бюро ЦК КПСС по РСФСР. На этом примере можно со всей полнотой раскрыть существенные черты партийного руководства, его влияния на различные стороны общественной жизни. В рассматриваемые годы РСФСР не имела своей коммунистической партии, как остальные союзные республики. Руководство партийными организациями на территории РСФСР осуществлял ЦК КПСС. XX съезд партии в рамках расширения прав союзных республик особое внимание уделял проблемам партийного руководства в Российской Федерации. Как отмечалось в отчетном докладе ЦК КПСС, в состав РСФСР входило 78 краев, областей, автономных республик, каждая административная структура отличалась разнообразием условий и особенностей, что поднимало значимость организации партийной жизни в республике. В этих целях ЦК КПСС считал целесообразным создание Бюро ЦК КПСС по РСФСР²⁸⁵.

Создание этого органа организационно было оформлено постановлением ЦК КПСС от 27 февраля 1956 года. В нем признавалась целесообразность совмещения должности председателя Бюро ЦК партии по РСФСР и первого секретаря ЦК КПСС. Определялся состав Бюро, куда вошли три секретаря ЦК КПСС, первые секретари обкомов КПСС наиболее крупных областей России — Московской, Ленинградской, Горьковской, Свердловской, а также руководитель Совета Министров РСФСР. В марте 1956 года было принято решение и о структуре нового органа, состоящего из семи отделов: партийных органов; сельскохозяйственного; промышленно-транспортного; науки, школ и культуры; пропаганды и агитации; административного; торгово-финансового²⁸⁶. Отделы представляли собой подразделения с определенным количеством штатных единиц. Так, промышленно-транспортный отдел состоял из 89 работников, отдел пропаганды и агитации — 41, отдел науки, школ и культуры — 33. Во вновь образованный Комитет партийно-государственного контроля Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР включалось 270 должностей. Эти штатные единицы выделялись из состава соответствующих отделов ЦК КПСС²⁸⁷. Деятельность ЦК КПСС по РСФСР находила отражение в выпусках «Справочника партийного работника», где его документы публиковались наряду с решениями ЦК КПСС. За 1956—1957 годы в «Справочнике партийного работника» было помещено 22 постановления Бюро, свидетельствующих о его работе по самым различным направлениям.

Одно из главных мест в деятельности Бюро ЦК КПСС по РСФСР как партийного органа занимала прежде всего работа, проводимая в области идеологии. Это ключевое направление партийной жизни широко представлено в материалах заседаний нового органа ЦК КПСС. Их изучение свидетельствует о сведении идеологической деятельности Бюро к диктату строго определенных установок, основанных на признании одной-единственной теории — марксизма-ленинизма. В результате вся идеологическая работа неизменно подчинялась пропаганде этого тезиса, попытки поставить под сомнение те или иные положения, отойти от строго обозначенной линии сразу же пресекались, получали негативную оценку²⁸⁸.

В соответствии с этим Бюро ЦК направляло свой идеологический отдел на борьбу со всякими отступлениями от линии партии. Это можно проиллюстрировать на примере Тульского механического института. Комсомольцы-пятикурсники провели диспут на тему «Коммунизм и сегодня», в ходе которого, по мнению бюро Тульского обкома КПСС, имели место «нездоровые, политически незрелые высказывания отдельных студентов: пессимистические нотки, стремление изобразить действительность в искаженном виде». Бюро ЦК КПСС по РСФСР особенно возмущало то, что студенты позволили себе «во всем сомневаться», а одна студентка заявила, что не считает Н. С. Хрущева компетентным в вопросах литературы и искусства, упрекала его в отсутствии скромности, выражала неудовлетворение по поводу ограниченной свободы слова. Как показала жизнь, именно такие люди, как эта студентка, были дальновиднее руководителей партийных комитетов, которые на июньском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС восхищались мудростью Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР этот диспут квалифицировало как полный провал идейно-воспитательной работы в вузе, оторванность преподавателей, партийного и комсомольского руководства от жизни молодежи. То, что партком, кафедры философии и политэкономии разрешили обсуждение вопросов, «заведомо уводящих от правильного обсуждения темы», оценивалось как проявление «политической близорукости и беспринципности». Заведующий кафедрой, который не дал отпора «ошибочным» взглядам студентов, пытался увидеть положительное явление в самом стремлении студентов самостоятельно разобраться в сложных проблемах общественно-политического характера, был освобожден от работы; снят с должности и декан факультета, руководители института получили партийные взыскания²⁸⁹.

Подобные акценты прослеживаются в целом ряде решений ЦК КПСС по РСФСР. Важные обобщения относительно идеологической работы содержались в постановлении «О серьезных

недостатках в преподавании общественных наук в высших учебных заведениях г. Саратова». В документе подчеркивалось, что изучение марксистско-ленинской теории в ряде вузов поставлено неудовлетворительно, без действенного влияния на коммунистическое воспитание студентов. Отмечалось, что в ходе преподавания общественных наук не давалось должного отпора буржуазной идеологии, не учитывалось, что империалистическая реакция использует деятельность ревизионистов, которые извращают марксизм-ленинизм, пропагандируют «нейтральное» отношение к империализму, стремятся подорвать единство социалистического лагеря и веру трудящихся масс в коммунизм. Как отмечалось в постановлении, некоторые преподаватели истории КПСС не критически восприняли ряд ошибочных статей журнала «Вопросы истории», смазывали принципиальные разногласия между большевиками и меньшевиками по основным вопросам революции в России, неправильно освещали историю борьбы с троцкистами; в преподавании общественных наук имелись факты вульгаризации марксистско-ленинской теории, не раскрывались присущие капитализму антагонистические противоречия, неубедительно показывались преимущества социалистической системы и даже допускались элементы приукрашивания капитализма²⁹⁰.

В рекомендациях Бюро ЦК предлагалось на совещаниях преподавателей общественных наук вузов в обязательном порядке освещать вопросы, связанные с постановлением ЦК КПСС «О журнале «Вопросы истории»²⁹¹. Любое несогласие с положениями этих решений рассматривалось как аномалия, проявление действенной критики вызывало раздражение.

Антисоветским, клеветническим, к примеру, было расценено одно из выступлений на профсоюзной конференции одного из заводов в г. Норильске, в котором содержалась резкая критика в адрес партийных органов. Этот случай стал предметом специального рассмотрения в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Было признано недопустимым, что после «антисоветского» выступления только двое ораторов дали ему отпор. Особое внимание обращалось на «ошибки» при выборах заводского комитета профсоюзов, когда на 13 мест было выдвинуто 16 кандидатур, из них только трое коммунисты, причем, все они по разным причинам оказались забаллотированными. В итоге в профсоюзном комитете не осталось ни одного коммуниста, хотя на предприятии почти каждый десятый работающий был членом КПСС. В постановлении Бюро ЦК отмечалось, что часть трудящихся слушала заграничные радиопередачи, пересказывала почерпнутую отсюда информацию, распространяла обывательские слухи. Именно с этим обстоятельством связывалось появление в Норильске рукописных листовок, где сообщалось о создании негласной

организации молодежи «Сигнал» и распространялся призыв вступать в эту организацию. Бюро ЦК приняло организационные меры — освободило первого секретаря Норильского горкома КПСС от занимаемой должности²⁹². Аналогичные оценки получили митинги на ряде предприятий Куйбышева и Каспийска Дагестанской АССР, прошедшие по итогам июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. Собрания, направленные на осуждение антипартийной группы В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, вышли за рамки этого вопроса, на них звучала критика многих проблем советского общества. Бюро ЦК КПСС по РСФСР квалифицировало эти события как демагогические, антисоветские. В то же время признавалось, что критические выступления отчасти объясняются острой социальной напряженностью в этих городах, серьезными перебоями в торговом и бытовом обслуживании населения²⁹³.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР осуществляло руководство средствами массовой информации, контролировало, по существу, все стороны деятельности редакций печатных органов республиканского, краевого, областного уровней, устанавливало тиражи изданий, число штатных единиц, утверждало главных редакторов, определяло размеры гонораров. Только специальным решением Бюро ЦК разрешалось издание любого печатного органа, выходившего на территории Российской Федерации. В 1956 году постановлением ЦК КПСС обкомам и крайкомам партии было предоставлено право самостоятельно разрешать издание, финансирование многотиражных газет на предприятиях, стройках, вузах с количеством работающих или учащихся не менее двух тысяч человек, в объеме — две полосы половинного формата «Правды» и периодичностью один номер в неделю²⁹⁴.

Бюро ЦК КПСС строго следило за тем, чтобы газеты не открывались без его решения. В 1959 году было подвергнуто критике руководство «Роспотребсоюза», которое без надлежащей санкции дало указание местным органам потребкооперации об издании своих газет; в итоге более чем в 20 краях и областях России вышли газеты потребкооперации. Несмотря на безусловность опубликованных материалов, была признана недопустимой инициатива редакции газеты «Магаданская правда», начавшей регулярный выпуск специальной «газеты-эстафеты», посвященной подготовке к XXI съезду КПСС²⁹⁵.

Особое внимание уделялось содержанию материалов и корреспонденций, публикуемых печатными органами. Постоянно критиковалась за серьезные ошибки газета «Советская Россия». В 1960 году в двух ее номерах были опубликованы статьи об условиях содержания заключенных в исправительно-трудовых колониях²⁹⁶. Бюро ЦК КПСС по РСФСР посчитало, что редакция допустила серьезную ошибку, опубликовав подобный материал,

где поднимался не подлежащий обсуждению в печати вопрос; как отмечалось, газета поставила под сомнение политику партии и правительства в вопросах перевоспитания преступников и правонарушителей, развернула разносную критику основных принципов и методов советской исправительно-трудовой системы. Признавалось ошибкой главного редактора газеты то, что он не посоветовался с отделами Бюро²⁹⁷. Показательно отношение к факту публикации газетой «Советская Чувашия» (23 августа 1959 г.) фотоснимка кукурузного поля колхоза им. Ленина Врунарского района. Снимок, сделанный ранней весной, был помещен в газете в период предшествующий уборке урожая и тем самым создавал искаженное впечатление об истинном положении дел. Эта незначительная ошибка была расценена в качестве «враждебной провокации», «антипартийной вылазки» против передового хозяйства. Бюро ЦК с удовлетворением отметило, что главный редактор республиканской газеты был снят за игнорирование и дискредитацию передового опыта возделывания кукурузы²⁹⁸.

Таким образом, сказанное относительно содержания идеологической работы, ее методов, используемых Бюро ЦК по РСФСР, подводит к пониманию ряда существенных моментов. Прежде всего, такое положение в области идеологии делало невозможной практику сопоставления различных мнений, точек зрения, ведения дискуссий для выработки наиболее оптимальных решений. Именно в этом состоит суть подлинной политической деятельности, реализуемой через общественно-научную жизнь, средства массовой информации, партийные и профсоюзные организации. Но существовавшие в тот период условия полностью исключали применение таких подходов в идеологической работе. Курс на безусловное соблюдение выдвинутых в высших эшелонах власти установок приводил к невозможности использования политических методов руководства. В свою очередь, консервация общественной жизни, отсутствие реальных предпосылок для развертывания подлинно политической работы объективно подталкивала партийные органы к административно-командным методам ведения дел. Исходя из этого, в значительной мере может быть объяснен ярко выраженный хозяйственный уклон в деятельности партии, ее органов, в том числе и Бюро ЦК по РСФСР.

Можно утверждать, что именно для решения вопросов хозяйственного строительства и задумывался новый орган. Как указывалось в постановлении ЦК КПСС об образовании Бюро, оно создавалось для «конкретного руководства работой республиканских организаций, областных, краевых партийных, советских и хозяйственных органов и более оперативного решения вопросов хозяйственного и культурного строительства»²⁹⁹. Нетрудно заме-

тить, что уже здесь закладывалось административно-хозяйственное понимание назначения Бюро ЦК. Такой вывод подтверждает и структура его отделов, основанная на отраслевом принципе. Так, промышленно-транспортный отдел имел сектора: тяжелой промышленности, машиностроения, транспорта и связи, лесной, бумажной и деревообрабатывающей, текстильной и легкой, пищевой и рыбной промышленности, коммунального хозяйства и стройматериалов³⁰⁰. Вместо сектора тяжелой промышленности в дальнейшем создавались два новых: химической, нефтяной и газовой, металлургической и угольной промышленности³⁰¹. В отделе науки, школ и культуры устанавливались должности инструкторов по живописи, музеям, театру, детской и юношеской литературе и т. д.³⁰². Аналогичным образом была построена структура и штаты Комитета партийно-государственного контроля Бюро ЦК по РСФСР, который состоял из 15 отраслевых отделов.

Отраслевой принцип получил свое развитие в 1962 году, когда по решению ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС вместо существующего Бюро ЦК по РСФСР создавались Бюро ЦК по руководству промышленным производством РСФСР и Бюро ЦК по руководству сельскохозяйственным производством РСФСР³⁰³. Акцент на хозяйственные проблемы преобладал даже при рассмотрении вопросов партийной жизни. К примеру, в постановлении Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О работе Чувашского обкома КПСС» (1962 г.) поднимались сугубо хозяйственные вопросы, связанные с непроизводительными потерями, недостаточным использованием производственных мощностей и оборудования, неустойчивым выполнением плановых заданий и т. д., упоминалось даже то, что менее 1% коров переведено на непривязное содержание, а на крупногрупповом бесстаночном содержании находилось лишь 60% откормочного поголовья свиней. Вопросы партийной жизни, чему, собственно, и должно быть посвящено постановление, полностью отсутствовали³⁰⁴. То же самое можно сказать и в отношении постановления «О работе парткома Челябинского тракторного завода» (1959 г.)³⁰⁵ и других.

На заседаниях Бюро ЦК КПСС по РСФСР постоянно поднимались вопросы сугубо хозяйственного характера: проблемы уборки урожая, увеличение производства яиц, мяса, молока, кукурузы и изготовления инкубаторов, запчастей для различных видов техники и т. п. Практиковалось рассмотрение даже таких вопросов, как принятие предложения Ставропольского крайкома КПСС о передаче земельного участка и построек исправительно-трудовой колонии Управления МВД для организации краевого научно-исследовательского института сельского хозяйства или о надстройке и реконструкции зданий Первого медицинского института в г. Москве³⁰⁶.

Характерно, что и с мест в Бюро ЦК по РСФСР обращались, как правило, с чисто хозяйственными просьбами самого различного плана. Астраханский обком КПСС и облисполком направляли записки об организации животноводческих совхозов на базе земель откормочного хозяйства «Заготскоткорм», Тегульдетский райисполком Томской области обращался с просьбой об оказании помощи району в подъеме сельского хозяйства, Алтайский крайком КПСС — о привлечении студентов несельскохозяйственных вузов и техникумов к уборке урожая в колхозах и совхозах³⁰⁷.

Анализируя материалы архива, отметим, что по наиболее важным вопросам Бюро ЦК КПСС по РСФСР решений не принимало, передавало их на рассмотрение в Президиум ЦК КПСС. Так, обсудив вопрос «О дальнейшем развитии нефтяной и газовой промышленности в Куйбышевской области», Бюро ЦК по РСФСР передало его на рассмотрение Президиума ЦК КПСС. Проект этого постановления был подготовлен Советом Министров СССР, в нем содержались конкретные указания министерствам финансов, электростанций, другим ведомствам СССР. При рассмотрении вопроса «О дальнейшем совершенствовании дела планирования и руководства народным хозяйством РСФСР» Бюро ЦК приняло решение вынести его на Президиум ЦК КПСС; проект постановления также готовился Советом Министров СССР³⁰⁸.

Бюро ЦК выступало в качестве промежуточной ступени. Это говорит о недостаточно высоком его положении в партийно-государственных структурах. В работе Бюро члены — представители высших эшелонов власти участвовали эпизодически. В полном составе Бюро собиралось не более двух-трех раз в год, а его председатель — первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрушев за восемь лет (1956—1964 гг.) всего один раз присутствовал на заседании 27 марта 1962 года, где выступил с докладом «О перестройке управления сельского хозяйства в областях, краях, автономных республиках РСФСР»³⁰⁹.

Упор на административно-командное ведение дел, отсутствие реальной власти для их решения создавали основу для проявления различного рода негативных явлений, приписок, очковтирательства со стороны ответственных работников Бюро ЦК. Об этом шла речь на заседании 31 марта 1959 года, где рассматривался вопрос об антигосударственной практике приписок и обмана государства при проведении заготовок и закупок хлеба в Новосибирской области в 1956—1959 годах. Как отмечалось на заседании, массовые приписки зерна, а также продажа его из семенных фондов в счет хлебозаготовок приводили к двойному учету одного и того же зерна — как семенного и как проданного государству. Руководитель колхоза им. Ленина Краснозерского

района, фиктивно оформив сдачу 18 тыс. центнеров зерна, незаконно получил за него более 900 тыс. рублей. Было установлено, что за создавшееся положение в Новосибирской области несут ответственность не только руководящие работники области, но и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК по РСФСР, который неоднократно, будучи в области, своими требованиями побуждал местных работников на неправильные действия. Из представленных материалов следовало, что он допускал высказывания, которые воспринимались на местах в качестве установок: «семена метки не имеют», «семена не пахнут», «все наличное зерно оформить, а потом разберемся с семенами», «временно перекрыться за счет семян» и т. д. Приводились примеры оскорбления и угроз со стороны работника Бюро ЦК. Подобного рода сигналы поступили и из Красноярского края, Кемеровской области. Бюро ЦК по РСФСР освободило этого сотрудника от занимаемой должности³¹⁰.

Подобная порочная практика прочно укоренилась в работе партийных органов на местах. В письмах, поступавших из многих областей, трудящиеся писали, что местные органы устанавливали обязательные задания колхозам, рабочим, служащим, школьникам, а также предприятиям, учреждениям, больницам по выращиванию скота и продаже государству мяса, молока, яиц. Граждан заставляли подписывать заранее отпечатанные в типографиях бланки обязательств по продаже продуктов животноводства. С рабочих, служащих и колхозников, не имеющих в личном пользовании скот, собирали деньги на покупку в магазинах и на рынках мяса, молока, яиц для последующей продажи их государству. В случае невыполнения установленных заданий и разверсток применялись меры, граничащие с произволом: колхозников лишали приусадебных участков и выпасов для скота, находившегося в личном пользовании, рабочих и служащих увольняли с работы, на коммунистов накладывали партийные взыскания, вплоть до исключения³¹¹. Все эти факты вызвали осуждение в Бюро ЦК по РСФСР, однако борьба велась со следствиями, а не с причинами подобных явлений, ограничиваясь административными мерами и призывами к соблюдению законности.

То же самое можно сказать о борьбе с бюрократизмом. По инициативе Бюро ЦК по РСФСР все обкомы и крайкомы Российской Федерации разработали предложения по сокращению аппарата — количество ответственных работников уменьшалось на 30%, технических — на 33%. Сокращения проводились и в министерствах, ведомствах РСФСР, где ликвидировались должности многих заместителей министров и членов коллегий³¹². Однако вслед за этими мерами вводились новые должности, штатные единицы.

В середине 50-х годов в РСФСР насчитывалось 76 областных и краевых советов профсоюзов, 256 410 первичных организаций, которые объединяли 29,5 миллиона человек, что составляло 62,6% от общего числа членов профсоюзов СССР. В 1948 году во всех союзных республиках были созданы республиканские советы профсоюзов, в областях, краях и автономных республиках России — областные и краевые советы профсоюзов с подчинением непосредственно ВЦСПС. В связи с расширением прав союзных республик и созданием советов народного хозяйства в экономических административных районах возникла необходимость в образовании совета профсоюзов России, который решал бы в пределах республики с соответствующими советскими и хозяйственными органами вопросы производства, труда, быта трудящихся, являлся правомочным руководящим органом по отношению ко всем профсоюзным организациям³¹³.

В годы работы Бюро ЦК КПСС были созданы многие республиканские организации — Союз писателей РСФСР, Союз художников РСФСР, Союз композиторов РСФСР, Комитет ДОСААФ и другие. Поднимался вопрос и о создании Академии наук РСФСР. Это предложение содержалось в письме академиков Академии наук СССР М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, в котором они высказывались за целесообразность организации Академии наук Российской Федерации в Сибири, так как основные научные силы по всем разделам науки сконцентрированы в Москве³¹⁴. В соответствии с полученным поручением отдел науки, школ и культуры Бюро ЦК по РСФСР рассмотрел этот вопрос. Было признано, что сосредоточение научных учреждений в Москве и Ленинграде неправильно в принципе, так как затрудняет связь науки с производством, ограничивает возможности подготовки и рационального использования кадров. Приводились такие данные: из 2797 научных учреждений, имеющих в стране, на территории РСФСР находилось 1550, при этом в Москве расположено — 448, в Ленинграде — 187, или 41% всех научных учреждений России³¹⁵.

Вместе с тем отдел науки, школ и культуры ЦК по РСФСР поставил под сомнение необходимость организации Российской Академии наук. В его записке говорилось: «Создание Академии наук РСФСР представляется нецелесообразным по следующим причинам. В настоящее время подавляющее большинство институтов АН СССР расположено на территории РСФСР. Поэтому было бы чрезвычайно трудно разграничить функции Академий наук СССР и РСФСР. Передача же большинства научных учреждений из ведения Академии наук СССР в ведение Академии наук РСФСР привела бы практически либо к ликвидации АН СССР, либо к превращению ее в бюрократическую надстрой-

ку. Если же передать в ведение Академии наук РСФСР только научные учреждения, которые находятся в Сибири, то было бы непонятно, почему научные учреждения, находящиеся в Европейской части РСФСР, остаются вне Академии наук РСФСР»³¹⁶.

Исходя из этого, был принят компромиссный вариант об образовании Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске. Бюро ЦК приняло решение о предоставлении ему права первоочередного персонального отбора молодых специалистов из числа оканчивающих вузы, устанавливался порядок, по которому сотрудники московских и ленинградских учреждений, изъявившие желание перейти в институты Сибирского отделения АН СССР, беспрепятственно освобождались от прежней работы³¹⁷. Председатель Сибирского отделения АН СССР и его заместители включались в основную номенклатуру Бюро ЦК по РСФСР, а директора институтов, отделений — в учетно-контрольную номенклатуру отдела науки, школ и культуры ЦК по РСФСР.

Перед Сибирским отделением АН СССР была поставлена задача расширения и углубления комплексных исследований природных и экономических ресурсов Западной и Восточной Сибири. Многоплановая работа в данном направлении освещалась в рамках конференции по изучению производительных сил этого обширного региона. Конференция явилась первым региональным форумом такого рода. На ней рассматривались вопросы целесообразного использования ресурсов, разработки плана научных исследований по проблемам комплексного освоения производительного потенциала Сибири, изучения перспектив развития основных отраслей народного хозяйства. На конференции работало 13 отраслевых секций, в ней участвовали десять академиков и членов-корреспондентов АН СССР. В программу конференции и региональных совещаний было включено свыше 700 докладов и сообщений по вопросам энергетики, топливной промышленности, черной металлургии, геологии, химии, транспорта. В подготовке конференции непосредственно участвовали партийные и советские органы. В каждом экономическом районе Сибири создавался местный оргкомитет для помощи в подготовке и проведении региональных совещаний³¹⁸. Конференция стала крупным мероприятием, проведенным Сибирским отделением АН СССР, важным событием не только в научной, но и во всей общественной жизни страны.

Бюро ЦК по РСФСР уделяло внимание национальной политике. Учитывая многонациональный состав Российской Федерации, Бюро ЦК стремилось проводить в жизнь стратегию развития малочисленных народов. В 1957 году на заседании Бюро был заслушан вопрос «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 24 ноября 1956 года о восстановлении национальной автономии чеченского и ингушского народов». В ходе обсуждения от-

мечалось, что в республику уже прибыло более 32 тыс. семей чеченцев и ингушей, из которых 18 тыс. имеют или строят свои дома, более 2/3 уже обеспечены работой, налажен выпуск газет, началось проведение радиопередач на чеченском и ингушском языках. Вместе с тем высказывались и критические замечания. Вызвали осуждение факты лишения прописки граждан, проживающих на поселении, невнимательного отношения местных органов к проблемам этих народов³¹⁹. Резкая критика на Бюро была адресована Магаданскому обкому КПСС и облисполкому, которые не проявляли необходимой заботы о развитии экономики и культуры Чукотского национального округа, не уделяли внимания улучшению бытовых условий жизни коренного населения, плохо занимались подготовкой национальных кадров. Партийные работники практически не бывали на Чукотке³²⁰.

В русле осуществления политики, направленной на развитие национальных меньшинств, следует рассматривать и целый ряд решений Бюро ЦК об издании газет, журналов на языках малочисленных народов. К примеру, было принято решение об издании в Тобольском районе Тюменской области газеты «Ленин-юлы» («По ленинскому пути») на татарском языке тиражом 3 тыс. экземпляров и периодичностью три раза в неделю, о выпуске газеты «Дьны дьел» («Новый путь») на алтайском языке два раза в неделю, ежемесячного журнала «Азат хатын» на хантыйском языке тиражом 10 тыс. экземпляров³²¹ и др.

О многоплановости работы по развитию национальных меньшинств России, проводимой Бюро, свидетельствует разработка вопроса «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». К районам Крайнего Севера и отдаленным местностям, приравненным к ним, относились 162 административных района в 16 областях, краях и автономных республиках РСФСР. На территории, составляющей 61% Российской Федерации, проживало более 3 млн человек, из них около 400 тыс. коренных жителей Севера, причем их численность постоянно сокращалась. Переписью, проведенной по Чукотскому автономному округу, установлено, что если в 1939 году в округе проживало 121 тыс. чукчей, то на 1 января 1956 года их осталось 18 тыс., уменьшалась численность эскимосов, эвенков, коряков и других народностей.

Регион находился и в крайне тяжелом хозяйственном положении: в 1955 году оленей на Севере было меньше, чем в 1926 году, количество оленей в личной собственности колхозников постоянно сокращалось, уменьшалась добыча пушнины. Развитие индустриальных отраслей хозяйства на протяжении почти 30 лет не сопровождалось вовлечением в него коренного населения. Например, Дальстрой Министерства цветной металлургии СССР в Магаданском учебном комбинате за двадцать лет под-

готовил 15,5 тыс. специалистов и квалифицированных рабочих, в их числе только 13 человек из коренного населения. Намечая комплекс мер по развитию региона, Бюро ЦК по РСФСР признало необходимым рассмотреть вопрос об изменении профиля МТС применительно к природно-географическим условиям и особенностям, организовать промыслово-охотничьи станции, освободить на 1957—1960 годы колхозы Севера от обязанностей поставок сельхозпродукции государству, заменив их закупками, и списать числящиеся недоимки по государственным поставкам. Предоставлялось право Министерству совхозов СССР ежегодно продавать оленей колхозам, выдавать для этих целей кредиты. Планировалось организовать строительство жилых домов. Причем половина их стоимости шла за счет бюджета РСФСР. Предусматривалось увеличение контингента студентов из числа лиц народностей Севера, организация в необходимых случаях подготовительных отделений при высших и среднеспециальных учебных заведениях для коренного населения. Вносились предложения и об образовании в Верховном Совете РСФСР постоянной комиссии по народностям Севера и отделов по Северу в Совете Министров РСФСР и в некоторых министерствах³²². Ставился вопрос о выделении из состава Красноярского края и Тюменской области северных национальных округов и районов в самостоятельные области — Нижнеобскую и Северо-Енисейскую, по причине того, что местные органы сосредоточивали все внимание на южных, более экономически развитых, районах и не обеспечивали руководство развитием хозяйства и культуры в отдаленных северных районах³²³.

Приведенные выше примеры постановки и решения Бюро ЦК КПСС по РСФСР масштабных, комплексных проблем партийной жизни России носят все же эпизодический характер. Засилье мелких хозяйственных вопросов в деятельности этого органа преобладало. Бюро фактически стало звеном бюрократической административной системы, его деятельность во многом дублировала работу отделов ЦК КПСС. Данное обстоятельство послужило основанием для решения XXIII съезда партии о нецелесообразности дальнейшего существования этого органа³²⁴.

Оценивая значение и роль Бюро, оправданность его создания и ликвидации, следует исходить из конкретной общественно-политической ситуации 50—60-х годов. Процессы раскрепощения, децентрализации, благодаря которым и стало возможным учреждение этого органа, как известно, не получили развития, не затронули основ сложившейся на прежнем этапе практики партийно-хозяйственного управления. Содержание и итоги работы Бюро были обусловлены не столько возможностями, заложенными в данной форме организации партийного руководства, сколько параметрами всей общественной системы того периода.

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА МОДЕЛИ «ОБЩЕНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА»

Период 1953—1964 годов явился этапом определенной коррекции теоретических воззрений, утвердившихся и господствовавших в сталинскую эпоху. Естественно, что отправной точкой пересмотра многих теоретических положений стал вопрос о «культе личности» как определенной системе взглядов на развитие общества и государства. Демонтаж сталинской идеологии открывал новому руководству существенный простор для поисков путей реализации его замыслов и стремлений. Одним из главных направлений этого поиска стало выдвижение и обоснование идеи общенародного государства, которая воплотила в себе и конкретизировала представление о развернутом коммунистическом строительстве. Провозглашение идеи общенародного государства было напрямую связано с пересмотром отношения к построению коммунизма не как к далекой отвлеченной цели, а как к непосредственной реальной задаче всего советского общества. Это объективно требовало уточнения форм движения, демонстрации возможностей для достижения выдвинутых планов.

Широкое появление темы общенародного государства в идеологической практике конца 50-х годов выглядело не совсем традиционно. Представление о развитии государства долгое время покоилось на прочном фундаменте учения о диктатуре пролетариата, законсервированного Сталиным, который произвел серьезные уточнения в содержании самой концепции построения коммунизма. Эти уточнения не просто отличались от традиционных положений марксизма-ленинизма, но и даже противоречили выводам классиков. Как известно, по всем этим вопросам, имеющим важное теоретическое значение, высказывались и Маркс, и Энгельс, и Ленин. В их произведениях сформулирован определенный взгляд на эту проблему, разделявшийся многочисленными последователями в разных странах, включая СССР. Одним из главных постулатов марксистского учения о

государстве являлось положение о его отмирании по мере приближения к высшей фазе общественного развития. Основополагающей здесь признавалась широко известная мысль Ф. Энгельса, изложенная им в «Анти-Дюринге»: «Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилие, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собой... Государство не «отменяется», оно отмирает»³²⁵.

Мы привели это высказывание Энгельса, так как именно оно являлось отправной точкой многих размышлений о судьбе государства после завершения социалистической революции. В частности, В. И. Ленин в своем труде «Государство и революция», рассматривая вопрос о перспективах государственной власти в новую историческую эпоху, также опирается на приведенную мысль своего предшественника, характеризуя ее «действительным достоянием социалистической мысли»³²⁶. Ленинский анализ теории государства находился в русле воззрений основоположников марксизма. Хотя при этом необходимо отметить, что вождь Октябрьской революции, столкнувшись с практикой, высказывался об отмирании государства утвердительно, но с некоторыми оговорками типа «... мы вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет»³²⁷. Тем не менее в отношении времени, когда должна произойти ликвидация государственной власти, Ленин выдвигал вполне определенный содержательный ориентир: полное отмирание государства произойдет при переходе от первой фазы общественного развития (переходного периода от социалистической революции) к высшей его фазе (коммунизму). Магистральным путем такого перехода определялось постепенное, а затем поголовное привлечение трудящихся к государственному управлению. В завершенном виде эта идея была озвучена Лениным перед делегатами VII съезда РКП(б): «Переход через Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего

числа граждан, а затем и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством»³²⁸.

Претворение в жизнь задач социалистического строительства, уничтожение частной собственности на средства производства, ликвидация эксплуататорских классов, происшедшие в СССР в 20—30-х годах, коренным образом изменили лицо советского общества. Основываясь на этих достижениях, Сталин перевел в практическую плоскость теоретические рассуждения о строительстве высшей фазы общественного развития. Однако постановка этой цели и движение к ней объективно требовали прояснения вопроса о судьбе государства. Следование марксистско-ленинским канонам (создание основ социализма, формирование новых социальных параметров) логически подводило к воплощению в жизнь концепции отмирания государства, так как учение в неразрывной связи рассматривало процессы коммунизации общества и постепенного сведения на нет роли государства. Сталин же пошел совершенно другим путем, выдвинув прямо противоположное положение об усилении государственной власти в ходе построения коммунизма. Осуществляя такой неожиданный поворот, вождь вносил неизбежные и необходимые для этого уточнения. Он пояснил: «Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги («Государство и революция» — *А.П.*) разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования Советской власти в нашей стране. Но смерть помешала ему выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики»³²⁹.

Нетрудно догадаться, кого здесь имел в виду вождь и кто должен был завершить начатое Лениным. В сталинской «Краткой биографии» читаем: «Товарищ Сталин, опираясь на гигантский опыт более чем двадцатилетнего существования Советского социалистического государства в условиях капиталистического окружения, создал цельное и законченное учение о социалистическом государстве»³³⁰. Приняв эстафету от классиков марксизма-ленинизма, Сталин, однако, ориентировался не на сбережение идейного наследия, а на собственные цели и нужды, важные для него прежде всего с прагматической точки зрения, с позиций сохранения и осуществления режима личной власти. В самом деле, трудно представить личность и деятельность вождя в условиях ослабления государства (не говоря уже о большем), без всеислия карательных органов, без сохранения бесконтрольности аппарата. Под угрозой оказались бы и масштабные сталинские планы по расширению советской экспансии, установлению мировой гегемонии. В этом смысле любое покушение на доктрину государства в форме диктатуры пролетариата, дискуссии на тему его постепенного отмирания даже со ссылками на основа-

телей марксистско-ленинского учения не могли быть приняты и тем более реализованы.

Его суть заключалась в обосновании возрастания роли государства в общественной жизни страны. Любые отступления от заданных координат трактовались как политическая близорукость, уступка империалистическим силам, а осмеливавшиеся сомневаться мгновенно причислялись к «врагам народа». Сталин постоянно поддерживал теорию усиления классовой борьбы по мере продвижения к социализму, идейно оберегая главный инструмент этой борьбы — диктатуру пролетариата. Необходимо заметить, что такие взгляды заметно расходились с теоретическими воззрениями классиков марксизма-ленинизма, которые обосновывали как раз обратное, прогнозируя процесс постепенного отмирания государства, передачу его функций различным общественным силам. Однако Сталин утверждал и эксплуатировал иной подход, заявляя, что «отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»³³¹.

Пересмотр сталинских положений о государстве происходил в русле объявленного партией возвращения к истокам ленинского наследия и очищения его от культовых наслоений. Как подчеркивалось в научной литературе тех лет, исключительно отрицательное влияние на развитие советской науки оказало широко бытовавшее утверждение о создании Сталиным цельного и законченного учения о государстве. Это ориентировало общество на полную решенность вопросов государственного и связанного с ним правового строительства, а представителям науки ничего не оставалось, как только излагать и комментировать высказывания вождя³³². Преодоление последствий «культа личности» в этой сфере базировалось на возрождении ленинских идей государственного строительства. С конца 50-х годов стали широко пропагандироваться идеи о том, что диктатура пролетариата необходима только на период перехода от капитализма к социализму, что марксистско-ленинское учение о государстве предполагает отказ от диктатуры рабочего класса раньше, чем отомрет государство, которое сохраняется до полной победы коммунизма в качестве общенародной организации. Во главу угла ставилось ленинское высказывание: «Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя. Но государство еще не отмерло совсем»³³³.

В ходе подготовки к празднованию 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции тема перехода от дик-

татуры пролетариата к общенародному государству встала «в полный рост», получив конкретные очертания. В Архиве Президента Российской Федерации находится записка О. Куусинена с приложением проекта доклада Н. С. Хрущева. В них четко сформулирована концепция общенародного государства, приведена аргументация относительно исчерпания своих функций диктатуры пролетариата на новом этапе развития советского общества. Подчеркивая эту мысль, О. Куусинен пишет: «Что в таком случае в нашей стране осталось от диктатуры пролетариата? Очевидно, самой диктатуры не осталось в действительности. Остались только славные страницы истории диктатуры пролетариата — истории борьбы и побед, которые в свое время привели к неоценимому результату всемирно-исторического значения — к созданию социалистического общества»³³⁴.

Однако на имя Н. С. Хрущева поступили и возражения на взгляды, пропагандируемые О. Куусиненом. Их суть заключалась в следующем: нельзя говорить о том, что диктатура пролетариата исчерпала себя, поскольку это утверждение ставит под сомнение ее высший принцип — союз рабочего класса и крестьянства. В советском обществе существуют различные массовые общественные организации, которыми руководит Коммунистическая партия и совокупность которых составляет систему диктатуры пролетариата³³⁵.

Но эта аргументация никак не вдохновляла лидера Советского государства и не разделялась им. Н. С. Хрушев связывал будущее госстроительства с утверждением модели общенародного государства, в чем он видел преодоление сталинского наследия и возвращение к ленинским истокам. Получив жизнь, данная тема заняла одно из центральных мест в научной литературе, особенно в период проведения XXII съезда КПСС³³⁶. Научная общественность выработала отношение к диктатуре пролетариата и общенародному государству как к двум конкретным выражениям одной и той же сущности, взятых лишь на различных этапах развития и отличающихся по широте своей социальной базы, по степени охвата этим государством различных слоев общества, которые наряду с рабочим классом в разнообразных формах участвуют в управлении государством. Речь шла о развитии государства на основе неуклонного расширения его общественной базы, включения в управление государственными делами все большей части, а затем и всего общества. В этом состояло превращение диктатуры пролетариата в общенародное государство. Данное положение получило конкретное оформление еще на XXI съезде КПСС, где главным направлением развития социалистической государственности было названо вовлечение самых широких слоев населения в управление всеми делами страны, к участию всех граждан в руководстве хозяйственным и куль-

турным строительством³³⁷. Необходимо отметить, что такой подход наиболее полно отвечал господствовавшему тогда пониманию преодоления последствий эпохи «культа личности», когда происходило принижение роли народных масс в общественной и экономической жизни. Секретарь ЦК КПСС Ильичев прямо подчеркивал именно эту мысль: «Главный удар был направлен против одного из наиболее опасных порождений культа личности — принижения роли народных масс в историческом строительстве»³³⁸.

Участие широких слоев трудящихся в управлении государственными делами планировалось реализовать посредством постепенной передачи функций государства обществу в лице общественных организаций. С трибуны XIII съезда комсомола в апреле 1958 года Хрушев заявлял: «Мы говорим, что при коммунизме государство отомрет. Какие же органы сохранятся? Общественные! Будут ли они называться комсомолом, профсоюзами или как-то по-другому, но это будут общественные организации, через которые общество будет регулировать свои отношения. Надо сейчас расчищать пути к этому, приучать людей, чтобы у них вырабатывались навыки таких действий»³³⁹. С конца 50-х годов темы трансформации государства, повышения роли общественных организаций становятся крайне популярными. Однако важно заметить: у руководства страны не было на этот счет единой позиции. Некоторые члены Президиума ЦК оказались не готовы к такому идеологическому повороту, с осторожностью и недоверием подходили к пропаганде и реализации данных идей. Это хорошо видно из стенограммы выступления секретаря ЦК КПСС А. Кириченко на Всесоюзном совещании работников КГБ 14 мая 1959 года. Касаясь темы о переходе государственных функций к обществу, он отмечал: «...хочу подчеркнуть, что это не значит, что на нынешнем этапе в какой-то мере должны быть принижены и роль и значение государства, государственных органов...» и далее: «Всякие толки об ослаблении роли государства и его органов в современных условиях — это вредные, антиленинские, ревизионистские. Подобные разговоры исходят только от людей, пытающихся ослабить силу советского государства, усыпить нашу бдительность, убаюкать нас, разоружить перед лицом жаждущих удушить нас империалистических сил»³⁴⁰.

Эти взгляды разделялись многими членами руководства страны, которые выступали против форсированной передачи государственных функций общественным организациям. Не случайно, что на XXI съезде КПСС в отличие от XXII этот вопрос в докладе Хрущева еще подан осмотрительно, без присущего ему чрезмерного энтузиазма. На этом внеочередном партийном форуме первый секретарь ЦК разъяснял: при коммунизме государ-

ство отомрет, функции управления утратят свой политический характер, превратятся в непосредственное народное управление делами общества, «но нельзя упрощенно представлять процесс отмирания органов государства наподобие осеннего листопада, когда в результате опадания листьев у дерева остаются одни голые ветви». Придавая реализм этому процессу, Хрущев называл конкретные сферы, где, по его мнению, возможна передача функций государственных органов общественным организациям. Это вопросы культурного обслуживания населения, курортного отдыха и частично здравоохранения, управления массовым физкультурным движением, создание системы добровольных спортивных обществ, обеспечения общественного порядка и правил социалистического общежития³⁴¹.

Но эта программа, озвученная первым секретарем ЦК, предстала перед делегатами съезда не во всей полноте. Мыслилась она более широко и масштабно. Об этом свидетельствуют материалы декабрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС, обсудившего новое место профсоюзов в политической системе советского общества. Реформаторский курс Хрущева заключался в существенном увеличении веса ВЦСПС в общественной жизни страны. По его замыслу, профсоюзам планировалось передать целый ряд государственных функций, таких как управление страхованием, контроль в области охраны труда, всего социального обеспечения рабочих и служащих и т. д. Это вызвало непонимание и озабоченность со стороны многих членов Центрального Комитета, особенно касательно вопроса о передаче профсоюзам системы социального обеспечения. Ряд функционеров — Спиридонов (первый секретарь Ленинградского обкома КПСС), Шелепин (первый секретарь ЦК ВЛКСМ), Муравьева (министр социального обеспечения СССР) — были категорически против такой переориентации этой сферы, приводя множество аргументов в пользу сохранения прежнего положения³⁴². Речь шла о слабости профсоюзов, их удаленности от реальной жизни, невозможности осилить такие важные участки работы. По-видимому, в какой-то степени это оказалось неожиданным для Хрущева. В своем заключительном выступлении он не без доли осторожности отмечал: «Вопрос, который стоит на пленуме, заслуживает большого внимания. Думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что мы сейчас, видимо, не подготовлены, чтобы принять по этому вопросу какие-то исчерпывающие решения... Я думаю, надо наметить общую линию по этому вопросу, чтобы не связывать себе руки при решении конкретных вопросов»³⁴³.

Новации на тему общенародного государства вызывали резкое неприятие у недавних союзников по социалистическому блоку. В частности, китайское руководство критику КПСС в первую очередь связывало с критикой теории общенародного

государства и реформированием социалистической системы в постсталинский период. В редакционной статье газеты «Женьминь жибао» и журнала «Хунци» в июне 1964 года говорилось: «На XXII съезде КПСС хрущевская ревизионистская клика не только возвела в систему свою антиреволюционную теорию так называемого мирного сосуществования, мирного соревнования и мирного перехода, но и объявила, что в Советском Союзе диктатура пролетариата перестала быть необходимой, выдвинула вздорную версию о так называемых общенародном государстве и партии всего народа. Таким образом, окончательно сформировалась ее ревизионистская система». В этой (еще раз подчеркнем — официальной) статье говорилось: «Хрущев агитирует за буржуазную идеологию, рекламирует буржуазную свободу, равенство, братство и человечность, обрабатывает советский народ в духе реакционной идеологии буржуазного идеализма и метафизики, а также буржуазного индивидуализма и национализма, подрывает социалистическую мораль»³⁴⁴.

Таким образом, КПК относил к буржуазным, несоциалистическим такие ценности, как свободу, равенство, братство, человечность, гуманность. Центральный комитет китайской компартии в своем Предложении о генеральной линии коммунистического движения от 14 июня 1963 года указывал, что «подмена государства диктатуры пролетариата «общенародным государством» и подмена партии — авангарда пролетариата — «всенародной партией» теоретически является абсурдной, а практически крайне вредной». КПК считала это огромным шагом назад в ходе исторического развития, не имеющим ничего общего с переходом к коммунизму, реставрацией капитализма. Выступая с критикой XXII съезда КПСС, провозгласившего создание в СССР общенародного государства, КПК подчеркивала, что говорить о «всенародном», «надклассовом» государстве — значит отходить от классовой сути государственной власти, от марксистско-ленинского учения»³⁴⁵.

Развитие концепции общенародного государства осуществлялось в СССР стремительно. Забегание вперед, идеализация коммунистических перспектив на рубеже 50—60-х годов становятся здесь определяющими. Пример этому прежде всего подавал сам Хрущев. В беседе с корреспондентом американского агентства «УР» Г. Шапиро он с оптимизмом утверждал, что процесс отмирания государства у нас, собственно говоря, уже идет³⁴⁶. Официальная наука, реагируя на эти внезапные выводы, поспешила дать теоретические комментарии, чтобы сгладить эффект прозвучавшего заявления. Разъяснения сводились к следующей оригинальной мысли: «...необходимо иметь в виду, что слово «отмирание» имеет двойной смысл — отмирание как постепенный процесс и отмирание как конечный результат этого процесса.

Как процесс отмирание государства начинается с социалистического переустройства общества. Как конечный результат оно достижимо только при полном коммунизме, когда не будет империалистического лагеря и отпадет опасность агрессии со стороны империалистических государств»³⁴⁷.

Поспешные заявления об открывающихся безграничных перспективах в связи с коммунистическим строительством стали присущи всем важным направлениям жизни общества. Это ярко проявилось и в утверждениях о возможности создания материально-технической базы коммунизма, для чего считалось достаточным сплошной электрификации страны, комплексной механизации и массовой автоматизации производств, широкого использования химии и атомной энергии. На достижение этих рубежей отводилась пара ближайших десятилетий³⁴⁸. Ничем реально не обоснованные принципы коммунистических отношений выдвигались и во всех сферах общественной жизни. Например, широкое распространение получило мнение о перерастании советского права в систему норм коммунистического общежития. Под этим подразумевался переход к неправовым нормам, при котором часть правовых норм отпадет без какой-либо замены, а другая часть вместе с моралью, обычаями постепенно трансформируется в единую систему правил коммунистического общежития³⁴⁹. Такие зигзаги теоретической мысли вызывали настороженность руководства КПСС, вынуждая время от времени одергивать увлекавшихся ими авторов. На одном из совещаний идеологических работников секретарь ЦК А. Ф. Ильичев предостерегал: «...у нас имеется еще немало легкомыслящих спекуляций вокруг здорового стремления советских людей заглянуть в свое будущее, в коммунистическое завтра. Некоторые научные работники, писатели и публицисты с излишней самоуверенностью и претенциозностью берутся за характеристику деталей будущего коммунистического общества, полагаясь главным образом на свои фантазии»³⁵⁰.

Следует сказать, что такие настроения возникли на рубеже 50—60-х годов не случайно. Социально-экономическое развитие страны в послесталинский период отличалось динамичностью, начавшимся духовным раскрепощением. Многие современные исследователи указывают на существенное улучшение состояния советского общества с позиций качественных характеристик общемирового прогресса. В этой связи уместно привести оценку российского ученого В. Красильщикова: «Хрущевское десятилетие — один из самых важных периодов в истории России/СССР XX века с точки зрения модернизации. Никогда на протяжении XVIII—XX веков разрыв между Россией/СССР и Западом не был так мал, как в эти годы...»³⁵¹. Все это объективно вселяло оптимизм и веру в реальность достижения дальнейших целей, воз-

возможность решения глобальных задач. Поэтому крайне важное значение имеет представление о той конкретной социально-экономической обстановке, в которой происходило выдвижение идеи развернутого построения коммунизма, разработка новых подходов в государственном строительстве.

В 1959 году на XXI съезде КПСС была выдвинута задача — в кратчайший срок «догнать и перегнать» ведущие капиталистические страны по производству продукции промышленности и сельского хозяйства на душу населения. Принятая в 1961 году XXII съездом партии Программа впервые провозгласила, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме уже к началу 80-х годов³⁵². Предполагалось, что все объективные факторы для скачка в коммунизм уже созрели, остается лишь мобилизовать субъективный фактор, подчинить энергию трудящихся реализации поставленных целей. Рекламировалось, что в 1980 году на каждого советского человека будет приходиться 58 кв. метров ткани, 44 кг сахара, 85 кг мяса, 467 литров молока и т. д.³⁵³. В речи на Красной площади по случаю полета первого космонавта Ю. Гагарина Хрущев говорил: «Выполнение семилетнего плана (1959—1965 гг. — *А.П.*) приблизит нас к тому, что мы переступим высший рубеж достижений капиталистического мира и вырвемся, как мы вырвались сейчас в космос, вперед в развитии всей нашей экономики, в удовлетворении запросов народа. Материальные и культурные потребности советских людей будут удовлетворяться полнее, чем это могут обеспечить самые развитые страны капиталистического мира»³⁵⁴.

Сразу после смерти Сталина предпринимались меры по улучшению социально-экономического положения граждан: на четвертой сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 года в докладе Г. М. Маленкова было официально заявлено, что законом для нашего правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей. Уже 1 апреля 1953 года решением правительства СССР были снижены розничные цены на продукты, одежду, бензин, стройматериалы³⁵⁵. На шестой сессии Верховного Совета СССР Г. М. Маленков сформулировал задачу — в ближайшие 2—3 года добиться создания обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности³⁵⁶. Была поставлена задача изменить отношение к личному хозяйству колхозников, расширить жилищное строительство, развить товарооборот и розничную торговлю. Существенно возрасли капиталовложения на развитие легкой, пищевой, рыбной промышленности. Снижались налоги на сельскохозяйственную продукцию, производимую колхозами. Важное значение имело сокращение сельскохозяйственного налога с приусадебных участков, обмена натурального пайка и замена его

денежным, повышение закупочных цен на излишки сельхозпродукции. Больше того, компенсировались накопившиеся за прошлые годы недоплаты по сельскохозяйственному налогу. Денежный налог по Закону о сельскохозяйственном налоге, принятый в августе 1953 года, был снижен с каждого колхозного двора фактически в два раза. Как признавалось, приусадебное хозяйство крестьянина и рабочего провинциальных городов являлось главным источником поддержания собственного существования и источником снабжения сельхозпродуктами значительной части населения страны³⁵⁷.

Немаловажное значение имело то, что государство реально оценивало состояние сельского хозяйства, его низкий уровень развития. В январском номере журнала «Коммунист», еще при жизни Сталина, в духе того времени говорилось, что «зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой проблемой, решена прочно и окончательно». В 13-м номере журнала, т. е. после кончины вождя, признавались серьезные проблемы в состоянии сельскохозяйственного производства³⁵⁸. Н. С. Хрущев признавал, что заявления о разрешении зерновой проблемы были лживыми³⁵⁹.

Предпринятые меры дали позитивный результат, для сельских жителей и отчасти горожан существенно улучшалась обеспеченность продуктами питания. В свою очередь это свидетельствовало, что дальнейшее изменение положения крестьянства могло привести к значительному подъему сельского хозяйства, но это противоречило бы существовавшей системе.

В СССР рост национального дохода шел в основном за счет развития группы «А» — тяжелая индустрия. После смерти И. В. Сталина руководители страны и партии взяли курс на гармоничное развитие группы «Б» — строительство, сельскохозяйственное производство, на социально ориентированную экономику. В августе 1953 года на сессии Верховного Совета СССР была принята программа подъема производства предметов народного потребления. Пленумы ЦК КПСС регулярно рассматривали вопросы увеличения производства предметов потребления — сентябрь 1953 года, февраль—март, затем июнь 1954 года, январь 1955 года. В сельскохозяйственное производство, хотя и неуверенно, внедрялся принцип материальной заинтересованности. Было решено ослабить давление на колхозников — снижались сельхозналоги, увеличивались размеры приусадебных хозяйств, повышались закупочные цены, причем существенно — на мясо в 5,5 раза, молоко и масло — в 2 раза, зерно — наполовину, давались государственные дотации на выпуск ширпотреба. Эта линия открывала перспективу возможной интенсификации производства на базе возрастания (но и всячески ограничиваемой) материальной заинтересованности в труде, в результате

чего уже в первой половине 1953 года производительность труда возросла на 62%, материалоемкость снизилась на 5%.

В 1957 году началась реализация широкой программы повышения зарплаты: в 1961 году по сравнению с 1950 годом она возросла в 1,3 раза, а с учетом выплат и льгот из общественных фондов потребления — в 1,35 раза. Общее число рабочих и служащих возросло с 40 до 62 миллионов человек³⁶⁰.

В 50-х годах ощутим был рост промышленного производства и увеличение государственных доходов за счет налога с оборота, а также роста цен на продукты питания и товары народного потребления. Рост цен происходил систематически параллельно росту номинальной заработной платы и оплаты коммунальных услуг.

После XX съезда КПСС была введена новая система пенсионного обеспечения, размер пенсий существенно вырос. Пенсии зависели от стажа работы и возраста трудящегося: для мужчин 60 лет при стаже работы в 25 лет, для женщин — 55 лет при стаже работы в 20 лет. Впервые в стране были установлены государственные пенсии для колхозников: для мужчин в возрасте от 65 лет, для женщин — от 60 лет, но лишь в том случае, если они продолжали работать в колхозах.

Вместе с тем государственное законодательство не пошло на устранение всякого рода персональных пенсий, назначаемых за особые заслуги перед государством. С персональными пенсиями были связаны и другие привилегии — 50% оплаты коммунальных услуг, бесплатный проезд на общественном транспорте, ежегодная бесплатная путевка в дома отдыха и санатории, т. н. лечебные и другое. Этими привилегиями пользовались партийные и государственные работники, ветераны партии, лауреаты премий. Особая система пенсий сохранялась для военнослужащих, сотрудников органов государственной безопасности и внутренних дел, научных работников.

В 1954—1957 годах был отменен 6-процентный налог на холостяков, введенный во время войны, сокращались индивидуальные налоги для низкооплачиваемых категорий. Была отменена плата за обучение в старших классах школ и в высших учебных заведениях, введенная в 1940 году. Выросли пособия многодетным семьям, пособия по временной нетрудоспособности³⁶¹.

В 1955—1961 годах были приняты законы социального характера, улучшившие правовое положение городского населения, и в первую очередь индустриальных рабочих. После XX съезда КПСС в апреле 1956 года был отменен закон 1940 года о прикреплении рабочих к производству и о суровых наказаниях за прогулы и опоздания. Трудящемуся было дано право самостоятельно (при определенных формальностях) менять место работы. В том же году, в сентябре, был законодательно установлен минимум заработной платы. Сокращалась рабочая неделя на

2 часа, оплачиваемый отпуск по беременности и родам увеличился с 70 до 112 дней³⁶².

Особенно тяжелым наследством являлась нехватка жилья. Новое руководство уделяло этой проблеме особое внимание, жилищное строительство существенно возросло. Стала поощряться организация жилищных кооперативов на весьма льготных для населения условиях. Значительно увеличилось строительство жилых домов городскими властями, предприятиями и министерствами. С 1950 по 1964 годы городской жилищный фонд страны увеличился с 513 до 1182 миллионов кв. метров, или в 2,3 раза³⁶³. Если в 1951—1956 годах жилищные условия улучшили 38,4 миллиона человек, то в 1957—1961 годах — уже 57,5 миллиона. В 1956—1960 годах было введено в строй жилья почти в 2 раза больше, чем в предыдущей пятилетке³⁶⁴.

В 1958 году государством были осуществлены две акции, касающиеся каждого трудящегося. Во-первых, было объявлено о прекращении выпуска государственных займов, которые ранее фактически являлись обязательными для всех работающих, сумма займа регламентировалась месячным окладом при общественном одобрении покупки облигаций и на более значимые суммы. Во-вторых, Н. С. Хрушев сумел получить поддержку народа в замораживании выплат по ранее выпущенным займам на 20 лет. Погашение по займам возобновилось только в 1975 году.

Государством сдерживались инфляционные тенденции, стоимость товаров и услуг, так же как и размер заработной платы были стабильными, некоторое подорожание жизни компенсировалось увеличением заработной платы. Еще один путь скрывания инфляционных процессов был в обмене денег, при проведении денежной реформы. Такая реформа была проведена в 1961 году. Формально произошел обмен старых банкнот на новые при соотношении 10:1 при пропорциональном изменении цен и заработной платы. (Заметим, что в 1998 году обмен денежных знаков проводился в соотношении 1000:1.)³⁶⁵.

Существенное значение в бюджете семей имели выплаты и льготы из общественных фондов потребления — бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное обучение, различные виды пенсий и пособий. Эти выплаты в 1960 году составили 27,3 миллиарда рублей, т. е. были почти в 6 раз больше, чем в 1940 году³⁶⁶. Как видно, в послесталинское десятилетие правительством было немало сделано для улучшения жизненного уровня трудящихся, пенсионеров, колхозников. Социальная сфера отличалась своей динамичностью.

Определенные позитивные сдвиги в состоянии советского общества стали той основой, на которой выстраивалась идея броска в коммунизм, разрабатывалась концепция общенародного государства. Дальнейшее развитие этих положений происходило

через постановку задачи как можно большего привлечения трудящихся к практическому участию в управлении государством. Больше всего внимания этой тематике уделил XXII съезд КПСС, доведя данную идею до абсолюта. В отчетном докладе ЦК Хрущев прямо заявлял: «Каждый советский человек должен стать активным участником в управлении делами общества! — вот наш лозунг, наша задача»³⁶⁷. Ее реализация напрямую связывалась с возможностью успешного осуществления коммунистического строительства. Поднимая этот вопрос, Хрущев в своем докладе определял пять путей, по которым должно обеспечиваться вовлечение масс в управление государственными делами:

- 1) создание все лучших материальных и культурных условий жизни народа;
- 2) совершенствование форм народного представительства и демократических принципов избирательной системы;
- 3) расширение практики всенародного обсуждения крупных вопросов коммунистического строительства;
- 4) всемерное развитие форм народного контроля за деятельностью органов государства;
- 5) систематическое обновление состава руководящих органов в государственном аппарате и общественных организациях.

Однако критический разбор предлагаемых мер приводит к далеко не оптимистическим выводам, показывает оторванность заявлений от реальной обстановки в стране. Речь идет, прежде всего, о перспективах повышения уровня благосостояния народа. Это лучше всех понимали простые люди, на себе ощущавшие надуманность утверждений о кардинальном улучшении материальных и культурных условий жизни уже чуть ли не в ближайшее время. Такие настроения хорошо прослеживаются в письмах в редакции центральных партийных газет и журналов. Например, гражданин Алексин писал в «Коммунист»: «Как можно требовать от советских людей какой-то социалистической идеологии, когда социализм не дал реального обеспечения для развития человеческой личности... Возьмем не вашу государственную статистику, а возьмем реальную жизнь советских людей в массе. Возьмем «конкретную экономику» советских людей... возьмем в массе советскую интеллигенцию: инженеров, врачей, учителей и т. д. Ведь это же сплошная нищета»³⁶⁸. Те же самые мысли излагались во многих других письмах. Так, пенсионер Таганов (г. Куйбышев) замечал: «В плакате, где говорится о безработице и нищете в капиталистических странах и об улучшении жизни в нашей стране, надо бы поменять местами заголовки». В другом анонимном письме говорилось: «...часто по радио болтают, что у нас подходят к коммунизму, да подохнем до коммунизма. У Вас, конечно, коммунизм, ну а у нас голодализм и дороговизм...»³⁶⁹.

Низкий уровень жизни не мог не вызывать недовольство народных масс. Их протест, проявляемый повсеместно, не был секретом для руководства страны и самого Хрущева. В ряде городов, которые посетил первый секретарь ЦК, ему пришлось столкнуться с возмущением народа. Так, в Новосибирске и Караганде пришлось убежать от разбушевавшейся толпы. Из Горького после митинга, где было объявлено о замораживании облигаций, пришлось уезжать ночью. В Тбилиси били стекла автомашины. В Киеве, Ташкенте на улицах собиралось много недовольных по поводу запрета содержания скота в рабочих поселках³⁷⁰. Наибольшую известность получили кровавые события 1—2 июня 1962 года в Новочеркаске. Они были вызваны решением правительства о повышении цен на 30% на мясо и на 25% на масло. Эта мера объявлялась как временная, но она вызвала массовое недовольство граждан и открытые выступления трудящихся. На Новочеркасском электровозостроительном заводе появились лозунги: «Долой Хрущева!», «Хрущева на колбасу!». На подавление митингующих была брошена армия. В выступлении по местному радио первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. Микоян и секретарь ЦК КПСС Ф. Козлов заявили, что эти беспорядки спровоцировали враги, которые будут наказаны. В результате столкновений войск с демонстрантами погибло 24 и ранено 70 человек, 105 человек были осуждены, в том числе 7 человек расстреляны. В эти же дни выступления рабочих зафиксированы в Омске, Кемерове, Донецке, Артемьевске, Краматорске³⁷¹. Реакция руководства страны на подобные проявления протеста народных масс была своеобразной. Ее суть выразил лидер КПСС Хрущев на XIV съезде комсомола в апреле 1962 года: «Хорошее, светлое во множестве рождается на нашей земле. Но при своем рождении оно претерпевает, как говорят, известные муки. Так это не должно нас смущать. Надо только правильно это понимать, проводить в жизнь линию, которую определил XXII съезд партии»³⁷². Комментarii здесь излишни.

Низкий уровень благосостояния еще не полностью объяснял проблематичность реализации провозглашенных и разрекламированных планов коммунистического строительства. Другим серьезным препятствием, реально блокирующим устремления в коммунизм, явилось фактическое расслоение советского общества, образование в нем устойчивой партийно-государственной прослойки со своими интересами. Официальная пропаганда и наука сознательно обходили этот неудобный момент, ни под каким предлогом не допуская обсуждения подобных тем. Между тем в обществе существовало именно такое видение проблемы. Вот что писал в журнал «Коммунист» гражданин Тышук (г. Ленинград): «Сталин в угоду подхалимам, карьеристам и стя-

жателям, в угоду своим близким друзьям и родственникам, создавал в социалистическом обществе для незначительной группы людей существенные, перед основной массой членов социалистического общества, материальные преимущества... Для них были установлены неоправданно высокие должностные оклады... Им и членам их семей были предоставлены в бесплатное пользование или со скидкой жилье, коммунальные услуги, транспорт, санатории, театры и т. д. Для них и их семей была создана закрытая от народа сеть снабжения промышленными и продовольственными товарами, закрытые столовые и ателье... Для них и их семей были построены специальные жилые дома, дачи, санатории, дома отдыха, больницы и школы с излишествами в архитектуре и отделке, также за счет общества и в ущерб экономике общества»³⁷³.

Необходимо отметить, что подобные процессы в жизни правящей советской верхушки после смерти Сталина еще более усилились. Получив гарантии личной безопасности и освободившись от страха перед сталинским репрессивным прессом, партийно-государственная номенклатура еще больше погрузилась в атмосферу взяточничества, коррумпированности, морального разложения. Об этом со всей определенностью свидетельствуют просмотренные материалы пленумов ЦК компартий союзных республик. Характерен пример пленума ЦК КП Узбекистана в сентябре 1959 года, где был освобожден от занимаемой должности первый секретарь ЦК Камалов. На пленуме приводились примеры его корыстных интересов и претензий, которые дорого обошлись государству. В частности, строительство его дачи, не предусмотренное и не обозначенное ни в каком плане, составило 7 миллионов рублей. Его не устраивала прежняя дача на 27 га с плавательным бассейном и водоемом. Для возведения новой дачи работники ЦК КП Узбекистана ездили в Москву, где готовился проект, копировавший дачи высшего руководства страны на Ленинских горах. Средства выделялись из резервного фонда Совета Министров Узбекистана по личному распоряжению председателя Совмина республики. На пленуме заместитель председателя Гуламов говорил: «...он (Камалов. — А. П.) находился в плену своей мешанки жены, которая, несмотря на свою принадлежность к партии, своими аристократическими замашками дискредитирует Камалова и своим поведением вызывает законное возмущение. Разве нормально, когда его жена утром одевается в черную меховую, а вечером в белую медвежью шубу, когда она утром надевает золотые часы, днем часы с бриллиантами, а вечером заграничные? И все это в Москве, во время прохождения XXI съезда КПСС, на глазах трудящихся. Камалову окружают подхалимки, они прислуживают ей, некоторые из них числятся на работе в государственном аппарате, а про-

водят время у жены Камалова в ущерб своим делам, собираются компанией, устраивают выпивки»³⁷⁴.

Насридинова в своем выступлении заявила, что Камалов «занимался интриганством, насаждая подхалимаж, часто подбирал кадры не по политическим и деловым качествам, а по приятельским, по личной преданности», что он потерял такое качество, как скромность, «стал барином»³⁷⁵. Пленум избрал первым секретарем ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова, поручив ему вести непримиримую борьбу с выявленными недостатками. Чем все это закончилось в середине 80-х годов, хорошо известно.

Аналогичная ситуация обсуждалась в июне 1961 года на пленуме ЦК КП Таджикистана, где рассматривался вопрос об антипартийных и антигосударственных действиях первого секретаря ЦК КП Таджикистана Ульджабаева и Председателя Совета Министров республики Додхудоева. На пленуме получили огласку факты серьезных нарушений. Так, президентом Академии наук Таджикистана был назначен друг Ульджабаева некий Умаров, начавший свою деятельность по руководству республиканской наукой с выселения Института языка и литературы из здания площадью около 400 кв. м, в котором поселился сам, взяв из государственного бюджета почти 200 тыс. рублей на отделку новых апартаментов.

Все руководящие кадры республики погрязли в приписках, которые производились во всех без исключения хлопкосеющих районах, в 188 из 200 проверенных колхозах и совхозах³⁷⁶. Было установлено, что приписки в республике не были тайной, некоторые руководители дошли до того, что по этому поводу вели официальную переписку. Первый секретарь Шартузского РК КП Таджикистана направлял официальное письмо в совнархоз, где протестовал против инициативы управления хлопкоочистительной промышленности без ведома райкома приписать району 90 тонн хлопка, и просил не делать этого, потому как ранее он уже вписал подобным способом около 2 тыс. тонн, отрапортовав о выполнении плана хлопкозаготовок. Руководство машинами по приписке хлопка в республике координировал заместитель председателя Совета Министров при содействии прокурора республики³⁷⁷.

Пленумы с оглашением подобной информации состоялись в Казахстане, Азербайджане, Армении и других республиках. На них вскрывалась картина вопиющих безобразий, царивших в регионах. Но примечательным здесь является то, что на этом фоне по каждой республиканской партийной организации делался примерно один и тот же вывод, как, например, на пленуме ЦК КП Таджикистана, где подчеркивалось: «Преступные антигосударственные действия творила небольшая группа людей. Именно они возглавили и организовывали эти преступления.

В целом же партийная организация здоровая, боевая, у нас замечательные коммунисты»³⁷⁸. И сам Н. С. Хрущев в оценке общего состояния дел в партийных организациях следовал этому подходу. Так, по итогам проверки Азербайджанской ССР он заявил, что республиканская партийная организация, имеющая славные революционные традиции, сама сумеет исправить допущенные ошибки, обсудить итоги и принять необходимые меры³⁷⁹.

Однако такие выводы не отражали действительного положения дел. Злоупотребления, хищения, растраты сверху донизу поразили партийный, советский и хозяйственный аппараты. Приведенные факты подводят к серьезным размышлениям относительно процессов, происходивших в обществе. Очевидно, что в эти годы фактически сформировались и заработали во всю мощь негативные тенденции, процветавшие затем в период «застоя». Большой интерес представляет оценка состояния советского общества, изложенная в анонимном письме в «Правду»: «Глупо было бы думать, что государственные и партийные органы санкционировали и узаконили официальное существование социально различных групп, классов и т. д. Между тем ни для кого не секрет, такое острое социальное противоречие между отдельными слоями населения и людьми, стоящими близко к государственной власти, имеется. Имеется нищета на одном полюсе, охватывающая миллионы населения страны, и имеется богатство на другом полюсе»³⁸⁰.

Консервация партийно-государственной элиты происходила прежде всего из-за отсутствия необходимых и работающих механизмов обновления власти. Они лишь декларировались в новой партийной Программе, принятой XXII съездом КПСС, где говорилось об ограничении пребывания на руководящих постах. Но все эти попытки, инициируемые Хрущевым, не давали надлежащего импульса развитию демократических начал. Продолжающаяся консервация однопартийной системы, отсутствие реальных выборных механизмов представительных органов сводили на нет меры на развертывание демократических принципов, озвученных на XXII съезде партии. К тому же необходимо помнить, что само понимание демократии в тот период было традиционным для советской идеологии, сформированной на основе сугубо классовых взглядов и не выходившей за их рамки. Следуя устоявшимся традициям, Хрущев напрочь отвергал и не принимал само сущностное понимание демократии как открытой, свободной состязательности различных точек зрения. На XXI съезде КПСС, бросая упрек странам Запада, он говорил: «Для них демократия — это возможность блистать парламентскими речами, играть в межпартийные политические коалиции, создавать увесистую ширму «свободных выборов»³⁸¹. Официальная пропаганда не переставала клеймить ход и итоги выборов в

развитых капиталистических странах. Так, неподдельное возмущение вызвала избирательная кампания 1959 г. в Великобритании, где сформированный состав палаты общин характеризовался как союз директоров, землевладельцев, торговцев и их защитников, т. е. юристов³⁸².

Такой подход полностью соответствовал ленинскому определению демократии и ее роли в общественной жизни. В свое время вождь революции давал следующее разъяснение: «...Центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплуататоров». Как можно заметить, сущность демократии здесь выхолощена классовым подходом, где главная роль в осуществлении демократических принципов отводилась партии — выразителю интересов передового класса. «Но мы должны знать и помнить, — подчеркивал Ленин, — что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу...»³⁸³ В этой системе не оставалось места каким-либо другим взглядам, не совпадающим с четко обозначенными позициями партии. Именно так воспринималось построение демократии Хрущевым, который был убежден в получении большевиками мандата народного доверия в 1917 году раз и навсегда.

Данная конструкция не допускала создания самостоятельных общественно-политических движений (помимо КПСС) не только в жизни, но и даже в самых смелых мечтах. Попыток противостоять идейно-политической монополии КПСС в хрущевскую эпоху, как и в другие, объективно не могло существовать. Однако в молодежной среде тех лет наблюдались настроения выражавшие желание устранить монополию ВЛКСМ на жизнь молодого поколения. В период после XX съезда партии подобные мысли высказывались в ряде крупных высших учебных заведений страны. Так, на комсомольской конференции Горьковского университета студентами было выдвинуто предложение о создании вместо комсомола нескольких молодежных организаций, мотивировалось это тем, что в других странах существуют десятки параллельных действующих объединений. Данный факт вызвал серьезное беспокойство в ЦК ВЛКСМ. Разъясняя свое отношение к этому событию, там отмечали: буржуазия больше всего боится единства движения трудящихся и предпринимает любые меры, чтобы не допустить его. Поэтому в капиталистических странах создается масса самых различных самостоятельных организаций. В такой небольшой стране, как Норвегия, существует около 40 молодежных организаций разнообразной направленности. Все это преследует цель разобщить силы молодежи. Реакционеры

широко пропагандируют в молодежном движении капиталистических стран аполитические объединения, занимающиеся только культурными и спортивными делами и не вникающие в вопросы политики. Фактически такое устранение молодежи от активной общественно-политической жизни помогает развязывать руки буржуазии для проведения антинародной политики. Создание по буржуазному образцу нескольких молодежных организаций по интересам, а не по политическим принципам способно увести молодежь от активной политической борьбы за строительство коммунизма³⁸⁴.

Руководство КПСС по-своему видело пути развития демократии, противопоставляя ее цивилизованному общемировому пониманию особую научно-практическую доктрину общенародного государства в форме Советов депутатов трудящихся. Исследовательская мысль тех лет неустанно повторяла: «Народовластие — это сущность социалистического государства, определяющая и его форму: систему органов, через которые массы принимают непосредственное и решающее участие в государственном управлении. Политической основой СССР являются представительные органы масс — Советы депутатов трудящихся. Подлинно демократическая сущность Советов заключается в том, что им органически присущи два признака: представительность и полновластность»³⁸⁵.

К концу 50-х годов система Советов депутатов трудящихся значительно расширилась, приобрела большой размах: в 1959 году в СССР существовало свыше 57 тыс. представительных органов государственной власти различного уровня, где работало свыше 1800 тыс. депутатов³⁸⁶. Как крупное достижение квалифицировался тот факт, что за 1939—1964 годы, т. е. за 25 лет, в систему Советов было избрано более 14 миллионов человек, или каждый десятый взрослый гражданин³⁸⁷. Очередные выборы в Верховные и местные Советы депутатов превращались в масштабные политические кампании, в которых было задействовано огромное количество людей. Формировалось около двух миллионов избирательных комиссий, где работало почти 8 миллионов человек. К этому надо прибавить многие сотни тысяч членов профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, участвовавших в предвыборной агитации в качестве пропагандистов и доверенных лиц³⁸⁸.

В этом виделось широчайшее развертывание подлинно народной демократии. В то же время полностью игнорировались мнения людей о серьезных недостатках действовавшей избирательной системы. Многие требовали устранения ее главного изъяна — безальтернативности выборов. В одном из писем в ЦК КПСС говорилось: «Нужно в основу нашей системы выборов положить истину «все познается в сравнении»; в противном случае слово «выборы» теряет свой настоящий смысл... Если мы

этого сейчас не сделаем, то мы упустим колоссальный рычаг прогресса»³⁸⁹. Практика существовавшей избирательной системы допускала ущемление гражданских прав различных слоев населения. К примеру, митрополит Русской православной церкви Николай впервые поднял вопрос о избрании в органы представительной власти духовенства. На приеме в Совете по делам РПЦ при Совете Министров СССР 16 января 1958 года митрополит Николай высказывался об участии в выборах представителей церкви: «Если в Верховный Совет нельзя, поскольку это орган высшей власти, то они могут быть представлены в местных советах. Ведь представлено духовенство в таких странах, как Болгария, Румыния, Чехословакия, Польша, почему этого у нас нельзя?... Я удивляюсь, что мы по конституции имеем право избирать и быть избранными, однако в голосовании мы принимаем участие, но пока никто не избирался... По-моему, государству даже было бы выгодно, если бы с трибуны слышен был голос церкви в защиту, в поддержку дела мира во всем мире, за разоружение, против термоядерного оружия и т. д. А будут вопросы хозяйствования, бюджетные, мы будем в стороне, можем не мешать»³⁹⁰. Эти слова были восприняты с большим удивлением и раздражением. Власти сделали все, чтобы в скором времени сместить митрополита Николая с занимаемого им поста руководителя Отдела внешних сношений РПЦ.

Жесткая предопределенность результатов выборов — характерная черта всей системы Советов. Причем это просматривается даже в официальных статистических отчетах по итогам избирательных кампаний. Например, в РСФСР в марте 1961 года во все местные советы избрано 971 242 депутата, 41,7% из них — женщины, 60,4% — рабочие и колхозники; в местные советы Таджикской СССР мандаты получили 15 539 человек, 41% — женщины, 62,5% — рабочие и колхозники. Примерно такие же пропорции представительских органов власти по половой и социальной принадлежности были и в других союзных республиках. Очевидно: это не случайное совпадение, а следствие строго определенной разнарядки, составленной в едином центре. Удивительно, но даже в таких условиях иногда случались осячки. В ходе выборов в марте 1961 года в одном избирательном округе в районный Совет, в 167 сельских и 4 поселковых округах баллотировавшиеся кандидаты от нерушимого блока коммунистов и беспартийных не получили абсолютного большинства голосов (более 50%) и не были избраны депутатами³⁹¹.

Однако очевидная порочность выборной системы ничуть не смущала ее создателей. Официальные власти продолжали рассматривать Советы депутатов трудящихся в качестве одной из самых демократических форм органов самоуправления. Прогнозировалось, что вскоре они перестанут быть органами государ-

ственной власти и всецело превратятся в структуры общественной самодеятельности трудящихся, предназначенных для управления делами общества, без каких бы то ни было политических функций. Отмирание государственных органов на практике представлялось как постепенное исчезновение государственного аппарата (а следовательно, особого слоя людей, занятых управлением), передача его функций общественным органам, самому населению. Решение этой задачи должно происходить посредством утверждения и широкого распространения института общественных инструкторов и инспекторов в аппаратах государственного управления. На их группы возлагалась обязанность установления связей между населением и государственными органами, проведение инструкторско-методической работы в массовых общественных организациях, оказание помощи постоянным комиссиям местных Советов, содействие деятельности депутатов. Общественные инструкторы и инспекторы должны были оперативно организовывать исполнение решений органов советской власти путем убеждения масс в необходимости их поддержки, обучать массы управлению государственными и общественными делами. В перспективе планировалось полностью заменить штат исполнительного аппарата во всех сферах управления гражданами-общественниками³⁹².

Предполагались и нововведения на предприятиях народного хозяйства. Речь шла о создании на них советов рабочих. Вот как Хрущев разъяснял эту идею на заседании Президиума ЦК КПСС 5 ноября 1962 года: «Мы идем к коммунизму и говорим, что на каком-то этапе произойдет отмирание органов насилия, но органы экономического управления сохраняются. Что же и тогда будет один безупречный директор вершить дела как бог Саваоф? Это глупо. У нас выросла партия, вырос народ, выросли кадры, основная масса рабочих у нас имеет среднее и высшее образование». По мысли лидера страны, на советах предприятий один раз в месяц или один раз в квартал обязана была отчитываться администрация предприятия, советы должны наделяться полномочиями по обследованию бухгалтерии, финансового состояния и т. д. А впоследствии на советах планировалось заслушивать кандидатуры директоров заводов и начальников цехов и высказывать свое мнение относительно каждого претендента³⁹³.

Все эти мысли раскрывают представления о путях развития советской демократии. Ее специфика состояла в акценте на сугубо количественные параметры, связанные с привлечением через различные формы как можно большего количества людей к системе Советов. Чем больше была цифра привлеченных, тем, как считалось, больше демократизма и политического прогресса (неизбежные при этом формализм, низкая эффективность в расчет не принимались). Это понимание демократизма прояви-

лось не только в отношении работы Советов, но и других тенденциях, утвердившихся в конце 50-х годов. К ним можно отнести курс на создание разветвленной системы общественных организаций. Данный период отличается количеством новых разнообразных видов таких объединений. К примеру, только с 1958 по 1961 годы образованы 35 обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, сформирован Союз этих обществ; в 1959 году создано Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, численностью свыше 1300 тыс. новаторов, имеющее 35 тыс. первичных организаций. Значительным был рост и уже существовавших общественных организаций. Так, Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний за период с 1949 по 1960 годы расширилось на 812,9 тыс. человек; общество Красного Креста увеличилось с 1956 по 1959 годы до 6200 тыс. членов, объединенных в 65 тыс. первичных ячеек³⁹⁴.

Большое значение стало придаваться и такой форме привлечения трудящихся к управлению делами государства, как всенародное обсуждение. В 1956—1957 годах было проведено по одному всенародному обсуждению проекта закона о государственных пенсиях и тезисов по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью и строительством; в 1958 году — тезисов по дальнейшему развитию колхозного строя и реорганизации МТС и об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране. В 1959 году широкое народное обсуждение коснулось четырех законопроектов — проекта основ законодательства о труде Союза ССР и союзных республик, проекта закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития, проекта примерного положения о товарищеских судах, проекта примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних, а также прошло всенародное обсуждение тезисов о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР в 1959—1965 годы. Подобная практика получила развитие и в союзных республиках. Например, в Эстонии принятие Закона об охране окружающей среды было поддержано республиканской общественностью. В Белорусской ССР проект положения о сельском совете перед внесением его на сессию Верховного Совета БССР стал объектом широкого обсуждения среди трудящихся³⁹⁵.

Власть и официальная пропаганда особенно подчеркивали многообразие форм советской демократии. Важное значение придавалось все шире входящим в практику советского строительства созывам отраслевых всесоюзных, республиканских, местных конференций, съездов трудящихся. Всесоюзные совещания собирались, как правило, по инициативе ЦК КПСС, Пра-

вительства СССР, центральных органов общественных объединений. О массовости и масштабах этих совещаний свидетельствуют следующие данные: с 1953 по 1960 годы состоялось 80 все-союзных совещаний, в работе которых приняли участие свыше 100 тыс. человек. В союзных республиках в 1958 году было проведено 56 республиканских отраслевых совещаний, в 1959 — 125. Они посвящались вопросам улучшения работы в области промышленности, сельского хозяйства, связи, торговли, здравоохранения, просвещения и культуры. На совещаниях выступали партийные и советские работники, хозяйственные руководители, специалисты, передовики производства. Большая часть участников каждого совещания делегировалась соответствующими организациями и коллективами, поэтому они имели представительный характер. Во многих случаях участники этих мероприятий избирались по установленным нормам представительства³⁹⁶. К примеру, в докладе мандатной комиссии Всероссийского съезда учителей, собравшегося в июле 1960 года, указывалось, что делегаты на этот съезд избирались на предшествующих форуму многочисленных учительских конференциях в краях и областях. Всего на съезд было избрано 1200 делегатов, представлявших почти миллионную армию учителей РСФСР. Около половины участников (512 человек) являлись депутатами высших и местных органов государственной власти, в их числе 10 депутатов Верховного Совета СССР, 17 депутатов ВС Российской Федерации, 23 — ВС АССР, 464 — краевых, областных, городских и районных Советов³⁹⁷. Несмотря на изрядную долю формализма, заорганизованности, подконтрольности подобных мероприятий, это были все же первые ростки формирования в Советском Союзе «гражданского общества», что имело важное значение в постепенном отходе от долгих лет господства сталинской общественной модели.

В этом смысле нельзя не сказать и о таком существенном моменте развития общенародного государства, как возрастание полномочий высших представительных органов союзных республик, расширения их прав. Так, за Верховным Советом СССР оставалось право на установление лишь основ по отдельным отраслям законодательства, а за ВС союзных республик — право издания по этим отраслям кодексов законов. ВС республик получили возможность осуществлять планирование социально-экономической жизни. Начиная с 1957 года, в республиках ежегодно стали издаваться законы о государственных планах развития народного хозяйства, а республиканские органы власти получили право участвовать в формировании высших правительственных и судебных органов Союза ССР³⁹⁸.

Таким образом, анализ практики построения общенародного государства позволяет сделать вывод о начале формирования в

стране «гражданского общества». Эти первые попытки имели еще крайне неуверенный, половинчатый характер и были во многом ориентированы на текущую политическую конъюнктуру. Поэтому курс на создание общенародного, а значит, демократического государства не мог быть реализован в тех конкретных общественно-политических условиях. Широкое рекламирование демократических принципов, задач вовлечения граждан в управление государственными делами не представлялось возможным при господстве однопартийной системы, безальтернативности выборов. В этом заключалась противоречивость той эпохи, когда зачастую искренние стремления лидеров КПСС, пропущенные через существующие политические механизмы, давали совершенно иные практические результаты. Но это, в свою очередь, не признавалось официальной пропагандой и наукой, продолжавшими неустанно твердить о преимуществах, достижениях, перспективах и т. д.

Дальнейшее укрепление курса на развертывание коммунистического строительства в условиях авторитарной политической системы создавало объективную основу для усиления идеологического диктата во всех сферах общественной жизни. В мобилизации субъективного фактора виделся залог успеха в построении нового общества, поэтому именно сюда были направлены основные усилия. Подтверждением может служить тот факт, что к концу 50-х годов произошло заметное усиление идеологических отделов Центрального Комитета, обкомов, крайкомов партии по сравнению с традиционно ранее сильными подразделениями парторганов и промышленности. Если в 1940 году штат идеологического отдела ЦК ВКП(б) составлял всего 6,7% по отношению к общей численности аппарата ЦК, то в 1959 году этот показатель достиг уже 26,4%³⁹⁹. Данная тенденция отражала определенные акценты в функционировании партаппарата, огромный потенциал которого нацеливался на пропаганду задач коммунистического строительства, формирования нового человека сообразно представлениям КПСС. В конечном счете, это привело к усилению идеологической агрессивности и стало одной из причин свертывания критики «культа личности».

Постоянной идеологической опорой режима выступала сама психология советских людей. Долгие годы сталинского террора вживили чувства боязни, страха, которые стали свойственны всему обществу, но самое главное — подавляли в людях попытки протеста против системы. В массовом сознании была вера в то, что в борьбе с «врагами» партия поступала правильно, что были «враги народа, пособники империализма». Хорошо передано, почему народ молчал в ответ на сталинские репрессии, в воспоминаниях К. И. Чуковского: «Сейчас вышел на улицу платить (колоссальные) деньги за дачу и встретил Катаева (писатель Влади-

мир Петрович Катаев. — *А.П.*). Он возмущен повестью «Один день...» (имеется в виду повесть «Один день Ивана Денисовича» *А. И. Солженицына. — А.П.*), которая напечатана в «Новом мире». К моему изумлению он сказал: «Повесть фальшивая, в ней не показан протест». — «Какой протест?» — «Протест крестьянина, сидящего в лагере». — «Но ведь в этом вся правда повести: палачи создали такие условия, что люди утратили малейшее понятие справедливости и под угрозой смерти не смеют думать о том, что на свете есть совесть, честь, человечность. Человек соглашается считать себя шпионом, чтобы следователи не били его. В этом вся суть замечательной повести», — а *В. П. Катаев* говорил: «Как он смел не протестовать хотя бы под одеялом?» А много ли протестовал сам *В. П. Катаев* во время сталинского режима?»⁴⁰⁰.

Примечательно, что многие люди, сполна испытавшие пресс сталинского террора, не допускали возможность обвинений в адрес режима. Так, бывший редактор газеты «Известия» Гронский, арестованный в конце 30-х годов за мифическую принадлежность к троцкистам, отбыв пятнадцатилетний срок заключения и, находясь в пожизненной ссылке, слагал оды, адресованные партии. С завидным оптимизмом он писал в ЦК КПСС: «Была ли у меня когда-нибудь обида на партию и государство? Нет, не было. На партию и государство так же нельзя обижаться, как нельзя обижаться на своего отца, давшего тебе жизнь, на свою мать, в муках родившую тебя». На полях этого текста сделана пометка Поспелова: «Письмо Гронского производит хорошее впечатление»⁴⁰¹. На наш взгляд, именно здесь раскрывается вся сущность режима, низводившего человека до такого состояния, когда он уже практически терял человеческий облик. Готовность на любые жертвы, беспрекословное подчинение, унижение — вот именно то, что производило «хорошее впечатление» на руководителей КПСС, стремящихся быть полновластными хозяевами не только общества в целом, но и каждого конкретного человека, его мыслей и духовного мира. Все это могло существовать только при господстве всеобъемлющей атмосферы страха, слепого повиновения, отказа самостоятельно мыслить и оценивать происходящее. Вот как выражено это в анонимном письме в «Правду»: «Мне очень хотелось бы иметь полную ясность во всех этих вопросах (о «культе личности», судьбе социализма. — *А.П.*), а подписать письмо я не могу. Я боюсь, даже не зная, чего я боюсь, я никогда не подвергалась никаким репрессиям, а боюсь. Нас воспитали в духе боязни и подчинения»⁴⁰².

Идеологический диктат развивался и шагал в ногу со временем, с изменениями в общественной жизни, произошедшими после смерти Сталина. В этом смысле в период после XX съезда КПСС можно говорить о появлении новых сфер, к которым стало приковываться пристальное внимание официальной про-

паганды. Речь идет о развитии международного туризма и радиовещания. Несомненно: ослабление «железного занавеса» имело огромное значение для советского общества. В 1956 году за границу выехало 560 тыс. граждан, а за два последующих года — около полутора миллионов рабочих, колхозников, деятелей науки и культуры⁴⁰³. Они имели возможность воочию сравнивать жизненный уровень СССР с другими странами. Сравнение, как правило, складывающееся не в пользу социалистической действительности, порождало массу вопросов, недоумений, а зачастую и откровенных смятений. Это не могло оставаться без внимания властей. Руководители страны были вынуждены выступать с разъяснениями, дающими ориентиры для «правильного» восприятия зарубежной жизни. Так, Шелепин на одном из пленумов ВЛКСМ говорил: «Некоторые советские товарищи, бывая за рубежом, оказываются неспособными увидеть за внешними сторонами капитализма его антинародную сущность, восхищаются тем, что, как говорят, лежит на поверхности, не замечают огромных налогов, большой квартирной платы, не видят, что в магазинах в капиталистических странах нет народа, что покупательная способность очень низкая, а по приезде домой расхваливают, что они видели в капиталистических странах на поверхности в витринах магазинов»⁴⁰⁴. К этому следует добавить, что, начиная с 1956 года, СССР стали посещать около 500 тыс. иностранных туристов. Они оказывали «идейное» воздействие на советских людей, несли свое понимание жизни и ее дальнейших перспектив. Не случайно секретарь ЦК КПСС Ильичев на Всесоюзном совещании по идеологии в декабре 1962 года, касаясь развития международного туризма, говорил: «Открыли новое неядерное, небаллистическое, но межконтинентальное оружие — американский туризм»⁴⁰⁵.

Такую же реакцию вызывала и расширяющаяся сеть международного радиовещания. Как отмечалось, вражеская пропаганда, направленная против населения СССР, постоянно усиливалась, вещание достигало 50 часов в сутки по различным радиостанциям. Только «Голос Америки» передавал ежедневно 16,5 часа программ для СССР, в том числе на русском языке 8 часов, на украинском — 2, на латышском, литовском — 1,5, на армянском и грузинском — по 1 часу⁴⁰⁶. Учитывая, что в СССР имелось около 20 млн радиоприемников, способных принимать «западные» волны, иностранное вещание образовывало заметную «идеологическую трещину» и превращалось в серьезную проблему для советских властей. В 1960 году ЦК КПСС и Верховный Совет СССР приняли постановления «О мерах активного противодействия враждебной радиопропаганде» и «Об ответственности за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств»⁴⁰⁷. Принимались меры по созданию

широкой сети радиостанций глушения: было построено около 1400 специализированных станций общей мощностью 14 600 киловатт, с помощью которых заглушалось до 40—60% зарубежных трансляций⁴⁰⁸.

Особую обеспокоенность властей вызывало воздействие зарубежной пропаганды на подрастающее поколение. Как выяснилось, именно молодежь оказывалась наиболее подвержена влиянию западных настроений и образа жизни. Признавая этот факт, руководители страны объясняли это тем, что целое поколение советской молодежи родилось, выросло и начало свою трудовую деятельность тогда, когда уже победил социализм, когда были созданы исключительно благоприятные условия для воспитания молодежи. В конце 50-х годов среди комсомольцев около 33% были приняты в ряды ВЛКСМ в 1954—1955 годах⁴⁰⁹. Их восприимчивость к западной пропаганде связывалась также с живучестью пережитков прошлого в общественном сознании, через которое они проникали в психологию молодежи уже после исчезновения экономических условий, породивших подобные настроения. Но, несмотря на выдвигаемые научные мотивации, идеологическая машина КПСС не срабатывала в полной мере, как это происходило в довоенный период. Идеей броска в коммунизм удавалось увлечь все меньшее количество молодых людей. Однако пропагандистская практика продолжала делать упор на беззаветный энтузиазм, уважение к физическому труду. На съезде ВЛКСМ в апреле 1958 года Хрущев, говоря о важности трудового воспитания, заявлял: «Самое главное в этом деле — надо дать лозунг и чтобы этот лозунг был священным для всех в нашем обществе»⁴¹⁰. Как и раньше, все ограничивалось только призывами и не подкреплялось продуманными материальными стимулами. Такой подход уже не срабатывал в новой исторической эпохе. Мобилизационные модели развития находили у людей и прежде всего молодого поколения, все меньший и меньший отклик.

Усиление идеологического диктата партии и государства коснулось пересмотра отношений с Русской православной церковью. Период относительно «мирного сосуществования», установившийся в послевоенный период, заканчивался, сменяясь политикой воинствующей нетерпимости. Определенную роль в этом сыграли значительные кадровые изменения в партийном руководстве в конце 50-х годов. Хрущев стал опираться на группу «идеологов» — Суслова, Фурцеву, Ильичева, давно выражавших неодобрение существовавшей практикой работы с церковью. Искал поддержку Хрущев и у руководителей, вышедших из комсомола, — Шелепина, Семичастного, желавших начать решительную борьбу с религией за ума и сердца молодого поколения. Спокойное отношение к РПЦ преподносилось ими как

сталинское наследие, которое следует ликвидировать, хотя на самом деле именно религиозные организации особенно пострадали от репрессивных кампаний «вождя народов». Но главная причина пересмотра отношений с церковью в сторону ужесточения заключалась в объявлении развернутого строительства коммунизма, где не могло быть места религиозному сознанию как пережитку капитализма. На Всесоюзном совещании по идеологии в декабре 1961 года секретарь ЦК КПСС Ильичев заключал: «Религия, которая всегда была в современных условиях анахронизмом, сейчас становится нетерпимой помехой на нашем пути к коммунизму»⁴¹¹. Надо заметить, что эта «помеха» была существенной. К примеру, в Литовской ССР в 1959 году было окрещено 80% родившихся детей, в РСФСР, Украине, Молдавии — около 50%. Многие молодожены предпочитали совершать обряд венчания⁴¹².

В условиях развернутого коммунистического строительства КПСС и Советское государство взяли курс на активизацию борьбы с религией, повсеместно нарушая законодательство о культах. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Так, в селе Горцы Новгородской области без всякого предупреждения верующих местные власти закрыли храм, сняли иконы, выбросив церковную утварь. В Харькове без уведомления верующих был закрыт, а затем взорван крупный храм Александра Невского. В Златоусте городские органы допустили грубые хулиганские действия по закрытию церкви, уничтожив и не разрешив перевезти церковную утварь. Широкий резонанс получил разгон паломников в местечке Коренная пустошь Курской области. Как замечал патриарх Русской православной церкви Алексей на приеме в Совете по делам РПЦ при СМ СССР (11 марта 1960 г.), до 1959 года подобных фактов практически не существовало, все было спокойно⁴¹³.

Гонения на церковь осуществлялись без учета такой важной составляющей религиозной жизни, как культурно-историческое наследие. Именно церковь выступала хранительницей многих культурных традиций, памятников старины, своими корнями уходящими в глубокое прошлое. На это, как и в довоенный период, не обращалось ни малейшего внимания. Например, один из ученых-искусствоведов обратился в ЦК КП Украины с просьбой принять незамедлительные меры по спасению исторических памятников, изложив их перечень с указанием состояния, в котором они находились. У Подгорного письмо вызвало неодобрительную реакцию, о чем он и поделился с пленумом ЦК компартии Украины в июле 1963 года: «...а справка по своему содержанию на 99% направлена на главное — спасите церкви. Конечно, есть церкви, имеющие ценность как памятники архитектуры, и государство их охраняет. Однако нельзя, товарищи,

впадать в крайность и сохранять какую-либо церковь только потому, что она построена в XV или в XVIII столетии. Наверное, лучше было бы если бы некоторые из них давно завалились»⁴¹⁴.

Такая позиция развивалась рядом ученых, ставших штатными атеистами при руководстве КПСС. Один из них — Ф. Олещук, в статье «Атеистическое завещание В. И. Ленина» излагал свое видение борьбы с церковью: «По требованию масс, порывающих с религией, закрываются дома молитвы. Есть немало городов и районов, в которых нет уже ни одного дома молитвы и ни одного служителя культа». Останавливаться на этом признавалось неправильным и опасным, поэтому особо актуально звучало предостережение о том, что «нельзя вести борьбу против религии от случая к случаю, как это делалось большей частью до сих пор»⁴¹⁵. Невольно задаешься вопросом, к чему должна привести эта политика, в чем состоял замысел ее авторов? На наш взгляд, здесь налицо последовательные попытки и усилия заменить духовную жизнь человека — суд совести — иными постулатами, навязываемыми партийной идеологией. Это стремление хорошо прослеживается в словах, прозвучавших на одном из пленумов ЦК ВЛКСМ: «Только соприкосновение с общественной жизнью, восприятие всего богатства ее красок — знание о трудовых успехах народа, о росте уровня его жизни сегодня, о планах на будущее — может пробудить в заблудившемся молодом человеке самый сильный суд — суд совести»⁴¹⁶. Чем закончилась эта грандиозная эпопея, сегодня хорошо известно.

Характерной чертой идеологического диктата, сопровождавшего развернутое коммунистическое строительство, стало ужесточение политики в отношении литературы и искусства. После XX съезда КПСС появилось большое количество новых литературных журналов. Во второй половине 50-х годов впервые или после длительного перерыва стали выходить 28 журналов, 7 альманахов, 4 газеты литературно-художественного профиля⁴¹⁷. С 1957 года регулярно стали проводиться встречи руководства ЦК КПСС с деятелями литературы и искусства. Выступавший на них с речами Хрущев ориентировал общественность на свои личные вкусы и взгляды в оценке произведений писателей и художников. Их суть заключалась в убеждении первого секретаря ЦК в том, что в монолитном социалистическом обществе «у наших деятелей литературы и искусства нет потребности в создании различных... течений»⁴¹⁸.

На июньском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев прямо говорил, что литературные критики и искусствоведы не оправдали доверия партии, оказались не на высоте, нередко подходили к оценке произведений литературы и искусства не с принципиальных, а с групповых позиций. Он поставил задачу

привлечь к идеологической работе в партийных комитетах квалифицированных людей, которые бы «внимательно читали произведения литературы, знакомились с творчеством композиторов, кинорежиссеров, постановками театров, правильно оценивали явления литературы и искусства». Другими словами, партия должна была усилить контроль за литературой и искусством, помимо цензуры вмешиваться в творческий процесс художественной интеллигенции. Более того, Н. С. Хрущев отметил, что, видимо, виноваты и партийные комитеты, которые «вовремя не заметили некоторых нездоровых явлений в искусстве и не приняли необходимых мер»⁴¹⁹.

Июньский (1963 г.) пленум ЦК КПСС все отступления литературы и искусства от «линии партии», от «социалистического реализма» списал на «правящие круги империалистических стран». В постановлении пленума «Об очередных задачах идеологической работы партии» говорилось: «Под прикрытием лозунга мирного сосуществования идеологии они пытаются протащить в наше общество лживые концепции «беспартийности» искусства, «абсолютной свободы творчества»»⁴²⁰. Эти же самые формулировки в качестве ярлыков навешивались нашим литераторам, работникам искусства, которые несли слово партии. Таким образом, идейные позиции советских граждан вновь сводились к вражеской идеологии, идеологической диверсии, антикоммунизму.

В отношении литераторов, деятелей искусства допускались прямые оскорбления, унижения. Вот как передает поэт А. А. Вознесенский обстановку во время его выступления на встрече руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией: «По сперва растерянным, а потом торжествующим лицам зала я ощутил, что за спиной моей происходит нечто страшное. Я обернулся. В нескольких метрах от меня вопило искаженное злобное лицо Хрущева... Глава державы вскочил, потрясая над головой кулаками: «Господин Вознесенский! Вон! Товарищ Шелепин (А. Н. Шелепин — Председатель КГБ при Совете Министров СССР. — *А. П.*) выпишет Вам паспорт», дальше шел совершенно чудовищный поток. Из зала доносился скандал: «Долой! Позор!»» Вознесенский пишет: «Через год, будучи на пенсии, Хрущев передал мне, что сожалеет о случившемся и о травле, что потом последовала»⁴²¹.

Картину дополняет известный кинодраматург М. И. Ромм: «Когда Вознесенский прочитал свою поэму «Ленин», Хрущев махнул рукой: «Так вот, пока вы, товарищ Вознесенский, не поймете, что вы — ничто, вы только один из этих трех с половиной миллионов (число родившихся за год. — *А. Е. П.*), ничто из вас не выйдет. Вы это себе на носу зарубите: вы — ничто»»⁴²².

М. И. Ромм говорил, что его поразила старательность, с которой Хрущев разговаривал об искусстве, ничего в нем не по-

нимая: «...ну ничего решительно. И так он старался объяснить, что такое красиво и что такое некрасиво; что такое понятно для народа и непонятно для народа. И что такое художник, который стремится к «коммунизму», и художник, который не помогает «коммунизму». И какой Эрнст Неизвестный плохой. Долго он искал, как бы это пообиднее, пояснее объяснить, что такое Эрнст Неизвестный. И наконец нашел, нашел и очень обрадовался этому, говорит: «Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет. На эту часть тела смотрит изнутри, из стульчака. Вот это такое ваше искусство. И вот ваше назначение, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите!». М. И. Ромм замечал: «Говорил он под хохот и одобрение интеллигенции творческой постарше, художников, скульпторов, да писателей некоторых»⁴²³.

Еще раз обратимся к письмам, поступавшим в ЦК КПСС на имя первого секретаря ЦК Н. С. Хрущева. После его выступления 8 марта 1963 года по вопросам литературы и искусства закройщица фабрики «Индпошив» г. Киева Г. Зинченко писала Хрущеву: «Я не буду спорить с Вами о художниках-абстракционистах, ибо не видела их произведений. Но я не совсем согласна с Вашей требовательностью по отношению к этим художникам. Направление в искусстве — это настолько стихийная вещь, что влиять на него нельзя, да и не нужно. По мне — пусть каждый творит, как он хочет. Время само отмоет шелуху от сердцевины»⁴²⁴. Или вот выдержка из другого письма — Л. Семеновой: «Вам не следовало выступать на этом совещании. Ведь Вы не специалист в области искусства... Но хуже всего то, что высказанная Вами оценка воспринимается как обязательная в силу Вашего общественного положения. А в искусстве декретирование даже абсолютно правильное, положительное вредно»⁴²⁵. Нельзя не заметить, насколько здравомысляще говорят об искусстве простые люди.

А вот какую оценку встречам Н. С. Хрущева, руководителей страны с творческой интеллигенцией давал секретарь правления Союза художников РСФСР В. А. Серов: «Свидетельством высокой заботы партии являются замечательные исторические встречи руководителей партии и правительства с деятелями культуры. Эти встречи — большое историческое событие. Партия помогла наметить четкую программу творческой работы деятелей литературы и искусства. Мы навсегда запоем замечательные, полные глубокого смысла, высокого революционного пафоса выступления Н. С. Хрущева, который дал нам прекрасный урок высокой партийной принципиальности в оценке явлений нашей социалистической культуры»⁴²⁶.

Политическая концепция в отношении литературы и искусства исходила не от отдельных руководителей, а от системы, хотя в немалой степени нагнеталась, обострялась эта обстановка конкретными лидерами коммунистической партии. В этом отношении необходимо заметить, что И. В. Сталин уделял большое внимание вопросам литературы, следил за выходом произведений, давал личную оценку, зачастую со знанием дела. Эту традицию воспринял Хрушев, но он уже не читал художественные произведения, элементарно не разбирался в литературных вопросах, вопросах искусства и был лишь рупором у своих помощников, которые формировали взгляды руководителя партии, поддакивали его грубейшим просчетам.

К. И. Чуковский записал свою реакцию на заданный вопрос во время его выступления в доме отдыха «Барвиха» с воспоминаниями о В. В. Маяковском — «Отчего застрелился Маяковский?» Чуковский: «Я хотел ответить, а почему вас не интересует, почему повесился Есенин, почему повесилась Цветаева, почему застрелился Фадеев, почему бросился в Неву Добычин, почему погиб Мандельштам, почему расстрелян Гумилев, почему раздавлен Зошенко, но к счастью воздержался»⁴²⁷. В предсмертном письме Фадеев писал, что искусство в СССР «загублено самоуверенно-невежественным руководством партии», а литераторов, даже самых признанных, низвели до положения мальчиков, уничтожали, «идеологически ругали и называли это партийностью»⁴²⁸.

Вот как К. И. Чуковский осмысливает судьбу писателя А. А. Фадеева после его самоубийства: «Мне очень жаль милого А. А., в нем — под всеми наслоениями — чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растленность и казенность находили в нем свое послушное орудие. Он — по существу добрый человек, любящий литературу «до слез умиления», — должен был вести весь литературный корабль самым гибельным и позорным путем — пытаться совместить человечность с геппеушничеством. Отсюда зигзаги его поведения, отсюда его замученная совесть в последние годы»⁴²⁹.

Вот где трагедия и писателей, которые хотели отразить правду, и правительства, которое не хотело «выносить сор из избы». В советской системе, в ее политическом режиме литература из разряда художественного творчества трансформировалось в политическую служанку. Не все хотели быть «служанками», «политическими винтиками», а отсюда и вынужденно-принудительное диссидентство тех, кто твердо стоял на своих убеждениях, за правду, истинность истории.

В докладе секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева на июньском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС говорилось: «Литература и искусс-

во — неотъемлемая часть общепартийного, общенародного дела». И далее: «Одно время под предлогом борьбы с последствиями культа личности отдельные творческие работники вообще стали выражать сомнение в необходимости партийного руководства искусством, иронически относиться к любому упоминанию об общественном долге художника и воспитательной миссии литературы и искусства. Но такой взгляд не получил распространения, он был отброшен самими творческими работниками»⁴³⁰.

Здесь неточность — не сами творческие работники приходили к такому решению, а они были вынуждены это заявлять под партийным прессом, под реальной опасностью быть выдворенными из страны. Деятели литературы и искусства порой были вынуждены отказываться (больше — чисто внешне) от своих взглядов, признавали свои «ошибки» и заявляли, что будут их исправлять. После оскорбительных заявлений Н. С. Хрущева в свой адрес скульптор Э. И. Неизвестный направил руководителю партии письмо в декабре 1962 года, в котором писал: «Я благодарен Вам за отеческую критику. Она помогла мне. Да, действительно пора кончать с чисто формальными поисками и перейти к работе над содержательными монументальными произведениями, стараясь их делать так, чтобы они были понятны и любимы народом»⁴³¹. В конце письма Э. И. Неизвестный писал: «Клянусь Вам (Н. С. Хрущеву. — *А. П.*) и в Вашем лице партии, что буду трудиться, не покладая рук, чтобы внести свой посильный вклад в общее дело на благо народа»⁴³². Е. А. Евтушенко после того, как был подвергнут суровой критике за свои произведения на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС в декабре 1962 года, говорил: «И сейчас я, как никогда, понимаю, что мы отвечаем за завоевания революции, за каждую ниточку нашей революции. И на наших плечах сейчас, как никогда, лежит большая ответственность перед ленинскими идеями, перед завоеваниями революции, как никогда!»⁴³³

В исследуемые годы, как и в предшествующие, всеильной оставалась цензура, точнее — политическая цензура. Проверке подвергались все издания, все журналы и газеты, изымались не секретные и военные сведения, а все то, что, по мнению цензоров и партийных органов, выходило за рамки государственной политики, партийных решений, малейшая идейная неточность, как могло показаться Главлиту или Идеологическому отделу ЦК КПСС, не так истолкованное слово, будь то в статье или пьесе, становились предметом оперативного разбора, а то и политического обвинения или разноса.

Чтобы ограничить свободу творческой интеллигенции, в ЦК КПСС рассматривались два варианта судьбы творческих союзов — ликвидировать их, передав все полномочия министерству культуры СССР, или объединить союзы писателей, худож-

ников и композиторов. Секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев на июньском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС говорил: «У нас сложилось такое положение, когда писатели, художники, композиторы, деятели кино собраны в изолированные друг от друга союзы, и хочешь не хочешь — приходится вариться в котле узких профессиональных интересов. Видимо, следует поддержать предложение многих деятелей культуры о преодолении «цеховой» разобщенности отрядов художественной интеллигенции и объединении всех творческих сил в едином союзе творческих работников»⁴³⁴. Прозвучавшие слова были встречены аплодисментами членов Центрального Комитета.

Это предложение получило «конкретизацию» в выступлении первого секретаря Ленинградского горкома КПСС Г. П. Попова: «При образовании единого союза следует оградить его от людей, случайно попавших в ряды творческих работников. В новом Уставе следует установить периодическую отчетность членов союза за свою деятельность перед трудящимися, а также предусмотреть право отпускать из союза людей, не проявляющих творческую активность. Мы считаем весьма полезным, чтобы художники, писатели, композиторы, особенно молодые, сочетали свое творчество с работой в народном хозяйстве»⁴³⁵.

В Москве коммунисты партийных организаций московских отделений союзов были поставлены на партийный учет в партийные организации заводов, фабрик, а для партийного руководства идейно-творческой жизнью союзов в них образовывались партийные группы во главе с партийными организаторами МГК КПСС⁴³⁶.

Таким образом, ЦК КПСС, местные партийные органы усиливали свое руководство творческими союзами, устанавливали над ними партийный контроль, творческих работников «вмонтировали» в партийные организации производственных коллективов для связи с жизнью и «рабочего» контроля за творческой деятельностью. Справедливо возникал вопрос: будут ли на пленумах объединенных союзов живописцы обсуждать вопросы музыки, а музыканты — романы?⁴³⁷ Последнюю точку в этом вопросе поставил Н. С. Хрущев. Он заявил: «Мы за самоуправление в искусстве и за творческие союзы, если это помогает развиваться искусству в правильном направлении... Ни за каким из союзов мы не признаем руководящей роли в обществе, кроме одного-единственного нашего союза — нашей Коммунистической партии. Все другие союзы, которые попытались бы направить свою деятельность против политики партии, неизбежно столкнулись бы с партией, народом»⁴³⁸. Более строго и определенно не скажешь.

Таким образом, выдвижение задач развернутого коммунистического строительства, формирование общенародного государ-

ства как основного пути движения к будущему обществу явилось важной идеологической составляющей «хрущевской оттепели». По своей значимости данный вопрос соизмерим с разоблачением «культа личности». Эта тема привносила созидательный акцент взамен разрушительных идей демонтажа сталинской системы. Как показало исследование, взаимосвязь двух основных идеологических вопросов — «культа личности» и коммунистического строительства — очевидна и определена. По мнению лидеров партии, освобождение от культовых наслоений объективно расчищало путь для непосредственного развертывания коммунистического строительства. Тем самым это во многом оправдывало резкость по отношению к Сталину, смягчая негативную реакцию партийного аппарата, внутренне не принимавшего новые веяния, и увлекало широкие массы реальными манящими перспективами будущего. Конкретный ориентир получала и партийно-государственная номенклатура, на достижение которого направлялась вся ее многосторонняя деятельность. Заметим, что этот ориентир выдвигался исключительно коммунистической партией, потому и ее роль в строительстве «светлого завтра» становилась ведущей и никем не могла быть поставлена под сомнение. КПСС превращалась в руководящую и направляющую силу советского общества, что и получило закрепление в новой партийной Программе и проекте Конституции.

Главным инструментом коммунистического строительства объявлялось общенародное государство. Его формирование квалифицировалось как развитие марксистско-ленинского учения о государстве, возвращение к ленинским теоретическим истокам, преодоление последствий эпохи культа личности. Процесс развития государства виделся в постепенной передаче его функций общественным организациям. В этой связи их статус с конца 50-х годов стал серьезно возрастать. Общественные объединения (прежде всего, профсоюзы, комсомол) становились активными участниками общественно-политической жизни. Такой подход не вызывал единодушного одобрения номенклатуры. Ослабление государственной машины и урезание своей власти и полномочий не входили в ее планы. Но в условиях безоговорочного лидерства Хрущева, установившегося в конце 50-х годов, этот курс получил свое развитие. Профсоюзы и комсомол были вмонтированы в общую систему партийно-государственной иерархии.

Привлечение широких масс трудящихся к управлению государством становилось стратегической задачей, от решения которой напрямую зависел успех коммунистического строительства в целом. Однако разрабатываемые меры реализации этого курса не могли быть воплощены в общественной практике. Серьезным препятствием в этом являлась существовавшая политическая си-

стема. Ее однопартийная структура, безальтернативность выборов в органы государственной власти исключали возможность проявления реальной инициативы масс в управлении государственными делами. Но официальная пропаганда и наука сознательно обходили данное обстоятельство, занимаясь демонстрацией преимуществ советской демократии, выработанной партией.

Провозглашение развернутого коммунистического строительства привело к усилению идеологического диктата властей во всех сферах общественной жизни. В этом заключалось своеобразие эпохи «оттепели». С одной стороны, наблюдалось раскрепощение духовной жизни, призывы к демократизации, требования вовлекать трудящихся в управление государством, с другой — эти инициативы были помещены в жесткие рамки системы, освобожденной от культовых наслоений, но скованной идеологией броска в коммунизм, навязанной КПСС. Более того, задача формирования нового человека, гражданина будущего общества привела к усилению борьбы за влияние над духовной жизнью людей. На эту сферу распространялось монопольное господство КПСС, исключавшее любую «конкуренцию». Именно это стало основой пересмотра отношений с Русской православной церковью, началом новой волны гонений на религию. Под жестким контролем оставались литература и искусство, где начавшийся после XX съезда партии процесс раскрепощения был особенно ощутим. Любое проявление самостоятельности в этой сфере, не связанное с целями и задачами, выработанными КПСС, незамедлительно пресекалось и беспощадно подавлялось.

АМПЛИТУДА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Экономические преобразования, предпринятые после смерти Сталина, начались параллельно политическим изменениям и реабилитационным процессам. Собственно, во многом они также несли в себе неменьший политический заряд, так как их анти-сталинская направленность не вызывала сомнений. При жизни вождя какие-либо новшества, не вписывающиеся в его теоретические воззрения, были просто исключены, поскольку научно-теоретическая мысль находилась в жестком каркасе сталинской работы «Экономические проблемы строительства социализма в СССР». Экономика Советского Союза, брошенная в угоду военно-промышленному комплексу, находилась в тяжелом состоянии. Практически все народное хозяйство, все его отрасли работали на обслуживание растущих оборонных потребностей. Военизированная модель экономики, заложенная в соответствии со сталинскими замыслами, развивалась по своему сценарию, неуклонно подчиняя своим правилам экономическую и социальную жизнь советского общества⁴³⁹.

В этой ситуации представляется закономерным, что коррекция экономического курса началась именно с попытки ограничить объемы тяжелой индустрии и повысить темпы роста производства товаров народного потребления, а также более ускоренного развития сельского хозяйства страны, на протяжении долгих лет, выступающего в качестве безвозмездного донора промышленности. На этом перспективном поле развернулось соперничество Г. Маленкова и Н. Хрущева. Перспективным потому, что этот путь нес в себе большой социальный заряд и мог быть по достоинству оценен в народе. Кроме того, следует особо подчеркнуть, что дискуссия по поводу экономической стратегии развития страны между этими двумя лидерами носила публичный характер. Это отличалось от практики сталинского периода, когда важнейшие вопросы хозяйственной жизни принимались исключительно самим Сталиным и, как правило, без какой-либо

серьезной проработки. Например, в 1950 году такой важнейший документ, как пятилетний план принимался, по словам Хрущева, следующим образом: «Помните, когда Сталин утвердил за пять минут народнохозяйственный план, пятилетний план. Собрались в полукруглом зале. Он пришел, встал за столом, даже не сел, поднял бумагу, вот говорит, пятилетний план. Министры сидят, смотрят, глаза вытарашили. Говорит, есть предложение утвердить. Кто возражает? Все молчат. Принято. Заседание закрыто. Все ушли»⁴⁴⁰.

После марта 1953 года обстановка претерпела изменения. Претенденты на власть вступили в жесткое противостояние, делая ставку на популярные меры, пытаясь завоевать народные симпатии. В этом смысле и Хрушев, и Маленков выбрали верное направление, понимая, что жизненный уровень людей крайне низок и даже незначительное улучшение в этой области не может не вызвать облегчения. Если в годы правления Сталина данные статистики показывали только последовательные успехи в решении продовольственного вопроса, то практически сразу же после смерти вождя многие экономические результаты были пересмотрены. Уже на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС А. И. Микоян сообщил, что год назад в СССР наблюдался кризис мясного снабжения⁴⁴¹. Вполне очевидно, что в годы Сталина такое явление могло быть признано клеветой на советскую систему.

Снабжение промышленными товарами массового потребления также находилось на крайне низком уровне⁴⁴². Удельный вес непродовольственных товаров в государственной и кооперативной торговле составлял чуть более трети всех продаж. Показательно, что в середине 50-х годов население стремилось покупать товары более дешевые по стоимости, следовательно, уровень спроса был связан не только с недостаточными объемами производства, но и с покупательской способностью граждан. Проводимые акции по снижению цен существенного влияния на уровень жизни не имели, поскольку во многом носили пропагандистский характер.

В этих условиях были предприняты попытки подъема сельского хозяйства, ускоренного развития легкой промышленности и производства товаров народного потребления. Уже в речи на похоронах Сталина председатель Совета Министров СССР Г. Маленков подчеркивал, что в области внутренней политики «наша главная задача состоит в том, чтобы неуклонно добиваться дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, советских людей»⁴⁴³. Как позднее утверждал Хрушев, Маленковым в 1953 году было потрачено 250—300 тонн золота на покупку продовольствия⁴⁴⁴.

Такая постановка вопроса для практики народнохозяйственного комплекса была нетрадиционной. Разработку и проведение

в жизнь этого курса поддерживала часть руководящих работников и ученых. Однако подобная политика встретила сильное противодействие. Уже в 1955 году был отвергнут путь на преимущественное развитие производства предметов потребления. На официальном уровне подвергались критике работы ученых-экономистов, которые по-новому рассматривали вопрос о показателях развития народного хозяйства СССР⁴⁴⁵.

На январском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрушев подверг резкой критике тезис о том, что на определенном этапе социалистического строительства легкая промышленность может и должна развиваться опережающими темпами по отношению к тяжелой индустрии. Хрушев назвал эти рассуждения глубоко ошибочными, чуждыми духу марксизма-ленинизма, отрывками правого уклона, враждебных ленинизму взглядов, которые, как он отмечал, проповедовали А. И. Рыков, Н. И. Бухарин и другие. Подводя итог сказанному, Хрушев охарактеризовал выступление Маленкова в августе 1953 года как дешевку, рассчитанную на снискание дешевой популярности⁴⁴⁶.

Дискуссия по этому вопросу завершилась на февральской (1955 г.) сессии Верховного Совета СССР, где многие выступавшие высказывались за непоколебимость линии на преимущественное развитие тяжелой индустрии. Показательна в этом отношении речь Н. А. Булганина, в которой говорилось, что «тяжелая промышленность славно послужила делу построения социализма и укрепления независимости нашей Родины, и в этом мы всегда следовали и будем следовать указаниям Великого Ленина и верного продолжателя его дела И. В. Сталина»⁴⁴⁷. Окончательную точку в вопросе о соотношении производств групп «А» и «Б» поставил XX съезд КПСС. Негативная оценка давалась в отчетном докладе Н. С. Хрущева и выступлении Секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова. Хрушев, в частности, говорил: «Нашлись «мудрецы», которые начали противопоставлять легкую промышленность тяжелой индустрии, уверяя, что преимущественное развитие тяжелой индустрии необходимо было лишь на ранних ступенях советской экономики, а теперь нам осталось только форсировать развитие легкой промышленности. Понятно, что партия дала должный отпор попыткам умалить результаты, достигнутые в социалистическом строительстве, а также поправила прожектеров и фантазеров, которые, оторвавшись от реальной действительности, вносили вредную путаницу в коренные вопросы развития социалистической экономики»⁴⁴⁸.

Относительно реформ в сельском хозяйстве следует сказать, что примерно с середины 50-х годов аграрный курс 1953 года, стержнем которого была ставка на материальную заинтересованность колхозников, на подъем личных подсобных хозяйств, претерпел серьезные изменения. Наступление на личные подсобные

хозяйства началось в марте 1956 года, когда принимается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели», в котором наметилась тенденция к сокращению приусадебного участка колхозника. Здесь же был закреплён принцип ограничения количества скота, находящегося в личной собственности колхозников. 27 августа 1956 года постановлением Совета Министров СССР колхозникам и другим гражданам, держащим скот в личной собственности, запрещалось использовать в качестве корма для скота хлеб, крупу и другие продукты, приобретаемые в государственных и кооперативных магазинах⁴⁴⁹. При отсутствии других доступных источников обеспечения личного хозяйства кормами, не считая, естественно, сенокоса и огорода, это постановление ставило крестьянина в тупик. Ему приходилось либо нарушать только что принятое постановление, либо сокращать количество скота в своем хозяйстве. В целом вся последующая аграрная политика Хрущева ограничивала и сводила на нет всякую личную материальную заинтересованность крестьян-колхозников, что приводило к опустению российских сел и деревень.

В значительной степени борьба с частной инициативой проводилась в угоду советской идеологии коллективизма. Возможно, часть руководителей среднего звена вполне искренне верила в успех коллективных форм обработки земли, однако борьба с личными хозяйствами для представителей высшей власти определялась исключительно государственными интересами. В то же время не понимать всю степень опасности сельскохозяйственного кризиса, усугубление которого происходило за счет политических и идеологических игр на аграрном пространстве, ни Хрущев, ни в целом партийное руководство не могли. Поэтому определенные провалы в этой области были признаны довольно скоро.

В конечном счете, для нашего исследования важен тот факт, что такие настроения, такая дискуссия вообще могли возникнуть на самом высоком уровне политического руководства. Вполне понятно, что до 1953 года открытая постановка альтернативных вопросов, касающихся определения экономической стратегии партии, вообще не представлялась возможной.

Данная дискуссия, состоявшаяся в первые годы после смерти Сталина, интересна не только с политической точки зрения, но и с позиций экономического контекста. В этом смысле она подводит к серьезным выводам относительно эффективности советской экономической системы, мотивации труда при социализме в целом. К началу 50-х годов советское правительство решало их лишь в рамках преимуществ трудовой состязательно-

сти рабочих в социалистическом обществе перед капиталистической конкуренцией. Вместе с тем, за пределами приоритетов оставалась такая проблема, как формирование потребностей в трудовой активности.

В надежде на социалистическую сознательность рабочих правительство в явно недостаточных размерах применяло методы материального стимулирования труда, хотя, по данным официальной статистики, в 50-е годы происходил непрерывный рост средней заработной платы в промышленных отраслях. В пятой пятилетке она действительно повысилась на 11,8 %⁴⁵⁰, но это повышение можно объяснить и вполне объективными причинами, например увеличением доли квалифицированных работников, ростом численности рабочих в северном и восточном районах страны и в отраслях добывающей, металлургической, машиностроительной, атомной промышленности. Главным методом повышения покупательской способности в 50-е годы считалось снижение розничных цен на товары. По мнению исследователей, это увеличивало ее, например, к 1952 году не менее чем на 35 %, а к 1955 году — на 38%⁴⁵¹.

Но рост денежной заработной платы и снижение цен еще не означали повышения благосостояния людей. До 1953 года, начиная с денежной реформы 1947 года, действовала система, при которой рост денежной массы должен был соответствовать объему выпускаемой продукции. Инфляционные процессы были жестко ограничены, можно сказать недопустимы. В то же время по-прежнему проводилась политика размещения основных средств в тяжелую промышленность. Достаточно сказать, что в 1951—1960 годы в этот сектор было вложено 90% средств от всей промышленности и было задействовано 70% рабочих⁴⁵². Как результат — в середине 50-х годов недостаток товаров широкого потребления вызывал массовое недовольство населения.

В 1957 году стартовала грандиозная управленческая перестройка, инициированная Хрущевым. Она связана с образованием экономических районов — совнархозов. С их образованием Хрущев связывал большие надежды, гораздо большие, чем с целиной или с чем-либо еще⁴⁵³. Цель перестройки определена достаточно четко — это децентрализация всей хозяйственной структуры страны. После XX съезда партии Хрущевым был взят курс на вовлечение широких масс трудящихся во все сферы жизни советского общества. В политической области это проявилось в формировании концепции «общенародного государства», участии граждан в общественно-политических процессах через Советы, всевозможные общественные организации. В народном хозяйстве этот курс выразился в децентрализации и де-бюрократизации экономики страны. Как заявлял Хрущев, «централизация управления, которая сейчас существует, порождает

ряд ненормальных явлений. Не можем мы прийти в коммунистическое общество, имея такую чрезмерно зацентрализованную систему управления хозяйством»⁴⁵⁴.

Главное негативное следствие чрезмерной централизации представлялось в отстранении масс от активного участия в развитии экономики страны. В результате огромный созидательный потенциал трудящихся сдерживался, оказываясь невостребованным. В децентрализации экономики виделось преодоление последствий «культы личности» и сталинской тяги к решению всех более или менее важных вопросов в центре. Создание совнархозов преследовало и другую цель — серьезно подрывало могущество министерств и ведомств. Нелюбовь Хрущева к министерским структурам хорошо известна. В 1954—1955 годах им была проведена масштабная кампания по борьбе с бюрократизмом, направленная на подрыв министерского всевластия. Теперь же представлялась возможность нанести здесь наиболее чувствительный удар. «Министерства — это надстройка, — говорил Хрущев, — Все, что создает хлеб, это не здесь, не в Москве, там есть и люди, и организаторы. А здесь люди, которые разрабатывают директивы... Министерства — все это не производительная надстройка, в производстве не участвующая. Даже надо пересматривать министерства республиканские. Надо делать упор на область, на район, на МТС, на совхоз»⁴⁵⁵.

Однако, несмотря на децентрализацию, развернувшуюся в промышленности, в сельскохозяйственной отрасли, в тот же самый период происходили совершенно обратные процессы. На селе набирала ход кампания по укрупнению колхозов. Особенно интенсивно процесс укрупнения хозяйств шел в 1957—1960 годах, когда ежегодно исчезало около 10 тыс. уже укрупненных ранее колхозов. В 1963 году их осталось 39 тыс. против 91 тыс. в 1955-году. Самая демократичная и наиболее эффективная форма управления артелью — общее собрание колхозников — подменялась, как правило, собранием представителей. Средние размеры посевов совхозов за 1954—1962 годы возросли в результате их укрупнения в 3 раза⁴⁵⁶. Это представлялось официальной пропагандой и наукой как концентрация производства. На деле имел место, как правило, худший, малоподготовленный вариант его централизации с последующими отрицательными показателями эффективности.

Были созданы гигантские неуправляемые колхозы и совхозы. В Кировской области некоторые колхозы имели площадь пашни до 30 тысяч га, насчитывали по 120 деревень. Это было в лесной пересеченной местности.⁴⁵⁷ Анализ деятельности совхозов, проведенный в середине 60-х годов, привел к выводу о том, что «обратная связь между интенсивностью и размерами хозяйств... является настолько постоянной и повсеместной, что

выступает как определенная закономерность. И она будет проявляться до тех пор, пока хозяйства не в состоянии по своим материальным возможностям на всей земельной площади вести производство в равной мере интенсивно»⁴⁵⁸. Такими возможностями они в те годы не располагали. Однако есть и более радикальные точки зрения. В. П. Попов пишет: «Истинной причиной укрупнения мелких колхозов, повлекших за собой сселение «неперспективных» деревень и их запустение, было желание властей организовать очередную коренную ломку деревенского уклада, разрушить остатки сельского общежития, унифицировать деревню и ее людей, заставить их продолжать покорно трудиться в колхозах, еще более централизовать управление крестьянами...» И как результат этой политики «объединение «бедных» с «богатыми» приводило к внутридеревенским раздорам, усиливало социальную напряженность, не повысило эффективность колхозного производства. Не в силах противостоять дурной воле «преобразователей» крестьяне еще пуще побежали из села»⁴⁵⁹. По подсчетам В. П. Попова «абсолютная цифра убежавших из деревни за 1960—1964 гг. людей почти 7 млн человек»⁴⁶⁰.

Такого рода укрупнения и реорганизации обернулись трагедией для села. Жители тысяч деревень лишались перспектив стать самоуправляемыми коллективами, а рабочие места большинства из них теперь оказались разбросанными, как правило, по всему массиву укрупненного колхоза или совхоза. Таким образом, «объективно» вставал вопрос о строительстве крупных центральных усадеб и «неперспективности» подавляющего числа сел и деревень.

Все это требовало коренной перестройки производственной и социальной инфраструктуры села. Управлять из одного центра работой жителей многих деревень, ферм было трудно, если не невозможно. Немалые опасности таила и многозвенная система управления в условиях отсутствия хозрасчетных отношений, но не меньше — перспектива укрупнения сел, ферм и соответственно изменения севооборотов. Это вело к фактическому обесцениванию основной массы существующих жилых, животноводческих построек, требовало практически полного обновления основных производственных и непроизводственных фондов, крупных капиталовложений.

Ликвидация многих населенных пунктов вела фактически к забросу отдаленных сельхозугодий, в том числе пахотных. Не случайно, если за период 1940 — 1963 годов размеры колхозов по числу дворов увеличились в 5,1 раза, то по площади сельхозугодий — лишь в 4,2 раза, а по площади пашни — в 4,8 раза.

Многие колхозники поддерживали преобразование колхозов в совхозы, так как в этом случае они получали гарантированную оплату труда и пользовались государственным пенсионным обес-

печением, чего в колхозах ранее не было. И действительно, колхозники, перешедшие на работу в совхоз, по достижении пенсионного возраста получали государственные пенсии. Остальные, а их оказалось немало, кто получал колхозную пенсию — до 20 рублей в месяц и не смог по каким-то, в том числе объективным, причинам (возраст, болезнь, временный отъезд) войти в совхоз, несмотря на 40—50-летний трудовой стаж и наличие дома и участка в деревне лишались более высокой пенсии от государства. Из деревни Сослово Одинцовского района Московской области жители писали о своей односельчанке в 1965 году: «Буханова П. А. с первых дней основания колхоза работала на полях и фермах. В 1958 году правление, оценив ее работу, назначило ей пенсию. Ей в то время было 84 года. В 1960 г. колхоз «Большевик» вошел в состав совхоза «Горки-II». С тех пор про нее забыли, и пенсию отменили. Человек остался без средств к существованию. У нее нет сил работать, она решила идти сторожем в совхоз охранять территорию сельхозмашин. И это в 86 лет»⁴⁶¹.

По данным за 1961 год, в России заработок бывших колхозников, перешедших на работу в совхозы, повысился по сравнению с передовыми колхозами в 1,8, а с отстающими — в 3 раза. Однако часто местные органы стремились подменить работу по укреплению экономики отсталых хозяйств преобразованием колхозов в совхозы, рассматривая эту меру как единственный путь подъема сельского хозяйства.

Возникшая пешеходная недоступность или труднодоступность дальних угодий требовала больших затрат на дорожное строительство, перемещение техники и рабочей силы в места их новой работы. В то время государство не имело для этого необходимых средств⁴⁶². Одни аграрные преобразования следовали за другими. Перспектива хозяйственного благополучия не прослеживалась.

Мощный позитивный заряд аграрных реформ, созданный решениями сентябрьского пленума и последующими законодательными актами, был в основном исчерпан к концу 50-х годов. Здесь сказались непродуманность ряда решений и директив, медлительность по преодолению недостатков и издержек, выявившихся в ходе реформирования. Так, крайне непоследовательно, противоречиво вводилась научно обоснованная система земледелия на целине, затягивалось решение проблем жилья и быта целинников; волюнтаристский лозунг Хрущева «догнать и перегнать США по производству животноводческой продукции на душу населения», ставший партийной директивой, обернулся на практике опасной погоней за рекордами вплоть до подтасовки реальных показателей. С большим опозданием и оговорками лидер партии отказался от кукурузы как «чудо-культуры», дос-

тойной распространения на всей территории огромной страны. Крайне непродуманной оказалась постановка Хрущевым на декабрьском пленуме ЦК 1958 года вопроса о резком сокращении индивидуального скота работников совхозов, а в июне 1959 года, тоже на пленуме — о запрещении содержать скот жителям городов и рабочих поселков. Эти указания, облеченные в форму директив или юридических актов, в начале 60-х годов обернулись настоящим бедствием для семей сельских жителей и многих горожан. «Рязанский феномен» дал о себе знать сокращением поголовья скота и в колхозно-крестьянском секторе.

Хрущев также надеялся добиться перемен в сельском хозяйстве, и прежде всего в животноводстве, путем «искоренения» последствий несостоятельной (экстенсивной) травопольной системы земледелия академика Вильямса, заменив ее наиболее прогрессивной, на его взгляд, пропашной. Это означало отказ на всей территории страны от посевов многолетних и однолетних трав, распашку лугов и засев их, а также чистых паров кукурузой и другими культурами. Подобные рекомендации были совершенно неприемлемы для Казахстана и других районов освоения целины, где чистые пары являлись основным средством борьбы с сорняками, и Прибалтики, для которой распашка лугов могла нанести серьезный урон животноводству. Да и сам Хрущев, видимо, не очень верил в скорую отдачу от предложенной им меры. Менее чем через три месяца после пленума он дополнил ее более быстродействующей — повышением розничных цен на животноводческую продукцию при одновременном повышении закупочных цен примерно на 35 %⁴⁶³. Исходили из того, что повышение последних создаст дополнительные стимулы для колхозов и совхозов, позволит увеличить производство этой продукции. Однако эта мера должна была проводиться исключительно за счет населения, главным образом горожан. Реакция последних была незамедлительной и, разумеется, резко негативной, о чем информировали высшее руководство страны сводки КГБ. Выяснилось, что рядовые граждане быстро разобрались, в чем основная причина повышения розничных цен. «Неправильные постановления правительства, — считали они, — результат просчетов властей, принуждавших людей резать коров, отказываться от выращивания молодняка»⁴⁶⁴.

Среди высказываний рядовых граждан заслуживает внимание мнение гражданки Михайловой: «Неправильно было принять постановление о запрещении иметь в пригородных поселках и в некоторых селах скот. Если бы разрешили рабочим и крестьянам иметь скот и разводить его, то этого бы не случилось, мясных продуктов было бы сейчас достаточно»⁴⁶⁵. Бригадир механической мастерской Всесоюзного электротехнического института им. Ленина Зонов сказал: «Индивидуальных коров порезали,

телят не растут. Откуда же будет мясо? Тут какой-то просчет»; аппаратчик Московского завода углекислоты Азовский: «Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего. Вот теперь за счет рабочих хотят выйти из создавшегося положения»⁴⁶⁶. Заслуженный артист РСФСР Заславский сказал: «Мы от этого мероприятия не умрем, но стыдно перед границей. Хоть бы молчали, что мы уже обгоняем Америку. Противно слушать наш громкоговоритель целый день о том, что мы, мы, мы. Все это беспредельное хвастовство»⁴⁶⁷.

За счет повышения закупочных цен и других мер властям удалось несколько улучшить положение в животноводстве, до «возвращения к уровню 1953 года» дело не дошло. Однако 1963 год выдался крайне неблагоприятным для сельского хозяйства, самый засушливый после 1946 — 1947 годов. Урожайность и валовые сборы снизились почти на 30%. Расчеты государства на значительное увеличение заготовок рухнули. Для предотвращения голода Хрущеву пришлось прибегнуть к массовым закупкам зерна за рубежом. Вот что он говорил в этой связи в докладе на пленуме ЦК в декабре 1963 года: «Нашлись, оказывается, такие люди, которые рассуждают: как же так, раньше при меньших валовых сборах зерна сами продавали хлеб, а теперь покупаем. Что можно сказать таким людям? Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина — Молотова, то тогда и в нынешнем году можно было бы продавать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди от отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали»⁴⁶⁸. И. Е. Зеленин, характеризуя высказывание Председателя Совмина СССР, отмечает, что в целом он прав, так как в случае чрезвычайной ситуации (стихийные бедствия, массовый голод, война) государство не только имеет право, но и обязано во имя спасения людей разбронировать государственные резервы продовольствия, на то они и создаются, а потом, когда положение стабилизируется, возобновить их пополнение. Однако с начала 60-х годов государственные резервы зерна не только не восполнились, но и непрерывно сокращались, а после 1963 года импорт зерна стал своего рода закономерностью⁴⁶⁹. Тогда было закуплено 9,4 млн. тонн — около 10% от валового урожая. Такая «квота» сохранялась и в последующие годы, поскольку и после отставки Хрущева «импортные операции по хлебу» неизменно продолжались. На эти операции в 1963 году было израсходовано 372,2 т золота — около трети золотого запаса страны⁴⁷⁰.

Одним из наиболее масштабных преобразовательных проектов хрущевского периода является попытка перестройки партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов в соответствии с производственным принципом, осуществленная в 1962—1964 годах. Из всех разнообразных, многочисленных реорганизаций того

времени ее можно отнести к наиболее крупной, затронувшей всю структуру социально-экономической жизни. В ней наиболее полно отразились все те неустойчивые и спонтанные подходы, которые преобладали в период «оттепели», определяя зигзаги развития советской экономики. Постановление о перестройке было одобрено ноябрьским (1962 г.) пленумом ЦК КПСС⁴⁷¹. Если говорить о принятии этого решения с точки зрения хронологии событий, то его следует назвать неожиданным. На XXII съезде партии, прошедшем всего лишь год назад и утвердившем новый Устав КПСС, вопрос о разделении партийных организаций по отраслевому принципу не рассматривался и поэтому вряд ли можно было полагать, что вскоре после съезда будет проведена столь серьезная реорганизация, не только не предусмотренная Уставом КПСС, но и противоречащая ему.

Эта реорганизация вызывалась стремлением усилить партийное руководство промышленностью и сельским хозяйством. КПСС считала своей непосредственной функцией, обязанностью руководить экономикой. В партийных комитетах имелись структурные подразделения, которые функционально занимались хозяйственными вопросами.

XX съезд КПСС повышал требования к партийным организациям и кадрам за руководство народным хозяйством. В докладе ЦК КПСС отмечалось, что есть, «с позволения сказать», партийные деятели, которые считают, что одно дело — партийная работа и другое — хозяйственная и советская работа. От подобных «деятелей» можно даже услышать жалобы, что их отрывают от так называемой чисто партийной работы и заставляют изучать экономику, технику, производство. Такое понимание задач партийной работы в корне неправильно и вредно». И далее: «Необходимо идти по линии приближения партийного руководства к производству с тем, чтобы до конца ликвидировать обезличку в нашей работе»⁴⁷².

Экономика СССР имела положительные количественные характеристики. По сравнению с 1945 годом в 1960 году производство национального дохода составило 523%, капитальные вложения — 700%, производительность труда в промышленности — 260%, в сельском хозяйстве — 337%, продукция промышленности — 572%, сельского хозяйства — 264%, розничный товарооборот — 727%⁴⁷³. В ноябре 1962 года пленум ЦК КПСС отметил существенные успехи в выполнении планов, в хозяйственном строительстве. Прирост продукции промышленности за 1959—1962 годы составил 45%, широко развернулось капитальное строительство, осуществлены крупные меры по дальнейшему подъему сельского хозяйства⁴⁷⁴. Все эти успехи приписывались партийному руководству народным хозяйством. Собственно это толкало руководство страны приблизить организации КПСС к производству.

Идея о разделении партийных организаций по производственному принципу возникла в Центральном Комитете и прежде всего у Н. С. Хрущева в начале осени 1962 года. С этого времени она неоднократно обсуждалась в ЦК с руководителями местных партийных организаций. Однако до пленума вопросы, связанные с реорганизацией парторганов, публично не рассматривались. В периодической печати преобладали общие рассуждения об улучшении партийного руководства. Даже в передовой «Правды» от 11 ноября 1962 года в информационном сообщении о повестке дня созываемого пленума говорилось только об улучшении руководства промышленностью, сельским хозяйством, подчеркивалось, что идеи, которые будут разработаны и приняты, помогут лучше использовать резервы и возможности всех важнейших отраслей социалистической экономики, но конкретное содержание разрабатываемых мер не расшифровывалось.

Впервые о том, какие именно предложения будут обсуждаться, было сказано в записке Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС «О подведении итогов года и увеличении производства и закупок зерна». В ней говорилось о предстоящей перестройке партийных органов: «...теперь обкомы будут иметь производственную направленность»⁴⁷⁵. Обращает на себя внимание, что в записке идея о перестройке партийных органов ставилась в контексте других, направленных на преодоление трудностей и недостатков, имевшихся в сельском хозяйстве страны. Этот факт нельзя признать случайным. На наш взгляд, он дает определенные основания утверждать, что предложение о создании партийных организаций по производственному принципу исходило прежде всего из потребностей развития сельскохозяйственного производства.

После XXII съезда КПСС в колхозном и совхозном строительстве происходило крупное реформирование, создавались новые управленческие структуры: было реорганизовано Министерство сельского хозяйства СССР, на него возлагались функции руководства наукой, а вопросы материально-технического снабжения села, заготовок сосредоточивались в специальных органах, в новых структурах руководства совхозами и колхозами — совхозно-колхозных производственных управлениях. Поэтому на фоне происходивших реорганизационных процессов новое предложение Н. С. Хрущева — положить в основу строения органов КПСС производственный принцип, тем самым выделяя сельские партийные организации, — можно рассматривать как естественное продолжение уже начатых нововведений.

Следует учесть, что к 1962 году сельские парторганизации значительно выросли. В 1960 году в КПСС было принято колхозников в два с лишним раза больше, чем в 1955 году. На 1 января 1962 года в колхозных парторганизациях состояли 1184 тыс.

коммунистов — на 345 тыс. больше, чем на начало 1956 года. Всего в сельских районах страны работало более 3 миллионов членов КПСС. Удельный вес коммунистов-колхозников, занятых непосредственно на производстве, возрос с 66,7% в 1956 до 71,4% в 1961 году. В совхозах удельный вес коммунистов-рабочих увеличился за те же годы с 53,2% до 70,3%. С 1959 года в крупных колхозах и совхозах стали образовываться партийные комитеты, а парторганизациям бригад, ферм, отделений предоставлялись права первичных организаций. В 1959—1960 годах парткомы имелись в 5664 колхозах и 2140 совхозах, и процесс их создания продолжался⁴⁷⁶. Все это инициировало образование сельских партийных организаций.

В докладе Н. С. Хрущева на ноябрьском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС давалось развернутое обоснование производственного принципа построения партийных органов. Его суть сводилась к следующему: перестройка руководства партии народным хозяйством проводится в связи со значительным ростом его масштабов, которое и потребовало изменения методов руководства, придания ему больше четкости и гибкости. Подчеркивалось, что предлагаемая реорганизация даст возможность все силы партии, ее организаций сосредоточить на главных задачах развития производства, позволит более конкретно и планомерно руководить промышленностью и сельским хозяйством, создаст необходимые условия для того, чтобы со знанием дела вникать в проблемы экономики, расчистит путь передовому, позволит ускорить внедрение достижений науки и техники, улучшить контроль за исполнением директив партии и правительства.

В соответствии с этими соображениями было предложено разделить областные, краевые организации КПСС на промышленные и сельские, образовать в краях и областях промышленные и сельские обкомы, а при бюро обкомов, крайкомов, которые остались неделимыми, создать специальные органы — бюро по руководству сельским хозяйством. Такие же бюро создавались при Центральном Комитете КПСС и ЦК КП союзных республик. Предлагалось ликвидировать городские и районные комитеты партии, которые должны были быть заменены парткомми колхозно-совхозных и промышленно-производственных управлений⁴⁷⁷. Реакция на все эти предложения, прозвучавшая на пленуме, была однозначно одобрительной. Первый секретарь Ленинградского обкома партии Толстиков говорил: «...коммунисты Ленинграда, знакомясь сегодня с докладом Н. С. Хрущева, целиком и полностью одобряют и поддерживают предложения по улучшению руководства народным хозяйством, организации структур районных, областных и краевых партийных органов на основе производственного принципа». Глава коммунистов Украины Н. В. Подгорный отметил: «Мы полностью поддерживаем и

одобряем принятые ЦК КПСС по инициативе Н. С. Хрущева и изложенные им в докладе предложения о коренном улучшении партийного руководства хозяйством, построении партийных организаций снизу доверху по производственному признаку»⁴⁷⁸. Аналогичные заявления делали и другие руководители партийных органов.

В постановлении ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС указывалось, что после XX съезда КПСС партия провела большую работу по устранению недостатков в руководстве экономикой и совершенствованию управления народным хозяйством. «Теперь необходимо привести в соответствие с требованиями времени и партийное руководство промышленностью, строительством и сельским хозяйством». В постановке данного вопроса пленум исходил из того, что «от партии требуется не только умение вовремя дать правильный лозунг, но и со знанием дела повседневно и конкретно руководить производством, развитием промышленности, сельского хозяйства, всех отраслей экономики»⁴⁷⁹. В данном случае КПСС не отходила от положения о том, что она по своему положению должна руководить народным хозяйством, иными словами выполнять функции советских, хозяйственных органов. Исходя именно из этого теоретически неверного и практически нереального принципа, пленум ЦК КПСС признал необходимым перейти к производственному принципу построения руководящих органов партии снизу доверху.

В постановлении пленума так обосновывалась предполагаемая отдача от перестройки: построение партийных органов по производственному принципу дает возможность обеспечить более конкретное планомерное руководство промышленностью, строительством и сельским хозяйством, сосредоточить главное внимание на производственных вопросах. Более того, предполагалось, что построение парторганов по производственно-территориальному принципу «еще теснее свяжет организационную и идеологическую работу с задачами создания материально-технической базы коммунизма и воспитания нового человека»⁴⁸⁰.

Пленум постановил: признать необходимым реорганизовать руководящие органы партии снизу доверху, положив в основу производственный принцип, и таким путем обеспечить более конкретное руководство промышленным и сельскохозяйственным производством, образовать в пределах края, области, как правило, две самостоятельные партийные организации: краевую, областную партийную организацию, объединяющую коммунистов, работающих в промышленности, на транспорте, в учебных заведениях и НИИ, проектных, конструкторских организациях и других учреждениях, обслуживающих промышленное производство и строительство; и краевую, областную партийную организацию, объединяющую коммунистов, работающих в колхозах

и совхозах, на опытных станциях, в сельскохозяйственных учебных заведениях и НИИ, на предприятиях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, в заготовительных и других предприятиях и организациях, связанных с сельскохозяйственным производством. В районах вместо райкомов были созданы территориальные колхозно-совхозные предприятия и их партийные комитеты взамен сельских райкомов партии. В ЦК КПСС, ЦК КП союзных республик решением пленума предусматривалось создание бюро по руководству промышленным производством и бюро по руководству сельскохозяйственным производством. Аналогичным образом предусматривалось реорганизовать органы Советской власти, органы партийно-государственного контроля, профсоюзы, комсомол и другие организации⁴⁸¹.

После пленума была утверждена новая структура партийных органов. К примеру, Московский обком партии по промышленности объединял в 3950 первичных организациях 224 тыс. коммунистов. Создавались 30 горкомов, которые должны были осуществлять руководство промышленным строительством как на территории городов, так и в сельской местности. В обком партии по сельскому хозяйству вошли 1160 парторганизаций, насчитывающих 50 тыс. коммунистов. Вместо 34 горкомов и райкомов партии, осуществляющих руководство сельским хозяйством, образовывалось 12 парткомов в территориальных колхозных и совхозных управлениях⁴⁸². В Киевской области создавались промышленные и сельские областные партийные организации, два обкома партии, вместо 31 районного комитета — 12 горкомов производственных управлений, 6 промышленно-производственных зональных парткомов. В г. Киеве был упразднен горком партии и образован киевский промышленно-производственный партийный комитет⁴⁸³.

По аналогии с партией было произведено разделение советских, профсоюзных и комсомольских органов. О происходившей здесь реорганизации дают представление решения XI пленума ВЦСПС. По докладу В. В. Гришина пленум постановил создать в ВЦСПС и во всех республиканских советах по два бюро по руководству профсоюзными организациями — промышленности и сельского хозяйства. В 5 краях и 69 областях РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Казахстане и Узбекистане создавалось по два совета профсоюзов, а также по два областных комитета профсоюзов работников просвещения, государственных учреждений, торговли, культуры. Одни обкомы объединяли организации этих профессиональных союзов в городах и промышленных центрах, другие — на селе⁴⁸⁴.

Однако, несмотря на кажущуюся бесконфликтность проводившейся перестройки, она сразу же встретила внутренние неодобрения у аппарата, интересы которого затрагивались в пер-

вую очередь. Уже на начальной стадии обсуждения идея реорганизации партийных органов по производственному принципу вызвала возражение со стороны членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС, ряда руководителей республик, краев и областей. Они указывали на неизбежность возникновения трудностей в результате разъединения хозяйственного организма любой области, в которой промышленность, сельское хозяйство и сферы их обслуживания тесно связаны между собой.

В частности, целый ряд замечаний по этому вопросу был высказан президиумом ЦК Компартии Украины, который настойчиво подчеркивал нецелесообразность разделения партийных и советских органов, вносил предложения по поводу организационных форм их построения. И хотя все это не было принято Н. С. Хрушевым, президиуму ЦК КП Украины все же удалось отстоять и сохранить в шести западных областях республики единые партийные и советские органы⁴⁸⁵.

Резкое недовольство идеей партийного руководства народным хозяйством по производственному принципу выразил президиум ЦК компартии Узбекистана. В направленной им записке в ЦК КПСС предлагалось не ликвидировать горкомы партии, более того, в случае необходимости идти по пути увеличения их штата. В ряде территорий республики были оставлены единые партийные и советские органы.⁴⁸⁶

После реорганизации структуры партийных органов Н. С. Хрушев во всех своих выступлениях разъяснял ее важность и целесообразность. В ответах на вопросы корреспондента итальянской газеты «Джорно» советский руководитель так обосновывал необходимость организационной перестройки: «Представьте себе юношу, который быстро растет, набирается сил буквально по дням. Да разве у отца с матерью мало с ним хлопот, то пиджак разошелся по швам, то еще что-то произошло. Но ведь наш юноша от этого не перестает быть здоровым — напротив, он раздается в плечах и становится сильным мужчиной и поэтому требует больше продуктов питания»⁴⁸⁷. В этом образном представлении сущности перестройки прослеживается поиск путей совершенствования организационных форм социализма. Эта мысль раскрывается академиком Академии наук СССР П. Н. Федосеевым в статье «Творческое решение проблем хозяйственного строительства», которая была посвящена характеристике принципа социализма, действие которого, по его мнению, распространяется не только на производство, но и на управление народным хозяйством, что открывает огромные возможности. По утверждению академика, построение партийных организаций по производственному принципу приведет к активизации их деятельности. Придерживающихся другой точки зрения он относил к догматикам, неспособным понять новое⁴⁸⁸.

Аргументация в пользу реорганизации партийных органов после ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС приобретала новые штрихи. Перестройка партийных и советских органов по производственному принципу стала напрямую связываться с преодолением последствий сталинского «культа личности». В редакционной статье журнала «Коммунист» указывалось: «Партия решительно поломала многие устаревшие формы ведомственно-демократического подхода к делу, сложившиеся в период культа личности Сталина, отбросила в сторону антимарксистскую группу, пытавшуюся сохранить чуждые социалистическому строю порочные методы руководства»⁴⁸⁹. Еще дальше в этом направлении пошел Д. Чесноков, который в статье «Ноябрьский Пленум ЦК КПСС и вопросы государственного строительства» объяснял, что на протяжении многих столетий структура всех эксплуататорских государств складывалась в соответствии с территориальным принципом, а в наиболее развитом эксплуататорском обществе — буржуазном — территориальный принцип получает широкое развитие, поскольку государству, построенному таким образом, легче управлять, властвовать над народом»⁴⁹⁰. Эти рассуждения как бы оправдывали перестройку применительно к социалистическому обществу.

Подобная тональность была характерна и для сообщений о практической реализации задуманной перестройки. На протяжении 1963—1964 годов страницы газет заполнялись корреспонденциями, репортажами, обзорами о ценном опыте. Зачастую их авторами выступали партийные работники. Первый секретарь Краснодарского райкома КПСС Воробьев писал: «Было ясно, что развитие сельского хозяйства тормозило отсутствие со стороны бывшего крайкома КПСС, многих райкомов партии конкретного руководства колхозами и совхозами. Старая структура партийного аппарата как бы связывала руки, не давала вникать во все детали производства, но теперь, в новых условиях, все изменилось и хотя не сразу.. складывается новый стиль работы, новые методы руководства, тем не менее ясно, что перестройка уже дает положительные результаты»⁴⁹¹.

Обобщая множество подобных выступлений, передовая «Правды», посвященная годовщине ноябрьского пленума ЦК, делала вывод: «Жизнь полностью подтверждает правильность ленинского курса партии, ее Центрального Комитета. Перестройка партийного руководства народным хозяйством, создание четкой и стройной системы хозяйственного управления снизу доверху положительно сказываются на успешном выполнении семилетнего плана»⁴⁹².

На деле же практика партийных организаций после их разделения на промышленные и сельские подводила к совершенно противоположным выводам. Отрицательные стороны реоргани-

зации стали проявляться сразу же после ее введения. Во многом они были обусловлены тем, что в основу формирования и утверждения структуры обкомов, создания партийных комитетов был положен объем производства валовой продукции, так называемый вал, количество гектаров сельскохозяйственных угодий. Именно с помощью этих цифр происходила оценка всей сложной многогранной организаторской работы. И закономерно, что организационная перестройка, проведенная на такой базе в предельно сжатые сроки, привела к неразберихе и трудностям.

Об этом свидетельствуют многочисленные примеры. Партийные и комсомольские организации кондитерской фабрики им. К. Маркса г. Киева входили в областные промышленные организации КПСС и ВЛКСМ, а профсоюзная организация подчинялась Киевскому сельскому облпрофсоюзу, работу которого направлял сельский обком партии. Партийная организация кулинарной фабрики находилась на учете в Московском райкоме партии г. Киева, а в административном отношении это предприятие на правах цеха относилось к Дарницкому мясокомбинату, профорганизация которого состояла на учете в Киевском сельском обкоме⁴⁹³.

Дело доходило до курьезов. В Винницкой области партийные организации мясокомбината, молокозавода, консервного комбината подчинялись парткомом промышленно-производственного управления. В то же время партком никакого влияния не имел на городской транспорт, электроснабжение, торговлю, газ и прочие службы, от которых зависела работа этих предприятий. В свою очередь горком не имел никакого отношения к деятельности данных предприятий, от которых зависел бюджет города, снабжение горожан жизненно важными видами мясо-молочных продуктов⁴⁹⁴.

Сюда еще надо добавить то отрицательное значение, которое имела практика выделения из состава сельских регионов так называемых промышленных зон, закрепление предприятий на селе за горкомами, в результате чего предприятия, переданные в ведение промышленно-производственных парткомов, оказались разбросанными по нескольким районам, значительно удаленным от партийных комитетов. На территории Папского района Узбекистана находились поселки, где имелась промышленность, в силу чего они были отнесены к Кокандскому горкому, находившемуся от них на расстоянии 90 километров⁴⁹⁵.

Новая структура партийных органов порождала серьезные трудности в народном хозяйстве. Поэтому, естественно, уже через некоторое время после перестройки промышленные и сельские обкомы партии вынуждены были искать пути и формы совместной работы, проводить в жизнь совместные мероприятия, принимать совместные решения там, где речь шла о конкретных

вопросах развития народного хозяйства или культуры. В этой связи характерен пример бюро Днепропетровского промышленного обкома компартии Украины, рассмотревшего вопрос «О неудовлетворительном строительстве оросительной системы трестом «Днепрострой»⁴⁹⁶. В принятом постановлении содержалась просьба к Днепропетровскому сельскому обкому о принятии мер по улучшению работы подведомственных ему организаций, предлагался ряд конкретных предложений относительно сотрудничества в решении этого вопроса.

Наряду со стремлением к совместным действиям в новой структуре парторганов зачастую возникали серьезные проблемы во взаимоотношениях. Появлялся антагонизм и даже вражда промышленных и сельских обкомов, управлений совнархоза и колхозных управлений, колхозов и предприятий⁴⁹⁷. Все это еще больше усиливало существующую между ними разобщенность, приводило к невозможности решать многие вопросы хозяйственного строительства. В одном из районов Алма-Аты уборкой урожая картофеля с площади в три тысячи гектаров для жителей города занимались два обкома партии, четыре райкома и сельхозотдел ЦК КП Казахстана, но вопрос об оказании помощи в сборе овощей до конца решен не был⁴⁹⁸.

Серьезные нарекания вызывала и практика специальных органов — бюро по руководству промышленностью и бюро по руководству сельским хозяйством, образованных при ЦК компартий союзных республик, крайкомах, обкомах и райкомах партии. Деятельность этих органов, их общих президиумов и бюро плохо координировалась. Общие бюро планировали для рассмотрения одни темы, отраслевые — другие. Многие вопросы, касающиеся промышленности и сельского хозяйства, обсуждались на общих бюро, минуя отраслевые. В Мордовском обкоме партии только пятая часть вопросов сельскохозяйственного характера поступала в общее бюро обкома, предварительно разрабатываясь в бюро по руководству сельским хозяйством. Бюро по сельскому хозяйству ЦК КП Молдавии за полтора-два года вообще не внесло в президиум ЦК ни одного значительного вопроса. Некоторые отраслевые бюро брали на себя несвойственные им функции, принимали совместные постановления с облисполкомами, советами министров республик⁴⁹⁹.

Исследованные материалы свидетельствуют, что созданная сверху донизу структура партийного руководства народным хозяйством по производственному принципу не могла работать, была не в состоянии обеспечить его динамичное развитие. Ее функционирование порождало новые отрицательные моменты, приводило к возникновению дополнительных проблем. Среди наиболее плачевных из них можно назвать усиление различного рода бюрократических издержек, что было

вызвано образованием большого количества органов, дублирующих друг друга.

Разделение партийных, советских и других организаций, по крайней мере вдвое увеличило число всевозможных заседаний и собраний. Руководящие работники, специалисты были вынуждены много времени тратить на составление отчетов, докладов и согласование вопросов хозяйственного и культурного строительства в двух или нескольких инстанциях. Создавалась ситуация, когда на территории одной области принимались постановления как промышленных, так и сельских облисполкомов.

Особенно большие трудности испытывали работники областных организаций и управлений, которые подчинялись и промышленным, и сельским, партийным и советским органам. Областные управления связи, торговли, народного образования, здравоохранения, административные органы и др. ежедневно получали дублирующие постановления и распоряжения по одним и тем же вопросам из четырех адресов: промышленных обкома и облисполкома, сельских обкома и облисполкома. Вместо своей непосредственной работы руководители и специалисты этих органов были вынуждены многие часы просиживать на заседаниях и собраниях, которые нередко проходили в одно и то же время⁵⁰⁰. После перестройки произошло разрастание управленческого аппарата. В Самаркандской области до реорганизации существовало одно управление культуры, расходы на содержание его управленческого аппарата составляли 38,5 тыс. рублей, а после перестройки стало два управления, расходы на них достигли 64 тыс. рублей⁵⁰¹.

В г. Денау Узбекской ССР после перестройки стали существовать производственные управления, горисполкомы, райисполкомы, парткомы производственного управления, промышленно-производственный партком⁵⁰². Естественно, что при таком обилии различных органов трудно было разобраться, куда надо обращаться в случае необходимости. Создавались серьезные трудности в решении гражданских дел, увеличивался поток жалоб и заявлений людей, усиливалась волокита в их рассмотрении, люди испытывали большие неудобства, возмущались. В одном из писем прямо предлагалось покончить с «двоевластием» на местах⁵⁰³.

Другим негативным следствием разделения партийных органов по производственному принципу стало значительное увеличение среди партийных работников разных уровней удельного веса специалистов народного хозяйства, имеющих, как правило, техническое или сельскохозяйственное образование. Такой подход к формированию кадрового корпуса КПСС проводился в жизнь прежде всего самим Н. С. Хрушевым. Раскрывая его целесообразность, он указывал: «Партийные работники, организа-

торы в нынешних условиях должны знать не только идеи и Программу, но и конкретно знать свое дело, свою отрасль производства, квалифицированно руководить хозяйством... надо обучать людей, которые выдвинуты...»⁵⁰⁴

Именно широким выдвижением в состав кадровых первичных работников специалистов народного хозяйства характеризуются 1962—1964 годы. Эта тенденция зафиксирована в данных по Российской Федерации. В республике из 84 первых и вторых секретарей промышленных областных и краевых комитетов компартии 82 являлись специалистами промышленности, из того же числа первых и вторых секретарей сельских обкомов и крайкомов агрономов, зоотехников, инженеров-механизаторов насчитывалось 67 человек⁵⁰⁵. В Кемеровском обкоме КПСС из 68 ответственных работников парткомов предприятий истроек было более 50 инженеров и техников⁵⁰⁶. Последствием такой политики стал технократический подход, превалирование хозяйственно-административных функций над политическими методами работы.

В контексте осуществления политики разделения партийных и советских органов по производственному принципу Н. С. Хрущевым были предприняты попытки проведения дальнейших нововведений, исходя исключительно из собственных представлений об их целесообразности. Эти зигзаги политической линии первого секретаря ЦК КПСС вызвали раздражение аппарата, увеличивали недовольство, способствовали углублению конфликта с главой партии и правительства. Именно такие настроения породила попытка первого секретаря Целинного крайкома Компартии Казахстана Т. И. Соколова при прямой поддержке Хрущева добиться создания и утверждения Целинного края в качестве 16-й республики в составе СССР. Краю, имеющему сугубо сельскохозяйственную направленность, стала оказываться значительная материально-техническая помощь. За неполные три года в регион было направлено огромное количество техники — тракторов, комбайнов, плугов, сеялок, прибились десятки тысяч механизаторов. В результате этого в крае было поднято более 19 миллионов гектаров земли, созданы сотни совхозов⁵⁰⁷.

В этих условиях первый секретарь крайкома КПСС начал проводить линию на обособление края от Казахской республики. В своих выступлениях он прямо говорил о стремлении преобразовать край в союзную республику, добиваясь предоставления крайисполкому прав совета министров, утверждения ведущих отделами крайисполкома в качестве министров. Эту политику приветствовал и поддерживал Хрущев. В ответ на жалобы первого секретаря ЦК КП Казахстана Юсупова и второго секретаря Соломенцева на действия Соколова Хрущев с удивлением говорил: «Мне не совсем понятно, почему республиканская

организация не гордится и не радуется тому, что Целинный край перевели на особую «красную строку». Вместо того, чтобы радоваться, некоторые товарищи проявляют какую-то обиду, почему Целинный край идет отдельной строкой, почему он должен снабжаться по линии Москвы»⁵⁰⁸.

Однако от этой идеи пришлось отказаться и прежде всего в силу того, что, несмотря на значительную помощь, край не только не дал ощутимой отдачи, а наоборот, понес большие убытки. Если в 1958 году совхозы края нанесли государству убытков на 75 миллионов рублей, то в 1962 году уже 223 миллиона, из 670 совхозов только 101 закончил год с прибылью. Сократился и сбор урожая: в 1959 году государству было сдано 749 миллионов пудов хлеба, а в 1962 году только 318 миллионов, за три года Целинный край недопоставил 860 миллионов пудов зерна. Не оправдал оказанного ему доверия и сам первый секретарь Целинного крайкома, которого обвиняли в систематическом пьянстве⁵⁰⁹. Находясь под постоянным давлением руководства Казахстана и его покровителей в Москве, Хрущев согласился с освобождением Соколова от занимаемой должности, но, несомненно, этот эпизод не мог не сказаться на усилении негативно-го отношения руководящих слоев аппарата к главе партии и государства.

Наиболее резкий протест партийных работников вызвало очередное новшество, связанное с изменением традиционно сложившегося понимания функционирования партийных комитетов. Свое отношение к этой проблеме Н. С. Хрущев изложил в записке, которая оказалась последней из подготовленных им в период 1962—1964 годов. Ее суть сводилась к тому, что партийные комитеты не должны были вмешиваться в вопросы хозяйственного строительства, им предлагали сосредоточиться исключительно на политпросветительской работе. В записке осуждалась практика вмешательства в дела совхозов и колхозов, за что предусматривалось даже привлечение к уголовной ответственности⁵¹⁰. Все это получило осуждение членов Президиума ЦК, многих руководителей, и еще более усугубило существующую путаницу во взаимоотношении многочисленных партийных, советских и хозяйственных структур.

Записка Хрущева фактически дала повод отдельным хозяйственным руководителям относить ответственность за недостатки и провалы в работе на то, что партийный аппарат вмешивается в хозяйственные дела и мешает работе. Особенно в невыгодном положении оказались бюро парткомов. С одной стороны, Центральный Комитет, обкомы и крайкомы продолжали требовать выполнения планов, заданий, графиков, а с другой — тут же критиковали за вмешательство в хозяйственные дела. Бюро парткомов приходилось зачастую принимать такие постановле-

ния, чтобы им не могли предъявить претензии относительно вмешательства в вопросы развития промышленности и сельского хозяйства. Фактически об этом шла речь на заседании бюро, но в протокол это не заносилось⁵¹¹. Естественно, такое положение не могло оставаться долгое время.

Таким образом, в 1962—1964 годах политика, связанная с осуществлением грандиозной перестройки партийных, советских органов по производственному принципу, привела к дестабилизации управленческих структур, показала несостоятельность попыток реформировать советское общество мерами организационного порядка. Реорганизацию 1962—1964 годов и ее последствия можно рассматривать как одну из непосредственных причин смещения Н. С. Хрущева с поста руководителя партии и правительства.

В целом разделение партийных органов, органов советской власти, общественных организаций на промышленные и сельские, кроме усложнения общественно-политической системы, системы государственного управления, ничего положительного не дало. Поэтому уже через два года пленум ЦК КПСС того же созыва, в том же составе признал целесообразным вернуться к принципу построения партийных организаций и их руководящих органов по территориально-производственному принципу, который содержался в Уставе КПСС, принятом XXII съездом партии. Были восстановлены единые областные, краевые партийные организации, объединяющие коммунистов по территории безотносительно их работы в промышленности или сельском хозяйстве. Восстанавливались и райкомы партии⁵¹².

Работа ноябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС в периодической печати не освещалась. С докладом выступил секретарь ЦК КПСС Н. В. Подгорный. Он отметил, что «принятые в 1962 году решения шли вразрез с требованиями Устава КПСС, но мы подчинились и провели это разделение в жизнь, так как, казалось, создана снизу доверху стройная система партийных органов по производственному принципу, это могло в какой-то степени подкупить. Однако все это не явилось результатом глубокого изучения вопроса, а следствием субъективизма и поспешности, это было «новшество», которое никакой пользы не принесло»⁵¹³.

В докладе на пленуме было приведено письмо коммуниста Середовича: «Нашу Хмельницкую область разделили на промышленную и сельскую. А зачем, спрашивается? Ведь промышленности у нас как кот наплакал: из 1650 тысяч населения под власть промышленного исполкома могли передать лишь 200 тысяч, а штаты его почти не уступают сельскому, в нем имеются такие же отделы и управления, оклады начальников, хотя делать им совершенно нечего и они не знают как убить время. Сами посудите: из 90 тысяч инженеров на промышленный облизпол-

ком приходится лишь десятая часть, из 1400 школ в подчинении промышленного облоно 65, из 2500 клубов и киноустановок на управление культуры промышленного облисполкома приходится около 80. А сколько никому не нужных споров часто возникает в работе, как тяжело простому человеку отыскать нужные ему учреждения»⁵¹⁴.

На ноябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС речь шла о целесообразности сохранения колхозно-совхозных управлений, перестройки управления промышленностью и строительством, создании совнархозов. В прессе сообщалось о полном единодушии выступивших на пленуме по всем вопросам. Однако на самом деле это не соответствовало действительности. Многие ораторы высказывали иные, в отличие от доклада, соображения. В частности, были разные мнения относительно сохранения отраслевых бюро обкомов и крайкомов КПСС по руководству промышленностью и по руководству сельским хозяйством⁵¹⁵. Положительно отзывались выступающие о производственных колхозно-совхозных управлениях как оперативных сельскохозяйственных органах, полностью оправдавших себя, предлагалось преобразовать их в отделы райисполкомов⁵¹⁶.

Такую же положительную оценку некоторые выступавшие дали деятельности совнархозов. Отголоски этого прозвучали на сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся вскоре после ноябрьского пленума ЦК КПСС. Депутаты подчеркивали: «За последнее время все чаще стали раздаваться голоса о целесообразности упразднения совнархозов и возвращении к прежней системе управления производством через министерства. Это якобы диктуется интересами производства, требованиями отраслевого развития промышленности. По нашему мнению, такие предложения неосновательны. Масштабы нашей страны, всевозрастающие объемы производства, его техническое перевооружение, качественные изменения отраслей народного хозяйства в связи с развитием науки и техники, тесное их переплетение между собой не позволяют сейчас эффективно осуществлять сугубо централизованное управление промышленностью, а тем более по отдельным ее отраслям. Мы считаем, что система совнархозов является безусловно прогрессивной и вполне себя оправдала. Известные ее недостатки при совершенствовании общей структуры управления за счет повышения уровня отраслевого руководства из центра могут быть устранены»⁵¹⁷.

Однако доводы по всем этим вопросам были отвергнуты Президиумом ЦК КПСС, точка зрения которого возобладала, получив большинство. Примечательно, что, приняв на пленуме решение об объединении партийных, советских органов, рекомендовалось осуществлять его без поспешности и суеты, продумывая районирование, структуру вновь созданных горкомов партии. Го-

вора о предстоящей работе, первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест отмечал, что «ее необходимо проводить спокойно, рассудительно, без суеты и шума. Нашей печати, радио, телевидению не следует создавать вокруг этого ненужную шумиху, не следует давать место на страницах нашей печати людям, которые все критикуют, всех обвиняют, но сами ничего конкретно не делают, действия таких любителей критики, этаких критиканов нужно пресекать»⁵¹⁸. На пленуме фактически была предпринята судьба колхозно-совхозных управлений, совнархозов, несмотря на положительные отзывы некоторых участников пленума. Можно сказать, что, если октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС устранил Н. С. Хрущева как политическую фигуру, то ноябрьский (1964 г.) пленум ЦК перечеркнул все начинания, предпринятые им во время пребывания на посту первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Новый лидер партии свое отношение к перестройкам сформулировал так: «...не в учреждениях, не в реорганизациях, не в новых декретах гвоздь, а в людях и в проверке исполнения. Центральный Комитет КПСС и Советское правительство видят свой долг в том, чтобы осуществлять необходимые мероприятия по совершенствованию руководства народным хозяйством, делая это осмотрительно, без суеты и поспешности»⁵¹⁹. В этом состояло кредо новой наступающей эпохи в жизни советского общества.

НОВОЕ «РОЖДЕНИЕ» НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ПОСТСТАЛИНСКОМ СССР

Смягчение внутривластического курса после смерти И. В. Сталина в марте 1953 года не могло не оказать влияния на национальную жизнь СССР. Период 1953—1964 годов по сути явился новым, значительно более радикальным этапом развития национальных движений в стране.

Причины этих процессов определяются факторами как объективного, так и субъективного характера. К объективным факторам можно отнести тенденции технологической и социальной модернизации традиционного общества, его переход к современно-индустриальной формации. Сам по себе этот объективный исторический процесс протекает достаточно болезненно и нередко сопровождается разрушением этнических и культурных ценностей, что приводит к сопротивлению традиционных культур современной модернизации.

В СССР процесс перехода к обществу современного типа — «социализму» — проходил в жестких, чрезвычайных условиях, насильственным путем и сопровождался форсированными темпами. Модернизация в СССР на основе современной российской культуры шла параллельно с целенаправленной политикой размытия этнических черт и особенностей народов многонациональной страны. Все это вызывало, в первую очередь у национальной интеллигенции, озабоченность угрозой утраты традиционной культуры и служило потенциалом для национального движения. Отсюда в СССР, особенно там, где сохранились пережитки традиционных обществ, национализм и национальные движения выступали еще и в качестве антимодернистской реакции на модернизацию в целом.

Объективный характер причин национальных движений в СССР во многом усиливался субъективными факторами, которые были обусловлены крайностями противоречивой национальной политики: от создания национальной государственности до варварских депортаций и гонений целых народов и так называ-

емой мягкой русификацией, служившей интересам советского государства, а не русского этноса.

Следует также отметить и постоянно сохранявшийся в стране идеологический примат классового признака над национальным, генерировавший межнациональные противоречия. Вне русских регионов СССР, в Прибалтике, Закавказье, Средней Азии коммунистическая идеология и «советизация» во многом рассматривалась как национально враждебная система, навязанная оккупантами, колонизаторами (русскими). Поэтому борьба с этой идеологией означала борьбу с колонизаторами. Пока был силен советский режим и безраздельно господствовала коммунистическая идеология, всякое инакомыслие, межнациональные противоречия и национализм подавлялись немедленно и редко выходили на арену общественной жизни.

Ослабление и начавшийся с конца 60-х годов кризис коммунистической идеологии и системы в целом способствовали выходу из глубокого подполья на авансцену общественно-политической жизни национальных движений, где национализм получил главенствующую роль. По мнению многих российских историков, крупной ошибкой большевиков в национальной политике было то, что в основу административного устройства СССР они положили национально-территориальный принцип, который затем стимулировал национал-сепаратизм.

Большую роль в усилении национализма и сепаратизма в республиках СССР сыграла также усилившаяся с 60-х годов коренизация, или этнизация, партийно-хозяйственной номенклатуры, местной интеллигенции. Постепенно в части регионов СССР правящая номенклатура оказалась фактически представлена только коренными жителями. Этнические элиты, почувствовав свою власть, на словах заявляя о преданности союзной центральной власти, на деле проводили все более самостоятельную, учитывавшую интересы только своей республики политику.

Наряду с национальной партийной элитой национал-сепаратистские настроения в этот период получили широкое распространение среди национальной интеллигенции союзных и автономных республик СССР. Огромный культурный и интеллектуальный потенциал интеллигенции и присущее ей стремление претендовать на роль выразителя и носителя национальных интересов позволили ей стать лидером и инициатором национальных движений в СССР. Вместе с интеллигенцией наиболее активным участником в национальных движениях явилась молодежь, особенно в республиках Прибалтики, Закавказья, Западной Украины. Скорее всего это объясняется тем, что у молодежи более развит группоцентризм и присутствуют более упрощенные этноустановки на «чужих» и «своих», что создает питательную почву для агрессивного национализма.

Каждое из национальных движений в СССР имеет свои особенности, свои характерные черты, обусловленные конкретно-историческими условиями их формирования. Тем не менее анализ всех национальных движений в СССР позволяет выделить в них общую, характерную для всех национальных движений группу взаимосвязанных причин их появления. В группе этих причин наиболее важными являются: исторические территориальные споры; борьба за национальную независимость; реабилитация поправленных прав в результате депортаций и репрессий; религиозно-культурные (состояние памятников культуры, религиозных культов, интерес и поддержка национальных традиций, религии, проблемы национальных языков), экономические (низкий уровень жизни, стремление к децентрализации), правовые (требования четкого разграничения компетенции центра и регионов, отмены существующих договоров), демографические (миграция иноэтнического населения, падение доли коренной нации в общей численности населения республики), экологические (строительство опасных и грязных для окружающей среды объектов производства, разрушение национального ландшафта) проблемы. Все эти факторы и причины, в той или иной последовательности и доминанте во всех национальных движениях выступают в одной связи, и грани между ними довольно зыбкие. Национальные движения неоднородны и многослойны по своему составу. Поэтому утверждать об одной этнической доминанте в национальных движениях (в частности, об их антирусской направленности), как справедливо указывает В. Тишков⁵²⁰, было бы неправомерно. Немалое место в национальных движениях занимало и просто стремление республик и автономий к децентрализации и получению большей самостоятельности и прав регионов. В многонациональном СССР любой внутренний конфликт, социально-экономический или политический, по своей природе обретал этническую окраску.

Мотивы национальных движений в Советском Союзе в период 1953—1964 годов также были разнообразны: выдвигались национально-культурные или национально-политические требования — от сохранения собственной культуры и языка, политической и правовой реабилитации, возвращения на историческую родину до создания независимого государства.

Дополнительную мозаичность и так уже разнообразной картины национальных движений в СССР придавало и существование национальных меньшинств на территории союзных и автономных республик (в частности, абхазцы и осетины в Грузии), которые нередко подвергались дискриминации на своих территориях. Получалось, что коренные этносы, выступая против «имперства» русских, по отношению к национальным меньшинствам в своих республиках сами оказывались в роли малых имперских наций.

Ко всему сказанному следует добавить, что в условиях существовавшего советского режима недостаток политического, культурного, религиозного самовыражения в СССР закономерно находил себе выход в национальных движениях. И в этом национальные движения объективно несли в себе общедемократический заряд.

Основными направлениями национальных движений в СССР стали следующие: движения за предоставление национальной независимости (республики Прибалтики, Западной Украины); движения, ориентированные на защиту и сохранение национальной культуры и языка (Восточная Украина, Грузия, оппозиционно настроенные круги интеллигенции Белоруссии, Молдавии); движения республик исламской культуры (Средняя Азия, Казахстан, Азербайджан); движения депортированных народов за предоставление своих конституционных прав (крымские татары, чеченцы, ингуши и т.д.); движение за решение экстерриториального вопроса (Армения); движение за эмиграцию из СССР (евреи, частично советские немцы).

С конца 40-х годов в центральные органы — ЦК партии, СМ СССР, Президиум Верховного Совета СССР все чаще стали поступать письма и жалобы от спецпоселенцев на незаконность депортаций этих народов. В 1952 году было получено 70 717 жалоб от граждан различных национальностей, находившихся на поселении; в 1953 году, только в мае—июне их было 41 700; в 1954 году — 130 582⁵²¹.

Были сделаны попытки представителей «наказанных» народов обратиться к мировой общественности, к западным странам с целью решить проблему восстановления своих прав и возвращения на историческую родину. Так, в 1953 году калмыцкая делегация из числа калмыков-иммигрантов добилась приема по этому вопросу в Госдепартаменте США и в ООН. В меморандуме на имя Генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда высказывалась просьба о том, чтобы комиссия по защите прав человека при ООН добилась «от советского правительства сведений относительно местонахождения и нынешнего состояния калмыцкого народа, чеченцев, крымских татар и балкарцев и настояла на том, чтобы они были освобождены»⁵²².

Постепенно начал свою работу государственный механизм по реабилитации репрессированных народов. В июле 1954 года выходит постановление ЦК КПСС «О снятии некоторых ограничений в правовом положении «спецпоселенцев»». За ним последовала серия указов Президиума Верховного Совета СССР о снятии с учета спецпоселения и освобождения от административного надзора чеченцев, ингушей, греков, турок-месхетинцев, крымских татар, карачаевцев, балкарцев и калмыков. Однако «спецпоселенцам» был запрещен выезд в места прежнего обитания.

Репрессированные народы требовали возвращения на земли своих предков и категорически возражали против попыток властей создать национально-административные образования в местах высылки, что послужило началом массовой легальной борьбы этих народов за возвращение на родину в 1955—1956 годах. В адрес ЦК КПСС, на имя руководителей партии и государства стала поступать масса писем, подписанных от имени тысяч и тысяч людей, в которых высказывалась просьба о возвращении выселенных народов на историческую родину и восстановлении ранее существовавших автономных республик и областей⁵²³. XX съезд партии в феврале 1956 года подверг осуждению сталинскую политику депортации народов. Начало реабилитации народов было положено в годы хрущевской «оттепели». Однако действия советского правительства в этом направлении имели половинчатый характер и зачастую не доводились до своего логического завершения, вызывая тем самым заслуженный гнев, недовольство, а затем и недоверие к советской национальной политике.

Из числа чечено-ингушской национальности, размещенной в Киргизии и Казахстане, нашлись свои лидеры и активисты, которые, разъезжая по городам и селениям, проводили собрания и агитировали свой народ за возвращение на родину и восстановление упраздненной автономной республики⁵²⁴.

Не дожидаясь положительного для себя решения о возвращении на родину, несмотря на «существующее запрещение, тысячи бывших спецпоселенцев самовольно возвращаются на прежние места жительства...» — читаем в постановлении ЦК КПСС от 24 ноября 1956 года⁵²⁵.

Учитывая многочисленные требования и опасаясь выпустить ситуацию из-под контроля, 24 ноября 1956 года ЦК КПСС принял постановление о восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов⁵²⁶. Постановлением устанавливалось организованное переселение этих народов в течение 3—4 лет, начиная с весны 1957 года, с тем, чтобы как можно лучше подготовить условия для устройства населения на местах. Однако вопреки этому постановлению начался массовый выезд «спецпоселенцев», которому власти стали всячески препятствовать. Их снимали с поездов, возвращали обратно, на путях их следования на железнодорожных станциях Российской Федерации, Казахстана были выставлены 14 оперативных заслонов, кроме того, «спецпоселенцам» запрещали продавать билеты на самолеты и железнодорожный транспорт, идущий в сторону их дома⁵²⁷.

Вполне объяснимо, что это еще больше обозлило людей. При снятии с поездов чеченцев и ингушей, последние отказывались возвращаться к местам прежней ссылки и «...в некоторых слу-

чаях они пытались оказывать сопротивление работникам милиции» — из донесения в ЦК КПСС заместителя министра внутренних дел Васильева от 24 декабря 1956 года⁵²⁸. Настроения у чеченцев и ингушей были достаточно решительные. Например, Ибрагимов и Махмудов открыто высказывались: «...надо всем приехать, тогда нас не выгонят, а если снова будут выселять, то мы будем воевать до последней капли крови...»⁵²⁹

Драматично проходило возвращение депортированных народов на Северный Кавказ, где вскоре началась целая серия межнациональных конфликтов. Проблема состояла в том, что на место выселенных в годы репрессий были поселены другие люди, жилища репрессированных разрушены или переданы переселенцам. Все это приводило к искусственно разжигаемой межнациональной вражде народов, которые до этого считались добрыми соседями. Если возвращение балкарцев на родные земли проходило достаточно мирно и это объяснялось тем, что партийные органы и местное население, заселившее территории выбывших «спецпоселенцев», положительно относились к их возвращению, то стихийное возвращение карачаевцев вызвало конфликты с русскими и грузинскими переселенцами, размещенными на их землях. Карачаевцы в основном были возвращены в те районы, где жили до 1943 года⁵³⁰.

Что касается возвращений чеченцев и ингушей, то жители Грозненской области, Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР категорически выступили против⁵³¹. Первые партии чеченцев и ингушей прибывали небольшими группами по 10—15 человек, им отказывали в прописке, не брали на работу, однако это их не останавливало. Символично было то, что чеченцы привозили с собой в мешках останки родственников, умерших в местах ссылки, для их перезахоронения на своей земле⁵³².

Местное население из дагестанцев, русских, занявших дома и земли депортированных чеченцев и ингушей, враждебно встретило вернувшихся. Характерны их высказывания: «В республику едут бандиты, их не надо пускать или придется уезжать отсюда»⁵³³.

Примечательно, что в Грозненской области выросла преступность. Некоторые «пришлые» чеченцы пополнили действовавшие ранее в горах повстанческие отряды, которые не складывали оружие с самой войны. «Повстанцы» частенько занимались грабежом, угоном скота, в числе их жертв были и рядовые колхозники⁵³⁴. Зачастую на эти противоправные меры их толкала сама власть, которая продолжала медлить с воссозданием автономной республики и организованным переездом населения в родные места.

В многочисленных жалобах в партийные и государственные органы от местных жителей, по сообщениям органов КГБ, не-

однократно указывалось, что прибывшие чеченцы угрозами и силой вселяются в свои жилые дома и выгоняют из них проживающие там семьи дагестанцев, русских.

Сообщается, что большинство чеченцев ходят вооруженными по селам и устраивают стрельбу, провоцируя местных жителей на ответные действия и столкновения. В ответ местное население также стало приобретать ружья. Так, жители с. Ярыксу Новолакского района «закупили даже несколько десятков ружей в Астраханской области»⁵³⁵. Драки, хулиганские выходки и даже вооруженные столкновения между местным и пришлым населением приобрели угрожающий характер. Так, в Цумандинском районе Дагестанской АССР группа чеченцев убила чабана Тахутдинова, колхозника Саадиева и пыталась угнать около 100 овец. В селении Тандо Веденского района 17 января 1957 года чеченцами было спровоцировано массовое побоище между чеченцами и аварцами⁵³⁶. Однако есть данные, что провоцировали столкновения и дагестанцы. В результате вооруженного столкновения 4 июня 1957 года в селении Тутово Ачхой-Мартановского района между чеченцами и аварцами из-за пользования водой для орошения огородов убит один и ранено три аварца⁵³⁷. Очаг межнациональной напряженности в республике привел к тому, что начался массовый выезд русского населения из республики. Уезжали и бросали работу в колхозах целыми хозяйствами даже в период весеннего сева⁵³⁸.

Представители дагестанских районов, отошедших к Чечено-Ингушской АССР, настойчиво просили ЦК КПСС и правительство СССР переселить все 11 тыс. хозяйств аварцев и даргинцев на территорию Дагестана, «...так как убеждены и полны решимости в невозможности совместной жизни и работы с чеченцами»⁵³⁹.

Усиление межнациональной напряженности на Северном Кавказе и упорная борьба чеченского и ингушского народов за возвращение на родину привели к восстановлению в январе 1957 года Чечено-Ингушской АССР. Кроме Чечено-Ингушской АССР, в этом же году были восстановлены Кабардино-Балкарская АССР, Карачаево-Черкесская автономная область и Калмыцкая АССР. Однако при реставрации Чечено-Ингушской АССР правобережная часть Пригородного района (около 16 тыс. кв. км), ранее до 1944 года принадлежавшая ингушам, была передана Северо-Осетинской ССР, что на долгие годы привело к очаговой напряженности между ингушами и осетинами.

Вместе с тем для прекращения межнациональных конфликтов в Чечено-Ингушетии власти избрали свой метод борьбы, а именно — задерживать несанкционированный выезд чеченцев и ингушей в республику. 8 мая 1957 года вышло постановление ЦК КПСС Казахстана «О временном приостановлении выезда

чечено-ингушского населения из пределов республики». В результате из-за вынужденной задержки на вокзалах городов Казахстана сотни и тысячи несчастных людей оказывались без средств к существованию, без продовольствия, ведя полубродячий образ жизни с одной только надеждой добраться до родных мест. Из-за скопления людей в вагонах и местах расселения возникали массовые эпидемические заболевания. Однако такие препятствия властей только еще больше воодушевляли народ для возвращения на родину.

По состоянию на 22 июня 1957 года в Чечено-Ингушскую АССР уже прибыло 131 188 чеченцев и ингушей вместо 78 000 по плану.

В республике за 1957—1958 годы органами МВД и госбезопасности зафиксирована масса националистических выходов со стороны чеченцев и ингушей, которые носили все более антисоветскую и антирусскую направленность. Нападение на лиц русской национальности со стороны чеченцев и ингушей отмечено в Назрановском и Новоназрановском районах⁵⁴⁰. В Урус-Мартановском районе в июле 1957 года разрушено русское кладбище⁵⁴¹. Участились и националистические выкрики типа «Русских будем резать!» или «Да здравствует чеченская власть!»⁵⁴².

Немалую роль, по данным КГБ, играло в этом мусульманское духовенство, которое «проводит массовые религиозные сборища, призывает мусульман к сплочению в борьбе против «иноверцев»»⁵⁴³. В свою очередь, со стороны русского населения республики ширились античеченские настроения, которые были вызваны конфликтами с ними из-за дележа земли и домов, ранее принадлежавших чечено-ингушам.

Продолжавшиеся мелкие националистические эксцессы при попустительстве властей привели к настоящему межэтническому столкновению между русским населением г. Грозного и чечено-ингушами в августе 1958 года. Поводом к нему послужило убийство ингушем русского. Похороны убитого сразу превратились в настоящий погром со стороны русских, чеченцев и ингушей. В течение 3-х дней будничная жизнь в городе была парализована. Митингующие вышли на улицы с лозунгами выселения всех чеченцев и ингушей из республики, местные власти бежали из города. Срочно стали прибывать войска, а из Москвы в Грозный вылетели Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Яснов и секретарь ЦК КПСС Н. Г. Игнатов. Хотя волнения и удалось прекратить, однако противостояние коренного населения (чеченцев и ингушей) и русского приобретало в республике все более глубокий характер⁵⁴⁴. В последующие годы возвращение чеченцев и ингушей на Северный Кавказ происходило более организованно и уже без эксцессов⁵⁴⁵.

Другим, не менее острым вопросом в республике стал территориальный вопрос о Пригородном районе (общая площадь около 16 тыс. кв. км.), находившимся с 1944 года в составе Северо-Осетинской АССР. Со стороны ингушского населения, по данным комитета госбезопасности за 1962 год, отмечается, что увеличивается пересылка заявлений в ЦК КПСС и правительства с требованием о передаче Пригородного района Чечено-Ингушской АССР, организуются поездки делегаций представителей от ингушского народа в Москву⁵⁴⁶. В январе 1965 года в городе Грозном у здания обкома партии и Президиума Верховного Совета республики прошла демонстрация ингушей в количестве 40—60 человек с требованиями по этому вопросу.

Нежелание властей политическим путем решить эту проблему привело к нагнетанию националистических страстей. Все чаще слышатся призывы со стороны ингушских родовых и религиозных авторитетов «силой» взять Пригородный район, «пролить кровь за свою землю». Впоследствии все это привело к этническим столкновениям в 1972—1973 годах.

К 1963 году кампания по возвращению чеченцев и ингушей была в основном завершена, из 524 тыс. человек (418 тыс. чеченцев и 106 тыс. ингушей), проживающих в Казахской и Киргизской ССР, в Чечено-Ингушскую АССР прибыли 468 тыс. (384 тыс. чеченцев, 84 тыс. ингушей), остальные направились в Дагестанскую и Северо-Осетинскую АССР (8 тыс. ингушей)⁵⁴⁷.

В еще более сложных условиях проходила борьба крымских татар и немцев за восстановление автономии и право жить на своей земле.

В соответствии с указом от 27 марта 1956 года Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений, о правовом положении греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении» советским грекам снимались ограничения в передвижении, однако им было запрещено возвращаться в Крым, где они проживали ранее. Без внимания со стороны высшего руководства страны остались и настоячивые требования советских греков вернуть им занятые партийными и советскими служащими во время их депортации дома и земли⁵⁴⁸. Неудовлетворенность решением вопроса о правовой и политической реабилитации греков усилила среди них эмиграционные настроения — желание выехать за рубеж, в Грецию.

Однако здесь им пришлось столкнуться с обычной правовой незащищенностью всех советских граждан. Визирование паспортов лиц греческой национальности для выезда в Грецию всячески тормозилось или даже просто под тем или иным предлогом визы не выдавались. В 1959 году в Ташкенте власти даже подвергли аресту группу из 58 греков, визировавших свои паспорта для выезда в Грецию⁵⁴⁹. Неудачей закончилась и попытка секретаря

греческого посольства в Москве Венецианаса организовать репатриацию греков из СССР⁵⁵⁰.

За создание своих политических автономий в 50—60-х годах активную организационную работу вели представители таких малых этносов, как курды и хемшиды (мусульманские армяне), депортированные в свое время из республик Закавказья⁵⁵¹. Однако кремлевские власти попросту игнорировали такие требования малых народов, ведь в то время громогласно с высоких трибун заявлялось об успешном и окончательном решении национального вопроса в СССР.

Несомненно, что наиболее заметным, драматичным и продолжительным по времени в общей канве движений «наказанных» народов за восстановление своих прав и политических автономий явилось национальное движение крымско-татарского народа. Главной задачей крымско-татарского национального движения было возвращение всего народа на историческую родину и восстановление там своей политической автономии. Как известно, после высылки в Среднюю Азию и Казахстан крымских татар Крымская АССР была преобразована в Крымскую область РСФСР. 19 февраля 1954 года по случаю празднования 300-летия воссоединения России и Украины по инициативе Хрущева Крымская область была передана Украине. Несомненно, этот широкий жест Н. Хрущева стал во многом камнем преткновения по возвращению крымских татар на свою родину и восстановлению там своей государственности.

Отмена спецпоселенческого статуса (28 апреля 1956 г.) для крымских татар, как впрочем, и для советских немцев, огульно обвиненных в годы войны в измене родине, не стала для них полной политической реабилитацией. Клеймо предателей и изменников, подогреваемое воспоминаниями некоторых бывших командиров партизанских отрядов в Крыму, лежало на всем народе до сентября 1967 года. Это обстоятельство явилось одной из причин крайне подозрительного отношения властей ко всем лицам крымско-татарской национальности.

Уже весной 1956 года в высшие партийные и государственные инстанции пошли письма с обращениями к руководителям государства о восстановлении национально-государственной автономии крымских татар в Крыму. Тогда же начался и нелегальный переезд отдельных крымско-татарских семей на родину. Однако в известном законодательном акте от 28 апреля 1956 года в ст. 2. указывалось, «что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при высылке, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они выселены»⁵⁵². Поэтому нелегально переехавших в Крым татар, как правило, сразу же выдворяли. Между тем именно зап-

решение официальных властей, особенно на Украине, переезда татар в Крым послужило началом широкого организационно оформленного движения.

В крымско-татарское национальное движение входили так называемые инициативные группы, образованные в сельской местности, в городах. Деятельность этих групп строилась на общественных началах и была гласной. «Инициативные группы» вели среди крымско-татарского населения сбор подписей для отправки коллективных петиций в высшие государственные и партийные инстанции страны. Наибольшую роль в «инициативных группах» сыграли представители крымско-татарской интеллигенции, бывшие руководящие партийные и советские работники Крыма, хотя участвовать в этих группах мог каждый крымский татарин⁵⁵³.

Первая республиканская «инициативная группа» была создана в Узбекистане в 1956 году. В нее вошли бывшие секретари райкомов и обкома партии Крыма и ряд видных представителей крымско-татарской интеллигенции. Эта группа пользовалась уважением и авторитетом среди крымско-татарского населения⁵⁵⁴. Активисты национального движения с самого начала избрали конституционные методы борьбы за возвращение на родину и восстановление своей государственной автономии. Огромное количество индивидуальных и коллективных петиций, подписанных десятками тысяч людей крымско-татарской национальности, с просьбами о скорейшем решении и татарского вопроса, направлялись в ЦК КПСС, руководителям государства, в высшие республиканские органы власти Узбекистана.

Так, в 1958 году в адрес ЦК КПСС от крымских татар поступило два письма с подписями. Одно из них имело 16 тыс. подписей, другое — 12 тыс. В 1959 году просьба от татар в адрес ЦК КПСС содержала в себе 10 тыс. подписей. Наконец, в марте 1961 года в адрес Президиума ЦК КПСС поступило новое письмо с 18 тыс. подписей с просьбой о возвращении всего народа на родину, в Крым⁵⁵⁵.

Наряду с просьбами о восстановлении Крымской АССР раздавались голоса за полную политическую реабилитацию крымско-татарского народа и развитие его культуры. Кроме писем и петиций собирались митинги и демонстрации, которые приурочивались к знаменательным датам, например к годовщине образования Крымской АССР или дню рождения В. И. Ленина — основателя Крымской автономной республики. Но и эти безобидные казалось бы акции нередко заканчивались разгоном демонстрантов⁵⁵⁶.

Если аргументации властей по поводу нецелесообразности восстановления Крымской автономной республики из-за их малочисленности⁵⁵⁷ имели под собой хоть какие-то основания, то

запрещение татарам возвращаться в Крым из-за отсутствия там земли и рабочих мест было безосновательно. Газеты Крыма пестрели объявлениями с приглашениями на работу. Более того, местные совхозы принимали крымских татар на работу, так как испытывали острую нужду в рабочих⁵⁵⁸. Однако крымским татарам запрещался въезд в Крым даже на отдых. По мнению Ф. Бобкова, бывшего первого заместителя Председателя КГБ, возвращению татар в Крым препятствовала Украина, которая находила всяческие причины не пускать татар в Крым⁵⁵⁹.

Чтобы вообще как-то снять эту наболевшую проблему предпринимались попытки представить крымских татар как часть татарской нации. Некоторые средства советской массовой информации утверждали, что национальности крымский татарин — нет⁵⁶⁰. А если нет такой нации, то нет и ее проблемы. В то же время желающим уехать из Средней Азии крымским татарам разрешалось поселиться на территории Татарской АССР⁵⁶¹. Все это никак не устраивало широкие слои крымско-татарской общности, которые настойчиво требовали развития своего языка, этнической культуры. При проведении переписи населения крымские татары подчеркивали свою принадлежность к особой этнической группе — крымским татарам и требовали записать это в заполняемых документах.

В начале 60-х годов крымско-татарское движение приняло более организованные формы. В частности, это проявилось в попытке создания массовой организации «Союз крымских татар» со своей программой и уставом. В 1962 году в Узбекистане два главных ее участника М. Омертов и С. Умертов были арестованы и осуждены⁵⁶². После судебного процесса власти ужесточили политику репрессий в отношении активистов крымско-татарского движения, что вынуждало его лидеров искать новые пути и методы борьбы.

Главными мотивами национального движения советских немцев являлась борьба за восстановление автономии в Поволжье и эмиграция немцев на историческую родину (в Германию). Причем на разных этапах национального движения эти две составляющие шли параллельно, но до 70-х годов, безусловно, преобладало «автономистское» движение. Это объяснялось тем, что на раннем этапе своего движения советские немцы возлагали большие надежды на власть, веря в ее способность восстановить ликвидированное ранее конституционное право немцев — иметь свою автономию. Кроме этого, жесткая репрессивная политика властей в этот период к эмиграции вообще, независимо от ее национального состава, не позволяла этому явлению иметь широкую социальную базу. На всех этапах своего развития национальное движение советских немцев включало в себя только легальные и конституционные методы борьбы: письма, обращения,

петиции; делегирование своих представителей; мирные демонстрации; эмиграция из СССР.

После декабрьского указа Президиума Верховного Совета СССР в 1955 году о снятии ограничений в правовом положении с немцев высшим руководителям партии и правительства в большом количестве стали поступать письма и петиции от советских немцев с требованиями их полной реабилитации и восстановления государственной автономии в Поволжье⁵⁶³. Однако борьба советских немцев за восстановление своих прав растянулась на долгие десятилетия. Как и в случае с крымскими татарами, над советскими немцами долго висело клеймо предателей и изменников, которое было снято с них указом от 29 августа 1964 года. Все это приводило к фактически скрытой дискриминации местными властями советских немцев.

Ущемление немцев касалось развития культуры, языка, поступления в высшие учебные заведения, при приеме в партию и на руководящие партийные и хозяйственные посты. Призывая на службу в Советскую Армию, немецкую молодежь не брали в элитные подразделения: воздушно-десантные, пограничные и другие войска⁵⁶⁴. Ощущение явной исторической несправедливости по отношению к немцам усиливалось у граждан немецкой национальности из-за того факта, что в 1956—1957 годах была восстановлена автономия балкарского, чеченского, калмыцкого, карачаевского, ингушского народов.

Такая политика и нежелание властей восстанавливать политическую автономию немцев вызвала сильные эмигрантские настроения, чему в немалой степени содействовала пропагандистская деятельность радиостанции «Немецкая волна», религиозных, культурных и других организаций ФРГ.

Кроме того, в Казахстане, в республиках Средней Азии в местах проживания советских немцев энергичную работу по выезду немцев в ФРГ вели нелегальные религиозные общины, значительно укрепившие свое влияние среди немецких «спецпереселенцев» за годы ссылки. Особой активностью в этом отличалась секта меннонитов. Проповедники этой секты имели тесную связь с коллегами-сектантами в США, ФРГ, Канаде, Бразилии и Австрии посредством активной переписки⁵⁶⁵.

Из года в год увеличивалось количество заявлений от советских граждан немецкой национальности на выезд за границу, причем подавляющая часть намеревалась избрать местом жительства ФРГ, а не социалистическое германское государство — ГДР. Подобные заявления отклонялись властями даже без формального объяснения, поскольку это означало бы, что люди бегут из самой «благополучной» страны социализма. Власти упорно пытались скрыть от советской и мировой общественности проблему советских немцев, идя на прямое умалчивание о месте про-

живания немецкой национальности в составе СССР. Например, в энциклопедии Казахстана немцы даже не упоминались как национальность Западной Европы⁵⁶⁶.

Серьезной проблемой в сфере советской национальной политики являлся «прибалтийский вопрос». Сложности для власти обуславливались совсем недавним «буржуазным» прошлым трех независимых государств, насильственно присоединенных к СССР в 1940 году. Поэтому в общих стереотипах поведения прибалтийских народов к другим народам СССР, в первую очередь русскому, преобладали неприязнь, пренебрежение в силу традиций к либерально-демократическому управлению.

Другой особенностью национальных движений в Прибалтике было существование многочисленных диаспор этих народов за рубежом. Существующие заграничные культурные и религиозные эмигрантские центры поддерживали тесные связи его со своими сородичами в Прибалтике. Большую поддержку националистическому подполью в трех балтийских республиках оказывали США и страны Западной Европы, которые никогда не признавали сталинскую аннексию 1940 года.

В совокупности все это стало сильным мобилизующим фактором части населения этого региона, выступавшей за выход из состава СССР и обретение суверенитета. Форсированная советская модернизация послевоенного периода экономики и культуры Литвы, Латвии и Эстонии наталкивалась на стойкое неприятие коренных жизненных укладов прибалтийских народов. Бериевская коренизация высшего и среднего звена партийно-хозяйственного аппарата в Прибалтийских республиках только усилила национал-сепаратистские настроения. Разгром вооруженного националистического подполья в первые послевоенные годы не означал прекращения освободительного движения. Изменились формы, методы сопротивления и возрастной состав его участников. В 50—60-х годах в различных националистических кружках и группах Литвы, Эстонии и Латвии преобладала молодежь.

Некоторым своеобразием среди республик Балтии отличалась Литва. Здесь огромным влиянием на население исторически пользовалась католическая церковь и ее духовенство, которое на протяжении веков выступало в качестве мобилизующего фактора национального единства. Не потеряла она своего влияния на повседневную жизнь прихожан и в советское время. Так, несмотря на всю мощь коммунистической пропагандистской машины, в 1958 году в Литве крестилось свыше 80% новорожденных, совершено по религиозному обряду более 64% бракосочетаний, 78% похорон⁵⁶⁷.

Усиливавшимся в 50-е годы в республиках Прибалтики национал-сепаратистским настроениям способствовало то, что вер-

нувшиеся из ссылок бывшие участники вооруженного националистического подполья сумели занять многие ответственные посты в сфере образования и культуры. XX съезд партии с его осуждением культа личности Сталина многими республиканскими руководителями был воспринят как легитимность курса дальнейшей коренизации руководящих кадров в республиках Прибалтики и устранения русификаторских издержек сталинской эпохи.

Так, первый секретарь рижского горкома партии Витаутас Берклав высказывал тревогу относительно потока русской эмиграции, потери Ригой своего национального облика и возможности превращения его в русский город⁵⁶⁸. Чтобы избежать этого, Берклав предложил ряд мер, которые затем были приняты решением Рижского горкома партии: а) изучить в течение двух лет (не латышами) латышский язык, по истечении этого срока лица, не усвоившие язык, освобождались от работы с предложением покинуть республику; б) вводились ограничения в прописке нелатышей⁵⁶⁹. С подобным заявлением выступил председатель Верховного Совета Латвии Озолинь, который поставил вопрос о придании латышскому языку статуса государственного⁵⁷⁰.

В Латвии нашлось немало сторонников борьбы с русификацией в высшем и среднем звене партийных и комсомольских работников коренной национальности. Органами рупора такого рода выступлений в республике служили комсомольская газета «Падомью Яунатне» и журнал «Лиесма»⁵⁷¹. С заявлениями, аналогичными Берклаву и Озолиню, в Эстонии выступил заведомо культуры Таллинского райисполкома Тийтс⁵⁷². В Вильнюсском государственном университете на комсомольской конференции ее делегаты требовали отменить изучение русского языка. В состав нового комитета комсомола университета были избраны исключительно одни литовцы⁵⁷³. В письмах, поступающих в ЦК КПСС из Эстонии и Литвы сообщалось, что со стороны коренного населения открыто проявляется неприязненное отношение к русским в магазинах, в автобусах и других общественных местах⁵⁷⁴.

Все это факты одного порядка. XX съезд по существу открыл шлюзы накопившейся ненависти ко всей проводимой до середины 50-х годов политики центра в отношении прибалтийских республик. События осени 1956 года в Польше и Венгрии вызвали настоящие всплески национального движения в Прибалтике, особенно сильным оно было в Эстонии и Литве. Направленные на свержение просталинских коммунистических режимов массовые выступления (особенно в Венгрии) во многом были близки и разделялись оппозиционной советскому режиму частью прибалтийской общественности. Ввод советских войск в конце октября 1956 года в Венгрию для подавления там антикоммуни-

стического восстания громким эхом солидарности с восставшими венграми отозвался во всех прибалтийских республиках.

В конце октября — начале ноября в Вильнюсском университете появились лозунги и листовки с заголовками: «Да здравствует революция в Венгрии, последуем ее примеру!», «Литва — литовцам, русские оккупанты, убирайтесь вон!». В Тарту (Эстония) появились заголовки на листовках и лозунгах: «Долой русских правителей!», «Смерть русским оккупантам!», «Вон русские из Эстонии!» и т. д. Выпускники Таллинского политехнического института в октябре 1956 года в открытую пели националистические песни на улицах города.

В начале ноября 1956 года в Каунасе и Вильнюсе состоялись многотысячные шествия верующих католиков, требующих свободы отправления религиозных обрядов. Вместе с тем эти шествия вылились в политическую манифестацию, с националистическим окрасом. Демонстранты пели гимны буржуазной Литвы, националистические песни и выкрикивали лозунги «Последуем примеру Венгрии!», «Русские, убирайтесь вон из Литвы!». Еще больший накал страстей разгорелся к вечеру этого дня в городе Каунасе, когда демонстрация молодежи (студенты, учащиеся) количеством до 4000 участников с лозунгами «Долой Москву!», «Долой коммунистов!» пытались прорваться к центру города, где ее встретила милиция. После столкновения с милицией только группе в 100—150 человек удалось прорваться к зданиям комитета госбезопасности и горкома партии, где затем они были рассеяны милицией⁵⁷⁵.

Массовые демонстрации молодежи, беспорядки и усилившийся при этом национализм привели к осознанию властями необходимости усиления идеологической работы. На прошедшем в октябре 1959 года пленуме ЦК КПЛ (Латвия) резкому осуждению за «националистическую политику» подвергся ряд партийных руководителей республик во главе с бывшим заместителем председателя Совета Министров Берклавом. Им предъявлялись обвинения в националистической кадровой и языковой политике, дискриминации русских работников, в частности в создании препятствий в прописке русскоязычным лицам. Была признана глубоко вредной позиция Берклава, министра сельского хозяйства А. А. Никонова, директора Института экономики АН Латвийской ССР П. П. Дзерве, министра просвещения В. К. Круминьша и других высокопоставленных чиновников не развивать в Латвии тяжелую индустрию, которая требовала импорта рабочей силы в республику. Все указанные лица были сняты с занимаемых постов и переведены на другую работу⁵⁷⁶.

Принятые под нажимом Москвы меры не смогли радикальным образом устранить укоренившиеся традиции национализма в Прибалтике, устранялись лишь его яркие проявления. На де-

ле же, национальные руководители прибалтийских республик, учитывая настроения большинства коренного населения, продолжали проводить политику «мягкой» дерусификации, но при этом убеждали в своей лояльности руководство СССР. Такую двусмысленную политику в 60-е годы в Литве проводил первый секретарь ЦК КПЛ А. Снечкус, в Эстонии — первый секретарь ЦК КПЭ И. Кэбин. Национальное движение в Прибалтике после массовых эксцессов в 1956—1957 годах вступало в относительно спокойное русло. На рубеже 50—60-х годов нелегальные формы протеста теряли свою массовость, становились узкогрупповыми, но по-прежнему в авангарде подполья оставалась молодежь (студенты вузов и техникумов).

Коммунистическая идеология и ее пропаганда в республиках Прибалтики в отличие, скажем, от РСФСР, по-прежнему отличалась достаточным либерализмом и учетом национальной специфики региона. Для приехавшего сюда из любого уголка СССР советского гражданина прибалтийские республики выступали в качестве своеобразного островка западной культуры, меньше всего поддававшегося интернационализму и советскому образу жизни. Поэтому не случайно наиболее слабые позиции партийной и советской идеологии были именно в культуре и образовании республик Балтии. Художественное творчество, несмотря на партийные установки, продолжало жить национальными темами. В Латвии музыкальная кантата «Тевляй», прославляющая Латвийскую буржуазную республику включалась отдельными преподавателями госконсерватории в учебную программу для ее выпускников. В программу фестивального концерта студентов пединститута в 1957 году не было включено ни одной советской песни, исполнялись только песни буржуазного периода Латвии⁵⁷⁷.

Постоянное обращение к темам национальной культуры, игнорирование как русской, так и советской культуры свидетельствовало о наличии своего рода культурной оппозиции к советскому строю в среде прибалтийской интеллигенции. Духом национализма была пронизана система школьного и вузовского образования. Администрация школ, вузов, по большей части будучи представителями коренного населения, негласно придерживалась принципа комплектования учащихся школ и вузов по национальному признаку. В латвийских вузах, например, существовала обособленность латышских и русских студентов внутри самих учебных заведений. Среди преподавательского состава вузов и школ прибалтийских республик оставалось немало активных сторонников фашистских и профашистских организаций, а также участников вооруженного националистического подполья. По данным комитета госбезопасности, в 1962 году в средних и высших учебных заведе-

ниях насчитывалось около 300 преподавателей, на которых имелся компрометирующий материал.

В Латвии, по данным того же комитета за 1961 год, из 2840 сотрудников Академии наук Латвийской ССР 673 человека получили образование в буржуазной Латвии и в большинстве своем являлись участниками различных буржуазных политических партий и националистических организаций. Подобным образом обстояло дело расстановки кадров и в Литве⁵⁷⁸. По мнению КГБ, такие «преподаватели» не могли привить учащимся чувство советского патриотизма, интернационализма. Но и другие, более благожелательно казалось бы настроенные к советскому строю преподавательские кадры тоже не желали воспитывать учащихся в духе любви к огромной советской родине.

По причине значительной миграции русскоязычного населения в прибалтийские республики у коренного населения усиливалась тревога, вызванная угрозой сокращения доли титульных наций в общем составе населения этих республик. Особенно велика была доля инонационального населения в крупных городах. В Вильнюсе, по данным Всесоюзной переписи населения в 1959 году, литовцы составили только 33,6% от общего числа населения города, остальные жители города были русские, поляки, белорусы, евреи. В Риге в 1959 году латыши составили менее половины от общего населения города — 44,66%⁵⁷⁹.

Возникшая острая жилищная проблема из-за массового притока русского населения в крупных городах послужила поводом для националистических высказываний отдельными представителями коренных наций. Так, профессор Тартуского государственного университета Адаме заявил своим студентам: «Жилищную проблему в городе Тарту можно легко решить, если выгнать всех русских...»⁵⁸⁰.

Негативное отношение к русскому населению в Прибалтике усиливал и тот факт, что большинство работников милиции состояло из русских и лиц некоренной национальности. В Латвии, например, за 1961 год на работу в органы внутренних дел было принято 4377 человек, из которых только 1282 являлись латышами⁵⁸¹. Так во многом и возникал негативный образ «врага», «оккупанта» в лице русскоязычного населения. К советской пропаганде, в отличие от западной, большинство коренного населения относилось с недоверием. Западные радиостанции, обширная переписка с зарубежными соотечественниками из капиталистических стран питали большое число антисоветских слухов и разговоров. Наиболее распространенным был слух о скорой войне с США с последующим освобождением прибалтийских народов от оккупации. Об этом заявлял, например, в своих беседах с коллегами артист рижского театра муз-

комедии Лапынш, считая, что только западные страны и могут освободить прибалтийские республики от «русских колонизаторов»⁵⁸².

Украинское национальное движение имело глубокие исторические корни, было неоднородным по своему составу и включало в себя широкий спектр различных течений и форм. Существовали здесь как подпольные организации экстремистского типа (в основном из молодежи), так и культурное движение «шестидесятников». Свое оформление с конца 60-х годов получило и правозащитное движение, в котором доминировала украинская интеллигенция. В украинском национальном движении присутствовал также и политический характер — стремление получить независимость путем выхода из состава СССР, по своему размаху оно, вероятно, уступало только республикам Прибалтики.

Репрессивная политика советского руководства на Украине, связанная с борьбой с вооруженным националистическим подпольем в Западной Украине и новой кампанией борьбы с «украинским буржуазным национализмом» в Восточной Украине, смягчилось и сошло на нет в результате смены политического руководства в Москве в марте 1953 года.

По мысли министра внутренних дел Л. П. Берия в представленной им докладной записке в Президиум ЦК, на местах должны руководить местные украинские кадры, т. е. необходимо предоставить более широкие права Украинской ССР⁵⁸³. Политика украинизации в республике началась заменой на посту первого секретаря ЦК КПУ русского Л. Мельникова украинцем А. И. Кириченко. На пленуме ЦК компартии Украины говорилось о «серьезных извращениях» национальной политики, не учитывавшей специфики областей, в первую очередь Западной Украины.

Уже в то время для части западных украинцев характерно было неприязненное отношение не только к русским кадровым работникам но и к восточным украинцам, последние автоматически переводились в разряд «москалей». К ним нередко применялись дискриминационные меры при назначении на руководящие должности в Западной Украине⁵⁸⁴. Специфичность этого региона, присущее его населению несоциалистическое мировоззрение объясняется сравнительно поздним присоединением Западной Украины к СССР (1939 г.) и тем, что социалистическая реконструкция этого края началась в основном после войны. Необходимо также отметить, что подпольная деятельность запрещенной в 1946 году униатской церкви здесь оказывала большое влияние на широкие слои населения.

Даже после разгрома националистического вооруженного движения ОУН в последующие годы на Западной Украине были

случаи убийства советских работников, поджоги партийных и хозяйственных зданий и другие вредительства⁵⁸⁵. Здесь, как и в Прибалтике, в 50-е годы возникают нелегальные группы и, прежде всего студенчества, носившие ярко выраженный националистический характер. Эти группы не имели связи ОУНовскими эмигрантскими центрами. В своей практической деятельности занимались распространением листовок с антисоветским содержанием и вывешиванием буржуазно-национальных флагов. Так, в марте 1957 года в ряде городов Львовской области обнаружены были листовки с призывом к молодежи организовывать политические комитеты «За самостийную Украину». Листовки, написанные от руки и подобного содержания, от имени комитета, называющего себя «Свобода народу», были обнаружены в городе Сумы⁵⁸⁶. Эти организации и группы большого успеха не имели и легко пресекались органами КГБ, однако сам факт их существования говорил об устойчивой оппозиции этих областей к существующей власти.

Относительно спокойнее обстояло дело в восточных областях Украины, хотя и здесь были случаи распространения листовок с антисоветским и националистическим содержанием, как, например, в городе Харькове в 1957 году⁵⁸⁷.

Размещенная на территории ряда западных стран ОУН уже не представляла собой единой сплоченной организации. В 1956 году организация раскололась на две враждующие между собой части, одна во главе с С. Бандерой осталась на ортодоксальных националистических позициях, другая часть ОУН, возглавляемая Ребеттой, заявила о приверженности либерально-демократическим принципам. Организация ОУН, возглавляемая С. Бандерой, сделала ставку на сотрудничество с разведками США, Англии, ФРГ⁵⁸⁸, на постоянно действующие связи с различными подпольными кружками и группами на Украине. Для этого туда нелегальными путями проникали ее эмиссары, имевшие целью создание подпольной сети и провозившие антисоветскую и националистическую литературу.

Самое активное участие в деятельности подпольных групп экстремистского толка занимала молодежь. Среди западноукраинской молодежи имя С. Бандеры по-прежнему символизировало образ последовательного и негибаемого борца за свободу и независимость Украины от «русско-коммунистического ига». Так, в 1962 году во Львовской области была ликвидирована органами госбезопасности молодежная организация, носившая имя Бандеры. Участники ее имели подпольные клички, принимали присягу на верность «самостийной Украине», проводили нелегальные собрания, где обсуждали вопросы ведения борьбы против советской власти, приобретения оружия, шрифта, изготовления и распространения листовок.

В связи с этим следует привести слова бывшего руководителя Львовского краевого «провода» ОУН Заставного: «Период борьбы с пистолетом и автоматом закончился. Настал другой период — период борьбы за молодежь, период вrastания в советскую власть с целью ее перерождения под большевистскими лозунгами... Наша цель — проникать на всевозможные посты, как можно больше быть в руководстве промышленностью, транспортом, образованием, в руководстве молодежью, прививать молодежи все национальное ...»⁵⁸⁹.

Пробуждение общественного сознания в стране, вызванное десталинизацией, дало толчок широкому распространению среди советской интеллигенции идей демократического социализма. В национальных республиках СССР они неизменно получали национальную окраску. Идеи демократического национально-го социализма широко распространились на рубеже 50—60-х годов в Прибалтике и на Украине. В целом 60-е годы были для украинского национального движения временем перехода от подпольного этапа к «мирному, открытому демократическому движению за национальные права»⁵⁹⁰.

Главными целями возникшего в эти годы диссидентского движения на Украине была борьба за сохранение национальной культуры, языка. Формы и методы борьбы носили в основном легальный характер. В начале 60-х годов в среде творческой интеллигенции (в первую очередь, среди писателей, поэтов) возникло движение против русификации, за чистоту родного языка. В феврале 1963 года состоялась конференция по вопросам украинского языка в Киеве. На ней присутствовало более тысячи работников украинской культуры — писателей, учителей, языковедов. Участники конференции составили ходатайство к ЦК КПУ и Правительству СССР с требованием: «Во всех учреждениях и предприятиях, на железной дороге и других видах транспорта, в торговле все дела вести на украинском языке». Наравне с этим участники предлагали в республиках СССР, где живет украинское население, открыть средние школы с преподаванием на украинском языке⁵⁹¹. Предложения, выдвинутые на киевской конференции, со временем стали требованиями на страницах появлявшегося самиздата.

Движение украинских «шестидесятников» вовлекало в свои ряды все более значительное количество национальной интеллигенции. Его участники собирались в мастерских художников, выставочных залах, музеях, квартирах почитателей украинской старины. Одно из наиболее известных мест в Киеве, где собирались защитники культуры, был клуб творческой молодежи (КТМ), председателем которого являлся молодой режиссер Лесь Танюк. В клубе проводились литературные и поэтические вечера, организовывались выставки украинских художников. При

КТМ образовался студенческий межвузовский фольклорно-этнографический кружок и разъездной хор «Жаворонок». Именно КТМ положил начало Шевченковским чтениям 22 мая у памятника поэту, ставшими впоследствии традицией. Присматривавшие за деятельностью клуба власти закрыли его в 1965 году.

В 60-е годы органами госбезопасности отмечены случаи отдельных национал-сепаратистских выступлений в Белоруссии и в Молдавии. В отличие от республик Прибалтики и частично Украины, эти выступления носили не массовый, а единичный характер. Социальная база у национальной оппозиции здесь была очень узка. Поэтому приходится говорить о небольшой прослойке национальной интеллигенции и учащейся молодежи, выступавших в обеих республиках в защиту национальной культуры и языка. Национальные движения Белоруссии и Молдавии вплоть до середины 80-х годов переживали период своего зарождения и становления. И только в конце 80-х годов окончательно оформились и приобрели самостоятельное значение. У части белорусской интеллигенции возникала озабоченность языковой русификацией своей республики. Преобладание русской школы привело к тому, что в белорусских городах практически не осталось школ, где обучение шло на белорусском языке. Ассимиляционные процессы, происходившие в это время в СССР, в большой степени затронули белорусов.

В начале 60-х годов были сделаны попытки создания подпольных национальных организаций антисоветского типа. Так, например, в 1962 году бывший осужденный за националистическую деятельность, а затем инженер-экономист «Белсельхозтехники» М. М. Белый в частной беседе заявил о необходимости создания подпольной белорусской национальной организации. При этом он сказал, что для успешной борьбы с советской властью необходимо установить контакты с литовскими и грузинскими националистами⁵⁹².

В сентябре 1963 года органами госбезопасности были арестованы участники так называемой Белорусской революционной партии. Члены организации стояли на позициях вооруженной борьбы с советской властью. Для этого они пытались создать в республике разветвленную нелегальную организацию⁵⁹³. Попытка националистической деятельности зарегистрирована в стенах Минского госуниверситета, где в октябре 1963 года была раскрыта группа из 13 человек — студентов, белорусов по национальности, — которая на своих собраниях осуждала национальную политику СССР⁵⁹⁴.

Характерной особенностью Молдавской республики была этнокультурная близость ее коренного населения с румынами. Сепаратистские разговоры о том, что Молдавии необходимо воссоединиться с Румынией были нередки среди жителей МССР,

особенно в той ее части, которая отошла от Румынии в 1940 году. В самой Румынии такие разговоры и слухи подогревали румынские руководители и официальная печать. Например, в январе 1966 года в Румынии широко отмечалась 107-я годовщина объединения румынских княжеств в единое государство. При этом румынская пресса в своих статьях проводила мысль, что полное объединение государства не завершено и по сей день, намекая на необходимость возврата Бессарабии, отошедшей к СССР в 1940 году. Сам же захват Румынией Бессарабии в 1918 году рассматривался как вполне закономерное историческое событие.

В ноябре 1965 года в г. Новороссийске румынский капитан торгового парохода при встрече с группой работников киностудии «Молдова-фильм» заявил: «Для правительства социалистической республики Румынии Бессарабия всегда стоит на повестке дня и рано или поздно она вернется к «родной матери»»⁵⁹⁵.

В самой Молдавии национал-сепаратистские настроения существовали в некоторых кругах творческой интеллигенции. Именно в этой среде предпринимались попытки создания нелегальных национальных организаций. Так, в 1964 году органами госбезопасности в Молдавии была раскрыта подпольная группа лиц, в числе которых был режиссер киностудии «Молдова-фильм» И. Я. Миж. Главной задачей этой группы было создание подпольной национальной организации под названием «Объединение для борьбы за выход из состава СССР и образование на территории бывшей Бессарабии независимого молдавского государства». Примечательно, что первым условием достижения независимости Молдавии группа считала необходимость воссоединиться с Румынией, чтобы затем отделиться от нее и образовать самостоятельное государство. В борьбе за независимость участники группы рассчитывали прежде всего на интеллигенцию и студенчество с вовлечением в это движение крестьянских слоев. Средством достижения цели было всеобщее вооруженное восстание, в частности создание ударных боевых отрядов. Серьезные намерения этой группы подтверждали попытки создания нелегальной типографии для печатания и распространения антисоветских листовок и брошюр⁵⁹⁶.

Еще одним «слабым местом» советской национальной политики являлись республики Закавказья: Грузия, Армения, Азербайджан. Более развитыми и более организованными были национальные движения в Грузии и Армении. В этих республиках движения за сохранение своей культуры, языка сочеталось с требованиями политического характера — добиться выхода республик из состава СССР и провозгласить свою независимость. В 70-е годы в обеих республиках в рамках националь-

ного движения возникло движение правозащитников с сильной национальной окраской, особенно в Армении.

Почитание умершего в 1953 году «вождя» в Грузии носило поистине всенациональный характер. Поэтому разоблачение сталинских преступлений на XX съезде КПСС Н. С. Хрущевым в феврале 1956 года в Грузии было воспринято как национальное оскорбление. Грузинское общество крайне болезненно отреагировало на разоблачение «культа личности» Хрущевым на XX съезде. Масло в огонь подливало и отсутствие достоверной информации о закрытом докладе Хрущева. Народ питался слухами об «обиде», нанесенной умершему вождю Хрущевым и его соратниками, при этом не имея представления о самих фактах сталинских репрессий. Все это вызывало недоверие населения Грузии к центральной власти. Националистические настроения, недовольство центральной властью приняли массовый характер и вылились в известные трагические события в г. Тбилиси 9—10 марта 1956 года, сопровождавшиеся многочисленными человеческими жертвами. Во многих городах Грузии прошли молодежные просталинские митинги и демонстрации, местами носившие откровенно антирусскую направленность. Вместе с лозунгами типа «Долой Хрущева!», «Молотова — во главе КПСС!» демонстранты, по большей части студенты, несли и лозунги «Русские, убирайтесь из Грузии!» Причем, как явствует из официальных отчетов, в этих демонстрациях, помимо множества комсомольцев, приняли участие и грузинские коммунисты⁵⁹⁷. Националистические настроения в массах не утихали в течение всего 1956 года. В городах Грузии в адрес русских горожан приходили напечатанные и рукописные листовки с угрозами физической расправы⁵⁹⁸. Анонимные письма поступали в высшие партийные и советские органы власти Грузии и СССР с критикой политики хрущевского руководства, особенно за мартовский расстрел в городе Тбилиси. Несмотря на пропагандистскую работу среди коммунистов, грузинским народом даже критика «культа личности» Сталина по-прежнему воспринималась отрицательно. К национальной обиде «за Сталина» прибавилась обида за расстрелянных соотечественников в марте 1956 года в Тбилиси.

Национальная обида за «1956 год» переросла в последующие годы в устойчивый этнический национализм на бытовом уровне, который нередко сопровождался оскорблениями и хулиганскими выходками в отношении русского населения. Например, в 1961—1962 годы в городах Зестафоне и Цхинвали, районных центрах Казбеги и Сагареджо, селе Тамараси были совершены «глумления» над памятниками Ленина. Ярko выраженный антирусский характер приняли начавшиеся против местных властей массовые беспорядки (участвовало около 2000 человек) грузин-

ского населения поселка Чхороцку в 1962 году⁵⁹⁹. Народ продолжал свято чтить Сталина даже после его политического развенчания. Портреты, открытки, фотографии с его изображением можно было встретить в любом государственном учреждении, доме, в транспорте, на лобовом стекле автомобиля и т. д. Таким образом, 1956 год явился мощным толчком для развития национального движения в Грузии и формирования национальной оппозиции.

Ущемленное национальное сознание в связи с разоблачением «культы личности» присутствовало и в среде творческой интеллигенции. Так, в 1963 году в Грузии была раскрыта подпольная группа из 6 молодых грузинских поэтов. Она занималась изготовлением и распространением антисоветских листовок, направленных против решений XXII съезда КПСС о «культе личности» Сталина⁶⁰⁰. Рост оппозиционных настроений в грузинском обществе, окрашенных в национальные цвета, в начале 60-х годов во многом перекликался со стихийными волнениями в ряде городов СССР, вызванными кризисом продовольственной политики хрущевского руководства. В Грузии, где недоверие к центральной власти среди местного населения особенно сильно проявлялось в эти годы, любой социальный конфликт сразу же приобретал национальную окраску.

В 60-е годы грузинское национальное движение вступает в зрелый этап своего развития. Оно характеризуется своей многослойностью: с одной стороны, появлением политического фактора — стремлением обрести государственную независимость Грузии, с другой — движением за сохранение своей культуры и государственного статуса национального языка. В «культурническое» движение включаются довольно широкие слои грузинского студенчества и интеллигенции. Ежегодно увеличивается количество паломников из этой среды в грузинские православные церкви. Обращение к церкви этой категории людей объясняется тем, что в ней они видят хранительницу грузинской национальной культуры.

Сопротивление русификации и борьба за сохранение чистоты родного языка привели к появлению в Грузии различного рода нелегальных культурных обществ. Одно из них, «Мекартвела сазогადоеба», существовало в городе Батуми с 1961 по 1962 годы. В него кроме представителей интеллигенции входили довольно крупные государственные чиновники. Участники этого общества на его собраниях разговаривали между собой исключительно на грузинском языке, а за употребление русских слов начислялся штраф в пользу «общества борющихся за чистоту грузинского языка»⁶⁰¹. Известны также случаи чтения на предприятиях и в культурно-просветительных учреждениях в городе Зугдиди молодыми грузинскими поэтами своих «про-

никнутых антисоветским националистическим духом произведений».

Довольно широкую огласку в среде грузинской интеллигенции получило выступление по грузинскому телевидению доктора педагогических наук Тавишвили, который с «националистических позиций» освещал вопросы патриотизма грузинской молодежи⁶⁰².

Надо отметить также, что грузинское руководство во главе с первым секретарем ЦК КПГ В. П. Мжаванадзе достаточно снисходительно наблюдало за попытками части грузинской интеллигенции выступать против русификаторской политики Кремля и в тоже время решительно пресекало любые экстремистские формы проявления национализма. Поэтому экстремизм не стал характерным признаком грузинского национального движения, в авангарде которого находились студенчество и интеллигенция. Здесь преобладали вполне мирные формы и методы борьбы национальной оппозиции с существующим режимом.

На протяжении всего советского послевоенного периода главной идеей армянского национального движения, его «альфой» и «омегой», была идея возвращения всех исконных армянских земель в единое армянское государство. В решении своего главного вопроса с редким единодушием выступали вместе как партийные, так и религиозные армянские деятели, крайние армянские националисты и представители творческой армянской интеллигенции, а также представители обширных заграничных армянских диаспор.

В силу различных исторических обстоятельств часть армянских земель и области Карс, Ардаган, Саракамыш оказались в составе Турции, другие земли и области Нахичевань и Нагорный Карабах без всякого обсуждения, одним волевым решением уже в советское время вошли в состав Азербайджанской ССР. Огромное количество армян, свыше одного миллиона человек, проживало вне СССР, в основном в странах Ближнего Востока, Ирана, США, Франции, Латинской Америки⁶⁰³. Проживая в разных странах, армяне не ассимилировались с местным населением, желая сохранить свою культуру и язык, жили обособленно в так называемых армянских колониях.

Подавляющее большинство армян за рубежом жило мыслями о возвращении на свою историческую родину, к тому же смена правительственного курса в СССР, начиная с 1953 года, благоприятствовала осуществлению этой мечты. Правительство СССР благоприятно отнеслось к идее реэмиграции армян в Советскую Армению. Только в первой половине 50-х годов число репатриантов из зарубежных стран в Армянскую ССР достигло 100 тыс. человек. Вместе с тем преобладание в потоке репатриантов людей торгового склада со своими представлениями о нравствен-

ности, привычках и морали привело к усилению в республике националистических настроений⁶⁰⁴.

С их появлением в Армении усилилось также и влияние заграничной мелкобуржуазной партии «Дашнакцутюн», стоявшей на ярко выраженных националистических позициях⁶⁰⁵. Националистическая партия «Дашнакцутюн» боролась за Великую Армению, находящуюся на территории Турции. Авторитет партии дашнаков среди зарубежной армянской диаспоры был очень высок. К советской власти они относились отрицательно, но прекрасно сознавали, что осуществить идею создания Великой Армении можно только путем собирания армянских земель на территории Советского Союза. Именно через вернувшихся в СССР репатриантов дашнаки упорно проводили свою идеологию.

Особенно остро в Армении встал карабахский вопрос. Еще в ноябре 1945 года первый секретарь ЦК КП Армении Г. Арутюнов обратился по данному вопросу к И. В. Сталину с письмом, в котором писал: «Нагорно-Карабахская автономная область, примыкающая к территории Армении, с 1923 года входит в состав Азербайджанской АССР. Население этой области в основном армянское. Из 153 тысяч населения 137 тысяч является армянским». Далее он просил рассмотреть вопрос о передаче НКАО Армении. Получив письмо, секретарь ЦК ВКП (б) Г. Маленков по поручению Сталина направил запрос первому секретарю ЦК КП Азербайджана М. Багирову с просьбой сообщить свое мнение. В ответе М. Багиров согласился с включением НКАО в состав Армянской ССР при условии передачи из Армении Азербайджану трех примыкающих к нему районов. Начались длительные торги, но дальше переговоров дело не сдвинулось⁶⁰⁶. И все-таки идея объединения всех армянских земель пустила глубокие корни в сознании армянского народа, захватила всех, в том числе и коммунистов. В 1948 году первый секретарь ЦК КПА Г. Арутюнов выступил даже в ООН с предложением рассмотреть вопрос о возвращении армянам территорий, занятых Турцией⁶⁰⁷.

Нерешенность армянской проблемы и нежелание советских руководителей высокого ранга решить этот вопрос, вызывали недовольство у части армянского населения национальной политикой и тем самым подогревало антисоветские и националистические настроения в массах. В ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР шли многочисленные письма от армянских коммунистов, где обращалось внимание на факты нарушения прав нацменьшинств (армян) в Азербайджанской ССР. Однако письма оставались без ответа⁶⁰⁸.

Копившиеся проблемы, связанные с армянскими территориями, загонялись внутрь, а между тем в республике давние наци-

ональные обиды получали подпитку с приближающейся датой 50-летия турецкой резни армян 1915 года. За рубежом различными эмигрантскими армянскими центрами и организациями начались кампании по проведению траурных мероприятий в память этого события. Особенно усердствовала партия дашнаков в нагнетании антитурецких страстей. Дашнакская пропаганда находила своих сторонников в советской Армении. В 1963—1964 годах в Армении массовым тиражом издавалась художественная и научно-публицистическая литература, посвященная армянскому геноциду⁶⁰⁹. В институтах, государственных учреждениях, на производственных предприятиях перед массовыми аудиториями читались стихи, журнальные статьи, посвященные этой трагедии. В большинстве своем эти собрания с чтением стихов, статей не были санкционированы властями. Власти боялись больше всего любых, незапланированных общественных акций, опасаясь выпустить ситуацию из-под контроля, особенно в день 50-летней годовщины этого события — 24 апреля 1965 года. Несмотря на запрет, в Ереване в этот день состоялись траурные шествия демонстрантов по улицам города, которые были разогнаны милицией⁶¹⁰.

В Азербайджане в силу разных причин, в отличие от Грузии и Армении, не сложилось устойчивой национальной оппозиции. Если на роль лидера национальных движений в Прибалтике (исключая, наверное, Литву), на Украине, в Грузии, Армении могла претендовать национальная интеллигенция, то в Азербайджане эта тенденция не находила яркого подтверждения. Политическая «незрелость» и «неразвитость» национального движения в Азербайджане сближала его с национальными движениями республик Средней Азии и Казахстана. Мусульманский фактор и социокультурная отчужденность от советского мировоззрения являлись доминирующими факторами в национальном движении Азербайджана.

Противостояние союзной власти здесь было более мягким и почти не носило характера открытых организованных выступлений. Наиболее остро в республике стоял армяно-азербайджанский этнический конфликт, который имел глубокие исторические корни. Он был более заметен и более ярок, чем латентный азербайджано-русский этнический конфликт.

Последние сталинские репрессии в конце 40—начале 50-х годов сильно затронули национальную интеллигенцию. Короткий бериевский период и последующие за ним годы стимулировали относительно стабильное правление в Азербайджане национальной партийной и хозяйственной элиты. В республике с молчаливого одобрения азербайджанского руководства фактически проводилась политика этнической дискриминации национально-го меньшинства, в первую очередь армян, что усугубляло отно-

шения между двумя народами. Политика «азербайджанизации» приводила к тому, что руководящие партийные и хозяйственные посты в высшем и среднем звене власти в большинстве своем были заняты представителями коренного этноса, это при том, что свыше 40% жителей республики не были азербайджанцами.

Уже в 50-е годы от рабочих и служащих русской национальности в адрес партийных и советских органов поступали многочисленные жалобы на проявление национализма со стороны азербайджанцев в республике. Например, в отдельных организациях предупреждали работников об увольнении, поскольку они не владеют азербайджанским языком⁶¹¹. Таким образом, этнические азербайджанцы чувствовали себя психологически более комфортно в республике, чем другие национальности. В небольшой степени этому способствовал и более высокий уровень их жизни, учитывая мобильность и профессиональную специфику.

Вместе с тем и здесь, как и в других республиках Союза, часть коренного населения достаточно болезненно относилась к высокой доле иноэтнического населения Азербайджана. В середине 50-х годов в адрес ЦК КПА и Совета Министров Азербайджана стали поступать письма от азербайджанцев с требованием «удалить русских и армян из государственных учреждений республики»⁶¹². Конечно, столь явно выраженный национализм не мог получить официального одобрения среди республиканского руководства, тем не менее политика «национальной консервации» здесь получила свое дальнейшее развитие.

Недовольство Москвы стала вызывать излишняя «самостоятельность» азербайджанских руководителей. Так, в августе 1956 года сессия Верховного Совета Азербайджанской ССР по предложению председателя Президиума Верховного Совета республики Т. М. Ибрагимов принял закон о дополнении Конституции АССР статьей о введении азербайджанского языка в качестве государственного, не поставив в известность ЦК КПСС. К тому же, по мнению Отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам, в принятии этого закона не было необходимости, во-первых, из-за того, что почти везде делопроизводство и так велось на азербайджанском языке, во-вторых, из-за многонационального состава республики⁶¹³.

В 1959 году в Азербайджане работала комиссия Политбюро ЦК КПСС. На основе ее выводов был проведен специальный пленум ЦК КП Азербайджана, который осудил имевшиеся нарушения национальной политики в республике, и ряд партийных руководителей поплатились за это занимаемыми должностями⁶¹⁴.

Характерной особенностью национального движения Азербайджана являлся исламский фактор. Несмотря на всю пропагандистскую мощь коммунистической идеологии, ислам сохра-

нил свои доминирующие позиции в семейно-бытовом укладе азербайджанцев. Это объясняется еще и тем, что ислам — это не просто религиозное верование, но и способ мировосприятия, включающий в себя морально-этические нормы и ценности. По-прежнему сохраняла здесь свое значение, но при этом замаскированная партийно-советской символикой, кланово-родственная структура власти. Многие комсомольцы и коммунисты из числа коренной национальности активно участвовали в проведении массовых мусульманских праздников и мероприятий, как, например, в Нахичевани в 1962 году⁶¹⁵.

Ужесточение государственной политики с конца 50-х годов в отношении религии в СССР привело к закрытию мечетей и притеснениям мусульманского духовенства в Азербайджане. В ответ часть исламского духовенства стала вести открыто оппозиционную борьбу с советской властью. С тревогой органы госбезопасности республики констатировали, что мусульманские священнослужители в своих проповедях «подогревали националистические настроения» среди верующих. Мулла Шалиметов в своей проповеди при большом скоплении людей в 1962 году, молился за «избавление народов от советской власти»⁶¹⁶.

Местные власти и комитет госбезопасности вполне отдавали себе отчет, какую опасность таит в себе слияние религиозного и национального фактора на фоне общего недовольства населением республики своим социально-экономическим положением из-за резкого роста цен в 1962 году. В какой-то мере это продемонстрировали события в Сумгаите в 1963 году. Массовые беспорядки в городе во время ноябрьской демонстрации были вызваны нехваткой продуктов питания, но при этом социальное недовольство властью сразу же окрасилось в националистические тона и имело антирусскую направленность⁶¹⁷. Конечно, такие выступления не имели серьезной социальной базы и не могли поколебать достаточно устойчивое положение центральной власти в Азербайджане в те годы. Причем в этом главным союзником Кремля в республике были сами местные партийные руководители из числа самих азербайджанцев, так как своим продвижением наверх были во многом обязаны Москве и ощущали себя составной частью советской номенклатуры⁶¹⁸.

Помимо отдельных проявлений национализма в Азербайджане в 60-е годы предпринималась попытка создания молодежных подпольных организаций, стремившихся добиться провозглашения Азербайджана независимым государством. Самой серьезной и, пожалуй, единственной в эти годы раскрытой органами КГБ в июне 1965 года в Баку, была организация, именовавшая себя «Комитетом защиты азербайджанского языка». В организацию входило до 70 человек в возрасте от 20 до 27 лет, в том числе 6 членов КПСС и свыше 20 комсомольцев. Это была в основ-

ном рабочая молодежь, обучающаяся на вечерних и заочных отделениях в вузах и техникумах.

Советскую власть они считали колонизаторской по существу, поэтому главной целью для них было создание независимого государства с выходом из состава СССР и выселением с территории республики русских и армян. Планировался захват радиостанции и телецентра в Баку для обращения к азербайджанскому народу с призывом поддержать их требования. Главную социальную базу в борьбе они видели в молодежи. Для этого стремились вовлечь как можно больше представителей молодого поколения в свою организацию. В планах «Комитета...» были как мирные методы борьбы (демонстрации, митинги), так и немирные (вооруженное восстание)⁶¹⁹.

И все же такие формы сопротивления режиму были очень редки в Азербайджане. Не видим мы здесь и национального диссидентского движения, характерного для других регионов СССР. В какой-то мере это объяснялось тем, что в Азербайджане уже давно сложилась национальная властная элита, которая во внутренней политике придерживалась национальных приоритетов. Тем не менее, несмотря на все процессы интернационализации и миграции иноэтнического населения, в Азербайджане этнокультурное отчуждение коренного населения советско-коммунистической власти продолжало сохраняться.

Политических мотивов, какой-то степени организованности и оформленности практически не встречается в национальных движениях среднеазиатско-казахстанского региона. Все это свидетельствует о низшей стадии развития национальных движений в Средней Азии и Казахстане. Доминирующими факторами стихийных форм национальных движений в этих республиках выступали религиозный и социокультурный.

«Незрелость» национальных движений объясняется в первую очередь «незрелостью» самих наций в Средней Азии и Казахстане, их сравнительно поздним вступлением в процесс национального строительства. До 1917 года в Средней Азии и Казахстане национальное самосознание и этническую принадлежность во многом заменяла религиозная и родоплеменная солидарность. Советский период стал временем окончательного формирования и роста национального самосознания в Средней Азии и Казахстане. Этому в немалой степени способствовало и проводимое в 20—30-е годы национальное строительство, которое повлекло за собой четкую политическую и территориальную идентичность коренного населения этих регионов, а также советская политика коренизации, которая привела к складыванию национальной интеллектуальной и политической элиты. Налицо был и подъем культуры, науки, образования в этом регионе. Местное население этих республик

положительно восприняло блага и возможности индустриальной и урбанизированной культуры.

В то же время жесткая и форсированная модернизация традиционных среднеазиатских культур привела к заметной утрате этими народами собственной этнической и культурно-экологической ниши. Усиленное пропагандирование центром идей «старшего брата» в «содружестве» народов, «прогрессивного» влияния русской нации, русской культуры, языка вызвали лишь обратную реакцию, глухое противостояние традиционных среднеазиатских культур навязанному им образу жизни на основе современной российской культуры.

Огромное влияние на поведение, характер и стереотипы народов Средней Азии оказывал ислам, который был не просто религией, но и образом жизни, способом мировоззрения, системой этических и эстетических норм⁶²⁰. Поэтому не случайно, что вооруженное басмаческое движение в Средней Азии в 20-е годы выступало именно под знаменем ислама. Здесь религия была фактически не разделима с этнической идентификацией. Например, из отчетов уполномоченных Совета по делам религий за 1969 год следовало, что из уст образованного человека можно услышать: «Не обрезанный — не узбек (не туркмен, не таджик — соответственно)». Даже дети, заметив, что их сверстник не подвергался обряду обрезания, начинали смеяться над ним, говоря, что «он отказался от своей нации»⁶²¹.

Государственная антирелигиозная политика в стране и, в частности борьба с исламом, привела к тому, что в СССР осталось единственное мусульманское учебное заведение — медресе Мири-Араб в Бухаре и очень небольшое количество мечетей. Однако ислам по сравнению, скажем, с христианством в очень малой степени похож на «институционализированную» религию. В исламе, в отличие от того же христианства, отсутствует четкая организация духовенства. Фактически каждый мусульманин обладает правом высказывать свое мнение по вопросам религии, лишь бы оно не противоречило Корану. Поэтому, несмотря на усилия «активистов» атеистического фронта, в советской Средней Азии шла неофициальная религиозная жизнь. Нелегальные и незарегистрированные мечети, неконтролируемые государством, создавались верующими везде, где были подходящие помещения, будь то чайхана или полевой стан.

Советская антирелигиозная политика и исключительная монополия коммунистической идеологии привели к вытеснению ислама из идеологии и политики в сферу семейно-бытовых отношений. Но эта сфера оставалась поистине неприступным бастионом для советско-коммунистического мировоззрения. А в повседневной жизни именно эта сфера оказывала наибольшее влияние на формирование мировоззрения совет-

ских мусульман. Несмотря на прессинг коммунистической идеологии, коренным этносам Средней Азии и Казахстана удалось сохранить фундаментальные ценности традиционной социальной жизни: многодетную семью, иерархичность и коллективизм социальной организации, культурные и профессиональные предпочтения⁶²².

Таким образом, ислам в Средней Азии и Казахстане продолжал быть сдерживающим фактором против экспансии русской культуры и общей модернизации этих республик по советскому образцу. В среднеазиатском регионе вплоть до перестроечного периода отсутствовали какие-либо значительные национальные оппозиционные движения или группы националистического толка, требующие отделения от СССР. Здесь оппозиция советской власти принимала форму социокультурного и мировоззренческого противостояния традиционного уклада русскоязычной этнической культуре и коммунистической идеологии.

В первые годы хрущевской «оттепели» национальная политика руководства СССР привела к некоторому ослаблению диктата центра над республиками Средней Азии и Казахстана. В ряде законов и актов 1957 года права союзных республик были значительно расширены. Вместе с тем протест против политической опеки центра нарастал со стороны партийных лидеров коренной национальности. Этот протест выражался в требованиях больших прав региональным лидерам в национальных республиках, больших инвестиций в собственную республику, против непрекращающегося притока русских в республики, против тенденции к языковой русификации⁶²³.

Москва еще достаточно жестко реагировала на «националистические» поползновения в среднеазиатских республиках. В 1958—1961 годах высшие партийные руководители Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии были обвинены в националистических проявлениях и сняты с занимаемых должностей⁶²⁴. В республиках, где были проведены эти «чистки», прошли соответствующие пленумы ЦК компартий, которые осудили имевшие место нарушения национальной политики в этих республиках. Однако эти кадровые «чистки» вызвали, в свою очередь, весьма болезненную реакцию со стороны коренной интеллигенции и номенклатуры в этих республиках, которая усматривала в этом проявление имперской сущности центра и его носителей — русскоязычного населения.

К началу 60-х годов миграция русскоязычного населения в Среднюю Азию, и особенно в Казахстан, достигла своего пика. В Казахстане, например, численность приехавших сравнялась с численностью коренного населения республики. В то время переселенцы в большинстве своем были трудовыми мигрантами, т. е. они не тяготели к полному вживанию в среднеазиатское об-

шество, а предполагали лишь временное сосуществование с ним — даже если оно растягивалось на целую жизнь⁶²⁵.

К тому же многие русскоязычные мигранты с чувством превосходства и пренебрежения относились к местным жителям, считая их ниже своего уровня развития. Те платили им тем же, видя в них персонифицированных носителей имперства советской власти. Пышным цветом процветал бытовой национализм, который проходил по линии этнического конфликта и возникал между русскими (сюда входили не только русские, но и евреи, украинцы) и коренным населением среднеазиатско-казахстанского региона. В результате увеличивались случаи национальной дискриминации, это проявлялось в расстановке и подборе кадров, приеме в высшие учебные заведения в пользу лиц местной национальности.

Нередки были случаи надписей националистического и антисоветского содержания на бюллетенях во время выборов в местные Советы депутатов трудящихся. По числу таких надписей с характерными лозунгами типа «Выгнать всех русских!» «рекордсменом» выступала Казахская ССР, скорее всего в силу своей многоэтничности и высокой доли русскоговорящего населения⁶²⁶. Органами госбезопасности на территории Казахской ССР в 1965 году были отмечены случаи распространения рукописей, листовок, анонимных писем антисоветского и националистического содержания. В частности, автор двух анонимных писем Аменов Тукен писал в них о необходимости образования независимого Казахского государства в связи с тем, что русские презирают казахов⁶²⁷.

Особый научный интерес для нашего исследования представляет русское национальное движение, в котором были заметны не столько этнические, сколько «державные» мотивы. Спонтанный национализм, из которого возникло русское движение, никогда не ограничивался рамками Москвы и Ленинграда. Дело в том, что русское население национальных окраин отличалось более быстрым ростом национального самосознания, нежели население центра страны. Во многом этому способствовало усиление русофобских настроений в национальных регионах СССР. Известны случаи антирусских манифестаций узбекской молодежи в Ташкенте, погромы в Алма-Ате и других городах среднеазиатских республик⁶²⁸.

Официальная пропаганда не акцентировала внимание на проявлениях межнациональной розни, напротив, утверждала, что народы СССР «с уважением называют русский народ «своим старшим братом», по праву ставят его на первое место среди строителей коммунизма»⁶²⁹. На самом деле уважение к русским проявлялось лишь в тех случаях, когда речь шла об участии в производстве. Согласно статистическим данным, в 60-е годы

лишь 20% казахских рабочих и служащих принимали участие в развитии народного хозяйства страны, что явно не пропорционально даже общей численности казахов в республике⁶³⁰. Между тем в Казахстане широкое распространение получили слухи о том, что республика якобы обеспечивает хлебом и мясом Россию и Украину, из-за чего возникают трудности в местном снабжении. Реально РСФСР и Украина производили 76,6% от общесоюзного производства зерна (РСФСР — 54,8%, Украина — 21,8%) при доле населения 71,3%. Зерно, произведенное Казахстаном, составило лишь 11,8% от общего сбора. Столь же показательны статистические данные по производству мяса: РСФСР — 49,8%, Украина — 22,7%, Казахстан — 7,1%⁶³¹.

Советский исследователь М. Н. Росенко отметил, что только в середине 50-х годов «отпала необходимость в преимущественно односторонней материальной помощи со стороны русского народа»⁶³², хотя сама тенденция сохранялась до конца 80-х годов. По данным Д. О. Рогозина, Россия отдавала в общесоюзную кооперацию до 87,2% своего производства, ее доля в экспорте страны составляла 81%, тогда как по импорту всего 70%. В результате она недополучала 12 миллиардов рублей, которые распределялись среди других республик⁶³³. Закономерно, что ущемление интересов русского народа оценивается современными исследователями весьма эмоционально: «Россия ежегодно отрывала от себя в пользу других на десятки миллиардов рублей товаров и услуг... а так называемое Нечерноземье — центр расселения, колыбель русской нации — пустело, зарастало бурьяном»⁶³⁴. Е. С. Троицкий отметил, что в сформировавшейся политической системе РСФСР отсутствовали Компартия Российской Федерации, Республиканский совет профсоюзов, комсомол, не было российского канала телевидения, русской радиопрограммы, перестала существовать Российская Академия наук...⁶³⁵

Подавление интересов русской нации не могло не вызывать растущей тревоги у современников. В только что появившихся самиздатских работах русские националисты проводили оценку перераспределения материальных благ между республиками. Так; со ссылками на официальные источники Иван Самолвин утверждал: «...уже в 1940 г. производство по стране увеличилось по сравнению с 1913 г. в 13 раз, в национальных же республиках этот рост был намного выше: в Казахстане — в 20 раз, в Киргизии — в 153 раза, в Таджикистане — в 324 раза. Эта тенденция продолжается и теперь»⁶³⁶. Характерен комментарий этих данных И. Самолвиным: «У русских людей отрывали кусок от рта и отдавали его другим»⁶³⁷. Не менее показателен интерес Самолвина к статистическим данным о наличии высшего образования у советских граждан: на 1000 человек — 17 русских, 35 грузин, 600 евреев. Особую тревогу русских националистов, в

том числе и Самолвина, вызывал упадок традиционной культуры русского села, особенно в северных районах, поэтому сравнительный анализ с аграрным развитием Грузии закономерен: «Если в Грузии сейчас всюду прекрасные дороги, электричество, а у жителей дома — полные чаши, то в северных коренных русских областях нет хороших дорог, в селах живут одни полунищие старики, да и многих сел уже нет совсем»⁶³⁸. Необходимо отметить, что подобный сравнительный анализ уровня жизни в различных республиках был проявлением именно бытового, а не державного национализма русских. В многонациональной стране невольное национальное осуждение вызывала даже плохая продукция в одной из республик.

Анализ работы Самолвина показал, что росту русского национализма способствовали даже показатели убыли русских в XX веке, особенно в сравнении со значительным приростом жителей среднеазиатских республик. Появлению спонтанного национализма способствовали публикации в официальных источниках статистических данных по развитию республик, информация о происходящих в них демографических процессах и, особенно, неравномерности их финансирования из государственного бюджета.

В результате в кругах русской интеллигенции времен «оттепели» возникли представления об особом типе колониализма — колониализме русского типа⁶³⁹. Основанием для подобного вывода послужило то, что жизненный уровень русского народа оказался ниже, чем у многих других народов: грузинского, армянского, украинского, латышского или эстонского. В среднем в СССР на одного россиянина расходовался 851 рубль бюджетных средств в год, тогда как на одного эстонца — 1268 рублей⁶⁴⁰. Весьма показательно название работы исследователя русского вопроса В. И. Козлова: «Имперская нация, или ущемленная национальность»⁶⁴¹. По-видимому, экономическая политика власти по отношению к каждому народу СССР обуславливалась государственными, а не национальными интересами. В этом смысле русский народ, в отличие от других этносов, лишенный сепаратистских настроений, оказался наименее защищенным.

Экономическая политика правительства по отношению к русскому народу в полной мере соответствовала принципам советского национально-государственного строительства. Как известно, эти принципы предполагали предоставление коренным народам наиболее благоприятных условий существования на территории союзных или автономных республик и национальных округов. Статус «титульной» национальности в рамках автономии открывал благоприятные возможности для материального и духовного развития, предполагал наличие определенных привилегий. Лишь крупнейший этнос страны —

русские — не получил своей Русской республики. В этом, по мнению В. И. Козлова, проявилась «антирусская направленность ленинско-сталинской национальной политики»⁶⁴².

Несомненно, данный курс руководства имел свои объективные причины. Прежде всего, предоставление автономий снимало основную часть национальных противоречий на окраинах СССР. Во-вторых, центральный регион страны, то есть место предполагаемой Русской республики, вероятно, рассматривался правительством как социалистическое пространство «новой исторической общности людей», в которое открыт доступ всех маргинальных представителей нерусских народов. Это подтверждает отмеченный В. Козловым факт, что «по существующей иерархии национально-государственных образований русские края и области оказались на низшем статусе этнического бытия, фактически вне такового»⁶⁴³. Примечательно, что в состав многих национальных республик включались значительные территории с преобладанием русских (Казахская ССР, Башкирская АССР), что порой приводило к численному меньшинству «титুলных» народов в «своих» республиках. Кроме этого, по мнению Козлова, «Русская республика способствовала бы укреплению русского национального самосознания, что могло бы препятствовать разгрому Православной церкви — основного идеологического соперника большевиков»⁶⁴⁴. Таким образом, особую общественно-политическую опасность русская тема представляла в период хрущевских гонений на церковь конца 50 — начала 60-х годов.

Сложившаяся ситуация не могла оказаться вне поля зрения русской патриотической интеллигенции. Рост русского национального самосознания отразился в письмах советских граждан в редакции газет и официальные структуры государства. Редакция газеты «Известия» получила письмо от жителя Москвы Голицына, где было отмечено: «В Российской республике нет ЦК, как это в других союзных республиках, где первым секретарем является представитель своей нации»⁶⁴⁵.

Важным фактором, активизирующим общественную деятельность русской интеллигенции, стало сочетание государственных антирелигиозных компаний с периодами церковного возрождения. Исследователь М. В. Шкаровский выделил в сталинской и хрущевской эпохе несколько этапов оживления церковной жизни, обусловленных политической конъюнктурой того времени⁶⁴⁶. Начало религиозного возрождения было связано с восстановлением церковных институтов в военные и первые послевоенные годы, когда власть использовала русское религиозно-патриотическое чувство в целях консолидации общества. В 1945 году было принято решение о предоставлении церкви права на производство и продажу церковной утвари, возросли ее доходы⁶⁴⁷.

Шкаровский отметил, что оживление церковной жизни в этот период «было официально разрешено и в основном не носило политически конфликтного характера»⁶⁴⁸. Однако, к 1948—1949 годам властям фактически удалось затормозить этот процесс.

Новый этап религиозного возрождения качественно отличался от предыдущего своей нелегальностью, что, вероятно, было связано с более массовым участием в нем представителей интеллигенции. Всего к 1959 году, то есть к началу хрущевской антирелигиозной кампании, насчитывалось 60 млн прихожан РПЦ⁶⁴⁹, среди которых интеллигенция занимала незначительную, но политически наиболее активную позицию.

Комитет госбезопасности под руководством А. Н. Шелепина выявил в среде профессоров и преподавателей вузов людей, стремившихся влиять на религиозную жизнь общества. По сообщению Шелепина, «отдельные из них пытаются распространять религиозные убеждения среди окружающих, противодействуют атеистической пропаганде»⁶⁵⁰. Так, профессор военной инженерной академии им. Куйбышева Н. В. Зволинский и заведующий кафедрой Московского экономического института профессор Н. Е. Пестов написали несколько религиозных брошюр и распространили их у знакомых, доктор наук Е. И. Казимирчак-Полонская вела религиозную пропаганду среди учащейся молодежи. Интересен вывод Шелепина: «Учитывая, что связь отдельных представителей интеллигенции с церковью несовместима с их участием в идеологической работе среди населения, Комитет государственной безопасности считал бы целесообразным через администрацию учреждений и партийные организации принять соответствующие меры воздействия в отношении этих лиц»⁶⁵¹. Следует признать, что современной исторической науке трудно определить истинные масштабы воздействия власти на религиозных инакомыслящих. Как отметил И. Р. Шафаревич: «Верующий, пострадавший за свою веру, просто не может рассказывать об этом на пресс-конференции»⁶⁵², православная психология принципиально отличается от более понятной диссидентской психологии. И все-таки, часть информации о преследовании верующих отражена в христианском направлении самиздата. Так, в «Обращении к мировой общественности и ко всем отцам христианских церквей, и к христианам мира»¹ политический заключенный В. Е. Григорьев сообщил о переходе массовых гонений на верующих в новую, латентную, стадию: «После 1953 г. в СССР начался новый период медленных убийств и более изощренных репрессий»⁶⁵³. Примечательно, что сам Григорьев сжег свой комсомольский билет и учетную карточку члена ВЛКСМ, «так как эта организация по своей идеологической линии, так же как пионерская и коммунистическая организации,

прямо противоположны духу христианской веры»⁶⁵⁴. Закономерно, что борьба Н. С. Хрущева за построение коммунизма к 1980 году началась с массовой антирелигиозной кампании и закрытия части церквей. Уже 1 января 1959 г. в СССР из 13 323 зарегистрированных церквей и молитвенных домов ежедневные службы проходили только в 936, а в воскресные дни — в 10 537 церквях⁶⁵⁵. Необходимо отметить, что основная масса верующих проживала в сельской местности, где находилось подавляющее количество церквей — 11 218, тогда как в городах всего 1534 церкви, в поселках — 571⁶⁵⁶. Эти данные свидетельствуют о том, что именно крестьянство как наиболее консервативная часть населения могло быть (и было) социальным ориентиром для православной интеллигенции, поставившей в 60-х годы русский вопрос, а значит, и потенциальной опорой всего русского движения.

Не случайно с конца 50-х годов русское движение оказалось неразрывно связано с православием, что, с одной стороны, привело к политизации сознания части государственно индифферентных верующих, с другой — придало русскому национализму исторические основания. Православие стало консолидирующим фактором русской национальной оппозиции, концепцией, превратившей проявления спонтанного национализма в общественно-политическое движение.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Наиболее уродливым проявлением режима, взращенного Сталиным, стало осуществление массовых репрессий, затронувших практически все общественные слои и долгие годы державших людей в неослабевавших тисках страха. Поэтому перемены в повседневной жизни страны, начавшиеся после 1953 года, были немыслимы без восстановления и укрепления законности и правопорядка. Необходимо было не только разобраться в прошлом с его репрессивным произволом, беспрецедентными нарушениями конституционных прав граждан, но и создать гарантии от подобных явлений в будущем. Культивировавшаяся режимом атмосфера беззакония являлась поистине всеобъемлющей. Репрессии были наиболее важным инструментом в руках «вождя» и его окружения, с помощью которых достигались определенные общественно-политические и народнохозяйственные цели, решались вопросы внутрипартийного соперничества, борьбы за власть.

Одним из главных негативных последствий такой практики стало полное выведение всей правоохранительной системы из конституционно-правового поля. Заведующий отделом административных органов ЦК КПСС Н. Миронов следующим образом характеризовал обстановку 30—начала 50-х годов: «Очень широко применялись репрессии во внесудебном порядке, через так называемое Особое совещание, образованное при НКВД, через различные «тройки», созданные в краях и областях. Здесь судьбу человека решали без его вызова, без рассмотрения доказательств его вины. Дело было поставлено так, что органы НКВД сами арестовывали и вели следствие, сами выносили «приговоры» и сами приводили их в исполнение».⁶⁵⁷ Более эмоционально об этом в своих воспоминаниях высказался Н. С. Хрушев: «Ни следствия, ни прокурора, ни суда — ничего не было, просто тащили людей и убивали».⁶⁵⁸

Такая атмосфера привела к сильному перенапряжению всего общественного организма и не имела каких-либо перспек-

тив для дальнейшего продолжения. Общество осознавало необходимость перемен. После смерти Сталина в ЦК КПСС поступило немало писем от рядовых граждан, где они высказывались о ненормальном состоянии с соблюдением законности и правопорядка в стране. Например, ленинградец Селиверов писал: «Одно из двух: либо в СССР нет морально-политического единства советского народа, о котором столько писали и пишут, либо оно есть и тогда дальше такие порядки существовать не могут. Они оскорбляют до глубины души. Нужен строгий контроль за МВД, нужна критика, нужна немедленная чистка работников МВД, проверка прежних дел, ссылок, осуждений»⁶⁵⁹. Это понимало новое руководство страны. Не случайно, что буквально сразу после смерти Сталина тема ослабления репрессивного пресса стала одной из первоочередных задач, требующих безотлагательного решения. ЦК КПСС, Советское правительство выступили с обещаниями, провозглашающими отказ от прежних порочных извращений в административно-правоохранительной политике. Через месяц после кончины вождя «Правда» поместила редакционную статью «Советская социалистическая законность неприкосновенна», где подчеркивалось: «Никому не будет позволено нарушать советскую законность. Каждый рабочий, каждый колхозник, каждый советский интеллигент может спокойно и уверенно работать, зная, что его гражданские права находятся под надежной охраной советской социалистической законности»⁶⁶⁰.

Первым практическим шагом в этом направлении стал Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии». Инициатором его принятия был Берия. 26 марта 1953 г. он направил в Президиум ЦК КПСС записку с приложением проекта указа, подготовленного МВД СССР при участии Министерства юстиции СССР, Генерального прокурора СССР. В записке, в частности, говорилось, что в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится 2 526 402 человека заключенных, из них: осужденных на срок до 5 лет — 590 000, от 5 до 10 лет — 1 216 000, от 10 до 20 лет — 573 000 и свыше 20 лет — 188 000 человек. Из общего числа заключенных количество особо опасных государственных преступников (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.), содержащихся в особых лагерях МВД, составляет всего 221 135 человек⁶⁶¹. Поток жалоб, направляемых этими людьми и их родственниками в различные высокие инстанции, был огромен. К примеру, только Верховный Суд СССР до марта 1953 года получал свыше 30 тысяч писем ежемесячно⁶⁶².

По указу «Об амнистии» подлежали освобождению от наказания все лица, осужденные за любое преступление к лишению свободы в местах заключения на срок до 5 лет включительно.

Освобождались от наказания также лица, осужденные за должностные, хозяйственные и некоторые военные преступления независимо от срока наказания. Амнистия распространялась и на приговоренных к лишению свободы на срок свыше 5 лет: им наказание сокращалось наполовину, но не затрагивала осужденных на срок более 5 лет или привлеченных к ответственности за наиболее тяжкие, наиболее опасные для социалистического государства преступления: контрреволюцию, крупные хищения, бандитизм, умышленное убийство. Принципиальной и ключевой идеей указа было признание необходимости пересмотра законодательства СССР и союзных республик в плане замены уголовной ответственности за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчение наказания за отдельные преступления. Министерству юстиции СССР в месячный срок предлагалось разработать соответствующие предложения и внести их на рассмотрение Совета Министров для представления в Верховный Совет СССР⁶⁶³.

Несомненно, указ «Об амнистии» стал первым ударом по сталинской репрессивной империи. С учетом всех пунктов этого документа надлежало освободить из мест заключения 1 203 421 человека, а также прекратить следственные дела на 404 120 граждан. На 10 августа 1953 года по амнистии в целом было освобождено 1 032 000 человек⁶⁶⁴. Однако необходимо понимать, что появление указа стало следствием острого внутреннего соперничества, развернувшегося в высшем эшелоне власти после смерти Сталина. Претенденты на его наследство стремились занять более выгодную позицию в этой борьбе, где имидж освободителя от репрессивного гнета был как нельзя более кстати. В отличие от других членов Президиума ЦК, Берия, руководивший силовыми структурами, имел больше возможностей заполучить первенство в этом перспективном политическом деле, чем и не преминул воспользоваться, предложив идею указа, причем еще в более радикальном виде, чем окончательно опубликованный текст. Свидетельством спешки в принятом указе «Об амнистии» явились недостаточно просчитанные последствия его реализации. Они связаны с неподготовленностью властей к трудоустройству амнистированных, с отказом последних от предлагаемой им работы. Постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1953 г. «Об устранении недостатков в трудоустройстве освобожденных по амнистии граждан» предпринимались попытки регулировать эти процессы. Однако в июле 1953 года из всех амнистированных (около одного миллиона человек) было трудоустроено только 625,7 тысячи. Все это привело к серьезному обострению обстановки в стране летом 1953 года⁶⁶⁵. Вот как пишет об этом Д. Яковенко, непосредственный очевидец, слу-

живший в те годы в войсках внутренних дел: «Выпущенные на волю в массовом количестве заключенные захлестнули железнодорожный и водный транспорт, вокзалы и речные порты, большие и малые города, во многих из них резко осложнилась оперативная обстановка, возросло количество тяжких уголовных преступлений. По Сталинграду (Волгограду), например, опасно было ходить даже днем... Милиция была не в силах справиться с мощным валом заключенных, освободившихся из многочисленных лагерей»⁶⁶⁶. Такую же картину тех дней воспроизвел в своих воспоминаниях высокопоставленный сотрудник госбезопасности генерал П. Судоплатов: «Города и поселки буквально наводнились шпаной и хулиганьем, обстановка стала опасной и напряженной... Войска МВД были брошены на патрулирование Москвы и массовые обыски чердаков и подвалов»⁶⁶⁷. Эти факты подтверждают мысль, что за принятием указа «Об амнистии» просматривалась прежде всего политическая целесообразность и популистский эффект, а не тщательно продуманная система мер по освобождению заключенных.

Тем не менее принятие указа имело важнейшее значение — тема строгого соблюдения социалистической законности стала официально открытой и популярной. Обсуждение связанных с этим различных вопросов развернулось в стенах правоохранительных органов и на страницах профильных изданий. Так, журнал «Социалистическая законность» с апреля по август 1953 года практически полностью был посвящен этой тематике. «Социалистическая законность на страже прав и интересов советских граждан», «Гарантии прав личности в стадии судебного следствия», «Охрана прав граждан — важная задача советского суда и прокуратуры», «Порядок допроса подсудимого в суде» — вот далеко не полный перечень публикаций, авторами которых стали руководители органов суда, прокуратуры, юстиции, ученые-юристы. Речь шла о неукоснительном соблюдении закона, о необходимости полностью доказывать виновность исключительно в рамках процессуальных норм, о расширении прав обвиняемого, приводились многочисленные конкретные примеры незаконного привлечения к уголовной ответственности. Лейтмотивом этих выступлений явилась такая мысль: «Настало время повысить ответственность прокуроров, следователей и судей за порученное им дело, строго взыскивать с лиц, повинных в привлечении к уголовной ответственности и осуждении честных, ничем не опороченных советских граждан. Необходимо в органах прокуратуры и суда создать атмосферу нетерпимости к любым проявлениям беззакония и произвола, неустанно воспитывать следователей, прокуроров и судей в духе неуклонного и строжайшего соблюдения советских законов, в духе нетерпимости к любым и всяким отступлениям от требований закона»⁶⁶⁸.

Утверждение такого подхода, наряду с проводимой амнистией, объективно подводило к вопросу об оценке законности многих дел и процессов недавнего прошлого, о возвращении честных имен (в том числе и посмертно) десяткам тысяч советских граждан, заставляло задуматься о справедливости вынесенных ранее решений. Как и в случае с указом «Об амнистии», инициатива этого важного политического дела принадлежала Берии. По его указанию были прекращены «дело врачей» и «мингрельское дело» о якобы действовавшей в Грузии националистической организации. В частности, 10 апреля 1953 года ЦК КПСС постановлением «О нарушениях советских законов бывшими Министерством государственной безопасности СССР и Грузинской ССР» отменил принятые ранее решения по этому вопросу (9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г.). Все лица, подвергнутые репрессиям по данному делу, были реабилитированы. Пленум ЦК компартии Грузии, обсудив постановление ЦК КПСС, осудил руководителей республики, злоупотреблявших своим положением, и строго наказал виновных, призвав партийные организации ограждать от всяких посягательств интересы государства и права граждан, записанные в Конституции СССР⁶⁶⁹.

Решения по этим делам имели огромный общественный резонанс. Люди писали в «Правду»: «Важное дело начало наше правительство: оно дало ясно понять, что в прошлом существовало пристрастное разбирательство дел и открыло народу свое желание изменить внутреннюю политику». Оценка этого процесса неизбежно заставляла задумываться о деформации всей правоохранительной системы страны. Так, гражданин Лизлов (г. Москва) в своем письме размышлял на эту тему: «Если группа авантюристов хозяйничала в МГБ и вершила грязные дела, то для этого очевидно существовали благоприятные условия... Напрашивается вопрос, какова была в этом деле роль Министерства юстиции, прокуроров, судебных органов?.. Какими конкретными мероприятиями будет гарантирована принципиальная невозможность повторения подобных явлений, наносящих колоссальный ущерб нашей Родине»⁶⁷⁰.

Необратимость начавшихся реабилитационных процессов была очевидна. Демонтаж сталинского наследия в этой сфере набирал силу уже без Берии, инициативу которого после его ареста перехватили и использовали для своих целей другие лидеры высшего руководства⁶⁷¹. В конце 1953 года Президиум ЦК КПСС дал задание правоохранительным органам представить обобщенные материалы о массовых политических репрессиях, проводившихся в стране. 1 февраля 1954 года Генеральный прокурор Руденко, министр внутренних дел Круглов, министр юстиции Горшенин направили Хрущеву докладную «в связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном

осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые года коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особыми совещаниями, Военной коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с Вашими указаниями о необходимости пересмотра дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах...» Как сказано в этом документе, в период с 1921 года за «контрреволюционные преступления» было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания приговорено 624 980 человек⁶⁷².

Однако начавшийся пересмотр дел шел нелегко, встречая тихое противодействие аппарата. Как показывала практика, в целом ряде регионов этот процесс неоправданно затягивался, усложнялись связанные с ним процессуальные нормы⁶⁷³. Во многом это объяснялось тем, что широкое развертывание реабилитации не могло не сказаться на репутации правоохранительных органов, неминуемо ставило вопрос об ответственности за репрессии. На совещании работников КГБ 7 июня 1954 года Хрущев признавал, что «...доверие к работникам органов было сильно подорвано Берией, Абакумовым. Одним словом, после Дзержинского у нас все время в ЧК было неблагополучно с руководством»⁶⁷⁴. Интересно, что с трибуны XX съезда партии лидер партии выдвигал на первый план иные аспекты: «Следует сказать, что с пересмотром и отменой ряда дел у некоторых товарищей стало проявляться известное недоверие к работникам органов государственной безопасности. Это, конечно, неправильно и очень вредно»⁶⁷⁵.

Сохранение недоверия к органам государственной безопасности объяснимо и по другой причине. Огромный репрессивный маховик, создававшийся и существовавший долгие годы, не мог быть перестроен в короткое время. В 1953—1955 годах параллельно с ведением реабилитационных дел продолжала существовать практика арестов и привлечения граждан к уголовной ответственности за «контрреволюционные преступления». Например, 26 июня 1954 года Московский областной суд осудил по ст. 58.10 ч.1 УК гражданина Хмелькова за то, что он, будучи в нетрезвом состоянии и находясь в закусочной на ст. Ногинск, учинил драку, выражался нецензурными словами и допустил оскорбительные высказывания в адрес одного из руководителей Советского государства. Положение исправила коллегия Верховного Суда РСФСР, которая, исследовав дело, не установила в действиях Хмелькова сознательного контрреволюционного умысла. Более того, обстоятельства дела давали основание для вывода о хулиганских побуждениях, в результате чего коллегия переквалифицировала его действия в хулиганство⁶⁷⁶.

Изменение политической обстановки в 1953—1956 годах уже не давало возможности активно воспроизводить прежнюю прак-

тику, заметно ограничивало масштабное применение «контрреволюционных статей». В этих условиях в работе аппарата органов госбезопасности стали проследиваться новые черты. Их суть заключалась в более широком использовании психиатрии в уголовном процессе. Такие действия наблюдались и ранее, в сталинский период, но тогда в этом не было особой необходимости, так как поступающие дела решались быстро и без задержек — репрессивный конвейер работал без сбоев. В изменившихся условиях возникала настоятельная потребность в новых способах оформления дел о «контрреволюционных преступлениях». Признание граждан, проходивших по этим делам, психически невменяемыми решало многие проблемы ведения следствия и ответственности. Здесь хотелось бы заметить, что неправомерно приписывать авторство таких методов ведения следствия Ю. Андропову, мнение о чем высказывалось в публицистической литературе. Данные процессы начались намного раньше, чем он возглавил КГБ СССР. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные примеры⁶⁷⁷.

Расширение практики применения психиатрии в уголовном процессе потребовало уточнения многих недостаточно ясных теоретико-правовых аспектов. Неслучайно, что в этот период появляются научные публикации по данной проблематике. Так, профессор судебной психиатрии И. Случевский в 1955 году писал: «Отсутствие четких ответов на многие теоретические вопросы судебно-психиатрической экспертизы порождает разноречивость мнений в практике экспертизы. Это влечет за собой неправильные судебно-психиатрические заключения, которые путают судебных и следственных работников и могут быть предпосылкой к вынесению судами неправильных решений»⁶⁷⁸. Как известно, непроработанность этих вопросов стала основой использования психиатрии в решении многих уголовных дел по «контрреволюционным преступлениям» и в дальнейшие годы, когда инакомыслие и несогласие с точкой зрения официальных властей расценивалось не как определенная идейная позиция, а как физическое расстройство здоровья, связанное с различными психическими отклонениями.

Важнейшим позитивным результатом административно-правоохранительной политики в период, предшествующий XX съезду КПСС, стало восстановление прокурорского надзора. Ликвидация Особого совещания, «троек» и других внесудебных органов повысила роль и значение прокуратуры. Была изменена ситуация, когда работники прокуратуры с опасением относились к органам, над которыми они были обязаны осуществлять контроль. «Надо, чтобы и прокурор, и начальник МГБ, на каком бы участке они ни работали подходили к этим вопросам (законности. — А.П.) с партийных позиций. Тогда вы найдете всегда вза-

имопонимание и будете понимать друг друга»⁶⁷⁹. Эта мысль сформулированная Хрущевым стала главным принципом функционирования органов госбезопасности.

Приказом Генерального прокурора СССР от 27 сентября 1953 года в региональных прокуратурах создавались отделы по надзору за следствием в органах государственной безопасности⁶⁸⁰. Теперь, став поднадзорными, органы государственной безопасности стали практически полностью отчитываться по всем своим действиям, соблюдать исполнение всех предписанных процессуальных норм. В 1954 году приказом Генерального прокурора СССР № 48сс прокуратуры исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) были подчинены непосредственно прокуратурам АССР, краев и областей⁶⁸¹.

Все эти изменения фиксировались «Положением о прокурорском надзоре в СССР», принятом Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 года. Оно четко регламентировало многообразную деятельность органов прокуратуры и определяло права и обязанности прокуроров. В нем особо подчеркнута задача по усилению прокурорского надзора за точным и неукоснительным исполнением советских законов. Прокуратура получила право требовать любые уголовные и гражданские дела из судебных органов для проверки в порядке надзора. «Положение» обязало прокуроров систематически посещать места лишения свободы, немедленно освобождать из-под стражи всякого, кто незаконно подвергнут аресту, прокурор получил возможность беспрепятственного доступа во все помещения ИТЛ, тюрем, администрация мест лишения свободы обязывалась не позднее чем в суточный срок направлять прокурорам адресованные им жалобы⁶⁸². Данные положения были развернуто озвучены на Всесоюзном совещании руководящих прокурорских работников, состоявшемся 23—27 июня 1955 года в Москве. В его работе приняли участие руководители партии и правительства — Хрущев, Булганин, Ворошилов. Политика, направленная на возрастание роли прокуратуры, была охарактеризована как принципиальная в деле соблюдения социалистической законности. Ее провалы в прошлом связывались с деятельностью врагов советской власти⁶⁸³.

Характерной чертой юридической системы в новой политической обстановке стала широко развернутая борьба с различными проявлениями бюрократизма. Очевидно, что новые веяния, утверждавшиеся в практике правоохранительных органов, были невозможны без изменений в самом функционировании всей системы судов, прокуратуры, милиции. Процессы разбюрократизации осуществлялись здесь в рамках общеполитического курса, провозглашенного и оформленного постановлением ЦК КПСС от 25 января 1954 года «О серьезных недостатках в

работе государственного аппарата»⁶⁸⁴. Его инициатором в тот период выступил Хрущев, для которого развертывание кампании борьбы против бюрократизма стало удобной формой атаки на государственный аппарат министерств и ведомств, где особенно сильны были позиции Маленкова. Результаты проведения этой кампании для госаппарата стали весьма ощутимы: с начала 1954 года и до XX съезда КПСС административно-управленческий аппарат в СССР уменьшился почти на 750 тыс. человек⁶⁸⁵.

Вопросы сокращения штатов, упорядочивание структуры, преодоление волокиты и безответственности в работе являлись особенно актуальными для правоохранительной системы страны. Начавшееся наступление на бюрократизм кардинально затронуло всю ее многофункциональную деятельность и имело определенное позитивное значение. Так, в структурах прокуратуры только в течение 1954 года три раза проводилось сокращение штатов⁶⁸⁶. Была ослаблена детальная и мелочная регламентация работы прокуроров, установившаяся со сталинских времен. Признано нецелесообразным, когда целым рядом приказов, распоряжений, инструкций Прокуратуры СССР скрупулезно устанавливался жесткий порядок прокурорских проверок в районных отделах милиции, выступлений по определенному ряду уголовных и гражданских дел в судах, определялось необходимое число посещений мест заключения, количество дел, где поддерживалось государственное обвинение и т. п. Заметно снижалась и статистическая отчетность. В 1955 году для прокуратур регионов она снизилась со 1327 показателей до 810. Кроме того, полностью упразднялось представление докладов по различным отраслям работы. Достаточно сказать, что ранее в аппарат Прокуратуры РСФСР поступало 2592 доклада от прокуроров АССР, краев и областей, а районные и городские прокуроры, в свою очередь, представляли в краевые и областные центры 89 310 отчетов⁶⁸⁷. Отмена такой громоздкой отчетности, несомненно, способствовала оздоровлению всей текущей деятельности прокуратур.

Подобные позитивные изменения происходили и в системе Министерства юстиции СССР. Положение здесь в плане бюрократизированности работы было особенно тяжелым. Делопроизводство в любом отдельно взятом народном суде можно охарактеризовать как крайне громоздкое, по своему объему сопоставимое с крупной организацией или главным управлением какого-либо министерства. В каждом нарсуде имелось большое количество регистрационных журналов, книг, картотек, велась обширная переписка с вышестоящими инстанциями по производству самых различных незначительных дел. Вот один из таких наглядных примеров. Одна гражданка нашла свою корову с перебитым хребтом. Она решила, что корова пролезла в сосед-

ский огород через пролом в изгороди, а соседка била ее и перебила хребет. Эту версию поддержал пятилетний сын гражданки. В результате в местный народный суд был подан иск, по которому получен отказ. Однако по поступившей жалобе Верховный Суд РСФСР отменил это решение, обязав провести следственный эксперимент, т. е. наглядно убедиться, могла ли корова пролезть в пролом или нет. Народный суд отписал в Верховный Суд о невозможности проведения такого эксперимента, но дело возвратилось с указанием произвести эксперимент. В очередном ответном письме народный судья утверждал, что его делать нельзя, потому как и другая корова может повредить хребет⁶⁸⁸. Очевидно, что комментарии здесь излишни.

Бюрократический стиль был ярко выражен в работе Министерств юстиции СССР и РСФСР, их региональных управлений, которые выступали центрами, производящими огромное количество распоряжений, приказов по любому поводу. Так, Министерство юстиции СССР рассылало инструктивные письма, в которых сообщало об исправлении: «после первого абзаца ст. 2 вместо двоеточия поставлена точка с запятой». Подобных писем с разъяснениями знаков препинания только за 1953 год отправлено около 11 тысяч⁶⁸⁹. Многочисленные факты бюрократизма, сковывавшие инициативу на местах, увеличивавшие объем документооборота, стали предметом критического обсуждения в марте—апреле 1954 года на серии межобластных совещаний министров юстиции АССР, начальников областных, краевых управлений юстиции, начальников областных, краевых судов в Москве, Куйбышеве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, Ростове, Хабаровске. На них рассматривались вопросы улучшения функционирования судов и органов юстиции.

В ходе работы совещаний была предложена серьезная структурная перестройка всей системы юстиции, связанная с ликвидацией управлений Министерства юстиции на местах. В выступлениях работников с мест подчеркивалось, что единственное реальное дело управлений Министерства юстиции в отношении народных судов — это проведение ревизий. Как отмечалось, качество ревизий крайне низкое, так как судьи становятся все более квалифицированными, предъявляют все большие требования к ревизорам, которые в большинстве своем в судах не работали и не в состоянии оказывать им необходимую помощь⁶⁹⁰. Один из руководящих работников органов юстиции Алтайского края Гриднев говорил: «Назревает вопрос, не настало ли время объединить эти два органа (управление юстиции и областной суд — А.П.) и всю полноту руководства народными судами в целях его укрепления и единства сосредоточить в одном органе — краевом-областном суде. В этом случае вопрос надзора и расстановки кадров народных судей будет находиться в краевом суде, ко-

торый повседневно изучает практическую работу каждого судьи, ревизионная работа будет проводиться членами краевого суда, которые хорошо знакомы с работой народного судьи и окажут им более эффективную помощь, чем ревизоры управлений Министерства юстиции, оторванные от практики судебной работы»⁶⁹¹.

Данный подход получил поддержку у руководства ЦК КПСС и прежде всего потому, что совпадал с предпринимаемыми Хрущевым усилиями по ослаблению роли министерств, ведомств и их органов в жизни страны. В июне 1956 года Секретариат ЦК одобрил резолюцию Президиума Верховного Совета СССР по упразднению региональных управлений юстиции с передачей их функций в ведение краевых и областных судов⁶⁹². Месяцем раньше было ликвидировано и Министерство юстиции СССР, полномочия которого делегировались в Министерства юстиции союзных республик⁶⁹³. Эти события отражали определенные процессы перераспределения власти в правоохранительной системе, проходившее в 1953—1956 годах. Их суть заключалась в установлении полного партийного контроля над прокуратурой, судами, КГБ, МВД. Это отражало изменение в соотношении сил в борьбе Маленкова и Хрущева в пользу последнего и означало победу возглавляемого им партаппарата в руководстве таким важным участком, каковым являлись правоохранительные органы. Именно тогда заработала система «истинного» партийного руководства. Ее стержнем стали созданные в структурах обкомов и крайкомов КПСС отделы административных органов, которым было поручено осуществлять контроль над этим полем деятельности.

Все это по-новому ставило вопрос о партийном руководстве правоохранительной сферы в целом. Важно заметить, что самой серьезной проблемой ее функционирования было взаимодействие с коммунистической партией, или точнее, с ее руководящими органами. Как известно, именно руководство ВКП(б)—КПСС во главе со Сталиным выступало в качестве идейного вдохновителя и организатора массовых репрессий, нарушений элементарных норм законности и права. Правоохранительная система фактически превратилась в исполнителя их воли, оформляя в виде приговоров уже состоявшиеся решения. Собственно именно такое положение лежало в основе тех беспрецедентных правовых нарушений, которые потрясли советское общество в 30—начале 50-х годов.

Начавшиеся процессы по укреплению законности были немыслимы без признания негативных последствий вмешательства в принятие судебных приговоров, в ход ведения следствия. После смерти Сталина практика такого вмешательства претерпела определенную трансформацию. Она стала, если так можно вы-

разиться, более «партийной». В новой политической обстановке уже не представлялось возможным всецелое влияние органов госбезопасности, перед которыми ранее чувствовали себя незащищенными работники прокуратуры, суда, партийных комитетов. Отделы административных органов взяли в свои руки реальные рычаги управления правоохранительной сферой, что отражало общее усиление роли руководящих органов партии и, прежде всего, ее Центрального Комитета, Секретариата ЦК, обкомов в повседневной общественной жизни. Здесь сосредоточивалось решение и всех вопросов административно-правоохранительной системы.

Тем не менее определенные попытки «упорядочить» вмешательство партийных органов в деятельность правоохранительной сферы предпринимались в общем русле административной политики после смерти Сталина. В конце 1953 года ЦК КПСС принял постановление «О фактах вмешательства некоторых местных партийных органов в решение судебных дел»⁶⁹⁴. В нем Центральный Комитет строго осудил всякое вмешательство отдельных должностных лиц и местных органов в разрешение судебных дел, как противозаконное действие, направленное в ущерб интересам социалистического правосудия. В качестве наглядного эпизода, иллюстрировавшего суть проблемы, в постановлении приводился конкретный эпизод из судебной практики. Зареченский райком КПСС г. Тулы 26 октября 1953 года принял постановление о неправильных действиях народного судьи 3-го участка тов. Таракановой, необоснованно обвинив ее в вынесении неправильных решений по судебным делам. Несмотря на то что законные решения народного суда по всем делам были оставлены в силе Тульским областным судом, райком партии указал Таракановой на игнорирование партийных органов и на необъективный подход к рассмотрению этих дел. ЦК КПСС отметил, что подобное вмешательство местных парторганов в прерогативу судебных инстанций разрешения судебных дел подрывает авторитет суда, дезориентирует и толкает судебных работников на принятие незаконных решений, нарушает установленный Конституцией СССР принцип независимости судей и подчинения их только закону, лишает органы прокуратуры и суда самостоятельности и насаждает в них атмосферу безответственности. В связи с этим ЦК КПСС отменил как неправильное постановление бюро Зареченского райкома партии г. Тулы от 26 октября 1953 г. о неправильных действиях члена КПСС, судьи 3-го участка тов. Таракановой; обратил внимание Тульского обкома партии на недопустимость вмешательства партийных организаций в разрешение судебных дел. Постановление ЦК КПСС было разослано ЦК компартий союзных республик, обкомам и крайкомам партий⁶⁹⁵.

Однако вопрос о невмешательстве партийных органов в правоохранительную практику не имел под собой основы для решения и никакие призывы в этом направлении в принципе не могли изменить ситуацию. Более того, ЦК КПСС постоянно требовал улучшения руководства судом, прокуратурой, милицией, что на деле приводило к еще большему диктату и мелочной опеке всей системы.

Это обуславливалось, прежде всего, самым пониманием принципов партийного руководства со стороны руководящих работников. Их суть они трактовали не иначе как раздачу указаний и установок, осуществляемую на заседаниях пленумов, бюро, активах⁶⁹⁶. Показателен в этом плане пример Ростовского обкома КПСС, рассматривавшего вопрос «О ходе выполнения постановления Секретариата ЦК КПСС от 16.08.1961 г. «О мерах по усилению борьбы с проявлениями преступности в отдельных районах и городах»». В решении бюро отмечалось, что многие горкомы и райкомы партии еще не сделали должных выводов из постановления Секретариата ЦК по организации борьбы с преступностью. Бюро обкома обязало органы милиции, суда и прокуратуры принять решительные меры по искоренению причин, порождающих преступность. На совещании в обкоме был заслушан доклад прокурора г. Таганрога о работе судов и милиции. Кроме этого, по материалам заседания и проверок, организованных обкомом, в 27 районных центрах вопросы борьбы с преступностью стали предметом рассмотрения на бюро ГК и РК КПСС⁶⁹⁷.

Данный пример раскрывает всю вертикаль партийного руководства правоохранительной сферой. Она представляется вполне логичной, так как подавляющее количество судей, прокуроров являлись членами КПСС, и, следовательно, на них объективно можно было воздействовать по партийной линии. Так, 12 декабря 1954 года, в РСФСР избрано 4622 народных судьи, из которых 4181 (91,1%) член или кандидат в члены КПСС, 305 (6,6%) судей — члены ВЛКСМ, и только 101 (2,3%) являлись беспартийными. На последующих выборах народных судей, состоявшихся в 1957 и 1960 годах, численность коммунистов не оказывалась ниже 90% от избранного количества⁶⁹⁸. То же самое в полной мере можно отнести и к работникам прокуратуры, где партийная прослойка была значительной: на 1 января 1955 года коммунистами являлись около 77% сотрудников, а на 1 января 1959 — около 83%⁶⁹⁹.

За этими цифрами стояла огромная работа КПСС по подбору и расстановке кадров на важнейших участках правоохранительной системы. Идеино-политические качества здесь оказывались более весомым фактором в назначении на руководящие должности, чем высокий профессионализм и желание неукосни-

тельно соблюдать «дух и букву» закона. Это хорошо видно из письма министра юстиции РСФСР Болдырева от 2 марта 1960 года, адресованного региональным работникам суда и юстиции, посвященного предстоящим выборам народных судей. В письме подчеркивалось: «Главная задача верховных судов АССР, краевых, областных и городских судов состоит в том, чтобы тщательно, безошибочно подобрать и рекомендовать местным руководящим органам в качестве кандидатов в народные судьи работников, способных успешно обеспечить порученное дело»⁷⁰⁰. Получалось, что главный смысл выборов не в избрании народных судей населением, а в решении партийных органов по тем или иным кандидатам, перед которыми они и несли реальную ответственность. Поэтому закономерно, что заведующий отделом административных органов ЦК КПСС по РСФСР Тищенко, выступая перед руководящим составом работников суда и юстиции России, настойчиво напоминал: «И еще раз хотел бы попросить вас... больше вносить партийности в нашу работу»⁷⁰¹.

Многие партийные органы не ограничивались использованием влияния на деятельность руководителей правоохранительной системы как членов партии. Происходило активное «идеологическое» вмешательство в практику работы судов, прокуратуры, милиции, приведение ее в соответствие со своими представлениями. Характерен пример Кировского обкома КПСС, секретарь которого Пчеляков прямо высказывал негативное отношение к действиям Верховного Суда России по поводу вынесения им приговоров за умышленные убийства. В своем письме в отдел административных органов ЦК КПСС по РСФСР он писал: «По нашему мнению изменение Верховным Судом РСФСР приговоров по некоторым делам является неоправданным. Подобная практика Верховного Суда РСФСР не обеспечивает борьбы со столь опасным для общества злом. В связи с этим считали бы целесообразным обратить внимание Верховного Суда РСФСР на необходимость более строгого рассмотрения дел об умышленных убийствах и усилению по ним карательной практики»⁷⁰². Как можно заметить, партийный работник местного областного комитета чувствовал свою полную причастность к выработке судебной политики Верховного Суда республики, оставляя за отделом административных органов ЦК окончательную трактовку применения законодательства в конкретной сфере уголовного права. Все это происходило на фоне многочисленных заверений руководства страны о независимости и самостоятельности суда, недопустимости вмешательства в его работу.

Вмешательство партийных органов в деятельность правоохранительной системы происходило, как правило, по конкретным делам. Это было наиболее массовое нарушение законности, встречавшееся повсеместно. Сигналы и жалобы об этом посту-

пали (опять-таки в ЦК КПСС) постоянно. Так, заместитель министра юстиции РСФСР Анашкин 3 апреля 1956 года сообщал в Бюро ЦК по РСФСР о грубом вмешательстве в действия судей ответственных работников Каменского обкома партии, которые «подменяли» судей, давали незаконные указания по конкретным делам. Данные действия были квалифицированы как неправильные, противоречащие неоднократным постановлениям ЦК КПСС. Поводом для сообщения послужил инцидент, произошедший в г. Миллерово Ростовской области, где за совершение циничного хулиганства были задержаны военнослужащие авиаотряда. Однако их руководство вместо осуждения проступка своих сотрудников во время служебной командировки сумело договориться сначала в Миллеровском РК, а затем и в обкоме КПСС о срыве дела, которое было истребовано из народного суда⁷⁰³. Все вопросы, связанные с конкретными судебными делами, решались в партийных органах — такой вывод следует из приведенного материала: Необходимо заметить, что именно такое понимание положения вещей присутствовало в обществе. Это подтверждается примерами судебной практики не только по обычным уголовным преступлениям, но и по «контрреволюционным делам». Так, осужденный на 4 года лишения свободы за антисоветскую пропаганду и агитацию гражданин Васильев написал письмо секретарю Белгородского обкома КПСС, где заявил о недовольстве народа политической партией, а отсутствие открытых форм протеста объяснил применением террора. Примечательно здесь то, что организатором этого террора он видел не суд или прокуратуру, а партию, к одному из руководителей которой в своей области он и обращался⁷⁰⁴.

Важнейшим компонентом, характеризующим уровень развития всей правоохранительной системы, является состояние ее кадрового корпуса. Очевидно, что от этого фактора напрямую зависит качество работы судов, прокуратуры, милиции, адвокатуры. Необходимо подчеркнуть, что в этом плане сталинское наследие оставляло самое тяжелое впечатление. В 1953 году в стране работало только 18,6% народных судей с высшим, 63,4% со средним юридическим образованием, лишь половина членов областных и краевых судов закончили высшие учебные заведения⁷⁰⁵. Даже в состав Верховного Суда СССР в 1956 году входили судьи без диплома о высшем юридическом образовании⁷⁰⁶. Немного лучше складывалась ситуация в органах прокуратуры, где в 1954 году 45,2% работников были с высшим и 42,5% со средним юридическим образованием (в конце 40-х годов в прокуратуре около 70% вообще не имели никакой юридической подготовки)⁷⁰⁷. Эти цифры наглядно убеждают, что сталинский режим и квалифицированные юридические кадры — понятия несовместимые. Совершение вопиющих преступлений и безза-

коний в сталинском духе не требовало высокой квалификации правоохранительного аппарата. В условиях же демонтажа сталинской правоохранительной системы такое положение не могло сохраняться сколько-нибудь продолжительное время. Более того, само разрушение этой системы предполагало появление все большего числа подготовленных, квалифицированных кадров, способных осуществлять юридические действия в рамках строгого соблюдения закона.

Именно эту цель преследовала политика нового руководства КПСС. Были приняты меры по улучшению кадрового состава и подготовки специалистов в юридической сфере. Они связаны с расширением высшего юридического образования в стране. Признавалось ненормальным, когда ежегодно только 18—20% выпускников высших юридических учебных заведений направлялись в систему юстиции, а остальные аттестовывались адвокатами, нотариусами, судебными исполнителями. Данная ситуация складывалась потому, что много специалистов, окончивших юридические вузы, не подходили для работы в правоохранительных органах, и прежде всего в судах, прокуратуре, так как не являлись членами КПСС или не имели достаточной судебной подготовки⁷⁰⁸. В этой связи в 1955 году Министерство юстиции предупреждало: сохранение такого положения могло привести к тому, что необходимые кадры народных судей были бы подготовлены минимум через 5—6 лет. Поэтому помимо расширения приема предлагалось изменить учебные планы Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ) с таким расчетом, чтобы окончившие юридические школы поступали сразу на II или III курс, либо им засчитывали некоторые дисциплины, сданные в юридических школах. В итоге из каждой сотни работников МВД училось 28 человек, из сотни работников юстиции — 13, прокурорских работников — 9. Им создавались благоприятные условия для приема в высшие юридические учебные заведения⁷⁰⁹. Расширение и ускорение подготовки юридических кадров с высшим образованием, в конечном счете, имело свои результаты: в 1962 году среди народных судей насчитывалось 72% с высшим образованием и 24,6% со средним юридическим образованием, среди работников органов прокуратуры доля сотрудников, окончивших юридические вузы, составила 82,3%⁷¹⁰.

Несмотря на приведенные убедительные цифры, следует заметить, что качество подготовки юридических работников было не всегда на высоте. К примеру, многие народные судьи, заканчивавшие соответствующие вузы, действовали неквалифицированно, допуская в ходе работы значительные нарушения процессуально-правовых норм. О буднях народных судов дает представление справка о проверке Министерством юстиции РСФСР работы нарсуда 4-го участка Кировского района г. Уфы от

12 июля 1957 года. В ней говорилось, что в данный нарсуд ежемесячно поступает 24 уголовных и 60 гражданских дел. Сроки их рассмотрения грубо нарушались практически по всем категориям преступлений. Это приводило к постоянному накоплению остатков дел. На 12 июля 1957 года в остатке находилось 105 гражданских и 55 уголовных дел, что составляло их двухмесячную норму поступления в суд. Рассмотрение многих дел откладывалось по несколько раз из-за неявки сторон, но каких-либо мер к неявившимся не предпринималось. Протоколы судебных заседаний о переносе зачастую фальсифицировались. К ведению дел нарсудья Кондратьев относился безответственно, появлялся в зале суда в нетрезвом виде и в таком состоянии приступал к работе, написание приговоров и определений поручал народным заседателям или секретарю судебного заседания, что являлось грубейшим нарушением процессуальных норм⁷¹¹. Проверки работы нарсудов постоянно выявляли картины подобного рода. На коллегиях Министерства юстиции РСФСР отмечали плохую подготовку судьями дел к слушанию, частое рассмотрение дел в незаконном составе, небрежное оформление судебных документов, приговоров, протоколов заседаний, исправления в них, иногда даже допускалась невыдача подсудимым обвинительного заключения. Неслучайно, что 74,4% всех жалоб и заявлений, поступающих в Министерство юстиции РСФСР, относилось к работе судов различных инстанций⁷¹².

Но самым слабым звеном правоохранительной системы СССР в период 1953—1964 годов являлись органы Министерства внутренних дел. Уровень образовательной подготовленности работников МВД оставался самым низким по сравнению с другими службами. По состоянию на начало 1960 года в уголовном розыске число сотрудников со средним и высшим образованием составляло 54,5%, среди начальников городских и районных органов милиции около трети не имело среднего образования, среди начальников колоний и лагерных подразделений около половины. Низок был и уровень участковых уполномоченных, где 30% составляли лица с незаконченным средним и начальным образованием⁷¹³. Осознание сложности ситуации усиливает тот факт, что именно на органы внутренних дел приходилась основная нагрузка от общего количества уголовных преступлений в стране. Так, в 1954 году в РСФСР из 179 329 человек, арестованных за совершение преступлений, 143 861 были арестованы милицией, в 1964 году на долю органов внутренних дел приходилось около 66% от общего количества дел⁷¹⁴. Эти данные показывают — именно милиция имела наиболее тесное соприкосновение с населением, и зачастую по ее работе люди судили о деятельности правоохранительной системы в целом.

Функционирование органов МВД вызывало постоянные нарекания. Из года в год Прокуратуры СССР и РСФСР информировали ЦК КПСС о нарушениях социалистической законности в милиции⁷¹⁵. Например, прокурор РСФСР Круглов писал: «Считаю необходимым доложить, что при расследовании ряда уголовных дел установлены случаи грубейшего нарушения некоторыми работниками милиции социалистической законности — избивание подследственных и вынуждение на дачу вымышленных показаний об участии в преступлении, к которому они не причастны, фальсификация доказательств по уголовным делам и провокация преступлений. Прокуратура РСФСР неоднократно ставила перед МВД вопросы об искоренении фактов нарушений закона... Однако достаточных мер к созданию обстановки нетерпимости ко всякого рода нарушениям закона и воспитанию подчиненных работников не принято... По поводу указанных грубейших нарушений закона Прокуратурой РСФСР были внесены в МВД представления о невозможности дальнейшего использования виновных лиц на работе в милиции, однако министр внутренних дел РСФСР Стаханов Н. П. ограничился наложением на них дисциплинарных взысканий»⁷¹⁶.

Обеспокоенность существовавшей ситуацией выражали и сами работники милиции. Вот что писал Хрущеву начальник отделения МВД г. Сталинграда майор Латкин (21 декабря 1956 г.): «Среди лиц, назначенных на руководящую работу в районные отделения милиции, просачиваются морально неустойчивые люди и лица, не имеющие необходимой оперативно-служебной и общеобразовательной подготовки, а также практического опыта... Такая практика вызывает справедливые нарекания, недовольство и даже нездоровые разговоры. Среди некоторой части вновь назначаемых на руководящую работу в райотделы милиции имеются скомпрометировавшие себя и просто не способные для этой работы люди, но их выдвигают и пишут на них положительные характеристики только потому, что они подхалимы и угодники»⁷¹⁷.

В ЦК КПСС реакция на такие письма сводилась, как правило, к призывам о необходимости увеличивать партийно-комсомольскую прослойку в органах милиции. Отмечался ее очень низкий уровень — 50,7% (на 1 января 1960 г.) от числа работающих⁷¹⁸. В этом виделись причины многих недостатков в деятельности МВД. Подобная реакция преобладала даже в оценке чрезвычайных ситуаций, происходивших по вине работников милиции. Такую оценку, например, получили события 16—17 июля 1963 года в г. Кривой Рог. Здесь милиция своими незаконными действиями по задержанию и избиванию граждан на фактически спровоцировала в городе массовые беспорядки с применением огнестрельного оружия, разгромом отделения ми-

лиции толпой, требовавшей освобождения задержанного. Четыре человека, в том числе женщина, были ранены и госпитализированы. На пленуме ЦК КП Украины, комментируя это чрезвычайное событие, Подгорный говорил, что его причины — в отсутствии опоры на партийные организации, актив, коммунистов и комсомольцев. Если бы такая опора имелась, то все было бы нормально⁷¹⁹.

Характеризуя кадровое состояние правоохранительной системы в 1953—1964 годы, следует особо отметить возрастание роли и значения в этот период такого важного юридического института, как адвокатура. Охрана прав граждан, соблюдение законности, становившиеся приоритетами административной политики государства, объективно делали фигуру адвоката полноправным участником следственного процесса, судебного заседания. Как показало изучение материалов, работники адвокатуры являлись самым образованным и подготовленным звеном юридической сферы. В 1953 году из общего количества действовавших адвокатов 71% имели высшее юридическое образование. Уровень подготовленности оставался стабильно высоким и в последующие годы: в 1962 году из 6938 адвокатов РСФСР 5403 (около 80%) окончили юридические вузы. Некоторые даже имели ученые степени кандидатов юридических наук, в столичной коллегии адвокатов таких насчитывалось 25 человек⁷²⁰. В сфере адвокатуры трудилось много специалистов, юристов-профессионалов высочайшего класса. На их счету немало блестяще проведенных дел, восстановивших много честных имен, не давших сломать человеческие судьбы. Таких, как, например, адвокат Ленинградской городской коллегии Экменги, который провел большую работу по делу о защите врача Андреева. Адвокат смело и настойчиво взялся отстаивать невиновность врача, обвинявшегося в халатном отношении к своим обязанностям, повлекшим за собой смерть ребенка. Несмотря на отрицательное общественное мнение, сложившееся вокруг этого дела, адвокат использовал все имеющиеся возможности для сохранения хорошей профессиональной репутации врача. С этой целью, изучив обширную специальную литературу и проконсультировавшись со специалистами-медиками, Экменги потребовал назначения компетентной медицинской экспертизы. Благодаря его настойчивости суд пригласил экспертную комиссию в составе члена-корреспондента АМН, ряда профессоров, которые пришли к выводу о невиновности врача в смерти ребенка⁷²¹.

Однако, несмотря на всю важность и полезность труда адвокатов, отношение к ним было неоднозначное. Особенно это проявлялось со стороны судебных и прокурорских работников. Повсеместно допускалось грубое администрирование по отношению к адвокатам, которых в правоохранительных органах зача-

стую считали не сотрудниками системы юстиции, а членами второстепенной общественной организации. Адвокатам препятствовали в выдаче дел в судах, отстраняли от работы, самовольно выселяли юридические консультации, расположенные в зданиях судов. На совещаниях руководящих судебных работников бывший министр юстиции РСФСР Беляев прямо с трибуны призывал «адвокатов гнать в шею»⁷²². Примечательно, что серьезные претензии к адвокатам в основном предъявлялись не с профессиональной точки зрения, а с позиций идейной неустойчивости. На одном из совещаний начальник отдела Минюста Мухин с ужасом рассказывал, что в процессе ревизионной работы столкнулся с фактами использования советскими адвокатами в выступлениях выдержек из речей своих дореволюционных коллег. Это признавалось недопустимым и крайне вредным⁷²³. Лишь после XX съезда КПСС были опубликованы речи русских юристов конца XIX — начала XX веков. Сборник включал 35 речей известных адвокатов — П. Александрова, С. Андреевского, Ф. Плевако, В. Спасовича, А. Урусова, В. Жуковского и др.⁷²⁴.

Большое недовольство вызывали предложения некоторых коллег адвокатов изменить систему оплаты их труда, уменьшить круг вопросов, по которым в обязательном порядке оказывались бесплатные юридические консультации. По мнению адвокатов, осуществление таких мер способствовало бы удешевлению юридической помощи населению по ведению уголовных и гражданских дел, повышению интереса к ним самих адвокатов, так как бесплатная работа велась, как правило, поверхностно и безынициативно⁷²⁵. Постановка таких вопросов встречала резко негативную оценку со стороны государственных органов. Как подчеркивало Министерство юстиции РСФСР, «в отдельных коллегиях продолжают иметь место факты вымогательства адвокатами денег у клиентов, рвачества, вербовки клиентуры и т. п. позорные явления, которые могут возникать лишь на почве безыдейности и обывательского перерождения. Президиум коллегии адвокатов не всегда проявляет необходимую твердость в борьбе с этими нетерпимыми явлениями и... иной раз либерально относится к рвачам и халтурщикам»⁷²⁶. К этому остается только добавить и стандартное объяснение причин существования подобных фактов, связанное с низкой партийно-комсомольской прослойкой в системе адвокатуры, которая составляла всего 47% от общего числа действовавших адвокатов⁷²⁷.

Анализ административно-правоохранительной политики 1953—1964 годов позволяет определить и выделить наиболее ключевые ее вопросы, вокруг которых происходила борьба различных общественных сил. В период 1953—1959 годов одним из таких актуальных вопросов, ставших ареной споров и столкно-

лений, была тема снижения непосильного уголовного пресса, уменьшения сроков наказания за совершение незначительных мелких преступлений. Данный вопрос имел огромную общественную значимость, так как в отличие от политических и контрреволюционных дел касался несравненно большего количества советских граждан. Впервые эта тема поднималась Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» (17 марта 1953 г.), где работники правоохранительной системы были ориентированы на необходимость перестройки всей судебной практики на основе непривлечения граждан к уголовной ответственности за мелкие преступления и правонарушения. Уже через полгода после вступления в силу указа коллегия Министерства юстиции РСФСР (18 октября 1953 г.) на своем заседании рассмотрела «Итоги изучения уголовных дел, по которым допущено необоснованное осуждение граждан». Обсуждение этой темы проходило в непростой обстановке. Как отмечалось, многие областные суды не внесли каких-либо изменений в свою деятельность в соответствии с идеями указа, продолжая прежнюю практику, существовавшую при Сталине. В своем выступлении министр юстиции Рубичев говорил: «Присутствуя на Президиуме Верховного Совета при рассмотрении ходатайств о помиловании, приходится сталкиваться с такими фактами, когда человек украл пару ботинок и ему дают за это 17—18 лет лишения свободы и поражение в правах. Это совершенно неправильно. Но до сих пор многие суды еще работают по старинке... очень часто оставляют в силе такие приговоры, которые подлежат отмене»⁷²⁸.

Работа «по старинке» на деле означала продолжение репрессивной практики в духе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об усилении уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества и за кражу личной собственности граждан». В соответствии с этим документом минимальные санкции наказания за хищение госимущества составляли 7 лет, общественного — 5, причем независимо от стоимости похищенного⁷²⁹. У этой политики находилось немало сторонников среди руководящих работников правоохранительной системы. Несогласие с позицией министра юстиции Рубичева по рассматриваемому вопросу проявилось в ходе заседания коллегии. Так, председатель Московского областного суда Крюков призывал не смягчать наказание за незначительные преступления. Свое мнение он аргументировал следующим образом: «Поймали человека, который украл из кармана пять рублей, говорят, что нельзя судить — незначительная сумма, но разве можно так подходить, — он ведь лез не за пятью рублями». Такую же позицию поддержал и ответственный сотрудник Прокуратуры РСФСР Егоров, заявивший, что пока в уголовном законодательстве действует указ от 4 июня 1947 года, нужно его

применять повсеместно и не давать никакой ориентации на какие-либо смягчения⁷³⁰. В итоге их оппонент Рубичев отмечал, что «такие настроения еще глубоко укоренились в сознании наших судебных и следственных работников... Это очень опасные настроения»⁷³¹.

Это было совершенно справедливое замечание. Сопротивление курсу на смягчение уголовного наказания возрастало по мере его проведения в жизнь. Продолжалось осуждение на длительные сроки заключения за незначительные преступления. Так, в г. Котлас Архангельской области нарсуд приговорил к пяти годам лишения свободы гражданина Сиделкина, похитившего старый жестяной умывальник, нарсуд Лисичанского района Ворошиловградской области осудил к заключению в ИТЛ на 20 лет гражданина Тура и к 10 годам гражданина Федорченко за хищение толя на сумму 47 рублей⁷³². Вынесение же оправдательных приговоров или решений о смягчении наказаний было крайне усложнено: требовалось письменное объяснение по каждому отдельному случаю на имя председателя областного или краевого суда. В результате народные судьи стремились не применять соответствующие статьи, чем идти с докладом и объяснениями к руководству вышестоящей инстанции⁷³³. Очевидно, что все это противоречило новым веяниям в юридической сфере. Оппозицией здесь выступали руководящие работники правоохранительной системы. Наиболее ярко неприятие нового курса обозначилось на межобластных совещаниях председателей краевых и областных судов, начальников региональных управлений Министерства юстиции РСФСР в 1954—1955 годах. К примеру, на одном из совещаний в г. Челябинске (27—28 июня 1955 г.) многие выступавшие буквально обрушились с критикой на Верховный Суд РСФСР за его позицию относительно недопустимости наказания за совершение мелких преступлений. Говорилось, что из-за этого уходят от ответственности многие настоящие преступники, раздавались требования серьезно поправить Верховный Суд. Сильное возмущение вызвал следующий факт: за кражу мешка пшеницы Верховный Суд снизил срок лишения свободы с восьми до двух лет, что признавалось недопустимым и крайне вредным⁷³⁴. Обращают на себя внимание попытки некоторых судебных чиновников, критиковавших практику смягчения наказания, придать своей позиции политическую окраску. Это хорошо прослеживается в выступлении народного судьи г. Челябинска Радаева: «Советский судья является политическим деятелем. Единственно правильной линией деятельности судьи является линия, которую указывает Коммунистическая партия и совершенно неправильно говорила заместитель председателя Верховного Суда о «золотой середине», так как с такой «золотой серединой» ни к чему иному не приедешь, как к оппорту-

нистическому болоту. Действительно, можно с такой линией зайти в это болото. Если Верховный Суд такой линией пользуется, то естественно он заведет нас в тупик»⁷³⁵.

Под «золотой серединой» здесь подразумевались политические установки по разумному сочетанию карательного и либерального отношения к наказанию. В законодательном плане это соотношение оформилось Указами Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 года «О применении смертной казни в отношении лиц, совершивших убийство при отягочающих обстоятельствах», где устанавливалась ответственность, и от 10 января 1955 года «Об ответственности за мелкие хищения», в котором было проведено изъятие норм указа от 4 июня 1947 года и серьезно понижена мера наказания за правонарушения подобного рода. Такой подход давал сочетание беспощадности к злым преступникам и чуткости к тем людям, кого необязательно приговаривать к длительным срокам заключения. Этот принцип признавался основополагающим в административно-правоохранительной политике нового руководства КПСС. Закрепляя его, «Правда» в своей редакционной статье «За дальнейшее укрепление социалистической законности» подчеркивала, что «органы суда, следствия и прокурорского надзора должны строить свою работу так, чтобы ни один из действительных преступников не мог уйти от заслуженного наказания и чтобы в то же время полностью искоренить случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности и необоснованного ареста граждан»⁷³⁶.

Однако утверждение этого принципа в жизнь наталкивалось не только на сопротивление аппарата правоохранительных органов, но и на неприятие новых веяний частью общества. Об этом убедительно свидетельствуют письма рядовых граждан по этим вопросам, поступившие в Верховный Совет СССР, Верховный Суд СССР. Эти материалы представляют большой интерес для понимания общественной ситуации тех лет, ее особенностей и своеобразия. Знакомство с ними показывает, что политический курс, направленный на смягчение уголовного наказания, приветствовался и поддерживался далеко не всеми. Так, гражданин Проскурин в своем письме (17 декабря 1958 г.) на имя Ворошилова поделился своими размышлениями по этому поводу: «На сегодняшний день в нашем обществе имеется, хотя маленькая, частица людей — воры, взяточники, убийцы, хулиганы, спекулянты и разного рода мошенники и проходимцы, короче говоря, паразиты, мразь не желающая работать, а жить за счет других. Такого рода люди являются врагами нашего социалистического общества... С таким грузом в коммунистическое общество идти нельзя. Мне хочется просить Вас, Климент Ефремович, внести предложение — всех злых преступников

судить значительно строже, чаще судить показательным процессом на фабриках, заводах, учреждениях, совхозах и т. д. А также за совершенное злодеяние привлекать к ответственности родителей и родственников. Это мероприятие следует установить законодательно... Вот тогда паразиты — враги внутренние — должны знать, что за их злодеяния будут нести ответственность их родители и родственники»⁷³⁷. Сразу обращает на себя внимание не само предложение по усилению карательной практики, а тональность изложения проблемы — здесь фактически в полном объеме воспроизводится небезызвестный стиль 30—40-х годов со всей сопутствующей атрибутикой: «враги», «мразь», «паразиты». Не забыта и сталинская идея привлечения к уголовной ответственности членов семей «врагов народа». Она нашла здесь свое место в новом контексте — в предлагаемых мерах по борьбе с уголовной преступностью. Примечательно и другое: в одном ряду рассматриваются убийцы и спекулянты, хулиганы и взяточники. На наш взгляд, это прямое следствие не юридически-правового подхода к оценке различных категорий преступлений, а сугубо политического, основанного на известных классовых принципах.

Указанные моменты присутствуют во многих подобных письмах, причем в еще более резкой форме. Как, например, в письме рабочего Петрова, где по этим вопросам он выражался еще категоричнее: «Хулиганы и убийцы — враги народа. Это благородный девиз, здоровый лозунг, отражающий нашу эпоху. Вырезать «раковую опухоль» следует немедленно»⁷³⁸. В ряде писем излагались разнообразные конкретные меры по усилению карательной практики, что возвращало бы ее практически на уровень сталинских времен. В частности, предлагалось самый маленький срок по отдельным видам уголовных преступлений (хулиганство, кража) установить не менее 10 лет, за убийство при любых обстоятельствах — расстрел, за неэтичное поведение в нетрезвом виде — 3 года каторжных работ⁷³⁹. Но дальше всего в этом плане пошли трудящиеся Егорьевского станкостроительного завода «Комсомолец» (Московская область). В своем письме (72 подписи) в Верховный Совет СССР они писали: «Мы считаем, что убийство советского человека следует рассматривать как измену нашей Родине, так как убийца поднимает руку на человека, участвующего своим трудом в построении коммунизма», после чего требовали ввести публичный расстрел лиц, совершивших любое убийство, мотивируя эту меру тем, что «введение публичного расстрела... резко сократит число убийств, заставит уйти с пути преступности тех преступников, которые еще имеют полную возможность стать на путь исправления»⁷⁴⁰. Трудно реально представить подобное во второй половине XX столетия в обществе, считающим себя цивилизованным. В качестве контраргумента

мента всем этим мыслям и предложениям хотелось бы привести слова министра юстиции СССР Горшенина: «...судебная репрессия — это очень острое оружие в руках советского государства, которое вручено судебным работникам и работникам юстиции, но для того, чтобы они разумно размахивали этим оружием, поражая действительных преступников, а не людей случайно попавших под удар. Последнего мы допустить не можем и не должны»⁷⁴¹.

Размышляя над приведенными материалами, хотелось бы высказать одно соображение. Вне всякого сомнения, сталинский режим, осуществляя беззаконие и массовые репрессии, имел опору в советском обществе, и опору, прежде всего, идеологическую. Люди верили в существование «врагов», верили «вождю всех времен и народов». За этим стояла сформированная система общественного восприятия предлагаемых и навязываемых политических установок. Она не могла разрушиться в одночасье, поэтому и после смерти Сталина эта система продолжала свое уже самостоятельное существование в умах и сердцах многих людей. Избавление от нее — дело долгого времени и не менее долгого прозрения. Путь к нему был только начат в годы «хрущевского десятилетия». Теми же причинами объясняется и сопротивление либерализации уголовной политики со стороны аппарата правоохранительных органов. Ведь на 1 января 1956 года три четверти председателей областных и краевых судов, начальников региональных управлений Министерства юстиции, проработало в системе свыше 10 лет⁷⁴², а следовательно, их формирование как юристов проходило в период осуществления массовых репрессий и беззакония, что говорит о многом.

Флагманом этих сил в борьбе против либерализации административно-правоохранительной политики, естественно, являлись партийные органы. Ими ставился под сомнение весь курс в целом, а также подвергался критике ряд руководителей суда, прокуратуры, активно проводивших его в повседневной практике. Дело доходило до серьезных конфликтов. К примеру, секретарь Новосибирского обкома партии Кобелев направил в отдел административных органов ЦК КПСС по РСФСР специальное послание (16 апреля 1958 г.). В нем он сообщал, как бюро Новосибирского обкома, обсудив вопрос «О работе судебных органов области», установило, что некоторые судьи допускали либеральное отношение к преступникам, все большее число которых благодаря мягким приговорам оставалось на свободе или получали незначительные меры наказания. Такая практика признавалась вредной, не способствующей укреплению социалистической законности. Бюро обкома партии вскрыло, что причиной этого стало неправильное отношение к рассмотрению этих дел в Верховном Суде РСФСР, который систематически снижал меры

наказания, вносил в областной суд протесты, в которых совершенно необоснованно требовал смягчения приговоров. Как выяснилось, во всех этих действиях был виноват заместитель председателя Верховного Суда Токарев, поэтому секретарь обкома просил ЦК КПСС обратить внимание руководства Верховного Суда на недопустимость ориентировать нижестоящие суды на снижение карательной практики и необоснованный либерализм⁷⁴³. В ответ на эти выпады Верховный Суд РСФСР направил в отдел административных органов ЦК справку за подписью Токарева, где говорилось, что «утверждение в письме секретаря Новосибирского обкома КПСС Кобелева... является необоснованным, что Верховный Суд правильно ориентировал Новосибирский областной суд в отношении применения наказаний за те или иные преступления, что расхождение мнений по отдельным конкретным делам возможно. Однако его надлежит разрешать в порядке деловых обсуждений, а не в форме общих отвлеченных утверждений, явно несостоятельных, не подтвержденных конкретным анализом материалов того или иного дела»⁷⁴⁴.

Различные подходы в реализации административно-правоохранительной политики отражали не только различные позиции политических сил, но и во многом были обусловлены неоднозначностью существовавшей до конца 50-х годов законодательной базы. Данное обстоятельство позволяло по разному трактовать те или иные уголовные преступления, оценивая их на основе действующих законов. Такая ситуация не могла продолжаться долгое время. Жизнь требовала приведения законодательства, используемого в работе правоохранительной системы, в соответствие с новыми изменившимися реалиями. Руководство страны осознавало потребность в решении этой серьезной проблемы. Уже в Указе Верховного Совета СССР (27 марта 1953 г.) «Об амнистии» (ст. 8) предусматривалась необходимость пересмотра уголовного законодательства СССР и союзных республик. В конце 1953 года была начата разработка уголовного и уголовно-процессуального кодексов⁷⁴⁵. Однако на быстрое решение этих вопросов рассчитывать не приходилось. Вплоть до XX съезда КПСС работники правоохранительной системы постоянно жаловались на трудности в работе, связанные с отсутствием необходимой законодательной базы. Проблемы усугублялись и из-за ее постоянного изменения и дополнения, что приводило к разбросанности законодательного материала и сложности его использования. На одном из совещаний под эгидой Министерства юстиции РСФСР председатель Рязанского областного суда Жеренов прямо говорил: «...не пора ли прекратить разговоры и писанину о том, что такое кодекс и какую пользу он принесет, и не пора ли этот кодекс дать нам в руки. Должен сказать, что судебные работники больше всего нуждаются в этом кодексе... так как за

последние годы столько накопилось различного рода постановлений пленума Верховного Суда СССР, что самый квалифицированный юрист запутается в этих постановлениях»⁷⁴⁶. Приведенную мысль уточняли и другие высказывания судебных работников. Так, член Мосгорсуда Андриюшкин подчеркивал: «Законодательство слишком отстало от жизни. Приходится работать по кодексам, которые были изданы в 1922—1923 годах, в разработке которых принимал участие еще Ленин, наше законодательство не отвечает требованиям жизни. Оно очень разобщено. Его нужно кодифицировать, систематизировать, им трудно пользоваться»⁷⁴⁷. Все это было созвучно настроениям, преобладающим в обществе. Люди писали в ЦК КПСС, в газету «Правда»: «Страна живет по кодексам 1920—1926 годов. Сколько это будет продолжаться? Что делают наши юристы?»⁷⁴⁸

Острота и серьезность проблемы становятся еще более понятными, если вспомнить, какие конкретные законодательные акты существовали в стране в середине 50-х годов. Среди них — Закон от 7 августа 1932 года, по которому в качестве основного наказания за хищение социалистической собственности устанавливался расстрел и лишь при смягчающих обстоятельствах допускалось применение лишения свободы на срок до 10 лет; действовала установленная в 1940 году групповая ответственность директоров, главных инженеров, начальников отделов технического контроля за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции с наказанием от 5 до 8 лет; существовал изданный в 1934 году закон, предусматривающий ссылку для членов семей изменников родины, даже в том случае, если они ни в какой мере не причастны к преступлению изменника; с 1935 года действовала ответственность за некоторые уголовные преступления, начиная с 12-летнего возраста; не пересмотрен был закон от 9 июня 1947 года, устанавливавший наказание до 20 лет за разглашение государственной тайны; с 1948 года практиковались сроки в 20 лет каторжных работ за побег из спецпоселений⁷⁴⁹. Очевидно, насколько все это не уязвлялось с новой общественно-политической ситуацией середины 50-х годов.

Однако только XX съезд КПСС придал конкретный импульс разработке нового законодательства. На высшем партийном форуме прозвучала резкая критика юридической науки за неповоротливость и медлительность в систематизировании законодательных и процессуальных норм⁷⁵⁰. По итогам съездовских решений ЦК КПСС и Совет Министров СССР 30 мая 1956 года приняли постановление об образовании юридической комиссии при правительстве. Основной функцией ее работы явилась кодификация законодательства страны, а также анализ вопросов нормативного характера. После принятия этих решений работа в данном направлении стала активной. В конце 1956 года пред-

седатель Верховного Суда СССР Волин подготовил письмо в ЦК КПСС. В нем давалась характеристика законодательства 1930—1952 годов, которое «развивалось однобоко и носило по преимуществу устрашающий характер, исходя из неправильной предпосылки, что по мере построения социализма и перехода к коммунизму необходимо усиление мер судебной репрессии»⁷⁵¹. Письмо содержало ряд конкретных идей по разработке нового законодательства. Автору представлялось нецелесообразным издание общесоюзных кодексов. Высказывалась идея о допуске защиты (адвоката) со стадии предварительного следствия, так как это способствовало бы более полному обеспечению законности, указывалось на ликвидацию закрытых форм процесса, кроме особых случаев, связанных с государственной тайной. Необходимость пересмотра «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» и «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» объявлялась безотлагательной задачей⁷⁵².

Президиум ЦК КПСС своим решением от 15 марта 1957 года обязал юридическую комиссию завершить научные изыскания и представить новые законопроекты. 15 апреля 1957 года такие проекты были переданы в Центральный Комитет⁷⁵³. В сопроводительном письме юридическая комиссия при ЦК КПСС изложила их основные принципы: «Представляемый проект «Основ» исходит из необходимости дальнейшего укрепления социалистической законности, усиления охраны личности и прав граждан, снижения чрезмерно суровых мер наказания и в то же время обеспечения решительной борьбы с наиболее опасными преступлениями, усиления воспитательной роли наказания и создание возможности для лиц, отбывших наказание, вернуться в нормальную колею трудовой и общественно-политической жизни»⁷⁵⁴. Проект преследовал цель обеспечить единство советского уголовного законодательства по основным вопросам и в то же время предоставить союзным республикам возможность широкого осуществления своих суверенных прав. Речь шла об ограничении компетенции СССР в области установления ответственности за отдельные виды преступлений, отнесение к ведению союзных республик порядка применения уголовного судопроизводства, конфискации имущества, исправительных работ, принудительных мер к несовершеннолетним и душевнобольным. Проект вводил понятие вины и недопустимости привлечения к ответственности по аналогии за деяние, прямо не предусмотренное законом, ликвидировался институт так называемых мер социальной защиты, использовавших понятие «враг трудящихся»⁷⁵⁵. Все эти положения имели важное значение и были огромным шагом вперед по сравнению с «Основными началами уголовного законодательства СССР», которые действовали с 31 октября 1924 года.

Новый законопроект форсированно обсуждался в республиках в 1957 году: 10 октября — в Грузии, 15 октября — в Белоруссии, 18 октября — на Украине, 19 октября — в Латвии и т. д. Ход обсуждения выявил немало новых и неожиданных моментов. Так, была сформулирована идея отмены смертной казни. Еще в 1956 году в Брюсселе на VI конгрессе Международной ассоциации юристов-демократов предлагалось ввести неприменение смертной казни в мирное время, что нашло поддержку делегации советских юристов⁷⁵⁶. В преддверии принятия проекта «Основ» вокруг этого вопроса развернулась дискуссия. Например, в Верховном Суде Латвии на заседании по обсуждению проекта один из высокопоставленных сотрудников МВД Бурбо заявил: «В настоящее время, когда обострилась борьба лагеря капитализма против социализма, когда капиталистические страны засылают к нам шпионов и диверсантов, когда обострилась международная обстановка и капиталистический лагерь готовит войну, на мой взгляд, отмена смертной казни будет не гуманностью, а преступлением перед гуманностью, преступлением перед нашим советским народом». Ему оппонировала адвокат Андгиакс: «Говорят, что смертную казнь нужно оставить, что к этому обязывает обострившееся международное положение. Я с этим не согласна. Мы обсуждаем «Основы уголовного законодательства», которые издаются на продолжительное время 20—30 лет, и поэтому сюда не надо включать требования отдельных моментов, но только те достижения, которые человечеству дало развитие юридической мысли»⁷⁵⁷. Споры возникали и по поводу отдельных процессуальных норм. Силловые министры Серов, Дудоров, Руденко считали возможным не ограничивать Генерального прокурора СССР никакими сроками содержания под стражей при производстве расследования, что не было принято. Они активно возражали и против участия защиты в процессе с момента предъявления обвинения, мотивируя это ухудшением качества следствия, осложнением производства⁷⁵⁸.

В декабре 1958 года Верховным Советом СССР принимают новые «Основы уголовного законодательства Союза ССР». Наказание теперь могло применяться только по приговору суда, учитывающего все обстоятельства дела. Был повышен возрастной предел для наступления уголовной ответственности (с 14 до 16 лет), прежний продолжал действовать в случаях наиболее тяжких преступлений. Исключались некоторые виды наказаний: объявление «врагом народа», поражение политических прав по суду, удаление из СССР. Сокращен максимальный срок лишения свободы (с 25 до 15 лет). Закон допускал полное освобождение лица от уголовной ответственности в случаях, когда совершенное им деяние или само данное лицо потеряло «общественно опасный характер». Устанавливался порядок условно-досрочно-

го освобождения осужденных (после отбытия ими половины или двух третей срока в зависимости от тяжести преступления), проявивших хорошее поведение. Закреплялись принципы осуществления правосудия только судом на началах равенства граждан перед законом, коллегиальность рассмотрения дел в суде, независимость судей и их подчинение только закону, гласность судебного разбирательства, обеспечение обвиняемому права на защиту⁷⁵⁹ и др.

Таким образом, к концу 50-х годов был завершен важнейший этап административной реформы, связанный с переходом правоохранительной системы от эпохи сталинского «средневековья» к относительно цивилизованному состоянию. Принятие нового законодательства явилось той юридическо-правовой базой, которая в основном просуществовала вплоть до конца 80-х годов, долгие годы определяя лицо советского общества. Этот этап общественно-политического развития страны можно квалифицировать как неоспоримую заслугу нового руководства КПСС и Советского государства.

Новое законодательство вступило в силу, когда общая политическая обстановка в стране начала приобретать новые векторы своего развития. Как известно, с конца 50-х годов на первый план в общественной жизни выдвигается задача построения коммунистического общества. Достижение этой цели активизировало разработку и пропаганду целого ряда новых теоретических идей и положений. Их суть сводилась к как можно более широкому участию народных масс в управлении государством. В этом виделось возвращение к ленинскому пониманию сущности народного государства, а также освобождение от сталинского наследия в этой области, извратившего теорию марксизма-ленинизма. С конца 50-х годов руководство КПСС стало широко оперировать идеей о постепенной передаче функций государственных органов общественным организациям, общественности по мере приближения к коммунизму. На это стал делаться акцент повседневной практики во всех сферах общественной жизни. Утверждение данного положения самым существенным образом затронуло и правоохранительную систему. Стержнем политики в этой области стало привлечение широких слоев общественности для борьбы с преступностью. Такой подход, по мнению лидеров партии, имел огромный потенциал. С трибуны XXI съезда партии Хрущев заявлял: «Разве советская общественность не может справиться с нарушителями социалистического правопорядка? Конечно, может. Наши общественные организации имеют не меньше возможностей, средств и сил для этого, нежели органы милиции, суда и прокуратуры»⁷⁶⁰. Первый секретарь ЦК КПСС связывал большие надежды с привлечением общественности к охране правопорядка. Интересен такой факт.

На XIII съезде комсомола в апреле 1958 года Хрущев возмущался тем, что организацию вечеров молодежи начинали с приглашения милиции для поддержания порядка. Он удивлялся: «На что же мы рассчитываем? Неужели в коммунизм возьмем и хулигана, и милиционера, чтобы его унимал?»⁷⁶¹.

С конца 50-х годов одним из главных направлений партийной работы объявлялась поддержка всевозможных форм привлечения трудящихся к борьбе с преступностью. Большие надежды в этом возлагались на товарищеские суды, народные дружины и т. п., развитие которых становилось приоритетной задачей КПСС в области административно-правоохранительной политики. Создание народных дружин повсеместно проходило под самой тесной партийной опекой и имело ярко выраженный принципиальный характер. Так, большое недовольство заведующего отделом административных органов ЦК КПСС по РСФСР вызвало принятие Президиумом Верховного Совета РСФСР (28 декабря 1960 г.) постановления «О состоянии работы по привлечению общественности к охране общественного порядка и мерах усиления борьбы с преступностью в Воронежской, Калужской и Орловской областях». В письме в Президиум ЦК КПСС Тищенко подчеркивал, что руководство народными дружинами поручено партийным органам и выражал недовольство по поводу указаний Президиума Верховного Совета РСФСР усилить контроль за их деятельностью облисполкомам. Данное обстоятельство расценивалось как выход за пределы компетенции, признавалось необходимым исправить эту недопустимую ситуацию⁷⁶².

Наряду с развитием народных дружин разрабатывались законодательные предложения по укреплению товарищеских судов, где заметно расширилась их компетенция. Об этом, например, дает представление знакомство с положением «О сельских общественных и товарищеских жилищно-бытовых судах». Основная его цель провозглашалась как привлечение общественности к воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду, сознательному соблюдению трудовой дисциплины, бережному отношению к социалистической собственности, соблюдению правил социалистического общежития, развитию у советских людей чувства коллективизма. Сельские товарищеские суды организовывались при сельских Советах депутатов в составе 9—25 человек, избираемых открытым голосованием на общих собраниях граждан (сельских сходах), проживающих на его территории не менее двух лет. На рассмотрение судов передавались дела о мелких кражах (до 100 руб.), причинении легких телесных повреждений, клевете и оскорблении, мелкой спекуляции, самогоноварении, пьянстве, о невыполнении обязанностей по воспитанию и обучению детей, об имущественных

спорах между гражданами на сумму не более 300 руб. Разбирательство дел происходило не в рабочее время. В случае необходимости председатель суда или его заместитель проводили предварительную проверку фактов. Определялись меры воздействия, применяемые товарищеским судом: предупреждение, общественное порицание, общественный выговор, денежный штраф до 100 руб., возмещение ущерба, если его размер не превышал 300 руб.⁷⁶³.

Однако многим трудящимся, привлекаемым к борьбе с преступностью, гораздо шире виделись полномочия товарищеских судов. Общественностью высказывались предложения рассматривать в товарищеских судах дела обмена жилья для тех, кто располагал излишками жилищной площади и не желал отдавать ее остро нуждающимся или переезжать в меньшую квартиру. Еще более показательно намерение наделить товарищеские суды правом заниматься лицами, живущими явно не по средствам. Предлагалось при установлении факта, что человек тратит несравненно больше, чем получает, по представлению товарищеского суда конфисковывать имущество такого гражданина без наличия юридических доказательств хищения. Причем все эти процедуры предлагалось совершать по заявлению трудящихся в товарищеский суд. Считалось также целесообразным введение ответственности для лиц, не помогающих органам власти разоблачать воров, хулиганов, пьяниц и других лиц, совершивших антиобщественные поступки⁷⁶⁴. Интересно, что все это происходило на фоне громогласных утверждений о высокой моральности советской юридической системы по отношению к буржуазному праву, «за ширмой которого скрывается гнусная осведомительно-провокааторская сущность»⁷⁶⁵.

В кампании по привлечению широких слоев общественности к борьбе с преступностью использовались самые различные формы. Широко практиковались выездные судебные заседания; считалось, что они имеют огромное воспитательное значение. Судами РСФСР в 1961 году на таких заседаниях было рассмотрено каждое пятое уголовное дело, в 1963 году — уже каждое четвертое. Получило развитие привлечение к расследованию дел общественных помощников следователя. Они выделялись по согласованию с партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями из числа активистов и передовиков производства и участвовали в проведении определенных следственных действий. Количество расследованных дел с участием общественных помощников постоянно увеличивалось: в 1962 году таких дел насчитывалось 8,1% от общего числа, в 1963 — 8,6%, в 1964 — 10,3%⁷⁶⁶. Большое значение придавалось предупреждению преступлений, профилактике правонарушений. На это ориентировалась вся правоохранительная система. Выступая на

XXII съезде КПСС, председатель КГБ СССР А. Шелепин говорил: «Принципиально новым в работе органов государственной безопасности является то, что наряду с усилением борьбы с агентурой вражеских разведок они стали широко применять предупредительные и воспитательные меры в отношении тех советских граждан, которые совершают политически неправильные поступки, порой граничащие с преступлением, но без всякого враждебного умысла, а в силу своей политической незрелости или легкомыслия»⁷⁶⁷. Новые приоритеты в деятельности КГБ были сформулированы на состоявшейся в мае 1959 года конференции. Она явилась крупнейшим мероприятием со времени создания органов госбезопасности, в котором приняли участие две тысячи руководящих сотрудников КГБ, представители ЦК КПСС, МВД, Министерства обороны⁷⁶⁸. В эти годы с большой активностью стал пропагандироваться новый, «цивилизованный», образ Комитета государственной безопасности.

Характерной чертой привлечения общественности к решению задач по перевоспитанию лиц, совершивших преступления, стала практика их передачи на поруки трудовым коллективам. Председатель Верховного Суда РСФСР Рубичев подчеркивал, что на 1959 год ожидалось увеличение числа заключенных на 160 тыс. человек, но «мы должны так организовать дело, чтобы, опираясь на общественность, не дать возможности выполнить этот план»⁷⁶⁹. Передача на поруки трудовым коллективам вместо наказания, связанного с лишением свободы, приобрела масштабный характер. Общее число дел, по которым правонарушители были переданы на поруки или материалы о них препровождены в товарищеские суды, составило в 1959 году 15,6% к числу всех судебных дел. Если принять во внимание, что в основном передача на поруки и рассмотрение общественности производилось в течение второго полугодия 1959 года (после выхода постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 2 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка»), то этот процент достигал 33,7%⁷⁷⁰. Такой масштаб передач правонарушителей на перевоспитание трудовым коллективам имел свои негативные последствия. Очевидно, что огромный количественный вал наносил серьезный ущерб качественной стороне дела. От ответственности уходили многие лица, совершившие тяжкие преступления. Так, во второй половине 1959 года были переданы на поруки трудящимся 577 человек, совершивших разбойные нападения, 116 — умышленные убийства, 222 — изнасилования. В погоне за показателями работы с общественностью некоторые судьи просто навязывали коллективам на перевоспитание лиц, которых там не только не желали видеть, а напротив требовали осуждения⁷⁷¹.

В результате ЦК КПСС был вынужден скорректировать ситуацию. В его закрытом письме партийным организациям страны (5 ноября 1959 г.) «О повышении роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка» говорилось, что «при рассмотрении дел некоторыми судебными работниками имеют место многочисленные факты недопустимого, а порой просто непонятного либерализма, снисходительного отношения к опасным преступлениям»⁷⁷². Предостережение ЦК КПСС сыграло свою роль. Безудержный рост показателей привлечения общественности к борьбе с преступностью был приостановлен, несколько усилилась и репрессивная практика. Если в 1960 году за умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах к смертной казни приговорено 12,3% всех осужденных, то в 1961 году эта мера наказания применена к 34,3%, если за хищения социалистической собственности в 1960 году к лишению свободы приговорено 61,8%, то в 1961 году — 71,2%, за злостное хулиганство соответственно 64,2% и 83,4%⁷⁷³.

Тем не менее политика привлечения трудящихся к борьбе с преступностью в начале 60-х годов находила свое дальнейшее развитие и углубление⁷⁷⁴. Ее практика характеризовалась появлением новых существенных моментов. Так, явно прослеживалось стремление придать более высокий статус народным дружинам, разветвленная сеть которых имела повсеместно: в СССР уже в 1960 году действовало более 80 тыс. народных дружин, объединяющих 2,5 млн человек⁷⁷⁵. Их функции по охране общественного порядка постоянно расширялись, причем за счет сокращения сферы действия органов внутренних дел. Например, в Новосибирске после создания народных дружин большинство постов милиции было ликвидировано, а постовые милиционеры переведены на патрульную службу, причем патрулирование перенесено на более позднее время суток. Охрану порядка в остальное время осуществляли дружинники. В городском парке культуры и отдыха наряд МВД сокращен в четыре раза, обязанности перешли к народным дружинам. В Москве дружинники не только занимались охраной общественного порядка, но и вели борьбу со спекуляцией, участвовали в патрулировании улиц, следили за соблюдением паспортного режима⁷⁷⁶. А вот сообщение из Мичуринска: «Еще не так давно жители Мичуринска справедливо жаловались по адресу работников милиции о слабой борьбой с нарушителями общественного порядка. Не так обстоит дело теперь. Люди с красными повязками стали зоркими стражами спокойствия. Главное их преимущество в том, что они не только своевременно умеют призвать к порядку любого нарушителя, но, не останавливаясь на этом, успешно работают над его перевоспитанием и исправлением»⁷⁷⁷. Данный подход отра-

жал принципиальную позицию повышения роли народных дружин в охране порядка по отношению к милиции, не пользующейся большим авторитетом в обществе. Об этом прямо писалось на страницах юридических изданий: «Сейчас речь идет не об оказании содействия милиции в ее работе, а о самостоятельном выполнении трудящимися, и в частности добровольными народными дружинами, функций охраны социалистического правопорядка параллельно с милицией». Органам МВД предлагалось не нарушать самостоятельность народных дружин, а взаимодействовать с ними на равноправных условиях⁷⁷⁸. Данную мысль подтверждает и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 года «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь и достоинство работников милиции и народных дружинников», где они были фактически уравнены в правах по охране общественного порядка⁷⁷⁹. Примечательно, что после XXII съезда КПСС совещания руководящих работников милиции, суда, прокуратуры стали проходить с обязательным участием председателей товарищеских судов, начальников районных и городских штабов народных дружин⁷⁸⁰.

Другим важным моментом стала дискуссия, развернувшаяся в эти годы, относительно признания статуса общественного защитника полноправной стороной судебного процесса. Некоторые судебные органы начали практиковать прием кассационных жалоб от общественных защитников. Это ставилось под сомнение, потому как защитник обязан оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь. В связи с чем обоснованно ставился вопрос: способен ли ее оказать представитель общественности, передовик какого-либо производства? Однако преобладал другой подход: «Следует признать за благо, что общественный защитник действует параллельно с адвокатом, а общественный обвинитель — параллельно с прокурором и ни один из участников процесса не подчиняется другому, не подгоняет свое мнение под чужое. В этом-то заключается суть идеи привлечения представителей общественности в уголовное судопроизводство»⁷⁸¹. Были и еще «неординарные» идеи. Так, член КПСС Новиков в своем письме (27 июля 1963 г.) Генеральному прокурору Руденко и заведующему отделом административных органов ЦК КПСС Миронову признавал целесообразным наделить общественные комиссии при предприятиях и учреждениях правом проведения полноценных следственных действий, предлагая им названия «общие органы дознания» в отличие от специальных органов дознания милиции. Предложение мотивировалось тем, что ни один следователь не в состоянии вскрыть и установить с большой глубиной и полнотой обстоятельства преступления, как это мог бы сделать представитель коллектива предприятия, членом которого совершено преступление. Юридическая

экспертиза, проведенная ВЮИИ криминалистики, отвергла эту идею. В его заключении отмечалось: «Предложение Новикова об организации «общественных» органов расследования не учитывает того, что расследование преступлений требует серьезных специальных и правовых знаний и не соответствует, как представляется, требованиям момента. Необходимо развивать различные формы участия общественности в борьбе с преступностью... укреплять связи с общественностью органов дознания, следствия, суда, а не создавать какие-то параллельные органы»⁷⁸².

Приведенные материалы показывают, что привлечению трудящихся к борьбе с преступностью придавалось самое серьезное значение. Решение этих вопросов рассматривалось как способ влияния на общий уровень преступности с целью его существенного снижения и локализации. Это наиболее полно отвечало той атмосфере, которая господствовала в те годы и культивировалась руководством КПСС, провозгласившим идею построения общенародного государства. Активное участие трудящихся в борьбе с преступностью расценивалось как некая панацея против ее роста. В этом проявилась широко распространенная тогда идеализация вовлечения народных масс в управление государственными делами, переоценка эффективности практических механизмов такого участия. Построение коммунистического общества не оставляло места проявлениям различного рода правонарушений. Поэтому 60-е годы характеризуются активным поиском путей искоренения преступности, причин ее существования. Именно в этот период организуются широкомасштабные кампании против хищений социалистической и общественной собственности, алкоголизма и самогоноварения, туеядства и паразитического образа жизни.

Особая актуальность придавалась борьбе с хищениями и присвоением социалистической собственности, т. е. экономическим преступлениям. Необходимо заметить, что в 60-е годы постепенно увеличивалась эта категория правонарушений. В 1960 году доля хищений и краж имущества от всего количества преступлений составила соответственно 26,3% и 18,2%⁷⁸³. Внутренняя структура хищений имела следующее распределение по секторам народного хозяйства: в 1964 году из общей суммы материального ущерба, причиненного хищениями, в 42,2 млн руб. на долю государственных промышленных предприятий приходилось 8,9 млн руб., системы госторговли — 10,6 млн руб., учреждений потребительской кооперации — 9,9 млн руб., колхозов — 2,4 млн руб., совхозов — 2,0 млн руб., строительных организаций — 1,5 млн руб.⁷⁸⁴. Обычным делом стали громкие процессы по крупному расхищению социалистической и общественной собственности, где были замешаны руководящие работники самого различного уровня.

Все эти факты свидетельствовали о серьезных процессах, происходящих в советском обществе, своими корнями уходящими в основу существовавшего экономического фундамента, системе производственных взаимоотношений. Однако анализа, идущего в этом русле, не делалось, такая задача не ставилась руководством страны, объявившего базисными причинами роста экономических преступлений пережитки прошлого в общественном сознании в целом и в индивидуальном сознании отдельных граждан в частности, а также влиянием иностранной буржуазной идеологии. Как подчеркивалось на XXII съезде КПСС, пережитки прошлого — «страшная сила, которая, как кошмар, довлеет над умами живущих... Они коренятся в быту и сознании миллионов людей еще долго после того, как исчезают породившие их экономические условия»⁷⁸⁵.

Попытки противостоять шквалу массовых экономических преступлений сводились к чисто организационным мерам, как правило, запретительного характера. Именно так видел выход из ситуации сам Хрущев. Об этом наглядно свидетельствуют его мысли о наведении порядка в организациях заготовительной кооперации. Призывая усилить борьбу с хищениями и спекуляцией в этой системе, он требовал создания специального органа сбытовой кооперации по скупке излишков сельскохозяйственной продукции у колхозников, с целью не дать возможности реализовывать ее самостоятельно, так как это может привести к спекуляции, когда «один продает свое, а другой скупает и везет продавать. Это спекуляция, с которой мы боремся, которую мы осуждаем. Это явление порождается, в частности, и тем, что вопрос организации закупок у колхозников не продуман». Совершенствование ее организации Хрущев предлагал осмыслить с помощью таких мер: «Надо выбросить из заготовительного аппарата тех, которые примазываются, жуликов, а жулики у нас есть. Надо создать контроль, чтобы была отчетность, чтобы не было соблазна для людей малоустойчивых в моральном отношении»⁷⁸⁶.

На подобной основе формулировались конкретные меры по борьбе с хищениями социалистической и общественной собственности, спекуляцией. Например, признавалось эффективным ликвидировать все индивидуально-частные ремонтные мастерские, организовать государственную скупку всех вещей с постепенным закрытием рынков в крупных городах, промышленных центрах в течение 1961—1963 годов, запретить выдачу патентов на кустарное производство, установить единые цены на продовольственные и промышленные товары и т. д.⁷⁸⁷. Все эти идеи получили конкретное законодательно-правовое оформление. Был подготовлен перечень указов Верховного Совета СССР и постановлений Совета Министров СССР, предусматривающих меры

по устранению причин преступлений в экономической сфере. Речь шла: 1) «Об организации продажи леса из колхозных лесов»; 2) «О нормах содержания скота рабочими государственных сельскохозяйственных предприятий, а также гражданами, проживающими на территории этих предприятий»; 3) «О нормах приусадебных и огородных земельных участков работников государственных сельскохозяйственных предприятий и других граждан, проживающих на территории этих предприятий»; 4) «О запрещении содержания личного скота (лошадей, волов) в личной собственности граждан»; 5) «О мерах улучшения комиссионно-скупочной торговли в РСФСР»; 6) «О мерах улучшения комиссионной и колхозной торговли сельскохозяйственными продуктами»; 7). «Об упорядочивании перевозок продуктов сельского хозяйства, строительных и кровельных материалов частными лицами»; 8) «О мерах усиления борьбы с хищениями социалистической собственности и злоупотреблениях в торговле»; 9) «О единовременном учете трудоспособного населения, уклоняющегося от общественно-полезного труда и живущего за счет нетрудовых доходов»⁷⁸⁸. Нетрудно заметить, что перед нами целостная программа по жесточайшей регламентации проявления любой негосударственной активности в экономической области. Ни одна из этих мер не затрагивала по существу истинных причин хищений социалистической собственности, так как для этого было необходимо произвести изменения прежде всего в самой природе этой собственности, что тогда ни теоретически, ни практически не представлялось возможным.

В 60-е годы в системе мер по устранению причин существования преступности важное место отводилось кампании по борьбе с тунеядством и ведением паразитического образа жизни. 4 мая 1961 года Президиумом Верховного Совета РСФСР был принят Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». В нем отмечалось, что, сосредоточив главное внимание на борьбе с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда, органы прокуратуры и милиции не местах плохо выявляют людей, работающих для видимости, а фактически живущих на нетрудовые доходы и обогащающихся за счет государства и трудящихся, то есть наиболее злостных и закоренелых тунеядцев. Советские трудоспособные граждане, уклоняющиеся от общественно-полезного труда и ведущие паразитический образ жизни, должны подвергаться по месту их жительства мерам общественного воздействия через народные дружины, товарищеские суды, собрания граждан, административные комиссии при исполкомах Советов депутатов трудящихся: Товарищеский суд или собрание граждан в отношении таких лиц могли ограничиваться предупреждением с установлением

срока, в течение которого они должны заняться общественно-полезным трудом. Если такие лица продолжали вести паразитический образ жизни, общее собрание граждан могло вынести общественный приговор о высылке их на срок от двух до пяти лет с обязательным привлечением к трудовой деятельности по месту ссылки. Общественный приговор о высылке подлежал утверждению в исполкомах районного или городского Совета депутатов трудящихся⁷⁸⁹. Указ начал повсеместно претворяться в жизнь: только за 1961 год по стране было выселено около 200 тыс. человек⁷⁹⁰.

Практику применения данного указа рассматривал пленум Верховного Суда СССР 12 сентября 1961 года. Им было изучено более 800 материалов дел на лиц, привлеченных по указу. Среди них назывались житель Перми гражданин Печерский, который, не работая в течение 10 месяцев, жил за счет сдачи в аренду двух комнат в своем доме и, кроме того, частным путем занимавшийся ремонтом мебели; житель Ростова гражданин Бедрасов, не работавший четыре месяца и занимавшийся извлечением доходов от эксплуатации своей личной автомашины. Замечания Верховного Суда вызвало то, что народные суды, рассматривая имущественные дела о разделе земельных участков, домов, квартир и сталкиваясь с фактами получения нетрудовых доходов, не реагировали на них, не проявляли должной инициативы в вопросах привлечения таких лиц по указу от 4 мая 1961 года. По изученным 800 делам оказались выселенными 738 человек, на срок два года — 196 (26,6%), три года — 262 (35,5%), четыре года — 77 (10,4%), пять лет — 203 (27,5%). Верховным судом были установлены и серьезные нарушения в практике применения указа: в ряде судов привлеченных называли подсудимыми, обвиняемыми, предоставляли им последнее слово, несмотря на четко обозначенную в указе исключительно административную ответственность. Некоторых граждан привлекали по указу совершенно необоснованно⁷⁹¹. К примеру, в Ленинграде было оформлено дело на выселение сроком два года 60-летнего инвалида второй группы с 34 годами трудового стажа⁷⁹². В разряд «тунеядцев» зачисляли людей свободных профессий — художников, артистов, поэтов, не являвшихся членами творческих союзов. Эти люди становились жертвами морального террора, травли со стороны не только органов порядка, но и соседей по дому. К ним часто применялась высылка на жительство в отдаленные районы. Такого рода судебная расправа в 1964 году была учинена над поэтом И. Бродским⁷⁹³.

Другой кампанией, широко развернутой в 60-е годы, стала борьба с алкоголизмом и пьянством, которые являлись реальной причиной совершения большого числа правонарушений. Как свидетельствовала судебная практика, до 90% проявлений

хулиганства и 70% умышленных убийств, изнасилований совершались в нетрезвом состоянии. Пьянство прочно вошло в повседневную бытовую жизнь многих советских граждан. К примеру, в Москве постоянно росло количество попавших в медицинские вытрезвители: в 1958 году туда было доставлено 139 843 человека, в 1959 — 171 389, в 1960 — 224 674 человека⁷⁹⁴. Борьбе с этим антиобщественным явлением были посвящены Указы Президиума Верховного Совета СССР от 29 января 1960 года «О мерах борьбы с самогонованием и изготовлением других спиртных напитков домашней выработки» и от 8 мая 1961 года «Об усилении ответственности за самогонование и изготовление других спиртных напитков домашней выработки»⁷⁹⁵. Велась разработка системы мер по борьбе с алкоголизмом. Предлагалось упорядочить торговлю спиртными напитками, запретить продажу водки в буфетах, столовых, в общественных местах в выходные и праздничные дни, в дни выдачи зарплаты, установить нормы продажи в одни руки и до определенного часа, повысить цены на алкогольную продукцию. Утвердить порядок, когда всех, злоупотреблявших алкогольными напитками, невзирая на занимаемую должность, увольнять с работы и направлять для исправления в отдаленные места сроком от одного до трех лет, а при повторении — пожизненно⁷⁹⁶. Жесткие меры по борьбе с алкоголизмом и самогонованием пропагандировались, в первую очередь, самим Хрущевым: «Надо наказывать не только тех, кто гонит самогон, а и потребителей, которые покупают самогон, потому что, если бы не покупали самогон, его не гнали бы, их тоже как участников нужно судить»⁷⁹⁷.

Однако потребление алкоголя не уменьшалось. Так, в Уфе после принятия мер по ограничению торговли водкой количество продаваемой алкогольной продукции не снизилось: если за весь 1960 год было продано 4 376 670 литров водки и ликеро-водочных изделий и 1 506 000 литров виноградных и плодово-ягодных вин, то за 9 месяцев 1961 года реализовано соответственно 3 782 200 и 1 680 000 литров⁷⁹⁸. По большому счету, в таком положении были заинтересованы местные власти, так как это решало многие вопросы наполнения бюджета. Продажу алкогольной продукции использовали также и для проведения конкретных общественных мероприятий. Как, например, в Тувинской АССР, где решили провести воскресник по благоустройству и озеленению города. Не надеясь на добровольный приход трудящихся, власти договорились с торгующими организациями о доставке к месту воскресника грузовика с водкой. В результате мероприятие превратилось в коллективную пьянку и драку, в которой были вырваны ранее посаженные деревья. Все закончилось прибытием усиленного наряда милиции⁷⁹⁹.

Мухитдинов, Козлов, Игнатов, Фурцева, Хрущев, Подгорный, Мжаванадзе, Сулов и другие у Большого Кремлевского дворца. 1958 г.

На Лейпцигской ярмарке весной 1958 г.

Во время визита в США в сентябре 1959 г. Никита Сергеевич
слушает объяснения Лоджа

Нина Петровна и Никита Сергеевич

Никита Сергеевич беседует с маршалом Баграмяном на берегу Днепра во время испытаний танков, форсирующих реку по дну. 4 октября 1957 г. (день запуска первого спутника Земли)

Во время демонстрации судов на подводных крыльях на Волге в районе г. Калинина (Тверь) 15 июня 1960 г. Рядом с Хрущевым сидит Суслов, стоят: конструктор судов на подводных крыльях Алексеев, Шверник, Мухитдинов, Козлов, Игнатов, Бутома, Косыгин, Фурцева, Аристов

Крым, Ливадия. Апрель 1960 г.

Никита Сергеевич приветствует первого космонавта. Вокруг стоят: Фурцева, Цеденбал, Куусинен, Брежнев, Козлов, Кириленко, Косыгин, Микоян, Ворошилов, Валентина Гагарина и другие

На приеме в Кремле 14 апреля 1961 г. На переднем плане: Никита Сергеевич, Валентина и Юрий Гагарины, Нина Петровна, Сергей Хрущев, Галина Шумова, Елена Хрущева

Прием в Кремле в честь Юрия Гагарина. На переднем плане Л. И. Брежнев, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев и Ю. А. Гагарин

В Кремлевском Дворце съездов. 1962 г.

С советскими и иностранными военачальниками на трибуне Мавзолея.
1 мая 1962 г.

Москва,
1962 г.

На открытии Кременчугской ГЭС 30 июля 1962 г. За Никитой Сергеевичем Председатель Совмина Украины Щербицкий, зам. председателя Совмина СССР Игнатий Новиков и член Президиума ЦК Полянский

В кремлевском кабинете. 1962 г.

Хрушев, Брежнев, Полянский и другие на охоте в Завидово. 1963 г.

На переднем плане Юрий Андропов, Павел Сатюков (редактор газеты «Правда»), Никита Сергеевич, Андрей Громыко и другие. Будапешт, 1963 г.

На Украине. 1963 г.

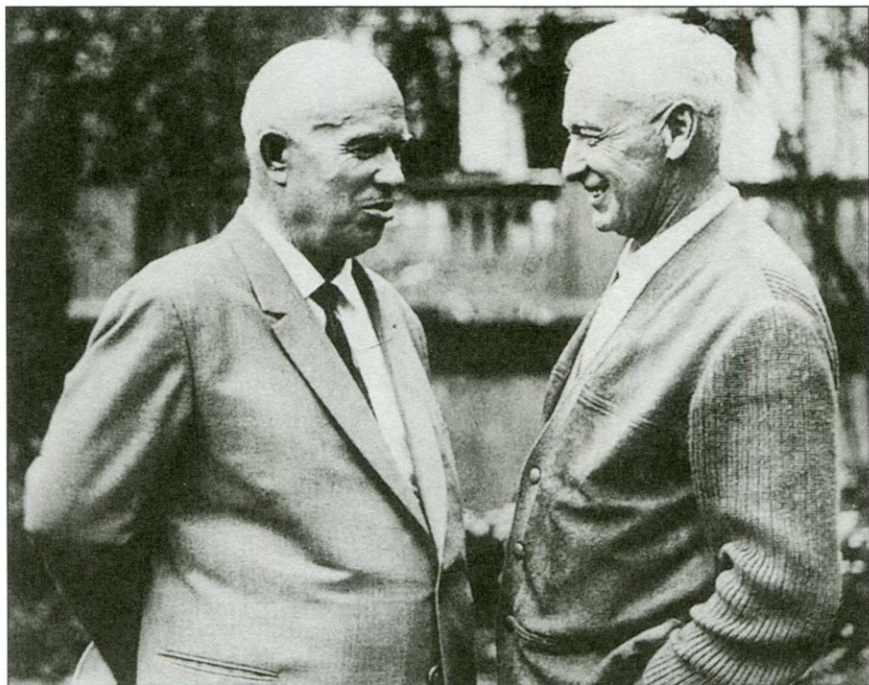

В Завидово. 1963 г.

С поэтом
Александром Твардовским.
Москва, 1963 г.

Никита Сергеевич и кинорежиссер Роман Кармен. Петрово-Дальнее, 1968 г.

Летом 1969 г.

Реформа правоохранительной системы имела определяющее значение для формирования нового лица постсталинского общества. Прекращение массовых репрессий, уменьшение уголовного пресса, восстановление элементарных норм законности — все это было необходимо для преодоления мрачного наследия 30 — 40-х годов, замешанного на духе средневековья и инквизиторства. Поэтому не случайно, что изменения в административно-правоохранительной политике стали самыми первыми шагами нового руководства КПСС и Советского государства, предпринятыми буквально сразу же после смерти Сталина. Перенапряжение общественного организма от бесконечных и беспрецедентных беззаконий хорошо понимали новые политические лидеры страны. Их незамедлительное и бесповоротное прекращение они попытались использовать в своем внутреннем соперничестве за власть, так как имидж избавителя от репрессивного гнета виделся очень выгодным и перспективным. Первые шаги в этом направлении предпринял Берия. Осуществляя непосредственное руководство силовыми структурами, ему было удобнее всего разыграть эту политическую карту, тем самым заблокировав возможность собственного разоблачения после «многолетних трудов» на высших постах репрессивных ведомств. Указ «Об амнистии», первые реабилитационные дела явились как раз следствием его устремлений и практических шагов.

Арест Берии не мог остановить начавшихся изменений в правоохранительной системе. Их вдохновителями стали другие лидеры партии и, прежде всего, Хрущев. Его опора на партийный аппарат, эксплуатация связанных с этим номенклатурно-аппаратных возможностей, наложили отпечаток на подходы в осуществлении административной реформы. Уже до XX съезда КПСС органы госбезопасности, прокуратура, суды, МВД были поставлены под контроль партийных комитетов как в центре, так и в республиках, краях, областях. Решение всех вопросов правоохранительной сферы стало исключительно прерогативой партии, ее отделов административных органов. Важнейшее значение имело и восстановление прокурорского надзора за всеми составляющими правоохранительной системы, что было закреплено в «Положении о прокурорском надзоре в СССР», принятом в 1955 году.

В период 1953—1964 годов серьезно изменился кадровый состав органов суда, прокуратуры, милиции. Он стал более качественным по сравнению со сталинской эпохой. К середине 60-х годов в судах и прокуратуре преобладающее число работников имели высшую юридическую подготовку, закончив соответствующие вузы. Исключение составляли органы внутренних дел, положение которых в плане образования и квалификации оставалось недостаточно высоким, что заметно отражалось на уровне

их профессиональной деятельности. На данное обстоятельство постоянно обращалось внимание руководства страны. В рассматриваемые годы существенно повысилась роль адвокатуры в юридической жизни общества. Восстановление законности и правопорядка сделали адвоката одной из центральных фигур в судебном процессе, ходе ведения следственных дел. В сталинский период с его фактическим выведением правоохранительной системы за пределы юридическо-правового поля необходимость в адвокатуре отпадала самым естественным образом. Теперь же отношение к труду адвокатов изменилось, хотя предубеждения к ним сохранялись, особенно со стороны части судебных и прокурорских работников.

Изменения в административно-правоохранительной политике происходили на основе решения вопроса о снижении объемов и длительности сроков уголовного наказания, замене его в отдельных случаях на административные меры, не связанные с лишением свободы. Вокруг этого разворачивалась жесткая борьба, отражавшая политические взгляды различных общественных сил. В конечном счете, речь шла об устранении тотального прессы уголовного преследования вообще, что имело не меньшую значимость, чем реабилитационные процессы по политическим и контрреволюционным делам, так как затрагивало значительные слои населения. Сопrotивление курсу либерализации уголовной политики было высоко, и его утверждение происходило далеко не единодушно. Оппозицию составляли работники правоохранительных органов, не принимавшие новых веяний подобного рода, а также часть общества, требовавшая продолжения хорошо знакомой и привычной карательной практики, рассматривая ее как одно из высших проявлений социальной справедливости. Такое положение объяснялось функционированием сконструированной в сталинскую эпоху системы общественного восприятия предлагаемых и навязываемых установок. В ней генетически было заложено сталинское отношение к механизмам воздействия на все стороны общественной жизни, основанной на гипертрофированной вере в эффективность исключительно силовых методов. Такая же идеология преобладала, естественно, у руководящего звена правоохранительных органов, которые как юридические работники сформировались в эпоху господства сталинских воззрений, а потому несли на себе все ее «родимые пятна».

Победа курса на либерализацию административно-уголовной политики закреплялась в новом законодательстве, принятие которого затягивалось вплоть до конца 50-х годов. В декабре 1958 года утверждаются «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» и «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР». На их основе была проведена коди-

фикационная работа во всех союзных республиках. Это коренным образом изменило лицо советского общества, избавило его от наиболее мрачных тонов, придало ему относительно цивилизованный вид. Дальнейшее развитие административно-правоохранительной политики в первой половине 60-х годов происходило в рамках новых принципиальных идей, ориентированных на построение коммунизма, на формирование общенародного государства. Реализация этих высоких целей виделась в постепенной передаче функций государства общественным организациям, общественности, в широком привлечении народных масс к управлению государственными делами. Применительно к правоохранительной сфере это означало выдвижение курса на вовлечение трудящихся в борьбу с преступностью, привлечение их к охране порядка. В обществе стали культивироваться различные формы такой работы — народные дружины, товарищеские суды, общественные защитники и помощники следователей. Им придавалось серьезное значение как органам, действовавшим параллельно с правоохранительными и принимавшими на себя часть их функций. В этом наглядно проявилась идеализация процессов широкого вовлечения трудящихся в управление государством, что отражало отрыв господствовавших тогда представлений от существовавших реалий. Энтузиазм здесь во многом преобладал над трезвым расчетом и учетом целого ряда жизненных обстоятельств. Значительное расширение круга «борцов» с преступностью на деле не решило проблем ее роста. Преступность трансформировалась в сторону увеличения экономических преступлений: хищений социалистической и общественной собственности, спекуляции и т. п. Противостояние этому сводилось к разворачиванию различных кампаний с акцентом на сугубо организационные меры. Такой подход отвечал пониманию самой сути советского общества, в котором, как считалось, отсутствовали базисные причины совершения преступлений, природа которых объяснялась пережитками прошлого и влиянием буржуазной идеологии.

Утверждение новых принципов в административно-правоохранительной политике, оформленных новым законодательством, определяло общественно-правовое развитие советского общества долгие годы, вплоть до конца 80-х годов. В этом переходе от сталинской эпохи видится одна из основных заслуг руководства КПСС и, прежде всего, Н. С. Хрущева.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Середина 50-х годов — время качественных изменений в массовом политическом сознании советского общества. Смерть Сталина, олицетворявшего собой не только власть, но и целостную систему жизненно значимых ценностей, воспринималась подавляющим большинством как крушение этой системы, за которым должны были последовать неизбежные и исключительно негативные последствия. Именно поэтому, советский социум начала 50-х годов, крайне стесненный в социальном, бытовом и материальном отношении, после марта 1953 года находился в состоянии ожидания еще больших катаклизмов и экономических трудностей. Такие представления закономерно вытекали из всей системы сложившегося образа жизни, хозяйствования и пропаганды заключительного этапа сталинского правления.

Проблема взаимоотношения власти и общества в 50 — начале 60-х годов достаточно подробно освещена в отечественной историографии, однако за пределами внимания историков часто оставался не менее значимый вопрос восприятия власти и ее политики общественным сознанием, иначе говоря, вопрос социально-психологических настроений и ожиданий, сопровождавших реформы 50-х годов. Поставленная проблема интересна еще и в том отношении, что включает в себя все без исключения стороны жизни советского общества в десятилетие правления Н.С. Хрущева от экономики до идеологии и политики. Исследование массовых настроений в годы «оттепели» позволяет ответить на вопрос о причинах в целом пассивного отношения советского общества к устранению Н.С. Хрущева от занимаемой должности в 1964 году.

Задачам переустройства массового сознания в нужном ключе была подчинена социальная пропаганда 50-х годов, которая состояла из ряда логически неоспоримых тезисов. Утверждалось, что советское общество является социалистическим и потому пребывает в переходном состоянии. Ориентация на коммунистичес-

тическое будущее позволяла пренебрегать насущными, прежде всего экономическими, потребностями современности. «Ныне главные задачи КПСС, — утверждалось в Уставе партии, принятом в октябре 1952 года — состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму»⁸⁰⁰. Комплекс перспективных ожиданий — наиболее характерная черта советской системы, которая позволяла направлять и контролировать массовое сознание.

Всеми доступными средствами официальная пропаганда стремилась создать представление о том, что в социальной сфере экономические различия между людьми уходят на второй план. Все граждане находились на службе у государства, трудились ли они на предприятиях, в совхозах либо в колхозах, также действующих в рамках единой плановой и административной системы. Поскольку частный интерес подчинялся общественному, то государство могло оправданно производить изъятие на социальные нужды части зарплаты в виде принудительных займов (как правило, 1/10 — 1/12 часть годового заработка), мобилизовывать взрослое население на лесоразработки, а юношей в ремесленные училища, закреплять работников за предприятиями во имя производственной необходимости⁸⁰¹.

Для стороннего наблюдателя люди 50-х годов похожи даже по внешности. Г. Маркес, в будущем знаменитый писатель, а тогда журналист, поссорившийся с колумбийским правительством, приехал в Москву, где обнаружил, что «исчезновение классов — впечатляющая очевидность: все в старой и плохо сшитой одежде и дурной обуви. Навык массовой организованности, видимо, составляет важнейшую часть психологии советских людей. Население ощущает себя слитным в единое целое с властью, разделяет ее видение мира, согласно которому советское общество знает, в сущности, только одно противоречие: между хорошим и лучшим. На него с надеждой и гордостью смотрит все остальное человечество»⁸⁰². По наблюдениям Маркеса, люди относились друг к другу по-братски, встречали у товарищей отзывчивость, поддержку и, если нужно, принципиальную критику своих неверных поступков. Взаимная требовательность являлась залогом исправления ошибок и отдельных недостатков. В советском обществе люди встречались, прежде всего, с хорошим: будь-то другие люди, учреждения, отношения, книги, машины, вещи. Дурное, в представлении масс, существовало лишь на обочине жизни, что создавало атмосферу коллективного осуждения любой критики существовавшего строя. К концу сталинского правления была создана уникальная в своем роде система ценностей, при которой быть недовольным обществом, где дурное встречается лишь на обочине жизни, могли только люди, лишенные всего человеческого, безродные космополиты.

Характерной чертой советского общества 50-х годов являлся социальный оптимизм, вера народа в то, что трудности временны, а их преодоление гарантирует счастливое будущее. Поэтому вокруг людей, не признававших норм социалистического образа жизни и труда, создавалась атмосфера единодушного общественного осуждения и жесткой критики. Народ привлекала возможность обогнать в индустриальном развитии капиталистические страны, многие были уверены в том, что СССР создает все самое лучшее, передовое. Под влиянием средств массовой информации успехи хозяйственного строительства связывались с перспективой обогнать в экономической сфере развитые капиталистические страны.

Специфика советского политического мировоззрения формировалась в том числе под влиянием особых социально-экономических условий, которые заслуживают отдельного рассмотрения. В экономической сфере рубежа 40—50-х годов обобществление достигло своего предела. Плановая система представляла производство и потребление в каждой области, охватывала все хозяйственные единицы, вплоть до городских животноводческих товариществ, разрешенных в 1946 году. Экономическая иерархия образовывала вертикаль, спускавшуюся сверху вниз. Самое интересное, что вертикальная структура существовала не только в экономике, но и в массовом сознании в виде единственной и потому идеальной модели мироустройства. Планы нижней ступени конкретизировали показатели верхней. Наиболее распространенными были вертикальные связи центр—отрасль—предприятие, тогда как горизонтальные связи между предприятиями решающего значения не имели. В соответствии с этим, информация сверху имела характер приказов, а информация снизу — отчетов. Устойчивость подобной схемы в массовом сознании связывалась с ее безальтернативностью: недопустимость любых форм экономического либерализма в условиях противостояния с развитыми капиталистическими державами.

Весьма показательно, что вопрос об экономических преобразованиях возник в кругах высшего партийного руководства, а не в среде общественности, которая летом 1953 года, в силу психологической инертности, еще не была готова к любым формам протеста. Сразу после смерти И. В. Сталина руководство партии предприняло ряд мер по изменению принципов хозяйствования, в конечном итоге направленных на улучшение социального положения граждан. Сегодня не вызывает сомнений, что предпринятые действия носили преимущественно политический, во многом популистский характер. В то же время эти меры долго и с благодарностью вспоминались населением. На четвертой сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 года в докладе Г. М. Маленкова было официально заявлено, что «законом для нашего

правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей»⁸⁰³.

На шестой сессии Верховного Совета СССР Г. М. Маленков сформулировал задачу: в ближайшие 2—3 года добиться «создания обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности»⁸⁰⁴. Возникла необходимость на правительственном уровне изменить отношение к личному хозяйству колхозников, расширить жилищное строительство, развить товарооборот и розничную торговлю. Существенно возрастали капиталовложения на развитие легкой, пищевой, рыбной промышленности. Снижались налоги на сельскохозяйственную продукцию, производимую колхозами. Важное значение имело сокращение сельскохозяйственного налога на приусадебные участки, отмена натурального пайка и замена его денежным, повышение закупочных цен на излишки сельхозпродукции. Более того, компенсировались накопившиеся за прошлые годы недоплаты по сельскохозяйственному налогу. Денежный налог по Закону о сельскохозяйственном налоге, принятому в августе 1953 года, был снижен с каждого колхозного двора фактически в два раза.

Смена приоритетов в экономической политике была рассчитана в том числе и на массовое восприятие. Не случайно заявление Г. М. Маленкова о развитии тяжелой промышленности как средства развития сельского хозяйства и производства товаров народного потребления широко тиражировалось в официальных изданиях⁸⁰⁵. В прессе восторженно освещался новый принцип отношения власти к сельскому хозяйству как к важнейшей отрасли экономики, говорилось об увеличении объема инвестиций в аграрный сектор, уменьшении налогового пресса, поднятии закупочных цен. Иными словами, все позитивные экономические мероприятия рассчитывались, в первую очередь, на реакцию общества. Очевидно, новое руководство, унаследовавшее власть после смерти «великого вождя» через заботу о населении страны стремилось показать социуму свою фактическую легитимность.

Курс Маленкова сформировал и новый подход к личному подсобному хозяйству: не запрещать, а способствовать и помогать, причем не только в деревне. В директивных документах предписывалось: «Обязать местные советские и сельскохозяйственные органы обеспечивать скот рабочих и служащих выпасами и сенокосными угодьями»⁸⁰⁶. По сути, курс Г. М. Маленкова предусматривал децентрализацию управления сельским хозяйством, в том числе и развитие экономической самостоятельности колхозов⁸⁰⁷.

Новое руководство страны допустило развитие несоциалистических форм хозяйствования в аграрном секторе, тем самым по-

дорвав на время монополию социалистических институтов, регулирование и организацию производительной деятельности. Эта мера диктовалась сугубо экономическими условиями: необходимостью увеличить продуктивность сельского хозяйства в связи с тем, что колхозы и совхозы с этой задачей справиться не могли. Совместное существование двух хозяйственных укладов (частного и коллективного) порождало конфликт интересов. Колхозники, получившие возможность трудиться на себя, нуждались в дополнительных стимулах, чтобы трудиться на общественных работах.

Для людей, воспитанных по-социалистически, новый курс был отступлением от принципов, своеобразным маневром для того, чтобы собрать силы и вновь вернуться к испытанной практике. Администрация на местах внимательно наблюдала за тем, чтобы колхозники не уклонялись от общественных работ. Секретарь ЦК КПСС Д. Т. Шепилов в декабре 1953 года предупреждал партработников, чтобы те были настороже, так как «...чрезмерное раздувание личного хозяйства будет неизбежно порождать чуждообщественнические устремления отдельных отсталых колхозников»⁸⁰⁸.

Новый курс, ориентировавшийся на подъем сельского хозяйства, прежде всего экономическими методами, имел и «городское» продолжение. Г. М. Маленков на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 года потребовал «...всемерно форсировать развитие легкой промышленности», добиться выравнивания темпов экономического роста двух основных отраслей индустрии: производства средств производства и производства предметов потребления⁸⁰⁹.

Новшеством политики являлось признание некоторых элементов семейного капитализма в деревне. Расчет был на то, что личное подсобное хозяйство станет товарным, будет работать на городской рынок. За пять последующих лет частный сектор аграрной экономики доказал свою эффективность. Он обеспечил более половины прироста мяса, 35—36% картофеля, овощей, молока, шерсти, 87% яиц и 93% махорки в стране⁸¹⁰. Тем не менее разрозненные экономические меры были крайне далеки от «целостной программы». Их отличительными чертами являлись неполнота, ограниченность и несбалансированность отдельных элементов. Несмотря на общее улучшение материального положения граждан, противоречивость социально-экономической политики порождала в общественном сознании чувство нестабильности.

Власти разрешили крестьянам на своих приусадебных «со-тках» заниматься огородничеством, приказали предоставить сенокосные угодья для содержания скота, уменьшили налог. Однако принятых мер было недостаточно. Домашний производи-

тельный труд, по замыслу авторов нового курса, — это вторая (дополнительная) часть рабочего дня. Крестьянин, исполнив свой общественный долг на колхозном поле или ферме, не мог работать на себя. Он, так же как и раньше, под угрозой денежного штрафа не имел возможности отвезти свои продукты в город, был обязан отработать минимум трудодней, не имел право выйти из колхоза и находился в полной зависимости от местной администрации. Зерновое хозяйство оставалось полностью общественным, поскольку в представлении власти оно должно было гарантированно обеспечивать потребности горожан.

В 50-е годы экономический приоритет города перед деревней стал особенно заметным. В соответствии с этим отношение сельского и городского населения к власти также было различным. Это отразилось и в письмах граждан в официальные партийные органы. В социально-психологическом отношении российская деревня 50—60-х годов представляет собой любопытный и малоизученный сплав патриархального и индустриального общества.

Последние статистические исследования показали, что рождаемость среди сельского населения в 50—60-е годы была выше, чем в городах⁸¹¹. Так, в среднем по России из общего числа младенцев, родившихся в 1959 году, более двух третей пришлось на сельскую местность. В 1950 году на 1 тыс. человек населения в сельской местности родилось 25,5, а в городах и поселках городского типа — 20,4 человек⁸¹². По отдельным регионам РСФСР уровень рождаемости был, конечно, различным. Выше всего он был на Урале и в Сибири (от 32 до 42 родившихся на тысячу жителей). В то же время в центральных областях он был ниже, чем в среднем по России. Многодетные семьи в деревне были значительно более распространены, чем в городе. Во многом это объяснялось сохранившимися еще традициями общинной крестьянской семьи, а также большей неприхотливостью деревенских жителей к жилищным, материальным, бытовым условиям. В деревне была выше и средняя продолжительность жизни людей. Улучшение медицинского обслуживания, происходившее с середины 50-х годов, ликвидировало в деревне массовые болезни, резко сократило детскую смертность. С этого времени значительно снизились коэффициенты смертности сельского населения в целом. Благодаря этим естественным и социальным факторам, российская деревня имела значительный больший прирост населения, чем город, и в решающей степени обеспечивала прирост населения всей страны.

Однако численность сельского населения неуклонно сокращалась, что было непосредственно связано с доминантами социально-экономической политики власти. В 1940 году население российской деревни составляло 72,2 млн. человек, в 1959 году —

55,9 млн., в 1970 году — 45,1 млн. Доля сельского населения в структуре всего населения РСФСР падала соответственно с 66% до 48%, и до 33%⁸¹³. То есть за 30 лет абсолютное сокращение сельского населения составляло 23,1 млн. человек, а доля его во всем населении упала на 28 пунктов.

Большинство авторов считало процесс сокращения сельского населения закономерной, объективно обусловленной тенденцией развития общества⁸¹⁴. В литературе отмечалось, что эта тенденция обусловлена развитием индустрии, транспорта, большим размахом строительных работ, механизацией и электрификацией. В то же время нельзя не отметить, что переход части сельского населения в города был результатом целенаправленной политики власти.

В 50-е и особенно 60-е годы влияние крестьянского менталитета в городах становится особенно заметным. Феномен маргинальности интересен в трех отношениях: экономическом, социальном и духовном. Е. Стариков писал: «Маргинал, просто говоря, — «промежуточный» человек. Классическая, так сказать, эталонная фигура маргинала — человек, пришедший из села в город в поисках работы: уже не крестьянин, еще не рабочий; нормы деревенской субкультуры уже подорваны, городская субкультура еще не усвоена»⁸¹⁵. Руководство страны сознательно использовало главный принцип маргинальности — разрыв социальных связей, с целью включения крестьян в систему советских экономических отношений. Закономерно, что это включение сопровождалось формированием новых общественных, духовных и экономических связей, причем установление социальных и духовных связей, как правило, сильно отставало от установления связей экономических. Сказанное приводит к выводу, что существовавшая система прикрепления людей к земле была направлена не столько на сдерживание процесса миграции, сколько на его регулирование в зависимости от экономических и демографических потребностей страны.

По сути, массовая миграция из деревни носила характер пассивного сопротивления социальной и экономической политике государства. Понимание собственного бессилия, неспособности повлиять на сложившуюся систему общественных отношений вылилось в массовый отток населения в города, который следует расценивать, прежде всего, как реакцию на безнадежное положение, в котором оказалась деревня. Такой подход, основанный на учете психологического настроения, социальных восприятий крестьянства, поддерживало большинство исследователей социально-экономического развития российской деревни⁸¹⁶. Ситуация осложнялась тем, что в результате миграции аграрное производство теряло наиболее перспективную часть трудовых ресурсов.

Миграция имела и социально-психологические последствия, прежде всего она порождала социальную неопределенность населения. Ежегодно в стране меняли места проживания около 20 млн человек. При такой подвижности в среднем за жизнь люди в стране переселялись до 6 раз. По последней переписи жило не там, где родилось, 47% населения страны в целом и 54% горожан в частности⁸¹⁷. Таким образом, в конце 50 — начале 60-х годов абсолютное большинство «фактических» горожан родилось в деревне и весьма немногие были горожанами во втором поколении, которое также несло на себе отпечатки «сельского» менталитета, хотя было более адаптированным к городским условиям.

Миграция в города обуславливалась, в первую очередь, экономическими причинами, ограничением личной инициативы колхозников. Требование «разрешить крестьянам иметь скот и разводить его» — одно из основных в письмах и высказываниях простых колхозников⁸¹⁸. Что касается самостоятельности колхозов в 50-е годы, то при сохранении всех властных вертикалей она могла быть только декларативной. ЦК партии обязал все парторганизации вплотную заняться сельским хозяйством. Н. С. Хрущев лично устраивал экзамены областным руководителям на предмет владения новыми приемами агротехники. И если те не могли вразумительно растолковать членам Президиума ЦК КПСС, что такое квадратно-гнездовой метод, то рисковали своими должностями. В этих условиях опека над колхозами становилась все более жесткой. Районные комитеты в период сезонных «кампаний» еженедельно заслушивали отчеты председателей колхозов, устанавливали графики и сроки, распоряжались техникой, вплоть до расписания работ отдельных комбайнов, раздавали взыскания, отправляли уполномоченных.

Применительно к новому курсу следует отметить глубокое расхождение между целью и весьма скромными средствами. Маленков и его коллеги хотели заменить хозяйственную политику, сохранив в неприкосновенности всю систему управления. При таком подходе эффект мог быть весьма ограниченным, а откат назад предопределенным. К тому же лидеры страны не решились вовремя признать, что в стране плохо с хлебом и не распространили вследствие этого действия экономических регуляторов на зерновое хозяйство. В их оправдание можно заметить, что это потребовало бы роспуска экономически слабых колхозов. На такой поступок организаторы коллективизации решиться так и не смогли. Как видно, и в этом случае идеологические и мировоззренческие причины являлись определяющими.

Новый курс с самого начала представлял собой компромисс между двумя основными подходами к решению аграрных проблем. Первый, с которым идентифицировал себя Г. М. Маленков,

исследователи с большой долей условности называют «нэповским», второй — «индустриальным»⁸¹⁹. Его инициатором и неутомимым пропагандистом был Н. С. Хрушев. Содержание второго подхода сводилось к следующему: сельское хозяйство нуждается, в первую очередь, в новой технике, в новых технологиях, в новых кадрах. Соединение этих трех элементов в рамках социалистической системы хозяйствования должно было обеспечить его реальный и долговременный прогресс. То, что предлагал Г. М. Маленков можно назвать уступкой обстоятельствам, своего рода отступлением, поэтому руководство вымеряло каждый шаг, опасаясь пересечь границы дозволенного.

Противоречивость «нэповского» варианта аграрной политики вполне очевидна. В малых дозах он обещал ограниченный эффект, а в больших — нес в себе угрозу социалистическим институтам, возвращая в деревню частнопредпринимательский уклад. Самые первые шаги в реализации нового курса показали, что крестьяне делают выбор в соответствии со своим интересом, чем доставляют хлопоты многочисленному начальству.

Таким образом, одно из основных противоречий времени, которое стремилась преодолеть власть, — противоречие между идеологией и ориентирами массового сознания. Как было принято, правительство предпочло сохранить монолитность советской системы. Поэтому Н. С. Хрушев предложил довести до логического завершения то, что, начал некогда Сталин: превратить колхозы и совхозы в фабрики по производству зерна.

С 1958 года Н. Хрущёв организовал новое наступление против личных подсобных хозяйств, иницируя «малое раскулачивание». Власть всегда подозрительно относилась к принципу материальной заинтересованности. В течение всего периода преобладала тенденция к выравниванию зарплат. Однако эти меры не дали ожидаемого эффекта. Они позволили режиму установить больший контроль над совокупной заработной платой, но не создали эффективную и предсказуемую систему стимулов. Заменой этому должно послужить, согласно директивным установкам высших функционеров, «...воспитание людей, живое общение с ними, душевная забота о них. Это путь к сердцу, к сознанию человека»⁸²⁰.

Н. С. Хрушев и его окружение исходили из того, что, во-первых, население страны должно быть сыто, одето, проживать в достойных условиях, а во-вторых, все это человек должен получать из рук государства. Помещенная в сеть идеологических координат социальная политика лишалась своих экономических корней. Она превращалась в особый род государственной благотворительности, снисходящей сверху на все население, или на какую-то его часть, молодежь, например. Средства массовой информации делали акценты на заботе власти о людях, за что тре-

бовалось благодарить правительство в самых разных формах: от ударного (бесплатного) труда на коммунистических субботниках до изъявления радости за то, что над страной стоят такие человеческие правители.

Однако на практике достигался прямо противоположный эффект. Всплеск социальной активности трудящихся в плане защиты своих прав наступает с конца 50-х годов, достигая пика в самом конце 50 — начале 60-х годов. По подсчетам В. Белоцерковского, в этот период серьезные волнения имели место в 14 городах СССР⁸²¹. Подавляющее число выступлений обуславливалось экономическими причинами, и было связано с неспособностью правительства удовлетворять возросшие материальные потребности людей. С начала 60-х годов стали падать темпы роста экономики страны, уменьшилась валовая продукция промышленности. В кризисном состоянии оказалось и сельское хозяйство. Массовый забой скота привел к резкому сокращению его поголовья, а целина не могла решить задачу стабильного обеспечения населения хлебом. В то же время, предпринятое Хрущевым под влиянием идеологических догм дальнейшее «раскрестьянивание» села, т. е. ликвидация мелкого крестьянского хозяйства, лишило страну важнейшего источника поступления продовольствия, недостаток которого она ощутила в полной мере в 1962—1963 годах. И как следствие этого, с 1963 года пришлось обратиться к практике закупки хлеба за границей.

В результате всех этих негативных явлений произошло замедление темпов роста национального дохода и фонда потребления, разбалансирование доходов населения с товарными ресурсами. Особенно остро реагировали трудящиеся на повышение цен на ряд продуктов питания в 1962 году. К этому времени тот психологический эффект, который дала денежная реформа 1961 года (когда товары и продукты стали с десятков рублей стоить единицы, впрочем, и зарплата была приведена в адекватные новым ценам размеры), полностью исчерпал себя. Не подкрепленный новыми технологиями, изменениями образа жизни простой рост цен вызвал раздражение и недовольство различных социальных слоев. Несогласие проявило себя в самом широком диапазоне: от «антисоветских» высказываний и распространения листовок до забастовок и восстаний в Темир-Тау (октябрь 1959 г.) и Новочеркасске (июнь 1962 г.). Только за июнь 1962 г. из партийных и советских учреждений, редакций газет и журналов в органы КГБ было передано свыше 300 анонимных писем с выражением крайнего недовольства жизненным уровнем⁸²².

Анализ «обывательских» суждений исследователями позволил составить общую картину настроений простых людей. Наиболее распространенными были требования возврата к прежним ценам, удовлетворения насущных потребностей трудящихся, кри-

тика ликвидации личного скота и приусадебных участков у колхозников. Часто встречались «пожелания» снижения зарплаты государственной и партийной номенклатуре, отказа от разоряющей страну помощи слаборазвитым и социалистическим странам, угрозы в адрес Н. С. Хрущева⁸²³.

Понимая, что требования населения вполне обоснованны и необходимы решительные действия, правительством был взят (присущий советскому социализму) курс на экстенсивное освоение новых ресурсов, прежде всего это выражалось в освоении новых районов страны, распашке целинных и залежных земель, строительстве гигантов индустрии⁸²⁴.

В 1957 году началась реализация широкой программы повышения зарплаты: в 1961 году по сравнению с 1950 годом она возросла в 1,3 раза, а с учетом выплат и льгот из общественных фондов потребления — в 1,35 раза. Общее число рабочих и служащих возросло с 40 до 62 миллионов человек⁸²⁵. В 50-х годах наблюдается рост промышленного производства и увеличение государственных доходов за счет налога с оборота, а также роста цен на продукты питания и товары народного потребления. Рост цен происходил систематически и параллельно росту номинальной заработной платы и оплаты коммунальных услуг.

Вскоре после XX съезда КПСС, в июле 1956 года, была введена новая система пенсионного обеспечения, которая привела к существенному возрастанию размера пенсии. Пенсии зависели от стажа работы и возраста трудящегося. Устанавливался один из минимальных в мире возрастной ценз для получения пенсии — для мужчин 60 лет при стаже работы в 25 лет, для женщин — 55 лет при стаже работы в 20 лет⁸²⁶. Исключительное значение имело то, что впервые в стране устанавливались государственные пенсии для колхозников. Для них вводился более высокий возрастной ценз — мужчины в возрасте от 65 лет и женщины — от 60 лет, но лишь в том случае, если они продолжали работать в колхозах⁸²⁷. Проявляя видимую заботу о людях, государство и здесь переложило ответственность за выплату пенсий на плечи самих колхозов⁸²⁸.

Всеми доступными средствами власть создавала зримый эффект тотальной (полной) заботы о населении, одновременно исключая возможность получения побочных доходов. Поэтому государственное законодательство не пошло на устранение всякого рода персональных пенсий, предназначавшихся за особые заслуги перед государством. С персональными пенсиями были связаны и другие привилегии — 50% оплаты бытовых услуг, бесплатный проезд на общественном транспорте, ежегодная бесплатная путевка в дома отдыха и санатории, «лечебные», и др. Этими привилегиями пользовались партийные и государственные работники, ветераны партии, лауреаты Ленинской, Сталин-

ской, Государственной премий. Особая система пенсий сохранялась для военнослужащих, сотрудников органов государственной безопасности и внутренних дел, научных работников.

Исходя из перспектив коммунистического строительства, в 1959 году на декабрьском пленуме ЦК КПСС⁸²⁹ был сделан вывод о том, что «личное подсобное хозяйство будет постепенно утрачивать свое значение», так как, по мнению руководства, колхозникам выгоднее получать продукты из колхозов. Это означало по существу новое наступление на приусадебное хозяйство. Государственным органам поручалось за 2—3 года скупить скот у рабочих совхозов и рекомендовать колхозам принять аналогичные меры. Действия власти напоминали новое раскрестьянивание селян, так как лишали их даже того, что еще оставалось — коров, овец, свиней. Следствием этих мер явился упадок личного подсобного хозяйства и обострение продовольственной проблемы⁸³⁰.

Не замедлило проявиться общественное недовольство. Характерно письмо колхозницы Н. К. Фоминой: «В Великую Отечественную войну все свои силы отдавали для победы над фашизмом. Работали почти даром: 400 грамм зерна и по 2 коп. на трудодень... И теперь у нас отбирают огородные участки, лишая источников жизни»⁸³¹. С точки зрения анализа общественных настроений, проявленных в этом письме, любопытно, что для материальных трудностей периода сталинского правления у населения находились объективные объяснения (Великая Отечественная война), тогда как борьба с личными подсобными хозяйствами при Н. С. Хрущеве рассматривалось в виде произвола власти.

Как известно, наибольшее недовольство населения обычно вызывало любое, даже незначительное, подорожание товаров и услуг. Поэтому в 50-е годы государство всеми мерами сдерживало инфляционные тенденции. Для новых лидеров эта мера была необходима, по крайней мере, для сохранения собственного авторитета в глазах народа. Стоимость товаров и услуг, так же как и размер заработной платы, были стабильными, некоторое подорожание жизни компенсировалось увеличением заработной платы. Уже опробованный путь скрытия инфляционных процессов состоял в обмене денег, в проведении денежной реформы. Такая реформа была проведена в 1961 году. Формально произошел обмен старых банкнот на новые по соотношению 10:1 и при пропорциональном изменении цен и заработной платы. (Заметим, что в 1998 году обмен денежных знаков проводился в соотношении 1000:1.)

Однако покупательная способность граждан постепенно падала, особенно негативно обмен денег сказался на рыночных ценах на продукты питания⁸³². Значительную часть вырученных

реформой средств государство направляло развивающимся странам социалистического лагеря. Среди рабочих Московского завода углекислоты в связи с последними экономическими событиями распространялись следующие высказывания: «Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего»⁸³³.

И все же нельзя не отметить, что в 50-е годы уровень жизни населения в целом повысился. Существенное значение в бюджете семей имели выплаты и льготы из общественных фондов потребления — бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное обучение, различные виды пенсий и пособий. Эти выплаты в 1960 году составили 27,3 миллиарда рублей, т. е. были почти в 6 раз больше, чем в 1940 году⁸³⁴. Таким образом в послесталинское десятилетие правительство стремилось улучшить жизненный уровень трудящихся, пенсионеров, колхозников.

Массовое недовольство граждан скорее вызывала осязаемая социальная несправедливость, те особые привилегии, которые имели работники партийного и государственного аппарата. Известный писатель К. И. Чуковский в дневниковых записях так рассказывал о кремлевской больнице: «Работники ЦК и другие вельможи построили для себя рай, на народ — наплевать. Народ на больничных койках, на голодном пайке, в грязи, без нужных лекарств, во власти грубых нянь, затурканных сестер, а для чинуш и их жен сверхпитание, сверхлечение, сверхучтивость, величайший комфорт»⁸³⁵. Льготы для власть имущих порождали в обществе самую негативную реакцию. Руководство страны пользовалось привилегиями и во времена Сталина, но тогда сведения об этом редко доходили до широких слоев населения.

Информация о социальной несправедливости быстро распространялась в советском социуме, порождая радикальные оппозиционные настроения. Наличие последних говорит о смене «образа власти» в сознании масс. Хрушев явно не обладал тем необходимым для послесталинского руководителя комплексом харизматических черт, в которых нуждалось централизованное под единым началом общество. Для большинства он ассоциировался, скорее, с типичным аппаратным работником, нежели лидером сверхдержавы, какой являлся СССР в 50-е годы. Нео-сознанный «поиск вождя» часто принимал форму критики бюрократизма, поскольку именно бюрократизм, по мнению народа, препятствовал «порядку». Весьма типичны антибюрократические настроения, выраженные в листовке за подписью «безработные», распространенной в поселке завода им. Войкова (г. Керчь). Основное требование — прекратить бюрократический произвол, когда «чтобы получить работу, нужны деньги, но если нет денег, приходится ходить и кланчить два-три месяца какой-либо хоть работы или унижаться перед остатками пережитков

капитализма (начальством)»⁸³⁶. В случае же сохранения такого положения вещей, «безработные» предсказывали новую революцию в стране. Для общества, воспитанного на идеалах гражданской войны, революция ассоциировалась с понятием справедливости.

Критика реалий советской жизни прозвучала в выступлениях коммунистов на партийных собраниях, посвященных обсуждению письма ЦК КПСС об усилении идеологической работы (декабрь 1956 г.). Так, на партсобрании бригады строительства Куйбышевской ГЭС бригадир Политов, поддержанный рядом коммунистов, заявил, что «у нас в стране хорошо живет и много получает тот, кто не работает, а только подписывает бумаги, а тот, кто действительно работает, получает мало»⁸³⁷. На другом партсобрании прозвучало следующее высказывание: «В плакате, где говорится о безработице и нищете в капиталистических странах и об улучшении жизни в нашей стране, надо поменять местами заголовки». Рабочий завода «Ленводпуть» Федоров заметил: «В последнее время появилось много различных писем ЦК КПСС, а прожиточный минимум трудящихся остается низким. Цены на товары растут, а заработная плата понижается. Может быть, кто-то делает это специально. И у нас может получиться, как в Венгрии»⁸³⁸. О социальной неоднородности советского общества говорил конструктор Киселев (Ярославский автозавод). Его точка зрения была признана антипартийной и антисоветской, а сам Киселев исключен из рядов КПСС.

Однако запретить людям выражать свое мнение по поводу насущных жизненных проблем власть, отказавшаяся от крайних форм террора, была уже не в силах. Особенно отчетливо смена настроений советского общества проявлялась во время обсуждения крупных событий внутренней жизни страны, каким, например, стало осуждение «антипартийной группы». С собственной политической оценкой этого события выступили рабочие завода «Азовсталь», выразившие несогласие с решениями июньского 1957 года пленума ЦК. Трудящиеся потребовали «в целях выявления истинной правды... дать возможность Маленкову, Кагановичу, Молотову и Шепилову выступить по радио и на рабочих собраниях... и считать разоблачение культа личности т. Сталина неправильным и вредным»⁸³⁹. Однако это своего рода инакомыслие было вызвано не тоской по казарменному социализму, а все тем же недовольством материальными условиями, стремлением заставить руководство «прекратить растраниживание народного добра, уделить больше внимания развитию легкой и пищевой промышленности»⁸⁴⁰, что в силу российских особенностей всегда казалось гораздо легче сделать при наличии сильной руки.

Несколько другой характер и другие масштабы носила принятая председателем республиканского совета профсоюзов

Эстонии Иллиссоном попытка освободить профсоюзы от излишней партийной опеки. С 1957 по 1959 годы он «под видом расширения профсоюзных прав проводил политически вредную линию на присвоение профсоюзными комитетами несвойственных им функций утверждения хозяйственных кадров, входящих в номенклатуру партийных и вышестоящих хозяйственных органов, что на практике приводило к противопоставлению профсоюзных организаций партийным и хозяйственным органам»⁸⁴¹. Это заключалось в том, что профсоюзные комитеты ряда предприятий стали обсуждать и принимать решения о назначении и освобождении своих директоров иногда прямо против мнения партийных органов. Такая политика была опасна для «верхов» и тем, что влекла за собой оживление «отсталых настроений» и «демагогических элементов»⁸⁴². Скорее всего стремление Иллиссона избавиться от партийной опеки, диктовалось в том числе и национально-освободительными идеями, широко распространенными в Эстонии.

В политические тона окрашивались подчас и организационно-практические инициативы, что наглядно продемонстрировали рабочие одесского завода «Автогенмаш». На профсоюзном собрании, прошедшем в конце 1956 года, они, считая, что «всюду там, где руководят коммунисты, ничего не получается», выступили против избрания инженера на должность председателя завкома только лишь потому, что он член партии⁸⁴³. Коммунистическая партия все больше и больше олицетворяла собой торжествующую бюрократию, которая прикрывала идеологическими лозунгами и проектами свое стремление безраздельно господствовать в стране.

Правительство стремилось всеми доступными мерами сохранить сложившуюся систему управления общественной вертикалью. Несмотря на эти усилия, за годы реформ существенно изменилось отношение «народ — власть». Применительно к 1953 году можно говорить о биполярной системе, где между харизматическим «вождем» и обществом существовала прослойка чиновников, обладавших ограниченными и порой пересекающимися функциями. При Сталине чувство личного страха все же сдерживало в известной мере руководящие кадры от окончательного разложения. После XX съезда партии управление окончательно перешло в руки партийных структур с упорядоченными властными институтами. Между всеми учреждениями установилась известная субординация. Партийная вертикаль приводила в действие соответствующие хозяйственные, военные, образовательные, культурные и карательные органы, не позволяя никому из них обособиться.

Постепенно в общественном сознании сформировался образ «партийной машины», подчинявшей себе не только отдельную

личность, но зачастую и здравый смысл. Осью, скрепляющей эту систему, был аппарат областного комитета партии, возглавляемый «хозяином области» — секретарем, который одновременно возглавлял выборную инстанцию, комитет и его бюро, и был начальником над партийными функционерами. Он входил, как правило, в ЦК, заседал в Верховном Совете и представлял область в Совете Министров, в Госплане или ином руководящем органе. В то же время он распоряжался в местном совнархозе, контролировал работу всех областных инстанций и нес полную ответственность перед центром за все, что происходило во вверенной ему области.

Четкость создавшейся системы позволяла сохранить монолитность общества и управления. Однако даже власть первого секретаря ЦК нельзя считать личной. Она являлась лишь выражением власти партийной. Н. С. Хрущев был обязан каждое свое решение проводить через коллективные инстанции: Президиум и (или) пленум ЦК, учитывая при этом возможную их позицию. Н. С. Хрущев ни разу за всю свою политическую карьеру не пытался обратиться непосредственно к народу. Народом для него, с точки зрения политической, естественно, являлись партийные функционеры достаточно высокого ранга, чтобы быть отобранными на съезд или войти в Центральный Комитет.

Хрущев не стал харизматическим лидером не только потому, что «...был слишком похож на простака с улицы... чтобы люди могли поверить в его способность олицетворять высшую правду», как полагал, например, известный исследователь А. Ахиезер. Скорее причина коренится в самом обществе, которое в 50—60-е годы претерпевало ряд масштабных, прежде всего мировоззренческих, изменений, связанных с завершающим этапом индустриальной модернизации страны.

Следует заметить также, что архитектор партийного строительства Н. С. Хрущев был слишком самобытен, слишком непредсказуем, слишком угловат, чтобы полностью раствориться в предложенной ему роли. Как справедливо было отмечено, он ощущал себя иной раз народным вождем в архаичном значении этого слова, защитником трудящихся от бюрократии, носителем высших социалистических ценностей⁸⁴⁴. В этой своей двойственности он был равно неприемлем и партийными иерархами, не знающими, что им принесет завтра, ни рядовыми гражданами, видевшими в Хрущеве олицетворение бюрократии.

Новации Н. С. Хрущева осуществлялись без изменения основ самого политико-экономического режима, что в значительной степени снизило эффективность предпринятой модернизации советского общества, в том числе и экономики. Несмотря на то что в отдельных аспектах быт советских граждан действительно

улучшился — сотни тысяч семей получили квартиры, повысилось пенсионное обеспечение, — проблема жизненного уровня советских людей продолжала стоять очень остро. В середине 50-х годов спрос на товары широкого потребления в лучшем случае удовлетворялся на 40—50%⁸⁴⁵. По данным зарубежных исследовательских центров в 1956 году количество лиц, получавших заработную плату ниже прожиточного уровня, составляло 8 млн человек⁸⁴⁶.

Одним из последствий политики Н. С. Хрущева стало разрывание в стране движения трудящихся за свои социально-экономические и гражданские права. Собственное использование в данном контексте термина «движение» применительно к выступлениям в рабочей среде в 50 — начале 60-х годов весьма условно. Скорее, то были локальные вспышки недовольства, что не умаляет их значения как протеста против внутренней политики КПСС.

Весь хрущевский период, с точки зрения роста оппозиционности настроений масс, исследователи⁸⁴⁷ условно делят на два этапа. В первый период, с 1953 до конца 50-х годов, практически не наблюдается забастовок. Известны лишь стачка на Московском шарикоподшипниковом заводе в 1956 году и в г. Николаеве в 1957 году. Общее настроение характеризовалось относительной лояльностью к существовавшему порядку, к которому объяснить ожиданием от смены руководства перемен к лучшему, поворота советской экономической системы в сторону обеспечения нормальных жизненных условий, а кроме того, — известной привычкой, выработанной сталинским временем. Вместе с тем, как форма отстаивания своих прав, присутствует массовое пассивное сопротивление, как это было на Украине в 1955—1956 годах. Здесь угольная промышленность регулярно не выполняла план добычи, и власти пошли в конце концов на ряд уступок рабочим⁸⁴⁸.

Значительные изменения в массовом сознании произошли в начале 60-х годов. Носителями специфических черт политического сознания в конце 50 — начале 60-х годов являлись реабилитированные. В результате политической «оттепели» многие тысячи людей возвратились «на волю», где их ждали не только свобода, но и столкновения с обыденными житейскими проблемами. Вчерашние заключенные выдвигали требования возврата им квартир и вещей, отобраанных при аресте. Особенность сложившейся ситуации заключалась в том, что имущество репрессированных часто «наследовалось» работниками органов госбезопасности, проводившими следствие. Реабилитированные и члены их семей настойчиво добивались решения этих вопросов в ЦК КПСС, требуя восстановления своих имущественных прав. Затягивание рассмотрения предъявляемых претензий провоциро-

вало резкую критику работы КГБ и МВД, что находило понимание и поддержку среди окружающих, возбуждая нежелательные, с точки зрения властей, настроения.

Вера в возможность найти правду — одна из самых устойчивых черт массового сознания советских людей в 50-е годы. Многие из реабилитированных стремились через печать привлечь к себе и своим проблемам внимание высшего партийного руководства. В январе 1957 года в «Литературную газету» обратился с письмом Геринштейн Б. Д., выражавший несогласие с постановлением правительства от 8 сентября 1955 года «О лицах, реабилитированных судебными органами». По его мнению, оно недостаточно компенсировало потерпевшим причиненный репрессиями ущерб. Для исправления создавшегося положения он требовал увеличить суммы единовременного денежного пособия, пенсии, немедленно предоставить квартиры⁸⁴⁹.

Экономические проблемы находили свое отражение и в программных документах отдельных «диссидентских» групп. Их появление в 50-е годы означало, что в сознании общества произошли существенные перемены. Однако, что крайне важно, диссидентство 50-х годов еще не являлось антисоветским, оно лишь преследовало цель вернуться к ленинским нормам в партийной жизни. Поскольку эти же задачи, по крайней мере официально, ставила перед собой и власть, то инакомыслие не выходило за рамки спонтанных протестов.

Задачу решить насущные социальные потребности народа ставила перед собой «Ленинская Коммунистическая партия Советского Союза». В распространенном в 1961 году документе этой организации, изданном в виде газеты «Центральные сообщения органа ЦК Ленинской Коммунистической партии Советского Союза», провозглашалось, что целью ЛКПСС является построение коммунистического общества, «основанного на производительном труде»⁸⁵⁰.

В числе мер, способных превратить СССР в государство социализма с «человеческим лицом», планировалось осуществить программу широкого социального обеспечения трудящихся. В области сельского хозяйства, к примеру, должна была произойти ликвидация колхозов и наделение приусадебными участками крестьян. Основной хозяйственной единицей планировалось сделать совхозы, «как отвечавшие требованиям жизни в аграрном секторе хозяйства». Вызывает, по меньшей мере, удивление стремление авторов программы к двум прямо противоположным экономическим мероприятиям: возрождению личных хозяйств и тотальному господству совхозного земледелия. Очевидно, здесь одновременно проявилось стремление к повышению жизненного уровня крестьян и тяга к господству исключительно социалистического способа производства.

Любопытные формы критики политической и хозяйственной деятельности КПСС были обнаружены в трех документах при аресте бывшего работника финотдела совнархоза Латвийской ССР П. М. Спициной (1960 г.). Подвергнув анализу политическую и хозяйственную деятельность партийного руководства, авторы текстов Днепров, Иванов и Чичишев пришли к выводу, что «наша действительность — не социализм, а госкапитализм» и «задача нашего народа — восстановить марксистско-ленинскую теорию и построить социализм»⁸⁵¹. Подобные взгляды, в полном смысле слова, нельзя назвать ни антиправительственными, ни антисоветскими. Их появление в конце 50-х годов скорее говорит о политизации массового сознания после XX съезда партии.

Выработка чисто теоретических положений сочеталась с попытками агитации рабочих и колхозников через листовки. В марте 1960 года в Актюбинской области в районе станции Кандагач неизвестными были разбросаны сотни листовок, которые от имени НТС призывали колхозников саботировать решения декабрьского пленума ЦК КПСС, не продавать животных, требовать самоуправления колхозов, беспартийного руководства⁸⁵². Однако ни теоретические документы, ни листовки не делали их авторов и распространителей ближе к народу. Как правило, все ограничивалось одноразовыми актами анонимного публичного протеста.

Принципиально важно, что изменение отношений между советскими людьми и властью, защиту гражданами своих прав и достоинства от произвола нельзя объяснить лишь общим усилением недовольства экономической обстановкой в стране. При жизни Сталина материальные условия были несколько не лучше. Основы, как представляется, заложили самые первые мероприятия «коллективного руководства». Ликвидация внесудебных органов, исчезновение из газет наиболее угрожающих высказываний в адрес «космополитов» и «врагов народа», а также развернувшаяся в печати кампания осуждения нарушений законности и признание со стороны власти ошибок прежнего правления не могли не произвести в массовом сознании масштабных мировоззренческих и идеологических изменений.

Конкретным выражением этого стали тысячи писем с жалобами на действия местного руководства, направляемые в редакции центральных газет. Люди настойчиво требовали соблюдения своих конституционных прав, что являлось несомненным новшеством в мировоззрении. Не случайно к середине 50-х годов наиболее частыми стали выступления против действий милиции, которая еще несколько лет назад, в период правления Сталина, вызывала наибольшие опасения граждан. Так, в январе 1956 года в Клайпеде возникли беспорядки, вызванные избиениями в милиции задержанных. Массовые волнения, сопровождавшиеся уг-

розами в адрес работников правоохранительных органов, произошли в октябре того же года в г. Славянске Сталинской области⁸⁵³. Примечательно, что большинство задержанных за активное участие в этих событиях — рабочие⁸⁵⁴.

Интересен вопрос не только о социальной, но, что не менее важно, возрастной среде, в которой формировались антиправительственные, можно сказать «раннедиссидентские», настроения. Отдельного рассмотрения заслуживает проблема взаимоотношения власти и молодежи. Частичная либерализация внутренней жизни в Советском Союзе при Н. С. Хрущеве, известная под названием «оттепели», вызвала серьезные сдвиги в сознании советской молодежи, пробудила ее к активной самостоятельной социальной жизни, создала условия для развития многих политических, культурных, духовно-нравственных феноменов.

Самое непосредственное влияние на умонастроения молодого поколения оказал XX съезд партии, ставший поистине эпохальным событием послевоенной отечественной истории. Реакция на съезд, точнее на «секретную» речь Н. С. Хрущева на нем была далеко не однозначной. Для одних, в сказанном на партийном форуме не прозвучало ничего необычного. «XX съезд не произвел во мне никакого переворота. Ничего особенно нового я для себя не открыл, если не считать, конечно, статистики. Единственное, что меня удивляло: почему об этом вдруг сказали»⁸⁵⁵. Так воспринял хрущевское разоблачение «культы личности» московский старшеклассник Владимир Вишняков, уже почерпнувший из циркулирующей среди взрослых информации кое-какие сведения о лагерях, тюрьмах, массовых репрессиях, казнях невинно осужденных людей. Но таких молодых людей было сравнительно немного. Для других, составлявших абсолютное большинство, сказанное партийным лидером явилось подлинным потрясением. XX съезд расценивался ими как «очень крупное событие», которое «сильно задело»⁸⁵⁶, «вырвало сердце-вину мировоззрения»⁸⁵⁷. Диссидент В. Осипов описывал впечатление, произведенное на него XX съездом, следующим образом: «Доклад Хрущева был нам прочитан на закрытом комсомольском собрании в Коммунистической аудитории МГУ на Моховой. На стенах висели четыре портрета: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Конечно, я был потрясен этим докладом. Все сразу приобрело знак «минус»⁸⁵⁸.

XX съезд оказал непосредственное влияние на формирование будущих лидеров диссидентского движения. В марте 1956 года состоялось первое выступление молодого ученого Ю. Орлова — создателя Московской хельсинкской группы. На партийном собрании Института физики АН СССР, посвященном обсуждению решений XX съезда, он открыто говорил об общем упадке чес-

ти и морали и о необходимости демократических преобразований в стране.

Говоря о 1956 годе, его с полным правом можно назвать отправной точкой расцвета молодежных инициатив. Возбужденная переменами и воодушевленная представившейся возможностью более свободно выражать свое «Я», молодежь начала активно, без оглядки, воплощать в жизнь свои задумки и реализовывать потребность в неформальном общении, создавая кружки самообразования и разного рода семинары. В большей или меньшей степени все они оказывались политизированными. Таков был дух эпохи.

В начале 1956 года в Казанском финансово-экономическом институте группой студентов без ведома вузовского начальства было создано «Общество по изучению вопросов экономики и культуры». 29 ноября того же года избранный старостой «Общества...» студент Катаев на курсовом комсомольском собрании открыто пригласил всех желающих принять участие в обсуждении докладов на темы «Является ли культ личности продуктом социалистического общества» и «Является ли мужчина движущей силой общества». Доклады, сделанные коммунистом Гаджиевым, содержали в себе выдержки из речи Тито в Пуле и комментарии радиопередач Би-Би-Си и «Голоса Америки»⁸⁵⁹.

Уже на следующий день Казанский горком КПСС совместно с горкомом ВЛКСМ образовал комиссию для рассмотрения вопроса о состоянии политико-воспитательной работы в финансово-экономическом институте, а вскоре всех, имевших причастность к созданию самостоятельного студенческого объединения исключили из комсомола и отчислили из вуза⁸⁶⁰.

Новым в настроениях учащейся молодежи было и то, что она уже не сносила покорно гонения и репрессии за смелость иметь собственные суждения. В 1956 году в ЦК ВЛКСМ поступило коллективное письмо от студентов Таганрогского радиотехнического института, возмущавшихся исключением из вуза своих товарищей за чересчур наглые, по мнению начальства, вопросы, заданные на семинаре по изучению материалов XX съезда. Студентов интересовало: как понимать термин «экспорт революции», какова точка зрения Троцкого Л. Д. на мировую революцию, какую позицию занимали по этой проблеме большевики в 1917—1918 годах⁸⁶¹.

Дальнейшая радикализация сознания молодежи связана с событиями в Польше и Венгрии. Даже у вполне лояльно настроенных по отношению к власти представителей молодого поколения подавление вооруженным путем венгерской «революции», сразу же вслед за XX съездом, оставило неприятный осадок в душе. И. Волгин вспоминал: «У меня было двойственное ощущение. С одной стороны, как ни странно, искренне сочувствие

к восставшим. Я желал им победы. При отсутствии какой-либо альтернативной информации, я инстинктивно ощущал: наши танки в Будапеште — это зло, во всем этом присутствует какая-то чудовищная ложь. Но, с другой стороны, я вовсе не хотел, чтобы социалистический лагерь был ослаблен или, не приведи Господи, вообще развалился. Я понимал, что повстанцы сражаются за справедливое дело, за свободу, но сам факт вооруженной борьбы не одобрял»⁸⁶². Что же было говорить о молодежи инакомыслящей. Думается, что здесь уместно привести патетическое воспоминание о тех временах В. Буковского. Он писал: «После того, как красноезвездные танки — мечта и гордость нашего детства — давили на улицах Будапешта наших сверстников, кровавый туман застилал нам глаза. После того, как весь мир предал нас, мы никому не верили. Мы хотели погибнуть, плечом к плечу с теми, кому доверяли безоглядно...»⁸⁶³.

Часть молодежи рассматривала венгерские события как образец для подражания, руководство к действию. В 1957 году ЦК ВЛКСМ сообщил в ЦК КПСС, что в период венгерских событий вся группа семинара литературных переводчиков Литературного института им. Горького в ответ на объяснения происходящего в официальном ключе вскочила с мест с криками: «В Венгрии произошла революция. Нам тоже нужна такая революция, как в Венгрии»⁸⁶⁴.

Подавление оппозиционного движения в Венгрии стало побудительным мотивом для создания нелегальных политических групп и кружков. На это указывают даты возникновения подпольных молодежных организаций и личные признания их участников. Хотя начало вызревания идеи политической оппозиции режиму, естественно, относится к более раннему периоду. Так, еще в 1953 году после смерти Сталина и ликвидации Берии, будущий основатель и лидер известной московской молодежной группы Л. Н. Краснопевцев совместно со своим товарищем Л. Ренделем написали несколько работ, в которых рассуждали о путях развития социализма⁸⁶⁵.

Был и еще один фактор, определивший развитие сознания думающей молодежи в направлении конфронтации с властью. «Революционный романтизм» молодых далеко не всегда довольствовался отведенным для него руслом, выплескиваясь за строго очерченные границы советской демократии. В ответ на это, по точному замечанию В. Осипова «чиновники, для которых политический строй никогда не был предметом поклонения, немедленно записали нас в разряд врагов... Увы, в самом начале вы отшвырнули нас, единственных, кто беззаветно защитил бы систему, ту часть поколения, которая могла бы укрепить государство. Функционеры этого не пожелали и отбросили всех идейных»⁸⁶⁶. После чего «идейные» пошли своим

путем, сделав попытку по-новому взглянуть на социалистические ценности.

В сущности, молодые «нелегалы» следовали в направлении провозглашенного руководством КПСС возвращения к «истокам», но пошли в своих искания гораздо дальше, чем это допускалось «сверху», занявшись ревизией творческого наследия В. И. Ленина и обратившись к другим течениям в социал-демократии. С юношеским энтузиазмом молодые «революционеры» одинаково жадно осваивали как большевизм, так меньшевизм и троцкизм. В качестве элемента политического конструктора, из которого молодежь надеялась сложить справедливое общество, присутствовал также «титоизм». Рядом организаций он рассматривался в качестве наиболее правильного воплощения на практике идеи социализма.

В ходе переосмысления пройденного исторического пути и переоценки нормативных ценностей молодежью, обладавшей способностью к теоретическому мышлению, были созданы оригинальные концепции и программные разработки. Так, студент Уральского педагогического института Г. Е. Федосеев написал труд под названием «Классовый социализм», в котором выдвинул тезис о том, что советская интеллигенция является не пролойкой общества, а господствующим классом⁸⁶⁷.

Создававшиеся молодежью подпольные политические организации строились по единому образцу, заимствованному из арсенала российских революционеров. Единой была и цель леворадикальной молодежи, заключающаяся в перестройке советского общества в духе демократического социализма.

Марксистская заданность мировоззрения, свойственный возрасту максимализм предопределили методы и средства достижения поставленной задачи. Практически во всех «программах» разработанных молодыми диссидентами содержался тезис о вооруженном восстании. Необходимость его мало кто оспаривал. Ленинградская организация «Социал-прогрессивный союз» предельно четко формулировала цель своей деятельности: «свержение коммунистической диктатуры и создание многопартийной системы в условиях парламентской демократии»⁸⁶⁸.

Из решительных намерений, однако, не последовало адекватных им действий. Главной формой оппозиции стали выработка компанией друзей определенной политической «платформы», (существовало великое множество таких документов), распространение «антисоветских» листовок и немногочисленные попытки наладить кустарными способами выпуск собственных газет, после чего группа, как правило, ликвидировалась. Так, в мае 1958 года органами госбезопасности были задержаны молодые граждане Г. С. Укуров, Ю. А. Пирогов, В. С. Поленов, разбрасывавшие листовки в Краснопресненском районе Москвы⁸⁶⁹.

Пиком практической деятельности кружка Л. Н. Краснопевцева был выпуск листовки, призывавшей вести борьбу за обновление в духе XX съезда, за создание рабочих советов, к открытым выступлениям на партсобраниях, требованием суда над виновниками преступлений 1937—1953 годов⁸⁷⁰.

Материалы для изготовления прокламаций, иногда их тираж достигал нескольких сотен экземпляров⁸⁷¹, брались из газет стран народной демократии, передач западных радиостанций, самиздата. В ход шли и личные впечатления, и наблюдения подпольщиков.

С деятельностью молодежных политических неформальных организаций второй половины 50-х годов связаны первые ростки правозащитной идеологии. Из хода судебного процесса над членами ленинградского «Общества сумасшедших на свободе» Р. Пименова и Б. Вайля известно, что подсудимые признали себя виновными только в антиправительственной деятельности, но не в антисоветской, заявив, что правительство как исполнительный орган нарушает Конституцию, а они выступают за ее неукоснительное соблюдение.

Вторая половина 50-х годов стала временем бурного развития студенческого самиздата, посредством которого молодежь реализовывала потребность в свободном выражении своих взглядов и отстаивала собственные культурные пристрастия и интересы. Позитивное влияние на выход самиздата на качественно новый уровень оказали «технический прогресс», переход от ручек к пишущим машинкам, и традиции вузовской стенной печати.

За довольно короткое время значительно выросло число газет выпускавшихся силами учащихся различных курсов и групп⁸⁷². Среди нелегальных студенческих газет и журналов, выходивших в 1955—1957 годах, можно назвать «Фиговый листок» — нелегальное издание Вильнюсского университета, «Голубой бутон» — самиздатовский орган Ленинградского университета, «Культуру» — стенную газету Ленинградского технологического института, «Свежие голоса» — рукописный журнал студентов Ленинградского института железнодорожного транспорта, «Колокол» — стенную газету МГУ⁸⁷³.

Довольно долгое время самиздат был почти исключительно художественным. В большой моде были поэтические альманахи, содержащие стихи молодых авторов и произведения А. Ахматовой, З. Гиппиус, М. Цветаевой, Н. Гумилева, И. Северянина, О. Мандельштама, Б. Пастернака, прозу и поэзию западных литераторов. В то же время самиздат (вузовские газеты и журналы) уже с самого начала содержали материалы, затрагивающие злободневные, острые вопросы современности: дискуссии о методе соцреализма, о состоянии дел в комсомоле и др.

В 1961 году в Московском историко-архивном институте некоторое время выпускался бесцензурный журнал «Золотарик» с резкой критикой советской действительности. Статьи в журнале были отпечатаны на машинке и иллюстрированы фотоснимками и рисунками⁸⁷⁴. Журнал ходил по рукам среди некоторой части студентов.

Разновидностью самиздата был самиздат музыкальный, начавшийся с пластинок П. Лещенко и А. Вертинского. Существовала целая индустрия музыки, записываемой на старых рентгеновских пленках. В дальнейшем ее сменили магнитофонные записи популярных среди молодежи авторов и коллективов.

Вторая половина 50-х годов ознаменовалась расширением контактов советского общества с внешним миром. В СССР проходили гастроли западных театров, джазовых коллективов, выставки моделей одежды. Официально были разрешены показы «чужой» моды в зале ГУМа и на страницах международного журнала, повсюду звучала современная западная музыка. Это оказывало раскрепощающее влияние на советскую молодежь. Модные прически, одежда, музыка, стиль жизни стали объектом ее пристального внимания. Огромное воздействие на молодежь оказал Международный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Москве. На нем впервые за долгие годы молодые люди могли свободно общаться со своими зарубежными сверстниками. Современник фестиваля В. Скуратовский не без основания считает, что: «результатом московского фестиваля явилась не победа «сил мира и социализма», а взаимное знакомство свободного Запада и освобождающейся от пут сталинизма советской Евразии»⁸⁷⁵.

Символом независимости в быту выступали «стиляги», в обилии появившиеся на центральных улицах крупных городов. Их внешний вид шокировал обывателей и вызывал негодование у начальства. «Стиляг» не признавали за часть общества. С возмущением говорилось о том, что «они не похожи на советских людей, на советскую молодежь»⁸⁷⁶. Следовательно, необходимо с ними бороться, что и делалось. «Стиляг» ругали в прессе, исключали из учебных заведений, устраивали на них облавы. Специально созданные комсомольские бригады вели против «стиляг» идеологическую борьбу.

За длинный язык и тягу к общению с иностранцами «стильная» молодежь становилась объектом агентурной разработки КГБ. В октябре 1958 года Комитет госбезопасности в справке в ЦК КПСС сообщал, что за связь с иностранцами в 1957 году арестовано и осуждено по статье 58-2-а и 58-10-1 УК 7 человек из числа неблагополучной молодежи⁸⁷⁷. И все же искоренить данное явление не удавалось. Тяга к самовыражению, естественное для молодежи стремление выделиться, соответствовать моде,

оказывались сильнее угрозы преследований и репрессий. Молодежь уже не хотела быть одноликой серой массой, человеческим материалом социалистического строительства.

Некоторые объединения «стиляг» становились широко известными. Так, в конце 50-х годов в Молдавии «гремели» участники так называемого Кишиневского института бездельников. Назвавшись «безыдейными», они выдвинули девиз «Спешите жить», противопоставив себя «великим планам строительства коммунизма»⁸⁷⁸.

Данный лозунг отражал наметившуюся в среде части молодежи, прежде всего студенческой, тенденцию к отходу от «громоздя планов», усиленно поддерживавшегося властью официального образа советского человека. Часть молодежи 50-х уже не хотела, как «отцы», жить исключительно задачей строительства социалистического общества. Ее интересовали сиюминутные, «ненужные» проблемы, «мещанские вопросы»: стильно танцевать или нет, как одеваться, какую музыку слушать. В 1957 году группа студентов Литовского художественного института обратилась в местную газету с предложением провести дискуссию на тему «Как танцевать «буги-вуги»?», проигнорировав запланированное изучение марксистского видения искусства⁸⁷⁹.

После смерти И. В. Сталина расцветает самодеятельное молодежное поэтическое движение. Стихия поэтического слова буквально захлестнула молодежь. Повсеместно в вузах стали образовываться многочисленные студии молодых поэтов и писателей, чье творчество сразу же привлекло внимание широких молодежных масс. В Ленинграде, например, поэтические вечера неизменно собирали многочисленную аудиторию. На одном из первых подобных мероприятий в ноябре 1954 года, прошедшем в Политехническом институте, свыше тысячи студентов в течение трех часов с неослабевающим вниманием слушали выступающих⁸⁸⁰. Эпицентрами любительской молодежной поэзии стали литературные объединения при институтах и университетах.

В обстановке относительной свободы действий студентам в 1954—1957 годах удавалось составлять и издавать сборники своих стихов без какой-либо цензуры. Однако поэтическая «оттепель» длилась недолго. Спыхватившееся начальство быстро разобралось в том, что направленность поэтической мысли молодежи далеко не всегда совпадает по вектору с официальными установками, и предприняло наступление на независимую поэзию. Студенческую поэзию стали ругать за апатию, цинизм, «безразличие к окружающему». В 1957 году по распоряжению первого секретаря Ленинградского обкома партии был сожжен сборник стихов литературного объединения Горного института⁸⁸¹.

Рост культурной самодеятельной активности молодежи, дискуссии о духовных, нравственных проблемах советского обще-

ства, интерес к нестандартным мировоззренческим элементам привели к возникновению неформальных культуротворческих молодежных объединений. Наибольшее распространение получили клубы и кружки по интересам.

В 50-е годы возникает феномен самодеятельной песни. Еще в 1955 году геолог из Ленинграда А. Городецкий занялся «поющей поэзией», развившейся впоследствии в массовое бардовское движение, воплотившее в себе искания и идеалы молодежи 50—60-х годов.

Широкий размах получило движение студенческого театра. На любительские молодежные спектакли сразу же возникла большая мода. В 1954 году с огромным успехом по Домам культуры и клубам Ленинграда прошла постановка Ленинградского электротехнического института «Весна в ЛЭТИ»⁸⁸². В Москве в конце 50-х огромной популярностью пользовались действовавшие при ДК МГУ театр под руководством Р. Быкова и эстрадная студия «Наш дом» М. Розовского, И. Рутенберга. Характеризуя цели творческого объединения «Наш дом» Р. Быков писал: «Мы взяли на вооружение такие слова, как театр гражданский, театр высокой политической принципиальности, активного отношения к жизни, театр тенденциозный и политический»⁸⁸³.

Не скованные грузом стандартов актеры-любители сумели найти новаторские средства выражения, значительно опередив в этом отягощенное условностями профессиональное театральное искусство. М. Захаров, вспоминая эпоху 50-х, говорил: «Мы начинали работать в СТ в революционный момент в истории театра, когда шел слом старых, довоенных традиций и новое время стучалось во все двери. Эти новые веяния требовали своего отражения, исследования. Студенческая среда как молодая, развитая часть общества всегда лидировала в ситуациях культурного слома»⁸⁸⁴. Молодежные театры были явлением в равной степени эстетическим и общественным. Они занимали активную гражданскую позицию, смело поднимали острые вопросы современности, вели полемику с прошлым.

В конце 50-х годов на новый виток развития выходит поэтическое движение. Поэзия становится знаменем эпохи. Происходит повышение эстетической «компетентности» молодежи. В конце 50 — начале 60-х она открывает для себя множество новых имен русских поэтов начала XX века. В то же время нарастает волна самодеятельного стихосочинительства.

Увлечение стихами породило массовые собрания молодежи на площади Маяковского в Москве. Официальное открытие памятника поэту 29 июня 1958 года, закончившееся незапланированным чтением стихов желающими из собравшейся публики, настолько понравилось молодежи, что решено было превратить 14 число каждого месяца в дату регулярных встреч. Вскоре на

площади образовалось некое подобие клуба под открытым небом. Движение «маяковцев» первоначально носило характер культурной инновации. Собиравшаяся на площади молодежь читала Есенина, Евтушенко, Ахматову, Пастернака, стихи собственного сочинения, спорила. Политики почти не касались. По свидетельству В. Осипова, «никто не ставил под сомнение «Октябрь» и необходимость коммунизма. Встречались лишь новоявленные сен-симоны, сватавшие социализм за свободу»⁸⁸⁵.

В обстановке стихийного общения на площади сложилось несколько молодежных групп, по сути, компаний по интересам. Никто из них никому не мешал и ни одна группа не претендовала на лидерство. Площадь принадлежала всем. Популярность «Маяка» быстро перешагнула столичные рамки, вызвав интерес у молодежи других городов и республик, специально приезжавшей в Москву для того, чтобы окунуться в атмосферу неформальных собраний. Была даже сделана попытка организовать, на манер площади Маяковского, публичные чтения в Тамбове⁸⁸⁶.

Отношения «маяковцев» с властями были сложными, варьируясь от планов создания клуба под открытым небом со смешанным руководством и превращения сходов молодежи у памятника поэту-футуристу в устные литературные журналы до разгона самодельных чтцов и публики силами милиции и дружинников. В конечном итоге охранительная тенденция не преобладающая любые несанкционированные инициативы, возобладавала. Этому в немалой степени способствовала политизация «Маяка». Молодежный самиздат постепенно наполнился критической прозой, а на площади и около нее сложились оппозиционные объединения. В изобилии появились разного толка неомарксисты и некоммунисты.

Присутствовали и сторонники террора. Бывший участник подпольной политической группы А. Иванов, считая, что пропаганда в условиях тоталитарного общества не действенна, выступил с предложением организовать покушение на Н. С. Хрущева, ведущего, по его мнению, мир к войне. Проект Иванова, получивший название «Космонавт», не был, однако, одобрен умеренными «маяковцами».

Радикализация «Маяка» вызвала резкую ответную реакцию властей. Молодых людей, читающих и слушающих стихи, начали задерживать. Их фамилии записывались и сообщались в институты, что обычно влекло за собой исключение из вуза⁸⁸⁷. Периодически проводились обыски, сопровождавшиеся изъятием у юношей и девушек продукции самиздата. В апреле 1961 года во время очередного митинга произошло открытое столкновение с дружинниками и милицией, после чего собрания стали разгоняться. Часть активных «маяковцев» была арестована, и концу 1961 года жизнь на площади замерла.

Значение «маяковского» движения чрезвычайно важно. Поэтические вечера явились яркой страницей в культурной жизни столицы и страны, они в значительной мере способствовали формированию новых норм общения, стали неотъемлемым атрибутом духовной жизни страны, символом нравственного и эстетического выбора, формой консолидации молодежи, наконец, дали начало вызреванию элементов демократического движения в СССР. Следует, как нам кажется, согласиться с мнением о том, что «чтения у памятника оказываются звеном в предыстории диссидентства, стихийным протестом, умело направленным в нужное русло твердой рукой политического организатора. Стихи становятся здесь как бы ранней, еще незрелой формой общественного противостояния»⁸⁸⁸.

«Маяковска», естественно, не исчерпывала собой всего многообразия самостоятельных начинаний молодого поколения. На стыке 50 — 60-х происходило бурное распространение в молодежной среде разного рода диспутов, выставок живописи, театральных и поэтических вечеров.

Большой популярностью пользовались дискуссионные клубы. Часть их функционировала под эгидой официальных структур, часть вела совершенно независимое существование. Так, в начале 60-х годов в МХТИ под руководством студента С. Калашникова работал сам по себе, никем не утвержденный клуб «Диск», ставивший целью обсуждение всех вопросов, интересовавших студентов — от проблем учебы до вопросов политики и искусства⁸⁸⁹. Заседания проходили в непринужденной обстановке с участием всех желающих.

Одним из видов самостоятельной общественно-политической активности студенчества начала 60-х был протест против нападок хрущевской администрации на творчество нестандартно мыслящих писателей и художников. Устроенный Н. С. Хрущевым на выставке художников в Манеже 1 декабря 1962 года разнос «абстрактного» искусства и «проработка» деятелей литературы и искусства 17 декабря 1962 года и 8 марта 1963 года произвели отрицательное впечатление на молодежь вставшую на защиту «абстракционистов». В марте 1963 года в ЦК КПСС поступило письмо студентки МГУ Г. Щегольковой: «Я нахожусь сейчас в полной растерянности. Все, во что я верила, во имя чего жила, — рушится... Атмосфера, создающаяся сейчас, есть атмосфера администрирования, насилия, необоснованных обвинений, оплевывания, демагогии и декламации самых высоких слов, которые честный человек произносит только в самый трудный момент»⁸⁹⁰. Наиболее критично и непримиримо было настроено столичное студенчество, имевшее возможность непосредственно, а не по статьям в центральной прессе, ознакомиться с гонимыми произведениями и авторами. На организованных

начальством в вузах открытых дискуссиях, призванных дать отпор «демагогам», направить обсуждение вопросов литературы и искусства в нормативное русло, наиболее радикально настроенные студенты вездвливо интересовалось у своих оппонентов, загоняя их в тупик: «Почему нельзя изображать грустные, отрицательные явления нашей жизни?», «Что такое социалистический реализм?»⁸⁹¹

Отдельного разговора заслуживает тема: религия и молодежь. Хотя в целом молодежь была отчуждена от церкви, часть ее, причем довольно значительная, проявляла живой интерес к вопросам веры. В Москве в начале 60-х годов студенты в праздники посещали церкви, отдавая дань традициям и культуре русского народа⁸⁹². В 1958—1959 годах, стремясь разобраться в сущности православия, студенты МГПИ им. Ленина пытались пригласить в студенческую аудиторию для бесед и дискуссий служителей культа⁸⁹³. В сельской местности многие молодые люди под воздействием деревенского образа жизни и примера старших соблюдали религиозные обряды и участвовали в церковных хорах и службах.

Среди молодежи определенным успехом пользовалась реклама духовного образования, проводившаяся приходскими священниками. Только за один 1955 год 28,6% семинаристов пришли в православные семинарии из школьных классов⁸⁹⁴. Среди тех, кто свою жизнь посвятил служению богу, встречались, и не так уж редко, бывшие комсомольцы. Так, в 1955 году в Ростовской области состоялось назначение на приход Захарова, в прошлом члена ВЛКСМ⁸⁹⁵. В 1958 году в нескольких молдавских селах отмечалось уничтожение комсомольцами своих членских билетов с последующей подачей заявлений о поступлении в духовную семинарию⁸⁹⁶. Большой общественный резонанс получило в 1959—1961 годах «дело» студентов МГУ Бобкова и Лейкина, выступивших не просто в качестве рядовых верующих, но активных пропагандистов православия⁸⁹⁷.

Встречались молодые люди открыто становившиеся на защиту свободы веры и стойко переносившие преследования за свои религиозные убеждения. Так, в 1957 году студентка Самаркандского института советской торговли А. Голубева подвергалась гонениям со стороны начальства за веру в бога, но не отступилась от нее, даже после того как ее исключили из вуза за положительный ответ на вопрос: «Есть ли бог?» на экзамене по истории КПСС⁸⁹⁸.

Предпринятое в конце 50 — начале 60-х годов Н. С. Хрущевым наступление на религию нанесло серьезный удар по религиозности молодежи, но не смогло полностью подорвать влияние церкви в ее среде. Довольно высоким оставался уровень исполнения обрядов. Например, в 1962 году через обряд кре-

шения прошло 1 млн 400 тыс. детей и подростков. Еще больше было тех молодых людей, кто участвовал в обряде в качестве крестных. Естественно, что для большинства это было единственное серьезное приобщение к вере, но даже такая форма общения с религией не проходила бесследно, формируя представление о «нужности» церкви в обществе, поддерживая «пережитки прошлого», против которых боролась коммунистическая идеология.

Молодежь стояла у истоков русского национального движения, частью которого было движение за охрану памятников старины. Первым в 1964 году при Московском отделении Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры возник студенческий клуб «Родина». В следующем году создается добровольное объединение «Россия», выступавшее за бережное отношение к наследию материальной и духовной культуры.

ПРОЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЧАЛА 60-х ГОДОВ

Борьба за первенство в партии и государстве завершилась к концу 50-х годов установлением безоговорочного лидерства Н. С. Хрущева. Все члены Президиума Центрального Комитета (кроме Микояна) сталинского состава и авторитетные фигуры (Жуков) были устранены. Тем самым обстановка на вершине властной иерархии принципиально менялась. Первый секретарь ЦК КПСС, став еще и Председателем Совета Министров СССР, сосредоточил в своих руках все реальные властные рычаги и, соответственно, получил широкие возможности для осуществления масштабных политических замыслов, основываясь на собственных представлениях и идеях. Вторая половина хрущевского десятилетия характеризуется беспрецедентными политическими кампаниями, инициированными лидером партии и правительства. Среди них можно выделить принятие третьей Программы КПСС, разработку нового проекта Конституции СССР, реорганизацию партийных и советских органов по производственному принципу. Эти проекты оставили значительный след в жизни страны начала 60-х годов, знаменуя собой неповторимость, своеобразие той эпохи.

Следует подчеркнуть, что ее сущностным, определяющим моментом стало выдвижение на первый план курса на непосредственное, развернутое строительство коммунизма. Сохранив практически в неприкосновенности сталинскую доктрину социализма, Хрущев с готовностью стал эксплуатировать тезис о переходе к высшей стадии общественного развития. С трибуны XX съезда КПСС он убеждал: «Советская страна находится сейчас на крутом подъеме. Если образно говорить, мы поднялись на такую гору, на такую высоту, откуда уже зримо видны широкие горизонты на пути к конечной цели — коммунистическому обществу»⁸⁹⁹. Уже с конца 1958 года, и в особенности с момента появления тезисов по семилетнему плану развития народного хозяйства⁹⁰⁰, пропаганда начинает приобретать все более ма-

жорный тон, становясь жертвой ненаучных представлений о достигнутом уровне социально-экономического развития страны и дальнейших возможностях общества, однако публично настаивая именно на научном характере обоснования современного развития страны как периода развернутого строительства коммунизма. О коммунизме заговорили так, будто он действительно уже не за горами. В ходе соревнования в честь XXI съезда партии, инспирированного в значительной мере сверху, возникло движение за коммунистическое отношение к труду. За право называться коммунистическими боролись бригады, цеха, целые коллективы предприятий. Их девизом стал лозунг «Трудиться и жить по-коммунистически». Официальная пропаганда настойчиво рекламировала движение как форму новых, подлинно коллективистских отношений людей не только на производстве, но и в сфере быта, досуга, интересов.

Ростки нового, коммунистического в обыденной жизни, общественных отношениях неумоимо отыскивались и широко использовались во всех каналах идеологического влияния. Надо признать: это имело определенное магическое воздействие в силу целого ряда причин, в том числе и социально-психологического характера, связанных с вековой мечтой человечества о социальной справедливости, о царстве изобилия и благоденствия. На одном из совещаний в ЦК КПСС восторг вызвал факт зримо-го, как тогда говорилось, проявления «ростков коммунизма» на «ниве» одного из алтайских колхозов. Его труженики, уверовав в коммунизм всего через 15—20 лет, приняли решение доставлять бесплатно из колхозного магазина все необходимые продукты, товары старейшей супружеской паре колхозников, не имеющей из-за преклонного возраста шансов дожить до этих светлых дней, с тем, чтобы они хотя бы таким образом уже сейчас, при жизни, смогли вкушать плоды будущего коммунистического устройства⁹⁰¹.

Всплеск эйфории, связанный с головокружительными планами коммунистического строительства, реальность выполнения которых постоянно подчеркивалась на всех уровнях, был удачно дополнен знаменательной победой, одержанной в сфере покорения космического пространства. Первый полет человека в космос стал поистине фактором всемирного значения и дал возможность оценить советские достижения с новых и весьма оптимистических позиций. Это, безусловно, создавало дополнительный позитивный фон. Полет корабля-спутника «Восток» расценивался как убедительный факт, демонстрирующий превосходство социалистического строя над отживающим миром капитализма. Лишь стране победившего социализма, убеждало себя и весь мир руководство КПСС, оказалось под силу в столь короткий срок сделать так много в завоевании космоса. «В этой

победе, — говорил Н. С. Хрушев в речи на Красной площади 14 апреля 1961 года, — новое торжество ленинских идей, подтверждение правильности марксистско-ленинского учения. В этой победе человеческого гения воплотились и нашли свое наглядное выражение главные результаты всего того, чего достигли народы Советского Союза в условиях, которые создала Октябрьская социалистическая революция»⁹⁰². Весьма примечательно и отнюдь не случайно, что это действительно выдающееся достижение использовалось в качестве аргумента в пользу реальности, научности проводимой политики, включая вывод о вступлении страны в этап развернутого строительства коммунизма.

Приближающееся «дыхание» коммунизма становилось отличительной особенностью всей общественно-политической жизни советского общества конца 50-х годов. Курс на коммунистическое строительство, перевод его восприятия в практическую плоскость объективно требовали серьезной коррекции основополагающих установок и, прежде всего, обновления главного содержательного документа КПСС — ее Программы. Работа над проектом новой Программы началась уже в середине 1958 года. Это была одна из самых крупных кампаний в теоретической и политической жизни КПСС. Более трех лет руководство партии и правительства, крупнейшие ученые и специалисты (около 100 человек) трудились над текстом. Большое внимание этому процессу уделял Н. С. Хрушев. В беседе с Б. Н. Пономаревым (19 июля 1958 г.) по вопросам составления проекта первый секретарь ЦК подчеркивал, что документ должен быть ясным, четким, вдохновляющим, по сути дела, поэмой нашей партии⁹⁰³. Изучая представленный текст и делая к нему свои поправки, Хрушев с удовлетворением констатировал: «Когда будет опубликован проект Программы, данные о перспективах экономического развития Советского Союза вызовут восторг и воодушевление у всех наших друзей и страх у наших врагов»⁹⁰⁴.

Публикация проекта для всенародного обсуждения состоялась 30 июля 1961 года в «Правде». Документ вызвал небывалый интерес не только у коммунистов, но и у всех советских людей. Об этом говорят такие данные: только за полтора месяца (с 1 августа по 15 сентября 1961 г.) на партийных конференциях, собраниях трудящихся, посвященных обсуждению этого документа, присутствовало почти 44 млн человек, а выступило около 3,5 млн. В ЦК, обкомы, крайкомы КПСС, редакции центральных и местных газет, на радио и телевидение поступило 170 801 письмо, из которых 40 733 опубликовано⁹⁰⁵. Средства массовой информации заполнились бесчисленными дифирамбами по поводу обнародованного проекта. Из номера в номер «Правда» помещала пассажи о его мировом значении типа «И вот пробил

час нового поворота в умах людей, ослепленных сказками о капитализме»⁹⁰⁶. Однако помимо множества подобных пропагандистских находок ощущались и неподдельные, искренние чувства радости, счастья, выражаемые, как правило, простыми людьми. Это хорошо передано в письме учительницы М. Волковой (г. Москва): «Прочитав проект Программы КПСС, я вспомнила наши мечты с учащимися о коммунизме. Разговор на эту тему обычно кончался вопросом: «Когда это будет?» Мне верилось, что будет скоро, но я не могла и подумать, что это будет так скоро. Как я счастлива»⁹⁰⁷. Вне всякого сомнения, кампания принятия новой Программы партии с четким и ясным указанием цели — коммунистическое общество, и конкретных сроков его построения — 20 лет, не могли оставить никого равнодушным.

Программа затрагивала ключевые проблемы международной и внутренней жизни. В разработке многих вопросов просматривался и утопизм, и нетрадиционные новаторские подходы. В этом смысле третья Программа КПСС представляла собой плод представлений советских людей начала 60-х годов о мире, собственной стране, тенденциях общественного прогресса. В ней поистине воплотился весь драматизм развития Советского Союза. В первую очередь и в полной мере это относится к идеям экономической политики, заложенным в Программе. Масштабы народнохозяйственной модернизации, предусмотренные в документе, выглядели впечатляющими: в 1980 году в стране должно быть произведено 250 млн тонн стали, 690—710 млн тонн нефти, 1180—1200 млн тонн угля, 125—135 млн тонн минеральных удобрений, 233—235 млн тонн цемента, построено 180 ГЭС, около 200 ТЭЦ, 2800 новых машиностроительных и металлургических предприятий. Как указывалось, через 20 лет СССР в общей сложности будет производить почти в два раза больше промышленной продукции, чем ныне производится во всем мире⁹⁰⁸. Однако присутствие обильных цифровых данных, демонстрирующих конкретный рост тех или иных отраслей народного хозяйства, выглядело не совсем оправданно и логично для сжатого программного документа. Вот как об этом в своих воспоминаниях рассказывает один из разработчиков Программы Ф. Бурлацкий: «Самые большие споры вызвало предложение включить в Программу цифровые материалы об экономическом развитии страны и ходе экономического соревнования на мировой арене. С этим предложением на одно из заседаний приехал крупный хозяйственник А. Ф. Засядько. Насколько я припоминаю, члены рабочей группы... решительно выступили против этого предложения. Доклад, который сделал Засядько в рамках рабочей группы показался... нам легкомысленным и ненаучным. Выкладки о темпах развития нашей экономики и экономики

США фактически были взяты с потолка: они отражали желаемое, а не действительное»⁹⁰⁹. Это свидетельство — наглядный пример верховенства идеологии над научно-экономическими разработками, раскрывающее механизм принятия решений при подготовке третьей партийной Программы.

Тем не менее важным, новаторским подходом намеченного экономического курса стало смещение акцентов в темпах роста промышленного производства. Принципиальной здесь явилась идея о более быстром развитии отраслей группы «Б» по отношению к тяжелой промышленности. В докладе на XXII съезде КПСС Хрущев так развивал эту мысль: «В период, когда наша тяжелая индустрия только создавалась, мы вынуждены были направлять накопления прежде всего на развитие предприятий I типа и ограничивать вложения во II группу. Теперь мы имеем возможность значительно увеличить капитальные вложения также и в предприятия II вида, что ускорит темпы роста народного потребления». Планировалось, что продукция тяжелой индустрии возрастет к 1980 году в 6 раз, а легкой промышленности — в 13 раз⁹¹⁰. Это был очень существенный момент. Ведь еще в середине 50-х годов Хрущев видел перспективы социалистического развития общества в усилении внимания исключительно к тяжелой индустрии и недооценивал необходимость ускорения темпов развития отраслей группы «Б», что, в конечном счете, сдерживало социальную направленность народнохозяйственного строительства. Парадокс заключался и в том, что в середине 50-х годов именно за стремление изменить пропорции экономического развития в пользу группы «Б» пострадал Маленков, обвиненный тогда в правом уклоне и смещенный с поста Председателя Совета Министров СССР. Теперь же в начале 60-х Хрущев совершенно по-другому ставил этот вопрос, руководствуясь иными критериями. В Российском государственном архиве социально-политических исследований имеется стенографическая запись замечаний первого секретаря ЦК на проект Программы КПСС. Он говорил: «Что главное в коммунистическом обществе? Человек. И поэтому все усилия, физические и умственные, и материальные средства должны быть направлены на лучшее удовлетворение потребностей человека... Так надо сказать! А тут по-старому сказано... Средство производства такое количество надо производить, которое необходимо для того, чтобы удовлетворить запросы человеческого общества, то есть средства потребления. Одно дело двадцать лет тому назад, когда мы говорили — это правый уклон, а теперь другая обстановка, следовательно другой лозунг должен быть»⁹¹¹.

Поворот к человеку, его потребностям — это отличительная позитивная черта третьей Программы КПСС. Казалось бы, она провозглашала все во имя человека и для его блага. Казалось бы,

именно человек ставился в центр всей деятельности, был ее главной приоритетной целью. Однако на деле построение коммунизма, обозначенное жесткими временными рамками, вновь, как и в 30-е годы, ставило вопрос о сроках, о высоких темпах создания материально-технической базы. Во имя этого трудящимся предстояло напрягаться и перенапрягаться, снова жертвовать настоящим, откладывая получение реальных благ на завтрашний, хотя и очень скоро обещанный, день. Продолжал торжествовать недопустимо узкий подход к человеку прежде всего как к работнику, как к производителю материальных благ. Иными словами, перед нами воспроизводилась все та же хорошо знакомая мобилизационная модель экономики, апробированная десятилетиями советского опыта. Настойчиво звучал в целом справедливый тезис о неразделении труда и коммунизма, все чаще переходивший в грозные предостережения типа «к коммунизму вразвалку, распоясавшись, идти не позволим»⁹¹², в котором можно было уловить привычный еще по 30-м годам мотив «насильственного осчастливливания людей». В результате формировались две крайности: с одной стороны, обоснование необходимости взвинчивания темпов героического, жертвенного труда, с другой — размагничивающее, демобилизующее обещание долгожданных скорых благ, доступного пользования ими. Не случайно пропагандистские выступления, объясняя программу построения коммунизма, нередко строились по принципу: как будут жить люди через двадцать лет, что они будут получать. Подсчитывалось и сообщалось, сколько в 1980 году на каждого советского человека будет приходиться квадратных метров ткани, пар обуви, килограммов сахара, мяса, литров молока.

Мобилизационная модель экономики, хотя и заметно скорректированная, продолжала оставаться базисной в определении путей развития народного хозяйства. Но другим, и пожалуй, самым серьезным недостатком экономической концепции, изложенной в Программе, стало неосознание важности структурной перестройки экономики с опорой на высокотехнологические, наукоемкие отрасли. Главным содержанием эпохи начала 60-х годов явился новый этап научно-технической революции. Самое широкое развитие получали прогрессивные научные направления, значение которых непосредственно для производства все более и более возрастало. Наука становилась решающей силой материального производства. К тому времени сколько-нибудь мыслящим ученым было ясно, что выполнение заявленных в программе экономических показателей невозможно посредством простого наращивания количественных изменений — больше газа, нефти, стали, угля и т. д. Такой ход событий не обуславливал никаких качественных перемен и обрекал страну на прогрессирующее отставание в области новой техники и технологии.

Надо признать, попытки переломить ситуацию в этой сфере предпринимались в процессе разработки Программы. Ведущие ученые СССР обращали внимание руководства страны на необходимость приоритетного развития новых отраслей науки. Многие ученые предлагали расширить перечень научных направлений, упоминаемых соответствующим разделом Программы. Речь шла о развитии электроники и кибернетики, полупроводников, энергетики, исследовании глубин земли, океана, космоса, изучении человеческого мозга, биологии, психологии и т. д. В этой связи интерес представляет знакомство с письмами ученых в программную комиссию. Эти документы наглядно свидетельствуют об уровне осознания научной общественностью многих значимых проблем. Так, группа специалистов по вычислительной технике из Москвы считала нужным «отметить, что автоматизация управления производственными объектами на основе методов кибернетики, современной вычислительной техники и приборостроения станет решающим средством повышения производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства. Должно быть обеспечено производство высоконадежных вычислительных машин на базе новейших достижений науки и техники»⁹¹³. Любопытна формулировка коллектива Института биологии Уральского филиала АН СССР о значении естественных наук: «Интересы человечества выдвигают перед этими науками в качестве главных задач выяснение сущности явлений жизни, овладение и управление жизненными процессами, в частности обменом веществ, наследственностью организмов; овладение процессами, протекающими в биосфере, для обеспечения непрерывности использования биологических природных ресурсов»⁹¹⁴. Приведенные материалы со всей определенностью показывают, что советские ученые хорошо осознавали исключительную важность вычислительной техники, биотехнологий, генетики. Советская наука наравне с Западом понимала и принимала те приоритеты, развитие которых может и должно обеспечивать реальный экономико-технологический прорыв. Правдивость этих мыслей подтверждена жизнью: в современном мире именно уровень развития этих направлений определяет цивилизованное лицо любого общества.

Однако в 60-е годы понимание важности новых научных отраслей не трансформировалось в практику, не шло дальше дежурных, большей частью ритуальных заверений. Программная комиссия не откликнулась на призывы ученых. В ее заключении по этому поводу говорилось о нецелесообразности указывать в Программе важные научные проблемы. Предложение ученых об исследованиях по отдельным вопросам признали необходимым переслать в Государственный Комитет по координации научно-исследовательских работ и АН СССР, чтобы

использовать их при составлении текущих планов научных работ⁹¹⁵. Партийно-государственный аппарат не проявил интереса к идеям ученых, не понимал нацеленности этих преобразований, отвергал необходимость ломки старых традиций и устоявшихся взаимоотношений. Отсутствие заинтересованности в научно-исследовательской проблематике может подтвердить и такое наблюдение. На XXII съезде КПСС выступление президента АН СССР М. В. Келдыша, давшего развернутый анализ развития науки как материальной производственной силы, было заслушано делегатами (т. е. партийно-государственной и хозяйственной элитой) без особого внимания. Речь президента Академии наук прерывалась аплодисментами всего 5 раз (из них 2 раза при упоминании имени Хрущева), тогда как, например, речь Фурцевой сопровождалась аплодисментами 25 раз, Брежнева — 24 раза, Рашидова — 22⁹¹⁶. К тому же, и само понимание развития науки во многом сводилось к количественным характеристикам. Речь шла об увеличении числа работников с высшим образованием, открытии различного рода исследовательских институтов, наращивании численности повышающих квалификацию.

Вместо приоритетного развития наукоемких технологий, внедрения в народное хозяйство новейших исследовательских работок внимание сосредоточивалось на направлениях совершенно иного рода. К примеру, горячее одобрение в программной комиссии вызвал материал Института экономики АН СССР об улучшении использования трудовых ресурсов в период перерастания социализма в коммунизм. Речь шла о важности высвобождения трудовых ресурсов из домашних подсобных хозяйств, сокращении числа занятых в нем. В подсобном хозяйстве колхозников было задействовано около 5 млн человек трудоспособного населения, а в аналогичных хозяйствах рабочих и служащих — свыше 3 млн. С тревогой отмечалось, что в течение пяти последних лет увеличилось количество занятых в подсобном хозяйстве, так как в эти годы выросла численность скота, находящегося в личном пользовании, в доходах семей подсобные хозяйства имели существенное значение. Экономический эффект виделся в максимальном вытеснении и ограничении до минимума подсобных хозяйств, домашнего труда. Как показывали проведенные расчеты, эти меры способны были дать дополнительные резервы для народного хозяйства в объеме около 8 млн условных работников⁹¹⁷. Нетрудно увидеть, какие акценты просматривались в этих предложениях и что они несли для реальной экономики страны.

Оценивая экономическое содержание третьей Программы КПСС в целом, можно говорить о значительном шаге вперед в смысле изменений пропорций развития между промышленными

группами «А» и «Б». Данный шаг, хотя еще и во многом неуверенный и половинчатый, следует квалифицировать как серьезный глобальный отказ от сталинских экономических доктрин, как поворот к потребностям человека — главной движущей силой производства. Это было правильное, но в то же время запоздалое, с точки зрения мировых модернизационных процессов, решение. Развитые страны уже вступали в новый этап углубления научно-технической революции, превращающей науку в непосредственно материальную производственную силу. В этот период начиналось формирование новых прогрессивных отраслей науки. Однако партийно-государственный аппарат не воспринял должным образом меняющиеся реалии, не внял предостережениям научных кругов страны. Как следствие, в начале 60-х годов было запрограммировано прогрессирующее отставание Советского Союза от Запада. Этот разрыв в 70—80-е годы становился все более ощутимым, что, в конечном счете, и решило вопрос о соревновании двух систем не в пользу СССР. Вместо учета качественных сдвигов в структуре мировой экономики, руководство страны продолжало делать упор на увеличение производства в традиционных, сугубо индустриальных отраслях экономики, что рассматривалось в качестве залога успешного экономического соперничества с Западом. Именно это базисное противоречие советской экономики во всей полноте зафиксировано в важнейшем документе той эпохи — Программе КПСС.

Немало новых подходов выдвигала Программа партии и в социально-политической сфере. Здесь также тесно переплетались прогрессивные здравые идеи с идеологическими штампами и политической целесообразностью. Это хорошо видно на примере развития общественных фондов потребления. Новая Программа КПСС поднимала их роль на небывалую высоту. Такой подход шел в общем русле распределительной политики конца 50 — начала 60-х годов, когда значение ОФП особенно актуализировалось. Уже в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС фонды характеризовались как «действительно коммунистический путь повышения благосостояния трудящихся, создания лучших условий жизни для всего общества в целом, в том числе и для каждого человека. Сюда относятся: обеспечение людей благоустроенным жильем, организация общественного питания, улучшение бытового обслуживания людей, расширение сети детских учреждений, совершенствование народного образования... Теперь мы имеем уже не отдельные ростки, а целую систему различных организаций коммунистического типа, и наша обязанность — умножать эти организации, улучшать и совершенствовать их работу»⁹¹⁸. Здесь налицо тесная связь развития общественных фондов потребления не с экономическими возможностями страны, а с политическими установками на непосредственный переход к

коммунистическому строительству, что отражало догматическое понимание партийным руководством примата политики над экономикой. Подобный подход открывал значительный простор для субъективистских воздействий надстройки на объективный ход развития производства.

О значении, которое имели общественные фонды в жизни страны, свидетельствуют следующие цифры. В 1960 году на общественном обеспечении находилось почти 20 млн пенсионеров, 6 млн детей в детских яслях, для 6 млн школьников был организован летний отдых в пионерских лагерях. В учебных заведениях всех видов обучалось 42 млн учащихся, большинство из которых получало государственную стипендию. Бесплатную медицинскую помощь населению оказывали около 2 млн работников здравоохранения, свыше 3 млн человек лечилось и отдыхало в санаториях и домах отдыха. Все 62 млн рабочих и служащих пользовались оплачиваемыми отпусками средней продолжительностью три недели. Поступления из общественных фондов увеличивали реальные доходы рабочих и служащих примерно в 1,5 раза⁹¹⁹. Именно путь развития общественных фондов потребления назывался в Программе КПСС магистральным в решении задачи по повышению благосостояния трудящихся. Как прогнозировал Хрущев, к 1980 году «эти фонды будут составлять примерно половину всей суммы доходов населения»⁹²⁰.

Следует проанализировать эту тенденцию. «Красной нитью» Программы партии стал тезис о неуклонном повышении материального состояния советских людей. Как уже говорилось, это было одним из основных стержней пропаганды начала 60-х годов. Заявлялось, что в 1980 году реальные доходы на душу населения СССР превысят современный уровень доходов трудящихся США примерно на 75%⁹²¹. Все выглядело логичным и естественным. Однако нельзя не заметить, что рост уровня жизни людей понимался весьма своеобразно. Разговор шел не об увеличении реально выплачиваемых денежных доходов, говоря современным языком «живых денег», а о получении различного рода услуг и благ из общественных фондов потребления. Что это означало на деле? Определенное усиление контроля со стороны государства над конкретными доходами граждан, присвоение права людей распоряжаться заработанными средствами по своему усмотрению и желанию. Но официальная наука и пропаганда трактовала это по-другому — укрепление коллективистского духа, утверждение новой системы взаимоотношений, очищение от частнособственнической психологии, а в конечном счете — реальный осязаемый путь в коммунистическое общество.

Вывод о таком понимании роста благосостояния населения подтверждают настроения, преобладавшие тогда в обществе. Они зафиксированы в целом ряде писем в комиссию по подготовке

проекта Программы. Изложенные в них предложения продвигались еще дальше в направлении обобществления доходов людей. Некоторые предлагали немедленно передать в собственность всего общества принадлежащие отдельным гражданам дома, дачи, сады, автомашины. Как отмечалось, надо полностью отдавать себе отчет в том, что будущее принадлежит коллективным формам использования предметов потребления и скоро все потребности населения в организации отдыха, досуга будут удовлетворены, а необходимость в индивидуальном строительстве дач полностью отпадет. Рассказывалось о времени, когда сам термин «собственная дача» или «собственная машина» будут звучать так же нелепо, как «собственный поезд», «собственный театр». Вместо владения автомашинами и бытовыми приборами признавалось целесообразным распространять и внедрять систему их проката⁹²². Не были забыты и вклады граждан в сберегательных кассах. Выражалась обеспокоенность по поводу хранения там значительных сумм денег нетрудового происхождения. Поэтому вклады свыше определенного минимума в 180—200 рублей автоматически должны были быть переданы государству на строительство коммунизма. Весь этот поток мыслей логически венчало предложение вообще ликвидировать деньги, а все снабжение населения передать производственным предприятиям⁹²³. Некоторые развитие коллективистских форм трактовали еще шире, распространяя их на область семейных отношений. Как, например, П. Гребнюк, который считал необходимым устранить разделение людей на семьи, поскольку семья, по его мнению, является источником частнособственнического воспитания. Для этого необходимо ликвидировать «способ жительства» отдельными квартирами, предоставив каждому взрослому человеку одну комнату, что избавит от вредных привычек «захламливания квартир» излишними предметами домашнего обихода, мебелью и т. д.⁹²⁴.

Весь этот набор мер — яркое свидетельство полной неопределенности в представлениях о конкретных формах продвижения к высшей фазе общественного развития. Никто в действительности не имел понятия о реальных, научно выверенных путях построения коммунизма. Пропагандистская машина не отвечала на этот вопрос, если не считать многочисленных заклинаний о добросовестном труде каждого на своем месте, о перспективах, преимуществах и т. д. Отсюда самые невероятные суждения, вольные зигзаги мысли относительно коммунистического строительства. Дополняя сказанное, приведем еще один конкретный пример. Вот как представлял себе созидание коммунизма гражданин С. П. Заброда (г. Москва): «В течение ближайших пяти лет, т. е. с 1962 по 1967 годы, построить в различных местах на территориях союзных республик, в каждой ССР

по одному, — по типовым проектам, характеризующим национальные особенности архитектуры республики, — пятнадцать образцово-показательных городов-коммун. Люди, работающие в этих городах, отбираются проверочной комиссией ЦК КПСС. С 1968 года все остальные граждане СССР, а также туристы из-за границы, могут знакомиться с условиями и порядками в этих городах-коммунах»⁹²⁵. Нечто подобное «потемкинским деревням», только применительно к новому объекту. Комментарии здесь абсолютно излишни.

Наиболее новаторские, прогрессивные идеи были предложены Программой КПСС в политической области. Это явилось особенно важным в рамках решения вопроса о гарантиях против повторения культа личности. Было необходимо продемонстрировать обществу действенные и эффективные меры, направленные на недопущение ошибок и деформаций сталинской эпохи. Один из практических выводов из опыта прошлого связан с более последовательным осуществлением принципа сменяемости кадров. Для КПСС конца 50-х годов это имело актуальный характер. Практически каждый пятый секретарь партийных комитетов, обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик находился на своей должности более 5 лет. Особенно остро ощущался недостаток молодых кадров: в РСФСР только 2,9% секретарей были в возрасте до 35 лет, в Белоруссии же — ни одного, на Украине — всего один, в Казахстане — двое⁹²⁶. Идея ротации руководящих работников исходила непосредственно от самого Н. С. Хрущева и вызвала жаркие споры. По воспоминаниям Ф. Бурлацкого, «было проработано не менее десяти вариантов формулировок, которые дали бы ей адекватное воплощение. Первый хотел создать какие-то гарантии против чрезмерного сосредоточения власти в одних руках, засиживания руководителей и старения кадров на всех уровнях. В отношении первичной парторганизации это не вызвало особых споров. Но относительно ротации в верхних эшелонах власти мнения разошлись кардинальным образом. В этом пункте даже Хрущеву с его авторитетом, упорством и настойчивостью пришлось отступить»⁹²⁷. Компромисс был достигнут на основе тезиса о возможности пребывания на высших постах в партии не более трех сроков подряд. Полномочия могли быть продлены в случае, если за кандидатуру проголосовало не менее чем $\frac{3}{4}$ состава коллегиального органа. Программой предусматривалось и обновление четвертой части пленума ЦК и его Президиума на каждом выборах⁹²⁸.

Все это вызвало большое раздражение партийно-государственного аппарата. Поэтому следующее поистине революционное новшество о выдвижении нескольких кандидатур на выборы в Советы различного уровня было обречено на неудачу. Это пред-

ложение, содержащееся во многих обращениях в ЦК КПСС, сразу вызвало негативную реакцию. Так, на совещании коллектива по подготовке теоретических материалов (8 декабря 1960 г.) состоялось обсуждение этой важной проблемы. Свое мнение выразил директор ИМЭМО АН СССР А. А. Арзуманян: «Когда в Центральном Комитете рассматриваются кандидатуры, а они идут от местных органов, вопрос считается решенным. Есть решение партии, народ за партию и народ голосует за кандидатов. Если даже народ знает недостатки кандидата, то авторитет партии настолько велик, что народ голосует за того кандидата». Большое опасение в связи с этим предложением высказывал ученый Д. И. Денисов: «Тогда партия должна будет отказаться от руководства при выборах местных органов. Допустим областной комитет партии выдвигает кандидатов, он ведь не может двух кандидатов выдвинуть на одно место. А какая организация в области согласится противопоставить кандидатов областному комитету партии?»⁹²⁹ Нельзя не согласиться с приведенными аргументами. Партийно-государственная машина не могла не только существовать, но и функционировать в условиях альтернативности избирательной системы. Ее создатели не предусматривали таких ненужных им проблем, осложняющих выполнение властных полномочий. Поэтому дискуссия создателей текста Программы в итоге свелась к короткой и сухой формулировке для экспертного заключения: «Предложение неприемлемо, поскольку оно не отвечает интересам делового обсуждения кандидатов в депутаты, представляющих единый блок коммунистов и беспартийных»⁹³⁰.

Изучение положений в политической области, включенных в Программу и материалов по их подготовке, выявляет стремление авторов придать больший вес системе Советов различных уровней. Хорошо известно их бесправное существование в качестве придатка партийных органов. В ходе создания проекта раздел о развитии советского государства получил серьезную проработку. В нем предусматривалось реальное повышение роли Советов депутатов трудящихся, максимальное расширение их демократических основ. Для этого признавалось необходимым расширить состав и полномочия Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховных Советов республик, превратив их в постоянно действующие органы с правом принятия законодательных актов по всем подведомственным вопросам. Наделить их обязанностью осуществлять систематический контроль за работой органов государственного управления, за выполнением государственных планов развития народного хозяйства, государственного бюджета и других важнейших законов. Предполагалось поднять значение постоянных комиссий Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик с тем,

чтобы они охватывали все основные стороны государственной деятельности. Постоянные комиссии ВС должны систематически контролировать деятельность министерств и ведомств, активно содействовать проведению в жизнь решений Верховных Советов. К постоянным комиссиям местных Советов должны постепенно переходить функции решения всех существенных вопросов, находящихся в компетенции управлений и отделов исполнительно-распорядительных органов. Под расширением прав местных Советов подразумевался переход в их компетенцию всех вопросов местного значения и контроль за деятельностью всех предприятий и учреждений, расположенных на территории данного Совета с установлением на известном этапе подчинения совнархозов областным, краевым Советам депутатов трудящихся⁹³¹. Предлагалось шире привлекать к законодательной деятельности Советов общественные организации и объединения трудящихся. В этой связи предоставить профсоюзным, комсомольским и другим массовым организациям право законодательной инициативы. Данные программные установки, подготовленные группой под руководством директора Института государства и права АН СССР П. С. Ромашкина, выглядели не традиционно, учитывая прошлый советский опыт. Фактически это была первая за долгие годы попытка наполнить систему Советов реальными властными полномочиями. В принятой XXII съездом КПСС Программе все эти идеи были сохранены, хотя и прописаны более сдержанно.

Таким образом, разработка и принятие третьей Программы КПСС — это важнейшее событие хрущевской эпохи. В этом документе в полном объеме, системно зафиксированы основные направления трансформации советского общества. С одной стороны, можно определенно говорить о его новом лице, постепенном высвобождении от сталинских доктрин, с другой — Программа несла в себе многие «родимые пятна», которые препятствовали правильному осознанию сущности изменений, происходящих в мире, выдвигались старые приоритеты.

Другим масштабным политическим проектом начала 60-х годов стала разработка нового Основного закона советского общества — Конституции СССР. Работа над ее проектом, занявшая более двух лет и возглавляемая лично Н. С. Хрущевым, имела большое общественное значение. Создание проекта новой Конституции становилось необходимым по мере демонтажа сталинской системы и утверждения современных жизненных реалий. Проект вобрал в себя многие идеи и вызвал интерес в обществе. Подготовка материалов и работа над новой Конституцией началась в середине января 1962 года, когда была сформирована рабочая группа из 22 ведущих ученых страны под руководством секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева⁹³².

Создание самого текста Конституции происходило в рамках специально образованной постановлением Верховного Совета СССР (25 апреля 1962 г.) конституционной комиссии, состоящей из 97 человек. Структурно она подразделялась на девять подкомиссий: 1) по общеполитическим и теоретическим вопросам (председатель — Н. С. Хрущев); 2) по вопросам общественного и государственного устройства (председатель — Н. В. Подгорный); 3) по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций (председатель — Л. И. Брежнев); 4) по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством (председатель — А. Н. Косыгин); 5) по вопросам национальной политики и национального государственного строительства (председатель — А. И. Микоян); 6) по вопросам науки, культуры, народного образования и здравоохранения (председатель — М. А. Суслов); 7) по вопросам народного контроля и социалистического правопорядка (председатель — Н. М. Шверник); 8) по вопросам внешней политики и международных отношений (председатель — Б. Н. Пономарев); 9) редакционная комиссия (председатель — Л. Ф. Ильичев)⁹³³.

Комиссия строила свою работу на ином видении роли Основного закона в жизни страны, отличном от сталинских взглядов на место Конституции в системе закрепления власти. В записке ЦК КПСС к разработке проекта формулировалась следующая мысль: «В свое время Сталин, обосновывая проект Конституции 1936 года, говорил о коренном различии между Конституцией и Программой партии, что Конституция отражает то, что добыто и завоевано, а Программы провозглашают то, что предстоит сделать. Этот взгляд нельзя признать правильным. Между Конституцией Советского государства и Программой КПСС не может и не должно быть такого разрыва. Фиксируя достигнутые народом завоевания, Конституция одновременно должна показывать и перспективу развития социалистического общества и государства к бесклассовому коммунистическому обществу»⁹³⁴.

Свое видение новой Конституции страны выразил Н. С. Хрущев. На заседании конституционной комиссии 15 июня 1962 года он определил пять приоритетных направлений, учет которых, по мнению первого секретаря ЦК, имел определяющее значение для всей работы:

1. Выделение возрастающей роли общественных организаций.
2. Фиксирование всех прав, которыми пользуются граждане, но которые не прописаны в Конституции 1936 года.
3. Повышение роли системы Советов всех уровней.
4. Введение раздела об экономическом развитии, хозяйственном строительстве, характеристики социалистической собственности, планирования, управления, распределения материальных благ.
5. Расширение прав союзных республик⁹³⁵.

Следует заметить, что все эти подходы при подготовке проекта Основного закона были реализованы в полной мере. Проект можно охарактеризовать как прогрессивный с точки зрения развития конституционного строительства и как перегруженный положениями, отражающими волюнтаристские настроения и взгляды, насаждаемые лидером КПСС Хрушевым. В структуре нового проекта произошли серьезные сдвиги. Так, действовавшая Конституция СССР 1936 года посвящала вопросам общественного и государственного устройства две главы и уже к ним примыкали главы, касающиеся государственного управления. Почти все эти главы и их статьи устарели: они подвергались многочисленным поправкам и изменениям. Это объяснялось тем, что в главы был включен перечень административно-территориального деления страны, менявшегося в период с 1936 года более 100 раз, и перечень министерств, ведомств и других органов управления, которые пришлось изменять 61 раз в связи с реформированием структуры или названия⁹³⁶. В результате создавалось впечатление нестабильности Конституции. Поэтому в текст нового Основного закона было решено не вводить таких положений, которые могут подвергаться частым изменениям. Одним из важнейших принципов государственного строительства провозглашалась стабильность Конституции СССР.

Исходя из этого, структурное строение новой Конституции нуждалось в серьезной правке. Разработчики проекта считали необходимым учитывать ленинский опыт построения Основного закона страны. Напомним, что первая советская Конституция (1918 г.), созданная при непосредственном участии Ленина, структурировалась по разделам, каждый из которых состоял из глав и статей. Разделы объединяли группы наиболее важных вопросов экономического, политического, национально-государственного строительства, взаимоотношений органов власти. На первом плане в ленинской Конституции находилась тема сущности советского общества и государства, его направлений деятельности, а также положение личности в системе государственных и общественных отношений. Всем этим аспектам посвящался раздел под названием «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Далее размещались разделы, касающиеся разрешения национального вопроса, системы Советской власти, об избирательном праве и т. д. В 1936 году вопрос о правовом положении человека отодвигался в X главу «Права и обязанности гражданина», вопросы избирательной системы рассматривались в главе XI, тогда как очевидно, что эта тема должна предшествовать перечню органов государственной власти, поскольку только народ формирует представительные органы советского государства.

Поэтому признавалось целесообразным вернуться к ленинскому опыту строения Основного закона и первый раздел новой Конституции СССР озаглавить следующим образом: «Общественный и государственный строй СССР». По замыслу авторов, в нем должна отразиться монолитность, неразрывное единство общественного и государственного устройства страны, а также завершение процессов превращения советского государства — государства диктатуры пролетариата — в общенародное, а пролетарской демократии — во всенародную демократию. Это делало необходимым присутствие специального определения СССР как общенародного государства, сложившегося в период полной и окончательной победы социализма и перехода советского общества к развернутому строительству коммунизма⁹³⁷.

Происшедшие в обществе изменения ставили вопрос о преобразовании Советов депутатов трудящихся. Конституционная комиссия указывала, что социалистическое государство состоит из дружественных классов — рабочих и крестьян, а также интеллигенции. В Конституции 1936 года об интеллигенции не упоминалось. Между тем ее численность резко возросла: в 1926 году в СССР насчитывалось более 2,5 млн работников умственного труда, а в 1959 году их количество составляло 20,5 млн человек, в 1961 — 22 млн⁹³⁸. Как признавалось, в этих условиях наиболее правильным было бы изменение названия Советов депутатов трудящихся в Советы народных депутатов, что отражало бы сущность прошедших сдвигов в социальной структуре советского общества. Однако учет этого объективного обстоятельства сопровождался и неоправданными рассуждениями, порожденными представлениями о быстром строительстве коммунизма. Так, Советы народных депутатов рассматривались как органы государственной власти, содержавшие в себе черты общественной организации. Их развитие сводилось все к большему разворачиванию общественных начал: бесплатному выполнению депутатами своих обязанностей, растущей активности постоянных комиссий, общественных инструкторов исполкомов. Считалось, что в коммунистическом обществе Советы народных депутатов вместе с другими массовыми организациями преобразуются в общественное коммунистическое самоуправление. Данью текущего момента стало утверждение о необходимости образования Советов народных депутатов по производственно-территориальному принципу в соответствии с решениями ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС⁹³⁹.

Важные изменения коснулись вопроса об основных правах и обязанностях граждан. В новом проекте права и обязанности граждан рассматривались в разделе, посвященном общественному и государственному устройству СССР. Здесь конкретно излагалось, что дает социализм каждому члену общества, как обес-

печивается все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей и всестороннего развития личности. В проекте нашли отражение права граждан, которые напрямую не были записаны в прежней Конституции: право на участие в управлении делами общества и государства, право на пользование общественными фондами, бесплатное медицинское обслуживание, на обеспечение равных возможностей для всех на свободную творческую самостоятельность, отвечающую интересам общества. В отличие от Основного закона 1936 года, который устанавливал повышенный возрастной ценз для выборов в высшие органы государственной власти, новый проект устанавливал принцип всеобщности избирательного права для всех граждан, достигших 18-летнего возраста.

В новой Конституции закреплялась руководящая и направляющая роль КПСС в советском обществе и государстве⁹⁴⁰. Это было принципиальным моментом, так как в Конституции СССР 1936 года вопрос о месте партии в обществе трактовался лишь в ст. 126 и только в контексте с правом граждан на объединение в общественные организации. Конституционная комиссия давала трактовку и главному направлению развития общенародного государства, которое определялось как всемерное развертывание демократии, вовлечение всех трудящихся в управление государственными и общественными делами, улучшение работы государственного аппарата, усиление народного контроля за его деятельностью, коллективность государственного руководства. Примечательно, что в проекте фиксировалось положение Программы КПСС об обновлении состава Советов при каждом выборах не менее чем на 1/3 и невозможность одному и тому же лицу избираться более трех раз подряд и более чем в два Совета одновременно. Предлагалось изменить существовавший порядок издания положения о выборах, при котором эти документы утверждались указами Президиума Верховного Совета СССР. Признавалось, что демократическим принципам в большей степени соответствовало создание избирательных законов непосредственно самим Верховным Советом. Правом законодательной инициативы наделялись центральные органы общесоюзных общественных объединений (ВЦСПС, ВЛКСМ и др.).

Интересно и то, как собирались утверждать новую Конституцию СССР. Проект намеревались вынести на всенародное обсуждение, после чего с учетом замечаний трудящихся рассмотреть и одобрить на заседании Верховного Совета. Но окончательное решение вопроса о принятии нового Основного закона решено было провести на всенародном голосовании (референдуме). Этому придавалось большое политическое значение. ЦК КПСС отмечал в этой связи: «Известно, что в тех случаях, когда буржуазные государства проводят конституционный рефе-

рендум, народу предоставляется возможность только голосовать «за» или «против» проекта конституции, выработанного правительством. В СССР народ сам разрабатывает проект Основного закона и сам же его утверждает. Этого в мире еще никогда не было»⁹⁴¹.

Работа конституционной комиссии в 1962—64 годах вызвала огромный интерес в различных слоях общества. В ее адрес поступило значительное количество писем, излагавших мнения по тем или иным аспектам готовившегося Основного закона страны. Анализ этой обширной корреспонденции позволяет получить более точное представление об общественных взглядах по важным вопросам государственного строительства, об общественном видении путей развития страны. Одной из важнейших тем, волнующих граждан, были вопросы социальной справедливости и трудовых отношений, их отражение в проекте новой Конституции. Многие люди требовали конституционно усилить защиту человека труда, его прав. Для этого предполагались такие меры, как недопустимость увольнения ни под каким предлогом, невозможность увольнения по сокращению штатов лиц, проработавших на одном предприятии более 15 лет⁹⁴². Очевидно, что ментальность советского общества отличало особое отношение к труду, к работающему человеку. В этом виделся определенный общественно-политический смысл, раскрывающий отличия социалистической экономической формации от капиталистической. Вот как о понятиях «труд» и «работа» размышлял в своем письме гражданин Боярский: «В словарях и справочниках, к сожалению, даются разные и довольно расплывчатые формулировки, но в общем теперь большинство грамотных людей подразумевает под «трудом» разумную, творческую, созидательную, полезную обществу деятельность, доставляющую эстетическое удовольствие трудящемуся, а под «работой» — действия, сопряженные с затратой энергии, направленные на осуществление объективной цели. Отсюда видно, что «работают» только машины, скоты и рабы. Поэтому ставить знак равенства между «трудом» и «работой», как это некоторые делают, значит издеваться над миллионами лучших людей, которые боролись и погибали за то, чтобы человек имел возможность «трудиться», а не «работать»»⁹⁴³.

Такое специфическое отношение к трудовой деятельности, наполнение ее морально-политической значимостью во многом обуславливалось своеобразным общественным пониманием социальной справедливости, находившимся под большим влиянием уравнилельных настроений. Именно этим объясняется поток писем в конституционную комиссию с требованием ограничения по доходам, имуществу и внесения соответствующих положений в Основной закон страны. К примеру, пенсионерка Израилова

(г. Ташкент) писала: «...частное домовладение разрослось с небывалой быстротой. Дачи, коттеджи, холлы — чего только не понастроили, к стыду нашему, наши советские люди... Независимо от того, на трудовые или нетрудовые доходы выстроены дома, они должны быть отобраны в доход государства, как это было при Ленине». Гражданин Шевченко (г. Ленинград) предлагал законодательно изменить порядок наследования имущества физическими лицами с целью запрещения перехода по наследству предметов, представляющих историческую ценность, произведений искусства, некоторых предметов роскоши, авторских прав и т. д. Все это, по мнению автора письма, должно безвозмездно переходить в собственность государства⁹⁴⁴. Очевидно, что предлагаемые действия, направленные на стирание имущественной разницы между отдельными слоями населения, покоились на прочном фундаменте уравнилельной психологии. Не случайно, что подобные предложения (ограничить, отобрать), как правило, сопровождалось требованиями обеспечить право на жилье, недорогую одежду, продукты питания.

Уравнилельный принцип доведен до абсурда в письме гражданина Петроченко (Могилевская обл.). Он выдвинул идею о получении всеми гражданами СССР независимо от возраста и профессии одинаковой доли государственного дохода. «Все будут иметь единый интерес, — рассуждал автор письма, — направленный к одной цели — получить в следующем месяце больше или меньше (сколько заработает народ за месяц). Все будут работать — и старики, и дети, потому что частной собственности не будет, ее нужно ликвидировать. Дачи, участки, скот, квартиры будут государственными... Если кому мало часов работать и захочет он больше поработать, то пусть работает и больше, а плата ему больше других не должна быть — это общественная работа будет, а на общественной работе, кто будет больше работать, тому и почет будет больший. Таких в Советы будем выбирать и на руководящие работы. Будут и такие, которые вовсе работать не станут, а для таких государство силу применит и заставит силой оружия работать, как в заключении»⁹⁴⁵. Перед нами не просто предложение, а целая модель общественного устройства. Вызывает удивление и недоумение, что подобного рода взгляды разделялись в то время многими.

Примитивная уравниловка, пронизавшая советскую действительность, выставлялась как крупное достижение в деле обеспечения социального равенства. Если до 1917 года жалование большинства специалистов превышало заработки рабочих в 20 раз, то в 1919 году разница в ставках составила 5 раз. В последующий период разрыв в заработной плате рабочих и ИТР уменьшился с 2,6 раз в 1932 году до 1,5 раза в 1960 году⁹⁴⁶. Однако общественное мнение считало это недостаточным, ущемляющим

рабочего человека — создателя всех материальных ценностей. Раздавались требования законодательно оформить особое положение трудящегося в системе общественных отношений. Так, В. А. Панов (г. Ленинград) предлагал начать Основной закон страны такой статьей: «СССР есть социалистическое государство трудящихся, одна часть которых непосредственно занята производством материальных благ, а другая занята интеллектуальным трудом и способствует увеличению производства материальных благ»⁹⁴⁷.

Все эти идейные позиции базировались на безоговорочном признании трудящегося как основного производителя материальных ценностей, причем трудящегося, олицетворяемого исключительно с индустриальным трудом. В этом кроется ключ к пониманию психологии эпохи начала 60-х годов. Труд, не связанный с суммой неких физических усилий, не считался трудом как таковым. Именно отсюда стремление заставить «работать» руководителей, ученых, творческих работников, т. е. занять их конкретным физическим трудом. Большая часть общества не принимала тот факт, что понятие трудовой деятельности в период развертывания научно-технической революции все более приобретает научные, организаторские (менеджерские) функции. В этом проявилось общее непонимание (простых людей, элиты) меняющихся приоритетов мирового развития. Решающий вклад в народное хозяйство, по-прежнему, признавался за традиционными отраслями промышленности, а следовательно по уровню жизни работников этой сферы судили о социальной справедливости, определяли критерии трудовых и нетрудовых доходов.

Широко обсуждаемой темой стали вопросы выборных механизмов. Многие считали недостаточными предлагаемые меры по сменяемости депутатов Советов различных уровней. Основным недостатком избирательной системы называлась безальтернативность выборов. Так, гражданка Сидорова (г. Жданов) отмечала: «Даже у нашего антипода, в США, где 60% избирателей или подкуплены, или отстранены от выборов, никто не знает, кто будет избран, а у нас всякий знает. В ГДР депутат избирается из пяти кандидатов. Наш существующий способ «избрания» — один кандидат на одного депутата — самый скверный из всех способов избрания в 130—140 государствах Земли»⁹⁴⁸. В проект Конституции многие люди прямо предлагали записать, что в каждом избирательном округе должно регистрироваться и баллотироваться не менее двух кандидатур, где победителем считается набравший более 50% голосов. Были и другие очень интересные предложения. В письмах Н. Б. Габриэля и А. Галадаускаса вносилась идея об учреждении поста Президента СССР, избираемого прямым голосованием всем народом, не более чем на два срока⁹⁴⁹. В письме М. Рудакова (г. Новокузнецк) предлагалось из-

брать «Охранный конституционный комитет» (прообраз Конституционного суда) для охраны и наблюдения за выполнением норм Основного закона страны⁹⁵⁰. Много предложений касалось вопросов борьбы с бюрократизмом, произволом чиновничества. Эти темы предлагалось оформить законодательно. В этой связи любопытно одно анонимное письмо, требующее включить в Конституцию СССР статью, предусматривающую текст и ритуал принесения на сессиях Верховных и областных Советов «Присяги на честность» должностными лицами, министрами, членами исполкомов. Вот ее текст:

«Я... заступая на этот высокий пост, торжественно клянусь честно, не жалея сил, служить своему народу. Если же я, по злому умыслу или нерадению, нарушу эту клятву или в корыстных целях израсходую не принадлежащую мне народную копейку на себя, на родственников или приятелей моих, или допущу в большом или малом другую корысть, пользуясь своим служебным положением, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, как жулика и проходимца»⁹⁵¹. Автор надеялся, что подобная мера будет сдерживать любителей наживы на ответственных должностях государственного аппарата.

Значительное количество предложений поступило в конституционную комиссию от граждан по вопросам национальной политики и национально-государственного строительства. Большинство предложений сводилось к обоснованию необходимости упразднения понятия «национальность» и данной графы из различного рода документов (паспорта, анкет и др.). Это объяснялось естественными процессами консолидации национальностей в единую коммунистическую нацию, о чем, в частности, свидетельствовало приобретение русским языком статуса межнационального и постепенной трансформации его в язык коммунистического общества. Новая Конституция рассматривалась как ускоритель процессов ассимиляции. Распространению таких представлений способствовало отсутствие национальных экономик, границ и, как считалось, нужно было только найти оптимальную форму для национальной культуры и просвещения. В этой связи предлагалось сформировать национальные комитеты по вопросам культуры, передав в их ведение театры, школы, издательства. Создание таких комитетов предлагалось там, где была потребность в национальной культуре независимо от территории. К примеру, украинский комитет мог бы иметь отделения в Москве, Казахстане и др.⁹⁵².

Раздавались мнения и об упразднении республик на основе национального принципа, изжившего себя. Вместо этого, предлагалось формировать республики по экономическим районам, разделив СССР на 9—10 таких регионов: Дальневосточный, Западно-Сибирский, Уральский, Среднеазиатский, Закавказский,

Приволжский, Прибалтийский, Центральный, Северный⁹⁵³. На действительно существовавшие национальные проблемы не обращалось никакого внимания, хотя многие уже давали себя знать. Например, в конституционную комиссию поступали письма по вопросу Нагорного Карабаха, с требованием передать его в состав Армянской ССР⁹⁵⁴.

Анализируя проект Конституции СССР, следует особо подчеркнуть наличие в нем серьезных изменений по отношению к Основному закону 1936 года, касающихся соотношения различных ветвей власти. Речь идет о желании авторов заметно усилить роль Верховного Совета СССР в структуре политической системы страны. На заседании конституционной комиссии (16 июля 1964 г.) этого настоятельно требовал Н. С. Хрущев. Он говорил: «Необходимо специально подчеркнуть большую роль Верховного Совета и других Советов в руководстве социалистической экономикой»⁹⁵⁵. В этом же направлении шли и разработки ученых. В записке ВНИИ советского законодательства, направленной в конституционную комиссию, говорилось: «...в новой Конституции СССР целесообразно Верховный Совет определить как орган, осуществляющий не только законодательные функции, но и верховного управления страной. В связи с этим отказаться от принятого в действующей Конституции (1936 года. — А. П.) определения Совета Министров как «высшего органа государственного управления», сохранив за ним наименование «исполнительный и распорядительный орган»⁹⁵⁶. Усиление влияния и веса Верховного Совета СССР планировалось достичь посредством целого комплекса мер. Среди них — расширение сферы конституционного контроля, осуществляемого через создание Постоянного Комитета конституционного надзора, избираемого Верховным Советом; расширения круга органов, ведомств, к которым депутат ВС СССР вправе обращаться с запросом, это распространялось на все без исключения органы власти; увеличение количества постоянных комиссий с большими полномочиями по проведению в жизнь принятых законов и контроля за деятельностью исполнительных органов; более широкое освобождение депутатов от их основной работы для участия в деятельности комиссий⁹⁵⁷.

В этом смысле конституционная комиссия продолжала разработки, сделанные в период принятия третьей Программы КПСС. Уже тогда обозначился курс на усиление роли Советов всех уровней в политической и экономической жизни страны. В ходе обсуждения нового Основного закона эти акценты еще более усилились⁹⁵⁸. Можно определенно сказать, что в случае принятия этого варианта Конституции СССР Верховный Совет заметно увеличил бы свой вес в политической системе страны. Курс на трансформацию статуса Верховного Совета подтверждает и из-

менение в проекте наименования Правительства СССР. Его предлагалось назвать Правительственным Советом СССР, что, по мнению авторов проекта, наиболее полно учитывало факты упразднения многих министерств, децентрализации производства, предпринятые в конце 50 — начале 60-х годов⁹⁵⁹.

Однако всем этим новшествам не было суждено осуществиться в жизни. После отставки Хрущева в октябре 1964 года работа над проектом Конституции оказалась свернутой и приостановленной на долгие годы. Лишь через 13 лет произошло принятие нового Основного закона страны. Его текст во многом использовал существовавшие наработки и вобрал в себя большинство положений, разработанных и подготовленных еще в 1962—64 годы. В этом смысле интерес представляет краткий сравнительный анализ конституций 1964 и 1977 годов⁹⁶⁰:

1964 (проект)	1977
I. Общественное и государственное устройство	I. Основы общественного и государственного строя
II. Личность, общество и государство	II. Государство и личность
III. Народовластие в СССР	III. Национально-государственное устройство
IV. Органы государственной власти	IV. Советы народных депутатов и порядок их избрания
V. Союзная республика	V. Высшие органы государственной власти и управления СССР
VI. Охрана социалистической законности и правопорядка	VI. Основы построения органов государства и управления в союзной республике
VII. Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор	VII. Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор
VIII. Заключительные постановления	VIII. Герб, флаг и столица СССР
	IX. Действие Конституции СССР и порядок ее изменения

Сразу обращает на себя внимание то, что текст Конституции 1977 года значительно короче проекта 1964 года: из 276 статей, подготовленных при Хрущеве, в новом варианте использовано

только 172. Брежневская Конституция производит в целом впечатление урезанного документа по отношению к проекту 1964 года. Были убраны и опущены многие положения, составлявшие идеологическую основу последних лет «оттепели». Это касается упоминания об общенародном государстве, о передаче функций государственного управления общественным организациям, о коммунистическом самоуправлении и т. д. Гораздо сдержаннее говорится о строительстве коммунизма: оно представлено как перспективная, более отвлеченная цель. Вместо этого в Основном законе 1977 года вводилось понятие развитого социалистического общества, что отражало теоретические разработки научного коммунизма тех лет. Большие изменения в текстах касались механизмов избирательной системы. В проекте 1964 года говорилось о невозможности избрания в органы государственной власти более трех раз и о запрещении входить более чем в два Совета одновременно, предусматривалась постоянная ротация Советов при каждых выборах на 1/3. В редакции 1977 года все эти идеи уже отсутствовали, а вариант аналогичной статьи был лаконичен: «Гражданин СССР не может быть, как правило, избранным более чем в два Совета народных депутатов». Устраненными оказались и такие важные моменты проекта 1964 года, как участие в организации выборов широких трудящихся масс и общественных объединений. В 1977 году данное положение заменено сухой формулировкой о порядке проведения выборов в соответствии с законодательством. Организация деятельности Советов прописывалась очень кратко, были опущены целые главы проекта 1964 года: «Основные принципы организации и деятельности народных Советов», «Прямое, непосредственное народное правление».

Самым принципиальным изменениям подвергся раздел о высших органах власти. Проект 1964 года определял Верховный Народный Совет следующим образом: «...высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган СССР». Регламентация его деятельности заняла 42 статьи. В Основном законе 1977 года это уже отсутствовало: характеристика Верховного Совета СССР уместилась всего в 19 статьях, причем основное внимание сосредоточивалось на его президиуме, тогда как ранее обстоятельно говорилось о компетенции самого Верховного Совета, его комиссий, председателе. Эти изменения отражали различное понимание роли Верховного Совета в политической системе страны. Его значение в «брежневскую эпоху» оставалось исключительно декоративным и никаких корректив в отличие от первой половины 60-х годов, сюда вносить не предполагалось. Неизменной выглядела редакция статьи о руководящей и направляющей силе советского общества — Коммунистической партии. Интересно заметить, что широко известная ст. 6 Конституции 1977 года в случае принятия Основного закона в 1964 году вошла бы в историю как ст. 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автор исследования стремился объективно подойти к оценке общественно-политической жизни советского общества в 50—60-е годы.

Изучение генезиса вопроса о «культе личности» дает возможность более глубоко оценить эту ключевую тему хрущевского десятилетия. В официальной позиции по «культу личности» просматриваются две стержневые линии. Первая связана с июльским (1953 г.), январским (1955 г.) и июньским (1957 г.) пленумами ЦК КПСС. Общая цель здесь — разоблачение сталинских преступлений без прямых обвинений самого Сталина. Критика сосредоточивалась исключительно на политических противниках Хрущева — Берию, Маленкову, Молотову, Кагановичу. Вторая тенденция — это публичное разоблачение культа личности Сталина, прозвучавшее на XX и XXII съездах партии.

Как показал анализ материала, Хрушев с осторожностью подходил к любым действиям, направленным на развенчание сталинского культа. На пленумах ЦК КПСС именно он задавал параметры обсуждения этой темы, определяя ее рамки и концентрируя обвинения на очередном сопернике в борьбе за лидерство. Укрепление завоеванных позиций происходило посредством инициатив, исходивших лично от первого секретаря ЦК по публичному осуждению культа личности на XX и XXII съездах партии. Не случайно, что и в 1956 и в 1961 годах вопрос о «культе личности» возникал неожиданно для многих участников высших партийных форумов. Цель этого очевидна — закрепление позиций Хрущева. На XX съезде это способствовало его выделению из узкого круга «старой гвардии», а на XXII съезде с помощью вопроса о «культе личности» было подтверждено уже безоговорочное лидерство Хрущева в партии и государстве. Изученный материал позволяет сделать вывод о том, что разоблачение «культа личности» рассматривалось первым секретарем ЦК как орудие борьбы против своих старых соратников, не прини-

мавших его стремления выйти на первые роли и не признававших в нем лидера.

Вопрос о «культе личности» Сталина, прозвучавший на XX съезде КПСС, фактически расколол советское общество на сторонников и противников «великого вождя» и его наследия. Пойдя на этот шаг, Хрущев решал конкретные цели лидерства в партии, государстве и не намеревался серьезно и последовательно идти по пути десталинизации. Однако действия первого секретаря ЦК, задев всю структуру общественного организма, в конечном счете имели негативные последствия для власти как таковой. Сторонники Сталина никогда не могли простить Хрущеву XX съезда КПСС, а либеральные слои не разделяли непоследовательности и нерешительности сталинского разоблачения, требуя его продолжения. Но главный итог видится в другом — значительная часть советского общества потеряла полное доверие к власти и к олицетворявшим ее лидерам. Это выразилось в том, что курс партии и государства на построение коммунистического общества находил все меньший отклик в широких массах, и особенно у молодого поколения. Данная тенденция, формирующаяся в конце 50—начале 60-х годов, получит развитие в «брежневскую эпоху», когда реальная жизнь партийно-государственной номенклатуры и народа протекала совершенно в разных измерениях, а их взаимоотношения носили большей частью ритуальный характер (призывы к строительству коммунизма, лозунги о неразрывном единстве партии и народа и т. д.).

На жизнь общества, да и каждого человека сталинские беззакония, хрущевские зигзаги наложили глубокий отпечаток, нанесли живому организму, его нравственности кровоточащие раны. Если взглянуть на главный вопрос хрущевского периода — развенчание «культа личности» Сталина — с прагматической, а не эмоциональной точки зрения, то действия Хрущева нельзя признать эффективными. Этот вывод косвенно доказывает и тот факт, что присутствовавший на XX съезде КПСС член китайской делегации Дэн Сяопин, оказавшийся через два десятилетия перед подобным выбором, не пошел по сценарию 1956 года и не стал устраивать грандиозного политического шоу по свержению «великого кормчего Мао». В результате это позволило поддерживать стабильность китайского общества, а также несколько не помешало продвигаться по пути создания в стране рыночной экономики и вообще реализовывать вещи диаметрально противоположные теоретическим воззрениям все еще почитаемого Мао Цзэдуна. Кстати, аналогичным образом в свое время поступил и Сталин. Не прекращая публично клясться в верности марксизму-ленинизму и лично Ленину, он в проведении внешней и внутренней политики ориентировался исключительно на соб-

ственные представления, не обращая никакого внимания на ленинские положения и даже прямо противореча им.

Здесь необходимо сделать одну оговорку: и Сталин, и Дэн Сяопин могли поступать таким образом поскольку на тот момент они уже являлись признанными лидерами своих стран. Чего нельзя сказать о Хрущеве периода первой половины 50-х годов. Разоблачение Сталина для него стало необходимым рывком в утверждении своих амбиций. Без этого рискованного шага он мог бы и не закрепиться в качестве лидера. Именно это заставило его пойти на публичное развенчание Сталина (хотя внутренне он всегда оставался его приверженцем) и пренебречь возможными негативными последствиями данного действия как внутри страны, так и на международной арене.

1953—1957 годы характеризуются эволюцией системы власти в СССР. Ее суть связана с возрастанием роли КПСС во властной конструкции советского общества. По сути внутриаппаратное соперничество этих лет есть не что иное, как борьба за укрепление руководящей роли партии. Свержение Берии отбросило силовую модель общественного устройства, которую планировал использовать главный гебист страны, очистив ее от сталинского культа. Это не устраивало и потому сплотило всех членов Президиума ЦК, небезосновательно видевших в силовой модели в исполнении Берии прямую угрозу своему существованию. Основной конфликт, развернувшийся между Маленковым и Хрущевым, отражал два подхода к устройству власти с акцентом на Совет Министров СССР или ЦК КПСС. В этом принципиальном соперничестве первому секретарю удалось найти очень удобную форму атаки на министерства и ведомства, являвшихся опорой Маленкова и его заместителей. ЦК КПСС инициировал и возглавил борьбу против бюрократизма в государственном аппарате. Параллельно набирали ход реабилитационные процессы. В результате позиции основных конкурентов Хрущева по Президиуму ЦК были существенно потеснены. Хрущев сумел проявить лидерские качества и привлечь на свою сторону молодые силы, сконцентрированные в аппарате ЦК КПСС и прежде всего в его Секретариате. Именно они сыграли решающую роль в схватке за власть в июне 1957 года, обеспечив победу первому секретарю ЦК. С конца 50-х годов КПСС становится основной руководящей и направляющей силой общества и государства. Ее безраздельное господство продолжалось вплоть до конца 80-х годов, когда была оспорена ее монополия на политическую власть.

В первой половине 60-х годов Хрущевым предпринимались попытки поднять роль и значение системы Советов в общей структуре власти. Это стремление заметно в ходе подготовки проекта Программы партии, но особенно четко оно выразилось

при разработке новой Конституции СССР в 1962—1964 годах. Впервые за долгое время в документах такого уровня подробно прописывалось функционирование системы Советов всех уровней. Речь шла о регламентации деятельности сессий, исполкомов, постоянных комиссий. Они наделялись более реальными полномочиями для влияния на хозяйственную и культурную жизнь. Новаторски выглядели положения о ротации кадров руководящих партийных и советских работников (невозможность занимать ответственные посты более трех сроков подряд), зафиксированные в Программе КПСС и проекте Конституции страны.

Особенно следует сказать о том, что в подготовленном варианте нового Основного закона страны место Верховного Совета СССР в общей системе власти выглядело очень весомо. Это позволяет говорить о планах его превращения из чисто декоративного в один из реальных центров власти. Примечательно, что в преддверии принятия новой Конституции должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР получил А. Микоян — самый ближайший и доверенный соратник Хрущева. Однако этот вариант Конституции так и не был принят из-за событий октября 1964 года. Новое руководство страны не собиралось подвергать каким-либо изменениям сложившуюся властную конструкцию с монополией КПСС. Идеи Хрущева не были востребованы и не вошли в текст Конституции 1977 года.

Одним из наиболее значимых политических итогов хрущевской «оттепели» стало серьезное изменение всей административно-правоохранительной политики. Ее реформирование происходило на основе решения вопроса о снижении объемов и длительности сроков уголовного наказания, замене его в отдельных случаях на административные меры, не связанные с лишением свободы. Вокруг этого разворачивалась жесткая борьба, отражавшая политические взгляды различных общественных сил. В конечном счете, речь шла об устранении тотального преследования, что имело не меньшую значимость, чем реабилитационные процессы по политическим и контрреволюционным делам, так как затрагивало значительные слои населения.

Соппротивление либерализации уголовной политики было высоко. Оппозицию составляли работники правоохранительных органов, не принимавшие новых веяний подобного рода, а также часть общества, требовавшая продолжения хорошо знакомой и привычной карательной практики, рассматривая ее как одно из высших проявлений социальной справедливости. Такое положение объяснялось функционированием сконструированной в сталинскую эпоху системы общественного восприятия предлагаемых и навязываемых установок. В ней генетически было заложено

жено воздействие на все стороны общественной жизни, основанное на гипертрофированной вере в эффективность исключительно силовых методов.

Победа курса на либерализацию административно-уголовной политики закреплялась в новом законодательстве, что коренным образом изменило лицо советского общества, избавило его от наиболее мрачных тонов, придало ему относительно цивилизованный вид. Дальнейшее развитие административно-правоохранительной политики в первой половине 60-х годов происходило в рамках принципиально новых идей, ориентированных на построение коммунизма, на формирование общенародного государства. Реализация этих целей виделась в постепенной передаче функций государства общественным организациям, общественности, в широком привлечении народных масс к управлению государственными делами. Применительно к правоохранительной сфере это означало выдвижение курса на привлечение трудящихся к борьбе с преступностью, к охране порядка. Позитивным здесь явился тот факт, что впервые после долгих лет господства сталинской репрессивной машины в центр административно-правоохранительной политики был поставлен человек, личность. Определяющим стала характеристика его качеств, его поведения в системе общественных отношений. Именно это обстоятельство составило главную отличительную черту правоохранительной политики хрущевского периода. Утверждение ее новых принципов, оформленных новым законодательством, определяло общественно-правовое развитие советского общества многие годы, вплоть до конца 80-х. В этом переходе от сталинской эпохи видится одна из основных заслуг руководства КПСС, и прежде всего Н. С. Хрущева.

Конец 50-х годов характеризуется теоретической разработкой и внедрением в жизнь модели «общенародного государства», пришедшей на смену многолетней большевистской доктрине диктатуры пролетариата. По своей идеологической значимости данная тема соизмерима с вопросом о «культе личности» Сталина. Демонтаж краеугольного камня сталинского учения о государстве открывал новые пути общественного развития. Они виделись в постепенной передаче функций государства общественным организациям. В этой связи в конце 50-х годов серьезно возрос статус наиболее массовых из них — профсоюзов, комсомола, которые фактически были вмонтированы в общую систему партийно-государственной иерархии.

Привлечение широких масс трудящихся к управлению в рамках общенародного государства становится стратегической задачей. Однако проведение этого курса не могло быть реализовано в общественной практике тех лет. Серьезным препятствием являлась существовавшая политическая система. Ее однопартийная

структура, базальтернативность выборов в органы государственной власти исключали возможность проявления реальной инициативы масс в управлении государственными делами. Но официальная пропаганда и наука сознательно обходили данное обстоятельство, занимаясь демонстрацией преимуществ советской демократии, выработанной партией.

Разработка модели общенародного государства привела к усилению идеологического диктата властей во всех сферах жизни. В этом заключалось своеобразие хрущевской эпохи. С одной стороны, наблюдалось раскрепощение духовной жизни, призывы к демократизации, требование вовлекать трудящихся в управление государством. С другой — эти инициативы были вмонтированы в жесткие рамки системы, освобожденной от культовых наслоений, но скованной идеологией броска в коммунизм, навязанной КПСС. Более того, задача формирования нового человека, гражданина будущего общества, привела к усилению борьбы за влияние над духовной жизнью людей. На эту сферу распространялось монопольное господство КПСС, исключавшее любую «конкуренцию». Именно это стало основой пересмотра отношений с Русской православной церковью, началом новой волны религиозных гонений и притеснений. Под жестким контролем оставались литература и искусство, где начавшийся после XX съезда партии процесс раскрепощения был особенно ошутим. Любое проявление самостоятельности в этой сфере, не связанное с целями и задачами, выработанными КПСС, незамедлительно пресекалось и беспощадно подавлялось, что свидетельствует о неизменности архитектуры идеологии.

Анализ проектов политических преобразований начала 60-х годов дает представление о взглядах руководства страны на пути общественного развития. Они были связаны преимущественно с различными организационными перестройками системы власти, что рассматривалось как панацея в решении многочисленных проблем. Наиболее яркий и масштабный пример реализации такого подхода — реформирование партийных и советских органов по производственному принципу, предпринятое в 1962—1964 годах и создавшее существенные трудности во всей управленческой структуре страны. В то же время власти полностью игнорировали необходимость коренных изменений самой общественной системы, серьезной корректировки приоритетов экономического развития. Все это наглядно зафиксировано в двух крупнейших официальных документах начала 60-х годов — третьей Программе КПСС и проекте новой Конституции СССР. Содержание этих документов — свидетельство сугубо индустриальных представлений о развитии советского общества. Как и ранее, в 30-е годы, в них воспроизводились акценты на развертывание традиционных промышленных секторов (металлургиче-

ского, машиностроительного и др.), а высокотехнологичные, наукоемкие отрасли находились на периферии интересов власти. В этом проявилось общее непонимание партийно-хозяйственной элитой тенденций превращения науки в главную силу материального производства, что имело необратимые негативные последствия для экономики страны. То же можно сказать и о социальной сфере. Трудовая деятельность воспринималась в сугубо индустриальном смысле, т. е. как сумма неких, прежде всего физических, усилий. Именно на этом фундаменте в общественном сознании строилось все понимание социальной справедливости, находившимся вследствие этой причины под сильным влиянием уравнилельных настроений. Без внимания оставило руководство партии и государства предложения демократизировать политическую жизнь общества, развивая выборность руководящих работников всех уровней, депутатов системы Советов. Монополия КПСС на власть не могла быть поставлена даже под сомнение, так как именно это составляло скрепляющую основу конструкции общенародного государства.

В хрущевский период заметным явлением в политической жизни советского общества стали национальные движения. Само появление и формирование национальной оппозиции в рамках общего оппозиционного движения в СССР во многом явилось результатом десталинизации и эмансипации общественного сознания в период хрущевской «оттепели». Раньше всех свою политическую активность и массовость проявило национальное движение депортированных народов за возвращение политических прав, своей государственности. Под нажимом этого движения власти стали предпринимать меры по реабилитации. Однако все они носили половинчатый характер и не были доведены до конца.

Среди союзных республик в этот период наибольшей активностью и массовостью отличались национальные движения, выступавшие за политическую независимость. Многочисленны в те годы и подпольные антисоветские группы, которые создавались бывшими участниками вооруженного националистического подполья. В них преобладала учащаяся молодежь. Однако неэффективность подполья, их быстрая «раскрываемость» приводили к тому, что уже в первой половине 60-х годов нелегальные формы и методы становились узкогрупповыми. Активная роль в национальных движениях принадлежала интеллигенции, которая отстаивала сохранение национальной культуры, языка.

Национальные движения в СССР в их легальной форме в период хрущевской «оттепели» развивались в сравнительно благоприятных условиях. Власти сурово противостояли только «подпольщикам», оставляя поле для участников этнокультурного движения. Практически везде, кроме Прибалтики и Западной

Украины, в этот период цели сохранения национальной культуры и языка доминировали над политическими.

В современной исторической науке по отношению к политическим преобразованиям Н. С. Хрущева сформировались определенные традиционные подходы. Они связаны с тем, что анализ реформ начинается, как правило, с марта 1953 года или уже непосредственно с XX съезда КПСС. Однако более эффективным и перспективным представляется взгляд с позиций послевоенных лет (1946—1952 годы). Именно в этот период была выдвинута и разрекламирована ключевая идеологическая доктрина — непосредственное развертывание коммунистического строительства с определением его конкретных сроков. Стенограмма XIX съезда КПСС проникнута ощущением приближающегося коммунистического завтра. В этом смысле последний сталинский партийный форум мало чем отличался от XXI или XXII съездов, фактически повторивших установку на строительство коммунизма, только в интерпретации уже новых лидеров. Тема коммунизма звучала сдержаннее лишь в 1953—1956 годах, то есть в момент формирования и выдвижения курса на десталинизацию, в период острой внутрипартийной борьбы. Иными словами, вся хрущевская «оттепель» проходила на фоне уже четко оформленной цели — построения коммунизма. Нет сомнения в том, что она разделялась Хрущевым, который являлся горячим приверженцем коммунистической идеи как в конце 40-х, так и в конце 50-х годов.

С этой точки зрения становятся более понятными решения по разоблачению культа личности Сталина, которые никоим образом не были направлены на реальное изменение существовавшей общественной системы, а тема «культа личности» в этом свете еще более отчетливо представляется как инструмент властной борьбы. Не успев избавиться от своих политических соперников, Хрущев сразу же и в большем объеме реанимировал вопрос о строительстве коммунизма, где главным действующим лицом стал уже он, а не Сталин с его учением и наследием. Следует заметить, что оказались воспроизведенными даже сроки коммунистического строительства — те же 20 лет, зафиксированные в новой Программе партии. То же самое можно сказать и о всей масштабной программе хрущевских преобразований, предпринятых в конце 50 — начале 60-х годов. Практически все основные реформаторские принципы первого секретаря ЦК КПСС были сформулированы частью партийно-государственной элиты еще в первые послевоенные годы при жизни Сталина. Это относится к доктрине формирования общенародного государства, идее привлечения широких слоев трудящихся к управлению государственными делами, предложениям по развитию различных законодательных инициатив и т. д.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о неправомерности характеризовать период 1953—1964 годов как эпоху рождения российской демократии. Современное восприятие хрущевского периода в качестве зари демократии во многом связано с пиком исторической публицистики конца 80 — начала 90-х годов, увлекшейся поиском параллелей для политики перестройки и гласности и идеализировавшей отдельные этапы прошлой истории. Очевидно, что развенчание культа личности Сталина, восстановление элементарных норм законности, ослабление тотального уголовного преследования было необходимо для преодоления мрачного наследия 30—40-х годов, замешанного на духе средневековья и инквизиторства. В этом смысле элементы демократизации имели место, но это нельзя признать системой, устойчивой тенденцией общественного развития.

Историческая практика показала, что в проведении курса XX съезда КПСС не было должной последовательности, целеустремленности и определенности, наоборот, этот период можно характеризовать неустойчивостью развития, резкими поворотами в стратегии и особенно в тактике развития общества, государства. В послесталинское десятилетие научный подход к объективно назревшим проблемам экономики и управления, социальных отношений зачастую уступал место волюнтаризму и субъективизму. Все реформы, перестройки, многочисленные реорганизации осуществлялись, как правило, «сверху», они не подкреплялись обоснованием, проверкой опытом, практикой; более того, при их провозглашении, объявлении «курса» игнорировалось, приукрашивалось реальное положение дел в обществе и в государстве, кажущиеся поначалу положительными результаты уже вскоре проявлялись в негативном виде.

Неудачи в проведении нового курса, несрабатываемость реформ и перестроек порождали нервозность в руководстве, массу скоропалительных решений, имевших сиюминутный результат, но мало в позитивном плане сказывающихся на положении общества. Возросшие на начальном этапе темпы развития экономики заметно снижались, падала эффективность производства, возникали затруднения экономического и социального характера, которые приводили к серьезным эксцессам в обществе.

Через призму прошедших лет представляется объективным суждение о том, что при проведении преобразований в первое послесталинское десятилетие не было должной последовательности и целенаправленности, отсутствовали четкие представления о приоритетах в модернизации общественной жизни. В немалой степени здесь сказывалось то, что хрущевские реформы не опирались на науку, не учитывали уроки практики.

Сегодня можно утверждать, что о Сталине и сталинизме, вреде «культа личности» мы знаем больше, чем Н. С. Хрущев, про-

износя доклад на XX съезде КПСС, чем П. Н. Поспелов, возглавлявший комиссию по изучению материалов о массовых репрессиях членов ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии, чем Д. Т. Шепилов, готовивший вариант доклада. В осмыслении «культа личности» Сталина сделано много, но в то же время еще мало сделано в осмыслении сталинизма как идеологии, системы взглядов, господствующего мировоззрения целой исторической эпохи советского общества. В результате Коммунистическая партия не смогла выполнить и реализовать модернистическую тенденцию как в теории, так и на практике. Научно-теоретическая необразованность оставалась характерной для кадров партийно-государственной системы вплоть до руководителя партии и государства.

Общество, политическая система после смерти И. В. Сталина не освободились от самого тяжелого извращения социализма в форме разного рода насилия, репрессий. Грубейшим проявлением этого стало подавление оружием гражданского недовольства в Новочеркасске и применение репрессий в отношении его участников, использование психиатрических лечебниц для подавления инакомыслия, в чем проявлялось нарушение международных стандартов прав человека, преследование свободы слова и мнений вплоть до насильственного лишения прав гражданства. Насилие модернизировалось в другие формы, методы, но его сущность в обществе сохранилась.

Один из главных выводов исследования — ни одно цивилизованное общество не может сохраняться, развиваться без модернизации своей общественно-политической системы. В этом отношении можно говорить об общественной потребности и необходимости перестройки, начатой в середине 80-х годов. Но в этот период, может быть, в силу углубления противоречий, усиления негативных тенденций, заложенных ранее в 50—60-е годы, не был найден правильный ракурс преобразования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1662.

Проект записки В. М. Молотова «Об опасности войны и борьбе за коммунизм» (рукопись).

Название фонда: *«Научно-теоретическая деятельность В. М. Молотова».*

После второй мировой войны Советский Союз вышел из положения международной изоляции. Наряду с мировой системой капитализма образовалась мировая система социализма, охватывающая целый ряд больших и малых стран Европы и Азии с населением свыше одной трети человечества. Страны социализма добились огромных успехов в деле подъема народного хозяйства и культуры. СССР вступил в эпоху развернутого строительства коммунистического общества. Для народов стран социалистического содружества открылись невиданные возможности подлинного расцвета творческих сил.

Успехи социализма являются убедительным доказательством того, как велики внутренние силы народов и как быстро они растут, освобожденные от оков капиталистического рабства. У народов этих стран существует величайшая готовность отстаивать завоеванные права, отдать свои силы строительству новой социалистической жизни. Им чужды какие-либо стремления ко вмешательству в дела других народов. Отношения с другими народами страны социализма развивают на основе равноправного сотрудничества. Но, с другой стороны, растущие успехи народов, свергнувших гнет капитализма, внушают животный страх угнетателям трудящихся в капиталистических странах. Они не могут не сознавать, что приближается конец эпохе капиталистической эксплуатации, на которой еще держится господство капиталистических монополий и правящих клик в странах империализма.

(С. 6—7)

«Американские монополии и их английские и французские союзники открыто помогают западногерманскому империализму, который цинично проповедует реваншистские, захватнические цели, подготавливает войну против социалистических государств и других европейских стран. В центре Европы воссоздается опасный очаг агрессии, угрожающий миру и безопасности всех народов. На Дальнем Востоке американские монополии возрождают находящийся в определенной зависимости от них японский милитаризм — другой опасный очаг войны, угрожающий народам Азии, в первую очередь социалистическим государствам.

Интересы небольшой группы империалистических держав несовместимы с интересами остальных стран, с интересами всех народов. Глубокий антагонизм разделяет империалистические государства и страны, завоевавшие национальную независимость, страны, борющиеся за свое освобождение». (Цитата из Программы КПСС.)

Со стороны империалистических стран предпринимается немало усилий к созданию не только военных блоков, но и к образованию все новых политических и экономических группировок. Было бы неправильно преуменьшать опасные стороны и политическую вредоносность этих группировок. Однако эти блоки и группировки не опираются на активную поддержку широких масс трудящихся. Все лакейские попытки реформистов оказать империалистам помощь в этом деле дают ограниченные результаты, а нередко вызывают и активный отпор со стороны трудящихся, поскольку влияние коммунистических партий неуклонно растет среди трудящихся в капиталистических странах.

Сколько бы ни создавалось империалистических блоков и группировок, они не в состоянии преодолеть имеющиеся глубокие противоречия, разъедающие и ослабляющие систему современного империализма, ведущие к неизбежным столкновениям империалистических государств также между собой. Внутри самих этих блоков и группировок никогда не приостанавливается борьба за более выгодные экономические и политические позиции, за господствующее положение более сильных империалистических клик, что ведет к непрекращающейся грызне между ними. Даже внутри тех военных и невоенных империалистических объединений, острие которых направлено непосредственно против социалистических стран, дело не обходится без постоянных столкновений между участвующими в них государствами. Поскольку экономической основой империалистических государств является частная собственность и наемный труд и поскольку это создает у правящих кругов этих государств известную общность политических интересов в отношении социалистических стран, мы иногда пользуемся словами «импери-

алистический лагерь», но не следует забывать, что это нечто совсем другое, чем создавшийся после второй мировой войны лагерь стран социализма. В действительности империалистические страны — именно вследствие раздирающих мировую систему империализма противоречий — никогда не смогут создать свой мировой лагерь в том глубоком политическом смысле и историческом значении, как уже существует мировой социалистический лагерь, несокрушимой базой которого является не только единство экономических основ, но также глубочайшее единство интересов и целей трудящихся стран, строящих социализм и коммунизм, тесно связанных между собой узами совместной борьбы против империализма, узами братской дружбы и социалистической взаимопомощи. Несравненным преимуществом социалистических стран является их идеологическое объединение на основе революционных идей марксизма-ленинизма, под знаменем которых народы братских стран строят социализм, идут к победе коммунизма.

Небывалая гонка вооружений, осуществляемая ныне западными странами, говорит о неуверенности империалистических кругов в прочности и устойчивости своего положения. Эта гонка вооружений ни в какой мере не может укрепить прогнившие устои капитализма и отнюдь не может гарантировать будущее империалистических государств. Бесперспективны и многие другие агрессивные мероприятия реакционных клик империализма. В этом можно убедиться хотя бы на примере Соединенных Штатов Америки — наиболее сильной империалистической страны.

Все годы после второй мировой войны США отказываются торговать с Союзом, демонстрируя этим нежелание установить нормальные отношения с Советским государством и стремление причинить ему тяжелый ущерб. Добился ли этим американский империализм ослабления нашей страны, к чему он так стремился? Конечно, нет! Другие капиталистические страны не только не пошли по этому открыто агрессивному пути, а напротив, все больше развивают торговые связи с СССР. Только тот, кто не хочет смотреть в лицо фактам, будет отрицать, что эта агрессивная политика США в отношении Советского Союза потерпела полное поражение.

(С. 10—14)

В руководящих сферах капиталистических государств не прекращается борьба между двумя тенденциями, одна из которых ведет к ускорению развязки мировой войны, а другая — к ее оттяжке. Но нельзя не признать, что решающее значение имеет тот факт, что увеличивающаяся гонка вооружений и ведущаяся агрессивными кликами идеологическая обработка обще-

ственного мнения все более увеличивает опасность третьей мировой войны. При таком положении реальность опасности войны очевидна.

Мы должны смотреть правде в глаза, видеть эту реальную опасность, не допускать пассивной самоуспокоенности, усиливать бдительность в отношении козней агрессивных сил империализма. Но столь же недопустимо поддаваться запугиваниям со стороны всяких прислужников империализма. Проявление какой-либо слабости или недостаточная бдительность лишь поощряли бы агрессора. Еще никогда в прошлом силы мира и прогресса не располагали такими мощными материально-техническими средствами и другими огромными возможностями защитить мир и свободу развития народов, отстоять до конца торжество дела социализма. В мире нет сил, которые могли бы остановить великое движение человечества к этому светлему пути.

(С. 19—20)

...Развернувшаяся в последние годы бешеная гонка вооружений в странах империализма требует от всех коммунистических и рабочих партий постоянной бдительности и непреклонной готовности к сознательным и решительным действиям. Этого нельзя добиться, не преодолев влияния идеологии реформизма в рабочем классе капиталистических стран. Ныне, как никогда в прошлом, борьба народов против новой мировой войны все теснее сближается и соединяется с борьбой за победу социализма в международном масштабе. Вызываемая гонкой вооружений опасность новой войны ставит в центре проблем международной жизни вопрос о возможности предотвращения войны.

Как стоит этот вопрос?

На XX съезде КПСС Н. С. Хрущев остановился на вопросе «о возможности предотвращения войн в современную эпоху».

«Миллионы людей во всем мире, — говорил т. Хрущев, — спрашивают: неизбежна ли новая война, неужели человечеству кроме двух кровопролитных мировых войн предстоит пережить и третью». Марксисты должны дать ответ на этот вопрос, приняв во внимание произошедшие за последние десятилетия всемирно-исторические изменения.

Нельзя не признать, что вопрос о войне волнует миллионы и миллионы людей. Нельзя не признать и того, что всемирно-исторические изменения, произошедшие в послевоенный период, требуют, чтобы марксисты вновь проанализировали мировую обстановку и сказали свое слово. Не мешает также напомнить, что правду об империализме и войне рабочий класс и раньше слышал только от марксистов-ленинцев. Как известно, ревизи-

ониисты и всякого рода реформисты отличались и отличаются тем, что они не говорят всей правды и по этому вопросу, по наиболее острому вопросу классовой борьбы. Они либо замалчивают эту правду, либо всячески запугивают войной, — и в том, и в другом случае выполняя грязную роль прислужников империализма.

В приведенном высказывании т. Хрущева вопрос о войне поставлен уклончиво, неопределенно. Ведь одно дело помешать развязке, предотвратить ту или иную небольшую, так сказать, местную войну, что бывало и в прошлом. Совсем другое дело — вопрос о предотвращении мировой войны, в которую, как показал исторический опыт, втягиваются все большие и многие малые государства. Смешение этих вопросов характерно для высказываний т. Хрущева на XX партсъезде, а также позже.

Вслед за приведенными выше словами т. Хрущев говорил: «Как известно, имеется марксистско-ленинское положение, что, пока существует империализм, войны неизбежны. Это положение было выработано в период, когда империализм был всеохватывающей системой и общественно-политические силы, не заинтересованные в войне, были слабы, недостаточно организованны и не могли в виду этого заставить империалистов отказаться от войн».

Это высказывание т. Хрущев положил в основу своего изложения марксистско-ленинских взглядов на войну. Но прежде, чем перейти к теоретической, а затем и практической стороне вопроса, необходимо устранить создающиеся этими словами ложное впечатление, будто одно из важнейших ленинских положений — тезис о неизбежности войн при империализме относятся только к периоду, когда «империализм был всеохватывающей системой», то есть, к периоду до Октябрьской революции.

Всем известно, что это не так. И до и после Октябрьской революции Ленин неизменно отстаивал этот взгляд на войну. Однако главный недостаток приведенного выше высказывания заключается в извращенном изложении самой сущности ленинских взглядов на империализм и войну. В этом высказывании ленинские взгляды изложены упрощенно — односторонне и, следовательно, неправильно.

В этом нетрудно убедиться, стоит только ознакомиться с тем, что говорил В. И. Ленин.

Ленин учил, что при существовании империализма войны неизбежны, а значит, нет гарантий и от мировой войны, но он указывал и пути для избавления от войн. Тов. Хрущев сослался на одно ленинское принципиальное положение о неизбежности войн при империализме, но умолчал о том, что Ленин говорил о путях избавления от войн.

Между тем Ленин, большевики никогда и раньше не признавали фатальной неизбежности войн, а звали к борьбе против империализма и войн и неуклонно подготавливали рабочий класс к революции, свержению самого капиталистического строя, порождающего современные войны. Высоко поднимая знамя борьбы против империализма и войны, Ленин, большевики не ограничивались провозглашением общих лозунгов, а призывали к активной революционной борьбе. Как известно, только благодаря Октябрьской социалистической революции, под руководством ленинской партии большевиков сломившей господство империализма, господство помещиков и капиталистов в России, наша Родина вырвалась из огня мировой империалистической войны, указав и другим народам верный путь к избавлению от войн и от империализма, порождающего войну. Разве этот блестящий факт не является подтверждением ленинского учения об империализме и о путях предотвращения войн.

Учение Ленина не сводится к признанию неизбежности войн при империализме, как это получилось у т. Хрущева. Второй и практически важнейшей частью этого учения о войне является ленинский революционный вывод о том, как, каким путем народы не только должны, но и могут покончить с войнами и с самими причинами, порождающими войны. Без этой второй части, без вопроса о путях избавления от войн нельзя правильно изложить марксистско-ленинские взгляды на войну, тем самым ленинское учение дает ясный научно и практически обоснованный ответ на вопрос о том, как вести борьбу за действительное предотвращение войн.

Совершенно очевидно, что в изложении марксистско-ленинских взглядов на войну т. Хрущев пошел по неправильной дороге, грубо извратил учение Ленина о войне, допустил серьезную теоретическую ошибку.

...Но, говорят, нельзя же ленинские взгляды по вопросу о войне рассматривать так, будто невозможно избавиться от войн, пока капитализм будет существовать хотя бы в одном государстве — даже в маленьком вроде «пуговицы на пиджаке», как сострил на этот счет Н. С. Хрущев на съезде РРП в Бухаресте (1960 г.). Возможно, что эта острота кому-нибудь и показалась забавной, но попытки отшутиться в таком деле ничего полезного дать не могут, не говоря уже о том, что и не могут скрыть идейную пустоту.

Было бы недопустимой близорукостью недооценивать всемирно-исторических сдвигов, произошедших в ходе разгрома германских фашистов и его союзников во второй мировой войне и последовавшего затем небывалого подъема антифашистского и антиимпериалистического массового движения в странах Ев-

ропы и Азии, а затем также в Африке и Латинской Америке. Но было бы также неправильно забывать, что мы живем в такое время, когда капитализм сохранился в одном или нескольких небольших государствах, которые не могут влиять на международную обстановку в целом.

Нашей величайшей победой является тот факт, что СССР вышел из довоенной международной изоляции, что образовалась и неуклонно крепнет мировая система социализма. Однако можно ли игнорировать тот факт, что наряду с этим продолжает существовать мировая система капитализма, которую было бы неразумно сравнивать — даже для забавы! — с каким-то ничтожным государством — «пуговкой на пиджаке». Можно ли при наличии продолжающей существовать мировой системе капитализма считать, что вопрос об опасности войны — «вопрос простой, ясный и сравнительно легкий», хотя от такого несерьезного рассуждения специально предостерегал Ленин в одном из своих последних высказываний по вопросу о войне в «Записках о задачах нашей делегации в Гааге», написанной в декабре 1922 года (т. 33, стр. 409).

Необходимо дать ясный ответ на вопрос: применимы ли к настоящим условиям теоретические положения марксизма-ленинизма как о неизбежности войны при империализме, так и о путях избавления от войн — правильны ли эти принципиальные положения в условиях, когда социализм уже стал мировой системой, но и капитализм продолжает существовать как мировая система. Тов. Хрушев нигде и ни разу прямо не поставил этого вопроса. Тем не менее, на XX съезде КПСС и более откровенно на съезде румынской рабочей партии в Бухаресте он выступил с утверждением, что ленинское положение о неизбежности войн при империализме устарело, что в «современную эпоху» оно не применимо.

При этом, говоря о ленинских взглядах по вопросу о войне, т. Хрушев снова счел допустимым умолчать о том, что Ленин говорил по вопросу о возможности предотвращения войн или, точнее говоря, по вопросу об избавлении народов от войн. Приведенное утверждение т. Хрущева находится в явном противоречии не только с фактами и прежде всего с фактами бешеной гонки вооружений в странах империализма, но и с тем бесспорным для марксиста теоретическим положением, что ленинский тезис о неизбежности войн, а значит, и о возможности новой мировой войны имеет непреходящее принципиальное и практическое значение для всего народа, пока существует международный империализм и в том числе для народа, когда он стал, как ныне, лишь одной из двух мировых систем.

Совершенно очевидно, что указанные высказывания т. Хрущева является призывом к отказу от одного из коренных прин-

ципальных положений ленинизма. Если это не ревизионизм, то что же это такое?

Самоуверенность и вместе с тем беспечность т. Хрущева в теоретических вопросах очевидна. При этом же в его выступлениях все больше обнаруживается определенная политическая тенденциозность, в основе своей чуждая революционному марксизму.

Тов. Хрущев обыкновенно избегает делать открытые наскоки на революционную сущность ленинизма и, скорее, склонен хвалебными фразами о Ленине прикрывать появившиеся у него антиреволюционные тенденции, несовместимые с ленинизмом. Из всех его высказываний такого рода, пожалуй, особенно легковесными и вместе с тем наиболее дезориентирующими партию и широкие общественные круги были близоруко-самоуверенные заявления по вопросу о возможности предотвращения войн.

РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Ед. хр. 10.

Материал об отношении Коммунистической партии Советского Союза к религии, подготовленный П. Ф. Колоницким.

9 июля—6 августа 1958 г. Москва.

Название фонда: «Материалы по разработке проекта третьей программы КПСС».

1. Ликвидация классовой базы религии как главное условие полного преодоления религиозных предрассудков в СССР.

В ходе социалистических преобразований в СССР ликвидирована главная причина религии — частная собственность на средства производства и обусловленные ею разделение общества на противоположные классы и эксплуатация человека человеком. Этим создана реальная предпосылка, неременное условие полного преодоления религиозных предрассудков. В результате произошел массовый отход трудящихся от религии и церкви.

Однако силой традиции и некоторых других причин (наследие капитализма в экономике, влияние буржуазной идеологии извне, пережитки бескультурности и т. д.) религиозные пережитки еще держатся в сознании значительной части населения СССР и могут быть полностью преодолены лишь в ходе дальнейшей работы партии по коммунистическому воспитанию трудящихся.

2. Пропаганда научного атеизма — составная часть всей политико-воспитательной работы КПСС среди населения.

Религиозные пережитки несовместимы с научным марксистско-ленинским мировоззрением КПСС, по существу, противостоят делу коммунистического строительства. Одним из обязательных условий победы коммунизма является высокий уровень социалистической сознательности и культуры трудящихся масс — строителей коммунизма, а следовательно, полное преодоление

пережитков буржуазной идеологии, антинаучных взглядов, всякого рода предрассудков и суеверий. Воспитание трудящихся в духе марксистско-ленинского мировоззрения, в духе коммунистической морали предполагает пропаганду научного атеизма. Пропаганда научного атеизма и преодоление религиозных пережитков — неотъемлемая составная часть всей работы КПСС по коммунистическому воспитанию трудящихся.

3. Методы и формы научно-атеистической пропаганды.

КПСС руководствуется указанием В. И. Ленина о борьбе за преодоление религии идейным и только идейным путем. Свобода отправления религиозных культов — исходный пункт в выборе методов и форм научно-атеистической пропаганды. Важнейшее требование научно-атеистической пропаганды — недопустимость административных мер по отношению к служителям церкви и церковным организациям, внимательное и чуткое отношение к верующим, недопускающее оскорбления их религиозных чувств. Распространение политических и научных знаний, научная аргументированность антирелигиозной пропаганды — необходимые условия успешной борьбы за полное преодоление религиозных пережитков.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Ед. хр. 133. Л. 2—24.

Всесоюзное совещание работников промышленности, созванное ЦК КПСС и Советом Министров СССР 16—18 мая 1955 года.

Неправленный экземпляр.

Появление в президиуме товарищей Булганина Н. А., Ворошилова К. Е., Кагановича Л. М., Маленкова Г. М., Микояна А. И., Первухина М. Г., Сабурова М. З., Хрущева Н. С., Кириченко А. И., Поспелова П. Н., Суслова М. А.

Вступительная речь Н. А. Булганина о мерах по дальнейшему подъему промышленности на основе широкого внедрения в производство достижений науки и передового опыта.

БУЛГАНИН. Товарищи! Наше совещание, на котором присутствуют руководители предприятий, проектных, конструкторских, научно-исследовательских организаций, новаторы производства, а также партийные, комсомольские и профсоюзные работники, созвано Центральным Комитетом партии и Правительством для того, чтобы обсудить вопрос о мерах по дальнейшему подъему промышленности на основе широкого внедрения в производство достижений науки и передового опыта.

Наша социалистическая промышленность, являющаяся ведущей отраслью народного хозяйства, идет по пути неуклонного подъема. Темпы развития нашей промышленности и особенно — темпы развития тяжелой индустрии в несколько раз выше темпов развития промышленности ведущих капиталистических

стран. В текущем году будет произведено промышленной продукции примерно на 80% больше, чем 1950 году, и в три с лишним раза больше, чем в довоенном 1940 году.

Пятилетний план развития нашей промышленности по количественным показателям выполняется успешно, и есть все основания полагать, что он будет перевыполнен.

Но партия учит нас не останавливаться на достигнутом, а больше уделять внимания нерешенным задачам и устранять имеющиеся недостатки.

Следует иметь в виду, что за общими цифрами выполнения планов производства в целом скрываются многие предприятия, систематически невыполняющие заданий и недодающие стране большое количество продукции. В некоторых отраслях промышленности не выполняют план от одной трети до половины общего числа предприятий.

Товарищи, вопрос, поставленный на обсуждение совещания, имеет большое государственное значение. Только внедрение в производство новейших достижений науки и техники, составляющих основу технического прогресса, может обеспечить быстрый рост производительности труда, которая, по определению Ленина, в последнем счете является самым важным, самым главным для победы нового общественного строя.

За последние 26 лет производительность труда в промышленности выросла больше, чем в 6 раз. Однако задание пятой пятилетки по росту производительности труда в промышленности не выполняется.

...В известном вам письме Центрального Комитета партии и Совета Министров о положении в промышленности приведено много примеров, показывающих наше отставание в вопросах внедрения новой техники и производительности труда. Отставание касается многих отраслей промышленности, в том числе и машиностроения, которое является, как мы говорим, сердцевинной индустрии.

В деле развития и внедрения новой техники и повышении производительности труда в народном хозяйстве машиностроителям отводится особенно большая роль.

Воздействие машиностроителей на технический прогресс страны идет по двум направлениям: с одной стороны, это внедрение новой техники и повышение производительности труда на самих машиностроительных заводах при изготовлении машин и оборудования, с другой — создание и выпуск таких машин, которые должны обеспечить технический прогресс во всем народном хозяйстве. В обоих из этих направлений машиностроители имеют большое отставание.

Если во время войны, в первые годы после нее, в машиностроении широко внедрялись такие прогрессивные методы

работы, как поточные линии, автоматическая и полуавтоматическая сварка, скоростное резание металлов, нагрев токами высокой частоты и ряд других, то сейчас мало слышно о новых крупных технологических мероприятиях в машиностроении. Наши машиностроители в основном ограничиваются применением уже освоенных технологических процессов. В то же время за границей, особенно в США, широко применяются в машиностроении новые прогрессивные технологические процессы...

Министерство черной металлургии не уделяет должного внимания производству особенно дефицитных и более экономичных профилей, что создает значительные затруднения в промышленности и ведет к большому перерасходу металла.

В нашей металлургической промышленности еще много неиспользуемых резервов.

За границей на медеплавильных заводах установлены как правило электрофилтры, осуществляющие сухое и мокрое пылеулавливание. У нас таких установок крайне мало.

Из-за отсутствия пылеуловителей на наших медеплавильных заводах только в 1954 году безвозвратно потеряно около 500 тыс. тонн серы, более 50 тыс. тонн цинка, 1 тыс. тонн меди, 3 тыс. тонн свинца, 4 тонны золота, а также значительное количество других редких металлов.

Годовая потеря ценных элементов — медно-цинковых руд только Урала исчисляется в сумме более 7 млрд рублей.

Министерство химической промышленности медленно осваивает производство концентрированных минеральных удобрений, производство новых органических материалов, где мы очень отстали, пластических масс, заменителей цветных металлов и красителей, а также химическая промышленность сильно отстает с механизацией химической обработки нефти и природных газов.

Имеется серьезное отставание в нашей нефтяной промышленности, особенно по скорости бурения и в области переработки нефти.

...Недостатки в организации промышленности находят отражение в структуре управления предприятий. Партия и Правительство требуют решительного искоренения канцелярско-бюрократического стиля руководства, сокращения численности управленческого аппарата, совершенствования его работы и повышения качества руководства. Эти указания партии все еще слабо претворяются в жизнь. На средних и небольших предприятиях структура управления, как правило, почти не отличается от структуры управления крупных заводов. Нельзя, например, считать нормальным, когда на Харьковском заводе дорожных машин Министерства строительного и дорожного машиностро-

ения на 190 рабочих имеется 10 отделов, 6 производственных цехов, а в штате заводоуправления 88 человек.

ИЗ ПРЕЗИДИУМА. Такого директора надо бы исключить из партии.

БУЛГАНИН. К сожалению, такие факты не единичны. Нет надобности доказывать, как это дорого обходится государству и какое влияние оказывает это на себестоимость продукции.

Надо улучшить структуру заводоуправления, ликвидировать ненужные звенья, укрупнить там, где это целесообразно, мелкие цехи и отделы.

Товарищи, мы всегда должны помнить о том, что наряду с Советским Союзом и странами народной демократии существуют капиталистические страны; отдельные из них имеют высокую промышленность и имеют серьезные достижения в ряде областей техники. Мы не сомневаемся в том, что в экономическом соревновании между двумя общественными системами победит социалистическая система, как более прогрессивная. Однако известно, что победа не приходит сама, победу организуют и создают люди. Чтобы победить капитализм в экономическом соревновании, мы обязаны иметь передовую технику, улучшающую организацию производства и более высокую производительность труда.

Центральный Комитет и Совет Министров в письме к работникам промышленности указывают на следующие главные вопросы, на которых надо сосредоточить особое внимание:

быстрейшая разработка и внедрение передовой техники, совершенствование технологии и организации производства для резкого подъема производительности труда;

лучшее использование имеющегося оборудования и существующих производственных площадей;

укрепление государственной дисциплины и как ближайшая задача — выполнение и перевыполнение государственного плана текущего года, завершающего года пятой пятилетки, каждым предприятием по всем показателям;

сокращение и удешевление административно-управленческого аппарата в промышленности.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Ед. хр. 139. Л. 5—8.

Всесоюзное совещание руководящих партийных и советских работников по вопросам сельского хозяйства от 30 декабря 1955 года.

Неправленный экземпляр.

Присутствуют: Подгорный (Украина), Лебедев (Российская Федерация), Брежнев (Казахстан), Пысин (Алтайский край), Мацкевич (Министр сельского хозяйства СССР), Патоличев (Бе-

лоруссия), Суслов (Краснодарский край), Бенедиктов (Министр совхозов СССР), Хрущев — председательствующий.

ХРУЩЕВ. Товарищи, разрешите наше заседание считать открытым.

...Когда я слушал т. Мацкевича и других товарищей, которые ездили в Америку, то т. Мацкевич высказал одну мысль, что когда он приехал в Америку, он нигде не видел посевов подсолнуха. Это, товарищи, характерно. Когда спросили фермеров, почему вы подсолнух не сеете, условия там хорошие, они говорят, а зачем подсолнух сеять — невыгодно, я лучше, чем растительное масло сбивать, добуду на этой же земле животное масло и продам его более выгодно. Я вот задумался над этим вопросом. Товарищи, этот вопрос у нас считается непогрешимым: деды наши сеяли подсолнух, отцы и мы. А, может быть, мы глупость дедов продолжаем?

И я думаю, что это глупость. Почему? Капиталисты никогда не упустят возможность заработать. Значит, капиталисты американские на подсолнухе не могут заработать, а зарабатывают на кукурузе и других масличных культурах, на животном жире. А разве нам это вредно? Поэтому давайте ученые, агрономы, экономисты, зоотехники, которые здесь сидят на совещании, карандашиком подсчитаем, какой результат получится с гектара.

Возьмем гектар посева подсолнечника. В среднем мы, видимо, получаем подсолнечника 5—6 центнеров по Союзу, не больше? Или больше?

ГОЛОС С МЕСТА. Нет.

ХРУЩЕВ. Какой выход? Выход 30 процентов, что ли?

ГОЛОС С МЕСТА. 20 процентов. 23 процента.

ХРУЩЕВ. 20 процентов. Значит, сколько же мы жиров на гектар получим?

ГОЛОС С МЕСТА. 120 килограммов.

ХРУЩЕВ. 6 пудов или 1 центнер. Если взять и посеять кукурузу на зерно, можем мы получить 150—200 центнеров?

ГОЛОС С МЕСТА. Можем.

ХРУЩЕВ. Легко можем. А вот в Краснодаре, на Украине, где главным образом подсолнух, в Воронеже и в других местах, там можно получить значительно больше. Так давайте все это перегоним в масло и мясо. Я думаю, что арифметика будет в пользу этой культуры.

Я сейчас, товарищи, ничего не предлагаю, потому что нельзя так вот предлагать с этой трибуны, но я ставлю этот вопрос для того, чтобы наши ученые, агрономы и руководители сельского хозяйства проанализировали, посоветовались и сделали соответствующий вывод в этом вопросе — в какую пользу мы склоняемся.

Там же. Л. 90—94.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Слово имеет т. Мацкевич.

МАЦКЕВИЧ. ...Мы были в Соединенных Штатах Америки и Канаде. Посетили штаты, которые имеют некоторое сходство, особенно провинции Канады Манитоба и Соскачеван, которые по своим климатическим условиям и характеру хозяйства имеют много сходного с нашими целинными землями Северного Казахстана, Алтая, нашего Зауралья. Надо сказать, что там, в провинции Соскачеван, которая дает 60 проц. всей канадской пшеницы, условия примерно такие же, как у нас в районе целинных земель.

В восточной части там немного больше осадков — 350—400 миллиметров, а в западной части провинции количество осадков снижается до 300. Они называют этот район зоной рискованного земледелия, но, несмотря на это, ведут там зерновое хозяйство и считают, что ведение этого хозяйства там экономически выгодно. Севооборот там примерно такой: около 40 проц. паров, 40—50 проц. пшеницы, а вот 15—20 проц. отводится под зерновые, такие как ячмень, овес и лен-кудряш. Такая у них система земледелия...

Широко практикуется у них раздельная уборка, так как там, как и у нас, в этих районах часто бывает морозобой, и для того, чтобы получить полноценное зерно, почти на все 100 проц. проходит раздельная уборка. Хозяйство ведется экстенсивно, хотя таких машин, как тракторы, дисковые плуги, виндтроуэры, у них имеется достаточное количество. Рабочей силы затрачивается на производство пшеницы очень мало. Глубокая вспашка плугами у них не ведется, а ведут они мелкую вспашку дисковыми плугами на 4, максимум 7 сантиметров глубиной. Глубокая вспашка не ведется, примерно, с 1934 года...

Надо сказать, что и в наших районах целинный хлеб очень дешев по сравнению с зерном, полученным в других районах.

Я еще раз хочу обратить внимание на необходимость самого пристального внимания со стороны Министерства сельского хозяйства и других организаций к тому, чтобы в этом году на целинных и залежных землях продолжать и вести на более высоком уровне работу по увеличению производства зерна.

В этом году значительно были расширены посевы кукурузы. Однако в связи с неблагоприятными условиями, а этого отрицать нельзя, весна была в центральном и северных районах холодная, затяжная, для кукурузы недостаточно благоприятная, в ряде районов получился не тот урожай, которого мы ожидали. Объясняется это прежде всего тем, что мы в этих районах еще не освоили достаточно агротехнику и не учли того положения, что здесь надо было проявить определенную

гибкость. В связи с затяжной и холодной весной не надо было так спешить с севом, — пойти на то, чтобы не вышли початки. В тех колхозах, где правильно и глубоко посеяли и подобрали соответствующие почвы, главным образом легкие, урожай получился хороший. Если где и не получилось образования початков, то там получили хороший урожай силосной массы.

Министерство сельского хозяйства сейчас по поручению ЦК работает с местными организациями над тем, чтобы этот правильный опыт изучить, разобрать его конкретно в каждом районе с учетом всех условий и тогда производить расширение посевов кукурузы, учитывая и условия погоды и выработав агротехнику применительно к отдельным зонам.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Ед. хр. 131. Л. 5—11.

Стенограмма выступления Н. С. Хрущева с пояснениями к проектам решений по вопросам сельского хозяйства в связи с предстоящим Пленумом ЦК КПСС. 10 августа 1953 .

Стенограмма неправленая. Председательствующий — Г. М. Маленков.

ХРУЩЕВ. ...В 1948 году, когда были повышены ставки налога по всем видам поступлений, с сельскохозяйственного налога мы собрали 10,3 млрд рублей; в 1951 году, при сохранении тех же ставок, а некоторые ставки были даже повышены, мы из тех же объектов обложения собрали денег 8,9 млрд рублей. Значит, наш закон о сельскохозяйственном налоге уже действовал в обратном направлении. Тот закон хорош, который способствует развитию хозяйства, значит, этот закон отвечает требованиям государства. Если же закон стал подавлять объекты, с которых берется налог, сокращать их, то тем самым сокращается и сумма налога. Значит, этот закон действует против государства, действует против нас.

Вот такое сложилось положение.

Поголовье скота в личном пользовании сократилось на 6,5 млн голов коров. Когда записывают план и отчитываются, то обычно говорят — крупный рогатый скот. Но в этом рогатом скоте процентов 40 безрогих животных, потому что там телята, которые никакого дохода хозяйству не дают, а наоборот, они даже убыточны: за ними надо ходить, кормить, содержать, а прибыли они никакой не дают.

У нас поголовье крупного рогатого скота сократилось, на 6,5 млн коров стало меньше. Вот и посчитайте: 6,5 млн коров меньше, а отсюда меньше и молока, меньше масла, кожи, мяса, телят и прочих продуктов. Поэтому дальше такое положение не-терпимо.

Кроме этого, система обложения была, если можно так выразиться, неумная. Потому что наш фининспектор ходил по дворам и учитывал на приусадебном участке, сколько у него на 30 сотках каких культур посеяно. Ну что может быть глупее? И он обмеряет, сколько ржи, пшеницы, картофеля, садов, плодовых насаждений и прочих вещей. Зачем это делать? Ну, а если колхозник по своему усмотрению возьмет и изменит структуру посева на приусадебном участке, что случится, потрясение колхозного строя? Ничего подобного. Поэтому мы содержали огромную армию фининспекторов, которые ходили по дворам и собак дразнили. *(Смех в зале.)* Зачем это нужно? Когда сейчас в законе совершенно правильно найдено решение установить объекты обложения неизменно, постоянно. И не только это удобно, но они хороши тем, что они действительно являются источником дохода колхозника. Вопрос другой, что у разного колхозника разный бывает доход, но это будет объясняться в значительной степени и зональным положением того или другого колхозника и климатическими, почвенными условиями земли, где расположен колхоз, и умелым ведением хозяйства. В результате, товарищи, такого неразумного подхода к налогам у нас стали вырубать сады, деревья виноградники. И это вполне понятно товарищи. Мы приняли решение от 15 до 20 корней каждого колхознику на приусадебном участке иметь, а колхозник по-своему толкует: вы мне советуете, а фининспектор уже нацелился, я с посевным материалом, а он с листком по налогу. Поэтому не только не садили деревьев, а вырубали. Так из года в год. Если у нас росли поставки в колхозах, то сокращались на приусадебных участках — их вырубали, а это, товарищи, культура, сад, насаждение требует особого внимания, ухода повседневного. Это не маленькое подспорье в снабжении населения наиболее ценными продуктами. Явно недоразумение. Поэтому решили единую ставку — вот сотка, а на этой сотке хозяин хозяйничает как хочет. Конечно вы, товарищи, знаете, какая сотка у одного и какая сотка у другого. Пусть тот, кто поднимает высокий урожай со своей сотки будет объектом зависти для тех, кто этого не получает и не имеет полной возможности на своем приусадебном участке добиться таких успехов. Поэтому я считаю, что здесь найдено хорошее, разумное решение. Оно простое, понятное для крестьян, для колхозников, и справедливое и главное, способствующее развитию всех отраслей хозяйства на приусадебном участке...

Что в том, что человек откормил поросеночка пудов на 5—6, сам скушал и на рынок дал? Разве это плохо? Разве это угрожает нашему социалистическому строю? Нет. Глупость была наша. Мы сейчас эту глупость осознали и исправляем. Надо более решительно ее исправлять.

ХРУЩЕВ. Товарищи, до какого позора мы дожили! У нас насчитывается 308 тыс. специалистов сельского хозяйства всех квалификаций. В колхозах работает 18,5 тыс. человек, в МТС работает 50 тыс. человек, а где же остальные?

Министерство сельского хозяйства Союза — это после сокращения штата, это после боев и ломки копьев, насчитывает штат 7611 человек, Министерство Федерации насчитывает штат 1425 человек, Московское областное Управление сельского хозяйства насчитывает 538 человек. Сюда не входят еще институты, огромное количество которых разбросано по всей территории Советского Союза, а главным образом прижавшихся к Москве и столицам республик, всевозможные научно-исследовательские и неисследовательские институты. *(Оживление в зале.)* Там сидят очень квалифицированные люди, едят мягкий хлеб с маслом, но пользы от них очень мало. И сейчас нам надо подумать, Георгий Максимилианович, над этим вопросом. У нас кое-что порочное заложено в этом деле.

Товарищи, если у нас такой штат и такое мизерное количество людей в колхозах, это неправильно. Мы руководство сельским хозяйством сдали людям малоквалифицированным, а сейчас, товарищи, вы знаете, что наше хозяйство страшно разрослось, усложнилось, надо это понимать. Особенно большие знания требуются в организационной работе. Я считаю, что надо пойти на резкое сокращение штатов. Я цифры боюсь назвать, но разговаривал с министром товарищем Козловым и Пузановым. Товарища Козлова лихорадка уже трясет. Он хотел откупиться, представил проект. Я его спросил, сколько же процентов вы думаете сократить? 10 процентов. Я ему говорю, дорогой товарищ Козлов, дело тут не в сокращении штата, а в перестройке руководства...

Товарищи, я не хочу упрощать, но я считаю, что надо хорошенько подумать, а штаты там огромные. Сидят там все и зарабатывают, а министр считает, что у него на участке предусмотрено рождение каждого теленочка, и даже предусмотрено — бычок будет или телочка. *(Смех.)* Все в плане записано. Но это бюрократическое упоение своей бюрократической канцелярией, а жизнь идет по-другому.

РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 2—7.

Письмо О. В. Куусинена Н. С. Хрущеву о посылке замечаний ко второй части проекта программы и к разделу: «Задачи КПСС в области подъема благосостояния народа» с приложением замечаний. 29 марта 1961 года. Москва.

Вторая часть проекта программы — самая существенная. Во всех шести разделах этой части речь идет, в основном, о за-

дачах партии по созданию основ коммунистического общества в течение двух ближайших десятилетий. Ясно, что на более длительные сроки трудно с достаточной точностью рассчитать реальную осуществимость, — значит, и своевременность движения — таких конкретных исторических задач общественного преобразования, о которых речь идет в программе партии.

Правильно говорится в проекте, что наша партия как партия научного коммунизма «выдвигает и решает очередные задачи коммунистического строительства постепенно, в меру подготовки и созревания материальных и духовных предпосылок, избегая как излишней торопливости и введения того, что еще не созрело, так и всякой неоправданной задержки на достигнутом...» (стр. 63). Как раз с точки зрения этого, действительно марксистского метода следует проверять и правильность и своевременность тех задач, которые выдвигаются в самом проекте.

Во введении ко второй части проекта дается характеристика победившего, развитого коммунизма, составленная на основе научных трудов Маркса, Энгельса, Ленина. Как известно, Ленин в 1918 году возражал против включения в программу характеристики коммунизма, говоря, что «как будет выглядеть законченный социализм (коммунизм — К.), мы этого не знаем» (т. 27, стр. 122). Он подчеркивал: «Теперь наша программа будет строиться не столько по книжкам, сколько из практики, из опыта советской власти» (т. 27, стр. 117). Мы, конечно, и в настоящее время мало что можем прибавить к той общей картине развитого коммунизма, которую предвидели Маркс, Энгельс, Ленин. Но ныне наша страна уже с такой быстротой приближается к практическому осуществлению их гениального предвидения, что миллионы членов партии и беспартийных, несомненно, захотят найти в новой программе партии хотя бы самое общее и предварительное начертание величайшей цели Коммунистической партии. Это и показано — именно в виде «конечной цели Коммунистической партии» — во введении ко II части проекта программы (стр. 58—62).

Это само по себе правильно и полезно. Но, понимая, что характеристика победившего, развитого коммунизма пока еще неизбежно носит абстрактно-теоретический характер, а партия, работая в конкретных условиях внутреннего и международного положения, строит не абстрактный, а реальный коммунизм, — следовало бы всюду во второй части возможно точнее разграничить ближайшие задачи, реально рассчитанные на выполнение в течение предстоящего двадцатилетнего периода, и более далекие перспективы. В проекте это не делается последовательно. Задачи и преобразования, созревшие для осуществления уже в

современный период, местами смешиваются с более далекими преобразованиями, которые относятся к осуществлению «конечной цели».

Так, например, сложный процесс развития нашего государства в современный период характеризуется (стр. 114) следующей фразой: «Развитие социалистической государственности в период развернутого коммунистического строительства означает постепенное преобразование ее в общественное самоуправление». Это почти дословно совпадает с тем, что во введении (стр. 62) было сказано при теоретической характеристике развитого коммунизма («Коммунизм означает перерастание сверху донизу социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление...»). Значит, здесь упускается из виду та огромная разница, которая имеется между начальным процессом отмирания государства при социализме и созревшей стадией этого процесса при коммунизме.

В настоящий период в вопросе о развитии государственности, очевидно, приходится концентрировать главное внимание на задачах дальнейшего развития социалистической демократии, а не на отмирании государства (хотя эти две стороны вопроса в сущности своей связаны друг с другом). Наше государство будет еще довольно долгое время играть гигантскую роль не только как организация оборонной мощи, как оплот мира и фактор международного авторитета мировой социалистической системы, но и в историческом деле создания материально-технической базы коммунизма. И вряд ли в ближайшей перспективе исключается и такая возможность, что даже после создания в нашей стране важнейших основ коммунизма может последовать промежуточный период, во время которого нам нужно будет еще сохранить сильную государственную организацию как в общественном производстве, так и в оборонном деле. Ведь империализм пока еще мало склонен убираться к своей бабушке.

В разделе о задачах партии в области национальной политики (стр. 110) конкретные задачи поставлены в общем правильно, но в связи с этим выдвигается и такое общее положение, что «по мере продвижения СССР к коммунизму» будут все больше стираться национальные различия между всеми народами Советского Союза. В характеристике развитого коммунизма (во введении ко второй части проекта) соответствующая мысль выражена даже в несколько более осторожной форме: «при коммунизме братское сближение наций и народностей постепенно приведет к стиранию граней между ними». Однако мы знаем, что стирание национальных различий — это настолько далекая цель коммунизма, что, пожалуй, лучше теперь в программе об этом не го-

ворить. Ленин указывал, что национальные и государственные различия между народами и странами «будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе» (т. 31, стр. 72). Поэтому, если мы теперь вместо идеи о слиянии наций подчеркнем важность братского сближения наций, программа нашей партии будет иметь больше влияния и среди тех многомиллионных масс Азии, Африки и Латинской Америки, которые в данный период только борются за свое национальное дело.

Видимо, не менее тщательное разграничение ближайших и конечных перспектив требуется и при формулировании таких сложных и длительных задач, как преодоление различий между городом и деревней, между людьми умственного и людьми физического труда. Здесь приходится учитывать и последствия вековой отсталости деревни, отставания людей физического труда от культурного уровня интеллигенции, и известную специфику той и другой проблемы.

В проекте на стр. 64 сказано, что в течение второго десятилетия в СССР «будут ликвидированы социально-экономические различия между городом и деревней и в основном преодолены культурно-бытовые различия между ними». Это примерно та же самая формулировка, которая употреблена в описании победившего, развитого коммунизма (стр. 59). Невольно возникает впечатление, что проект старается представить складывающееся через 20 лет положение таким, каким оно может выглядеть лишь на зрелой стадии коммунистического общества.

В последующих разделах проекта, в частности, там, где речь идет о задачах партии в области сельского хозяйства и развития колхозного строя (стр. 74—85), не содержится таких далеко идущих необоснованных утверждений. Наоборот, здесь мы находим формулировки, более отвечающие действительности. Например, на стр. 85 отмечено, что «переход от деревень и сел к населенным пунктам городского типа должен осуществляться постепенно, по мере усиления экономической мощи колхозов, в соответствии с желаниями колхозного крестьянства».

В связи с этими вопросами надо отметить в проекте одно сомнительное место на стр. 108. Здесь говорится, что в период развернутого коммунистического строительства «возрастет значение кооперативных организаций как одной из форм вовлечения масс в коммунистическое строительство». Если при этом имеется в виду промысловая или потребительская кооперация, то вряд ли в перспективе значение этих форм кооперации будет возрастать...

Разумеется, все конкретные задачи программы, реально рассчитанные на осуществление уже в условиях ближайших

двадцати лет, идут в направлении «конечной цели» партии и имеют назначение создать необходимый фундамент и даже важные составные части величественного здания коммунистического общества. Все это следует в программе сказать и подчеркнуть, ибо выполнение этих задач ближайшего периода, безусловно, будет иметь решающее историческое значение для построения коммунистического общества в нашей великой стране, первой прокладывающей путь к коммунизму. Но программа не может ориентировать партию и народ на ожидание того, что в конце предстоящего 20-летнего периода в нашей стране уже будет воздвигнуто готовое здание коммунистического общества.

РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 14—17.

Письма Г. Котова в ЦК КПСС Б. Н. Пономареву о своих соображениях относительно материалов о производительности труда и себестоимости производства в сельском хозяйстве СССР.

21 июня—21 сентября. 1961. Москва.

...Важным условием успешного развития колхозов является правильное сочетание наполнения и потребления. При распределении доходов колхозы должны регулярно возмещать свои регулярные затраты на производство продукции и, в меру подъема колхозного производства и роста общественных доходов, постоянно расширять свои производственные фонды и фонды, идущие на оплату труда и повышение жизненного уровня колхозников, а равно и другие общественные фонды (страхование, культурно-бытовые, помощи). При этом каждым колхозом должно взято за правило повышать доходы колхозников от общего хозяйства в соответствии с ростом производительности их труда.

Партия придает большое значение совершенствованию методов организации, нормирования и оплаты труда в колхозах, применению дополнительной оплаты труда и других экономически оправдавших себя форм материального поощрения бригад, звеньев и отдельных работников за лучшие производственно-хозяйственные результаты.

Расцвет колхозного строя не может быть полным, если будет сохраняться большая пестрота в уровне развития колхозов. Партия будет добиваться всей своей организаторской работой и мерами экономической политики того, чтобы преодолеть в короткие сроки отставание экономически слабых колхозов и превратить все колхозы в экономически мощные, с высокими доходами. Одной из мер в этом направлении должно явиться создание относительно равных экономических условий для всех колхозов. Имеется в виду более глубокое и пос-

последовательное соблюдение принципа учета природно-экономических условий производства по зонам и внутри их при проведении мер экономической политики в отношении колхозов (обложение налогом, установление цен, кредитование, снабжение и т. д.). Это позволит последовательно осуществлять принцип равной оплаты за равный труд в масштабе всей колхозной системы...

Колхозная форма не создает никаких помех развитию сельского хозяйства, осуществлению руководства им со стороны общества и совершенствованию общественных отношений в деревне. Следовательно, не поглощение колхозов совхозами или единой формой общественного предприятия, а организационное и хозяйственное укрепление их, не затухание, а расцвет колхозного строя создают условия для постепенного сближения, а в перспективе и слияния колхозной и государственной форм социалистической собственности в единую коммунистическую собственность.

За последние годы проделана большая работа по организации совхозов. Достаточно сказать, что с 1953 по 1960 год общее число их увеличилось на 52%; резко расширены совхозные посевы (в 4,4 раза) и увеличено поголовье продуктивного скота (в переводе на крупный рогатый в 3,1 раза). Значительно укреплена материально-техническая база совхозов. В 1960 г. совхозы имели больше, чем на конец 1953 г., тракторов (в 15-кратном исчислении) — в 4,5 раза, зерновых комбайнов в 5,3, грузовых автомашин — в 5,9 раза. Если в 1953 г. на долю совхозов приходилось всего лишь 9,6% всех посевов и 7% продуктивного скота (в переводе на крупный рогатый), то в 1960 г. они имели уже соответственно 33,1% и 16,5% ...

Тем не менее мы не можем сказать, что положение с совхозами у нас вполне благополучно. К сожалению, многие из них работают еще неудовлетворительно: мало производят сельскохозяйственной продукции и производят ее дорого, с убытками.

За последние годы совсем почти не наблюдается прогресса в снижении себестоимости продукции. Не наблюдается неуклонного роста производительности труда. Так, если уровень ее за 1950 г. принять за 100, то в последующие годы (в среднем по трехлетиям) он составляет (в %):

Годы	1950	1952—1954	1955—1957	1958—1960
Промышленность (без колхозов)	100	127	159	193
Совхозы	100	116	158	171
Колхозы	100	117	147	181

В 1958 и в 1959 г. производительность труда держалась на одном уровне, а в 1960 г. — несколько даже понизилась. В колхозах она повышается с каждым годом.

Количественный рост новых совхозов и неоднократные укрупнения старых путем присоединения смежных хозяйств не сопровождаются соответствующим организационно-хозяйственным укреплением их, улучшением продовольственной структуры и всей организации производства. Многие совхозы в должной мере не отстроены и не благоустроены, испытывают недостатки в материально-техническом оснащении, не имеют севооборотов и ведут свое хозяйство на низком уровне, среди вновь организованных и укрупненных старых совхозов немало таких «гигантов», которыми трудно управлять.

За последние годы продуктивность скота в совхозах остается почти без изменения. Годовые надои молока на корову в среднем за 1957—1959 г. были меньше 1953 г. на 11% и лишь немного превышали уровень 1950 г. (на 2%). Шерстяная продуктивность овец за те же годы держалась на уровне 1953 г. (ниже на 2%) и лишь немного превышала уровень 1950 г. (на 16%). Между тем колхозы за те же годы значительно повысили продуктивность своего скота.

Там же. Л. 22 — 25.

Между колхозами и совхозами сохраняется существенное различие в части оплаты труда. В совхозах, как и во всех других государственных предприятиях, применяется гарантируемая государством заработная плата в соответствии с количеством и качеством труда. В колхозах на оплату труда обращается часть общественных доходов, причем гарантируется она в недостаточных размерах. Уровень ее отстает от уровня фактической зарплаты работников совхозов.

Оплату труда в колхозах надо улучшать, сближая ее не только по форме, но и по уровню с заработной платой работников государственных сельскохозяйственных предприятий. Со временем она станет такой же, как в общественных предприятиях и не будет включаться в облагаемые налогом доходы. Будут установлены такие же по продолжительности, как и на общественных предприятиях, рабочий день и оплачиваемые отпуска и введены за счет колхозных и государственных средств все виды социального обеспечения колхозного населения, включая выплаты пенсий.

Наряду с совершенствованием непосредственной оплаты труда будут расширяться и общественные услуги, удовлетворение личных потребностей колхозного населения через общественные каналы. Постепенно колхозы станут вводить за счет своих средств общественное питание, содержание детей

в детских учреждениях и школах, культурное и коммунальное обслуживание, полное материальное обеспечение престарелых и потерявших трудоспособность за время работы в общественном хозяйстве. Со временем колхозники смогут широко пользоваться услугами общественных предприятий и учреждений.

Одновременно по мере развития общественного хозяйства будет идти процесс завершения обобществления всех отраслей сельского хозяйства. Мы имеем в виду постепенное отмирание и вытеснение личного подсобного хозяйства колхозников, которое до сих пор играет еще довольно существенную роль в производстве не только валовой, но и товарной продукции таких отраслей, как картофелеводство, овощеводство, садоводство и животноводство.

Наличие личного подсобного хозяйства обусловлено недостаточным развитием общественного производства. Имела место и психологическая неподготовленность колхозного населения к полному обобществлению сельскохозяйственного производства. В настоящее время этот мотив не имеет былого значения. Опыт передовых колхозов показывает, что там, где колхозы обеспечивают за счет своих ресурсов колхозное население картофелем, овощами и продуктами животноводства колхозники по собственной инициативе и добровольно отказываются от личного подсобного хозяйства.

Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы все колхозы довели свое общественное производство до такого высокого уровня, при котором они могли бы наряду с выполнением заказа общества на реализацию ему определенной товарной продукции, полностью обеспечить свое население теми продуктами сельского хозяйства, которые оно производит для себя в личном подсобном хозяйстве. В этом случае колхозники убедятся в том, что им невыгодно иметь малопродуктивное приусадебное хозяйство и добровольно откажутся от него. Личное подсобное хозяйство постепенно изживет себя экономически.

Другим условием завершения обобществления является повышение занятости колхозников в общественном хозяйстве, а в связи с этим увеличение их годовых заработков. Надо иметь в виду, что личное подсобное хозяйство, хотя и обходится дорого в смысле затрат труда, но оно доставляет определенное количество дополнительной продукции для личного потребления семьи в дополнение к заработкам в общественном хозяйстве. Отказ от личного подсобного хозяйства без соответствующего увеличения годовых заработков семьи в общественном хозяйстве означал бы на деле существенное ущемление бюджета колхозной семьи. Мы этого не можем допустить.

Материалы по вопросам культуры, культурного строительства и быта, подготовленные М. П. Кимом и С. М. Ковалевым.

7 июля—15 сентября. 1958 г. Москва.

Коммунистическая перестройка быта — одна из важнейших задач строительства коммунизма.

Показать, что социализм и коммунизм коренным образом преобразуют не только производственные отношения, но они в корне перестраивают также быт общества, то есть материальную и культурную среду, в которой протекает жизнь людей помимо их непосредственной производительной деятельности. Социализм и коммунизм могут и должны обеспечивать такие жилищные условия, такое изобилие предметов бытовой культуры, создать такие бытовые удобства, каких не мог достигнуть капитализм. Причем эти блага предоставляются для всех слоев населения, в том числе и деревенского. В отношении использования электричества в быту, газа, водопровода, отопления квартир, средств сообщения, развития общественных столовых, прачечных, мастерских бытового обслуживания и т. д. деревня должна догнать город. Необходимо определить пути перестройки домашнего хозяйства, превращения его в «общественную промышленность» (Энгельс).

Отупляющий и малопроизводительный труд по заготовке продуктов, приготовлению пищи, отоплению и уборке квартир, изготовлению, ремонту и стирке одежды и т. д. будет обобществлен и механизирован. Вместе со все увеличивающейся заботой общества об общественном воспитании детей (развитие яслей, детских садов и т. д.) все эти меры должны освободить женщин от индивидуального домашнего хозяйства, создать все условия для их участия в общественном производстве, для их всестороннего развития. Все это вместе с тем является решающим условием для укрепления социалистической семьи.

Сокращение рабочего дня и уменьшение времени, необходимого для удовлетворения бытовых нужд, для передвижения и т. д. высвободят громадное количество времени для отдыха, для культурного роста, развлечений, занятий спортом и т. д. А широкое распространение средств духовной культуры неизмеримо увеличит возможности для всестороннего развития человека, для воспроизводства «основного капитала», каковым, по выражению Маркса, будет сам человек...

Ликвидация национального гнета в СССР, преодоление экономической и культурной отсталости ранее угнетавшихся наций, помощь им со стороны русского народа обусловили победу идей дружбы народов в советской стране. Дальнейший расцвет соци-

алистических наций, достигаемый на базе социализма и в братском сотрудничестве народов СССР, усиление экономических, политических и культурных связей между ними еще более укрепляют дружбу между народами Советского Союза и будут способствовать полному преодолению националистических пережитков.

Там же. Л. 56—58.

Наиболее мощным орудием партии является печать. Из источника наживы для капиталистов, из средства развращения народных масс, насаждения реакционной идеологии, какой является печать в условиях капитализма, в социалистическом обществе печать превращена в оружие насаждения передовой культуры, научных знаний, распространения лучших произведений советской, классической, русской и мировой литературы, в средство воспитания социалистической идеологии, распространения передовых методов труда, мобилизации масс на решение задач экономического и культурного строительства. Ликвидация неграмотности и малограмотности населения, выпуск газет, журналов, книг массовыми и непрерывно растущими тиражами, распространение их по дешевым ценам и бесплатно через библиотеки и читальни сделали все издания доступными широчайшим массам народа...

По числу библиотек Советский Союз уже сейчас вышел на первое место в мире. Необходимо и дальше расширять сеть библиотек на предприятиях, в колхозах, в учреждениях и учебных заведениях, пополнять их книжные фонды, особое внимание обратить на хорошее оборудование библиотек и читален, чтобы они сделались любимыми местами культурного досуга и пополнения знаний для широких масс трудящихся...

Исключительную будущность имеет быстро развивающееся в СССР телевидение. Обладая преимуществами передачи на большие расстояния звука и изображения, телевидение призвано играть выдающуюся роль в духовном общении между людьми. В противоположность телевидению капиталистических стран, используемому для развращения народа, для пропаганды гангстеризма и разбоя, советское телевидение, как и все другие средства культурной деятельности, служит средством распространения в народных массах лучших произведений культуры, повышения знаний, пропаганды передового мировоззрения.

Там же. Л. 79.

В советскую эпоху коренным образом изменился культурный облик деревни. Вместо старой деревни с кабаками и церковью на самом видном месте появилась новая, колхозная деревня с многочисленными очагами культуры и просвещения: школами,

библиотеками, клубами, дворцами культуры, лекториями. В 1914 г. в сельских местностях России насчитывалось всего 94 клуба, а в 1957 г. число клубных учреждений в деревне достигло 115 тыс. Сеть сельских библиотек за это время расширилась с 11,3 тыс. до 120 тыс. Теперь на каждого человека сельского населения приходится по два экземпляра библиотечных книг. Но помимо общественных библиотек у колхозников имеются свои личные библиотеки с десятками и сотнями экземпляров политических и специальных книг и художественной литературы.

Там же. Л. 116.

На современном этапе нашего движения к коммунизму большое значение приобретает борьба за здоровый, коммунистический быт советских людей. Следует отметить, что Коммунистическая партия и Советское государство, поглощенные заботой о внешних народно-хозяйственных и политических делах, до сих пор в меньшей мере обращали внимание на такие «второстепенные» участки работы как борьба за подлинно социалистический быт. Неудовлетворительно ведут работу в этом направлении и общественные организации: профсоюзы, комсомол и др. Вследствие этого, быт оказался слабым местом нашей культурно-воспитательной работы. У нас еще не изжиты такие омерзительные явления бытового бескультурья, как пьянство, хулиганство, воровство и т. д.

Между тем быт — это важная область жизни. От состояния быта зависит многое в нашей жизни, в том числе и такое ответственное дело, как воспитание, формирование подрастающих поколений. Здоровый быт — это здоровая среда, которая может оказать определяющее влияние на формирование физически и морально крепких строителей коммунизма.

Перечисленные выше и другие отрицательные явления быта в условиях советского общества не имеют под собой социальной почвы, они сохранились как пережитки капитализма. И бытуют они главным образом потому, что против них не ведется достаточной культурно-воспитательной работы.

РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 49—55.

II. В период перехода от социализма к коммунизму общей задачей культурного строительства должно являться создание культурных предпосылок для построения коммунистического общества. Так как материально-технической базой коммунизма будет высокая и быстро развивающаяся техника во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, это потребует для управления ею высокообразованных людей: во-первых, знающих главные науки, лежащие в основе современного производства, и,

во-вторых, обладающих знаниями основ всех производств с тем, чтобы в связи с неизбежными революциями в технике, в соответствии с общественными необходимостями и своими личными склонностями люди могли свободно переходить с одного вида производства к другому. В связи с этим Коммунистическая партия ставит своей задачей обеспечить громадный подъем культурно-технического уровня всех трудящихся. Необходимо поднять культурно-технический уровень рабочих и крестьян до уровня инженерно-технических работников, что вместе с изменением характера труда вызываемым техническим прогрессом, все большим усложнением и одухотворением труда на современных машинах должно привести к устранению имеющихся при социализме существенных различий между умственным и физическим трудом. Таким образом, интересы развития общественного производства и интересы самих людей, производителей материальных благ требуют, а развитие производства на базе высшей техники создает наконец реальные условия для устранения остатков антагонистического разделения труда, при котором люди были, часто помимо своей воли, всю жизнь прикованы к какой-либо одной профессии, определявшей их одностороннее умственное и физическое развитие. Как и предвидели основоположники научного коммунизма, будет обеспечено «...всестороннее развитие способностей всех членов общества путем устранения прежнего разделения труда, путем производственного воспитания, смены родов деятельности»... (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч. т. 4, стр. 336). Это не означает ликвидации специализации производств, она останется и еще более разовьется, однако не будет обособленных групп работников, пожизненно, тем более против своих склонностей, закрепленных за какой-либо одной специальностью. Громадное развитие техники и всестороннее развитие людей — умственное и физическое — должны обеспечить такую высокую культуру производства и производительность общественного труда, какой не могло достигнуть никакое другое общество. В этом состоит главная цель культурного развития общества в период перехода к коммунизму.

Подъем культурно-технического уровня трудящихся должен осуществляться путем развития системы народного образования, политехнического обучения, посредством поголовного вовлечения всех трудящихся в управление производством и всеми делами общества, наконец, путем всемерного развития всех средств культурной деятельности социалистического государства.

III. Успехи строительства коммунизма в решающей степени определяются уровнем сознательности людей, строителей нового общества. Господствующей идеологией в советском обществе является социалистическая идеология.

В то же время в сознании граждан социалистического общества еще живут пережитки капитализма: иногда допускаются антипатриотические поступки, наносящие ущерб социалистическому строю, имеется несоциалистическое частнособственническое отношение к труду и к общественной собственности, националистические пережитки, остатки эгоистической морали. Имеют известное распространение пережитки старого общества в быту: алкоголизм, мелкобуржуазная распушенность и другие. Значительная часть граждан еще разделяет религиозные представления.

Источниками этих пережитков являются «родимые пятна» старого общества в экономике, поддерживающие и оживляющие пережитки капитализма в сознании, а также влияние на советское общество враждебного капиталистического мира и его идеологии.

В период перехода от капитализма к социализму Коммунистическая партия ставит своей задачей полностью преодолеть пережитки капитализма в сознании людей, добиться полной победы коммунистических взглядов на все стороны общественной жизни. Партия исходит из того, что при переходе от социализма к коммунизму неуклонно возрастают объективные предпосылки для достижения этой цели.

Исторические успехи социализма в СССР, в первую очередь ликвидация в короткий срок на базе социализма технико-экономической отсталости страны, развитие ее темпами, недостижимыми для капиталистических стран, ликвидация связанных со стихийным развитием капитализма пороков (безработица, кризисы), рост материального и культурного уровня жизни трудящихся убедили советских людей в превосходстве социализма над капитализмом, сделали рабочих, крестьян, интеллигенцию горячими приверженцами социалистического строя, патриотами Советской Родины. Решение главной экономической задачи СССР окончательно укрепит у всех граждан сознание абсолютного превосходства социализма над капитализмом, исключаящее возникновение каких-либо антипатриотических представлений.

Установление государственной власти рабочего класса в СССР, переход средств производства в собственность народа, ликвидация эксплуатации, то обстоятельство, что трудящиеся работают на себя, на свое социалистическое общество, получая за труд все большее удовлетворение своих материальных и культурных потребностей, коренным образом изменили взгляды на труд, сделали его в глазах трудящихся священной обязанностью, которую большинство из них честно выполняет. Всеобщая механизация и автоматизация производства, полная ликвидация тяжелых и трудоемких работ, дальнейшее улучшение условий труда на предприятиях, сокращение рабочего дня, непрерывное повышение культурно-технического уровня трудящихся, дающее

им возможность в соответствии с общественными потребностями и личными склонностями, со знанием дела выбирать профессию или переходить на другую работу, — все эти условия будут превращать труд для всех людей не только в почетную обязанностей, которую необходимо честно выполнять в интересах общества, но и в первую жизненную потребность самого трудящегося, в подлинное наслаждение. Ибо, как писал Ф. Энгельс «...добровольная производственная деятельность является высшим из известных нам наслаждений».

Ликвидация национального гнета в СССР, преодоление экономической и культурной отсталости ранее угнетавшихся наций, помощь им со стороны русского народа обусловили победу идей дружбы народов в Советской стране. Дальнейший расцвет социалистических наций, достигаемый на базе социализма и в братском сотрудничестве народов СССР, усиление экономических, политических и культурных связей между ними еще более укрепят дружбу между народами Советского Союза и будут способствовать полному преодолению националистических пережитков.

По мере успехов коммунистического строительства, с переходом от экономики социализма к экономике коммунизма будут все более уходить в прошлое остатки прежнего порабощающего человека разделения труда, которое является объективным источником для известного противоречия между интересами всего общества и интересами отдельного человека, для возникновения индивидуалистического сознания. Это обусловит укрепление и развитие коллективизма — коренной черты сознания и морали граждан социалистического общества.

Рост материального благосостояния трудящихся, повышение их культуры, широкое развитие культурных учреждений, позволяющих повсеместно организовать увлекательные развлечения, разумный досуг, создадут условия для преодоления таких пережитков прошлого как алкоголизм, хулиганство и т. п.

Преодоление при социализме стихийного характера общественного развития, делавшего людей игрушками в руках непонятных им экономических законов, ликвидация экономических кризисов, эксплуатации, безработицы, нищеты и бескультурия народных масс, планомерное развитие хозяйства и культуры в СССР подорвали социальные корни религии, обусловили тот факт, что большинство населения Советского Союза освободилось от религиозных представлений. Полное устранение из общественной жизни остатков стихийности общественного развития, связанного с имеющимися при социализме элементами старого разделения труда, действием закона стоимости, установление между людьми прямых и разумных экономических связей, а не через товарно-денежные отношения, создающие

известные основания для непредвидимой игры случайностей, успехи в покорении природы, в борьбе за мир, дающие возможность предотвратить войну, — все это явится условием для устраниения представлений о вмешательстве сверхъестественных сил в жизнь человека, для полного преодоления религиозно-идеалистических воззрений.

Опираясь на все возрастающие объективные условия, Коммунистическая партия ставит задачей своими сознательными действиями ускорять процесс преодоления пережитков старого общества в сознании людей, воспитание у них коммунистического сознания. Этой цели партия достигает, во-первых, все более широким вовлечением народных масс в производственно-трудовую и общественную деятельность, в которой непрерывно расширяется общественная практика людей, и они на опыте своей жизни убеждаются в правоте марксистско-ленинского мировоззрения, преодолевают пережитки капитализма и усваивают коммунистическую идеологию. Расширения производственной активности трудящихся партия достигает прежде всего последовательным проведением социалистического принципа материальной заинтересованности и всемерным развитием социалистического соревнования и движения новаторов производства, а также путем все более широкого вовлечения трудящихся в управление производственной жизнью предприятий, колхозов и т. д. Расширения общественно-политической активности трудящихся партия достигает прежде всего путем развития и углубления советской демократии, непрерывного совершенствования и оживления деятельности массовых организаций трудящихся — Советов и всех их политических, хозяйственных, культурных органов, профсоюзов, кооперативно-колхозных организаций, Коммунистического Союза молодежи, пионерских организаций, научно-технических обществ, культурных организаций и т. д.

Усиление коммунистического воспитания трудящихся партия осуществляет путем все более широкого внесения в народные массы передовой, марксистско-ленинской теории с помощью всех средств культурно-идеологической деятельности: школ и всей системы народного образования, культурно-просветительных учреждений (клубов, библиотек, музеев и других), печати (газеты, журналы, книги), радио, телевидения, кино, театра, художественной самодеятельности, лекций, и бесед, с помощью партийной пропаганды и агитации. Партия будет вести неустанную борьбу за повышение идейного уровня и теснейшую связь с жизнью всех отраслей культурно-идеологической деятельности.

С развитием социалистического общества по пути к коммунизму будет непрерывно усиливаться роль сознательного начала в общественной жизни, сознательное творчество людей будет

все более предвосхищать последствия их деятельности, в связи с чем будет возрастать роль передовой теории. Коммунистическая партия будет проявлять неустанную заботу о развитии общественной науки, марксистско-ленинской теории — идейной основы коммунистического воспитания народа.

Утверждения коммунистической идеологии партия достигает путем развертывания борьбы против пережитков капитализма. С этой целью партия будет развивать критику и самокритику, как важнейший метод выявления и устранения недостатков и воспитания людей, усиливать общественное воздействие против нарушителей норм социалистической жизни, добиваясь создания атмосферы всеобщего осуждения конкретных носителей антиобщественных поступков, как в производственной и общественной деятельности, так и в быту. Причем партия исходит из того, что значение мер общественного воздействия, критики для борьбы против пережитков капитализма будет все более увеличиваться. Меры убеждения и общественного воздействия не исключают также применения мер принуждения. В этих целях партия и впредь будет совершенствовать законодательство и правосудие, деятельность народных судов, прокуратуры, органов милиции и т. д., направляя их на борьбу против нарушителей советских законов.

Используя все средства воспитательной деятельности, партия будет добиваться полного преодоления пережитков капитализма в сознании людей. Преодоления религиозных представлений партия будет добиваться идейными и только идейными средствами, развитием атеистической пропаганды, а также все более широким вовлечением трудящихся в активную борьбу за коммунизм. При этом не должно допускаться никакого преследования за религиозные убеждения и оскорбления религиозных чувств верующих.

IV. В период перехода к коммунизму партия ставит своей целью добиться не только такого роста производства материальных благ, который даст возможность перейти к распределению их по потребностям, но и обеспечить создание полного изобилия духовной культуры с тем, чтобы удовлетворить все потребности трудящихся. Создание такого изобилия — главнейшее условие осуществления всестороннего развития людей, достижения необходимого для строительства коммунизма подъема культурно-технического уровня народа...

Там же. Л. 98—104.

В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Коммунизм предполагает высокий культурный уровень общества. На современном этапе развития советского общества, когда осуществляется стремительный переход от социализма к ком-

мунизму, перед КПСС встали новые большие задачи в области культуры, в деле дальнейшего подъема культурного уровня трудящихся.

Общая программная задача партии в этой области — завершить создание культурных предпосылок коммунизма, добиться такой степени культурности всех трудящихся, которая бы соответствовала коммунистическому строю жизни.

У нас имеются все условия, в том числе и культурные, необходимые для успешного претворения в жизнь программы культурного развития страны на пути к коммунизму. Выдающиеся успехи в культурном прогрессе, достигнутые народами СССР за годы Советской власти, являются прочной базой для нового культурного подъема страны, для расцвета коммунистической культуры.

1. Октябрьская революция и победа социализма в СССР привели к радикальным переменам в области культурной жизни. В нашей стране произошла глубочайшая культурная революция: старая, буржуазная культура сменилась новой, социалистической культурой невиданно поднялся культурный уровень трудящихся масс, выковалась многочисленная армия народной интеллигенции, развились передовая советская наука и искусство.

Культурная революция — закономерное явление общественного развития в эпоху диктатуры пролетариата. Она является органическим элементом процесса социалистического преобразования общества. Опыт социалистического строительства в СССР, теперь дополненный опытом других стран мировой социалистической системы, целиком подтверждает этот вывод.

Культурная революция в СССР совершилась как неизбежный результат победы социалистического общественного и государственного строя. Низвержение господства капиталистов и помещиков и установление господства народа во главе с рабочим классом, уничтожение частной собственности на основные средства производства и утверждение общественной собственности на них создали социально-экономическую основу для быстрого культурного подъема народа и расцвета социалистической культуры. С другой стороны, советский общественный строй вызвал бурное пробуждение рабоче-крестьянских масс, их могучую и неудержимую тягу к свету и знанию, к просвещению; он открыл простор для всестороннего раскрытия народных талантов и активного участия масс в строительстве социалистической культуры. На заре советской эпохи, при рождении социалистической культуры в СССР, В. И. Ленин отмечал: «Снизу» т. е. из той массы трудящихся, которую капитализм... отстранял от образования, идет могучий подъем к свету и знанию. Мы вправе гордиться тем, что, помогая этому подъему, мы служим ему». (Соч. т. 32, стр. 105.)

Пробуждение могучих творческих энергий народа-строителя и направляющая деятельность Коммунистической партии — вот две решающие силы, которые обеспечили успех культурной революции в СССР.

2. Направляя дело социалистического строительства в СССР, Коммунистическая партия неустанно заботилась о быстрейшем культурном подъеме страны, о социалистическом просвещении трудящихся; в своей политике она исходила из программного требования сделать всех трудящихся культурными и образованными.

Вдохновляя и организуя трудящиеся массы на овладение знаниями и повышение культурности, партия руководствовалась интересами социализма и народа. Успех социалистического строительства в огромной мере зависел от преодоления культурной отсталости масс. В стране безграмотной нельзя было построить социализм. В повышении культурного и образовательного уровня народа партия видела одно из важнейших и решающих условий социалистического преобразования общества.

Придавая большое значение культурной революции для судеб социализма в СССР, В. И. Ленин писал в свое время: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...» Далее: «Культурная работа в крестьянстве, — продолжал он, — как экономическая цель, преследует именно кооперирование... Это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции». (Соч. т. 33, стр. 434—435.)

Культурная революция в условиях СССР представляла дело громадных трудностей, — и в силу невероятной отсталости (технико-экономической и культурной), унаследованной от прошлого, и в силу того, что нашей стране пришлось проделывать первый в истории опыт строительства новой, социалистической культуры, к тому же в обстановке враждебного капиталистического окружения.

Но, несмотря на все трудности, Коммунистическая партия своей ленинской политикой обеспечила успешное осуществление программы культурной революции в СССР.

В исторически кратчайший срок, в течение первых двух десятилетий, в советской стране совершилась культурная революция, приведшая к созданию новой, социалистической культуры в СССР.

3. Социалистическая культура представляет собой высший тип человеческой культуры.

Главная черта советской социалистической культуры, характеризующая ее как культуру высшего типа, — это ее подлинная народность. В нашей стране впервые в истории народ сделался свободным и активным строителем культуры и полновластным

хозяином культурных богатств, разумно использующим их в интересах непрерывного совершенствования материальной и духовной жизни всего общества.

Народ, являющийся бессмертным творцом не только материальных, но и духовных ценностей, в классово-антагонистическом обществе не имеет возможности ни проявить в полной мере творческие способности, ни пользоваться благами человеческой культуры. Больше того, культура и образование там служат средством духовного порабощения и угнетения трудящихся масс эксплуатирующими классами.

В буржуазную эпоху человечество достигло больших успехов в своем культурном росте. Уровень культуры капиталистического общества несравненно выше, чем уровень культуры докапиталистических формаций. Однако миллионы эксплуатируемых и трудящихся масс остаются обреченными на темноту и невежество, на политическую и культурную отсталость. Буржуазия никогда не понимала смысл развития культуры как необходимость роста всей массы человечества. Капитализм дает культуру только для меньшинства.

Антинародный характер буржуазной культуры особенно разительно сказывается в современную эпоху. Империализм, означающий реакцию по всем линиям общественной жизни, вместе с тем означает реакцию и в области духовной культуры. Империалистическая буржуазия не довольствуется тем, что лишила трудящееся и эксплуатируемое большинство общества доступа к действительной культуре и образованию, держит его в состоянии отсталости. Она пускает в ход все средства, чтобы духовно развратить народные массы, чтобы отравить их сознание ядом своей растленной идеологии и культуры. Пальма первенства здесь, как и в других делах реакции, принадлежит американским монополистам с их идеологией гангстеризма. В США, в этой стране прославленной буржуазной цивилизации, больше всего делается против действительной цивилизации и просвещения народа. Там вся «культурная жизнь» построена на проповеди чужденнического, на воспитании населения в духе военного авантюризма и захватнической политики по отношению к другим народам и странам. Американские монополисты и их правительство щедро финансируют печать, радио, телевидение, кино и др. институты «культуры», которые ведут сугубо антикультурную работу среди населения, несут трудящимся духовное опустошение и дурман.

Октябрьская революция ликвидировала монополию имущих классов на культуру и образование и открыла к ним неограниченный доступ для народных масс; она превратила завоевания культуры и науки из орудия господства и привилегии эксплуататоров в орудие свободного развития и просвещения народа.

В первые месяцы Советской власти великий Ленин провозгласил: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и его гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации». (Соч. т. 26, стр. 436.)

Жизнь полностью подтвердила эти ленинские слова. Социализм уничтожил пропасть, разделявшую в прошлом народ и культуру, превратил все завоевания культуры в безраздельное достояние советского народа. В СССР все культурные богатства отданы в неограниченное пользование масс. Советское государство предоставило в распоряжение трудящихся масс все материальные и духовные блага, необходимые для их разносторонней культурной жизни: бумагу и типографии, научные и политические книги, газеты и журналы, художественную литературу и произведения изобразительного искусства и музыки, лучшие здания, парки и стадионы, радио- и телетехнику.

В нашей стране существует целая система культурно- и политико-просветительных очагов и учреждений, которые повседневно и широко обслуживают культурные нужды народа и служат его духовному росту, — печать и радио, массовые библиотеки и выставки, театры и кино, клубы и дворцы культуры, музеи и картинные галереи, общества по распространению политических и научных знаний, различные коллективы культурной самодеятельности трудящихся и т. п. Направляемые Коммунистической партией все они служат одной общей цели — просвещению народа, его коммунистическому воспитанию.

Главный итог культурной революции в СССР — это громадный подъем культурного уровня всей массы трудящихся, невиданный рост духовных потребностей народа. Советская страна давно уже покончила с таким тяжелым наследием прошлого, как массовая безграмотность среди трудящегося населения, — она является страной всеобщей грамотности. Чтение книг и газет, посещение лекций и концертов, театров и кино, музеев и выставок, участие в творческой самодеятельности — все прочно вошло в культурной обиход всех трудящихся города и деревни.

Рабочие и крестьяне СССР уже сейчас имеют достаточно высокий образовательный и культурно-технический уровень, они отличаются широтой своих общественных интересов, политической зрелостью, позволяющей им свободно разбираться в вопросах внутренней жизни страны и международной политики, быть сознательными строителями коммунистического общества.

Итак, советская культура сложилась и развилась как действительно народная культура, — она безраздельно принадлежит на-

роду, служит его жизненным интересам и развивается на основе творчества народных масс.

4. Строительство советской социалистической культуры осуществлялось под знаком равноправия и равенства всех групп и слоев трудящихся людей в их духовном развитии и удовлетворении культурных потребностей.

а) Одним из важнейших завоеваний культурной революции в СССР является установление равенства женщин с мужчинами в культурной жизни.

Неравноправие женщин, сохраняющееся и поныне в жизни буржуазного общества, является позорным наследием средневековых правовых порядков и нравов. Этот реакционный пережиток свидетельствует об антидемократическом характере буржуазного общественного строя и буржуазной культуры. В дореволюционной России, где сохранялись почти нетронутыми многие патриархально-крепостнические порядки в жизни, женщина была обречена на темноту и отсталость. В и без того отсталой стране женщины составляли отсталую половину трудящегося населения. Так, среди сельского населения неграмотных мужчин было 67,8%, а неграмотных женщин — 93%. Особенно вопиющей была картина отсталости и забитости среди женщин у нерусских народов России.

Советская власть сразу же уничтожила женское бесправие и открыла женщинам дорогу к культуре и просвещению. Коммунистическая партия проявляла особую заботу о быстрейшем преодолении культурной отсталости женщин и достижении их равенства в духовной жизни.

Женщины в СССР давно достигли общего с мужчинами уровня культуры, наравне с мужчинами они свободно пользуются всеми завоеваниями ее и активно участвуют в дальнейшем развитии советской культуры. Таким образом, в нашей стране осуществлено многовековое чаяние женской половины человечества — быть свободной и равной в борьбе за общий прогресс.

б) Советская культура, как подлинно передовая культура, развивается на основе равноправия и свободы всех народов СССР в области культурной жизни, на основе их братского сотрудничества. Это является выражением пролетарского интернационализма, органически свойственного социалистической культуре.

Пролетарский интернационализм в области культуры нашел свое глубокое воплощение в единстве ее социалистического содержания и национальной формы. Единая по своему содержанию социалистическая культура народов СССР развивается как многоликая по форме — по языку и другим национально-культурным особенностям.

Национальная форма культуры — это исторически сложившаяся форма культурной жизни народов в современную эпоху.

Пока существуют нации и национальное различие, эта форма является единственной, отвечающей требованию культурного прогресса человечества. Поэтому глубоко бесчеловечна и реакционна политика денационализации культуры и насильственной ассимиляции, к которой столь широко прибегает империализм по отношению к слабым народам.

РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 148. Л. 74—105.

Доклад Н. А. Булганина. 1955 г.

БУЛГАНИН. ...В послевоенные годы, как и в годы довоенных пятилеток, производительность труда в нашей промышленности непрерывно возрастала, и в текущем 1955 г. она почти вдвое превысит довоенный уровень. На этой основе реальная заработная плата рабочих и служащих в промышленности в текущем году увеличится по сравнению с 1940 г. более чем на 9%. По темпам роста производительность труда в промышленности наша страна идет впереди капиталистических стран. Это дало нам возможность по уровню производительности труда в промышленности догнать передовые капиталистические страны Западной Европы. Однако мы еще значительно отстаем в этом отношении от Соединенных Штатов Америки.

Наши успехи в области производства и роста производительности труда — несомненны, но они не могут нас удовлетворить. Еще и теперь много предприятий систематически не выполняют заданий по повышению производительности труда.

Президиум Центрального Комитета партии, рассматривая вопрос об улучшении руководства делом организации труда, нормализации труда и заработной платы, признал, что наряду с известными успехами в деле повышения производительности труда за последние 4 года у нас имеет место отставание роста производительности труда от роста реальной заработной платы.

За это время производительность труда в промышленности повысилась на 33%, а реальная заработная плата выросла на 37%. Между тем для дальнейшего мощного подъема социалистического производства, для создания мощной базы неуклонного роста благосостояния народа необходимо, чтобы повышение производительности труда постоянно опережало рост заработной платы.

Задача заключается в том, чтобы всемерно повышать производительность труда и обеспечить безусловное выполнение заданий по росту производительности труда в промышленности в целом, в каждой отрасли и на каждом предприятии.

Что для этого нужно? В. И. Ленин еще в 1918 г. в своей работе «Очередные задачи Советской власти» указывал: «Условиями роста производительности труда в нашей стране является, прежде всего, обеспечение материальной основы крупной индустрии».

стрии, в том числе машиностроения, образовательный и культурный подъем масс населения и, наконец, повышение дисциплины трудящихся, умение работать, скорость, интенсивность труда, лучшая его организация».

Эти указания сохранили свое значение и в настоящее время.

Надо шире использовать все те преимущества, которое имеет социалистическая система производства для нового мощного подъема производительности труда.

Наша социалистическая промышленность располагает огромными резервами для повышения производительности труда, но используются эти резервы крайне недостаточно. Известно, что рост производительности труда основан у нас в первую очередь на постоянном техническом совершенствовании производства, на систематическом внедрении новых, более производительных машин, на усилении технического вооружения труда.

За истекшие годы в пятой пятилетке наша промышленность ежегодно получала в среднем на 26 млн руб. оборудования, машин, аппаратуры, приборов. Электровооруженность труда только за последние 4 года выросла на 30% и была в 1954 г. почти в 2 раза выше, чем в 1940 г.

Особо следует сказать об улучшении использования наличной, уже имеющейся техники.

Промышленные предприятия и стройки оснащаются новейшей техникой для того, чтобы облегчить труд людей, сделать его более производительным. Но чем больше техники получает наше хозяйство, тем важнее становится вопрос о ее умелом использовании. Кроме этого, на многих предприятиях техника используется очень плохо, в результате этого в некоторых отраслях промышленности рост производительности труда, достигнутый в последние годы, сильно отстает от роста технической вооруженности работы. Особенно велики эти разрывы в угольной и лесной промышленности.

В 1940 г. на шахтах министерства угольной промышленности было всего 24 комбайна, а в 1954 г. их было уже 1600, врубковых и породопогрузочных машин было 30, а стало около 3000. Число электровозов выросло почти в 6 раз. Несмотря на это, производительность труда в угольной промышленности в 1954 г. лишь ненамного превысила уровень 1940 г.

Огромные средства государство вложило в технику лесной промышленности. Лесозаготовительные предприятия в прошлом году имели более чем в 1940 г. тракторов почти в 6,5 раза, лесовозных машин — почти в 3 раза, паровозов и мотовозов больше, чем в 7 раз. На этих предприятиях имеется свыше 120 тыс. электропил, которых до войны не было совсем. Между тем производительность труда на лесозаготовках и сплаве увеличилась по сравнению с довоенным временем всего лишь на 6%.

У нас есть еще и такие факты, когда многие отечественные нужные машины нигде не используются, лежат на складах и стареют. С начала 1955 г. во всех министерствах и ведомствах не установленного оборудования имелось на сумму около 13 млрд руб., в том числе сверхнормативных запасов оборудования на 5,5 млрд руб.

Все это явилось следствием неорганизованности, нераспорядительности, бесхозяйственности в ряде отраслей промышленности. Из-за плохой организации труда и всякого рода организационных неполадок на многих предприятиях имеют место значительные простои машин и механизмов. Например, в угольной промышленности не используется примерно одна треть угольных комбайнов, врубовых, углепогрузочных машин — свыше одной четверти. В металлургической промышленности простои мартеновских печей составили в прошлом году 14%. Простои прокатных станов на отдельных металлургических заводах доходят до 20—30% номинального рабочего времени. Велики внутренние простои на некоторых предприятиях машиностроительной промышленности.

Нельзя дальше терпеть такого отношения к использованию техники. Руководителей предприятий, допускающих подобные факты, должны рассматривать как расточителей народного добра. Передовые работники, инженерно-технические работники предприятий не хотят мириться с такими фактами. Они изыскивают и находят пути лучшего использования техники.

На Всесоюзном совещании работников промышленности, проведенном в мае текущего года, передовики производства, делясь своими исключительно ценным производственным опытом, говорили, что во многих случаях имеются возможности в 2—3 раза увеличить производительность труда на действующем оборудовании, если правильно организовать работу и принять передовую технологию. Так, например, фрезеровщик Харьковского тракторного завода т. Лупандин рассказывал о том, что, добившись применения на заводе уже известного способа кокильной отливки звена тракторной гусеницы, за счет резкого сокращения механической обработки он добился повышения производительности труда в 8—10 раз.

Однако надо сказать, что лучшие образцы использования техники и применения передовой технологии распространяются медленно. Руководители многих предприятий занимают нейтральную позицию в деле распространения передового опыта. В стороне от этого дела стоят и начальники главных управлений, а также министры. В деле распространения передового опыта у нас еще много шумихи и формализма...

Одним из существенных недостатков в работе промышленности, тормозящим рост производительности труда, является не-

нормальное состояние нормирования труда и неупорядоченность с заработной платой. На предприятиях ряда отраслей широко применяются так называемые опытно-статистические нормы выработки, составляющие до 50 процентов, а по многим заводам машиностроения — до 70—85% их норм. Эти нормы не отражают достигнутого уровня техники и организации производства и поэтому значительно перевыполняются подавляющей частью рабочих, в то время как задания о повышении производительности труда во многих случаях остаются невыполненными.

Наведению должного порядка и нормированию труда мешает сложившееся за ряд лет несоответствие между существующими тарифными ставками и фактической заработной платой рабочих. Среднеденежная зарплата рабочих в промышленности увеличилась по сравнению с довоенным периодом больше, чем в 2 раза, тогда как тарифные ставки повысились незначительно, в результате чего удельный вес тарифных ставок в зарплате резко снизился.

Для уменьшения разрыва между фактическим заработком рабочего и тарифной сеткой на предприятиях устанавливаются заниженные нормы выработки. Таким образом, создается совершенно недопустимое, ненормальное положение, когда во многих случаях не степень выполнения норм выработки, основанных на производственно-технических возможностях, определяет размер заработной платы, а, наоборот, к заработной плате подгоняются нормы выработки. Такой, по существу, потребительский подход к вопросам нормирования труда является серьезным препятствием для роста производительности труда.

Товарищи, такой порядок, просто не знаю, если бы это было в 30-е годы, кто-нибудь посмел встать на такой путь, какой-нибудь директор, мастер, начальник цеха, его немедленно выгнали бы и объявили как вредителя. У нас сейчас это положение принимает очень серьезные размеры. К заработной плате подгоняют производственные нормы выработки. Это же самая настоящая дезорганизация производства, с которой надо как можно скорее покончить. У нас действующая тарифная сетка не обеспечивает необходимого различия в оплате труда рабочих разной квалификации, а также более высокого труда работающих в более тяжелых условиях. Многим рабочим, особенно современникам устанавливаются более высокие разряды, чем это требует выполняемая работа, а низшие разряды тарифных сеток практически не применяются.

Недопустимо широкое распространение получили различные поправочные коэффициенты, надбавки к тарифным сеткам и окладам, всевозможные доплаты, которые не оказывают непосредственного влияния на производительность труда. Многочисленные системы оплаты труда и всяческие наслоения к ним

крайне усложняют расчеты по заработной плате, делают оплату труда малодоступной пониманию рабочих, порождают разрыв в оплате труда рабочих аналогичных предприятий и одинаковых профессий.

На совещании работников промышленности приводился факт, когда один и тот же рабочий при одинаковой работе в Барнауле зарабатывал в месяц — 1500 руб., переехал в Харьков — 700 руб., перебрался в Минск — стал получать 1800 руб.

Неотложной задачей является ликвидация всех этих ненормальностей, всех этих нарушений нормирования труда и заработной платы.

Неотложной задачей является ликвидация текучести рабочей силы, создания на предприятиях и стройках устойчивых рабочих кадров. В 1954 г. на промышленных предприятиях только общесоюзных и союзно-республиканских министерств, без лесозаготовок, было принято 2,923 тыс. рабочих, не считая рабочих, переведенных с других предприятий в организованном порядке, а выбыло 2,802 тыс., то есть почти так на так. На стройки в том же году принято 1,770 тыс. рабочих, а выбыло, также не считая, переведенных, 1,453 тыс. человек.

Такое положение совершенно нетерпимо и следует заняться этим вопросом как одним из самых кардинальных вопросов организации труда, строительства, организации производства. Одной из главных причин большой текучести рабочих является, товарищи, конечно, отсутствие должной заботы со стороны руководителей всех категорий, начиная от министров и директоров предприятий, о создании нормальных жилищно-бытовых условий для рабочих. Мало уделяется внимания этому вопросу. Многие министры не уделяют внимания выполнению плана жилищного строительства на предприятиях, забывая о своей прямой обязанности проявлять заботу о бытовом устройстве рабочих...

Президиум Центрального Комитета партии и Совет Министров уделяют большое внимание вопросам управления хозяйством, требуют от руководителей постоянно совершенствовать работу государственного аппарата, сочетать коллективное обсуждение вопросов с установлением строгой персональной ответственности работников за свое дело, решительно искоренять канцелярско-бюрократические методы руководства...

Главный недостаток в деятельности наших министерств по руководству промышленностью состоит в том, что они мало занимаются непосредственно организацией производства и руководят производственными заводами, фабриками, шахтами из канцелярии, при помощи многоступенчатого и многочисленного аппарата. Для примера возьмем министерство рыбной промышленности. Структура управления в этой отрасли промыш-

ленности крайне громоздкая, пока доберешься до рыбака, надо пройти 4—5 ступеней: министерство, главк, трест, комбинат, рыбзавод. Управленческий аппарат в министерстве рыбной промышленности поглотил до 40% инженеров и других специалистов с высшим образованием, работающих в рыбной промышленности.

На каждые шесть рабочих здесь приходится один работник управленческого аппарата. Министерство рыбной промышленности уже не раз подвергалось критике за то, что расплодило множество мелких трестов и контор, содержание которых ложится тяжелым бременем на себестоимость продукции. Критика пока слабо действует на министра рыбной промышленности тов. Ишкова и на министра рыбной промышленности Российской Федерации тов. Обухова.

ХРУЩЕВ. Немы как рыба. *(Смех.)*

БУЛГАНИН. Да, немы как рыба.

Или еще можно так сказать: а Васька слушает, да ест. Вот эти Васьки очень дорого обходятся нашему государству. Они по-прежнему сохраняют множество мелких и ненужных организаций.

Например, в Чувашской республике создан Рыбтрест в подчинении которого нет ни одного предприятия. *(Оживление в зале. Смех.)* Трест занимается тем, что принимает от колхозов выловленную рыбу и сдает ее в торговую сеть. Вот и вся его работа. Спрашивается, зачем нужен этот трест т. Ишкову и т. Обухову?

В Ульяновске и в Сенгелее есть два рыбзавода. На обоих этих заводах работает всего 12 рабочих. *(Смех.)* Эти заводы, если можно их так назвать, также занимаются только тем, что принимают от колхозов рыбу и сдают ее в магазин.

ХРУЩЕВ. И то, наверное, из этих двенадцати — половина чай кипятит, и чай подают.

БУЛГАНИН. Однако это еще не все. Для управления этим «хозяйством» в Ульяновске также создан специальный трест. *(Оживление в зале.)* Одним словом, как бы это сказать, — все как у больших, только труба пониже, да дым пожиже. *(Общий смех.)*

Численность административно-управленческого персонала заводов и трестов в министерстве почти вдвое превышает численность рабочих.

ХРУЩЕВ. Николай Александрович, может быть, следует нам обсудить — не следует ли вот таких директоров трестов, предприятий исключать из партии. Дело не только в том, что такого директора или управляющего кто-то утвердил, учредил. Ведь он член партии. Чем он занимается? Не нужны такие люди в партии.

БУЛГАНИН. Это будет прогрессом в нашем партийном руководстве. *(Общий смех. Аплодисменты.)*

А что касается этой рыбы, которую ловят, то тут надо сказать, что уж действительно — один с сошкой, семеро с ложкой ловят золотую рыбку. В прошлом году некоторые предприятия рыбной промышленности, находящиеся на Дальнем Востоке, израсходовали на заработную плату средств больше, чем стоит вся рыба, выловленная этими предприятиями. *(Смех.)* Это не слова. Я вам приведу сейчас примеры, факты. Так, например, в Макаровском рыбкомбинате фактический выпуск товарной продукции составил 6,5 млн руб., а годового фонда заработной платы выплачено работникам рыбкомбината 10,5 млн руб.

ХРУЩЕВ. Где, в какой области находится этот комбинат? Есть ли там обком или крайком партии? По-видимому здесь находится.

БУЛГАНИН. Здесь есть, а там нет. *(Смех.)* А вот еще один пример: в Южно-Курильском рыбкомбинате рыбы выловлено на 13 млн руб., а на заработную плату израсходовали 22,5 млн руб. В Северо-Курильском рыбкомбинате стоимость продукции составила 14 млн руб., фонд заработной платы свыше 40 млн руб...

Товарищи могут подумать, что это частные случаи. Я взял два три примера, как докладчик, знаете, иногда берет хороший материал. Нет. Вот вы посмотрите, что в целом по министерству получилось. Вместо установленной на 1954 г. министерству по плану прибыли в сумме свыше 1 млрд рублей, министерство принесло государству убыток в сумме 392 млн рублей. Вот результат этих художеств.

ХРУЩЕВ. Ловли рыбы. *(Смех.)*

БУЛГАНИН. Ловли рыбы в казначействе т. Зверева.

Тов. Ишков и т. Обухов находятся здесь, на Пленуме ЦК, должны дать настоящему Пленуму объяснение всем этим фактам, и тому, почему рыбная промышленность на протяжении ряда лет не выполняет планов, работает плохо, почему не искореняют недостатков, на которые вам неоднократно указывалось...

Подобные факты имеются и в других министерствах.

ХРУЩЕВ. Туда командироваются люди, едут туда, страдают, потом приезжают, пишут отчеты и все идет таким порядком.

БУЛГАНИН. Далее, товарищи, у нас в руководстве промышленностью сложилась чрезмерная централизация, о чем я хочу особо сказать. Большое количество предприятий подчинено непосредственно союзным министерствам, хотя руководство ими могли бы с большим успехом осуществлять республиканские организации. Такая централизация не приносит пользы делу. С одной стороны, она мешает наладить оперативное конкретное руководство предприятиями, а с другой — принижает ответственность республиканских хозяйственных, партийных и советских организаций за работу промышленности.

ХРУЩЕВ. ...Особое внимание товарищи, этот вопрос мы уже обсуждали и сейчас он на выходе, это надо поднять алюминийную промышленность, надо дать энергетику.

Товарищи, в прошлой войне мы алюминий получали из Соединенных Штатов Америки, но в будущей войне, если она будет, этот канал, товарищи, надо исключить и вообще никаких других каналов не иметь, а надо иметь свой собственный металл, свой алюминий. Постановления одного мало. Надо создавать электростанции, надо иметь заводы, надо время. Надо сейчас это делать, развивать всемерно алюминийную промышленность, и задача поставлена, чтобы к 1961 году иметь 1,423 тыс. алюминия, вместо 483 тыс. тонн, которые мы имеем в настоящее время. Это более или менее объем, и подходить будет, и надо выдержать. Это дело без боя не выйдет, потому что когда начнется решаться этот вопрос правительством, уже сейчас начинают растаскивать этот прокат...

Почему я еще хотел бы сказать об алюминии? Нам надо, товарищи, сосредоточить сейчас внимание на строительстве тяжелой авиации — бомбардировочной, транспортной и пассажирской. Знаете, мы почувствовали сейчас, после парада, который был 3. Очень люди стали умные — наши гости, приглашенные и не приглашенные, которые здесь наблюдали парад, потому, что они подшучивали, что Россия стоит на позиции обороны, что она строит только истребители и бомбардировщики фронтового действия, что у нее дальней авиации нет, а теперь они видят, что получили другое, меняют свое мнение, а это очень полезно с точки зрения отсрочки начала войны, потому что ничем уговаривать мы противника не можем, никакими речами, только конкретными, реальными возможностями. (*Аплодисменты.*)

Нужно сказать, к чести наших промышленников, инженеров, конструкторов, ученых, что бомбардировщики, которые мы видели, делают они на высоком уровне, мы краснеть перед противником не будем. Они и по грузоподъемности и по техническому использованию и по дальности отвечают возможностям, которые имеются, но не отвечают задачам, которые стоят перед нашим завтрашним днем.

Поэтому мы, принимая этот бомбардировщик по тяжелой авиации, говорим — стройте новый. Надо это делать на базе нового. Например, грузоподъемность нас удовлетворяет, а дальность и скорость надо прибавить. Конструктора говорят, что это возможно сделать, дайте только высококачественный металл.

Поэтому мы должны обеспечить требования, которые предъявляются нашими конструкторами.

Товарищи, почему я говорю о тяжелой бомбардировочной авиации и почему ее надо строить?

Наши самолеты очень недолговечны в своей жизни. Все новинки, которые мы показали, которые мы показываем, показываем только при том условии, когда новый самолет или уже на выходе, или заложен и лучше того, который показываем. Иначе никто не показывает новых самолетов. *(Аплодисменты.)*

Почему же сегодня мы считаем один самолет новым, а завтра считаем его старым? Почему тяжелую бомбардировочную авиацию надо строить именно так? А строить надо так: сегодня строим, а завтра уже предусматриваем в проекте новый тип. Сегодня это — бомбардировщик, а завтра он выходит из строя как бомбардировщик и становится в строй как транспортный пассажирский самолет. Только тогда капиталовложения, направленные в авиационную промышленность будут и в хозяйстве окупаться.

Поэтому я просил и товарища Туполева и товарища Мясищева самолеты Ту-95 и М-4 конструировать так, чтобы они после действия в военной промышленности действовали бы как пассажирские и транспортные самолеты...

РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 69.

Пленум ЦК КПСС. Декабрь 1956.

Председатель ХРУЩЕВ Н. С.: Слово имеет т. Булганин.

БУЛГАНИН. Товарищи! Президиум Центрального Комитета вносит на обсуждение настоящего Пленума вопросы улучшения руководством народным хозяйством. Обсуждение показало, насколько остро стоит этот вопрос. Наша партия всегда придавала большое значение делу систематического улучшения хозяйственного руководства...

Хозяйственное руководство, как и всякое живое дело, должно постоянно совершенствоваться и развиваться. Нельзя довольствоваться достигнутым, а надо идти дальше и добиваться лучшего. Масштабы нашего хозяйства настолько выросли, а задачи руководства им настолько усложнились, что теперь требуется принятие новых мер, обеспечивающих нормальный ход хозяйственной жизни...

Во-первых, надо решительно покончить с имеющимися крупными пороками в области государственного планирования, которые серьезно тормозят выполнение намеченных партией программ хозяйственного строительства. Устранение этих пороков даст возможность лучше использовать преимущества нашего планового хозяйства. Мы должны добиться того, чтобы наши го-

сударственные планы разрабатывались на более высоком уровне, на действительно научной основе, чтобы в плане устанавливались правильные соотношения в развитии отдельных отраслей хозяйства и предусматривалось наиболее рациональное использование материальных и денежных ресурсов...

Во-вторых, необходимо настойчиво осуществлять меры по устранению чрезмерной централизации в управлении хозяйством, которое в значительной мере сковывает инициативу местных органов и хозяйственных руководителей в решении повседневно возникающих вопросов.

Задача в этой области состоит в том, чтобы неуклонно проводить в жизнь взятый центральным комитетом и одобренный XX съездом партии курс на всемерное повышение роли союзных республик в управлении хозяйством. Надо также значительно расширить права министров и начальников главных управлений министерств, руководителей предприятий, повысив их ответственность за порученное дело.

Как же решать эти задачи? В числе вопросов по улучшению руководства народным хозяйством, которые Президиум Центрального Комитета партии ставит на настоящем Пленуме, первым и главным является вопрос о перестройке работы Госэкономкомиссии СССР. Президиум ЦК придавал и придает очень большое значение делу улучшения работы наших плановых органов. В целях улучшения государственного планирования народного хозяйства Госплан СССР в прошлом году был разделен на два органа: Государственную комиссию по перспективному планированию народного хозяйства (Госплан) и Государственную экономическую комиссию по текущему планированию (Госэкономкомиссия). Это дало известные положительные результаты. Однако эта реформа окончательно задачи не решила. Несмотря на созданные благоприятные условия для улучшения как перспективных, так и текущих планирований, радикального улучшения в работе наших центральных плановых органов не произошло. Особенно это относится к Госэкономкомиссии, о которой можно сказать, что в ряде случаев она просто плывет по течению.

Недостатки в работе Госплана и Госэкономкомиссии были подчеркнуты справедливо партией в известных письмах Н. С. Хрущева в результате его поездки в Казахстан и Донбасс.

В чем же основной порок? Основной порок состоит в том, что как Госплан, так и Госэкономкомиссия не изучают глубоко состояние отдельных отраслей производства и экономики страны, слабо связаны с местами, с крупными предприятиями, научными учреждениями. Руководящие работники Госплана и Госэкономкомиссии не бывают на предприятиях, стройках, в колхозах и не знают действительного положения на местах.

Некоторые работники этих организаций, как здесь правильно говорили, хотя и сидят на одном месте по 15—20 лет, не работают над собой и отстают от жизни, не вникают по-настоящему в существо дела, действуют в своей работе по шаблону, им все примелькалось, и они уже не замечают своих ошибок.

Мы ценим большой практический опыт и знания людей, по долгу работающих в той или иной отрасли народного хозяйства. Однако и эти люди не гарантированы от потери чувства нового и отставания от жизни.

В представляемых на рассмотрение Правительства народно-хозяйственных планах допускаются ошибки в определении соотношения в развитии отраслей хозяйства и даже просчеты. Задания по росту производства и капитальному строительству не обеспечиваются в должной мере материальными ресурсами...

Я хотел бы сказать о том, в чем повинна Госэкономкомиссия. Нельзя, конечно, согласиться с тем, что во всем виноват т. Сабуров. Но Госэкономкомиссия в целом действительно во многом виновата.

В текущем году план добычи угля по Донбассу Правительство дважды уменьшало: один раз на 4300 тыс. тонн, и в другой раз — на 1100 тыс. тонн. Это произошло потому, что при определении плана добычи угля по Донбассу на 1956 г. работники Госэкономкомиссии подготовили дело поверхностно, не выявили фактические возможности Донбасса и не посчитались с предложениями местных организаций, а это нам обошлось очень дорого. Грубые просчеты в плане, которые нам пришлось дважды поправлять, привели к срывам поставок угля народным хозяйствам и населению, что в начале года, в условиях зимы, создало, как вы понимаете, очень серьезные трудности.

Из-за допущенных Госэкономкомиссией текущих ошибок Правительству пришлось пересматривать и уменьшать план не только по Донбассу, но и по выплавке чугуна и стали, а также по производству проката и цемента и создать тем самым серьезные затруднения нашим хозяйственным и строительным организациям.

Я, конечно, не хочу сказать, что проектировки министерства должны приниматься без проверки. Госплан и Госэкономкомиссия обязаны критически подходить к предложениям министерств и ведомств и обеспечивать общегосударственные интересы. В общем наши планы, как правильно здесь говорили, должны быть реальными, экономически обоснованными, но не заниженными, а мобилизующими на максимальное использование имеющихся возможностей в целях дальнейшего роста производительности труда, снижения себестоимости продукции и наиболее полного удовлетворения потребностей народа.

ТЕВОСЯН. Товарищи! Решение задачи догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении выходит за пределы шестой пятилетки. Но нам важно, исходя из сопоставления нынешней экономической помощи нашей промышленности с экономической помощью промышленности главных капиталистических стран, наметить план развития ведущих отраслей промышленности, рассчитанный на несколько пятилеток.

После войны партия исходила в развитии из перспективы, намеченной т. Сталиным в 1946 г. в его речи на избирательном собрании. Как указал т. Булганин в своем докладе, задачи, поставленные в 1946 г. по развитию важнейших отраслей промышленности — металлургии, угольной, нефтяной — будут выполнены досрочно.

Но мы должны учесть, что в США в связи с войной в Корее и политикой усиления гонки вооружений выпуск промышленной продукции, по сравнению с периодом до 1946 г., увеличился и достиг максимума в 1953 г.

Из сказанного вытекает, что целесообразно поручить Госплану разработать и представить в ЦК перспективный план развития производства основных решающих видов продукции. Такой перспективный план нацелил бы и мобилизовал партию на ускорение темпов развития социалистической промышленности и в первую очередь тяжелой промышленности, для дальнейшего укрепления экономической мощи нашего государства, подъема материального благосостояния народа и решения основной экономической задачи СССР. *(Аплодисменты.)*

ПОНОМАРЕВ. Я хочу рассказать о беседе с тов. Косыгиным для ориентировки, главным образом, по экономическому разделу. Он просил рассматривать эту беседу не как официальное выражение мнения. Он говорил, что мы и раньше говорили, что эти советы или мнения его, а вы смотрите уж, что вам из этого подходит, какие вы считаете нужным сделать для себя выводы. Беседа шла почти два часа по тому плану, который мы наметили тогда с товарищами.

Мы ставили такой вопрос — среднегодовые темпы увеличения производства продукции. Он считает, что темпы, которые в

прошлом году были намечены, наиболее реальные — 9,3%. Я сказал, что у нас не написано, но если говорим, что в 3—4 раза, то соответственно получается около 10%.

ГОЛОСА. 9,4%.

ПОНОМАРЕВ. Я говорю, что, может быть, сейчас, учитывая мнение и Госэкономсовета, если сказать 9—10%, то как? Он говорит, что 10% — это вряд ли реально, если 9,3 или 9,5, то еще можно так сказать. Если скажем 12%, то это значит, что мы за оставшиеся годы семилетки должны будем увеличить производство продукции вдвое. Этого мы, конечно, не можем сделать. Тут не надо брать какие-то общие соображения — 12% или сколько-то. В 1961 г. мы правильно утвердили, тут не будет ни 12%, ни 10%, а в 1962 г. тоже не будет, в 1963 г. тоже не будет, в 1964 г. тоже не будет. Все идет в пределах 9—10% с перевыполнением. Следовательно, если мы запишем 12% или даже 11%, то получится, что уже эти 4 года дадут недовыполнение. Следовательно, в остальные годы надо иметь не 12%, а 14% или больше. Одним словом, он говорит, что нет данных для этих 12% прироста производства. Наиболее реально — 9,4—9,5%. У нас в Госплане 9,3%, может быть взять 9,5%, сделать такую вилку. Я считаю, что тут достаточные основания, и это было бы очень хорошо.

По продукции сельского хозяйства у него несколько другие данные. У нас увеличение 5,1, там несколько другие пропорции, по подсчетам Экономсовета 6,5. Тут разница у нас меньшая. И у него данные были, но это не ежегодный прирост, а он называл 2,5—3 раза, у Засядьки — 3—3,5 раза, кажется. Так что разница небольшая. Здесь как раз именно по сельскому хозяйству не так точно, как в отношении промышленности. Я думаю, говорит он, что если бы выполнить госплановские расчеты, то это было бы хорошо, но несколько может быть поднять можно.

В этой связи он тоже сказал об ирригации. Он говорит, что надо обеспечить независимость от природы, надо насчет ирригации больше сказать. Мы довольно подробно говорили насчет ирригации. Я ставил вопрос, что это означает по капиталовложениям, потому что ирригация — это прежде всего капиталовложения, и опыт был в свое время, когда 2 миллиарда вложили в ЦЧО, но ничего из этого не получилось. Сейчас надо новые пути искать. Он говорил особенно по техническим культурам. При ирригации в Средней Азии можно ввести миллионы гектаров в действие и для хлопка, и для риса. Потом говорил о Волге, не о Волго-Ахтубинской пойме, а выше. Тут будет большой приток воды, много будет водных ресурсов, и мы можем многое сделать.

Он говорит, что насчет ирригации надо усилить формулировку и обратить на это внимание под углом зрения того, чтобы нам

обеспечить устойчивые урожаи вне зависимости от условий погоды. Конечно, многое другое, бесспорно, нужно, удобрения и другие элементы, но ирригация тут, говорит, нам нужно несколько расширить и тогда мы будем больше иметь возможностей для подъема урожайности сельского хозяйства.

По производительности труда. Тут такие расчеты — 7,8—8,1 — госплановские расчеты, а по расчетам Экономсовета 7,5—9, так что вилка большая. Он говорит, трудно сказать, на чем это базируется. Конечно, нам надо производительность труда поднимать, но если достигнем среднегодовой — это нас устроит и т. д.

Теперь следующее. Сам он говорит, что имеет большое значение разница между уровнем жизни в городе и деревне. Разница еще тут у нас большая. Кроме того, еще есть разница между уровнем жизни колхозников и рабочих совхозов. Сначала нам надо поднять колхозников до уровня рабочих совхозов! Он говорит, да, и в целом. Мы не можем иметь такое положение, говорит, что в городе будут получать все больше и больше, все блага по программе даем рабочему населению и трудящимся города, а в деревне не все будет хорошо, тогда будет неизбежный процесс оттока из деревни. Возьмите, говорит, положение молодого парня 17—18 лет, он поступает на производство, через два года имеет квалификацию, получает 1000—1200—1500 руб., имеет все условия для культурного роста, для образования, для развлечения и т. д. А в деревне он не имеет 1500 или 1200 руб. Поэтому естественно будет отток и нерегулируемый отток рабочих. Нам надо, говорит, выравнивать уровень жизни деревенского населения по сравнению с городским. Это, говорит, надо иметь в виду и в перспективе и в программе об этом сказать.

По продукции сельского хозяйства в окончательных расчетах можно сказать в 3,5, в 4 раза в 1980 г. по сравнению с 1960 г. Увеличение общего фонда потребления за это же время 3,1 — 3,2, но это, говорит, надо сказать, потому что у нас здесь не было, у нас на душу населения в 3,1 раза за 22 года, в Экономсовете в 3—4 раза за 15 лет. Фактически за 22 года, если взять сопоставимые данные, то в 5 раз. У нас было записано так? Что брать за исходные? В связи с этим он сказал: я не знаю, на основании чего можно сказать — в 3—4 раза поднять за 15 лет. Не видно таких оснований. Вообще надо сказать об увеличении фонда потребления, во сколько вырастет и назвал такие данные. По его мнению, 3,1—3,2.

Теперь дальше. Вопрос у нас был о том, в какой степени экономический раздел программы должен содержать конкретные задания. Об этом мы спросили Никиту Сергеевича, была беседа перед его отъездом, я рассказал. Есть проект энерговооруженности, и мы говорили относительно стали, нужно ли давать, потому что есть такая точка зрения, в частности, с тов. Засядько

говорили, что не понадобится столько стали, потому что изменения будут, замена стали пластмассами и др.

Тов. Косыгин считает, что надо дать больше цифр и по стали, по электроэнергии, и по нефти, и даже по некоторым другим показателям к 1970 и к 1980 гг.

Я высказал сомнения насчет стали. Он говорит: что касается тех соображений, что стали не нужно много, то возьмем практически. И он начал считать: автомашин будем производить все больше и для общественного пользования и для индивидуального пользования. Стали нужно будет достаточно. Потом возьмите все холодильники, телевизоры, если взять эту сторону, не говоря о промышленной стороне, тут потребности будут очень большие.

Я ему сказал, что мы предлагали т. Хрущеву сказать, что мы будем иметь возможность производить столько-то стали. Не обязательно мы должны ее производить, а сказать, что наши производственные возможности будут на таком-то уровне. Я думаю, что с точки зрения общей, принципиальной, общеполитической важно, что мы будем тогда-то столько-то производить стали.

Тов. Косыгин стоит за то, чтобы дать цифры более широкого диапазона видов проекции.

Насчет электроэнергии. Я ему сказал эти цифры, которые у нас есть. Мы прошли по этим цифрам. У нас там 2300 миллиардов — 2500 миллиардов киловатт-часов. Это не установленные мощности, а выработка электроэнергии. Он говорит, что трудно что-нибудь сказать. Я говорю, мы считаем это мало. — А сколько? Я говорю, что насколько помню, т. Засядько называл 3200 миллиардов. Откуда это? — говорит, и начал считать, что будет в смысле годового прироста. Мы имеем 6 миллионов киловатт-часов установленной мощности прирост. Если за 10 лет столько-то, тогда какой будет годовой прирост, надо подсчитать. Я говорю, что сомневаюсь в такой цифре, но я сказал, что если на что нажимать, то вероятно на электроэнергию и энерговооруженность. Он говорит, что это верно, что по сравнению с США отстаем, это все правильно, но, с другой стороны, за счет чего мы можем сделать? Надо исходить не только из должного, но и возможного, какие мощности можно ввести, где, надо, чтобы реально было, поскольку планируем десятилетку. Сомневаюсь, говорит, что 3200 миллиардов может быть.

Теперь, какую периодизацию избрать в экономическом разделе, в частности, в качестве опорного пункта 1970 или 1980 гг., нужно ли 50-летие Октябрьской революции? Он говорит, что вряд ли нужно. Надо брать крупные даты — 1970 и 1980 гг.

Дальше шел вопрос относительно того, какой год взять за базу при исчислении потребности — 1959, 1960, 1961 г.? Он сначала был за 1960 г. Я говорю: если взять 1961 г., практически программа принимается в конце 1961 г. Мы говорим: «За 20 лет с момента принятия программы...» Я сказал, что это выгодно и т. д. Он говорит: верно, тогда все уравновесим по пятилеткам. Мы сейчас имеем семилетку, а тогда мы будем иметь пятилетки. Будет 1961—1965 г. включительно, затем 1966—1970 г. включительно, 1971—1975 г. включительно и 1975—1980 г. Так что будем по пятилеткам. 20-летний период будет разбит на четыре равные доли. Одним словом, он встал на нашу позицию, что за базу брать 1961 г. Конечно, это потребует некоторых пересчетов.

ГОТОВСКИЙ. Если 1961 год — база, то с 1962 г.

ПОНОМАРЕВ. Мы имеем в виду исходный, отправной 1960 год, как прошлый.

ЧЕСНОКОВ. До 1981 г. надо считать.

ФЕДОСЕЕВ. Как вы будете 1961 г. считать, когда еще никаких итогов не будет?

ГОТОВСКИЙ. Вообще-то выигрыш одного года имеет значение.

ПОНОМАРЕВ. Теперь о рабочем дне с точки зрения интересов производства, благосостояния — 6 или 5 часов. Он, конечно, за то, чтобы ниже 6 часов не идти.

Когда я говорил, что может быть нам не идти по той линии, что мы будем сокращать рабочий день, а увеличивать отпуска — сначала трехнедельные, а потом месячные за счет государства, он говорит, что это правильно, но надо подсчитать, можно ли дать месячный отпуск, ведь у нас 100 миллионов рабочих. Но принципиально надо идти не на сокращение рабочего дня, что значит пятичасовой рабочий день?

ГОТОВСКИЙ. Проект Госэкономсовета предусматривает в 1975 г. иметь уже пятичасовой рабочий день.

ПОНОМАРЕВ. Это другой вопрос, он не рассматривался. Он говорит: вы меня спрашиваете, я говорю свое мнение, а там смотрите.

Дальше такой вопрос, каким должно быть соотношение между индивидуальными доходами и доходами из общественного фонда, нужно ли говорить о роли номинальной заработной платы? Он говорит, что номинальную не надо.

И дальше он говорит примерно то, что и в прошлом году, начет бесплатности питания и с точки зрения принципиальной, и с точки зрения практической. 100 миллионов людей накормить обедами, что это значит? Этим государство берет на себя большое обязательство. Я говорю, что по расчетам сельского хозяйства мы должны иметь такой уровень производства продукции.

Он говорит, что это не вопрос, но опять-таки нужно столовые создавать, захотят ли люди при 6-часовом рабочем дне, чтобы питание было на заводе. Словом, то, что говорил в прошлом году. Я говорю, что мы записали в программу. Он считал, что 5 рублей за обед — это очень много.

Одним словом, насчет всех видов общественных фондов, он говорит, нам нужно, во-первых, подсчитать и потом не очень увлекаться этим делом. Нужно сочетать, чтобы у нас были обязательно элементы материального стимулирования. Если будем кормить бесплатно, детей одевать, обувать, говорит, что он слышал, и кино бесплатное будет и книгами торговать бесплатно, то никакого стимула не будет.

ГОТОВСКИЙ. Не книгами, а газетами и брошюрами.

ПОНОМАРЕВ. Он высказывался так: это как торговать бесплатно? Что это значит — раздавать? Не надо строить гипотезы на этот счет, надо взвесить с точки зрения материальной и всяких других.

Теперь относительно уровня доходов рабочих и служащих в целом, во сколько раз увеличится уровень колхозников и рабочих. Получается так, что мы, говорит, по уровню жизни рабочих достигаем уровня США в 1972 г., а по колхозникам в 1967 г.

ГОТОВСКИЙ. По сравнению с фермерами США.

ЧЕСНСКОВ. Таких расчетов у нас не было.

ПОНОМАРЕВ. У него все расчеты, он подготовился, были папки, все в сопоставлении с США. Я считаю, что может быть это нужно, но не это главное. У него все в сопоставлении с США. Вот он и мне дал эти данные по уровню колхозников в сопоставлении с сельским населением США в 1967 г., а по рабочим и служащим — в 1972 г.

Когда мы говорили о бесплатных учебниках, он спросил, что это значит бесплатные учебники? Для людей даже не высокооплачиваемых, а средних, оплатить книгу в 2—3 рубля для ребенка ничего не значит. Надо, чтобы они заботились. Надо говорить не о бесплатных книгах для всех, а, может быть, сказать — для низкооплачиваемых, чтобы была определенная градация, потому что в конечном счете в бюджете будут все новые статьи расхода и неизвестно, как будем сводить концы с концами. Потому он говорит, что не всем надо давать бесплатно.

Насчет атомной промышленности он говорит, что тут правильно, но надо определять задачи в развитии новейших отраслей техники и думать насчет радиоактивности и насчет стоимости. Тут надо посмотреть. Вот сейчас писали, что в Сибири 100 тысяч станция. Она очень дорогая и потом надо говорить о влиянии.

ФЕДОСЕЕВ. Отходы некуда девать.

ПОНОМАРЕВ. Помните, когда с Никитой Сергеевичем советовались, он сказал: в меру стоимости, если будет дешевле, то надо рассчитывать. Он говорит, что это правильно, но, кроме того, надо учитывать эти обстоятельства насчет влияния.

Наконец, по сельскому хозяйству. Какой путь — совхозы, колхозы, коммуны и т. д. Он говорит, что коммуны, вероятно, не будем выдвигать и не надо нам писать, что не будем идти путем создания коммун. Я поставил вопрос, что, может быть, записать, что должны совершенствовать форму колхозного строя, поднимать все выше колхозы, а там видно будет. Он говорит: практически так надо делать, но писать, что там видно будет, вряд ли стоит. Он сначала насчет совхозов говорил, что их преимущества в том, что фактически рабочие получают определенную заработную плату. Вот видите, говорит, ряд областей требует этого. Сейчас на Дальнем Востоке крайком внес предложение создать столько-то совхозов, а т. Лубенников внес предложение всю Кемеровскую область в целом превратить в совхозную. Я говорил, что из этого какие последствия вытекают? Во-первых, совхозы требуют огромных капиталовложений со стороны государства, а, во-вторых, если часть или значительная часть колхозов переведена не будет, какие перспективы у колхозного крестьянства будут? Если колхозники сейчас работают, на совещаниях, которые проводит т. Хрущев, видим, что должен быть подъем колхозного производства, то при этом условии они будут ждать, когда в совхозы превратят, будут ждать, когда станут рабочими совхозов.

Тут вывод, а как же кооперативный план Ленина будет выглядеть, в каком виде? После обсуждения и после зрелого размышления он так сказал, что нужно в программе сказать: колхозы и совхозы, сделать так, чтобы не подрывать колхозы, колхозную форму совершенствовать, сказать о обеих формах и достаточно ясно и определенно сказать о колхозах.

Таково содержание беседы.

ГОТОВСКИЙ. Вопрос о детях и нетрудоспособных тут как-то обходится, не совсем четкая формулировка в Госплане. Он ставит вопрос так, что детям, которые будут в интернатах, в детских садах, обеспечивать бесплатно одежду. Но одно дело дети, которые в детских садах, а другое дело все дети, которые пожелают. Тут очень большая разница. Поэтому я не совсем понял, стоит ли он на позиции того, что в течение 20-летия можно будет обеспечить бесплатное содержание всех детей, родители которых этого пожелают?

ПОНОМАРЕВ. Этот вопрос не поднимался.

И в заключение, когда шла речь, как быть, он спросил, какие данные из Экономсовета. Я сказал, что пока нет данных. Я не знаю.

Там же. Л. 12—22.

Заседания Программной подкомиссии по обсуждению раздела «Сельское хозяйство».

14 февраля 1961 г.

АБРАМОВ. Если исходить из того, что мы уже пытались дать, то на мой взгляд, дальнейшая доработка материала должна включать примерно следующее:

Во-первых, по самой структуре и логике изложения материалов. В этом разделе, как исходном, нет общей характеристики материально-технической базы в сельском хозяйстве. Как решить этот вопрос? Может быть, целесообразно все же в преамбуле общего раздела дать характеристику материально-технической базы не только общей, но с характеристикой ее в области сельского хозяйства и уже вопрос материально-технической базы в этом разделе «Сельское хозяйство» несколько детализировать, может быть, в плоскости задач электрификации, химизации, ирригации, т. е. развития основных отраслей, контуры которых даны в проекте текста.

По-видимому, понадобится более четко разграничить две части нашего раздела, т. е. то, что в прошлый раз пытались формулировать: развитие производительных сил сельского хозяйства, задачи организации производства и характеристика социально-экономических закономерностей перерастания колхозных и совхозных хозяйств в коммунистическую форму. Это позволит ввести из критики те замечания, которые нам делают. При этом в первой части этого раздела речь надо вести и о колхозном, и о совхозном производстве, иначе может сложиться впечатление, что речь идет о колхозах. Вопросы ирригации, подъема урожайности, устойчивости земледелия — все это относится как к колхозному, так и совхозному производству, но это надо еще больше дать почувствовать, чтобы было ясно о росте производительных сил применительно к обеим формам хозяйства.

Надо подумать, чтобы пункт о совхозах вмонтировать более логично в характеристику общих закономерностей. Это структурные замечания, которые напрашиваются.

Теперь по существу, если исходить из замечаний товарищей, в сущности говоря, остается один коренной вопрос, который вызывает замечания всех товарищей. Речь идет о тезисе слияния общенародной и кооперативно-колхозной собственности. На каком этапе это будет? Означает ли это слияние становлением коммунистической собственности или, как говорит т. Кронрод, что общенародная собственность превратится в единую социалистическую форму собственности и она перерастет в коммунистическую форму собственности. Сейчас над этим вопросом надо подумать. Мне кажется, оснований для такой последовательности нет. Такая постановка вопроса означает совхозизацию

колхозов. Товарищи не обуславливают никакими объективными показателями, говорят: да, сольется. Правда, у т. Кронрода есть формулировка о том, что ликвидация личного хозяйства будет означать это слияние.

Мне кажется, здесь надо более серьезно подумать, и те формулировки, которые есть, рисуют более высокий этап совхозного производства, как преддверие к коммунистической форме. Нельзя представить, что переход будет одновременный и что раз вышел на уровень общенародной собственности, переходи в совхоз. Это надо связать с развитием всей экономики и в том числе с решением общих народнохозяйственных задач.

Поэтому, мне кажется, надо подумать. Та постановка, которая имеется, отвечает более или менее реальным перспективам развития деревни, а в такой постановке, как они делают, можно усмотреть все, что хотите — и незавершенность социалистического строительства в примитивной постановке вопроса, и сам период рассматривается как единовременный рубеж.

Мне кажется, самое главное — показать процесс. Наша формулировка ближе к этому.

Тут поднимаются разговоры, что может быть третья форма хозяйства — и не совхоз, и не колхоз. Если не связывать с формой собственности, тогда можно вести разговоры. Третья форма — это совхоз, и ничего мудрить по поводу того, что слияние колхозов и совхозов может быть только в форме совхозов.

ПОНОМАРЕВ. Так категорически вряд ли можно сказать.

АБРАМОВ. Надо дать формулировку, которая может эти задачи связать, но в такой лобовой форме, мне кажется, такая постановка неприемлема.

Другие замечания. Под неделимыми фондами мы понимаем основные и оборотные фонды. Важно то, что нужно накапливать и на этой базе повышать производство, причем за счет собственных ресурсов, не прибегая к государственным ассигнованиям.

Интересный вопрос затронут в одной из записок, а как же урожайность? Сейчас в европейских странах урожайность 30 и выше центнеров зерна с гектара на круг, вроде мы не можем в перспективе иметь более низкий урожай или на этом уровне. Во-первых, Бельгия, Дания не имеют засушливых степных просторов, и ставить задачу такого подъема урожайности, мне кажется, неправильно. Нам нужно трезвое экономическое планирование осуществлять, а не просто держаться такого принципа, потому что для получения 40 центнеров зерна понадобится очень серьезная перестройка.

В основном тексте, который пытались рассматривать, уже все вопросы по существу изложены.

ГОТОВСКИЙ. Нечего говорить, что этот раздел, пожалуй, самый сложный и ответственный, над ним придется еще очень много думать.

Тут две стороны вопроса: во-первых, это рост продуктивности. Это сложный вопрос. Между прочим, разные цифры есть, т. Попов ставит вопрос о 3,5—4, Госплан дает гораздо меньшую цифру. Не секрет, что за последние два года сельскохозяйственная продукция примерно стабильна. Сейчас по семилетке намечены очень высокие темпы роста заготовок, которые должны даже превзойти те, что намечались.

Участие тов. Гапоненко в нашей работе является полезным со всех точек зрения и, в частности, надеемся, что т. Гапоненко разъяснит многое в этой области. Каким образом добиться действительно коренного изменения в темпах сельского хозяйства? Конечно, система мероприятий, связанных с производительными силами, — это ирригация, химизация, севооборот, семенное дело, механизация, электрификация и т. д. Здесь можно кое-что добавить, изменить, указать проблемы науки. Но, мне кажется, что очень важную роль играет социальная сторона. Мы не решим никакой системы мероприятий, только связанных непосредственно с производительными силами, если мы не разрешим одновременно социально-экономическую сторону.

Я сформулирую, что имеется в виду. Надо решить вопрос о самой колхозной форме. Во-первых, нам надо дать фактическое положение, которое имеем уже во многих областях, где колхозы занимают меньше половины и даже четверть всей продукции сельского хозяйства. Есть области, где колхозов осталось очень мало и этот процесс идет быстро. Во-вторых, надо дать формулировку, что колхозная форма должна существовать и развиваться. Весь вопрос, чтобы в программе были сформулированы экономические условия: когда действительно колхозная форма перестанет быть нужной и может быть с пользой для народного хозяйства, для всего народа заменена общенародной собственностью. Схоластические разговоры — социализм или коммунизм — это для программы не имеет никакого значения. Ясно, что посылку общенародная — это уже громадный шаг к коммунизму.

Тут надо более теоретически глубоко сформулировать, какие условия требуются для этого.

Второй вопрос о личном хозяйстве и общественном хозяйстве. Дело в том, что личное хозяйство играет очень большую роль в отношении доходов крестьян и в отношении продукции сельского хозяйства. Поэтому преждевременная ликвидация личного хозяйства экономически не обоснована. Вопрос о личном хозяйстве и общественном надо сформулировать гораздо яснее, научнее, чем сделано.

Третий вопрос — заготовки и производство.

Четвертый вопрос — личная материальная заинтересованность, т. е. вопрос о накоплении и потреблении, это вопрос об отчислении в неделимые фонды. Мы все время пишем о значении неделимых фондов, о росте их и т. д. Это правильно, но чрезвычайные отчисления в неделимые фонды ослабляют ресурсы для оплаты труда. Общая тенденция правильна — неделимые фонды растут, отчисления должны расти, но мера, пропорция должны быть. Ясно, что вопрос о финансовом положении колхозов должен быть как-то сформулирован. В программе надо сказать, как партия намеревается вести свою политику в этом отношении.

Вопрос о совхозах. Мне непонятно, почему в совхозах должна быть выборность. Проблема выборности на нынешнем этапе — это палка о двух концах, потому что могут выбрать директором человека, который ослабит требовательность.

ПОНОМАРЕВ. Может быть, начать практиковать выборность, имея в виду, что колхозная форма позволяет использовать энергию и активность членов артели, занятых на производстве, а в совхозах это надо и для того, чтобы лучше использовать развитие демократических форм управления и участие трудящихся в управлении своим предприятием, то есть совхозом. В конечном счете это должно найти выражение, возможно, в выборности дирекции.

ГОТОВСКИЙ. Мне кажется, вопрос о большем повышении роли масс трудящихся — правильный, но вопрос о выборности надо очень осторожно ставить.

В отношении агроиндустриальных комбинатов — этот вопрос не продуман, поэтому мы его не включили. Что касается агропромышленных районов, то есть большое одобрение, но до сих пор все выглядит неконкретно и неубедительно.

Вывод: надо очень усилить формулировки прежде всего по социально-экономической стороне, затем о материальной заинтересованности. В отношении колхозной формы не надо указывать какие-то этапы.

Насчет перехода к свободным закупкам, где самая дешевая себестоимость. Доведена ли специализация сельского хозяйства до такой степени, чтобы можно устанавливать такие зоны, где сконцентрируются заготовки. Насколько сейчас все возможно?

ПОПОВ. Мне представляется, что на этом этапе, когда второй заход делается по разработке материалов по нашему разделу, работа была организована методически очень правильно в том смысле, что была дана возможность высказать критические замечания и свободно поработать над текстом с тем, чтобы попытаться улучшить его по существу и форме.

Нам очень важно мнение, какие из тех вариантов, которые мы дали с т. Абрамовым, наиболее подходящие.

Я внимательно прочитал замечания т. Кронрода. В них много полезного, имеющего непосредственное отношение к сельскому хозяйству.

Вопрос о сближении колхозно-кооперативной собственности с общенародной. На каком-то уровне развития колхозного строя создаются условия для того, чтобы с известной постепенностью и закономерностью создался единый тип сельскохозяйственного предприятия. Речь идет о том, что этому единому типу сельскохозяйственного предприятия присуща высокоразвитая социалистическая форма собственности, оно должно воплотить в себе наиболее прогрессивные элементы или стороны организации производства, строительства и общественных отношений и явиться закономерностью, результатом совершенствования производства как в колхозах, так и в совхозах. И тогда это нам открывает возможность более полной характеристики того, что будет происходить не только в колхозах, но и в совхозах. А там очень много вопросов, например, вопрос о выборности, о применении более демократических форм управления, вопрос о большей ответственности коллектива за состояние дел, вопрос о материальной заинтересованности в результатах труда. Это тоже большой вопрос для совхозов. Найдется очень много моментов, которые будут побуждать государство всячески поощрять совершенствование общественного производства в совхозах. И совхоз будет выглядеть через несколько лет не таким, как представляем в настоящее время. Это будет предприятие, основанное на общенародной собственности, оно будет ближе к совхозу, но это не будет в теперешнем виде совхоз. Разница будет в том, что оно будет управляться на более демократических началах, там будут более эффективные формы материального стимулирования.

Вопрос так ставится и, по-моему, вряд ли стоит отмахиваться от него.

Мне представляется не совсем убедительной наша постановка вопроса о том, что колхозно-кооперативная собственность в силу ее совершенствования и всего колхозного строя приведет нас непосредственно к коммунистическому типу предприятия, основанного на коммунистической форме собственности. Этот процесс более сложный, длительный. Сейчас признано, что вопрос о коммуне не надо ставить.

ПОНОМАРЕВ. Это окончательно не решено.

ПОПОВ. Вопрос о личной собственности. Нам нужно более глубоко и теоретически обоснованно этот процесс совершенствования колхозно-кооперативной собственности, связанный с ликвидацией личного хозяйства, осветить. Это имеет программное

значение, поэтому надо ограничить попытки мерой административного характера.

Вопрос о производстве и заготовках. Тут опять все в большей степени надо отходить от административных форм, так как они были вынужденной мерой. Сейчас уже практически встает вопрос о том, что государственная система заготовок в целом должна выступать в качестве организатора производства, а не просто приобретения продукции в колхозах. Заготовитель должен помогать колхозу определять объем производства с тем, чтобы, обеспечить необходимый выход товарной продукции.

ПОНОМАРЕВ. А как это будет сочетаться с тем, что записано в решении, что колхоз сам определяет, что сеять, когда сеять?

ПОПОВ. Заготовитель должен помогать.

ПОНОМАРЕВ. А какова мера помощи? Если подчеркиваем в программе, это будет одно.

ПОПОВ. Почему же в данном вопросе обязательно видеть одну сторону — это администрирование. Речь идет о том, что такая государственная система будет располагать кадрами специалистов, которые будут на деле помогать. В материальном выражении это найдет форму контрактации. По мере увеличения производства сельскохозяйственных продуктов будет постепенный переход к свободным закупкам в колхозах. Когда у нас будет развито производство, тогда государство будет определять для себя, где выгоднее покупать ту или иную продукцию с учетом себестоимости с тем, чтобы через этот фактор влиять на уровень цен.

СОРОКИН. Большое значение не только для нашей страны, но и международное значение имеет вопрос, каким путем придет крестьянство к коммунизму. Здесь есть два пути: это путь совхозизации и путь развития колхозов. Ничего плохого не будет, если все колхозы будут совхозами. Мы бы, во-первых, технически вооружили, подняли производительность труда, дали более высокую доходность крестьянам, и крестьянство не возражало бы против этого. Не было бы ничего плохого и неприемлемого для крестьянства, если бы сумели экономически эту меру реализовать.

Но, мне кажется, экономически сейчас невозможно, вообще неправильно лишиться той возможности, которую дает и способна еще дать колхозная форма собственности. Поэтому главный путь развития для многих миллионов крестьян — это путь всемерного укрепления и дальнейшего развития колхозов.

ПОНОМАРЕВ. Есть еще одно обстоятельство. Ведь минусы в сельскохозяйственном производстве, имеющиеся у нас на протяжении многих лет, идут не от природы колхозов и не от при-

роды совхозов, т. е. сама форма колхозов не таит в себе минусы, недостатки.

СОРОКИН. Практика показывает, что мы превращаем в совхозы те колхозы, которые слабы. Что же получается, доросли до общенародной собственности только слабые колхозы? У нас 30 млн работников в колхозах. Можно не вкладывая никаких государственных капиталовложений, а только заняв эти 30 млн в производительном и доходном труде, получить очень большой эффект, от которого отказываться нельзя. Поэтому наш проект ориентирует на то, чтобы всемерно развивать колхозы.

Совершенно не удалось сказать, при каких условиях эта колхозная форма перерастет в общенародную форму собственности и отсюда всяческие прожекты. Очень трудно сформулировать, при каких условиях колхозная форма собственности дорастет до общенародной, но в программе не обязательно называть календарный срок, а надо сказать, какие же это условия.

У нас была кооперативная форма собственности в промышленности. Этот уклад в прошлом году был ликвидирован совершенно незаметно ни для экономистов, ни для работников. Это оказалось безболезненной операцией потому, что кооперативные предприятия при помощи государства были технически вооружены так же, как аналогичные государственные предприятия; рабочие давали такую же производительность труда, как в государственных предприятиях и получали такую же заработную плату, как на государственных предприятиях. Но выяснилось, что эта форма позволяла получать больше дохода, чем на государственных предприятиях, за счет перераспределения прибылей, поэтому государство вынуждено изымать эти прибыли в общегосударственный фонд.

Если в колхозах будет достигнут такой же уровень вооруженности, производительности, как в совхозах, то колхозная форма экономически себя изживет. Особенность здесь состоит в том, что в колхозе мы имеем еще личные участки, чего не было в кооперации. Надо, чтобы доход от общественного хозяйства был равен заработной плате рабочего совхоза, тогда можно отказаться от индивидуального участка и ставить вопрос о том, что эта форма созрела и тогда не будет разницы между колхозами и совхозами, тогда колхоз может иметь выше доход, чем в совхозе, чего общество не допустит, как сделало в отношении промкооперации, но от этого работники совершенно не пострадают. Надо сформулировать условия, при которых колхозная форма созреет для превращения в общенародную.

Надо в введение дать социальные вопросы, а потом уже производственные задачи сельского хозяйства и попытаться сформулировать вопрос о том, при каких условиях колхозы созреют до общенародной собственности.

Надо записать, как решается вопрос о материальной заинтересованности. С этим вопросом связан вопрос о стабильности всей нашей политики в отношении колхозов. Если нет стабильности, то нет уверенности в ведении сельского хозяйства, а в сельскохозяйственном производстве это очень важно, поскольку дело приходится иметь с многолетними данными. Было бы очень правильно, если бы проблема стабильности в отношении колхозов была бы здесь зафиксирована. В 1955 г. очень правильные и глубокого значения меры были приняты в отношении нового порядка планирования, предоставления инициативы колхозам. У меня впечатление такое, что это не выполняется. Поэтому четкая политика и стабильность очень важное и нужное условие для подъема сельскохозяйственного производства в быстрый срок.

ГАПОНЕНКО. Мы говорим о преобразовании совхозов в колхозы. В 1959 г. у нас в совхозах было сосредоточено около 35% всей пашни в обработке, более 1/3 сельскохозяйственных угодий, в 1959 г. в совхозах было 152 млн гектаров, поголовье скота в 1959 г. в совхозах составляло: свиней 1/3 и овец 1/4, крупного рогатого скота 1/6 всего поголовья страны, в том числе населения. За 1960 г. количество совхозов увеличилось, кроме того, принято постановление о создании в целинных районах дополнительно 340 новых совхозов в Казахстане и в России. В связи с выступлением Никиты Сергеевича в Ростове сейчас намечается создать большое количество молочных совхозов вокруг крупных городов и промышленных центров. В 1960 г. товарная продукция совхозов занимала от 45 до 50% в закупках. Это говорит о том, какой вес занимают совхозы в экономике страны.

В связи с этим бросается в глаза текст раздела «В области сельского хозяйства и развития колхозного строя». Совхозов не видим, только один пункт. Я считаю, что это неправильно. Надо излагать так текст, что это относится к колхозам и совхозам.

По данным ЦСУ, 50% реальных доходов крестьяне-колхозники получают за счет личного подсобного хозяйства. Уровень доходов колхозников от общественного хозяйства на одного работника около 200—250 руб. с учетом натурy, оцененной по розничным ценам, а средняя заработная плата рабочего совхоза 650 руб.

ПОНОМАРЕВ. Есть данные, что получается с этими совхозами, хотя бы за два-три года, которые созданы на базе колхозов, с точки зрения экономической рентабельности производства, подъема жизненного уровня и т. д.? Вы сказали, что 8 млрд дотации дали. Какие результаты по целому ряду направлений: больше производят, чем соответствующая часть колхозов ранее производила, уровень доходов хозяйства, уровень расходов, сколько они должны были заплатить тем, кто производил. Это

же все должно служить показателем того, какие результаты от этой реорганизации.

ГАПОНЕНКО. В начале 1959 г. ЦСУ обследовало совхозы, созданные в период 1954—1958 гг. на базе экономически слабо-развитых колхозов. По этим данным получается, что за эти годы совхозы дали значительный прирост и валовой и товарной продукции. Но сравнивали с колхозами до преобразования. За этот период, если бы колхозы пользовались всеми благами, они тоже дали бы прирост. Других данных нет, но рост есть и товарной, и валовой продукции.

ПОНОМАРЕВ. И во что обходится государству?

ГАПОНЕНКО. Продукция, производимая в совхозах, значительно дешевле, чем в колхозах. Такие данные представлялись в ЦК. Считали таким путем: сколько государство выплачивает за закупленную продукцию в совхозах плюс единовременные капиталовложения без других затрат. На единицу продукции в совхозах получается затрат меньше, чем в колхозах. В совхозах значительно выше затраты на производство продукции животноводства, чем в колхозах.

ПОНОМАРЕВ. Как вы думаете насчет того, что следует на совхозы больше ударение сделать, поскольку совхозы занимают большое место в деревне, или и дальше идти таким путем?

ГАПОНЕНКО. Надо развивать обе формы.

ПОНОМАРЕВ. Мы обсуждаем два года проблемы этого порядка. Действительно, это самый сложный вопрос из оставшихся принципиальных вопросов, решение которых связано с переходом к коммунизму. В городе у нас проблемы в этом смысле решены, тут зависит от развития производительных сил и, главным образом, от развития сознания человека, формирования человека коммунистического общества, но здесь огромная доля вопросов связана с социальными проблемами.

Прежде всего нам надо сильнее сказать, что весь процесс дальнейшего развития, в деревне надо решать на основе союза рабочего класса и крестьянства. Это имеет большое принципиальное и практическое значение, потому что, во-первых, это ленинский кооперативный план, основа союза рабочего класса и крестьянства. Если взять те ошибки, которые были допущены до 1953 г., то они связаны с тем, что нарушили основной принцип — союз рабочего класса и крестьянства, причем не получил от этого пользы и рабочий класс, так как снизилось производство в силу снижения стимула материальной заинтересованности, и государство получило от этого только минусы.

Правильно, нам нужно упор сделать на подъем сельскохозяйственного производства, на решение социальных отношений в деревне. С этой точки зрения замечания Венжера и Кронрода не имеют, по-моему, оснований для реализации, так как они сосре-

доточены на совершенствовании социально-производственных отношений, социально-классовых отношений, на превращении форм собственности во всенародную форму собственности. Возьмем реальную жизнь. Программа должна сказать народу и рабочему классу, и крестьянству, что мы имеем в виду сделать в смысле подъема благосостояния и развития сельскохозяйственного производства. Как же мы можем обойти этот вопрос, когда январский Пленум ЦК еще раз показал, сколь важно это и с точки зрения удовлетворения потребностей города и деревни, и подготовки нашего советского общества, и улучшения положения колхозного крестьянства.

Конечно, очень важно сказать и о всех вопросах подъема сельскохозяйственного производства, и я бы сказал так, что, если мы обеспечим подъем сельскохозяйственного производства, большее развитие производительных сил сельского хозяйства и изобилие продуктов, то в огромной мере у нас будут легче решаться эти социально-классовые вопросы, потому что перевести высокоразвитое хозяйство гораздо легче в высшую форму всенародной собственности и легче обрисовать пути перехода к коммунизму и даже к высшей форме коммунизма. Поэтому это не просто техническая задача — поднять уровень производительных сил сельского хозяйства. Это неразрывно связано с социально-классовыми отношениями в деревне и с будущим развитием в новую, более высокую форму всенародной собственности, и это для решения проблем коммунистического строительства в огромной мере будет влиять.

РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 2—31.
Пленум ЦК КПСС (16 декабря 1957 г.).

Председательствующий тов. ХРУЩЕВ: Слово имеет тов. Гришин.

ГРИШИН. Товарищи! В своем выступлении я хочу кратко напомнить основные положения доклада, розданного заранее всем участникам Пленума ЦК. В докладе говорилось о роли профсоюзов в социалистическом строительстве. Вся их деятельность на протяжении сорока лет советской власти является наглядным подтверждением великой жизненной силы учения Владимира Ильича Ленина о значении профсоюзов в развитии нашего государства, как строителей новой жизни, как организации воспитательной для миллионов трудящихся, школы управления и хозяйничания, школы коммунизма. Профсоюзы всегда были надежной опорой коммунистической партии, активным проводником ее политики в массах.

Огромное значение в деятельности профсоюзов, как и во всей жизни нашей страны, имеет XX съезд партии, указавший на не-

обходимость поднять их роль в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. Выполняя решения съезда, профсоюзы несколько улучшили свою работу..

Вместе с тем недостатки в работе профсоюзов устранены далеко не полностью. Роль профсоюзов в хозяйственном и культурном строительстве продолжает еще оставаться недостаточно активной. Мы не добились того, чтобы все профсоюзные организации должным образом влияли на улучшение деятельности предприятий и строек, вскрывали резервы и вели борьбу с расточительством и излишествами на производстве. Они еще слабо руководят социалистическим соревнованием, нередко проходят мимо нарушений правил и норм охраны труда, трудового законодательства, невыполнения коллективных договоров.

Воспитательная и культурно-массовая работа профсоюзов не охватывает всех рабочих и служащих, недостаточно направляется на решение хозяйственных задач, носит нередко ограниченный просветительский характер.

В докладе указывается что, причины недостатков в работе профсоюзов появились не сегодня, а накапливались в течение многих лет. Они объясняются в первую очередь неудовлетворительной работой самих профсоюзов и их руководящих органов, в том числе и Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов, слабостью руководства профсоюзных организаций предприятий и строек. Этому способствовала чрезмерная централизация в решении вопросов профсоюзной работы, излишняя регламентация сверху деятельности профсоюзных организаций, имевшая место в профсоюзах. Руководство профсоюзными организациями строилось, главным образом, из центра. Такой порядок обуславливался наличием ведомственной структуры хозяйственного управления, ибо решения почти всех вопросов производства, труда, бытового и культурного обслуживания рабочих и служащих было связано с министерствами и ведомствами. Поскольку все вопросы профсоюзной работы решались в центре, в ВЦСПС и Центральные Комитеты профсоюзов шел снизу огромный поток всевозможных бумаг от местных профсоюзных органов, заявлений и жалоб трудящихся. На их рассмотрение и решение затрачивалось много усилий центральных профсоюзных органов и это отрицательно сказывалось на профсоюзной работе.

Недостатки в работе профсоюзов в значительной мере объясняются также и тем, что в течение ряда лет, вплоть до XX съезда, со стороны многих хозяйственных органов проявлялось неправильное отношение к профсоюзам. Они недооценивали роль профсоюзов в хозяйственном и культурном строительстве, не учитывали их предложений, нередко игнорировали их законные требования. Хозяйственные органы сплошь и рядом решали воп-

росы связанные с организацией производства, заработной платы, улучшения труда и быта рабочих и служащих без участия профсоюзов, без учета их мнения.

Следует сказать, что недооценка профсоюзов, непонимание их роли не изжиты до сих пор. Еще и сейчас имеется немало работников хозяйственных органов, которые склонны отводить профсоюзам второстепенную роль в жизни нашей страны, полагая, что их дело заниматься вопросами социального страхования и культурно-массовой работой...

Для того чтобы обеспечить дальнейшее улучшение работы профсоюзов, требуется, чтобы, прежде всего, сами профсоюзы и их руководящие органы работали более активно, проявляли больше инициативы и боевитости. Вместе с тем надо помочь профсоюзам, изменить отношение к ним со стороны некоторых хозяйственных органов, расширить права профсоюзов, повысить их влияние на администрацию. Следует также улучшить руководство профсоюзами и со стороны партийных организаций.

В настоящее время, когда коммунистическая партия последовательно осуществляет разработанную XX съездом КПСС программу коммунистического строительства, роль профессиональных союзов должна еще более возрасти. Они могут и должны взять на себя значительно большие функции и обязанности, активно помогать нашей партии в борьбе за могущество советского государства, неуклонный подъем экономики, культуры и благосостояния народа, за быстрое решение основной экономической задачи СССР..

Профсоюзы широко развивают социалистическое соревнование, в нашей стране ставшее подлинно народным делом. Но в организации соревнований есть и много существенных недостатков. Главные из них состоят в том, что рабочим не всегда создаются условия для высокопроизводительного труда, в руководстве соревнованием нередко допускаются элементы формализма. Многие хозяйственные руководители стоят в стороне от руководства социалистическим соревнованием.

Первейшая обязанность профсоюзов состоит в том, чтобы улучшить руководство соревнованием, выше поднимать творческую активность трудящихся. Надо также повысить ответственность руководителей предприятий за состояние социалистического соревнования.

Профсоюзные и хозяйственные органы должны проявлять постоянную заботу о создании всем рабочим необходимых условий для выполнения социалистических обязательств, принимать меры по ликвидации простоя, неполадок на производстве, усилить работу по внедрению передового опыта, больше оказывать помощи отстающим, подтягивать их до уровня передовых. Следует также привести организацию всесоюзного социалистическо-

го соревнования в соответствии с новой структурой управления промышленностью и строительством.

Одной из важнейших задач профсоюзов является широкое привлечение трудящихся к управлению производством. В этих целях они должны лучше использовать соревнование, движение рационализаторов и изобретателей, технические конференции, совещания передовиков производства. Но основной формой привлечения рабочих и служащих к участию в хозяйственном управлении должны быть, на наш взгляд, производственные совещания на предприятиях и стройках. Сейчас в их работе имеются существенные недостатки. Производственные совещания созываются редко и в большинстве случаев только в бригадах и на участках, они мало оказывают влияния на деятельность предприятий в целом.

В целях повышения роли производственных совещаний предлагается образовать как постоянно действующий орган участия масс в управлении производством — общезаводские, общефабричные производственные совещания, значительно расширить их функции и права. На крупных предприятиях предлагается созывать производственные совещания или конференции в составе избранных представителей коллективов, цехов и отделов.

Надо больше привлекать трудящихся к деятельности советов народного хозяйства, регулярно созывать производственные конференции в экономических административных районах, а также по отраслям хозяйства, по которым сохранены минимальные министерства и ведомства...

Профессиональные союзы должны проявлять постоянную заботу об улучшении условий труда и быта рабочих и служащих, отстаивать их экономические и правовые интересы, когда они нарушаются администрацией.

В нашей стране систематически улучшаются условия труда. На эти цели ежегодно расходуются огромные средства. Однако на многих предприятиях в охране труда имеются серьезные недостатки, о чем подробно говорится в докладе. Многие хозяйственные руководители не проявляют должной заботы об улучшении условий труда рабочих. Надо сказать, что и профсоюзы, наделенные известными правами в области охраны труда, все еще плохо занимаются этими вопросами, не проявляют должной требовательности к администрации предприятий. Необходимо повысить ответственность хозяйственных руководителей за состояние охраны труда, усилить внимание профсоюзных организаций к делу создания безопасности и здоровых условий труда рабочих.

Характерной особенностью профсоюзов в социалистическом государстве является то, что они, будучи организациями обще-

ственными, выполняют ряд государственных функций. Они управляют социальным страхованием, осуществляют государственный контроль в области охраны труда и соблюдения трудового законодательства и т. д.

Мы полагаем, что эти функции профсоюзов должны и дальше расширяться и развиваться. В связи с этим вносится предложение о сосредоточении в руках профсоюзов управления санаториями и домами отдыха и дела пенсионного обеспечения рабочих и служащих.

Следует также повысить роль профсоюзов в решении поставленной партией задачи по ликвидации в ближайшие 10—12 лет недостатка жилищ для трудящихся. Профсоюзные организации должны усилить общественный контроль за ходом жилищного строительства, мобилизовывать строителей на выполнение планов, активно поддерживать и развивать движения рабочих и служащих по строительству жилья своими силами, помогать индивидуальным застройщикам. Надо повысить роль профсоюзов в деле распределения жилой площади.

Профсоюзы под руководством партийных организаций ведут разностороннюю работу по воспитанию и культурному обслуживанию трудящихся. Однако в целом уровень воспитательной работы не удовлетворяет возросших запросов трудящихся. Перед профсоюзами стоят важнейшие задачи в деле воспитания рабочих и служащих, повышения их культурно-технического уровня, развертывания производственной пропаганды, организации отдыха трудящихся. Большое внимание профсоюзы должны уделять воспитательной работе среди рабочих МТС и совхозов, число которых непрерывно растет...

Нет сомнения в том, что обсуждение вопроса об улучшении работы профессиональных союзов на Пленуме ЦК и меры, которые вырабатывает Пленум, будут способствовать дальнейшему улучшению деятельности профсоюзов, повышению их роли в коммунистическом строительстве.

Советские профсоюзы под руководством коммунистической партии, в свою очередь, сделают все необходимое для того, чтобы быстрее устранить недостатки в своей работе, они будут всемерно умножать свои усилия в борьбе за построение коммунизма в нашей стране.

ХРУЩЕВ. Приступаем к обсуждению.

СПИРИДОНОВ. Товарищи! Повседневное внимание и большая помощь партии способствовали улучшению разносторонней деятельности профсоюзов, особенно после XX съезда партии, поставившего задачу решительно поднять роль профсоюзов в хозяйственном и культурном строительстве, удовлетворении повседневных нужд и запросов трудящихся в деле их коммунистического воспитания...

Теперь задача, мне кажется, заключается в том, чтобы профсоюзные советы и обкомы полнее использовали уже предоставленные им права для улучшения работы. Для этого очень важно разгрузить их от дел второстепенных и особенно от множества канцелярских и бумажных дел.

С этой точки зрения нельзя согласиться с предложением тов. Гришина о передаче профсоюзам всех пенсионных дел только по тем соображениям, что необходимо, дескать, проявлять заботу о членах союза и после ухода их на пенсию. Органы социального обеспечения вполне удовлетворительно справляются с возложенными на них обязанностями по пенсионному обеспечению и передавать это дело профсоюзам — это значит возложить дополнительную нагрузку на работников первичных организаций, областных комитетов союза. При этом следует учесть, что 60—65 процентов пенсионеров в настоящее время, по крайней мере, это инвалиды войны. Передача пенсионного дела профсоюзам означала бы дополнительное выполнение несвойственной им функции.

К О Н С Т И Т У Ц И Я

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ОСНОВНОЙ ЗАКОН

1964 год

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ

Раздел первый

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕН- НЫЙ СТРОЙ

Глава I

Советское общенародное социа-
листическое государство

Глава II

Государственный Союз равно-
правных и суверенных наций

Глава III

Формы собственности

Глава IV

Свободный труд

Глава V

Основы социалистического хо-
зяйствования

Глава VI

Коммунистическая партия Совет-
ского Союза и общественные
организации

Раздел второй

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАР- СТВО

Глава VII

Свобода личности и равенство
граждан в СССР

Глава VIII

Основные права граждан

Глава IX

Основные обязанности граждан

Глава X

Формирование правил коммуни-
стического общежития

Раздел третий

НАРОДОВЛАСТИЕ В СССР

Глава XI

Народные Советы — представи-
тельные органы

1. Система Народных Советов

2. Выборы в Народные Советы

3. Народный депутат

Глава XII	4. Основные принципы организации и деятельности Народных Советов Прямое, непосредственное народное правление 1. Народные собрания 2. Всенародное обсуждение 3. Референдум
Раздел четвертый	ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СССР
Глава XIII	Верховный Народный Совет СССР 1. Полномочия Верховного Народного Совета СССР 2. Созыв сессий Верховного Народного Совета СССР 3. Порядок принятия законов СССР 4. Порядок рассмотрения Государственного плана развития народного хозяйства и Государственного бюджета 5. Комиссии Верховного Народного Совета СССР и комиссии его палат
Глава XIV	Президиум Верховного Народного Совета СССР
Глава XV	Правительственный Совет СССР
Раздел пятый	СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА
Глава XVI	Союзная республика — суверенное государство
Глава XVII	Основы построения органов государственной власти союзной республики
Глава XVIII	Основы построения органов государственной власти автономной республики
Глава XIX	Основы построения местных Народных Советов

Раздел шестой

Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Глава XXIII

ОХРАНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Социалистическая законность
Социалистическое правосудие
Прокурорский надзор
Народный контроль

Раздел седьмой

Глава XXIV
Глава XXV

ОТНОШЕНИЯ СССР С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Основные начала внешней поли-
тики СССР
СССР в содружестве социалисти-
ческих стран

Раздел восьмой

Глава XXVI
Глава XXVII

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Герб, флаг, гимн, столица СССР
Порядок изменения Конституции
СССР

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ

Советский народ в настоящей Конституции Союза Советских Социалистических республик выражает свою волю, устанавливает формы общественной и государственной жизни, определяет свои цели и идеалы.

В октябре 1917 года рабочий класс и трудовое крестьянство России, руководимые партией коммунистов во главе с Владимиром Ильичем Лениным, совершили социалистическую революцию, свергли господство буржуазии и помещиков, установили диктатуру пролетариата, Советскую власть. Было создано первое в мире государство трудящихся.

Великая Октябрьская социалистическая революция разбила цепи социального и национального угнетения, открыла новую эру в истории человечества — эру социализма и коммунизма.

После победы Великого Октября страна Советов прошла большой и нелегкий путь. Отбиваясь от империалистических захватчиков, преодолевая трудности и невзгоды, трудящиеся нашей Родины возводили величественное здание социализма. Героическими усилиями революционного народа некогда отсталая в экономическом и культурном отношении страна превращена в могучую индустриальную державу. На социалистической основе преобразовано сельское хозяйство, высокого уровня достигло развитие науки, техники, культуры.

Главный итог революционной борьбы и созидательного труда Советского Народа — полная и окончательная победа социализма.

Социализм принес трудящемуся человеку великие блага:

— человек освобожден от капиталистической эксплуатации. В СССР навсегда покончено с расколом общества на враждебные классы;

— утверждено равенство членов общества: «от каждого по способностям, каждому по труду»;

— материальные и духовные богатства общества принадлежат народу и используются в интересах народа, служат развитию способностей и талантов трудящихся;

— достигнуто фактическое равенство наций. Рабочие, крестьяне, интеллигенция всех наций составляют единый Советский Народ;

— в СССР воспитаны, живут и трудятся новые, свободные люди — труженики, патриоты, борцы за идеалы коммунизма.

Всеми своими победами страна Советов обязана руководству Коммунистической партии Советского Союза. Партия коммунистов, объединяющая в своих рядах наиболее активных рабочих, крестьян, интеллигентов, сильна тем, что она всегда и во всем верна учению В. И. Ленина, беззаветно служит народу. В результате победы социализма в СССР, укрепления единства советского общества Коммунистическая партия рабочего класса превратилась в авангард всего советского народа, стала партией всего народа. Единство ленинской партии и советского народа нерушимо: партия — вместе с народом, народ — вместе с партией!

Ныне советский народ принимает свою новую Конституцию — высшее выражение суверенитета и свободной воли народа.

Первые советские конституции — Конституция РСФСР 1918 года и Конституция СССР 1924 года соответствовали периоду революционных преобразований и социалистического строительства. Конституция 1936 года соответствовала периоду упрочения социализма и завершения в основном строительства социалистического общества. Все предшествующие конституции были конституциями государства диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство диктатуры пролетариата превратилось на новом этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа.

Новая Конституция Союза Советских Социалистических Республик является Основным Законом общенародного социалистического государства, строящего коммунизм.

Принимая настоящую Конституцию, Советский Народ торжественно провозглашает:

ВСЯ ВЛАСТЬ И ВСЕ БОГАТСТВА В СССР ПРИНАДЛЕЖАТ НАРОДУ.

НАРОД — ЕДИНСТВЕННЫЙ ИСТОЧНИК ВЛАСТИ В СССР, ВЕРХОВНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ И ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ.

ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА — ПОСТРОЕНИЕ КОММУНИЗМА.

ВЫСШАЯ СВОБОДА НАРОДА — СВОБОДА ОТ ЭКСПЛУАТАЦИИ.

ВЫСШИЕ ПРАВА ГРАЖДАН — ПРАВО НА ТРУД, ПРАВО НА УПРАВЛЕНИЕ ВСЕМИ ДЕЛАМИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА.

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНИНА — ЗАЩИТА СССР, ЗАВОЕВАНИЙ СОЦИАЛИЗМА.

СВЯЩЕННЫЙ ЗАКОН СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА — ИНТЕРЕСЫ НАРОДА, СВОБОДА, ВСЕСТОРОННЕЕ РАЗВИТИЕ И БЛАГОСОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ.

ВСЕ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА, ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕКА.

Первое в мире социалистическое государство — дело рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции нашей страны, детище международного рабочего класса. Советский Народ глубоко сознает свою братскую солидарность с трудящимися всех стран и рассматривает решение своих собственных задач как составную часть социального прогресса, как интернациональный долг перед трудящимися всего мира.

Перед лицом всего человечества советский народ заявляет:

— СССР и впредь будет последовательно поддерживать революционную борьбу угнетенных народов за свободу и независимость, неустанно крепить великое содружество социалистических стран, решительно бороться за мир и мирное сосуществование государств с различным общественным строем, развивать дружбу и сотрудничество со всеми народами Земли.

Коммунизм воплотит в жизнь мечту людей труда о социальной справедливости. Он утвердит Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов!

Раздел первый

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Глава I

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Статья 1. Союз Советских Социалистических Республик есть общенародное социалистическое государство, выражающее интересы и волю всего советского народа.

Статья 2. В СССР вся государственная власть, все средства производства, все общественные богатства принадлежат народу.

Статья 3. Советское социалистическое общество — высокоорганизованное общество свободных и равноправных тружеников — рабочих, крестьян и интеллигенции, сплоченных общностью коренных жизненных интересов.

Ведущая роль в советском обществе принадлежит рабочему классу.

Статья 4. Политическую организацию советского общества составляют: Советское социалистическое общенародное государство, Коммунистическая партия Советского Союза, общественные организации трудящихся.

Коммунистическая партия Советского Союза — партия всего народа — является руководящей и направляющей силой советского общества и государства.

Статья 5. Народ управляет всеми делами общества, общественным производством и распределением материальных благ, устанавливает формы общественной и государственной жизни, определяет направление внутренней и внешней политики СССР.

Статья 6. Народ осуществляет государственную власть через представительные органы — Народные советы, а также непосредственно — путем прямого народного правления.

В осуществлении Народом государственной власти как через представительные органы, так и непосредственно участвуют общественные организации.

Статья 7. Народные Советы — всеохватывающая организация Народа, воплощение его единства. Народные Советы сочетают в себе черты государственной и общественной организации.

Статья 8. Советское общенародное социалистическое государство, являясь основным орудием строительства коммунистического общества:

- организует ведение всего народного хозяйства страны по единому плану, направляет усилия трудящихся на создание материально-технической базы коммунизма;

- обеспечивает преобразование социалистических общественных отношений в коммунистические;

- организует воспитание граждан в духе сознательной дисциплины и коммунистического отношения к труду;

- осуществляет контроль за мерой труда и мерой потребления;

- обеспечивает подъем материального благосостояния Народа;

- охраняет права и свободы граждан, социалистический правопорядок и социалистическую собственность;

- укрепляет обороноспособность и безопасность страны;

- развивает братское сотрудничество Советского Союза с другими социалистическими странами;

- отстаивает дело всеобщего мира, устанавливает и укрепляет мирные и деловые отношения со всеми странами.

Статья 9. Главное направление в развитии социалистической государственности — всестороннее развертывание и совершенствование социалистической демократии, привлечение всех граждан к управлению делами общества и государства, улучшение работы государственного аппарата и усиление народного контроля над его деятельностью.

В процессе развития демократии социалистическая государственность постепенно перерастает в коммунистическое общественное самоуправление.

Глава II

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЮЗ РАВНОПРАВНЫХ И СУВЕРЕННЫХ НАЦИЙ

Статья 10. Союз Советских Социалистических Республик есть единое, многонациональное, союзное социалистическое государство, выражающее интересы и волю всех свободных, равноправных и суверенных наций СССР.

Статья 11. Союз Советских Социалистических Республик образован и развивается как суверенное государство в результате

самоопределения наций и добровольного объединения союзных советских социалистических республик в целях тесного сотрудничества и взаимопомощи в государственном, хозяйственном, культурном строительстве и в обороне единого Отечества.

Статья 12. Равноправие Социалистических наций в СССР гарантируется:

- равным обеспечением развития хозяйства и культуры всех наций и народностей;

- свободным выбором каждой нацией и народностью форм государственной организации;

- обеспечением для всех национально-государственных образований — союзных и автономных республик, автономных областей и округов — представительства в органах государственной власти СССР.

Статья 13. В СССР установлено фактическое равенство наций в государственной, экономической и культурной жизни, обеспечена на основе социалистического интернационализма дружба народов, дальнейшее свободное и всестороннее развитие нации, совместное движение к единой цели — коммунизму.

В СССР создаются реальные условия для сближения и слияния социалистических наций в будущем.

Статья 14. Союз ССР состоит из союзных республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,

Украинской Советской Социалистической Республики,

Белорусской Советской Социалистической Республики,

Узбекской Советской Социалистической Республики,

Казахской Советской Социалистической Республики,

Грузинской Советской Социалистической Республики,

Азербайджанской Советской Социалистической Республики,

Литовской Советской Социалистической Республики,

Молдавской Советской Социалистической Республики,

Латвийской Советской Социалистической Республики,

Киргизской Советской Социалистической Республики,

Таджикской Советской Социалистической Республики,

Армянской Советской Социалистической Республики,

Туркменской Советской Социалистической Республики,

Эстонской Советской Социалистической Республики.

Статья 15. Территорию СССР составляет совокупность территорий союзных республик.

Статья 16. В СССР установлено единое гражданство. Каждый гражданин союзной республики является гражданином СССР,

каждый гражданин СССР, проживающий на территории союзной республики, является ее гражданином.

Статья 17. В соответствии с целями и задачами объединения советских республик в союзное государство к ведению Союза Советских Социалистических Республик относятся:

1) принятие в состав СССР новых союзных республик, утверждение изменения границ союзных республик, разрешение вопросов, возникающих между ними;

2) установление принципов общественного и государственного строя СССР и союзных республик, осуществление контроля за соблюдением Конституции СССР и обеспечение соответствия конституций союзных республик Конституции СССР;

3) гарантирование и охрана суверенных прав союзных республик;

4) плановое руководство развитием народного хозяйства, разработка и проведение экономической и технической политики в народном хозяйстве на основе сочетания интересов Союза ССР в целом и каждой союзной республики; организация единой системы народнохозяйственного учета;

5) обеспечение единства финансовой системы и бюджетной политики СССР, сочетающих интересы Союза ССР в целом и каждой союзной республики; управление банками; организация государственного страхования;

6) общее руководство промышленностью, строительством, сельским хозяйством и торговлей, управление промышленными, строительными и сельскохозяйственными предприятиями и учреждениями, транспортом и связью союзного значения;

7) осуществление внешней торговли, экономических и научно-технических связей с иностранными государствами, а также заключение с ними соглашений о займах;

8) определение единой государственной политики оплаты труда, тарифов заработной платы рабочих и служащих и единой политики цен;

9) развитие науки, культуры, искусства, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и установление основных начал в этих областях деятельности;

10) обеспечение единства социалистической законности, установление основ законодательства о труде, о браке и семье, о землепользовании, о пользовании недрами, лесами и водами, основ законодательства о судостроительстве и судопроизводстве, основ гражданского, уголовного и административного законодательства, а также основ законодательства по другим вопросам государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, отнесенным к ведению Союза ССР или совместному ведению Союза ССР и союзных республик; издание законов о

союзном гражданстве, о правах иностранцев и общесоюзных актов об амнистии; контроль за соблюдением общесоюзного законодательства и соответствием законов союзных республик законам СССР;

11) определение единых принципов прокурорского надзора и народного контроля;

12) выражение и защита интересов союзного государства в целом и интересов каждой союзной республики в сношениях с иностранными государствами, представительство в этих сношениях, заключение, ратификация и денонсация международных договоров, установление общего порядка сношений союзных республик с иностранными государствами;

13) охрана независимости союзного государства в целом и каждой союзной республики, неприкосновенности территории СССР, государственной безопасности, организация обороны, руководство всеми вооруженными силами, установление основ организации войсковых формирований союзных республик, решение вопросов войны и мира, установление и изменение границ СССР.

Глава III

ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ

Статья 18. Средства производства в СССР составляют общественную, социалистическую собственность.

Социалистическая собственность является экономической основой советского общества, общенародного государства, всей системы общественных отношений.

Социалистическая собственность — основа планомерного развития народного хозяйства, источник общности экономических, политических и духовных интересов членов общества, прочная опора отношений коллективизма.

Статья 19. Социалистическая собственность — источник могущества Родины и благосостояния Народа — священна и неприкосновенна.

Статья 20. Социалистическую собственность составляют:

— общенародная (государственная) собственность, кооперативно-колхозная собственность (собственность колхозов, иных кооперативных организаций и их объединений), совместная собственность государства и колхозов, а также собственность общественных организаций.

Статья 21. Общенародную (государственную) собственность составляют:

— земля, ее недра, воды, леса и другие природные богатства; заводы, фабрики, шахты, рудники, электростанции, строительные предприятия; железнодорожный, водный, воздушный, трубопроводный и основной автомобильный транспорт; средства связи; банки; организованные государством сельскохозяйственные, торговые, коммунальные и иные предприятия, производимая на государственных предприятиях продукция; основные учреждения и предприятия культуры, а также основной жилищный фонд.

В собственности государства может находиться и любое иное имущество.

Статья 22. Государство организует рациональное использование всех природных богатств, охраняет их и улучшает природные условия страны.

Статья 23. Кооперативно-колхозная собственность есть собственность отдельных коллективов трудящихся и их объединений. Собственностью колхозов и других кооперативных организаций, а также их объединений являются:

— предприятия, принадлежащие им, вся производимая продукция; тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины; средства автомобильного, водного и гужевого транспорта; рабочий и продуктивный скот; здания, сооружения и жилые дома; иное, соответствующее целям этих организаций, имущество.

Статья 24. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование и может быть передана государственным или общественным организациям лишь по решению Правительственного Совета союзной республики или Правительственного Совета СССР.

Статья 25. Собственностью общественных организаций являются:

— предприятия, принадлежащие им, производимая ими продукция; здания, сооружения, санатории, дома отдыха, дворцы культуры, клубы, стадионы и пионерские лагеря с их оборудованием; культурно-просветительные фонды и иное имущество, соответствующее целям этих организаций.

Статья 26. В СССР обеспечивается неуклонный рост общенародной государственной собственности, как высшей и ведущей формы социалистической собственности.

Общество и государство создают условия для сближения колхозной собственности с собственностью общенародной (государ-

ственной), развития государственно-колхозной собственности, постепенного слияния всех форм социалистической собственности в единую общенародную коммунистическую собственность.

Статья 27. Граждане СССР могут иметь в личной собственности трудовые доходы и сбережения, жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода, личного потребления и удобства.

Личная собственность граждан предназначена исключительно для удовлетворения их материальных и духовных потребностей.

Статья 28. Колхозная семья (колхозный двор), кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, может иметь в личном пользовании приусадебный участок земли и в личной собственности — подсобное хозяйство на этом участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь в соответствии с уставом колхоза, а также имущество, приобретаемое на общие средства членов семьи.

Статья 29. В пределах, установленных законом, в СССР допускается мелкое хозяйство некоеперирированных крестьян, кустарей и ремесленников, основанное только на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда.

Глава IV

СВОБОДНЫЙ ТРУД

Статья 30. Труд в СССР умножает богатство общества и определяет благосостояние каждого в соответствии с принципом: «каждый — обществу, общество — каждому». Труд — неременное условие развития общества и расцвета личности.

Любой труд на благо общества — физический и умственный — уважаем и почетен. Общество и государство славят и возвеличивают труд, поощряют творческую инициативу, соревнование, новаторство, развитие талантов в производстве, науке, технике, литературе и искусстве.

Труд в СССР постепенно превращается в первую жизненную потребность человека.

Статья 31. В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого — по его способностям, каждому — по его тру-

ду», обеспечивается материальная заинтересованность работников и производственных (трудовых) коллективов в результатах их труда.

Статья 32. Никто не может эксплуатировать других людей, жить за счет нетрудовых доходов. Тунеядство и паразитизм осуждаются обществом и государством. Кто не работает, тот не ест.

Статья 33. Основой организации свободного труда в СССР являются социалистическая собственность и плановое руководство народным хозяйством, исключаящие экономические кризисы, анархию производства и безработицу.

Статья 34. Государство совместно с профессиональными союзами регулирует труд рабочих и служащих — организацию, нормирование и оплату труда, рабочее время, предоставление отпусков, другие условия труда.

Статья 35. Труд колхозников в общественном хозяйстве колхоза — основа благосостояния колхозного крестьянства.

Колхоз в соответствии со своим уставом регулирует: организацию, нормирование и оплату труда, рабочее время, предоставление отпусков и другие условия труда колхозников.

Статья 36. Достижение высшей производительности труда — главное условие построения коммунизма.

Социалистическое общество и государство обеспечивают ускорение научно-технического прогресса, заботится о внедрении передового опыта, повышении квалификации работников, об облегчении условий труда на основе совершенствования производства, о материальном и моральном поощрении трудящихся за достижение лучших производственных результатов, о развитии трудового соревнования и коммунистических форм труда.

Статья 37. Общество и государство увеличивают общественные фонды потребления, распределение которых производится в основном независимо от количества и качества труда — бесплатно или на льготных условиях.

По мере продвижения к коммунизму личные потребности граждан все более удовлетворяются за счет общественных фондов потребления.

Статья 38. Общество и государство на основе всемерного роста производства и развития сознательности граждан подготавливают условия осуществления принципа коммунизма: «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

ОСНОВЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Статья 39. Народное хозяйство СССР развивается по единому общегосударственному плану, объединяющему деятельность всех предприятий и организаций, коллективный труд народа.

Планирование народного хозяйства СССР основывается на объективных экономических законах развития общества и осуществляется при широком и активном участии трудящихся масс, производственных (трудовых) коллективов, общественных организаций и научных учреждений.

Народнохозяйственный план имеет своей целью всемерное развитие производства, умножение общественного богатства, максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей членов общества, укрепление обороноспособности страны.

Статья 40. Планирование народного хозяйства обеспечивает:

- эффективное использование природных богатств, материальных, трудовых, финансовых ресурсов, капитальных вложений, достижений науки и техники;
- установление экономически правильных пропорций между отраслями хозяйства, между накоплением и потреблением;
- высокие темпы роста национального дохода;
- правильное размещение производительных сил, комплексное развитие экономики районов, широкую специализацию производства, научную организацию труда.

Статья 41. Основным звеном народного хозяйства является государственное предприятие, деятельность которого подчинена интересам общества и государства и осуществляется в соответствии с государственным планом. Предприятие действует на началах хозяйственного расчета, материальной заинтересованности всего производственного коллектива и отдельных его членов в результатах труда.

Руководство оперативной производственно-хозяйственной деятельностью предприятия осуществляется на основе единоначалия в сочетании с коллегиальностью и самым широким участием рабочих и служащих.

Правовое положение предприятия определяется законом.

Статья 42. Организация и деятельность коллективного хозяйства (колхоза) определяются уставом, разрабатываемым и принимаемым членами данного коллективного хозяйства в соответствии с законом.

Коллективные хозяйства самостоятельно распоряжаются принадлежащим им имуществом и продуктами своего общественного хозяйства, осуществляют свою деятельность на началах хозяйственного расчета и материальной заинтересованности в результатах труда.

Управление общественным хозяйством осуществляется непосредственно самими колхозниками на основе внутриколхозной демократии.

Государство содействует росту производительных сил колхозного строя, экономическому подъему всех коллективных хозяйств.

Статья 43. Трудящиеся осуществляют управление социалистическим хозяйством через государственные органы, кооперативные и иные общественные организации, а также непосредственно через коллективы предприятий и коллективные хозяйства и в других формах.

Всемерное расширение непосредственного участия трудящихся в управлении народным хозяйством имеет своей целью развитие коммунистического общественного самоуправления в хозяйственной жизни страны.

Статья 44. Социалистическое хозяйствование опирается на единую систему статистики и отчетности, обеспечивающую полноту и точность учета процессов и результатов хозяйственной деятельности.

Глава VI

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья 45. Коммунистическая партия Советского Союза, основанная великим вождем и учителем трудящихся В. И. Лениным, получила всенародное признание как высшая форма общественно-политической организации, передовой отряд советского народа.

Коммунистическая партия Советского Союза, вооруженная марксистско-ленинской теорией, осуществляет руководство строительством коммунизма.

Статья 46. Коммунистическая партия Советского Союза, объединяя в своих рядах наиболее активных и сознательных граждан, составляет руководящее ядро государственных и общественных организаций трудящихся, направляет, в соответствии с

Конституцией СССР, их деятельность в борьбе за построение коммунистического общества.

Статья 47. Общественные организации в СССР создаются и действуют как добровольные объединения трудящихся в целях развития самодеятельности и активности граждан, воспитания коммунистического отношения к труду, высокой организованности и сознательности, всемерного вовлечения трудящихся в управление делами общества и государства.

Общественные организации — школа народного самоуправления.

Статья 48. Общественными организациями являются профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные, оборонные, культурные, научные и технические общества, творческие союзы, организации борьбы за мир и сотрудничество между народами и другие организации общественной самодеятельности.

Статья 49. Общественные организации участвуют в деятельности Народных Советов. Отдельные функции государственных органов могут передаваться законом общественным организациям.

Статья 50. Порядок деятельности общественных организаций определяется их уставами или положениями о них.

Закон охраняет права и интересы общественных организаций.

Раздел второй

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Глава VII

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ И РАВЕНСТВО ГРАЖДАН В СССР

Статья 51. Свобода личности и равенство граждан представляют великое завоевание победившего социализма.

Свобода и равенство обеспечиваются:

- отсутствием эксплуатации человека человеком, всех форм социального и национального угнетения;
- созданием материальных и духовных условий расцвета личности;
- широким участием граждан в обсуждении и решении всех вопросов общественной и государственной жизни;
- равным отношением всех к общенародной собственности на средства производства;
- равным правом каждого трудиться по способностям и получать по труду.

Забота о свободном, всестороннем развитии личности — первейшая обязанность государственных и общественных организаций.

Статья 52. Положение личности в социалистическом обществе и государстве определяется ее участием в общественно полезном труде, в политической, хозяйственной и культурной деятельности, а также нравственными достоинствами.

Взаимоотношения между людьми основываются на сотрудничестве, уважении друг друга, свобод и прав человека и гражданина.

Статья 53. Жизнь, здоровье, честь и достоинство человека и гражданина всемерно охраняются производственным (трудовым) коллективом, обществом и государством.

Статья 54. Производственный (трудовой) коллектив обеспечивает достижение наилучших производственных результатов, свободное развитие творческих сил и способностей его членов, моральное воспитание, подъем культуры труда и улучшения быта своих членов.

Статья 55. Гражданам СССР гарантируется свобода личности, то есть свобода волеизъявления в любой области деятельности. Не допускается использование свободы личности в ущерб интересам коллектива, общества, государства и других граждан.

Статья 56. Граждане имеют равные права и несут равные обязанности, предусмотренные Конституцией и другими Законами СССР.

Статья 57. Все граждане СССР равны перед законом, имеют равные возможности во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни.

Всем гражданам открыт свободный и равный доступ к общественным благам культуры, образованию, науке и искусству, возможность свободного творчества в различных областях материальной и духовной жизни в соответствии с личными стремлениями и интересами общества.

Запрещается прямое и косвенное ограничение прав и возможностей, равно как установление прямых или косвенных преимуществ для граждан в зависимости от пола, национальности, расы, вероисповедания, общественного положения и рода занятий.

Статья 58. Равноправие граждан СССР независимо от национальной и расовой принадлежности является непреложным законом.

Это обеспечивается:

- достижением фактического равенства наций в экономической и культурной жизни;
- развитием национальной государственности;
- возможностью пользования родным языком и национальной культурой;
- устранением причин, порождающих недоверие между нациями;
- укреплением сотрудничества и дружбы наций;
- воспитанием граждан в духе социалистического интернационализма.

Статья 59. Женщины в СССР равноправны с мужчинами.

Это обеспечивается:

- равным с мужчинами правом женщин на труд и равной оплатой за равный труд;
- равенством возможностей участия во всех областях жизни общества;
- предоставлением женщинам льготных условий для их трудовой деятельности;
- государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщинам оплачиваемых отпусков по беременности и родам;

- расширением сети родильных домов, детских яслей, садов и школ-интернатов;
- развитием учреждений бытового обслуживания, облегчающих труд женщины в домашнем хозяйстве.

Статья 60. Семья, материнство и детство находятся под защитой и покровительством общества и государства.

Супруги равноправны и несут равные обязанности по отношению друг к другу. Каждый из родителей несет равные с другим родителем обязанности по отношению к детям. Родители обязаны заботиться об укреплении семьи, содержать и воспитывать детей и готовить их к общественно полезному труду.

Дети равноправны и несут равные обязанности по отношению к родителям в соответствии с законом.

Общество и государство принимают на себя заботу о содержании, воспитании и подготовке к общественно полезному труду несовершеннолетних детей, которые потеряли родителей, а также в случае, если родители лишаются родительских прав.

Статья 61. Общество и государство проявляют заботу о молодежи. Молодежи предоставляются широкие возможности для всестороннего развития физических и умственных способностей.

Это обеспечивается:

- сокращенным рабочим днем для не достигших совершеннолетия;
- гарантированием заработной платы за сокращенный рабочий день как за полный рабочий день;
- созданием условий труда, необходимых для всестороннего развития;
- предоставлением несовершеннолетним рабочим и служащим увеличенного ежегодного оплачиваемого отпуска;
- доступностью общего, специального, политического и художественного образования;
- созданием молодежных клубов, лагерей отдыха, туристических баз и спортивных секций.

Статья 62. Общество и государство заботятся об инвалидах войны, а также о лицах, которые стали инвалидами вследствие других причин.

Статья 63. Гражданство СССР приобретается по рождению или путем принятия в советское гражданство иностранца или лица без гражданства.

Порядок приобретения и изменения гражданства СССР определяется законом СССР.

Статья 64. Иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие в СССР, пользуются правами наравне с советскими гражданами и несут равные с ними обязанности.

Изыятия из этого правила устанавливаются законом.

Статья 65. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, за деятельность в защиту мира, участие в национально-освободительной борьбе, иную прогрессивную общественно-политическую, научную и культурную деятельность.

Глава VIII

ОСНОВНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

Статья 66. Основные права граждан определяются социалистическим характером общественного и государственного строя СССР, используются в целях всестороннего развития личности и в соответствии с интересами общества.

Статья 67. Граждане СССР имеют право на труд, то есть право на получение оплачиваемой работы. Оплата труда производится в зависимости от его количества и качества.

Запрещается отказ в приеме на работу и увольнение с работы без законных оснований.

Гражданам, не имеющим возможности трудиться рабочий день установленной продолжительности (матерям, имеющим малолетних детей, инвалидам), в предусмотренном законом порядке предоставляется право работать неполный рабочий день с оплатой соответственно проработанному времени.

Право на труд обеспечивается:

- социалистической организацией народного хозяйства;
- развитием образования и культуры;
- широким участием профессиональных Союзов и производственных (трудовых) коллективов в определении условий труда.

Статья 68. Граждане СССР имеют право на охрану труда, то есть на безопасные и здоровые санитарно-гигиенические условия труда.

Право на охрану труда обеспечивается:

- растущим уровнем техники безопасности и производственной санитарии на предприятиях, в учреждениях и коллективных хозяйствах;
- установлением контроля со стороны государства и производственных (трудовых) коллективов за соблюдением требований по охране труда.

Статья 69. Граждане СССР имеют право личной собственности. Личная собственность гражданина не может быть использована в целях извлечения нетрудового дохода.

Гражданам СССР гарантируется право наследования.

Статья 70. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается:

- установлением для рабочих и служащих сокращенного рабочего дня в зависимости от условий труда;
- установлением дней еженедельного отдыха и праздничных дней;
- предоставлением рабочим и служащим ежегодных оплачиваемых отпусков;
- наличием доступных для трудящихся клубов, дворцов культуры, парков культуры и отдыха, домов отдыха и пансионатов, кино, театров, радиовещания и телевидения, библиотек, музеев, профессиональных учебных заведений и научных учреждений.

Статья 71. Граждане СССР имеют право на охрану их здоровья.

Право на охрану здоровья обеспечивается:

- бесплатным медицинским обслуживанием всех граждан за счет общества и государства;
- наличием широкой сети амбулаторий, больниц, санаториев и других лечебных и лечебно-профилактических учреждений, санитарно-профилактической работой по предупреждению заболеваний;
- развитием массового спорта, физической культуры и туризма.

Общество и государство, принимая на себя заботу об охране и постоянном улучшении здоровья всего населения, добиваются создания условий для увеличения продолжительности жизни.

Статья 72. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение, то есть на получение пенсий и пособий в старости, в случаях болезни, потери трудоспособности и утраты кормильца.

Право на материальное обеспечение гарантируется:

социальным страхованием рабочих и служащих, социальным обеспечением учащихся, военнослужащих и других граждан за счет государства;

все более широким развитием социального обеспечения колхозников за счет колхозных и государственных средств;

растущей сетью санаториев и курортов, предоставляемых в пользование граждан.

Престарелые и нетрудоспособные граждане могут быть приняты по их желанию в дома-интернаты для престарелых и инвалидов на бесплатное содержание.

Статья 73. Граждане СССР имеют право на образование.

Право на образование обеспечивается:

бесплатностью всех видов образования и обучения;

всеобщим обязательным восьмилетним образованием;

развитием сети школ-интернатов;

широким развитием полного среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе научного мировоззрения и тесной связи обучения с жизнью, с производительным трудом;

организацией производственного обучения на предприятиях, в учреждениях и колхозах;

государственными стипендиями;

возможностью обучения на родном языке;

всемерным развитием вечернего и заочного образования;

организацией массовой культурно-просветительской работы.

Целью советской системы образования является воспитание и подготовка коммунистически сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и к умственному труду, к активной деятельности в различных областях общественной и государственной жизни, а также в области науки, техники и культуры.

Статья 74. Гражданам СССР предоставляется право на свободное научное и художественное творчество, отвечающее интересам народа.

Право на свободное творчество обеспечивается:

развитием науки и искусства на основе их неразрывной связи с созидательным трудом народа;

применением открытий науки и техники в народном хозяйстве и здравоохранении, а также использованием достижений художественного творчества в области народного образования и коммунистического воспитания граждан.

Статья 75. Каждый гражданин СССР и каждая семья имеют право на благоустроенное жилье.

Право на благоустроенное жилье обеспечивается:

государственным и иным общественным жилым фондом в городах и рабочих поселках;

справедливым распределением жилых помещений под контролем общественности;

установлением невысоких ставок квартирной платы;

предоставлением государственного кредита и иных льгот для развития кооперативного и индивидуального жилищного строительства;

строительством новых городов и рабочих поселков;

улучшением планировки, озеленения и благоустройства населенных пунктов.

По мере осуществления программы жилищного строительства каждая семья будет иметь (в бесплатном пользовании) отдельную квартиру, отвечающую требованиям гигиены и культурного быта.

Статья 76. Граждане СССР имеют право на участие в управлении делами общества и государства, то есть:

- избирать и быть избранными в представительные органы государственной власти и народные суды, а также в другие государственные органы;

- вносить предложения и решать вопросы об отзыве депутатов и избранных должностных лиц;

- требовать в установленном законом порядке созыва народных собраний и вносить предложения о проведении референдума;

- вносить в государственные органы предложения по всем вопросам политической, хозяйственной и культурной жизни и требовать ответа о результатах рассмотрения этих предложений в сроки, установленные законом;

- участвовать в обсуждении и решении вопросов коммунистического строительства на народных собраниях, путем референдумов и в других формах;

- занимать государственные должности;

- участвовать в осуществлении народного контроля.

Статья 77. Граждане СССР имеют право на объединение в общественные организации и общества трудящихся.

Статья 78. Гражданам СССР гарантируются:

- свобода слова — право свободно и публично высказывать свои мнения и убеждения;

- свобода печати — право свободно выражать свои мысли в печати;

- свобода собраний, митингов, публичных дискуссий и научных обсуждений;

- свобода критики в устной и печатной форме действий должностных лиц, государственных органов, предприятий, учреждений, общественных организаций и граждан.

Свободы, перечисленные в настоящей статье, осуществляются в соответствии с интересами коммунистического строительства и развития личности, в целях наиболее полного и всестороннего формирования и выражения общественного мнения.

Осуществление этих свобод обеспечивается предоставлением организациям трудящихся типографий, общественных зданий, улиц и площадей, радио, телевидения, других средств связи, созданием условий для делового обсуждения работы отдельных лиц и коллективов, организации массовой информации.

Лица, виновные в ущемлении этих свобод, несут ответственность по закону.

Статья 79. Каждый гражданин СССР имеет право свободно и беспрепятственно обращаться в государственные органы с устной или письменной жалобой на действия государственных органов и должностных лиц, нарушающих его права и интересы, и требовать ответа на жалобу в сроки, установленные законом.

Должностные лица несут ответственность по закону за несвоевременное и несправедливое разрешение жалоб трудящихся.

Статья 80. Каждый гражданин СССР имеет право в судебном или и в ином установленном законом порядке требовать защиты и восстановления его нарушенных прав и свобод.

В случае, предусмотренном законом, гражданин имеет право на судебное обжалование неправильных действий государственных органов, общественных организаций и должностных лиц, а также на возмещение ущерба, причиненного этими действиями.

Статья 81. Гражданам СССР обеспечивается свобода передвижения и выбора места жительства на территории СССР.

Ограничения этого права возможны лишь на основании закона.

Статья 82. Граждане СССР имеют право на выезд за границу в установленном законом порядке. Во время пребывания за границей граждане СССР пользуются дипломатической защитой Союза ССР.

Статья 83. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности.

Никто не может быть подвергнут аресту, иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора. Лицо, подвергнувшееся задержанию, подлежит освобождению не позднее чем через 48 часов, если ему не будет вручено постановление суда или прокурора об аресте.

Никто не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе, как на основании и порядке, предусмотренном законом.

Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда.

Статья 84. Неприкосновенность жилища граждан охраняется законом.

Никто не может войти в жилище гражданина без его согласия.

Исключения из этого правила допускаются только в случаях, предусмотренных законом.

Обыск не может производиться органами следствия без санкции прокурора, кроме случаев, не требующих отлагательства.

Статья 85. Тайна переписки охраняется законом.

Выемка, просмотр и наложение ареста на личную корреспонденцию допускается только в случаях, предусмотренных законом.

Статья 86. Свобода совести, то есть свобода не исповедовать никакой религии или исповедовать любую религию и совершать религиозные обряды, равно как и свобода атеистической пропаганды, признаются за всеми гражданами и охраняются законом.

Свобода совести в СССР обеспечивается отделением церкви от государства и школы от церкви.

Атеистическое воспитание граждан обеспечивается системой просвещения и другими средствами идейного характера.

Запрещается совершение религиозных обрядов, если они нарушают общественный порядок или сопровождаются посягательством на права и здоровье граждан.

Никто не может уклоняться от выполнения обязанностей гражданина под предлогом религиозных убеждений.

Глава IX

ОСНОВНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

Статья 87. Основные обязанности граждан связаны с великими правами человека и гражданина, гарантируемыми общественным и государственным строем СССР, с ответственностью личности перед производственным (трудовым) коллективом, обществом и государством.

Выполнение обязанностей обеспечивается растущей сознательностью граждан, воспитанием и убеждением, мерами общественного воздействия, а в отношении отдельных лиц, уклоняющихся от выполнения обязанностей, и мерами государственного принуждения.

Статья 88. Граждане СССР обязаны соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик.

Статья 89. Долгом каждого гражданина СССР является содействие укреплению Советского государства, активное участие в управлении делами общества и государства.

Статья 90. Граждане СССР обязаны трудиться на благо общества и в соответствии со своими способностями, соблюдать дисциплину труда и всемерно повышать его производительность.

К лицам, уклоняющимся от общественно-полезного труда и нарушающим трудовую дисциплину, применяются меры общественного воздействия, а в случаях, установленных законом, — меры государственного принуждения.

Статья 91. Граждане СССР и производственные (трудовые) коллективы обязаны беречь социалистическую собственность, охранять природу, бороться против всех видов бесхозяйственности и расточительного расходования общественного имущества.

Статья 92. Каждый гражданин СССР обязан заботиться о чести и достоинстве своего коллектива, добиваться успехов в его работе, способствовать сплочению коллектива, развитию товарищеской взаимопомощи, трудового соревнования, активности и самостоятельности его членов.

Статья 93. Каждый гражданин СССР обязан приходить на помощь другим гражданам, которые находятся в опасности.

Уклонение от этой обязанности осуждается, а самоотверженное ее выполнение поощряется обществом и государством как дело чести.

Статья 94. Граждане СССР обязаны укреплять дружбу народов СССР, бороться против каких бы то ни было проявлений национальной розни и национальной исключительности.

Статья 95. Граждане СССР обязаны способствовать развитию интернационализма, укреплению братской солидарности с трудящимися всех стран, всех народов, защищать политику мира и мирного сосуществования государств.

Статья 96. Защита Родины — священный долг каждого гражданина СССР.

Общество и государство оказывают особый почет и уважение гражданам, проявляющим самоотверженность и героизм в защите Родины.

Статья 97. Служба в рядах Вооруженных Сил Советского Союза — почетная обязанность граждан СССР

Статья 98. Граждане СССР обязаны честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, права и свободы сограждан, руководствоваться во всей своей деятельности общественными интересами и бороться с их нарушениями.

Каждый обязан достойно нести звание советского гражданина, быть честным и правдивым перед народом, стойким и мужественным в борьбе за коммунизм, простым и скромным не-

зависимо от заслуг перед обществом и занимаемой должности, внимательным и чутким по отношению друг к другу.

Статья 99. Социалистический патриотизм, неустанная забота о чести и процветании Родины и советского народа — высшее проявление моральных и духовных свойств гражданина СССР.

Глава X

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВИЛ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ

Статья 100. Общество и государство воспитывают граждан СССР в духе нравственных принципов морального кодекса строителей коммунизма;

— закрепляют и развивают преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, верность дружбе и братству народов СССР и стран социализма, солидарность с трудящимися всего мира;

— создают материальные и духовные предпосылки для превращения труда в первую жизненную потребность и привычку, содействуют развитию у всех граждан высокого сознания общественного долга;

— поддерживают и поощряют развитие коллективных начал и товарищескую взаимопомощь в отношениях между людьми, взаимное уважение между ними в соответствии с принципами: «каждый за всех, все за одного», «человек человеку — друг, товарищ и брат»;

— воспитывают у всех людей нетерпимость к нарушениям общественных интересов, несправедливости, нечестности, карьеризму, стяжательству, туеядству, непримиримость к врагам коммунизма, делу мира и свободы народов.

Статья 101. Общество и государство в формировании правил коммунистического общежития опираются на Конституцию Союза Советских Социалистических Республик и законодательство общенародного государства.

Статья 102. Общество и государство воспитывают всех граждан СССР в духе социалистической законности и коммунистической морали.

Раздел третий

НАРОДОВЛАСТИЕ В СССР

Глава XI

НАРОДНЫЕ СОВЕТЫ — ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

1. СИСТЕМА НАРОДНЫХ СОВЕТОВ

Статья 103. Народные Советы — Верховный Народный Совет СССР, Верховные Народные Советы союзных республик, Народные Советы автономных республик, местные Народные Советы — составляют единую систему представительных органов государственной власти в СССР.

Народные Советы избираются Народом, ответственны перед Народом и ему подотчетны.

Все другие государственные органы ответственны перед Народными Советами и им подотчетны.

Статья 104. Народные Советы составляют основу всей системы государственной власти в СССР.

2. ВЫБОРЫ В НАРОДНЫЕ СОВЕТЫ

Статья 105. Выборы депутатов во все Народные Советы производятся гражданами СССР на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Статья 106. Выборы народных депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от пола, расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образования, оседлости, социального происхождения, имущественного состояния, общественного положения, рода занятий и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах и быть избранными в Народные Советы.

Избирательным правом не пользуются лица, признанные в установленном порядке умалишенными.

Статья 107. Выборы народных депутатов являются равными: каждый избиратель имеет один голос; все избиратели участвуют в выборах на равных основаниях.

Статья 108. Выборы народных депутатов являются прямыми: во все Народные Советы выборы депутатов производятся избирателями непосредственно.

Статья 109. Голосование при выборах народных депутатов является тайным. Избирателю обеспечиваются условия закрытой подачи голоса при выборах, исключающие вмешательство или контроль за его волеизъявлением.

Статья 110. Каждому гражданину СССР обеспечивается свободное и беспрепятственное осуществление права избирать и быть избранным в Народные Советы.

Установление каких-либо ограничений гражданина СССР в свободном осуществлении его права избирать и быть избранным в Народные Советы преследуется законом.

Статья 111. Выборы народных депутатов производятся по избирательным округам.

Избирательные округа по выборам в Верховный Народный Совет СССР, в Народные Советы (Верховные Народные Советы) союзных республик и в Народные Советы автономных республик образуются по территориальному принципу.

Избирательные округа по выборам в местные Народные Советы образуются по производственному и территориальному принципам.

Статья 112. Право выдвижения кандидатов в народные депутаты принадлежит избирателям, общественным организациям и обществам трудящихся.

Это право осуществляется народными собраниями по месту работы или жительства граждан, а также центральными, республиканскими, краевыми, областными, окружными, районными и городскими органами общественных организаций и обществ трудящихся.

Статья 113. При выдвижении кандидатов в народные депутаты обеспечивается самое широкое и всестороннее обсуждение на собраниях, в печати, по радио и в иных демократических формах личных и деловых качеств кандидатов.

Общественным организациям и каждому гражданину СССР обеспечивается право агитации за или против любого кандидата.

Статья 114. При каждых выборах состав депутатов Народных Советов обновляется не менее, чем на одну треть.

Гражданин может избираться в один и тот же Народный Совет не более, чем три раза подряд и быть избран одновременно не более, чем в два Совета. Избрание гражданина в состав одного и того же Народного Совета более трех раз подряд или одновременное избрание более, чем в два Совета допускается лишь в виде исключения, в случаях и в порядке, предусмотренным законом.

Статья 115. Избранным считается кандидат в народные депутаты, получивший более половины голосов всех избирателей в избирательном округе.

Статья 116. Выборы в Народные Советы организуются при широком участии и под контролем трудящихся и их общественных организаций.

Статья 117. Избиратели дают наказы Народным Советам и их депутатам. Наказы избирателей рассматриваются и принимаются к исполнению соответствующими Народными Советами.

Статья 118. Избиратели имеют право в любое время отозвать в установленном законом порядке депутата, если он не оправдал их доверия и совершил действия, недостойные высокого звания народного депутата.

Статья 119. Вместо выбывшего депутата Народного Совета не позднее, чем в двухмесячный срок, в установленном законом порядке, проводятся выборы нового депутата.

Статья 120. Расходы, связанные с проведением выборов в Народные Советы, производятся за счет государства.

Статья 121. Порядок выборов в Верховный Народный Совет СССР, Народные Советы (Верховные Народные Советы) союзных республик, Народные Советы автономных республик и в местные Народные Советы устанавливается избирательными законами Союза ССР, союзных и автономных республик.

3. НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

Статья 122. Народный депутат облечен доверием народа и является полномочным представителем своих избирателей в Народном Совете, выразителем их воли и интересов.

Вся деятельность депутата подчинена интересам народа.

Статья 123. Народный депутат обязан активно участвовать в работе Народного Совета и его органов, в состав которых он избран.

Статья 124. Народный депутат обязан поддерживать постоянную связь со своими избирателями, добиваться выполнения их

наказов, принимать меры по организации выполнения решений Народного Совета.

Статья 125. Народный депутат обязан регулярно отчитываться на народных собраниях перед своими избирателями, а также перед коллективом трудящихся или общественной организацией, которые выдвинули его кандидатом в депутаты, о своей работе и о работе Народного Совета.

Статья 126. Депутаты Верховного Народного Совета СССР, Народных Советов (Верховных Народных Советов) союзных республик, Народных Советов автономных республик имеют право законодательной инициативы, а депутаты местных Народных Советов — право вносить на рассмотрение Народного Совета предложения и проекты решений.

Статья 127. Народный депутат вправе обращаться с запросом к государственным органам и должностным лицам, подотчетным и подконтрольным соответствующему Народному Совету.

Запрос депутата вносится на сессии Народного Совета или в период между сессиями. Ответ на запрос должен быть дан на сессии Народного Совета. Народный Совет обсуждает запрос депутата и ответ на него, принимает решение.

Статья 128. Народный депутат имеет право обращаться в государственные органы, общественные организации и к должностным лицам по вопросам, связанным с его депутатской деятельностью.

Государственные органы, общественные организации и должностные лица обязаны рассматривать обращения депутата, принимать меры по ним и давать ответ депутату в срок, установленный законом.

Статья 129. Народный депутат имеет право участвовать в заседаниях и совещаниях, проводимых государственными органами, хозяйственными организациями, культурно-просветительными и иными учреждениями на территории деятельности соответствующего Народного Совета.

Статья 130. Народный депутат не может быть привлечен к судебной ответственности, арестован или освобожден от работы без согласия соответствующего Народного Совета, а в период между сессиями Народного Совета — без согласия его Президиума.

Статья 131. Народный депутат выполняет депутатские обязанности без отрыва от производственной, служебной или иной трудовой деятельности.

Депутат Верховного Народного Совета, Народного Совета (Верховного Народного Совета) союзных республик, Народного Совета автономной республики, краевого, областного, окружного и районного (сельских районов) Народного Совета в установленном законом порядке периодически освобождается от постоянной работы для выполнения депутатских обязанностей с сохранением заработной платы по месту работы.

Статья 132. Народным депутатам в установленном законом порядке возмещаются расходы, связанные с выполнением депутатских обязанностей.

Статья 133. Полномочия депутата прекращаются досрочно, помимо его отзыва избирателями, в случаях:

— совершения им преступления, установленного вступившим в законную силу приговором суда, утраты депутатом гражданства СССР, а также в случае сложения им своих полномочий перед соответствующим Народным Советом ввиду выезда за пределы территории Совета, длительной болезни или иных причин, препятствующих выполнению депутатских обязанностей.

4. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНЫХ СОВЕТОВ

Статья 134. Народные Советы и подотчетные им государственные органы осуществляют руководство государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством.

Статья 135. Деятельность Народных Советов и подотчетных им государственных органов строится в соответствии с принципом демократического централизма, который обеспечивает сочетание централизованного руководства с максимальным развитием инициативы республиканских и местных органов и творческой активности граждан СССР.

Статья 136. Народные Советы и подотчетные им государственные органы осуществляют свои задачи в сотрудничестве и взаимодействии с общественными организациями.

Народные Советы в пределах, установленных законом, осуществляют руководство кооперативными организациями и органами общественной самодеятельности, координируют деятельность общественных организаций по осуществлению ими государственных функций.

Народные Советы и органы общественных организаций могут принимать совместные решения и создавать объединенные органы.

Статья 137. В деятельности Народных Советов обеспечивается коллективность руководства, широкая гласность, всестороннее, свободное и деловое обсуждение всех вопросов.

Вопросы, вносимые на рассмотрение Народных Советов, доводятся до всеобщего сведения; проекты наиболее важных решений Народных Советов ставятся на обсуждение народных собраний; решения Народных Советов обнаружаются.

Статья 138. Деятельность подотчетных Народным Советам государственных органов строится на основе сочетания коллегиальности с персональной ответственностью должностных лиц за порученное дело.

Избираемые народом должностные лица периодически отчитываются о своей деятельности на народных собраниях и в установленном законом порядке могут быть досрочно отозваны, если они не оправдывают доверия избирателей.

Статья 139. Народные Советы, подотчетные им государственные органы и все должностные лица обязаны строго соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, укреплять государственную дисциплину, обеспечивать охрану прав граждан.

Нарушение законности, недобросовестное отношение должностного лица к своим обязанностям, злоупотребление служебным положением, проявление бюрократизма преследуется законом.

Глава XII

ПРЯМОЕ, НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Статья 140. Советский Народ осуществляет государственную власть также через систему прямого, непосредственного народного правления:

- народных собраний по обсуждению и решению вопросов государственного, хозяйственного и культурного строительства;
- обсуждения проектов законов и вопросов, имеющих важное общегосударственное, республиканское или местное значение;
- референдумов — всенародных голосований по проектам важнейших законов;
- а также через иные демократические формы.

1. НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ

Статья 141. Народные собрания — собрания производственных (трудовых) коллективов предприятий, организаций, учреждений а также собрания граждан по месту их жительства:

рассматривают проекты законов, решений местных Народных Советов и вопросы, имеющие важное общегосударственное, республиканское или местное значение;

обсуждают вопросы управления производством, улучшения организации труда и повышения его производительности, бытового обслуживания граждан, соблюдения законов и правил социалистического общежития;

рассматривают и решают другие вопросы в пределах полномочий, определяемых законодательством Союза ССР, союзных и автономных республик.

Статья 142. Народные собрания окончательно решают вопросы, отнесенные к их ведению, а также дают рекомендации соответствующим государственным органам и должностным лицам.

Государственные органы и должностные лица обязаны сообщать народному собранию о выполнении его решений и о мерах, принятых по его рекомендациям.

2. ВСЕНАРОДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Статья 143. Всенародное обсуждение на собраниях, в общественных организациях, печати, а также в иных демократических формах проводится по проектам законов и по вопросам важного государственного значения.

Результаты всенародного обсуждения рассматриваются, обобщаются и обнародуются теми органами, которые передали проект закона или вопрос на всенародное обсуждение.

3. РЕФЕРЕНДУМЫ

Статья 144. Референдум (всенародное голосование) проводится для решения вопросов о принятии Конституции и других важнейших законов СССР.

Вопрос о назначении референдума решается Верховным Народным Советом СССР или его Президиумом.

Референдумы в союзных и автономных республиках проводятся в соответствии с конституциями этих республик.

Референдуму предшествует всенародное обсуждение переданного на голосование законопроекта.

Статья 145. Законопроект получает силу закона, если за него подано большинство голосов граждан, принявших участие в референдуме.

Порядок проведения референдумов определяется законом.

Раздел четвертый

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СССР

Глава XIII

ВЕРХОВНЫЙ НАРОДНЫЙ СОВЕТ СССР

Статья 146. Верховный Народный Совет СССР является верховным органом государственной власти СССР, представительным органом всего Советского Народа.

Верховный Народный Совет СССР — высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган СССР.

Статья 147. Верховный Народный Совет СССР состоит из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей.

Статья 148. Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

Закон СССР считается принятым, если он утвержден каждой из палат Верховного Народного Совета СССР.

Статья 149. Совет Союза состоит из депутатов, избираемых гражданами СССР по избирательным округам по норме: один депутат от 300 тысяч населения.

Совет Национальностей состоит из депутатов, избираемых гражданами СССР по союзным республикам, автономным республикам, автономным областям и автономным округам по нормам: от каждой союзной республики — 25 депутатов, от каждой автономной республики — 11 депутатов, от каждой автономной области — 5 депутатов и от каждого автономного округа — один депутат.

Статья 150. Верховный Народный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

По истечении срока полномочий Верховного Народного Совета СССР, но не позднее, чем через два месяца, назначаются выборы в Верховный Народный Совет СССР нового созыва.

Совет Союза и Совет Национальностей по представлению избираемых ими мандатных комиссий принимают решение о при-

знании полномочий депутатов, а в случае нарушения законодательства о выборах — о признании выборов отдельных депутатов недействительными.

Мандатные комиссии дают палатам заключение также по вопросам, связанным с выбытием депутатов.

Статья 151. Каждая палата Верховного Народного Совета СССР — Совет Союза и Совета Национальностей — избирает председателя палаты и его заместителей.

Председатель Совета Союза и Председатель Совет Национальностей ведают внутренним распорядком палаты, руководят ее заседаниями, подписывают постановления палаты, представляют палату во внешних сношениях.

На совместных заседаниях палата председательствуют поочередно Председатель Совета Союза и Председатель Совета Национальностей.

Статья 152. Заседания Верховного Народного Совета СССР являются открытыми. В случае необходимости Верховный Народный Совет СССР или его палата могут принять решение о проведении закрытых заседаний.

1. ПОЛНОМОЧИЯ ВЕРХОВНОГО НАРОДНОГО СОВЕТА СССР

Статья 153. Верховный Народный Совет СССР вправе принять к своему рассмотрению любой вопрос государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, относящихся к ведению Союза ССР.

Статья 154. К исключительным полномочиям Верховного Народного Совета СССР относятся:

- 1) принятие в состав Союза ССР новых союзных республик;
- 2) утверждение образования новых автономных республик в составе союзных республик;
- 3) установление основных начал деятельности Народных Советов;
- 4) определение общих принципов руководства народным хозяйством и организации государственного планирования;
- 5) утверждение перспективных и текущих государственных планов развития народного хозяйства СССР и отчетов об их выполнении;
- 6) утверждение Государственного бюджета СССР и отчета о его исполнении; установления доходов, поступающих на образование союзного бюджета и государственных бюджетов союзных республик;
- 7) установление основ кредитно-денежной системы;

8) определение порядка выборов в Верховный Народный Совет СССР и порядка отзыва депутата Верховного Народного Совета СССР;

9) избрание Президиума Верховного Народного Совета СССР, Правительственного Совета СССР, Верховного Суда СССР, Генерального Прокурора СССР;

10) рассмотрение и утверждение не реже одного раза в год отчетов Президиума Верховного Народного Совета СССР, Правительственного Совета СССР, Верховного Суда СССР и Генерального Прокурора СССР;

11) утверждение Положения о Правительственном Совете СССР, Положения о Верховном Суде СССР и Положения о Генеральном Прокуроре СССР;

12) установление системы общесоюзных, союзно-республиканских и межреспубликанских органов государственного управления;

13) установление основ законодательства по вопросам, указанным настоящей Конституцией (статья 17, пункт 11);

14) законодательство о гражданстве Союза ССР и о правах иностранцев в СССР;

15) установление общего порядка взаимоотношений союзных республик с иностранными государствами;

16) установление основ организации внешней торговли, экономического, технического, научного и культурного сотрудничества СССР с другими странами;

17) установление основ организации Вооруженных Сил СССР и руководящих начал организации войсковых формирований союзных республик;

18) решение вопросов войны и мира.

Статья 155. Верховный Народный Совет СССР избирает подотчетные ему органы на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей.

Статья 156. Верховный Народный Совет СССР и каждая из его палат создают постоянные и временные комиссии.

Статья 157. Верховный Народный Совет СССР осуществляет верховный контроль за деятельностью всех государственных органов по соблюдению Конституции СССР, выполнению Государственного плана развития народного хозяйства СССР, Государственного бюджета СССР, исполнению законов СССР и других решений Верховного Народного Совета СССР.

В случае необходимости Верховный Народный Совет СССР может образовывать специальные контрольные органы.

Статья 158. Верховный Совет СССР осуществляет международные связи с высшими представительными органами зарубеж-

ных стран и международными организациями путем обмена визитами государственных деятелей и парламентских делегаций, посланиями и декларациями, а также путем выступления на основе взаимности парламентских делегаций других стран в Верховном Народном Совете СССР.

Статья 159. Верховный Народный Совет СССР принимает законы СССР, постановления, декларации, заявления и иные акты, которые сочтет необходимыми.

Акты Верховного Народного Совета СССР имеют высшую силу по отношению к актам всех других государственных органов.

Статья 160. Порядок деятельности Верховного Народного Совета СССР, его Президиума, комиссий Верховного Народного Совета и его палат определяется Законом о регламенте Верховного Народного Совета СССР.

2. СОЗЫВ СЕССИЙ ВЕРХОВНОГО НАРОДНОГО СОВЕТА СССР

Статья 161. Вновь избранный Верховный Народный Совет СССР созывается на первую сессию Президиумом Верховного Народного Совета прежнего состава не позднее, чем через два месяца после выборов.

Сессии Верховного Народного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Народного Совета не реже двух раз в год по его инициативе, а также по требованию одной из палат Верховного Народного Совета СССР, Правительственного Совета СССР, одной или нескольких союзных республик в лице их Народных Советов (Верховных Народных Советов) или по требованию не менее одной трети общего числа депутатов Верховного Народного Совета СССР.

Статья 162. Указ Президиума Верховного Народного Совета СССР о созыве сессии Верховного Народного Совета СССР, а также предложения о вносимых на его рассмотрение вопросах обнародуются не позднее, чем за 20 дней до открытия сессии.

3. ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОВ СССР

Статья 163. Право законодательной инициативы, то есть право внесения в Верховный Народный Совет СССР проектов законов, которые подлежат его рассмотрению, имеют:

— Совет Союза, Совет Национальностей, Президиум Верховного Народного Совета СССР, комиссии Верховного Народно-

го Совета СССР и комиссии его палат, депутаты Верховного Народного Совета СССР;

- Правительственный Совет СССР;
- Союзные республики в лице Верховных Народных Советов и их Президиумов;
- Коммунистическая партия Советского Союза, профессиональные союзы, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи и другие массовые общественные организации в лице их общесоюзных органов;
- Верховный Суд СССР;
- Генеральный Прокурор СССР.

Статья 164. Проекты законов и других актов Верховного Народного Совета СССР, вносимые в период между сессиями Верховного Народного Совета СССР, представляются Президиуму Верховного Народного Совета СССР.

Президиум Верховного Народного Совета СССР передает законопроект на рассмотрение Верховного Народного Совета СССР или направляет его на заключение комиссий Верховного Народного Совета СССР и комиссий его палат, Правительственного Совета СССР, Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР, высших органов государственной власти союзных республик, общесоюзных органов массовых общественных организаций.

Статья 165. Закон СССР считается принятым, если за него подано более половины голосов общего числа депутатов каждой палаты Верховного Народного Совета СССР.

Статья 166. В случае разногласий между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на рассмотрение согласительной комиссии, образуемой палатами на паритетных началах. Если комиссия не придет к согласному решению или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения палат Верховный Народный Совет СССР передает вопрос на референдум.

Статья 167. Законы СССР, постановления и другие акты Верховного Народного Совета СССР, а также акты Президиума Верховного Народного Совета СССР обнародуются на языках союзных республик за подписями Председателя и Секретаря Президиума Верховного Народного Совета СССР. Обнародование производится не позднее десяти дней после принятия актов в порядке, установленном законом СССР.

Статья 168. Законы СССР, постановления и другие акты Верховного Народного Совета СССР, а также акты Президиума Верховного Народного Совета СССР вступают в действие на всей

территории СССР одновременно по истечении десяти дней после их обнародования, если в самих актах не указан иной срок введения из в действие.

Статья 169. Законы СССР, постановления и другие акты Верховного Народного Совета СССР, а также акты Президиума Верховного Народного Совета СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

В случае расхождения закона союзной республики с законом СССР действует закон СССР.

4. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА

Статья 170. Государственный план развития народного хозяйства СССР и Государственный бюджет СССР представляются Верховному Народному Совету СССР Правительственным Советом СССР и передаются в Президиум Верховного Народного Совета СССР не позднее, чем за два месяца до начала планового периода или бюджетного года.

Отчеты о выполнении Государственного плана развития народного хозяйства СССР и исполнении Государственного бюджета СССР представляются Верховному Народному Совету Правительственным Советом СССР и передаются в Президиум Верховного Народного Совета СССР не позднее, чем через пять месяцев после окончания планового периода или бюджетного года.

Статья 171. Государственный план развития народного хозяйства СССР и Государственный бюджет СССР, а также отчеты об их исполнении предварительно рассматриваются комиссиями Верховного Народного Совета СССР и его палат.

Статья 172. Верховный Народный Совет СССР, его палаты, комиссии Верховного Народного Совета СССР и его палат ежегодно при рассмотрении отчетов о выполнении Государственного плана развития народного хозяйства СССР и Государственного бюджета СССР проверяют правильность использования материальных ресурсов и расходования финансовых средств всеми государственными комитетами, министерствами, ведомствами СССР, Правительственными Советами союзных республик, Советами народного хозяйства экономических районов.

Статья 173. Предложения комиссий и депутатов Верховного Народного Совета СССР о внесении поправок и дополнений в Государственный план развития народного хозяйства СССР и Государственный бюджет СССР, а также критические замечания о

работе органов государственного управления, предприятий, организаций и учреждений по выполнению Государственного плана и исполнению Государственного бюджета рассматриваются Верховным Народным Советом СССР либо по его поручению Президиумом Верховного Народного Совета СССР или Правительственным Советом СССР.

5. КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО НАРОДНОГО СОВЕТА СССР И КОМИССИИ ЕГО ПАЛАТ

Статья 174. Комиссии Верховного Народного Совета СССР и его палат создаются по отраслям государственного, хозяйственного, социально-культурного строительства и другим вопросам их деятельности.

Статья 175. Комиссии Верховного Народного Совета СССР и его палат избираются из числа депутатов Верховного Народного Совета. К деятельности комиссий привлекаются представители общественных организаций и научных учреждений, передовики производства, работники государственных органов, специалисты соответствующих отраслей народного хозяйства и культуры.

Статья 176. Постоянные комиссии Верховного Народного Совета СССР и его палат:

- разрабатывают по поручению Верховного Народного Совета СССР, его палат или по своей инициативе проекты законов СССР и других актов Верховного Народного Совета СССР;

- дают заключения по внесенным в Верховный Народный Совет СССР проектам законов СССР и иным актам, переданным на их рассмотрение;

- предварительно рассматривают Государственный план развития народного хозяйства СССР, Государственный бюджет СССР, отчеты о выполнении Государственного плана развития народного хозяйства СССР и исполнении Государственного бюджета СССР и дают по ним заключения;

- разрабатывают по поручению Президиума Верховного Народного Совета СССР и по собственной инициативе и вносят в Президиум Верховного Народного Совета СССР проекты указов и иных актов Президиума Верховного Народного Совета СССР;

- осуществляют контроль за деятельностью исполнительных и распорядительных органов государственной власти СССР;

- содействуют проведению в жизнь законов и иных решений Верховного Народного Совета СССР;

- проводят по поручению Верховного Народного Совета СССР, его палат и Президиума Верховного Народного Совета

СССР другую работу, связанную с осуществлением полномочий Верховным Народным Советом СССР.

Статья 177. Деятельность комиссий Верховного Народного Совета СССР и комиссий его палат направляется и координируется Президиумом Верховного Народного Совета СССР.

Статья 178. Комиссии Верховного Народного Совета СССР и его палат имеют право заслушивать на своих заседаниях доклады и сообщения членов Правительственного Совета СССР и руководителей других государственных органов, запрашивать необходимые материалы и документы, а также давать поручения государственным органам, учреждениям и организациям по изучению и разработке отдельных вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства.

Рекомендации и предложения комиссии подлежат обязательному рассмотрению соответствующими государственными органами. Комиссии могут вносить свои предложения на рассмотрение Верховного Народного Совета СССР, его Президиума или Правительственного Совета СССР.

Глава XIV

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО НАРОДНОГО СОВЕТА СССР

Статья 179. Президиум Верховного Народного Совета СССР — высший орган государственной власти СССР, ответственен перед Верховным Народным Советом СССР и ему подотчетен.

Статья 180. Президиум Верховного Народного Совета СССР избирается в составе Председателя Президиума Верховного Народного Совета СССР, Первого заместителя Председателя Президиума, заместителей Председателя Президиума — по одному от каждой союзной республики, Секретаря Президиума и членов Президиума Верховного Народного Совета СССР с обеспечением равного представительства от каждой палаты.

В состав Президиума Верховного Народного Совета СССР входят Председатель Совета Союза и Председатель Совета Национальностей по должности.

В работе Президиума Верховного Народного Совета СССР могут принимать участие представители общесоюзных органов общественных организаций.

Статья 181. Президиум Верховного Народного Совета СССР в период между сессиями Верховного Народного Совета СССР, наряду со своими постоянными полномочиями, осуществляет полномочия Верховного Народного Совета СССР кроме тех, ко-

торые относятся к исключительному ведению Верховного Народного Совета СССР:

- 1) вносит изменения в текущее законодательство СССР;
- 2) по представлению Правительственного Совета СССР образует и упраздняет отдельные органы государственного управления СССР;
- 3) по представлению Председателя Правительственного Совета СССР избирает и освобождает от должности отдельных членов Правительственного Совета СССР;
- 4) избирает и освобождает от должности отдельных членов Верховного Суда СССР;
- 5) в случае военного нападения на СССР или необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии объявляет состояние войны;
- 6) принимает решения по другим вопросам, отнесенным к ведению Верховного Народного Совета СССР.

Президиум Верховного Народного Совета СССР, осуществляя эти полномочия, принимает решения в форме Указов, которые подлежат внесению на утверждение Верховного Народного Совета СССР на его очередной сессии.

Статья 182. Президиум Верховного Народного Совета СССР, кроме полномочий, перечисленных в статье 181 настоящей Конституции:

- 1) осуществляет контроль за соблюдением Конституции СССР и за соответствием конституций союзных республик Конституции СССР; контроль за исполнением законов СССР и соответствием законов союзных республик законам СССР;
- 2) предлагает рекомендации по вопросам законодательства союзных республик в связи с развитием общесоюзного законодательства;
- 3) утверждает изменение границ между союзными республиками;
- 4) дает толкование законов СССР;
- 5) назначает выборы в Верховный Народный Совет СССР, а также голосование об отзыве депутата Верховного Народного Совета СССР;
- 6) разрабатывает на основе изучения опыта работы Народных Советов рекомендации Президиумам Народных Советов (Верховных Народных Советов) союзных республик по имеющим общесоюзное значение вопросам деятельности Народных Советов;
- 7) образует межреспубликанские экономические районы;
- 8) принимает решения по представлению Правительственного Совета СССР о передаче предприятий из республиканского подчинения в союзное подчинение;
- 9) обсуждает доклады и сообщения Правительственного Совета СССР, членов Правительственного Совета СССР, руководи-

телей других государственных органов СССР, отменяет постановления и распоряжения Правительственного Совета СССР, в случае несоответствия их закону;

10) заслушивает доклады Председателя Верховного Суда СССР, отменяет постановления Пленума Верховного Суда СССР по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел, в случае несоответствия их закону;

11) рассматривает доклады Генерального Прокурора СССР, отменяет приказы и инструкции Генерального Прокурора СССР, в случае несоответствия их закону;

12) избирает заместителей Генерального Прокурора СССР, председателей, заместителей председателей, членов военных трибуналов, а также освобождает их от должности;

13) представляет Союз ССР и Верховный Народный Совет СССР в международных отношениях;

14) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

15) ратифицирует и денонсирует международные договоры СССР;

16) назначает и сменяет высшее командование Вооруженных Сил СССР;

17) объявляет в интересах обороны СССР в отдельных местностях или по всему СССР военное положение, а также общую или частичную мобилизацию;

18) устанавливает воинские звания, дипломатические ранги и иные специальные звания, присваивает высшие воинские звания и высшие дипломатические ранги;

19) учреждает ордена и медали СССР и устанавливает почетные звания СССР; награждает орденами и медалями СССР, присваивает почетные звания СССР;

20) принимает в гражданство СССР, решает вопросы о выходе из гражданства СССР и лишении гражданства СССР;

21) издает общесоюзные акты об амнистии и осуществляет помилование.

Президиум Верховного Народного Совета СССР, осуществляя перечисленные в настоящей статье полномочия, принимает решения в форме указов и постановлений.

Статья 183. Президиум Верховного Народного Совета СССР может образовывать из своего состава постоянные и временные органы.

Статья 184. Президиум Верховного Народного Совета СССР по истечении срока полномочий Верховного Народного Совета СССР сохраняет свои полномочия до избрания Президиума нового состава Верховного Народного Совета СССР.

Статья 185. Председатель Президиума Верховного Народного Совета СССР:

информирует Верховный Народный Совет СССР о внутреннем и внешнем положении страны;

созывает заседания Президиума Верховного Народного Совета СССР;

представляет Президиум Верховного Народного Совета СССР в отношениях с государственными и общественными органами СССР;

вручает ордена, почетные знаки отличия, медали и иные награды СССР;

представляет Президиум Верховного Народного Совета СССР во взаимных отношениях с зарубежными странами и международными организациями;

подписывает верительные грамоты полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

принимает верительные и отзывные грамоты полномочных представителей иностранных государств;

осуществляет по поручению Президиума Верховного Народного Совета СССР другие функции.

Статья 186. При Президиуме Верховного Народного Совета СССР в качестве консультативного органа действует Союзное Совещание, состав и характер работы которого определяются законом.

Работой Союзного Совещания руководит Председатель Президиума Верховного Народного Совета СССР.

Статья 187. Союзное Совещание свои рекомендации по рассмотренным вопросам передает Президиуму Верховного Народного Совета СССР или Правительственному Совету СССР.

Глава XV

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СОВЕТ СССР

Статья 188. Правительственный Совет СССР является исполнительным и распорядительным органом Верховного Народного Совета СССР.

Правительственный Совет СССР объединяет и направляет всю систему органов управления государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством СССР, а также осуществляет контроль за их деятельностью.

Правительственный Совет СССР ответственен перед Верховным Народным Советом СССР и ему подотчетен, а в период

между сессиями Верховного Народного Совета СССР — перед Президиумом Верховного Народного Совета СССР, которому подотчетен.

Статья 189. Правительственный Совет СССР избирается в составе:

Председателя Правительственного Совета СССР; первых заместителей Председателя Правительственного Совета СССР; заместителей Председателя Правительственного Совета СССР, Председателя Высшего Совета Народного Хозяйства СССР; Министров СССР; Председателей государственных комитетов СССР и руководителей других органов государственного управления Союза ССР, образуемых Верховным Народным Советом СССР.

В состав Правительственного Совета СССР входят по должности Председатели Правительственных Советов союзных республик и Президент Академии наук СССР.

Статья 190. Вновь избранный Правительственный Совет СССР представляет Верховному Народному Совету СССР заявление о программе своей деятельности.

Статья 191. Правительственный Совет СССР:

1) организует и обеспечивает исполнение законов СССР и актов Президиума Верховного Народного Совета СССР;

2) обеспечивает централизованное плановое руководство народным хозяйством, проведение единой государственной политики в области развития науки и технического прогресса;

3) принимает меры по дальнейшему развитию промышленности, сельского хозяйства, транспорта, других отраслей народного хозяйства, социально-культурного строительства;

4) обеспечивает неуклонный рост народного благосостояния;

5) организует выполнение Государственного плана развития народного хозяйства СССР и исполнение Государственного бюджета СССР; вносит, с последующим утверждением Верховным Народным Советом СССР, частичные изменения в Государственный план развития народного хозяйства СССР и в Государственный бюджет СССР в связи с достижениями технического прогресса, открытием новых естественных богатств, изменениями международной обстановки и иными непредвиденными обстоятельствами;

6) утверждает по представлению Правительственных Советов союзных республик образование межреспубликанских органов государственного управления союзных республик, направляет и координирует деятельность этих органов, определяет порядок их взаимоотношений с органами государственного управления союзных республик;

- 7) руководит кредитно-денежной системой;
- 8) проводит единую политику цен;
- 9) осуществляет руководство в области организации и оплаты труда;
- 10) обеспечивает охрану социалистической собственности, соблюдение государственной дисциплины, прав и интересов граждан и общественных организаций;
- 11) устанавливает единую систему мер и весов;
- 12) принимает меры по укреплению общественного порядка и государственной безопасности;
- 13) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;
- 14) руководит внешней торговлей, экономическим, научно-техническим и культурным сотрудничеством с зарубежными странами;
- 15) обеспечивает обороноспособность страны, осуществляет руководство строительством Вооруженных Сил СССР.

Правительственный Совет СССР может принять к своему разрешению любой вопрос, отнесенный к ведению подчиненных ему государственных органов СССР.

Статья 192. При осуществлении своих полномочий Правительственный Совет СССР может образовать из своего состава постоянные и временные органы.

Статья 193. Правительственный Совет СССР в случае необходимости образует специальные органы управления по отдельным вопросам государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства.

Статья 194. Правительственный Совет СССР на основе и во исполнение законов СССР и других актов Верховного Народного Совета СССР, а также декретов и указов Президиума Верховного Народного Совета СССР издает постановления и распоряжения, обязательные к исполнению на территории всех союзных республик.

Статья 195. Правительственный Совет СССР вправе отменять акты подчиненных ему государственных органов, а также приостанавливать действие актов Правительственных Советов союзных республик по вопросам, отнесенным к ведению Союза ССР.

Статья 196. В заседаниях Правительственного Совета СССР могут принимать участие представители общесоюзных органов общественных организаций. Общественные организации в лице их общесоюзных органов могут вносить вопросы на рассмотрение Правительственного Совета СССР.

Статья 197. Для координации и руководства отраслями государственного управления СССР образуются государственные комитеты СССР и министерства СССР.

Государственные комитеты СССР осуществляют координацию, планирование и контроль в управлении отдельными отраслями народного хозяйства и социально-культурного строительства.

Министерства СССР осуществляют руководство отдельными отраслями государственного управления.

Статья 198. Государственные комитеты СССР, министерства СССР и другие органы государственного управления СССР являются общесоюзными, союзно-республиканскими или межреспубликанскими.

Общесоюзные органы государственного управления СССР руководят порученными им отраслями управления, отнесенными к исключительному ведению Союза ССР, непосредственно или через образуемые ими органы.

Союзно-республиканские органы государственного управления СССР осуществляют руководство порученными им отраслями управления, как правило, через соответствующие органы союзных республик и непосредственно управляют предприятиями по списку, утвержденному Президиумом Верховного Народного Совета СССР.

Межреспубликанские органы государственного управления СССР осуществляют руководство порученными им отраслям управления на территории нескольких союзных республик в тесном контакте с Правительственными Советами этих республик, управляя подведомственными предприятиями и организациями как непосредственно, так и через свои органы, подчиненные одновременно Правительственным Советам союзных республик.

Статья 199. Государственный комитет СССР состоит из председателя комитета, его заместителей, руководящих работников комитета, представителей других государственных органов и общественных организаций, передовиков производства, деятелей науки, техники и культуры.

В составе министерства СССР образуется коллегия, которая состоит из председателя коллегии — министра и членов коллегии — заместителей министра, руководящих работников министерства, представителей других государственных органов и общественных организаций, передовиков производства, деятелей науки, техники и культуры.

В состав государственных комитетов СССР и коллегий министерств СССР могут включаться представители соответствующих государственных органов союзных республик.

Состав государственных комитетов СССР и коллегий министерств СССР утверждается Правительственным Советом СССР.

Статья 200. Государственные комитеты СССР, министерства СССР и другие подчиненные Правительственному Совету СССР органы государственного управления СССР на основе и во исполнение законов СССР и других актов Верховного Народного Совета СССР, указов Президиума Верховного Народного Совета СССР, постановлений и распоряжений Правительственного Совета СССР издают постановления, приказы и инструкции.

Действие этих актов может быть приостановлено на территории союзной республики Правительственным Советом союзной республики в случае их противоречия законам союзной республики, о чем немедленно сообщается Правительственному Совету СССР.

Союзно-республиканские органы государственного управления СССР вправе приостанавливать действие актов соответствующих органов государственного управления союзных республик с доведением об этом до сведения Правительственного Совета союзной республики.

Раздел пятый

СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА

Глава XVI

СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА — СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

Статья 201. Союзная республика есть суверенное государство, добровольно объединившееся с другими равноправными союзными республиками в Союз ССР.

Статья 202. Союзная республика имеет свою конституцию, построенную на основе Конституции СССР и учитывающую особенности республики.

Статья 203. Территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия.

Союзная республика устанавливает административно-территориальное устройство республики.

Статья 204. Союзная республика имеет свое гражданство и право приема в гражданство.

Граждане других союзных республик пользуются на территории любой союзной республики равными правами с гражданами этой республики.

Статья 205. Союзная республика сохраняет за собой право свободного выхода из СССР.

Изменение, ограничение или отмена этого права не могут быть произведены без согласия всех союзных республик.

Статья 206. Союзная республика имеет право осуществлять дипломатические и экономические сношения, а также культурные связи с иностранными государствами.

Статья 207. Союзная республика вправе иметь свои республиканские войсковые формирования.

Статья 208. Союзная республика имеет свое представительство в высших государственных органах СССР.

Статья 209. Союзная республика имеет народнохозяйственный план и государственный бюджет республики.

Статья 210. Союзная республика может участвовать в создании межреспубликанских хозяйственных и иных государственных органов.

Статья 211. Союзная республика по всем вопросам, кроме отнесенных согласно настоящей Конституции к ведению СССР, осуществляет государственную власть самостоятельно, сохраняя свой суверенитет.

Суверенные права союзной республики охраняются и гарантируются Союзом ССР.

Статья 212. В состав союзных республик, на территории которых компактно проживают другие нации и народности, входят автономные республики, автономные области и автономные округа.

Статья 213. Автономная республика имеет свою конституцию, построенную на основе Конституции СССР и Конституции союзной республики и учитывающую особенности автономной республики.

Статья 214. Правовое положение автономных областей и автономных округов определяется законом союзной республики.

Глава XVII

ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья 215. Высшим органом государственной власти союзной советской социалистической республики является Верховный Народный Совет союзной республики — представительный орган народа союзной республики. Верховный Народный Совет союзной республики — высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган союзной республики.

Статья 216. Верховный Народный Совет союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией союзной республики.

Автономным республикам, автономным областям и автономным округам обеспечивается представительство в Верховном Народном Совете союзной республики в порядке и по нормам, устанавливаемым Конституцией союзной республики.

Статья 217. Верховный Народный Совет союзной республики вправе решать любой вопрос, отнесенный к ведению союзной республики.

Полномочия Верховного Народного Совета союзной республики определяются конституцией союзной республики.

Статья 218. Верховный Народный Совет союзной республики образует постоянные комиссии по основным отраслям государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, а также, когда сочтет необходимым, — временные комиссии.

Статья 219. Верховный Народный Совет союзной республики избирает Президиум Верховного Народного Совета союзной республики.

Состав и полномочия Президиума Верховного Народного Совета определяются Конституцией союзной республики.

Президиум Верховного Народного Совета ответствен перед Верховным Народным Советом союзной республики и ему подотчетен.

Статья 220. Верховный Народный Совет союзной республики избирает Правительственный Совет союзной республики.

Состав и полномочия Правительственного Совета союзной республики определяются конституцией союзной республики.

Правительственный Совет союзной республики ответствен перед Верховным Народным Советом союзной республики, а в период между сессиями Верховного Народного Совета подотчетен его Президиуму.

Статья 221. Верховный Народный Совет союзной республики образует союзно-республиканские и республиканские государственные комитеты, министерства и иные органы государственного управления в порядке, предусмотренном конституцией республики.

Союзно-республиканские государственные комитеты, министерства и иные органы государственного управления союзной республики руководят порученной им отраслью, подчиняясь Правительственному Совету союзной республики и соответствующему союзно-республиканскому государственному комитету или министерству СССР.

Республиканские органы государственного управления руководят порученной им отраслью, непосредственно подчиняясь Правительственному Совету союзной республики.

Глава XVIII

ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья 222. Высшим органом государственной власти автономной советской социалистической республики является Народный Совет автономной республики — представительный орган народа автономной республики.

Народный Совет автономной республики — высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган автономной республики.

Статья 223. Народный Совет автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым конституцией автономной республики.

Статья 224. Полномочия Народного Совета автономной республики определяются Конституциями союзной и автономной республик.

Статья 225. Народный Совет автономной республики избирает постоянные комиссии по основным отраслям государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, а также, когда сочтет необходимым, — временные комиссии.

Статья 226. Народный Совет автономной республики избирает Президиум Народного Совета и Правительственный Совет автономной республики. Полномочия Президиума Народного Совета и Правительственного Совета автономной республики определяются конституциями союзной и автономной республик.

Глава XIX

ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ МЕСТНЫХ НАРОДНЫХ СОВЕТОВ

Статья 227. Народные Советы в краях, областях, автономных областях, автономных округах, районах, городах, поселках городского типа и селах являются органами государственной власти.

Местные Народные Советы осуществляют местное самоуправление, окончательно решают все вопросы местного значения в пределах своей компетенции, устанавливаемой законодательством союзных и автономных республик, а также участвуют в решении вопросов республиканского и союзного значения.

Местные Народные Советы принимают решения в пределах прав, предоставленных им законом.

Статья 228. Местные Народные Советы избираются гражданами, проживающими на обслуживаемой соответствующим местным Народным Советом территории, сроком на два года по нормам представительства, устанавливаемым избирательными законами союзных и автономных республик.

Статья 229. Местные Народные Советы образуются по производственному и территориальному принципам, устанавливаемым законодательством союзных и автономных республик.

Статья 230. Местные Народные Советы руководят на своей территории хозяйственным и социально-культурным строительством; рассматривают и утверждают планы развития местного хозяйства и местный бюджет, а также отчеты об их исполнении; обеспечивают соблюдение законов, охрану прав граждан и охрану общественного порядка; содействуют укреплению обороноспособности страны; ведут работу по коммунистическому воспитанию трудящихся.

Статья 231. Местные Народные Советы в своей деятельности подотчетны и подконтрольны непосредственно своим избирателям, а также вышестоящим Народным Советам.

Статья 232. Местные Народные Советы избирают из числа депутатов постоянные и временные комиссии. В состав комиссий могут также быть избраны представители общественных организаций и отдельные граждане, не являющиеся депутатами Народного Совета.

На решение постоянных комиссий местных Народных Советов, в соответствии с законодательством союзных и автономных республик, могут передаваться вопросы, относящиеся к ведению подчиненных Народным Советам и их Президиумам органов государственного управления.

Статья 233. Местные Народные Советы избирают из числа депутатов исполнительно-распорядительные органы — Президиумы Народных Советов, а также образуют при них отделы, управления и инспекции для руководства отдельными отраслями государственного управления.

Состав и полномочия Президиумов местных Народных Советов, а также порядок образования и деятельности отделов, управлений и инспекций определяются конституциями и законодательством союзных и автономных республик.

Президиумы Народных Советов ответственны перед избравшими их Народными Советами и подотчетны им, а также подотчетны исполнительно-распорядительным органам вышестоящих Народных Советов.

Статья 234. Отдельные полномочия Президиумов сельских, поселковых, городских и районных Народных Советов могут быть, в соответствии с законодательством союзных и автономных республик, возложены на общественные комитеты, избираемые народными собраниями населенных пунктов либо микрорайонов, расположенных на территории Совета. В состав этих комитетов, действующих на общественных началах, входят депутаты местных Народных Советов, работающие или проживающие в соответствующем населенном пункте или микрорайоне.

Статья 235. Местные Народные Советы и их Президиумы созывают народные собрания и вносят на их рассмотрение вопросы местного и общегосударственного значения.

ОХРАНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Глава XX

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

Статья 236. Социалистическая законность охраняет общественный и государственный строй СССР, права и свободы советских граждан, неприкосновенность личности, социалистическую собственность, права и интересы государственных, кооперативных и общественных организаций; воспитывает граждан СССР в духе уважения к советским законам и правилам социалистического общежития.

Статья 237. Общеправовая социалистическая законность — едина для всего Союза ССР.

Статья 238. Точное соблюдение советских законов является обязанностью каждого гражданина СССР, должностных лиц, всех государственных органов, предприятий и учреждений, кооперативных и общественных организаций.

Статья 239. Граждане СССР, их производственные (трудовые) коллективы и общественные организации заботятся об укреплении социалистической законности, участвуют в охране общественного правопорядка и в этих целях создают народные дружины, товарищеские суды, а также иные органы; выделяют представителей общественности для участия в рассмотрении народными судами гражданских и уголовных дел.

Общественные организации и коллективы трудящихся в целях перевоспитания и исправления правонарушителей или лиц, которые не соблюдают правила социалистического общежития, применяют к ним меры убеждения, общественного воздействия, иные, основанные на законе, меры воспитательного характера, а также установленные законом меры принуждения.

Все лица, коллективы трудящихся и общественные организации, участвующие в охране социалистического правопорядка, находятся под защитой закона.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Статья 240. Правосудие в СССР осуществляется исключительно судами: Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, Судами автономных республик, краевыми и областными судами, судами автономных областей и автономных округов, районными (городскими) народными судами, а также военными трибуналами.

Статья 241. Правосудие в СССР осуществляется в строгом соответствии с законом, на началах полного равенства всех граждан перед законом и судом.

Статья 242. Применяемое судом наказание, являясь карой за совершенное преступление, вместе с тем имеет целью исправление и перевоспитание осужденных, а также предупреждение совершения новых преступлений.

Основой исправления и перевоспитания осужденных является общественно полезный труд.

Статья 243. Дела во всех судах рассматриваются коллегиально, с участием народных заседателей. Количество народных заседателей, участвующих в судебном заседании, устанавливается законом в зависимости от сложности дела, а также от степени общественной опасности правонарушения.

Статья 244. При осуществлении правосудия судьи и народные заседатели равноправны, независимы и подчиняются только закону. Никто не может вмешиваться в деятельность судов при разрешении ими судебных дел.

Статья 245. Разбирательство дел во всех судах открытое. Исключения из этого правила допускаются в соответствии с законом.

Статья 246. Обвиняемому обеспечивается право на защиту.

Статья 247. Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики, автономной области или автономного округа с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать в суде на родном языке.

Статья 248. Все суды в СССР образуются на началах выборности судей и народных заседателей и их отчетности перед народными собраниями или Народными Советами, их избравшими.

Народные собрания и соответствующие Народные Советы имеют право на досрочный отзыв судей и народных заседателей.

Порядок выборов судей и народных заседателей, их отзыва определяется законом.

Статья 249. Верховный Суд СССР избирается Верховным Народным Советом СССР сроком на четыре года.

В состав Верховного Суда СССР входят председатели Верховных Судов союзных республик по должности.

Статья 250. Верховные Суды союзных республик, Суды автономных республик, краевые и областные суды, суды автономных областей и автономных округов избираются соответствующими Народными Советами сроком на четыре года.

Статья 251. Народные судьи районных (городских) народных судов избираются гражданами района (города) на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на четыре года.

Народные заседатели районных (городских) народных судов избираются на народных собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства, а также на собраниях военнослужащих — по воинским частям, сроком на два года.

Статья 252. Высшим судебным органом СССР является Верховный Суд СССР. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за осуществлением правосудия судебными органами союзных республик в пределах, установленных законом, а также за деятельностью военных трибуналов.

Глава XXII

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Статья 253. Надзор от имени государства за точным исполнением законов всеми министерствами и ведомствами, предприятиями и учреждениями, местными органами власти и управления, общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на органы прокуратуры.

Органы прокуратуры составляют единую централизованную систему, возглавляемую Генеральным прокурором СССР, с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим.

Статья 254. Органы прокуратуры осуществляют свои функции по надзору за законностью независимо от каких бы то ни было местных органов. Никто не может вмешиваться в деятельность органов прокуратуры или препятствовать осуществлению их обязанностей.

Органы прокуратуры обязаны своевременно принимать меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили, а также строго следить за тем, чтобы пра-

вонарушения и посягательства на общественный и государственный строй СССР, на права и законные интересы граждан, государственных, кооперативных и общественных организаций преследовались по закону.

Статья 255. Генеральный прокурор СССР избирается Верховным Народным Советом СССР сроком на четыре года.

Генеральный прокурор СССР ответствен перед Верховным Народным Советом СССР и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Народного Совета СССР — подотчетен Президиуму Верховного Народного Совета СССР.

Статья 256. Прокуроры союзных республик избираются Верховными Народными Советами союзных республик сроком на четыре года.

Прокурор союзной республики подотчетен Верховному Народному Совету республики, а в период между сессиями Верховного Народного Совета — Президиуму Верховного Народного Совета республики, а также Генеральному прокурору СССР.

Статья 257. Прокуроры автономных республик, краев, областей и автономных областей назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Генерального прокурора СССР сроком на четыре года.

Прокуроры автономных округов, городов и районов назначаются прокурорами союзных республик сроком на четыре года.

Статья 258. В составе Прокуратуры СССР и в прокуратурах союзных республик образуются коллегии на правах совещательных органов.

Состав коллегии Прокуратуры СССР утверждается Президиумом Верховного Народного Совета СССР, а состав коллегий прокуратур союзных республик — Президиумами Верховных Народных Советов соответствующих союзных республик по согласованию с Генеральным прокурором СССР.

Глава XXIII

НАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

Статья 259. Народный контроль за деятельность государственных, хозяйственных организаций, предприятий, учреждений и должностных лиц во всех областях жизни общества осуществляется гражданами СССР, органами партийно-государственного контроля и общественными организациями трудящихся.

Статья 260. Народный контроль имеет целью:

- проверку исполнения законов, обеспечение бережного отношения к народному достоянию, соблюдения государственной, плановой и договорной дисциплины;

- пресечение злоупотреблений властью, искоренение бюрократизма и волокиты;

- содействие совершенствованию государственного аппарата, воспитанию кадров в духе морального кодекса строителей коммунизма.

Статья 261. Народный контроль осуществляется как путем периодической отчетности руководителей предприятий, учреждений и организаций на народных собраниях рабочих, служащих, колхозников и граждан по месту их работы или жительства, так и через постоянно действующую систему органов народного контроля.

На предприятиях, в учреждениях, совхозах и колхозах создаются группы содействия партийно-государственному контролю, избираемые на собраниях коллективов трудящихся.

Статья 262. Постоянно действующая система органов народного контроля возглавляется Комитетом партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Правительственного Совета СССР.

Статья 263. Органы партийно-государственного контроля осуществляют свою деятельность на основе широкой гласности, координируют и объединяют контрольную работу всех ведомств и общественных организаций.

ОТНОШЕНИЯ СССР С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Глава XXIV

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

Статья 264. Союз Советских Социалистических Республик стремится к установлению и развитию добрососедских и дружественных отношений со всеми странами на началах взаимности, строгого уважения суверенитета, равноправия и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других государств.

Статья 265. Союз Советских Социалистических Республик последовательно борется за прочный мир во всем мире; отвергает войну как средство международной политики, добивается разрешения споров между государствами исключительно мирными средствами, путем переговоров.

Пропаганда войны на территории Советского Союза карается законом. Лица, виновные в такой пропаганде, подлежат наказанию как опасных преступники.

Статья 266. Союз Советских Социалистических Республик руководствуется принципами мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем, последовательно отстаивает международный правопорядок, неуклонное соблюдение добровольно принятых обязательств и договоров между государствами.

Статья 267. Союз Советских Социалистических Республик постоянно стремится расширять экономические связи, научно-техническое и культурное сотрудничество со всеми странами.

В своих экономических отношениях с другими государствами СССР соблюдает принципы равноправия, суверенитета и взаимной выгоды.

Внешняя торговля, иные экономические связи, научно-техническое и культурное сотрудничество СССР с зарубежными странами развиваются на основе международных договоров и соглашений.

СССР строит свои внешнеэкономические отношения на основе государственной монополии.

Статья 268. Союз Советских Социалистических Республик последовательно выступает за уничтожение всех форм колониального угнетения; считает своим священным долгом оказание помощи народам, борющимся против колониализма, за национальное освобождение, завоевание и укрепление политической и экономической независимости; осуществляет со странами, освободившимися от колониальной зависимости, широкое политическое, экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество.

Глава XXV

СССР В СОДРУЖЕСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Статья 269. Союз Советских Социалистических Республик входит в содружество социалистических стран, объединенных узами нерушимой дружбы, единством целей и общностью интересов в строительстве социализма и коммунизма.

Статья 270. Союз Советских Социалистических Республик в своих взаимоотношениях с социалистическими государствами руководствуется принципами социалистического интернационализма, братской взаимопомощи и всестороннего сотрудничества независимых, суверенных и равноправных народов в их взаимных интересах и в целях развития всей мировой системы социализма.

Статья 271. Союз Советских Социалистических Республик, в целях всемерного укрепления мировой социалистической системы, активно способствует ускорению роста мирового социалистического хозяйства, расширению товарооборота между социалистическими странами, совершенствованию международного социалистического разделения труда, координации народнохозяйственных планов; развитию культурного общения народов социалистических стран, взаимообогащению национальных культур, сближению социалистических наций.

Раздел восьмой

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Глава XXVI

ГЕРБ, ФЛАГ, ГИМН, СТОЛИЦА СССР

Статья 272. Государственный герб СССР представляет собой изображение серпа и молота на земном шаре в лучах солнца, обрамленное колосьями, с надписью на языках союзных республик «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На верху герба помещена пятиконечная звезда.

Статья 273. Государственный флаг СССР состоит из красного прямоугольного полотнища, с изображением на его верхнем углу, у древка, золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1 : 2.

Статья 274. Гимном Союза Советских Социалистических Республик является...

Статья 275. Столица СССР — город Москва.

Глава XXVII

ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ СССР

Статья 276. Изменение Конституции СССР, если оно касается основных ее начал, производится путем референдума.

Другие изменения в Конституцию СССР вносятся по решению Верховного Народного Совета СССР, принятому большинством не менее двух третей голосов общего числа депутатов в каждой из его палат — Совета Союза и Совета Национальностей.

* * *

Конституция общенародного социалистического государства — орудие коммунистического строительства в руках советского народа. Она утверждает такую структуру государственной

власти, такие формы управления и нормы взаимоотношений между людьми, которые еще больше укрепят органы Советской власти, обеспечат всеобщее участие трудящихся в управлении общественными делами, хозяйственным и культурным строительством, будут способствовать неуклонному движению Советского Союза к коммунизму.

Великие исторические задачи, поставленные в Программе КПСС: строительство материально-технической базы коммунизма, создание коммунистических общественных отношений, воспитание нового человека, — будут решены. Принцип коммунизма: «ОТ КАЖДОГО ПО СПОСОБНОСТЯМ, КАЖДОМУ ПО ПОТРЕБНОСТЯМ» будет осуществлен.

Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Примечания

Введение

¹ В качестве примера можно сослаться на литературу первой половины 60-х годов, где анализировалась практика привлечения трудящихся к охране общественного порядка: Милькин Г. Я. Общественность и укрепление законности. М., 1960; Иванов В. Н. Человек и закон. М., 1960; Линенбург Г. А., Леонов Н. Н. Товарищеский суд на предприятии. М., 1959; Клинов Н. И., Прохоров В. Т. В борьбе за социалистическую законность. М., 1961; Зазулин А. М. Деятельность КПСС по повышению роли общественности в укреплении социалистической законности и соблюдении правил социалистического общежития. М., 1962; Дементьева Н. В. Трудящиеся на страже общественного порядка. М., 1959; Пертдик В. А. Народные дружины. Иркутск, 1960 и др.

² См. Tucker R. *The Soviet Political Mind*. London, 1972; Tucker R. *Power and Policy in the USSR*. New York, 1961; Moore B. *Terror and Progress in the USSR*. Cambridge, 1954; Armstrong J. *The Politics of Totalitarianism: The Communist Party of the Soviet Union from 1934 to the Presents*. New York, 1961; Swayze H. *Political Control of Literature in the USSR. 1946—1959*. Cambridge, 1962; Nove A. *An Economic History of the USSR*. 2nd ed. New York, 1989; Brown D. *Soviet Russian Literature since Stalin*. New York, 1979; Gorlizky Y. *De-stalinization and the Politics of Russian Criminal Justice. 1953—1964*. Ph. D. diss. University of Oxford. 1992; Gill G. *The Rules of the Communist Party of the Soviet Union*. New York, 1988; Sehroeder G. *The Soviet Economy on a Treadmill of «Reforms»*, Washington. 1979; Gregory P. *Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy*. Cambridge, 1990; Kornai J. *The socialist System: The Political Economy of Communism*. Oxford, 1992; Brzezinski Z., Huntington L. S. *Political Power: USA/USSR*. London, 1964; Leonhard W. *The Kremlin since Stalin*. London, 1962; McLauley M. *Khrushchev and Breznev as Leaders*. London, 1982; Crankshaw E. *Khrushchev*. London, 1969; Pistrak L. *The Grand Tactician: Khrushchev's Rise to Power*. London, 1961; Linden C.

Khrushchev and Soviet Leadership. 1957—1964. Baltimore, 1966; Gustafson T. Reform of Land and Water in the USSR. Cambridge, 1981; Frankland M. Khrushchev. London, 1966; Knight A. The KGB: Police and Politics in the Soviet Union. London, 1988; Hosking G. A History of the Soviet Union. London, 1985; Barron J. KGB Today: The Hidden Hand. London, 1984; Deriabin P., Gibney F. The Secret World. New York, 1982 и др.

³ См. Гефтер М. Я. «Сталин умер вчера...» // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 1. С. 113—130; Аксютин Ю. В. Н. С. Хрушев: «Мы должны сказать правду о культе личности» // Труд. 13. 11. 1988; Первый удар: К истории выступления Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС с докладом «О культе личности и его последствиях»: Беседа с Ю. Аксютиним. // Молодой коммунист. 1989. № 4. С. 39—49; Никита Сергеевич Хрушев. Материалы к биографии. / Сост. Ю. В. Аксютин. — М.: Политиздат, 1989; Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. — М.: Политиздат, 1991; XX съезд КПСС и исторические реальности / Под общей ред. В. В. Журавлева, рук. авт. кол. Н. А. Барсуков. — М.: Политиздат, 1991; Данилов А. А. Реформы «сверху» и стагнация в обществе. 1946—1985 гг. // XX век: выбор модели общественного развития. История России. Ч. III. М., 1994. С. 107—160; Наумов В. П. К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 147—168; Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XX век. М., 1996; Барсуков Н. Как создавался «закрытый доклад» Хрущева // Литературная газета. 21. 02. 96; XX съезд: материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. — М.: Горбачев-фонд, 1996; Аксютин Ю. Новое о XX съезде // Отечественная история. 1998, № 2. С. 108—123; Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти (1945 — 1991). — М.: РАГС, 1998 и др.

⁴ См.: Дробижев В. Н. С. Хрушев как политический деятель // Аргументы и факты. 1987. № 12; Медведев Р. А. Хрушев. Год 1957-й — укрепление позиций. Год 1964-й — неожиданное смещение // Аргументы и факты. 1988. № 25, 27; Бурлацкий Ф. Хрушев: штрихи к политическому портрету // Литературная газета. 24. 02. 88; Никита Сергеевич Хрушев. Материалы к биографии. М., 1989; Симонов К. Он оказался принципиальнее и энергичнее, чем все остальные // Знамя. 1988. № 4; Валовой Д. Н. С. Хрушев: «Повернуться лицом к экономике» // Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. М., 1988. С. 78—83; Семенов Ю. «Это не вымысел, товарищ Хрушев...» // Нева. 1988. № 6; Федоров Г. Как нам оценивать Хрущева? // Московские новости. 1988. № 31; Павлов С. «На смену придут другие — смелее и лучше нас» Н. С. Хрушев // Комсомольская жизнь. 1988. № 17; Наумов В. П. Н. С. Хрушев за единоличную власть //

Новая и новейшая история. 1996. № 2; Его же. Н. С. Хрушев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 19—35; Кожукало И. П., Шаповал Ю. И. Н. С. Хрушев на Украине // Вопросы истории КПСС. 1989. № 9; Волобуев О., Кулешов С. Так и не «прорвался» к народу // Социалистическая индустрия. 1988. 20 ноября; Аджубей А. И. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6; Гефтер М. Судьба Хрущева. История неусвоенного урока // Октябрь. 1989, № 1. С. 154—181; Н. С. Хрушев (1894—1971). Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева. М.: Горбачев-фонд, 1994 и др.

⁵ См.: Левада Ю., Шейнис В. 1953—1964: почему тогда не получилось // Московские новости. 1988. № 18; Глотов В. И. О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 50 — первой половине 80-х годов // Вопросы истории КПСС. 1988, № 4; Разуваева Н. Н. Противоречия и трудности социально-экономического развития СССР в 1961—1965 годах // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. — М., 1989. С. 314—327; Воронов Г. От «оттепели» до застоя // Известия. 17. 11. 89; Зубкова Е. Ю. Общество и реформы (1945—1964). — М., 1993; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. / Рук. авт. коллектив В. В. Журавлев. — М.: Росспэн, 1995 и др.

⁶ См.: Партия и вопросы развития советской литературы и искусства // Коммунист. 1957. № 3; Ромм М. Четыре встречи с Н. С. Хрущевым // Огонек. 1988. № 28; Довженко А. «Пишу, разлученный с народом моим» // Огонек. 1989. № 19; Вознесенский А. Н. С. Хрушев: «В вопросах искусства я сталинист» // Никита Сергеевич Хрушев. Материалы к биографии. — М.: Политиздат, 1989. С. 128—130; Неизвестный Э. Диалог с Хрущевым. // Говорит Неизвестный. — Пермь, 1991. С. 6 — 31; Новое о выставке в Манеже. / Из стенограммы заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС. // Отечественные архивы. 1993, № 2. С. 38 — 46; Крон А. Заметки писателя // Литературная Москва. М., 1996; и др.

⁷ См.: Аджубей А. И. Те десять лет. — М., 1989; Аджубей А. И. Крушение иллюзий. — М., 1991; Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление. — М.: Межд. отношения, 1991; Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. — М.: Республика, 1993; Его же. От Сталина до Ельцина. — М.: ГазОйл, 1998; Вишневская Г. Галина. История жизни. — М.: Библиополис, 1994; Воробьев К. Заметки сердца: Из архива писателя. / Сост. В. В. Воробьева. — М.: Современник, 1989; Григоренко П. В. В подполье можно встретить только крыс... / Воспоминания. — М.: «Звенья», 1997; Воронов Г. От «оттепели» до застоя // Известия. 17. 11. 88; Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева: Политические портреты.

Мемуары. — М.: Аспол, 1996; Громыко А. А. Памятное, тт. 1—2. Изд. 2-е, доп. — М.: Политиздат, 1990; Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995; Зверев А. Г. Записки министра. — М.: Политиздат, 1973; Злобин А. Дневник писателя. // Русское богатство. 1993, № 1, с. 319 — 366; Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. — М.: Вагриус, 1996; Карягин В. В. Дипломатическая жизнь за кулисами и на сцене. — М.: Межд. отношения, 1994; Микоян А. И. Дорогой борьбы. М., 1971; Михайлов Н. А. Покой нам только снится. М., 1968; Мухитдинов М. А. Река времени (от Сталина до Горбачева): Воспоминания. — М.: Руст-Рости, 1995; Нагин Ю. Дневник. — М.: Книжный сад, 1996; Орлов Ю. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. — М.: «АиФ», 1992; От оттепели до застоя. Сб. восп. / Сост. Г. В. Иванов. — М.: Сов. Россия, 1990; Перельман В. Покинутая Россия: Журналист в закрытом обществе. — Нью-Йорк, Иерусалим, Париж: «Время и мы», 1989; Пузиков А. Будни и праздники: Из записок главного редактора. — М.: Худ. литература, 1994; Самойлов Д. Памятные записки. — М.: Межд. отношения, 1995; Семичастный В. Е. Незабываемое // Комсомольская жизнь. 1988. № 7; Симон К. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. — М.: Новости, 1989; Сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. — М.: Терра, 1991; Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. М., 1997; Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953—1960) // Знамя. 1989. № 8; Трояновский О. А. Через годы и расстояния. М., 1997; Хрушев Н. С. Воспоминания. М., 1997; Хренников Т. Исправление ошибок // Советская культура. 21.05.88; Чазов Е. И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992; Чуковский К. И. Дневник /1930—1969/. М.: Современ. писатель, 1994; Шелест П. Е. «...Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. — М., 1995 и др.

⁸ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1—2; Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 80—120.

¹⁰ Источник. 1994. № 1. С. 106—111.

¹¹ Часть из них с 1959 года до отставки Н. С. Хрущева (14.10.1964 г.) публиковалась непосредственно в те годы. Это делалось, по всей видимости, потому, что пленумы тогда походили больше на масштабные пропагандистские мероприятия, чем на закулисные подмостки для реальной политики. В их работе принимало участие огромное количество людей (около 5—6 тысяч человек). Такая практика была прекращена после 1964 года.

Раздел 1

- ¹² Советское государство и право. 1947. № 2. С. 49.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1092. Л. 88—89.
- ¹⁴ Вопросы экономики. 1952. № 3. С. 8.
- ¹⁵ Вопросы экономики. 1952. № 5. С. 5.
- ¹⁶ Правда. 1952. 2 апреля.
- ¹⁷ Отчетный доклад ЦК КПСС. // XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1. М., 1952. С. 39.
- ¹⁸ Подробно об этом см.: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998.
- ¹⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 350—362, 362—368, 505—511, 549—560.
- ²⁰ Плановое хозяйство. 1947. № 1. С. 35.
- ²¹ Плановое хозяйство. 1948. № 1. С. 47.
- ²² Правда Украины. 1948. 8 апреля.
- ²³ Плановое хозяйство. 1947. № 2. С. 9; 1948. № 1. С. 19.
- ²⁴ Большевик. 1948. № 15. С. 40—41.
- ²⁵ Правда. 1946. 28 ноября.
- ²⁶ Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 160.
- ²⁷ См. например, Отчет Вологодского областного комитета ВКП(б) за 1947 год // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 202. Л. 43—44.
- ²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 159.
- ²⁹ Правда. 1947. 30 декабря.
- ³⁰ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991 гг. М., 1998. С. 62.
- ³¹ Попов В. П. Голод и государственная политика (1946—47 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 46.
- ³² История России. XX век. М., 1997. С. 488.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 633. Л. 27—109.
- ³⁴ Там же. Л. 27—29.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 673. Л. 3.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Правда Украины. 1948. 28 мая.
- ³⁸ См.: Попов В. П. Неизвестная инициатива Хрущева // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 31—38.
- ³⁹ АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 302. Л. 16.
- ⁴⁰ Правда Украины. 1949. 5 октября.
- ⁴¹ См. Правда. 1950. 11 апреля.
- ⁴² См. Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 43—44.
- На XIX съезде КПСС Маленков вспоминал об этом случае: «...отдельные наши руководящие работники... допускали непра-

вильный, потребительский подход к вопросам колхозного строительства. Они предлагали форсированно осуществить массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки... и создать на новых местах «колхозные города», «агрогорода»,... Ошибка этих товарищей состоит в том, что они забыли о главных производственных задачах колхозов и выдвигали на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах... Партия своевременно приняла меры по преодолению этих неправильных тенденций в области колхозного строительства» // См.: XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1. С. 60—61.

На XXII съезде партии секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев оценивал этот эпизод уже иначе. Он характеризовал его как борьбу Хрущева с консерватизмом Сталина и коварством Маленкова, не понимавших тенденций развития советской деревни // см.: XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 2. С. 446.

⁴³ Правда. 1946. 10 февраля.

⁴⁴ Правда. 1947. 7 ноября.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 494. Л. 7.

⁴⁶ Правда. 1947. 5 мая.

⁴⁷ Правда. 1947. 7 ноября.

⁴⁸ Федосеев П. Марксистская теория классов и классовой борьбы // Большевик. 1948. № 14. С. 74—75.

⁴⁹ Большевик. 1945. № 17. С. 3.

⁵⁰ Правда. 1946. 16 марта.

⁵¹ См., например: По пути к коммунизму // Правда. 1949. 9 февраля; Советская женщина — активный строитель коммунизма // Правда. 1949. 17 февраля; Партия Ленина-Сталина ведет нас к коммунизму // Правда. 1949. 10 марта; К новым успехам в борьбе за коммунизм // Правда. 1951. 2 января и др.

⁵² Большевик. 1952. № 18. Л. 55.

⁵³ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 66—67.

⁵⁴ XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1. С. 105.

⁵⁵ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. С. 450.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 144, 46, 39.

⁵⁷ Там же. Л. 45.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 90.

⁵⁹ Там же. Л. 89, 93.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 25—28.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1093. Л. 36—39.

⁶² Правда. 1953. 20 января.

⁶³ См., например, РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 684. Л. 2—4; Д. 686. Л. 9; Д. 687. Л. 1; Д. 690. Л. 2.

⁶⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 440—441.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ РГАНИ Ф. 5. Оп. 32. Д. 15. Л. 22.

⁶⁷ РГАНИ Ф. 5. Оп. 30. Д. 100. Л. 6—21; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1985. Т. 8. С. 441.

⁶⁸ Правда. 1954. 21 мая.

⁶⁹ РГАНИ Ф. 5. Оп. 30. Д. 139. С. 17.

⁷⁰ Сессия Верховного Совета СССР (февраль 1955 г.) по предложению депутата А. М. Пузанова (Омский округ, РСФСР) освободила Маленкова Г. М. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 2. С. 61.

⁷¹ РГАНИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 178. Л. 117 об.

⁷² Хрушев Н. С. Воспоминания. М., 1997. С. 262.

⁷³ Там же.

⁷⁴ См.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Алфавитный указатель // Исторический архив. 1998. № 4.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2. Л. 202—207.

⁷⁶ Там же. Л. 208.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 71.

⁷⁸ Там же. Л. 72.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 75—76. Попутно заметим, что этот важнейший рычаг управления партийными делами сохранился в руках Маленкова вплоть до осени 1954 г., когда ему на смену пришел созданный Хрушевым Общий отдел ЦК. Добавим также, что по ленинской традиции председательствующим на заседаниях Политбюро (Президиума) ЦК являлся руководитель правительства. Ему, по сути, и должен был подчиняться Секретариат. Таким образом, сосредоточение в руках Маленкова рычагов партийной власти создавало для него и некий трамплин для последующего наследования поста главы правительства.

⁸¹ Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 33—34.

По итогам этого разговора вскоре принято решение ЦК об освобождении от должности главного редактора журнала «Большевик» П. Федосеева, из состава редакции выводились Г. Александров и М. Иовчук // Правда. 1952. 24 декабря.

⁸² РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 58—59.

⁸³ Там же. Л. 58.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Покончить с ротозейством в наших рядах // Правда. 1953. 18 января; Свободные народы повышают бдительность // Правда. 1953. 27 февраля; Ротозей — пособники // Правда. 1953.

31 января; Бдительность — наше оружие // Правда. 1953. 8 февраля и др.

⁸⁷ Чечеткина О. Почта Лидии Тимашук // Правда. 1953. 20 февраля.

⁸⁸ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 151. Д. 13. Л. 1.

Раздел 2

⁸⁹ XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991. С. 13.

⁹⁰ R. Tucker. The Soviet Political Mind. London, 1972. P. 196.

⁹¹ См.: например: Правда. 1954. 18 января; 14 марта; 1955. 12 января; 30 апреля; 6 ноября и др.

⁹² Правда. 1954. 19, 20, 21, 22 декабря.

⁹³ Правда. 1954. 5 марта.

⁹⁴ Правда. 1954. 1 февраля.

⁹⁵ Правда. 1956. 6, 7 января.

⁹⁶ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 182.

⁹⁷ Правда. 1954. 9 января.

⁹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 65.

⁹⁹ Трояновский О. А. Через годы и расстояния. М., 1997. С. 172.

¹⁰⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 302.

¹⁰¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 142.

¹⁰² Там же. Л. 141.

¹⁰³ Трояновский О. А. Через годы и расстояния. М., 1997. С. 171—172.

¹⁰⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 20.

¹⁰⁵ Коммунист. 1955. № 2. С. 64—67.

¹⁰⁶ Правда. 1955. 12 апреля.

¹⁰⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 109.

¹⁰⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 137. Л. 114.

¹⁰⁹ Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1997. С. 289—290.

¹¹⁰ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 1998. С. 163.

¹¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 143. Л. 5.

¹¹² Правда. 1956. 4 февраля.

¹¹³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 116.

¹¹⁴ Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1997. С. 289—290.

¹¹⁵ Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 452.

¹¹⁶ XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 102.

- ¹¹⁷ XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 346.
- ¹¹⁸ Там же. С. 414, 459, 509 и др.
- ¹¹⁹ Там же. С. 99.
- ¹²⁰ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 183.
- ¹²¹ Партийная жизнь. 1958. № 4. С. 10—11.
- ¹²² Правда. 1956. 5 апреля.
- ¹²³ Выступление Н. С. Хрущева на Секретариате ЦК КПСС 13 мая 1957 года // АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 247. Л. 30.
- ¹²⁴ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 356. Л. 30.
- ¹²⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1985. Т. 9. С. 11—129.
- ¹²⁶ Правда. 1955. 9 февраля.
- ¹²⁷ Коммунист. 1955. № 14. С. 127.
- ¹²⁸ XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 115.
- ¹²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 141. Л. 126.
- ¹³⁰ Правда. 1957. 15 сентября
- ¹³¹ Правда. 1957. 11 октября.
- ¹³² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенографический отчет июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 37, 39, 40.
- ¹³³ Там же. С. 429, 118.
- ¹³⁴ Там же. С. 201, 429.
- ¹³⁵ Там же. С. 203.
- ¹³⁶ Там же. С. 680.
- ¹³⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 72. Л. 35.
- ¹³⁸ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 613—614, 615, 622, 625, 637, 638, 640, 645, 648, 651, 657, 658, 667, 670, 673, 694, 698, 699, 704, 709, 712, 718, 720, 723—724.
- ¹³⁹ Подсчитано автором по: XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 1—2; XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1—3.
- ¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 183. Л. 1.
- ¹⁴¹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 3. С. 221.
- ¹⁴² Подсчитано автором по: XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1—3.
- ¹⁴³ АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 247. Л. 32.
- ¹⁴⁴ Пленум ЦК КПСС. 5—9 марта 1962 г. Стенографический отчет. М., 1962. С. 43; Пленум ЦК КПСС. 18—21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 280.
- ¹⁴⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 278. Л. 150.
- ¹⁴⁶ Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1997. С. 242.

- 147 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 810. Л. 10.
- 148 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 810. Л. 10.
- 149 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 100.
- 150 Там же. Л. 140, 197.
- 151 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 100.
- 152 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 138. Л. 82—86. Д. 140. Л. 57—63.
- 153 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 347. Л. 70.
- 154 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 45. Л. 24—25.
- 155 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 139. Л. 3.
- 156 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 101.
- 157 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 45. Л. 18, 45; Д. 46. Л. 19, 40, 63,
64, 82, 123, 202, 206—207.
- 158 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 46. Л. 82, 244.
- 159 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 46. Л. 204.
- 160 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 810. Л. 11; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31.
Д. 54. Л. 8.
- 161 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 46. Л. 204.
- 162 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 97.
- 163 Там же. Л. 26—27.
- 164 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 45. Л. 2.
- 165 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 95.
- 166 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 45. Л. 2.
- 167 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 54. Л. 15.
- 168 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 46. Л. 21—22.
- 169 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 45. Л. 4.
- 170 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 46. Л. 217.
- 171 РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 102. Л. 36.
- 172 РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 102. Л. 39.
- 173 РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.
- 174 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 33. Л. 88.
- 175 ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 272. Л. 24.
- 176 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 33. Л. 86.
- 177 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 236. Л. 6.
- 178 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 72. Л. 2.
- 179 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 70. Л. 128; Д. 72. Л. 4.
- 180 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 72. Л. 9.
- 181 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 70. Л. 57; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32.
Д. 70. Л. 58; Д. 72. Л. 70.
- 182 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 72. Л. 8.
- 183 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 80. Л. 2; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32.
Д. 72. Л. 19—21.
- 184 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 46. Л. 82; Ф. 599. Оп. 1. Д. 176.
Л. 70.
- 185 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 77. Л. 56.
- 186 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 94.
- 187 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 45. Л. 38.

- 188 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 46. Д. 199. Л. 85.
- 189 РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 101. Л. 64.
- 190 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 346. Л. 18.
- 191 Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 150.
- 192 XX съезд КПСС. 14—25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 323.
- 193 Там же. С. 325.
- 194 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 9. С. 126.
- 195 Там же. С. 121.
- 196 Вопросы философии. 1959. № 2. С. 57—58.
- 197 Вопросы истории КПСС. 1964. № 8. С. 108; Коммунист. 1960. № 16. С. 14.
- 198 Исторический архив. 1958. № 3. С. 171.
- 199 О Сталине и сталинизме // История СССР. 1989. № 4. С. 107.
- 200 Францев Ю. П. Социалистический коллективизм и формирование личности // Вопросы философии. 1960. № 10. С. 48.
- 201 См., например: Маневич С. А. О ликвидации различий между умственным и физическим трудом // Вопросы философии. 1961. № 9. С. 17—27.
- 202 Вопросы экономики. 1957. № 11. С. 105.
- 203 Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
- 204 Гатовский Л. Социалистический принцип материальной заинтересованности и использования товарно-денежных отношений // Коммунист. 1959. № 1. С. 70; Юровицкий О. Материальные и моральные стимулы производства // Там же. 1960. № 12. С. 29; Сухаревский Б. Экономическое стимулирование предприятий // Там же. 1964. № 15. С. 27—32.
- 205 Коммунист. 1962. № 18. С. 71.
- 206 Правда. 1957. 25 июня.
- 207 Малышев П., Соболев В. О научной основе изучения социалистической экономики // Коммунист. 1961. № 8. С. 82—88.
- 208 Гатовский Л., Саков М. О принципиальной основе экономических исследований // Коммунист. 1960. № 15. С. 80—81.
- 209 Вопросы философии. 1958. № 12. С. 171.
- 210 Коммунист. 1958. № 16. С. 86.
- 211 Каганович Л. М. За большевистское изучение истории партии. М., 1932. С. 13.
- 212 Знамя. 1989. № 5. С. 205—206.
- 213 Вопросы истории. 1956. № 7. С. 222.
- 214 Вопросы истории. 1956. № 3. С. 12.
- 215 Вопросы истории. 1956. № 3. С. 4.
- 216 Вопросы истории. 1956. № 4.
- 217 Партийная жизнь. 1956. № 14.

- ²¹⁸ XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 622—625.
- ²¹⁹ Вопросы истории. 1956. № 7. С. 222.
- ²²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 142. Л. 29.
- ²²¹ Там же. Л. 155.
- ²²² Справочник партийного работника. М., 1957. С. 381.
- ²²³ Там же. С. 381—382.
- ²²⁴ Там же. С. 397
- ²²⁵ Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С. 171—173.
- ²²⁶ Ваганов Ф. М. Разгром правого уклона ВКП (б) // Вопросы истории КПСС. 1960. № 4. С. 62—80.
- ²²⁷ Коммунист. 1959. № 17. С. 95.

Раздел 3

- ²²⁸ Подсчет автора: Исторический архив. 1997. № 1. С. 4—39.
- ²²⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 4. Л. 161—167; Д. 7. Л. 221; Д. 8. Л. 196; Д. 22. Л. 116.
- ²³⁰ Источник. 1994. № 1. С. 106—111.
- ²³¹ См.: Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 249—253.
- Как свидетельствует венгерский лидер послевоенных лет М. Ракоши, Сталин подчеркивал: «Товарищи забывают, что Коммунистическая партия, какой бы она ни была популярной, является лишь маленькой частичкой народа. Подавляющее большинство населения, народ, считает своим представительным органом правительство, поскольку оно избрано депутатами, за которых голосовал народ» // Из воспоминаний М. Ракоши. Исторический архив. 1998. № 3. С. 17.
- ²³² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 278. Л. 110, 144.
- О характере заседаний Политбюро в послевоенный период сообщает в своих воспоминаниях М. Ракоши: «Месяцев за 8 до своей смерти Сталин на одном из обедов в Президиуме ЦК КПСС, что при тогдашних условиях, очевидно, означало заседание Президиума, либо заменяло его, объяснял мне что нужно активнее выдвигать на передний план значение государственной власти» // Из воспоминаний М. Ракоши. Исторический архив. 1998. № 3. С. 16.
- ²³³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 110 об.
- ²³⁴ Там же.
- ²³⁵ Трояновский О. А. Через годы и расстояния: М., 1997. С. 170—171.
- ²³⁶ Подробнее см.: Берия: конец карьеры. М., 1991.
- ²³⁷ Ниточкина А. Товарищ Берия, вы большой ученый // Паспорт-экспресс. 1997. № 5. С. 18.

- 238 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 32. Л. 152, 233.
- 239 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 53. Д. 3283. Л. 45, 109—110.
- 240 Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1997. С. 251—252.
- 241 РГАНИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 278. Л. 118.
- 242 Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 147.
- 243 Заседание Верховного Совета СССР (пятая сессия). 5—8 августа 1953 г. Стенографический отчет. М., 1953. С. 264.
- 244 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 2. Л. 94.
- 245 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 440—441.
- 246 Сессия Верховного Совета СССР (февраль 1955 г.) по предложению депутата А. М. Пузанова (Омский округ, РСФСР) освободила Маленкова Г. М. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 2. С. 61.
- 247 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 117 об.
- 248 Правда. 1954. 13 марта; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 108.
- 249 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 108.
- 250 Там же. Л. 111 об.
- 251 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 208. Л. 86 об.
- 252 Молотов, Маленков. Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 29.
- 253 Там же. С. 31, 32.
- 254 Подсчет автора по: Молотов, Маленков. Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 46—58; 59—71; 72—81; 100—132.
- 255 Там же. С. 239.
- 256 Там же. С. 241—245.
- 257 Там же. С. 358.
- 258 Там же. С. 115.
- 259 Советская Россия. 1989. 19 февраля.
- 260 Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 300.
- 261 Там же. С. 315.
- 262 Там же. С. 497.
- 263 Наумов В. П. Борьба Хрущева за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 30—31.
- 264 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 2. Д. 1049. Л. 14.
- 265 Там же. Л. 15.
- 266 Там же. Л. 20.
- 267 Там же. Л. 19.
- 268 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 2. Д. 827. Л. 62.
- 269 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 2. Д. 1049. Л. 19.
- 270 Там же. Л. 17.
- 271 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 2. Д. 1049. Л. 26.
- 272 Там же. Л. 39.

- 273 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 2. Д. 1008. Л. 17—18.
 - 274 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 2. Д. 774. Л. 150.
 - 275 Там же. Л. 157—158.
 - 276 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 72. Д. 1049. Л. 27—28.
 - 277 Пыжиков А. Отставка // Союз. 1991. № 8. С. 16.
 - 278 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9. С. 210.
 - 279 Там же. С. 210—211.
 - 280 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 289. Л. 16.
 - 281 Красная Звезда. 1964. 11 февраля.
 - 282 Указ. по: Прибытков В. Аппарат. СПб. 1995. С. 113—114.
 - 283 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 277. Л. 59—59.
 - 284 Трояновский О. А. Через годы и расстояния. М., 1997. С. 198.
 - 285 XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1.
- С. 108.
- 286 Справочник партийного работника. М., 1957. . Вып. 1. С. 127.
 - 287 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 449. Л. 3—13; Оп. 13. Д. 164.
- Л. 68.
- 288 Коммунист. 1958. № 16. С. 86.
 - 289 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 150. Л. 170—175.
 - 290 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 175. Л. 7.
 - 291 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 182. Л. 32.
 - 292 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 508. Л. 86—90.
 - 293 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 180. Л. 2.
 - 294 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 159. Л. 4.
 - 295 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 217. Л. 3.
 - 296 Советская Россия. 1960. 28 августа, 17 сентября.
 - 297 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 269. Л. 7—8.
 - 298 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 239. Л. 3—4. Д. 262. Л. 3.
 - 299 Справочник партийного работника. М., 1957. Вып. 1. С. 127.
 - 300 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 156. Л. 12—13.
 - 301 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 231. Л. 9.
 - 302 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 449. Л. 13.
 - 303 Пленум ЦК КПСС. 19—23 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 22.
 - 304 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 13. Д. 164. Л. 68.
 - 305 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 232. Л. 8—10.
 - 306 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 156. Л. 2. Д. 202. Л. 3.
 - 307 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 171. Л. 17; Д. 185. Л. 35; Д. 238.
- Л. 8.
- 308 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 257. Л. 5.
 - 309 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 13. Д. 132. Л. 2—14.
 - 310 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 225. Л. 1—3; РГАНИ Ф. 5.
- Оп. 30. Д. 286. Л. 129—131.
- 311 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 13. Д. 254. Л. 6—7.
 - 312 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 507. Л. 103; Д. 237. Л. 17.

- 313 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 558. Л. 12—13.
- 314 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 507. Л. 87—88.
- 315 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 507. Л. 84—85.
- 316 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 507. Л. 85.
- 317 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 196. Л. 4.
- 318 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 558. Л. 117.
- 319 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 181. Л. 2.
- 320 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 193. Л. 2.
- 321 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 182. Л. 8; Д. 209. Л. 6; Д. 185.
- Л. 4.
- 322 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 480. Л. 2—14.
- 323 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 12. Д. 507. Л. 32—33.
- 324 XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1966. Т. 1. С. 78; Т. 2. С. 320.

Раздел 4

- 325 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 291—292.
 - 326 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. Л. 17.
 - 327 Там же. Т. 33. С. 96.
- Особенно удачным Ленин признавал употребление самого термина «отмирание государства», считая, что он отражает суть процесса // Там же. Л. 90.
- 328 Там же. Т. 36. С. 74.
 - 329 Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. С. 604.
 - 330 Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947. С. 171.
 - 331 Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 211.
 - 332 До конца ликвидировать вредные последствия культа личности в советской юридической науке // Советское государство и право. 1962. № 4. С. 3—16.
 - 333 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 439.
 - 334 АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 271. Л. 90.
 - 335 Там же. Л. 99.
 - 336 См.: Бурлацкий Ф. Вопросы государства в проекте Программы КПСС // Коммунист. 1961. № 13; Бутенко А. Историческая миссия диктатуры пролетариата // Коммунист. 1961. № 14; Лепешкин А. Вопросы теории социалистического государства в свете Программы КПСС // Советское государство и право. 1961. № 12; Калинечев Ф. Основные черты социалистического государства и общее определение его понятия // Советское государство и право. 1962. № 1; Денисов А. И. О состоянии государства и общества в переходный от капитализма к коммунизму период. // Советское государство и право. 1960. № 4; Пискотин М. И. О развитии Советского государства в период пере-

хода от социализма к коммунизму. // Советское государство и право. 1961. № 9 и др.

³³⁷ XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 1. С. 103.

³³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 346. С. 19.

³³⁹ XIII съезд ВЛКСМ. 15—18 апреля 1958 г. Стенографический отчет. М., 1958. С. 285—286.

³⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 277. Л. 51—52.

³⁴¹ XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 1. С. 102—103.

³⁴² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 276. Л. 15, 28, 93, 102.

³⁴³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 278. Л. 103.

³⁴⁴ О хрущевском псевдокоммунизме и его всемирно-историческом уроке. Редакция газеты «Женьминь жибао». Редакция журнала «Хунци». 14 июня 1964 г. Пекин. 1964. С. 1, 35.

³⁴⁵ О хрущевском псевдокоммунизме и его всемирно-историческом уроке. Редакция газеты «Женьминь жибао». Редакция журнала «Хунци». 14 июня 1964 г. Пекин. 1964. С. 2, 44.

³⁴⁶ Правда. 1959. 25 октября.

³⁴⁷ Ромашкин П. С. Развитие социалистической государственности в коммунистическом самоуправлении // Советское государство и право. 1960. № 10. С. 33.

³⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 131. Л. 168.

³⁴⁹ Например, считалось, что имущественные отношения между гражданами в бытовом отношении уже становятся сферой преимущественно нравственного регулирования. См.: Алексеев С. С. О закономерностях развития советского права. // Советское государство и право. 1960. № 9. С. 13.

³⁵⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 131. Л. 16.

³⁵¹ Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. М., 1998. С. 138.

³⁵² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 10. С. 128.

³⁵³ Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы. 25—28 февраля 1961 г. М., 1962. С. 23.

³⁵⁴ Правда. 1961. 15 апреля.

³⁵⁵ Известия. 1953. 16 марта, 1 апреля.

³⁵⁶ Коммунист. 1953. № 12. С. 17.

³⁵⁷ Хрущев Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. М., 1953. С. 28.

³⁵⁸ Коммунист. 1953. № 1. С. 17; № 13. С. 15.

³⁵⁹ Хрущев Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. М., 1953. С. 28.

³⁶⁰ Подсчет автора по: Народное хозяйство СССР в 1970 году. М., 1971. С. 510, 519.

³⁶¹ Сборник законов СССР 1938—1967. М., 1968. Т. 2. С. 241—248, 327—328, 418—419.

- ³⁶² Там же. С. 367—383, 183—185, 195.
- ³⁶³ Подсчет автора по: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7. С. 283; Народное хозяйство СССР в 1956 году. М., 1957. С. 177; Народное хозяйство СССР в 1964 году. М., 1965. С. 610.
- ³⁶⁴ Подсчет автора по: Народное хозяйство СССР в 1970 году. М., 1971. С. 538, 545.
- ³⁶⁵ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 1995. Т. 2. С. 130—131.
- ³⁶⁶ Народное хозяйство СССР в 1970 году. М., 1971. С. 537.
- ³⁶⁷ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 1. С. 97.
- ³⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.
- ³⁶⁹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 5. Л. 3; Ф. 5. Оп. 30. Д. 141. Л. 82.
- ³⁷⁰ См.: Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995. С. 141.
- ³⁷¹ См.: Криворученко В. К., Пыжиков А. В., Родионов В. А. Коллизии хрущевской «оттепели». М., 1998. С. 88—89; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 16. Л. 1—11.
- ³⁷² XIV съезд ВЛКСМ. 16—20 апреля 1962 г. Стенографический отчет. М., 1962. С. 456.
- ³⁷³ РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 274. Л. 25—26.
- ³⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 649. Л. 50.
- ³⁷⁵ Там же. Л. 72.
- ³⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 91. Д. 597. Л. 51.
- ³⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 91. Д. 597. Л. 6.
- ³⁷⁸ Там же. Л. 5.
- ³⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 6. Л. 3.
- ³⁸⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 102.
- ³⁸¹ XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 1. С. 103.
- ³⁸² Советское государство и право. 1960. № 1. С. 140.
- ³⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 130; Т. 31. С. 342.
- ³⁸⁴ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 46. Д. 192. Л. 105—106, 202.
- ³⁸⁵ Тихомиров Ю. А. Некоторые вопросы дальнейшего развития местных органов государственной власти в СССР. // Советское государство и право. 1960. № 1. С. 76.
- ³⁸⁶ Состав депутатов Верховных Советов союзных, автономных республик и местных советов депутатов трудящихся. 1959 г. Статистический сборник. М., 1960. С. 27.
- ³⁸⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 466. Л. 105.
- ³⁸⁸ Советское государство и право. 1961. № 8. С. 31.
- ³⁸⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 444. Л. 18.
- ³⁹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 227. Л. 5—6.
- ³⁹¹ Советское государство и право. 1961. № 6. С. 11.

- 392 Советское государство и право. 1960. № 12. С. 20.
 393 АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 248. Л. 180—182.
 394 Советское государство и право. 1961. № 9. С. 45.
 395 Советское государство и право. 1960. № 12. С. 15.
 396 Там же. С. 18.
 397 Учительская газета. 1960. № 12. С. 18.
 398 Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 11. Ст. 276;
 № 4. Ст. 85.
 399 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 86. Л. 2.
 400 Чуковский К. И. Дневник (1938—1969). М., 1994. С. 329.
 401 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 36. Л. 48, 55.
 402 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 93.
 403 XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 1.
 С. 273.
 404 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 356. Л. 32.
 405 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 346. Л. 93.
 406 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 14. Л. 1—2.
 407 Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 13. С. 164;
 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 14. Л. 6.
 408 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 106. Л. 23, 43.
 409 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 356. Л. 38.
 410 XIII съезд ВЛКСМ. 15—18 апреля 1958 г. Стенографический отчет. М., 1958. С. 278.
 411 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 346. Л. 76.
 412 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 131. Л. 37; Оп. 30. Д. 346. Л. 78.
 413 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 229. Л. 22—23; Д. 284. Л. 2.
 414 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 93. Д. 1020. Л. 261.
 415 Вопросы философии. 1962. № 4. С. 19.
 416 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 391. Л. 102.
 417 См.: XX век: выбор моделей общественного развития. М., 1994. С. 123.
 418 Хрушев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963. С. 237.
 419 Пленум ЦК КПСС. 18—21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 287—288.
 420 Там же. С. 301.
 421 Вознесенский А. Н. С. Хрушев: «В вопросах искусства я сталинист» // Советская культура. 1988. 26 апреля.
 422 Ромм М. Четыре встречи с Н. С. Хрущевым // Огонек. 1988. № 28.
 423 Там же.
 424 Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 215.
 425 Указ. По: Данилов А., Косухина Л. История России: XX век. М., 1996. С. 292.
 426 Пленум ЦК КПСС. 18—21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 131.

- ⁴²⁷ Чуковский К. И. Дневник (1938—1969). М., 1994. С. 326.
- ⁴²⁸ Письмо А. А. Фадеева в ЦК ВЛКСМ, 13 мая 1956 года. Подлинник. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 147—151.
- ⁴²⁹ Чуковский К. И. Дневник (1938—1969). М., 1994. С. 238.
- ⁴³⁰ Пленум ЦК КПСС. 18—21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 61.
- ⁴³¹ Цит. по: XX век: выбор моделей общественного развития. М., 1994. С. 132.
- ⁴³² Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 213.
- ⁴³³ Из стенограммы заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС 24—25 декабря 1962 года // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 198.
- ⁴³⁴ Пленум ЦК КПСС. 18—21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 62.
- ⁴³⁵ Там же. С. 81—82.
- ⁴³⁶ Там же. С. 72.
- ⁴³⁷ Ромм М. Четыре встречи с Н. С. Хрущевым. // Огонек. 1988. № 28.
- ⁴³⁸ Пленум ЦК КПСС. 18—21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 284.

Раздел 5

- ⁴³⁹ Подробно см.: Пыжиков А. В. Военные приоритеты мирного времени // Вопросы экономики. 2001. № 5.
- ⁴⁴⁰ АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 248. Л. 178.
- ⁴⁴¹ Дело Берия. Пленум ЦК КПСС. 2—7 июля 1953 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 153—154.
- ⁴⁴² В среднем по СССР на душу населения приходилось 16 кв. м. ткани, 0,3 штуки верхнего трикотажа, 0,8 штуки бельевого трикотажа. См.: Правда о «золотом веке цен» // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 471.
- ⁴⁴³ Правда. 1953. 10 марта.
- ⁴⁴⁴ АПРФ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 292. Л. 73.
- ⁴⁴⁵ Шепилов Д. Т. Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма // Правда. 1955. 24 января.
- ⁴⁴⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 108, 110.
- ⁴⁴⁷ Правда. 1955. 10 февраля.
- ⁴⁴⁸ XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 115, 283.
- ⁴⁴⁹ Директивы ЦК КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. М., 1953. Т. 4. С. 68.
- ⁴⁵⁰ История советского рабочего класса. М., 1987. Т. 4. С. 239.
- ⁴⁵¹ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1980. Т. 5. Кн. 2. С. 298, 368.

- ⁴⁵² История советского рабочего класса. М., 1987. Т. 4. С. 67.
- ⁴⁵³ АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 247. Л. 41—42.
- ⁴⁵⁴ Там же. Л. 3.
- ⁴⁵⁵ Там же. Л. 25.
- ⁴⁵⁶ Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 50; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 479; Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. С. 49.
- ⁴⁵⁷ Пленум ЦК КПСС. 24—26 марта 1965 г. Стенографический отчет. М., 1965. С. 47.
- ⁴⁵⁸ Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. С. 57.
- ⁴⁵⁹ Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953). М., 1992. С. 10—11.
- ⁴⁶⁰ Попов В. П. «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-ые — нач. 60-х гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 35.
- ⁴⁶¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 197. Л. 172.
- ⁴⁶² Русинов И. В. «Неперспективная» деревня: от домислов к истине // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 56.
- ⁴⁶³ Постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1962 г.
- ⁴⁶⁴ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 6. Д. 6. Л. 14; Исторический архив. 1993. № 1. С. 114—118.
- ⁴⁶⁵ Там же. С. 151.
- ⁴⁶⁶ Там же.
- ⁴⁶⁷ Там же. С. 152.
- ⁴⁶⁸ Пленум ЦК КПСС 5—9 марта 1962 г. Стенографический отчет. М., 1962. С. 21, 64—65.
- ⁴⁶⁹ Зеленин И. Е. Был ли «колхозный неонэп» // Отечественная история. 1994. № 2. С. 403.
- ⁴⁷⁰ Народное хозяйство СССР в 1963 году. М., 1964. С. 549, 550; Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти 1945 — 1991. М., 1998. С. 370.
- ⁴⁷¹ Постановление пленума ЦК КПСС «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народного хозяйства», 19—23 ноября 1962 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. С. 288.
- ⁴⁷² XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 104.
- ⁴⁷³ Народное хозяйство СССР в 1960 году. М., 1961. С. 368; То же в 1965 году. М., 1966. С. 57—58.
- ⁴⁷⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. С. 289.
- ⁴⁷⁵ Правда. 1962. 13 ноября.
- ⁴⁷⁶ Партийная жизнь. 1962. № 1. С. 51—53; Коммунист. 1961. № 3. С. 50.

- ⁴⁷⁷ Пленум ЦК КПСС. 19—22 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 77.
- ⁴⁷⁸ Пленум ЦК КПСС. 19—22 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 118, 143.
- ⁴⁷⁹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. С. 289.
- ⁴⁸⁰ Там же. С. 290.
- ⁴⁸¹ Пленум ЦК КПСС. 19—22 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 72.
- ⁴⁸² Правда. 1962. 5 декабря.
- ⁴⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 969. Л. 33.
- ⁴⁸⁴ Правда. 1962. 26 декабря.
- ⁴⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 868. Л. 16—17.
- ⁴⁸⁶ Правда. 1963. 24 апреля.
- ⁴⁸⁷ Там же.
- ⁴⁸⁸ Правда. 1962. 9 декабря.
- ⁴⁸⁹ Коммунист. 1962. № 17. С. 6.
- ⁴⁹⁰ Коммунист. 1963. № 2. С. 11.
- ⁴⁹¹ Правда. 1963. 21 февраля.
- ⁴⁹² Правда. 1963. 18 ноября.
- ⁴⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 969. Л. 35.
- ⁴⁹⁴ Там же. Л. 13.
- ⁴⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 760. Л. 269.
- ⁴⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 93. Д. 1090. Л. 9.
- ⁴⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 684. Л. 60.
- ⁴⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 302. Л. 15.
- ⁴⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 684. Л. 55; Ф. 556. Оп. 14. Д. 239. Л. 77—78.
- ⁵⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 780. Л. 280.
- ⁵⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 969. Л. 267.
- ⁵⁰² Там же. Л. 269.
- ⁵⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 684. Л. 33.
- ⁵⁰⁴ Пленум ЦК КПСС. 17—18 февраля 1964 года. Стенографический отчет. М., 1964. С. 422.
- ⁵⁰⁵ Коммунист. 1963. № 16. С. 4.
- ⁵⁰⁶ Правда. 1963. 5 марта.
- ⁵⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 93. Д. 578. Л. 6.
- ⁵⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 93. Д. 219. Л. 386—387.
- ⁵⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 684. Л. 35; Д. 209. Л. 4.
- ⁵¹⁰ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 290. Л. 59—60.
- ⁵¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 302. Л. 16.
- ⁵¹² Постановление пленума ЦК КПСС «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций» // Правда. 1964. 17 ноября.
- ⁵¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 660. Л. 396; Д. 209, Л. 3.
- ⁵¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 969. Л. 18—19.

- 515 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 209. Л. 7.
 516 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 660. Л. 398; Д. 269. Л. 61—62.
 517 Заседание Верховного Совета СССР VI созыва. V сессия.
 9—11 декабря 1964 г. Стенографический отчет. М., 1965. С. 102—
 103.
 518 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 94. Д. 969. Л. 80.
 519 Правда. 1964. 7 ноября.

Раздел 6

- 520 Тишков В. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4.
 521 Бугай. — С. 264.
 522 Бакаев П. Размышление о геноциде. Элиста. 1992. С. 86.
 523 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 41. 52. 90—92.
 524 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 123.
 525 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 61. Д. 13. Л. 31.
 526 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 61. Д. 13. Л. 3.
 527 Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919—
 1952. М., 1995. Т. 2. С. 238.
 528 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 226.
 529 Там же. Л. 218.
 530 Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты).
 М., 1994. С. 305.
 531 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 113.
 532 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 80. Л. 3.
 533 Там же. Л. 13.
 534 РГАНИ. Там же. Л. 212—213.
 535 Там же. Л. 4.
 536 Там же. Л. 5.
 537 Там же. Л. 8.
 538 Там же. Л. 13.
 539 Там же. Л. 5. 13.
 540 Там же. Л. 187. 207.
 541 Там же. Л. 209.
 542 Там же. Л. 18. 211.
 543 Там же. Л. 211.
 544 Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника-
 Пресс. 1978. С. 126—128.
 545 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 91.
 546 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 230. Л. 93.
 547 Бугай. . . — С. 281.
 548 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 25. Л. 150.
 549 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 25. Л. 150.
 550 Судьба греков в СССР // Наше общее дело. Мюнхен. 1963.
 № 2. С. 4.

- 551 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 92.
- 552 Крымско-татарское национальное движение. М., 1992. Т. 2.
- С. 51.
- 553 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 209.
- 554 Там же.
- 555 ЦД «Мемориал». Ф. 103. Л. 4. 87.
- 556 Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919—1952 гг. Т. 3. С. 106—107.
- 557 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 61. Д. 13. Л. 6.
- 558 Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 300—301.
- 559 Там же. С. 301.
- 560 Там же.
- 561 РГАНИ. Ф. 89. Пер. 61. Д. 13. Л. 6.
- 562 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 95.
- 563 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 122. Л. 31.
- 564 История российских немцев в документах (1763—1992 гг.). С. 211, 242, 251, 254—290.
- 565 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 90. Л. 126.
- 566 Штротас С. А. Прибалтийские государства // Проблемы национальных отношений в СССР. М., 1989. С. 110.
- 567 Бансис А. Мировоззрение в жизни общества и человека. Вильнюс: Минтис. 1981. С. 323.
- 568 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 59. Л. 59.
- 569 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 85. Л. 16 —17.
- 570 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 60. Л. 11.
- 571 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 85. Л. 16—17.
- 572 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 59. Л. 197.
- 573 Там же. Л. 205.
- 574 Там же. Л. 207.
- 575 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 59. Л. 206—207.
- 576 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 103. Л. 16—17. 21—22.
- 577 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 948. Л. 40.
- 578 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 100.
- 579 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 100. Л. 74—75.
- 580 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 147. Л. 160.
- 581 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 99.
- 582 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 711. Л. 39.
- 583 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л. 40.
- 584 Там же.
- 585 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 90. Л. 12.
- 586 Там же. Л. 7.
- 587 Там же. Л. 12.
- 588 Помогаев В. В. Украинский интегральный национализм в 20—50-х годах XX века: Идеология и практика: Автореф. диссертация доктора истор. наук. М., 1996. С. 144.
- 589 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 230. Л. 75.

- ⁵⁹⁰ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1993. С. 12.
- ⁵⁹¹ Национальный вопрос в СССР: Сборник документов. Су-
частность. 1975. С. 441.
- ⁵⁹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 51. Л. 39.
- ⁵⁹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 71. Л. 42.
- ⁵⁹⁴ Там же. Л. 40.
- ⁵⁹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 230. Л. 100. 102.
- ⁵⁹⁶ Там же. Л. 89.
- ⁵⁹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 60. Л. 98.
- ⁵⁹⁸ Там же. Л. 75.
- ⁵⁹⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 89.
- ⁶⁰⁰ Там же. Л. 96.
- ⁶⁰¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 222. Л. 38.
- ⁶⁰² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 110.
- ⁶⁰³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 187. Л. 10.
- ⁶⁰⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1440. Л. 27.
- ⁶⁰⁵ Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 288.
- ⁶⁰⁶ Национальная доктрина России (Проблемы и приоритеты).
М., 1994. С. 295—296.
- ⁶⁰⁷ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший
период. М., 1993. С. 73.
- ⁶⁰⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 101. Л. 87.
- ⁶⁰⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 19. Л. 24.
- ⁶¹⁰ ЦД «Мемориал». Ф. 102. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.
- ⁶¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 60. Л. 11.
- ⁶¹² Там же.
- ⁶¹³ Там же. Л. 10.
- ⁶¹⁴ Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты).
М., 1994. С. 296.
- ⁶¹⁵ Там же.
- ⁶¹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 222. Л. 10—14.
- ⁶¹⁷ Там же.
- ⁶¹⁸ Там же.
- ⁶¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 230. Л. 88.
- ⁶²⁰ Сухопаров А. Советские мусульмане: между прошлым и
будущим // ОНС. 1991. № 6. С. 12—17.
- ⁶²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 38. Л. 30.
- ⁶²² Александров Ю. Т. Средняя Азия: проблемы стратегии раз-
вития // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1995.
Ч. I. С. 175.
- ⁶²³ Каппелер Андреас. Россия — многонациональная империя.
Возникновение, история, распад. М. 1997. С. 284.
- ⁶²⁴ Там же.
- ⁶²⁵ Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. I. М., 1993.
С. 70.

- ⁶²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 90. Л. 17—18.
- ⁶²⁷ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 6. Д. 29. Л. 3.
- ⁶²⁸ Пономарев В. Общественные волнения в СССР: от XX съезда КПСС до смерти Брежнева. М., 1990. С. 4.
- ⁶²⁹ Правда. 1968 года. 20 июня.
- ⁶³⁰ Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995). М.: «ВЛАДОС». 1996. С. 349.
- ⁶³¹ Историки отвечают на вопросы: сборник. /Сост. А. Н. Свалов. М.: «Московский рабочий». 1988. С. 191.
- ⁶³² Росенко М. Н. Роль русского народа в строительстве коммунизма. Л. 1971. С. 14.
- ⁶³³ Рогозин Д. Русский ответ. СПб. 1996. С. 37.
- ⁶³⁴ Троицкий Е. С. Национальные интересы и государство Российское в историческом контексте // Национальные интересы русского народа и демографическая ситуация в России. Сб. ст. М., 1998. С. 34.
- ⁶³⁵ Там же. С. 34—35.
- ⁶³⁶ Письмо И. Самолвина Солженицыну // Новый журнал. Нью-Йорк. 1975. № 118. С. 213. Приложение № 1 к статье М. Агурского.
- ⁶³⁷ Там же.
- ⁶³⁸ Там же.
- ⁶³⁹ См. Шафаревич И. Р. Сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: «Феникс». 1994. С. 11.
- ⁶⁴⁰ Россия: опыт национально — государственной идеологии // В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. В. Рябов. М.: МГУ, 1994. С. 81.
- ⁶⁴¹ Козлов В. И. «Имперская нация» или ущемленная национальность // Москва. 1991. № 1.
- ⁶⁴² Козлов В. И. О сущности русского вопроса и его основных аспектах // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М.: ТОО «АНКО». 1993. С. 57.
- ⁶⁴³ Там же.
- ⁶⁴⁴ Там же. С. 58.
- ⁶⁴⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 235. Л. 95.
- ⁶⁴⁶ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 262.
- ⁶⁴⁷ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 365.
- ⁶⁴⁸ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 262.
- ⁶⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 126. Л. 89.
- ⁶⁵⁰ Там же. Л. 85.
- ⁶⁵¹ Там же. Л. 87.
- ⁶⁵² Шафаревич И. Р. Сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: «Феникс». 1994. С. 53.
- ⁶⁵³ Григорьев В. Е. Обращение к мировой общественности и

ко всем отцам христианских церквей и к христианам мира // Новый журнал. Нью-Йорк. 1975. № 118. С. 265.

⁶⁵⁴ Там же. С. 262.

⁶⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 126. Л. 16.

⁶⁵⁶ Там же.

Раздел 7

⁶⁵⁷ Миронов Н. С. Укрепление законности и правопорядка — программная задача партии. М., 1964. С. 11.

⁶⁵⁸ Хрушев Н. С. Воспоминания. М., 1997. С. 271.

⁶⁵⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 39.

⁶⁶⁰ Правда. 1953. 6 апреля.

⁶⁶¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 758.

⁶⁶² ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 216. Л. 100.

⁶⁶³ Бюллетень Верховного Совета СССР. 1953. № 4 (776). С. 1.

⁶⁶⁴ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 758.

⁶⁶⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 36. Л. 35—36.

⁶⁶⁶ Звезда Востока. 1989. № 4. С. 64.

⁶⁶⁷ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—50-е годы. М., 1997. С. 547.

⁶⁶⁸ Социалистическая законность. 1953. № 7. С. 3.

⁶⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 53. Д. 783. Л. 8.

⁶⁷⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 9, 41.

⁶⁷¹ Подробнее о реабилитации см.: Наумов В. П. Н. С. Хрущев и реабилитация жертв массовых репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 19—36.

⁶⁷² На боевом посту. 1989. 27 февраля. С. 3.

⁶⁷³ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 8. Л. 113—114; ГАРФ. Ф. 461. Оп. 12. Д. 29. Л. 14—15.

⁶⁷⁴ АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 297. Л. 75.

⁶⁷⁵ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 95.

⁶⁷⁶ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 242. Л. 8.

⁶⁷⁷ См., например: ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 3853. Л. 118, 119, 156.

⁶⁷⁸ Социалистическая законность. 1955. № 5. С. 38.

⁶⁷⁹ АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 297. Л. 92.

⁶⁸⁰ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 11. Д. 555. Л. 4.

⁶⁸¹ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 3881. Л. 1.

⁶⁸² Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 9. С. 259—266.

683 Речь Н. С. Хрущева на Всесоюзном совещании руководящих прокурорских работников 25 июня 1955 года // АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 302. Л. 2—17.

684 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 8. С. 440—441.

685 XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, М., 1956. Т. 1. С. 92.

686 ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 3553. Л. 3.

687 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 1. Л. 80.

688 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 217. Л. 22.

689 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 196. Л. 106.

690 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 197. Л. 36.

691 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 196. Л. 8.

692 РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 15. Д. 19. Л. 101—103.

693 Подробнее о ликвидации Министерства юстиции СССР см.: Gorlizki Y. Anti-ministrialism and the USSR Ministry of justice, 1953—56: A Study in Organisational Decline // Europe-Asia Studies. Vol. 48. N 8. 1996. pp. 1279—1318.

694 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 197. Л. 46.

695 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 197. Л. 76.

696 См., например: РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 32. Л. 77—80; Д. 56. Л. 51; Д. 58. Л. 43—44; Д. 141. Л. 78; Д. 142. Л. 41—44; Д. 157. Л. 105.

697 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 141. Л. 65—66.

698 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 340. Л. 116; Оп. 13. Д. 333. Л. 55; Оп. 14. Д. 325. Л. 188.

699 ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 3553. Л. 9; Д. 4108. Л. 10.

700 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 395. Л. 3.

701 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 305. Л. 163.

702 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 85. Л. 7—8.

703 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 10. Л. 1—5.

704 ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 272. Л. 16.

705 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 325. Л. 187, 32—33.

706 ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 171. Л. 33—34.

707 ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 3553. Л. 8—9.

708 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 325. Л. 215.

709 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 325. Л. 33; Оп. 13. Д. 285. Л. 79.

710 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 353. Л. 55; Ф. 461. Оп. 11. Д. 678. Л. 12.

711 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 365. Л. 6—13.

712 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 179. Л. 9; Д. 336. Л. 115.

713 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 35. Л. 80.

714 ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 3223. Л. 221; Оп. 12. Д. 59. Л. 225.

715 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 8. Л. 44—45; 58—59; Д. 28. Л. 87; Д. 56. Л. 46—47; Д. 119. Л. 34—35; Д. 85. Л. 85.

716 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 101. Л. 35.

- 717 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 29. Л. 14.
- 718 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 35. Л. 80.
- 719 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 93. Д. 1040. Л. 64—67, 254.
- 720 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 728. Л. 6; Д. 720. Л. 19, 103.
- 721 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 776. Л. 170.
- 722 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 739. Л. 74; Д. 728. Л. 13—15;
- Д. 727. Л. 173.
- 723 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 728. Л. 39—40.
- 724 Социалистическая законность. 1956. № 10. С. 47.
- 725 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 719. Л. 82, 107.
- 726 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 728. Л. 39.
- 727 Там же. Л. 6.
- 728 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 179. Л. 71.
- 729 На 1 января 1953 г. по этому Указу было осуждено
1 241 919 человек. См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957.
Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие материа-
лы. М., 1998. С. 758.
- 730 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 179. Л. 65, 70.
- 731 Там же. Л. 71.
- 732 Социалистическая законность. 1954. № 9. С. 2.
- 733 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 197. Л. 77.
- 734 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 217. Л. 27.
- 735 Там же.
- 736 Правда. 1955. 12 апреля.
- 737 ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 197а. Л. 22—23.
- 738 Там же. Л. 39.
- 739 ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 197а. Л. 32—33.
- 740 Там же. Л. 116.
- 741 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 14. Д. 340. Л. 115.
- 742 Там же.
- 743 РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 58. Л. 24—26.
- 744 Там же. Л. 37.
- 745 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 36. Л. 77—78.
- 746 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 198. Л. 37.
- 747 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 215. Л. 91.
- 748 ГАРФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.
- 749 ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 138. Л. 82.
- 750 XX съезд Коммунистической партии Советского Союза.
Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 326—327.
- 751 ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 138. Л. 82.
- 752 Там же.
- 753 ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 151. Л. 1.
- 754 Там же. Л. 2.
- 755 ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 151. Л. 2.
- 756 Там же. Л. 6—7.
- 757 ГАРФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 41. Л. 193, 211.

- ⁷⁵⁸ ГАРФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 137. Л. 155.
- ⁷⁵⁹ См.: Исаев И. А. История государства и права России. М., 1996. С. 500—501.
- ⁷⁶⁰ XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет М., 1959. Т. 1. С. 104.
- ⁷⁶¹ XIII съезд ВЛКСМ. 15—18 апреля 1958 г. Стенографический отчет. М., 1958. С. 285.
- ⁷⁶² РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 23. Д. 124. Л. 4.
- ⁷⁶³ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 283. Л. 89—94.
- ⁷⁶⁴ ГАРФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 139. Л. 126, 85.
- ⁷⁶⁵ Социалистическая законность. 1955. № 4. С. 45.
- ⁷⁶⁶ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 333. Л. 59; Ф. 461. Оп. 12. Д. 54. Л. 24; Д. 59. Л. 214, 216—217.
- ⁷⁶⁷ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 2. С. 407.
- ⁷⁶⁸ Golitsyn A. New Lies for Old. New York, 1984. P. 48—50.
- ⁷⁶⁹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 285. Л. 51.
- ⁷⁷⁰ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 179. Л. 304.
- ⁷⁷¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 305. Л. 35.
- ⁷⁷² Там же. Л. 7.
- ⁷⁷³ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 305. Л. 7.
- ⁷⁷⁴ Вместе с тем примечателен такой факт: привлечение широких слоев трудящихся к борьбе с преступностью сопровождалось усилением секретности статистики, отражающей реальный уровень правонарушений в стране. В письме Генерального прокурора СССР от 23. 07. 60 г. № 11/5С указано, что донесения о состоянии преступности по всем основным показателям предоставляются только шифрованными телеграммами. Прокурор РСФСР в своем письме от 12. 09. 60 г. № 13/19С предупреждал о строгой ответственности тех, кто будет представлять эти сведения несекретным порядком. // ГАРФ. Ф. 461. Оп. 12. Д. 36. Л. 56.
- ⁷⁷⁵ Анашкин Г., Бабин Н. Общественность и укрепление социалистического правопорядка. // Коммунист. 1960. № 10. С. 52.
- ⁷⁷⁶ Советская юстиция. 1960. № 2. С. 13; ГАРФ. Ф. 353. Оп. 13. Д. 333. Л. 38.
- ⁷⁷⁷ Советская юстиция. 1960. № 6. С. 9.
- ⁷⁷⁸ Советская юстиция. 1960. № 2. С. 14.
- ⁷⁷⁹ Справочник партийного работника. М., 1963. Вып. 4. С. 533.
- ⁷⁸⁰ Миронов Н. Р. Укрепление законности и правопорядка — программная задача партии. М., 1964. С. 43.
- ⁷⁸¹ Советская юстиция. 1963. № 5. С. 9.
- ⁷⁸² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 4916. Л. 41.
- ⁷⁸³ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 363. Л. 5.
- ⁷⁸⁴ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 12. Д. 59. Л. 240.

- ⁷⁸⁵ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 123.
- ⁷⁸⁶ Пленум Центрального Комитета КПСС. 10—18 января. 1961 г. Стенографический отчет. М., 1961. С. 547.
- ⁷⁸⁷ ГАРФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 139. Л. 84; Ф. 9474. Оп. 10. Д. 238. Л. 93.
- ⁷⁸⁸ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 238. Л. 153.
- ⁷⁸⁹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. № 18. С. 285—286.
- ⁷⁹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 346. Л. 89.
- ⁷⁹¹ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 408. Л. 6, 11—12, 18.
- ⁷⁹² Советская юстиция. 1962. № 3. С. 19.
- ⁷⁹³ См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 1995. Т. 2. С. 131—132.
- ⁷⁹⁴ ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 363. Л. 12.
- ⁷⁹⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 5. С. 45—46; 1961. № 8. С. 287—288.
- ⁷⁹⁶ ГАРФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 139. Л. 76.
- ⁷⁹⁷ Пленум Центрального Комитета КПСС. 10—18 января 1961 г. Стенографический отчет. М., 1961. С. 600.
- ⁷⁹⁸ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 1063. Л. 87.
- ⁷⁹⁹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 391. Л. 80.

Раздел 8

- ⁸⁰⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Изд. 9. Т. 8. С. 286.
- ⁸⁰¹ Указ о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений // Лейбович О. Россия. 1941—1991. Хрестоматия. Пермь. 1993. С. 19—20.
- ⁸⁰² Маркес Г. 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Латинская Америка. 1988. № 3. С. 97—98.
- ⁸⁰³ Известия. 1953. 1 апреля.
- ⁸⁰⁴ Коммунист. 1953. № 12. С. 17.
- ⁸⁰⁵ См. напр.: Известия. 1953. 9 сентября.
- ⁸⁰⁶ Директивы ЦК КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. М., 1953. Т. 4. С. 68.
- ⁸⁰⁷ Директивы ЦК КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. М., 1953. Т. 4. С. 367.
- ⁸⁰⁸ Шепилов Д. Т. Печать в борьбе за дальнейший подъем сельского хозяйства. М., 1954. С. 26.
- ⁸⁰⁹ Речь Г. М. Маленкова // Заседания ВС СССР (5 сессия). М., 1953. С. 268.
- ⁸¹⁰ Русинов И. Аграрная политика КПСС // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 37.

⁸¹¹ Вербицкая О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 92—99.

⁸¹² Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Статистический ежегодник. М., 1987. С. 264.

⁸¹³ Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегодник. М., 1987. С. 255.

⁸¹⁴ См.: Проблемы изменения социальной структуры советского общества... С. 164; Советское крестьянство. Краткий очерк истории... С. 448; Островский В. Б. Социальная структура сельского населения в условиях развитого социалистического общества // Основные проблемы социально-экономического развития советской деревни в условиях создания развитого социалистического общества и строительства коммунизма. М., 1973. С. 134 и др.

⁸¹⁵ Стариков Е. Маргиналы, или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. 1989. № 10. С. 133.

⁸¹⁶ Вылцан М. Д., Тюрина А. П. Изменение численности населения и трудовых ресурсов советской деревни на важнейших этапах социалистического строительства. 1917—1983 гг. // Население и трудовые ресурсы советской деревни. 1987. С. 10.

⁸¹⁷ Переведенцев В. И. Прописка и демография // Московские новости. 1988. № 20.

⁸¹⁸ Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. С. 151.

⁸¹⁹ Лейбович О. Л. Реформы 1953—1964 гг. в контексте отечественной модернизации. Дисс. д. и. н. Пермь. 1995. С. 227.

⁸²⁰ Ильичев Л. Ф. Очередные задачи идеологической работы партии. М., 1963. С. 33.

⁸²¹ Белоцерковский В. Рабочие волнения в СССР в начале 60-х гг. // Форум. Мюнхен. 1982. № 1. С. 187.

⁸²² РГАНИ. Ф. 89. П. 6. Д. 25. Л. 2.

⁸²³ Давыдов С. Г. Инакомыслие в СССР в 50 — первой половине 60-х годов. Дисс. к. и. н. М., 1996. С. 185.

⁸²⁴ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996. С. 147—148.

⁸²⁵ Народное хозяйство СССР в 1970 году. М., 1971. С. 519.

⁸²⁶ Сборник законов СССР. 1948—1967. М., 1968. Т. 2. С. 217—241.

⁸²⁷ Там же. С. 241—248.

⁸²⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1680. Л. 2—7.

⁸²⁹ Постановление пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии сельского хозяйства». 24—25 декабря 1959 года: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9. С. 473.

⁸³⁰ Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XX век. М., 1996. С. 285.

⁸³¹ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 129. Л. 8.

- 832 Геллер М. Некрич А. Утопия у власти. М., 1995. Т. 2. С. 130—131.
- 833 Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. С. 50.
- 834 Народное хозяйство СССР в 1970 году. М., 1971. С. 537.
- 835 Чуковский К. И. Дневник (1938—1969). М., 1994. С. 371.
- 836 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554. Л. 122.
- 837 РГАНИ. Ф. 89. П. 6. Д. 5. Л. 2.
- 838 Там же. Л. 3.
- 839 РГАНИ. Ф. 89. П. 6. Д. 4. Л. 3—4.
- 840 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 71. Л. 2.
- 841 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 79. Л. 43.
- 842 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 123. Л. 180.
- 843 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 71. Л. 2.
- 844 Лейбович О. Л. Реформы 1953—1964 гг. в контексте отечественной модернизации. Дисс. д. и. н. Пермь. 1995. С. 222.
- 845 Мерцалов В. С. Политика крутого подъема сельского хозяйства в СССР // Конференция Института по изучению СССР. Мюнхен. 1955. С. 14.
- 846 Там же. С. 172.
- 847 Давыдов С. Г. Инакомыслие в СССР в 50 — первой половине 60-х годов. Дисс. к. и. н. М., 1996. С. 180.
- 848 Х конференция Института по изучению СССР. Мюнхен. 1958. С. 175.
- 849 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 187. Л. 131.
- 850 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 351. Л. 15.
- 851 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 320. Л. 46.
- 852 Там же. Л. 9.
- 853 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 57. Л. 75.
- 854 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 59. Л. 62.
- 855 Поликовская Л. Мы предчувствуем...Предтеча... М.: Звезда, 1997. С. 78.
- 856 Там же. С. 213.
- 857 Осипов В. Площадь Маяковского // Грани. Франкфурт-на-Майне, 1971. № 70. С. 70.
- 858 Поликовская Л. Указ. соч. С. 171.
- 859 Там же, л. 153.
- 860 Там же.
- 861 ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 803. Л. 91—95.
- 862 Поликовская Л. Указ. соч. С. 37—38.
- 863 Буковский В. И возвращается ветер... Нью-Йорк. 1979. С. 103.
- 864 РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 199. Л. 5.
- 865 Рождественский С. Д. Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 года // Память. М., 1981. № 5. С. 232.
- 866 Осипов В. Площадь Маяковского // Грани. — Франкфурт-на-Майне, 1971. № 70. С. 111.

- ⁸⁶⁷ Прищепа А. И. Инакомыслие на Урале. — Сургут. 1998. — С. 107.
- ⁸⁶⁸ Гидони А. Солнце идет с Запада. — Торонто, 1980. — С. 25.
- ⁸⁶⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 498. Л. 115.
- ⁸⁷⁰ Рождественский С. Д. Указ. соч. — С. 237.
- ⁸⁷¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 7. Л. 4.
- ⁸⁷² ЦАОДМ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 215. Л. 109.
- ⁸⁷³ Павлов М. Соппротивление молодежи коммунистическому режиму. // Молодежь Советского Союза. — Мюнхен, 1959. — С. 100.
- ⁸⁷⁴ ЦАОДМ. Ф. 82. Оп. 42. Д. 33. Л. 194.
- ⁸⁷⁵ Поликовская Л. Указ. соч. — С. 109.
- ⁸⁷⁶ ЦАОДМ. Ф. 4013. Оп. 2. Д. 104. Л. 210.
- ⁸⁷⁷ Родина. — 1992. № 11—12. — С. 64.
- ⁸⁷⁸ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 384. Л. 28.
- ⁸⁷⁹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 197. Л. 28.
- ⁸⁸⁰ Британишский В. Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели // Новое литературное обозрение — 1995. № 14. — С. 168.
- ⁸⁸¹ Там же. С. 176.
- ⁸⁸² Б. Британишский. Указ. соч. — С. 174.
- ⁸⁸³ Быков Р. Театр — это театр // Театр. — 1959. № 6.
- ⁸⁸⁴ Князева М. Л, Вирен Г. В., Климов В. М. 200 лет плюс 20: Книга о студенческом театре Московского университета. — М., 1979. — С. 16.
- ⁸⁸⁵ Осипов В. Площадь Маяковского // Грани. — Франкфурт-на-Майне, 1971. — № 70. — С. 70.
- ⁸⁸⁶ Поликовская Л. Указ. соч. — С. 254.
- ⁸⁸⁷ ЦАОДМ. ф. 478, оп. 4, д. 3, л. 59.
- ⁸⁸⁸ Поликовская Л. Указ. соч. С. 324.
- ⁸⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 317. Л. 75.
- ⁸⁹⁰ Мы собрались для того, чтобы искренне высказать свои мысли. (К истории встреч Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией в 1962 и 1963 гг.) // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 11. — С. 214.
- ⁸⁹¹ ЦАОДМ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 1048. Л. 23—24.
- ⁸⁹² ЦАОДМ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 73. Л. 85.
- ⁸⁹³ ЦАОДМ. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 42. Л. 115.
- ⁸⁹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 90.
- ⁸⁹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 754. Л. 95.
- ⁸⁹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 79. Л. 2
- ⁸⁹⁷ ЦАОДМ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 89. Л. 61—63.
- ⁸⁹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 53. Л. 127.

Раздел 9

- ⁸⁹⁹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 118.
- ⁹⁰⁰ Правда. 1958. 14 ноября.
- ⁹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 15. Д. 18. Л. 10.
- ⁹⁰² Правда. 1961. 15 апреля.
- ⁹⁰³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 12.
- ⁹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 54.
- ⁹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 305. Л. 1; Из всех поступивших предложений к рассмотрению было принято около 14 тыс., а непосредственно в программу вошло всего около 40 предложений, из них лишь 25 более или менее существенных. См.: Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. № 5. С. 78.
- ⁹⁰⁶ Правда. 1961. 1 сентября.
- ⁹⁰⁷ Правда. 1961. 11 августа.
- ⁹⁰⁸ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 171, 174—175.
- ⁹⁰⁹ Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997. Т. 1. С. 98.
- ⁹¹⁰ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 169.
- ⁹¹¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 201. Л. 14.
- ⁹¹² См. например, замечание Н. С. Хрущева к проекту Программы: «С людьми, которые не захотят трудиться, должна вестись борьба, к ним должны быть применены все средства, потому что они живут за счет ценностей, созданных другими членами общества, обкрадывают свое общество. Это должно все время сверлить мозг, должно быть все время в сознании — это важнейшая формула». // РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 39.
- ⁹¹³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 305. Л. 61.
- ⁹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 300. Л. 219.
- ⁹¹⁵ Там же. Л. 231.
- ⁹¹⁶ Подсчитано автором по: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 406—413, 384—398, 338—352, 303—310.
- ⁹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 28. Л. 15—18.
- ⁹¹⁸ XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 1. С. 50.
- ⁹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 54. Л. 8.
- ⁹²⁰ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 200.
- ⁹²¹ Там же. С. 201.
- ⁹²² РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 19—20, 63.
- ⁹²³ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 300. Л. 48, 58.
- ⁹²⁴ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 298. Л. 63.

- 925 Там же. Л. 65.
- 926 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 70. Л. 105.
- 927 Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997. Кн. 1. С. 97.
- 928 XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1961. Т. 3. С. 305.
- 929 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 121, 114.
- 930 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 264. Л. 11.
- 931 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 179. Л. 81—83.
- 932 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 384. Л. 1—2.
- 933 Правда. 1962. 26 апреля.
- 934 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 441. Л. 18.
- 935 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 466. Л. 80—85.
- 936 Там же. Л. 108.
- 937 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 445. Л. 5.
- 938 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 441. Л. 24.
- 939 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 443. Л. 7.
- 940 Предложение внесено Л. И. Брежневым. См.: Стенограмма заседания конституционной комиссии 16. 07. 1964 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 466. Л. 102.
- 941 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 441. Л. 49—50.
- 942 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 444. Л. 9.
- 943 Там же. Л. 2.
- 944 Там же. Л. 9.
- 945 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 473. Л. 161.
- 946 РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.
- 947 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 385. Л. 107.
- 948 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 444. Л. 14.
- 949 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 473. Л. 18, 58.
- 950 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 472. Л. 134—135.
- 951 Там же. Л. 192—193.
- 952 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 444. Л. 23—24.
- 953 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 385. Л. 11—12.
- 954 Там же. Л. 137.
- 955 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 466. Л. 84.
- 956 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 444. Л. 43.
- 957 Там же. Л. 44—45.
- 958 Интересная деталь: в письме Б. Бадина (Новосибирская обл.) высказывалась мысль устранить дублирование между Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР, передав функции Президиума ВС СССР в Правительство, создав один орган государственного управления — Государственный Правительственный Совет (все письмо перечеркнуто, на полях пометка «не печатать») // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 473. Л. 155—156.
- 959 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 443. Л. 6.
- 960 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 445. Л. 2—4; Конституция СССР. М., 1977.

Список использованной литературы

Документы и материалы

- XX съезд КПСС. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. В 2 т. М., 1966.
- Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января—5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. В 2 т. М., 1959.
- XXII съезд КПСС. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет. В 2 т. М., 1962.
- XXIII съезд КПСС. 29 марта — 8 апреля 1966 года. В 3-х т. М., 1966.
- Программа КПСС. М., 1961.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 7. 1938—1945.
- КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 8: 1946—1955.
- КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 9: 1956—1960.
- КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10: 1961—1965.
- КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 11: 1966—1970.
- Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов. М., 1958. Т. 3, 4.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4, 5, 6, 7.
- Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 1958.
- Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 года. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1—2.
- Пленум ЦК КПСС. 18—21 июня 1963 года. Стенографический отчет. М., 1964.
- Пленум ЦК КПСС. 15—19 декабря 1958 года. Стенографический отчет. М., 1958.
- Пленум ЦК КПСС. 24—29 июня 1959 года: Стенографический отчет. М., 1959.
- Материалы февральского (1958 г.) пленума ЦК КПСС. М., 1958.
- Постановление ЦК КПСС «О журнале «Вопросы истории» от 19 марта 1957 года // Справочник партийного работника. М., 1957.
- Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», 14 августа 1967 года // КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 2. С. 237—251.
- Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». 4 января 1967 года. М., 1967.
- Постановление пленума ЦК КПСС «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством». 19—23 ноября 1962 года // КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10. С. 288—296.
- Постановление пленума ЦК КПСС «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций», 16 ноября 1964 года // Правда. 1964. 17 ноября.

- К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции: 1917—1957. Тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1957.
- Всесоюзному съезду советских художников. Приветствие ЦК КПСС // Справочник партийного работника. М., 1957.
- Всесоюзному съезду композиторов // Справочник партийного работника. М., 1957.
- Отчетный доклад ЦК КП Армении XXI съезду КП Армении. Ереван, 1960.
- Отчет ЦК КП Армении XXIV съезду КП Армении // Коммунист (Ереван), 1966. 14 марта.
- XXVII съезд КП Азербайджана. Баку. 1966.
- КПСС о культуре, просвещении и науке: Сборник документов. М., 1963.
- КПСС о формировании нового человека. Сборник документов и материалов. 1965—1981. М., 1982.
- Закон СССР «О государственных пенсиях». М., 1956.
- Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Шестая сессия. 5—12 февраля 1957 года. Стенографический отчет. М., 1957.
- Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва. Первая сессия. 27—31 марта 1958 года. Стенографический отчет. М., 1958.
- Заседания Верховного Совета СССР. Пятая сессия. 5—8 августа 1953 года. Стенографический отчет. М., 1953.
- Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов и трудящихся. М., 1963 г.
- Постановление Совета Министров СССР «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных», 8 сентября 1955 года, № 1655 // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 168—170.
- Постановление Совета Министров СССР «О гражданах необоснованно сосланных или высланных в административном порядке», 17 июля 1959 года. № 830—370 // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 170—171.
- Постановление, Совета Министров. СССР «О трудовом стаже граждан, которым при пересмотре уголовных дел снижена мера наказания», 4 октября 1966 года, № 1969 // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., С. 171—172.
- Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях», 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128—166.
- Хрушев Н. С. Об увеличении производства продуктов животноводства. Доклад на пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 года. М., 1955.
- Хрушев Н. С. Сорокалетье Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года. М., 1959.
- Хрушев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. В 8 т. М., 1962—1964.
- Хрушев Н. С. В ближайшие годы догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения. М., 1957.
- Хрушев Н. С. Об увеличении продуктов животноводства. Доклад на пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 года. М., 1955.
- Хрушев Н. С. Доклад XIX съезду партии об изменениях в Уставе ВКП(б). 10 октября 1952 года. М., 1952.
- Хрушев Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР. М., 1953.

- Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1952.
- Косыгин А. Н. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. Доклад на сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС. М., 1965.
- Маленков Г. М. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта. М., 1941.
- Жданов А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». Второй съезд советских писателей. 15—26 декабря 1951 года. Стенографический отчет. М., 1952.
- Третий съезд писателей СССР. 18—21 мая 1953 года. Стенографический отчет. М., 1953.
- Об организационно-творческой работе правления Союза писателей СССР за 1955—1958 годы. М., 1958.
- XIII съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. М., 1958.
- XIV съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. М., 1962.
- Пятьдесят лет КПСС. Тезисы отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК КПСС. 1903—1953. М., 1953.
- 40 лет ВЛКСМ. Материалы торжественного пленума ЦК ВЛКСМ. М., 1958.
- Сталинское Политбюро в 30-е. годы. Сборник документов. М., 1995.
- Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1975. М., 1975. Т. 1—3.
- Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
- Движение за коммунистический труд в промышленности СССР. 1958—1963 гг. Сборник документов и материалов. М., 1965.
- Народы СССР и Кубы навечно вместе. Документы советско-кубинской дружбы. М., 1963.
- Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник документов. М., 1972.
- Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964.
- Социалистическое соревнование в СССР. 1918—1964. Документы и материалы профсоюзов. М., 1965.
- История советской Конституции в документах. 1917—1956. М., 1957.
- Из истории ВЧК. Сборник документов. М., 1957.
- Владимир Ильич Ленин и ВЧК. Сборник документов. М., 1975.
- Лубянка. ВЧК—КГБ. 1917—1960. Справочник. М., 1997.
- Пойманы с поличным. Сборник актов о шпионаже и других подрывных действиях США против СССР. М., 1962.
- О так называемом ленинградском деле: Справка КПК при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 134—137.
- Записка Л. Ф. Ильичева Н. С. Хрущеву «Об итогах заседания идеологической комиссии ЦК КПСС. 29 декабря 1962 года // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 137.
- Разъяснение Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы «О некоторых вопросах пенсионного обеспечения реабилитированных», 14 августа 1957 года // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 181—182.
- Разъяснение Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы «О порядке подтверждения свидетельскими показаниями характера работы реабилитированных в период нахождения в местах заключения», 24 февраля 1956 года, № 4 // Там же. С. 182.
- Разъяснение (письмо) Министерства финансов СССР и Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР, 12 ноября 1956 года, № 137с // Там же. М., 1993. С. 172—176.

- Письмо Министерства юстиции РСФСР о возврате конфискованного и изъятого имущества в случаях, когда не сохранилось каких-либо документов, 5 августа 1958 года, № 1/111с // Там же. С. 179—180.
- Указание КГБ при Совете министров СССР «О порядке рассмотрения заявлений реабилитированных граждан и возмещении стоимости имущества, конфискованного без участия органов госбезопасности», 31 марта 1960 года, № 27 // Там же. С. 180—181.
- Наш народный парламент. Справочник. М., 1996.
- Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917—1975. М., 1974.
- К истории встреч Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией в 1962—1963 годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 196—213.
- Материалы совещания в ЦК ВЛКСМ «Об усилении борьбы комсомольских организаций с проникновением буржуазной идеологии в среду молодежи», февраль 1964 года. Гриф «Секретно».
- Расстрельные списки. Вып. I. Донское кладбище. Вып. II: Ваганьковское кладбище. М., 1993.
- Письмо Э. И. Неизвестного Н. С. Хрущеву, 21 декабря 1962 года // Известия ЦК КПСС. 1990. М. С. 213.
- Письмо А. Д. Сахарова, В. Ф. Турчина, Р. А. Медведева в ЦК КПСС «Без коренной демократизации наше общество не сможет разрушить стоящих перед ним проблем» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 150—159.
- Международное совещание коммунистических и рабочих партий. М., 1963.
- Программные документы коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы. М., 1960.
- Справочник партийного работника. М., 1957. Вып. 1.
- Справочник партийного работника. М., 1959. Вып. 2.
- Справочник партийного работника. М., 1961. Вып. 3.
- Справочник партийного работника. М., 1964. Вып. 5.
- Ведомости Верховного Совета СССР.
- Собрание постановлений Правительства СССР.
- Собрание законов РСФСР. 2. Статистические издания
- Страна Советов за 50 лет. Статистический сборник. М., 1967.
- Достижения Советской власти за сорок лет. Статистический сборник. М., 1957.
- Народное образование, наука, культура в СССР. Статистический сборник. М., 1971.
- Высшая школа СССР за 50 лет. 1917—1967. М., 1967.
- Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1957.
- Промышленность РСФСР. Статистический сборник. М., 1961.
- Народное хозяйство СССР в 1960 году. М., 1961.
- Народное хозяйство СССР в 1961 году. М., 1962.
- Народное хозяйство СССР в 1962 году. М., 1963.
- Народное хозяйство СССР в 1965 году. М., 1966.
- Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960.
- Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971.
- КПСС в цифрах. 1956—1961 годы // Партийная жизнь. 1962. № 1. С. 51—54.
- Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся 1963 года. Статистический сборник. М., 1963.

Литература и диссертации

- Аверин А. Н. Социальная политика государства и социальная структура общества. М., 1995.
- Авторханов А. Технология власти. М., 1991.

- Аганбегян А. С. Советская экономика — взгляд в будущее. М., 1988.
- Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6—7.
- Аджубей А. Крушение иллюзий. М., 1991.
- Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11.
- Аксенов Ю. С. Путь к коммунизму: утопии и реалии // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7.
- Аксенов Ю. С. Механизм торможения и революционная перестройка // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 384—334.
- Аксютин Ю. С., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991.
- Аксютин Ю. Н. С. Хрушев: «Мы должны сказать правду о культе личности» // Труд. 1988. 13 ноября.
- Аксютин Ю. В. Новое о XX съезде // Отечественная история. 1998. № 2.
- Актуальные проблемы историко-партийной науки: перестройка, поиск // Украинский исторический журнал. 1988. № 2.
- Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1993.
- Алуф И. А., Блинов Н. В., Филиппов Р. В., Шелохаев В. В. К разработке концепции дооктябрьского периода истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989. № 12.
- Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1976.
- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и политическая организация общества // Социально-политические науки. 1992. № 2.
- Амлинский В. Тень: О В. М. Молотове // Литературная газета. 1988. 7 сентября.
- Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983.
- Андропов Ю. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического общества в СССР // Коммунист. 1983. № 3.
- Антонов-Овсеенко А. Р. Сталин и его время // Вопросы истории. 1983. № 4.
- Антология ненасилия. М. — Бостон, 1992.
- Арон Р. Этапы развития политической мысли. М., 1993.
- Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991.
- Афанасьев Ю. Энергия исторического знания // Московские новости. 1987. 11 января.
- Афанасьев Ю. С позиций правды и реализма // Советская культура. 1987. 21 марта.
- Афанасьев А. Победитель: О «ленинградском деле» и первом секретаре Ленинградского обкома и горкома партии А. А. Кузнецове // Комсомольская правда. 1983. 15 января.
- Афанасьев Ю. Перестройка и историческое сознание // Наука и жизнь. 1988. № 9. С. 46—49.
- Афанасьев Ю. Социальная память человечества // Наука и жизнь. 1987. № 9. С. 56—59.
- Афанасьев Ю. Н. Ответы историка // Правда. 1988. 26 июля.
- Афанасьев В. Г. Научно-техническая революция, управление, образование. М., 1972.
- Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1968.
- Афанасьева А. И. Исторический процесс и смена поколений // Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973.
- Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991.
- Ахиезер А. С. Россия — распоротое общество // Рубежи. 1990. № 5.
- Ахунтов В. Ю. 150 лет вхождения Азербайджана в состав России. Баку, 1964.
- Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993.
- Барсуков Н. А. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. № 5.

- Барсуков Н. А. О переломных рубежах, основных периодах и этапах истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1987. № 6.
- Барсуков Н. А. Обратная сторона «оттепели» // Кентавр. 1993. № 4.
- Барсуков Н. А. На переломе // Свободная мысль. 1994. № 6.
- Барсуков Н. А. На пути к XX съезду КПСС. Трудная правда о культе личности // XX съезд КПСС и его исторические реалии. М., 1991.
- Барсуков Н. А. Как создавался «закрытый доклад» Хрущева // Литературная газета, 1996, 21 февраля.
- Бардюгов Б. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.
- Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- Баткин Л. Возобновление истории // Иного не дано. М., 1988. С. 154—191.
- Баринов В. К. Теория политической системы. М., 1991.
- Белоусов Р. А. Важный этап. М., 1959.
- Бернал Дж. Мир без войны. М., 1960.
- Берия: конец карьеры. М., 1991.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1992.
- Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
- Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990.
- Богденко М. Л. Совхозы СССР. 1951—1958. М., 1972.
- Болдин И. В. Страницы жизни. М., 1961.
- Белов Б. А. Функции политической системы // Кентавр. 1995. №3.
- Борисов Ю. С. Сталин: человек и символ. Факты истории и история культа // Переписка на исторические темы. М., 1989. С. 435—482.
- Боршаговский А. М. Очевидная несовместимость // Московские новости. 1988. № 17.
- Борщук В. И. Советское искусство и коммунизм // Вопросы философии. 1961. № 11.
- Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978. Т. 6.; М., 1974. Т. 4.
- Бжезинский З., Хантингтон С. Политические системы: США и СССР. М., 1964. Вып. 1.
- Будущее науки. Ежегодник. М., 1974.
- Бурджалов Э. Н. О тактике большевиков в марте—апреле 1917 года // Вопросы истории. 1956. № 4.
- Бурлацкий Ф. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990.
- Бурлацкий Ф. «Мирный заговор» против Хрущева // Литературная газета. 1988. № 37.
- Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М., 1997. Т. 1—2.
- Бурлацкий Ф. Хрущев: Штрихи к политическому портрету // Литературная газета. 1988. 24 февраля.
- Бурлацкий Ф. После Сталина // Новый мир. 1988. № 10.
- Бурлацкий Ф. М. Философия лидера // Вопросы философии. 1982. № 12.
- Бурлацкий Ф. М., Мушинский В. О. Народ и власть. Научно-популярный очерк о политической системе социализма. М., 1986.
- Бутенко А. Н. Как подойти к научному пониманию истории советского общества // Наука и жизнь. 1988. № 4.
- Бueva Л. П. Социальная сфера и социальное сознание личности. М., 1968.
- Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988.
- Бухарин Н. И. К новому поколению / Фонд имени Н. И. Бухарина. Сост. В. К. Криворученко. М., 1990.
- В. И. Ленин и коммунистическое воспитание. Материалы Всесоюзной научно-теоретической конференции. М., 1970.
- Ваганов Ф. М. Разгром правого уклона ВКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1960. № 4.

- Валовой Д. Н. Н. Хрушев: «Повернуться лицом к экономике» // Экономика в человеческом измерении. М., 1988. С. 78—83.
- Валентинов И. Доктрина правого коммунизма. Мюнхен, 1960.
- Варшавский В. О. Незамеченное покаяние. Нью-Йорк, 1966.
- Васильчук Е. Тень непредсказуемой политики омрачает светлое будущее стабилизации // Финансовые известия. 1995. 30 марта.
- Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987.
- Верт Н. История советского государства. 1900—1991. М., 1992.
- Викторов Б. А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. М., 1990.
- Власть и оппозиция (под ред. В. В. Журавлева). М., 1995.
- Вождь: Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1991.
- Вознесенский А. Н. С. Хрушев: «В вопросах искусства я сталинист» // Никита Сергеевич Хрушев. Материалы к биографии. М., 1989. С. 128—130.
- Вознесенский А. Ответ моему читателю // Советская культура. 1988. 9 и 11 июня.
- Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. М., 1989.
- Волкогонов Д. Секретный доклад о Сталине // Новое время. 1989. № 16. С. 26—29.
- Волков Г. И. Социология науки. М., 1968.
- Воронецкий В., Курашвили Б. О совмещении должностей // Аргументы и факты. 1988. № 35.
- Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.
- Волобуев П. В. О проблеме выбора пути общественного развития // Вопросы философии. 1984. № 1.
- Волобуев П. В. Обращаясь к великому опыту // Страницы истории советского общества. М., 1989.
- Волобуев О. В. У истоков XX съезда КПСС // Социально-политические науки. 1990. № 6.
- Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение: история и перестройка. Публицистические заметки. М., 1989.
- Волобуев О., Кулешов С. Так и не «прорвался» к народу // Социалистическая индустрия. 1988. 20 ноября.
- Вопросы общественной активности масс и развитие политической организации советского общества. Материалы научной конференции. Харьков, 1968.
- Вопросы идеологической работы КПСС. М., 1972.
- Воронов Г. От «оттепели» до застоя // Известия. 1988. 17 ноября.
- Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. М., 1955.
- Восленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Всемиров В. В. К вопросу о методологическом кризисе в исторической науке // Постигая прошлое и настоящее. Саратов, 1997.
- Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18—21 декабря 1962 года. М., 1963.
- Высокое искусство — строителям коммунизма // Вопросы философии. 1959. № 7.
- Вишневский С. С. Формирование духовного облика советского человека. М., 1986.
- Гаджиев К. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 2.
- Гай Д. Конец «дела врачей» // Московские новости. 1988. № 6.
- Галаган А. А. Неоткрытые страницы истории. Саратов, 1989.

- Гатовский Л., Саков М. О принципиальной основе экономических исследований // Коммунист. 1960. № 15.
- Геддис Л. (США), Ржевский О. А. (СССР). Два взгляда на одну проблему // Страницы истории советского общества. М., 1989.
- Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. В 3-х кн. Кн. 2: «Мировая империя». М., 1995.
- Гефтер М. Судьба Хрущева. История неусвоенного урока // Октябрь. 1989. № 1. С. 154—181.
- Гефтер М. «Сталин умер вчера...» // Иного не дано. М., 1988. С. 297—323.
- Гинзбург С. З. О прошлом для будущего. М., 1984.
- Глезерман Г. Е. Соотношение объективных условий и субъективного фактора в строительстве коммунизма. М., 1968.
- Глотов В. И. О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 50 — первой половине 80-х годов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С. 57—73.
- Голиков В., Мурашов С., Чиквишвили И., Шатагин Н. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1968. № 3.
- Голов В., Ересков Е. Шаги в завтра. Краснодар, 1965.
- Гордон Л. А., Клопов. Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. М., 1989.
- Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященного 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Кремлевском Дворце съездов. 2 ноября 1987 года. М., 1987.
- Горбачев М. С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1989.
- Горбачев М. С. Социалистическая идея и революционная перестройка. М., 1989.
- Гордеев К. С. Концепции гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 2.
- Гнедин Е. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Документы и современные комментарии. Нью-Йорк, 1977.
- Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998.
- Громыко А. А. Памятное. М., 1990.
- Грошев И. И., Чеченкина О. И. Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС. М., 1974.
- Гусев Г. Странствия великой мечты. М., 1982.
- Данилов В. Клим Ворошилов: портрет при свете правды // Комсомольская правда. 1989. 12 февраля.
- Данилов А. А. История инакомыслия в России. Советский период. 1917—1991 гг. Уфа, 1995.
- Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XX век. М., 1998.
- Данилов А. А. Реформы «сверху» и стагнация в обществе. 1946—1985 годы // XX век: выбор модели общественного развития. История России. Ч. III. М., 1994. С. 107—160.
- Данилов А. А. Утаенная конституция // Исторический архив. 1997. № 1.
- Демьяненко В. А. От стереотипов к политической культуре. М., 1990.
- Демократия в России: самокритика и перспективы // Общественные науки и современность. 1995. № 2.
- XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы: Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы. 25—28 декабря 1961 года. М., 1962.
- XX век: выбор моделей общественного развития (В. П. Дмитриенко, А. А. Данилов и др.) М., 1994.

- XX съезд КПСС и его исторические реальности / Под общ. ред. В. В. Журавлева. Рук. авт. колл. Н. А. Барсуков. М., 1991.
- Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат / Под общ. ред. В. В. Журавлева, Д. И. Ковальченко, Д. С. Лихачева и др. М., 1993.
- Дискуссия о периодизации истории советского общества // История СССР. 1988. №3. С. 127—142.
- Джилас М. Настоящее и будущее социалистической идеи // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5.
- Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы. Нью-Йорк, 1957.
- Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1991.
- Дзюрасов С. Партийная демократия и бюрократия: к истокам проблемы // Иного не дано. М., 1988. С. 154—191.
- Довженко А. «Пищу, разлученный с народом моим» // Огонек. 1983. № 13.
- Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995.
- Дробижев В. Н. С. Хрушев как политический деятель // Аргументы и факты. 1988. № 12.
- Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990.
- Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., 1990.
- Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. М., 1983.
- Если по совести. Сборник статей. М., 1988.
- Ефимов А. Г., Поздняков П. В. Научные основы партийной пропаганды. М., 1966.
- Жамин В. А. Научно-техническая политика КПСС. М., 1985.
- Жилина Л. Н., Фролова Н. Т. Проблемы потребления и воспитания личности. М., 1963.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1963.
- Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5—6.
- Журавлев В. В. Сталинская модель: взгляд сквозь годы // Кентавр. 1992. № 11—12.
- Жутовский Б. Групповой портрет в казенном интерьере // Литературная газета. 1983. № 27.
- За высокую идейность нашей литературы // Литературная газета. 1954. 17 августа.
- Запасник С. Ложь в политике // Философские науки. 1991. № 8.
- Заработная плата в промышленности СССР и ее совершенствование. М., 1961.
- Заславская Т. Материальное стимулирование — важное условие развития колхозного производства // Политическое самообразование. 1962. № 11.
- Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973.
- Зевелев А. И. Истоки сталинизма. М., 1990.
- Зезина М. Р., Сивахина Т. А. Апогей режима личной власти. «Оттепель». Поворот к неосталинизму. М., 1993.
- Зезина М. Р., Сивахина Т. А. От сталинской диктатуры к «коллективному руководству». М., 1993.
- Зеленин И. Е. Был ли «колхозный неонэп» // Отечественная история. 1994. № 2.
- Зенькович Н. А. Тайны кремлевских смертей. М., 1995.
- Земцов И. Черненко: Советский Союз в канун перестройки. Лондон, 1989.
- Знать прошлое во имя будущего. Беседа с историками О. Волобуевым и С. Кулешовым // Политическое самообразование. 1988. № 15. С. 72—79.

- Зорькин В. Советская правовая доктрина: опыт и уроки // Коммунист. 1989. № 2.
- Зубкова Е. Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1960 годов // Страницы истории советского общества. М., 1989. С. 314—327.
- Зубкова Е. Ю. Общество и реформы (1945—1964). М., 1993.
- Зубкова Е. Ю. Маленков, Хрущев и «оттепель» // Коммунист. 1990. № 13.
- Зюганов Г. Драма власти. Страницы политической автобиографии. М., 1993.
- И. В. Сталин. Правка в макете издания книги «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография». 1947 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 115—129.
- Иванов В. В. Методология исторической науки. М., 1985.
- Ивановский И., Дзенiskeвич А. Суд памяти: об А. А. Жданове // Комсомольская правда. 1988. 12 августа.
- Из опыта идеологической работы партийных организаций. М., 1985.
- Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернистского процесса. М., 1996.
- Иллерицкая Н. В. Историко-партийное творчество Е. М. Ярославского // Вопросы истории КПСС. 1987. № 11.
- Ильин В. В., Панарин А. С. Философия политики. М., 1994.
- Ильин В. В., Ковалев Б. И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Полис. 1992. № 1—2.
- Ильинский И. М. Куда идти России. М., 1996.
- Иного не дано: судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращаясь к будущему / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1988.
- Исаев И. А. История государства и права России. М., 1966.
- И примкнувший к ним Шепилов. Сб. статей. М., 1998.
- Историки спорят. Тринадцать бесед / Под общ. ред. В. С. Лельчука. М., 1988.
- Историографический сборник. Саратов, 1974. Вып. 2.
- Историография истории СССР. Эпоха социализма / Под ред. И. М. Минца. М., 1982.
- История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 4—5.
- История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. Т. 5. Кн. 2. М., 1980.
- История России. Советское общество. 1917—1991 / Под общ. ред. В. В. Журавлева, рук. авт. колл. О. В. Волобуев. М., 1997.
- История СССР. Эпоха социализма. М., 1975.
- Историко-экономический очерк. М., 1963.
- История Отечества. М., 1992.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1980.
- История России. Ч. III. XX век: выбор моделей общественного развития. М., 1994.
- Историки отвечают на вопросы / Под общ. ред. Н. Н. Маслова. М., 1988.
- История без «белых пятен». Дайджест прессы. 1987—1988.
- Историческая наука в условиях перестройки: «круглый стол» // Вопросы истории. 1988. № 3.
- История политических и правовых учений. М., 1988.
- История социальных учений. М., 1990.
- История Отечества. Люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991.
- История Отечества: краткий очерк. М., 1992.
- Каганович Л. М. За большевистское изучение истории партии. М., 1932.
- Каганович Л. М. Памятные записки. М., 1997.
- Калмыков В. Человек и общество: проблемы гуманизации общественной науки // Социально-политические науки. 1991. № 11.
- Каменская Г. В., Родионов А. Н. Политические системы современности. М., 1994.

- Каменская Г. Генезис идей демократии // Социс. 1994. № 4.
- Кантемирова С. М. Творческая молодежь России в 60-е годы: проблемы формирования и развития. Дис. канд. ист. наук. М., 1995.
- Капитализм против человека. Справочник. М., 1963.
- Капитальное строительство в СССР. М., 1961.
- Капица П. Л. Письма о науке. М., 1993.
- Каиров В. И. А. Реформы советской школы — претворение в жизнь идей В. И. Ленина // В. И. Ленин и проблемы народного образования. М., 1966.
- Капустин М. П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 5.
- Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917—1929. М., 1990.
- Киселев В. Сколько моделей социализма было в СССР? // Иного не дано. М., 1988. С. 354—363.
- Касьяненко В. И. Об обновлении исторического сознания // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 3—12.
- Ким М. П. О периодизации процесса строительства социализма в СССР // Коммунист. 1981. № 7.
- Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983.
- Ким М. П. О периодизации истории советского общества. В порядке постановки проблемы // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 115—130.
- Кино. Энциклопедический словарь. М., 1986.
- Кирилина А. Рикошет, или сколько человек было убито выстрелом в Смольном. СПб., 1993.
- Классы, социальные слои и группы. М., 1968.
- Кислицын С. А. Вариант Сырцова (Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 20—30-е годы). Ростов-на-Дону. 1992.
- Кожукало И. П., Шаповал Ю. И. Н. С. Хрушев на Украине // Вопросы истории КПСС. 1983. № 3.
- Кожевников К. Фирма или форма // Литературная газета. 1988. 27 июля.
- Козлов В. А. Историк и перестройка // Вопросы истории КПСС. 1987. № 3.
- Козлов А. И. Сталин: борьба за власть. Ростов-на-Дону, 1991.
- Коллектив и личность. М., 1968.
- Кон И. Социология личности. М., 1967.
- Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. М., 1956.
- Конквест Р. Большой террор. Флоренция, 1974.
- Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М., 1994.
- Коробейников В. Идолы века. М., 1972.
- Косыгин А. Н. К великой цели. М., 1979.
- Косыгин А. Н. Избранные и статьи. М., 1974.
- Ковальченко И. «Исследование истории само должно быть истинно». Заметки о поисках исторической правды // Страницы истории КПСС. М., 1989. С. 169—186.
- Ковальченко И. Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. № 4.
- Костырченко Г. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994.
- Костырченко Г. «Дело врачей» // Родина. 1994. № 7.
- Ковалев С. М. Формирование нового человека. М., 1971.
- Косолапов Р. И. Слово тов. Сталину. М., 1995.
- Косолапов Р. И., Печенев В. А. Идеиная борьба за молодое поколение. М., 1971.
- Коэн Стивен. Бухарин. Политическая биография. Пер. с англ. М., 1988.
- КПСС вне закона?! Конституционный суд в Москве. М., 1992.

- КПСС в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. М., 1967.
- КПСС и современный мировой революционный процесс // Ю. Е. Булатецкий и др. Киев, 1985.
- КПСС и массовые организации. Историография. Л., 1982.
- КПСС в период строительства коммунизма. Л., 1967.
- КПСС во главе культурной революции в СССР. М., 1972.
- «Круглый стол» «Некоторые проблемы развития общества в 70-е годы. Действие механизма торможения». Отдел истории ИМЛ при ЦК КПСС // Вопросы истории КПСС. 1988. № 2.
- Крайности истории и крайности историков. Сб. статей. М., 1997.
- Краснов Б. И. Политические системы // Социально-политический журнал. 1995. № 3.
- Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. М., 1998.
- Крон А. Заметки писателя // Литературная Москва. М., 1956.
- «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3.
- Курицын В. М. Развитие прав и свобод в Советском государстве. М., 1983.
- Кузнецов П. Вопросы историку // Правда. 1988. 25 июля.
- Кутузов В. Несостоявшийся генсек: Ф. Р. Козлов // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 7.
- Лакшин В. Новый мир во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953—64 гг.). М., 1991.
- Лашин О. Перелом // Знамя. 1988. № 6.
- Лацис О. Выйти из квадрата: Заметки экономиста. М., 1983.
- Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1963.
- Леонов К. Правда истории. М., 1991.
- Лепешкин А. И. Советы — власть народа. М., 1967.
- Ленинское учение о диктатуре пролетариата. М., 1970.
- Левада Ю., Шейнис В. 1953—1964: почему тогда не получилось // Московские новости. 1988. № 18.
- Леонова Л. Историзм против стереотипов // Правда. 1983. 13 июля.
- Леонтьев К. Цветущая сложность. М., 1992.
- Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953—64 гг. Пермь, 1993.
- Ли Ван-Чон. Формирование и практика сталинизма: 1920—1930-е годы: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1997.
- Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. М., 1991.
- Лисицына Л. Н. Из истории подготовки экономической реформы 1965 года // История СССР. 1971. № 2.
- Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США. 15—27 сентября 1959 года. М., 1959.
- Логинов А. Кто был во главе партии и правительства после смерти Сталина, с марта по сентябрь 1953 года? // Аргументы и факты. 1988. № 13.
- Людам свойственно ошибаться. Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3—6; 1998. № 3.
- Макаренко В. П. Бюрократия и столица. Ростов-на-Дону, 1989.
- Маленков А. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992.
- Малышев П., Соболев В. О научной основе изучения социальной экономики // Коммунист. 1961. № 8.
- Мальков П. Записки коменданта Московского Кремля. М., 1992.
- Мангейм К. Идеология и утопия / Институт научной информации по общественным наукам. Ч. 1. «Для служебного пользования». М., 1976.
- Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партий-

- ная наука // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5.
- Маневич Е. Некоторые вопросы распределения по труду на современном этапе // Вопросы экономики. 1964. № 6.
- Мартемьян Рютин: на колени не встану. М., 1992.
- Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11.
- Машеров П. М. Избранные речи и статьи. Минск, 1982.
- Меерович О., Мельников В. Нормирование и оплата труда в сельском хозяйстве // Вопросы экономики. 1960. № 6.
- Международное революционное движение рабочего класса. М., 1966.
- Медведев Р. Н. С. Хрушев. Год 1957 — укрепление позиций. Год 1964-й — неожиданное смещение // Страницы истории КПСС. М., 1988. С. 636—650.
- Медведев Р. А. Они окружали Сталина. М., 1990.
- Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990.
- Медведев Р. А. Генсек с Лубянки. М., 1993.
- Медведев Р. А. Они окружали Сталина: судьба сталинского наркома Лазаря Кагановича // Юность. 1989. № 5. С. 68—75.
- Медведев Р. А. Человек из свиты: о М. И. Калининe // Неделя. 1989. № 9. С. 8—9.
- Медведев Р. А. Микоян — политическое долголетие // Аргументы и факты. 1989. № 19. С. 5—6.
- Медведев Р. А., Ермаков Д. Серый кардинал. М., 1992.
- Медведев Р. А. Они окружали Сталина. Об одном московском долгожителе: В. М. Молотов // Юность. 1989. № 3. С. 66—81.
- Медведев Р. А. Суслов и его время // Аргументы и факты. 1989. № 16. С. 5—6.
- Медведев Р. А. Н. С. Хрушев. Политическая биография // Дружба народов. 1989. № 7.
- Медведев Р. А., Медведев Ж. А. Н. С. Хрушев у власти. Колумбийский университет прессы. Колумбия, 1970.
- Медведев В. А. Управление социалистическим производством: проблемы теории и практики. М., 1983.
- Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко. М., 1993.
- Международное революционное движение рабочего класса. М., 1966.
- Мейер А. Советская политическая система. Ее истолкование. С грифом «Рассылается по специальному списку». М., 1966.
- Мельниченко В. Е. Всесторонне подойти к исследованию исторического опыта // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5.
- Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982.
- Механизм торможения: состояние, действия, пути преодоления / Под общ. ред. В. В. Журавлева. М., 1988.
- Микоян А. И. Дорогой борьбы. М., 1971.
- Микоян А. И. Советскому Союзу пятьдесят лет. М., 1972.
- Михайлов Н. Покой нам только снится. М., 1968.
- Микульский К. И., Роговин В. З., Шаталин С. С. Социальная политика КПСС. М., 1987.
- Милюков П. И. Очерки по истории русской культуры. М., 1993.
- Миронов Н. Р. Укрепление законности и правопорядка — программная задача партии. М., 1964.
- Миц И. Оружие не менее острое // Огонек. 1987. № 1.
- Михайлов И. Возможен ли сегодня октябрь 64-го // Московская правда. 1989. 18 августа.
- Миф и быль: о К. Е. Ворошилове. Беседа ученых-историков А. М. Самсонова, Н. Г. Павленко, Ю. А. Геллера // Неделя. 1989. № 9. С. 8—9.
- Мухитдинов М. А. От Сталина до Горбачева. М., 1995.
- Мушинский В. О. Сумерки тоталитаризма // Государство и право. 1992. № 3.

- Наумов В. П. К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 147—168.
- Наумов В. П. Борьба Н. С. Хрущева за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2.
- Наумов В. П. Н. С. Хрушев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 13—35.
- Наумов В. П., Рябов В. В., Филиппов Ю. И. Об историческом пути КПСС: поиск новых подходов. М., 1990.
- На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе/Под общ. ред. В. В. Журавлева. М., 1990.
- Наше Отечество. Опыт политической истории. В 2 т. М., 1991.
- Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму. 1917—1936. М., 1968.
- Небогин О. Б., Сланская М. Д. «... Нельзя оставлять в рядах партии»: о Л. М. Кагановиче // Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 91—102.
- Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. История НКВД — МВД от А. И. Рыкова до Н. А. Щелокова. 1917—1982. М., 1995.
- Ненашев М. Последнее правительство СССР. М., 1993.
- Ниточкина А. Товарищ Берия, вы большой ученый // Паспорт-экспресс. 1997. № 5.
- Новиков В. Н. В годы руководства Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 1—2.
- О деле так называемого Союза марксистов-ленинцев // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 103—115.
- Об агробиологической науке и ложных порядках «Ботанического журнала» // Правда. 1958. 14 декабря.
- С современным миром. По материалам еженедельника «Аргументы и факты». М., 1990.
- О Сталине и сталинщине. Беседа с Д. А. Волкогоновым и Р. А. Медведевым // История СССР. 1983. № 4.
- О Сталине и сталинизме // История СССР. 1983. № 4.
- Обращаясь к опыту истории. Материалы «круглого стола» // Вопросы истории КПСС. 1988. № 5.
- Они не молчали. М., 1991.
- Опенкин Л. А. Две стороны одного процесса // Механизм торможения. М., 1988. С. 66—73.
- Опенкин Л. А. Были ли повороты в развитии советского общества в 50-е и 60-е годы? // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 52—65.
- Опенкин Л. А. Оттепель: как это было. 1953—1965 гг. Политическая история XX века. М., 1991.
- Оников Л. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996.
- Осмыслить культ личности Сталина. М., 1989.
- Основные проблемы упорочия и развития социализма в СССР. Конец 1930 — начало 1960-х годов. Т. 2. К развитому социализму. 1951 — начало 1960-х годов. М., 1984.
- Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998.
- Остряков В. В., Слепоначис А. И. Социально-политические факторы формирования коммунистической сознательности. М., 1967.
- Открывая новые страницы... М., 1989.
- Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1938—1961. М., 1986.
- Очерки истории КП Белоруссии. Минск, 1966.
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966; Т. 5. М., 1985.
- Очерки истории КП Армении. Ереван, 1964.
- Павлов С. На смену придут другие смелее и лучше нас // Комсомольская жизнь. 1988. № 17.

- Павлов Д. «Это еще не социализм...» Две последние встречи с Молотовым // Литературная газета. 1990. № 16.
- Партия и вопросы развития советской литературы и искусства // Коммунист. 1957. № 3.
- Пастернак Б. Доктор Живаго. Роман. М., 1989.
- Пастернак Б. Письма о романе «Доктор Живаго» // Доктор Живаго. М., 1989. С. 699—702.
- Переписка на исторические темы: диалог ведет читатель. М., 1989.
- Первый удар: к истории выступления Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС с докладом «О культе личности и его последствиях»: Беседа с Ю. Аксютиным // Молодой коммунист. 1986. № 4. С. 33—43.
- Перегудов С. Л., Холодковский К. Г. Политическая партия: мировой опыт и тенденции развития // Коммунист. 1991. № 2.
- Петренко М. С. Общественные настроения в Западной Сибири: социально-психологический аспект. Томск. 1996. Автореферат канд. ист. наук.
- Пихоя Р. Г. Советский Союз. История власти. 1945—1991 гг. М., 1998.
- Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация / Российский независимый институт социальных и национальных проблем. Центр политической и экономической истории России. Научный центр «Россиянка» / Рук. авт. колл. С. В. Кулешов, О. В. Волобуев, В. В. Журавлев, В. В. Шелохаев. В 2 т. М., 1996.
- Помним о вас. Страницы истории. М., 1989.
- Попов Г. Два цвета времени // Огонек. 1989. № 2.
- Политическая история Отечества. М., 1992.
- Политические процессы в России: современные тенденции и исторический контекст. М., 1995.
- Поляков Ю. А. Исторический процесс многомерен // Страницы истории КПСС. М., 1989. С. 94—120.
- Полякова Д. П. Поучительные уроки истории // Механизм торможения. М., 1988. С. 266—270.
- Пономарев А. Что было до «оттепели» и кукурузы // Родина. 1994. № 10.
- Попов В. П. Государственный террор в Советской России. 1923—1953 годы // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20—31.
- Попов В. П. Голод и государственная политика (1946—47 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6.
- Попов В. П. Неизвестная инициатива Хрущева // Отечественные архивы. 1993. № 2.
- Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Алфавитный указатель // Исторический архив. 1998. № 4.
- Портрет без ретуши (В. Д. Поликарпов) // Литературная газета. 1989. 16 августа.
- Постига прошлое и настоящее. Саратов, 1997.
- Прибытков В. Аппарат. СПб. 1995.
- «Протесту против безудержного своевластия»: переписка И. П. Павлова с В. М. Молотовым // Страницы истории КПСС. М., 1989. С. 643—651.
- Проблемы изменений социальной структуры советского общества. М., 1968.
- Пыжиков А. В. Коллизии «хрущевской оттепели» (в соавторстве). М., 1997.
- Пыжиков А. В. Опыт модернизации советского общества в 1953—1964 годах: общественно-политический аспект. М., 1998.
- Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР (50—60-е годы). М., 1999.
- Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. М., 1965.
- Ракитский Б. Деформации и периодизация социализма // Общественные науки. 1988. № 3.
- Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991.
- Рахтмир П. Ю. Происхождение фашизма. М., 1981.

- Реабилитирован посмертно. Возвращение к правде. Вып. 1. М., 1988.
- Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992.
- Ромашкин П. С. Развитие функций Советского государства в процессе перехода к коммунизму. М., 1959.
- Ромм М. Четыре встречи с Н. С. Хрущевым // Огонек. 1988. № 28.
- Росляков М. Убийство Кирова. Политические и уголовные преступления в 1930-х годах. М., 1991.
- Русинов Н. В. Аграрная политика КПСС в 50 — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9.
- Рыбаков Е. А. Мир истории. М., 1987.
- Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М., 1992.
- Самсонов А. Знать и помнить // Аргументы и факты. 1987. № 10.
- Самсонов А. М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1988.
- Сахаров А. Н. История Советского Союза под пером консервативных советологов 80-х годов // История СССР. 1988. № 2. С. 185—207.
- Сахаров А. Н. Революционный тоталитаризм в нашей стране // Коммунист. 1991. № 5. С. 60—71.
- Сахаров А. Неизбежность перестройки // Иного не дано. М., 1988. С. 122—134.
- Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970 годы. М., 1973.
- Семичастный В. Незабываемое // Комсомольская жизнь. 1988. № 7.
- Семенов Ю. «Это не вымысел, товарищ Хрущев...» // Нева, 1988. № 6.
- Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988.
- Симонов К. Он оказался принципиальнее и энергичнее, чем все остальные // Знамя. 1988. № 4.
- Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1971.
- Советская демократия: очерк становления и развития. М., 1983.
- Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. Т. 1—2. М., 1997.
- Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М., 1991.
- Соловьев В., Клепикова Е. Борис Ельцин. Политические метаморфозы. М., 1992.
- Механизм торможения: истоки, действия, пути преодоления / Под общ. ред. В. В. Журавлева. М., 1988.
- Спирин Л. М., Берхин И. Е. К вопросу о периодизации истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1987. № 3. С. 80—99.
- Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1953.
- Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
- Сталин И. В. Письмо в редакцию «Пролетарской революции» // Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 3—12.
- Стреляный А. Субъективные заметки о Никите Хрущеве // Московские новости. 1988. № 42.
- Страницы истории КПСС. Факты, проблемы, уроки / Под ред. В. И. Купцова. М., 1989.
- Страницы истории КПСС. Факты, проблемы, уроки. М., 1988.
- Страницы истории. Дайджест прессы. 1988. Л. ,1989.
- Страницы истории. Дайджест прессы. 1989. Л. ,1990.
- Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989.
- Суздальская Т. К. Общественные фонды потребления в системе экономических отношений социализма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1969.
- Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989.

- Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1997.
- Сатуров К. Партия и искусство. М., 1976.
- Твардовский А. Из рабочих тетрадей. 1953—1960 // Знамя. 1989. № 8.
- Такер Р. Сталин. путь к власти. М., 1990.
- «Тамиздат» от осуждения к диалогу. Саратов, 1990.
- Таранов Е. В. Первая дама Москвы: штрихи к портрету Е. А. Фурцевой // Кентавр. 1992. № 11—12.
- Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин, 1932. Репринт. М., 1990.
- Трояновский О. А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997.
- Урок дает история. М., 1989.
- Уроки горькие, но необходимые. М., 1968.
- Федоров Г. Так нам оценивать Хрущева? // Московские новости. 1988. № 31.
- Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
- Фарберов Н. П. Конституционные основы организации советского общенародного государства. М., 1982.
- Хайченко Г. Партийность и правдивость искусства // Реализм и художественные искания XX века. М., 1969.
- Хлевнюк О. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.
- Хлевнюк О. В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. М., 1996.
- Ходжа Э. Хрущевцы // Родина. 1990. № 12.
- Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994.
- Хренников Т. Исправление ошибок // Советская культура. 1988. 21 мая.
- Хрушев Н. С. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. М., 1957.
- Хрушев Н. С. К новым успехам литературы и искусства. М., 1961.
- Хрушев Н. С. Воспоминания. М., 1997.
- Хрушев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963.
- Хрушев Н. С. Воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества. Речь на XIII съезде ВЛКСМ. 18 апреля 1958 года. М., 1958.
- Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992.
- Чесноков Д. И. Роль социалистического государства в строительстве коммунизма. М., 1959.
- Чуковский К. Дневник (1938—1969). М., 1994.
- Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11—12.
- Шагинян М. Человек и время // Новый мир. 1978. № 11.
- Шепилов Д. Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3—11.
- Шкаровский М. В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943—1964 гг. От перемирия к новой волне. СПб. 1995.
- Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.
- Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Огонек. 1987. № 22.
- Ямпольская Ц. А. Общественные организации в СССР. М., 1973.
- Яковенко И. Сталинизм: границы явления // Свободная мысль. 1993. № 3.
- Яковлев А. Против антиисторизма // Литературная газета. 1972. 15 октября.
- Яковлев А. Социализм: от мечты к реальности // Коммунист. 1990. № 4.
- Яковлев А. Н. Сумерки и надежды // Демократический выбор. 1997. № 24. 11 июня.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел 1	
СОВЕТСКОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРЕДПОСЫЛКИ ХРУЩЕВ- СКИХ РЕФОРМ	15
Раздел 2	
КАК СМЕЩАЛИ СТАЛИНА	41
Раздел 3	
ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КПСС И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ	86
Раздел 4	
ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА МОДЕЛИ «ОБЩЕНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА»	115
Раздел 5	
АМПЛИТУДА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	152
Раздел 6	
НОВОЕ «РОЖДЕНИЕ» НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ПОСТСТАЛИН- СКОМ СССР	177
Раздел 7	
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛО- ВИЯХ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	216
Раздел 8	
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ	259
Раздел 9	
ПРОЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЧАЛА 60-Х ГОДОВ	290
Заключение	315
Приложения	325
Примечания	459
Список использованной литературы	494

Александр Владимирович Пыжиков

ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

Редактор *О. Зеленова*

Младший редактор *Э. Артемьева*

Художественный редактор *И. Суслов*

Технический редактор *Н. Стерина*

Компьютерная верстка *И. Слепцова*

Корректор *В. Рубин*

Лицензия ИД № 05480 от 30.07.01

Подписано в печать 20.03.02.

Формат 60×90/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 32,0. Тираж 5000 экз. Изд. № 01-4069-А.

Заказ № 4017.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

Александр
Пыжиков

ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

ISBN 5-224-03356-X

9 785224 033560 >

Ни одно цивилизованное общество не может сохраняться, развиваться без модернизации своей общественно-политической системы.

«Оттепель»... Именно так характеризуется этап развития нашей страны, связанный с именем Н. С. Хрущева. Это время всегда привлекало внимание специалистов-историков. Оценка данного периода отечественной истории сегодня во многом базируется на трудах исследователей и публицистов конца 80 – начала 90-х годов XX века. Насколько соответствуют взгляды этих лет объективным процессам, происходившим в первое послесталинское десятилетие? Правильно ли мы понимаем значение и место хрущевских реформ в нашей истории? В данной книге представлена попытка ответить на эти вопросы.

ОЛМА ПРЕСС

АРХИВ

Александр
Пыжиков
ХРУЩЕВСКАЯ
«ОТТЕПЕЛЬ»

